

Продвигаясь по этим лабиринтам, никогда
не знаешь, преследуешь ли ты какую-нибудь цель
или бежишь от себя, охотник ты или дичь.

*Иосиф Бродский.
«Набережная неисцелимых»*

Большое спасибо за поддержку в работе над изданием благотворительному фонду «Достоинство», а также моим друзьям и консультантам Жаки Бадону, Наталье Василевской, Татьяне Воронкиной, Петру Гайдукову, Френсису Грину, Дмитрию Дервенёву, Александру Дынкину, Наталье Захаровской, Виталию Коновалову, Сергею Кривенко, Анастасии Куратовой, Виктору Листову, Дмитрию Муратову, Ирине Осиповой, Ларисе Петровской, Ольге Полевой, Марии Рыбалка, Антонине Сошиной, Татьяне Фокиной, Анатолию Чубайсу, Наталье Шиллер.

Выражаю признательность за предоставленные иллюстративные материалы Юрию Гендлину, Игорю Калядину, Ирине Кызласовой, Сергею Лабишевскому, Марии Олбак, Олегу Продану, Владимиру Суворову, Александру Черенкову, Алексею Штерну, Сергею Яковлеву, а также Архангельскому областному краеведческому музею, Государственному музею истории ГУЛАГа (Москва), Государственному музейному объединению «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск), Дому-музею М. М. Пришвина (Дунино), Музею-квартире А. М. Горького (Нижний Новгород), отделу рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Федеральному государственному бюджетному учреждению культуры «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник».

ЮРИЙ БРОДСКИЙ

СОЛОВКИ

ЛАБИРИНТ ПРЕОБРАЖЕНИЙ

НОВАЯ
газета

Москва
2017

УДК 94(470.116)
ББК 63.3(2Рос-4Арх)
Б88

Б88 Бродский Ю. А.

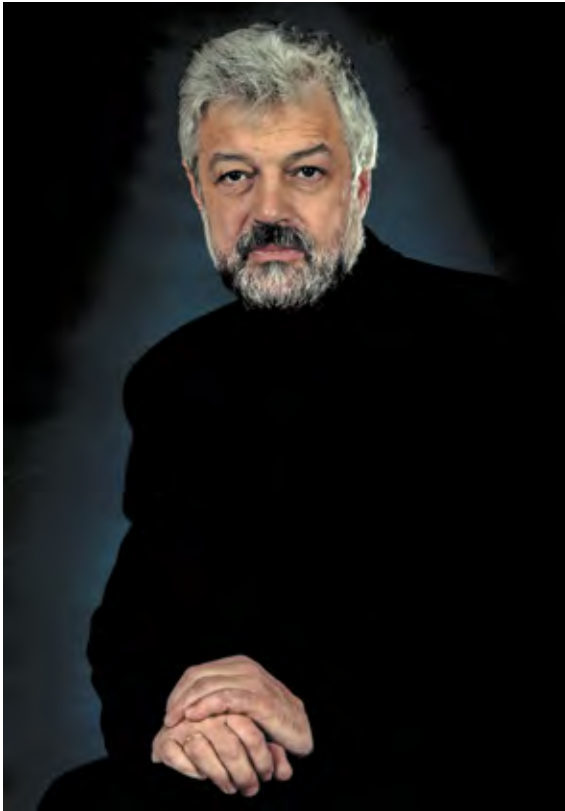
Соловки. Лабиринт преобразений. — М.: Новая газета, 2017. — 448 с.: ил.
ISBN 978-5-91147-027-2

Историко-публицистическое исследование Юрия Бродского «Соловки. Лабиринт преобразений» исследует феномен Соловков — архипелага гордости и трагедии Российской державы. Упоминания об островах, где милые сердцу ландшафты неотделимы от сотен безымянных могил на них, занимают в анналах истории государства непропорционально много места в сравнении с мизерной площадью островов на карте страны. Соловки концентрируют на клочке суши не только природу различных климатических зон, но и социальные процессы, которые могут менять ход жизни на Большой земле. Старая присказка «Сегодня в Соловках, завтра — в России» не теряет актуальности и в XXI столетии.

УДК 94(470.116)
ББК 63.3(2Рос-4Арх)

ISBN 978-5-91147-027-2

© Бродский Ю. А., текст, основная фотосъёмка, 2016
© Новосельцева И. А., дизайн, вёрстка, 2016
© Ерофеев В. В., предисловие, 2016

ЮРИЙ АРКАДЬЕВИЧ БРОДСКИЙ

Родился в 1946 году. Фотограф, писатель. Эксперт Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачёва, исследователь истории Соловков, чередующий с 1970 года жизнь на острове с пребыванием на материке.

Автор публикаций в журналах и сборниках России, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии, Польши, США, Японии. Идеолог и создатель изобразительного ряда первой в СССР «лагерной» экспозиции в Соловецком музее-заповеднике в 1989–2009 годах.

Книга Юрия Бродского «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения» впервые была опубликована на итальянском языке издательством La Casa di Matrigona в Милане в 1998 году, а в 2002 году — издательством РОССПЭН на русском языке.

Фототека Юрия Бродского включает в себя свыше пяти с половиной тысяч негативов и слайдов по соловецкой тематике, он является автором фотовыставок об истории Соловецких лагерей, в том числе: «Соловецкий концлагерь в монастыре» — Римини, Милан, 1998, 2003; «Соловецкие парадоксы» — Варшава, 1998; «Новый человек» — Дрезден, 1999; «Земля сияний» — Отранто (Италия) и Рига, 2004; «Лабиринт преображений» — Лондон, 2016.

Ю. А. Бродский — научный консультант полутора десятков документальных и публицистических фильмов, в том числе «Власть Соловецкая» («Мосфильм», 1988), «Академия убийств» (TV-I, Польша, 1995), «Сталин и Гитлер. Патология власти» (TV-IV, Англия, 1999), «След Красного СЛОНа» (НТВ, 1999), «Белый квадрат на белом фоне» (La Sept ARTE, Франция, 2000), «Перед закрытой дверью» (ТВ «Культура», 2001), «Северный Крест» (ARD, Германия, 2007), «Соловки. Преображение» (ТВ Спас, 2015–2016).

Журнальный вариант историко-публицистического исследования «Соловки. Лабиринт преображений» впервые был опубликован в альманахе Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачёва «Культура и общество», выпуски 1–3, 2005–2006.

Предисловие

Лучше не напишешь

Этот многогранный, скрупулёзный труд создан по законам любви и красоты.

Северная капля России под названием Соловки здесь рассмотрена под микроскопом с ощущением значимости как самой капли, так и всей России.

Книга написана для всех нас, но она может читаться и как глубоко обдуманное письмо будущим поколениям с ненавязчивой просьбой избегать повторения болезненных ошибок и предложением рассмотреть идею не только уникальности самих Соловков, но и саму идею уникальности.

Я хочу особо подчеркнуть тему любви, разлитую по всей книге.

Эта любовь основана на прожитой жизни автора и его полноценном контакте с Соловками, летом и зимой, в шторм и вьюгу.

Эта любовь собрана воедино из целого букета чувств и переживаний, наблюдений и рефлексий.

Это любовь к природе Соловков. Любовь к морошке, мухоморам, берёзам, серому морю с крутыми волнами из пушкинской сказки, к нежным, как женские губы, закатам. Всматриваясь в детали соловецкого климата, в сезонные переселения соловецких птиц, в разбор полётов шмелей и причины отсутствия пчёл на Соловках (слишком сильные здесь для пчёл ветра), размышляя о многоступенчатом разуме местных туполобых китов-белух, автор подготавливает почву доверия к себе по всей исторической части книги.

Это любовь к лабиринтам. О, эти великие каменные соловецкие лабиринты! Глубокая погружённость исследователя в описание и смысл соловецких лабиринтов, целомудренное подсматривание за тайнами лабиринтов, сравнение местных лабиринтов с религиозными посланиями и знаками разных культур.

Это любовь к тем стародавним племенам рыбаков и морепроходцев, которые обуздали северные широты. Это любовь к Северу как нерасчленимому понятию испытания человека.

Это любовь к философии. Редкое качество современного автора. Задуматься о природе и необходимости существования. Подойти к этой загадке с разных сторон. Вдуматься в дарвиновские послы и религиозные мифы. Увидеть развитие православной идеи как борьбу разнонаправленных сил светской власти, подвига и беспомощности.

Это любовь к поливалентности России. Любовь к Новгородской республике, во время которой зародилась монашеская жизнь на Соловках. Любовь к новгородской купеческой инициативе, добывавшей для своей земли не только материальные богатства, но и знания, и достижения культуры, невзирая на религиозные барьеры. Любовь к разумности компромиссов. Три возможных пути России прослежены и оценены в этой книге. Здесь и скандинавско-варяжский путь Новгорода; и латинский, при сохранении православия, путь Русской Литвы; наконец, всех победивший выпускник суровой школы татаро-монгольского нашествия и покровительства ханов — Московское царство с самодержавным корнем с самого начала и по самое не балуйся.

Я люблю в книге Юрия Бродского спокойствие автора, который готов поспорить по главным и второстепенным вопросам, связанным с Соловками. Это спокойное сознание много пережившего и много переборовшего в себе учёного с признаками мудрости и уважения к чужому горю.

В книге есть поразительная любовь к русской мысли как национальной идее познания смысла жизни и преклонения перед этой тайной. В книге задействованы мысли, цитаты, биографии мыслителей, оказавшихся на Соловках по самым разным причинам, зачастую не по своей воле.

Одной из самых сильных сторон книги я назову любовь автора к свободе, той ответственной за свои поступки свободе, которая составляет ценнейший проект великой цивилизации. Эта любовь порождает сопротивление политике гнёта и ломки костей. Могучая соловецкая тема тюрьмы, каторги, пытки также вплетается в тему смысла человеческой природы, воли к власти, насилию, унижению и убийству «другого», «чужого» или «своего», в один миг оказавшегося «чужим». Неверие в стереотипы, гуманистические лозунги, прикрывающие лицемерие, предательство и тотальное разрушение человека, — это существенная часть матрицы соловецкого исследования.

Я был на Соловках летом 2015 года и имел счастье почувствовать всё интеллектуальное и человеческое обаяние автора книги, который согласился быть моим гидом.

Мы много говорили о судьбе Соловков, о дурной реставрации памятников архитектуры Соловецкого кремля, где упоение властью порождает лубочную аляповатость, вступающую в противоречие с историческим чувством. Юрий показывал и рассказывал, где и кем нарочно или невольно были стёрты следы безмерного преступления под названием «ГУЛАГ». Он говорил о жертвах и палачах, убитых вслед за жертвами, о женских костях, вылезавших из песка, о крысах, голоде, расстрелах по фамилиям или просто по списку.

Мы рассуждали о дерзких побегах заключённых, о смирении и бунтах монастырской братии против своего священноначалия. Мы заходили в гости к старожилам острова, пытались понять интересы современных иноков. Кто-то нас хотел видеть, кто-то — не очень. Какие времена — такое и гостеприимство.

Но Юрий твёрдо верит в то, что исследование Соловков — это патриотический акт любви, и он убедил меня в этом.

Я сидел с его гостями и кошкой на кухне в скромной соловецкой квартирке с перекошенными дверными косяками, где мы закусывали селёдкой, выловленной утром в море добрым соседом. За окном, на коньке крыши, чем-то возмущалась горластая чайка, корова мычала, как ей и положено, лаяли собаки. Вспоминая эти картинки быта, я теперь, после прочтения рукописи Юрия Аркадьевича, понимаю, что сидел за столом с человеком, который создал праведный труд, свершил подвиг подвижника.

Красота книги Бродского — это не только подвиг. Это простые и вместе с тем невероятно сложные вещи. Это иллюстрации, замечательный макет, работа над которым продолжалась шесть лет, подбор цитат. Однако главное — талант автора.

Это книга учёного, написанная писателем.

Это книга писателя, написанная учёным.

«Умри, Денис, лучше не напишешь!» — эта цитата здесь кстати.

Я, конечно, желаю автору многих лет жизни, победы над всеми теми, кто сегодня в идее Соловков видит лишь казарменную державность и религиозную демагогию.

Русская мысль продолжает независимо искать смыслы жизни.

Я всегда знал, что источник
этой привязанности где-то в другом
месте, вне рамок географии,
вне генетического склада,
где-то в гипоталамусе, где хранятся
воспоминания наших хордовых предков
об их родной стихии — например,
воспоминания той самой рыбы,
с которой началась наша цивилизация.

*Иосиф Бродский.
«Набережная неисцелимых»*

Эпиталама островам

Человека притягивают пограничные состояния природы. Нас завораживают восходы и закаты, приливы и отливы, ледоходы и ледоставы, затмения небесных светил, полукружия радуги в зонах прорыва солнечных лучей сквозь завесу дождя. К этому ряду нерукотворных явлений при переходе одного качества в другое можно отнести и острова — ещё не материк, но уже не море. До поры до времени острова скрыты, растворены в труднодоступном пространстве, изредка проявляя себя едва различимой дымкой на горизонте у мнимой границы небес и вод.

«В путешествии по воде, даже на короткие расстояния, есть что-то первобытное», — сказал поэт. Он, видимо, ощущал стремление на острова как атавизм, подсознательные сигналы памяти, записанные в геном во времена, когда из хаотического сочетания молекул аминокислот в океане возникла живая клетка. Мы — результат эволюции древнейших существ, вышедших на сушу из вод: наша плоть это на две трети влага, состав крови человека сродни морской воде. Люди не из одних практических и эстетических соображений предпочитают строить свои жилища у воды — они неосознанно ощущают воду пародиной.

Земли, омываемые водою со всех сторон, часто окружены ореолом легенд и сказаний. В разных частях света упоминания о существовании полумифических цивилизаций не раз были связаны именно с островами.

Культурная традиция средиземноморской цивилизации рассматривает понятие «остров» не только как сушу, расположенную среди вод, но и как потусторонний мир в самом широком смысле этого слова, место, где географические реалии граничат с мифами. В древнегреческом эпосе сопредельные сказочные миры — это, как правило, острова. Среди моря лежат земли воительниц-амазонок и поднимаются скалы негостеприимного острова циклопов. Нимфа Калипсо владеет островом Огигия, а семья Одиссея — Итакой. На острове обитает волшебница Цирцея, чары которой превратили спутников Одиссея в животных. По волнам океана носится плавучий остров Эола.

Сказания народов Северной Европы гласят, что далеко за пределами поселений кельтов находится Авалон — остров феи Морганы, а валлийский бард VI века Галиесин сохранил для потомков память о походе короля Артура в Иной Мир — Аннуван, путь к которому открывается на Острове Дверей.

Если предположить, что водная преграда оберегает врата из царства мертвых, то остров, как свидетельствуют жития соловецких преподобных, изначально есть средоточие нечистых сил и призраков

На островах легенды сплетаются с действительностью. На реально существующем острове Мэн возвышается Кольцо друидов — шесть пар каменных дольменов — привет из мира, исчезнувшего пять тысяч лет назад. Следы цивилизаций, некогда существовавших на землях среди вод, будоражат воображение странников, давая почву для сказок, домыслов и фантазий.

За морем, в заморском мире, всё значимо и многое неоднозначно. Если воспринимать остров как твердь над водами, способными, по религиозным верованиям, смывать грехи, то земля архипелага чиста, как никакая иная.

Но может быть, непорочные воды изолируют от материка сушу — сухой остаток, застывший концентрат магмы из пахнущего серой пекла планеты? Тогда притяжение земли, находящейся посреди моря, есть сладость запретного плода, где «призраки смущают соблазнами праведные души». Не зря же исконно русские любовные чародейские заговоры, не вытесненные православием, включают в себя обращение за помощью к силам, гнездящимся на колдовском острове Буяне.

В древних мифах многих народов загробные миры — ад, рай, острова блаженных — отрезаны от мира живых водной преградой.

Благодаря «Сказке о царе Салтане» мы знаем с детских лет, что «чудный остров навесить» — означает не только лицезреть чудеса, но и получить ответ на многие вопросы.

Дорога на остров — путь по водам. Омывание водой — есть внешняя составляющая многих древних ритуалов, в ряду которых наиболее известен обряд крещения. «Крещение не есть очищение характера человека, но очищение того, что произрастает из его характера», — толковал суть ритуала погружения в воды святитель Григорий Богослов на заре христианства. Окружённый водами остров не очищает в одночасье нрав населения, но способствует проявлению особенностей природы, её достоинств и недостатков.

Воззрения островитян зачастую оригинальны настолько, что можно говорить о феномене островного сознания. Борясь за выживание в условиях, где поступки каждого отражаются на жизни всех, население островов самой природой нацелены на самопознание. Вдали от всего мира, ограниченные в передвижении береговой линией, островитяне вынуждены сосредоточиться на пристальном изучении своих владений и ресурсов.

Естественная изоляция на замкнутой водами территории если и дарит иллюзию защищённости, то сужает возможность выбора, диктует ограничение потребностей. Андрей Битов, уроженец Санкт-Петербургского Аптекарского острова, полушутливо-полусерьёзно одарил общество текстом о том, что «остров» и «острог» — слова однокоренные.

Павел Флоренский, занесённый на свой последний остров смерчем репрессий, пришёл к выводу, что есть имена, обладающие мистической силой. *Подобно воронке водоворота они могут возбуждать вихревые движения в обществе, как только этому обществу приходится иметь дело с такими именами.*

Если рассматривать слово «остров» как обозначение некой субстанции, возникшей из вод, смывающих грехи, то остров — это сокровище, влекущее людей своей абсолютной чистотой

Слово «Соловки» принадлежит к необычному ряду имён, способных будоражить сознание людей независимо от языка, на котором они звучат. На языке сарматов, пришедших в Восточную Европу в VII веке до н.э., «сол» означало «изгнание». Для Бориса Стругацкого название «Соловец» — это и символ былинного Русского Севера, и земли изгоев.

Норманны, по сообщению Дмитрия Лихачёва, полагали, что ход в обитель душ умерших скрыт за завесой туманов Белого моря на некоем Шемаханском острове

Если предположить, что топоним «Соловки» имеет позднюю угро-финскую основу, трансформированную новгородцами, то *souli* на северо-саамском диалекте — остров, а *suola* на финском — соль. П. В. Флоренский, попав в Соловки, пишет с острова, что он связывает наименование архипелага с понятием «соль».

Новгородцы промышляли соль из вод Белого моря по крайней мере за триста лет до возникновения на Соловецком острове монастыря, братия которого впоследствии безбедно жила, торгуя именно солью.

Без соли — всё пресно. Соль проявляет вкус еды и предохраняет продукты от порчи. Дороговизна соли оборачивалась на Руси соляными бунтами. «Бросить солёное слово» — обидеть. Оказаться в положении «несолоно хлебавши» — унижительно. «Съесть вместе пуд соли» — узнать человека. «Хлеб да соль» — доброе приветствие. «Соль земли» — в евангельском контексте синоним коренной сущности. Пётр Вайль, автор «Карты родины», покидая Соловки, оставил мне записку о том, что имя нашего острова в Белом море ассоциируется в его сознании не с латинским *solo* — безлюдный, а с латинизмом *salvatio* — спасение.

Сторонник отыскания следов мифической Гипербореи в Русской Арктике В. Н. Дёмин узрел в названии Соловецкого архипелага присутствие исконно русского корня «кол», почти «сол», пришедшего из гиперборейской старины. Он объяснил слово «Сол-овки» как «Солнцем овеянные», считая острова капищем поклонения солярному или солнечному культу. Кстати *sol* — это действительно солнце, но не на русском, а на исконно норвежском, где Соль — богиня Солнца. А некий Григорий Пантелеев (монах Герасим) в середине XIX века записал в своём дневнике версию о «лошадиной фамилии» Соловков. Якобы название острову дали монахи: «У угодников божьих был конь соловый, возили они на нём камень и созидали ограду». Соловый — значит тускнеющий, мутный, серый. Каждому — по вере его.

Архангелогородский доцент кафедры религиоведения Василий Матонин уловил в звучии «Со-ловки» коллективистское начало — «острова совместного лова, ничьи в отдельности, но для всех святы». Такие этимологические догадки пусть и не объясняют смысла, зашифрованного в названии архипелага, но отражают мировоззрение создателей концепций о происхождении слова «Соловки».

Словосочетание *аттическая соль* означает тонкое изысканное остроумие, и Древний Рим одарил мир идиомой «*cum grano salis*» — «со щепоткой соли». Фраза есть ключ к пониманию некоторых текстов, в том числе и этой книги: не буквально, а применительно к обстоятельствам, с долей иронии, остроумно. Остроумно, остро, остров...

Название острова живет в стихах Бунина, в «Борисе Годунове» Пушкина, в «Трёх старцах» Льва Толстого, в финале романа «Накануне» Тургенева, в «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина, в «Очарованном страннике» Лескова. Стругацкие в «Сказке о Тройке», Николай Рерих в «Сердце Азии», автор «Тихого Дона», Шаламов в «Вишере», Булгаков в «Мастере и Маргарите», Водолазкин в «Авиаторе» так или иначе поминают имя архипелага. Эти инженеры человеческих душ не пили воду из соловецких озёр, но ощущали остров как бы точкой акупунктуры. Укол словом — само название архипелага — способно привлечь внимание и поляризовать сознание.

*Хранят молчание до поры до времени
камни — свидетели прошедших времён*

Эпиталама островам

Упоминания островов на страницах летописей государства Российского занимают непропорционально много места по сравнению с мизерной долей площади земель Соловецкого архипелага на карте страны.

*Но когда последней дрожью
Содрогнётся шар земной,
Вопль камней к престолу божью
Пронесётся в тьме ночной.*

*Михаил Фроловский,
соловецкий узник, 1925 год*

Важные перемены в истории державы тесно связаны с конкретными явлениями, происшедшими на Соловецких островах: вытеснение церковников из сфер управления страной Иваном Грозным, *ибо не может не разориться государство, попами управляемое*; попытка соловецкого постриженника патриарха Никона обрести власть выше светской; ужасы раскола; *Осударева дорога* Петра Алексеевича к основанию Санкт-Петербурга и аннулирование им патриархата. Соловецкие отражения событий Русско-японской войны явились микромоделами Февральской и Октябрьской революций 1917 года: *капитуляция Порт-Артура стала прологом к капитуляции царизма*. Массовый террор под флагом перековки, ослабление режима и сокращение армии во времена хрущёвской оттепели, первые шаги *перестройки*, падение советского *железного занавеса*, превращение при Путине Московского патриархата в крупнейшего в стране обладателя собственности...

Скрижали истории Соловецкого архипелага дают уйму примеров, как некое начинание изменяет свою суть в процессе осуществления. Средоточие языческих святилищ обернулось на Соловецких островах оплотом совсем другой религии. Монастырь, что в переводе с греческого означает «уединённое место жительства», парадоксальным образом превратился в место притяжения толп, жаждущих чудес. Земля добровольного ухода от мира стала зоной принудительной изоляции, а темница, построенная для содержания преступников, преобразилась в острог для безвинных людей.

*Значение идиомы «соловецкий камень»
не равно понятию «камень с Соловков»*

Исконное название Соловецкой обители в XV веке — Дом святого Николы. На побережье Белого моря храмы особо почитаемому на Руси святому Николаю Чудотворцу стояли повсюду. Эта традиция нашла отражение в народной поговорке: «От Холмогор до Колы тридцать три Николы». Никола — Николай Мирликийский (день памяти 9 мая по ст. ст.) — почитается православными христианами в различных ипостасях, в том числе он слывёт обличителем несправедливых судей и заступником осуждённых. Продажные судьи и бесчестные прокуроры, обрекавшие людей на страдания в Соловках, не избежали притяжения Дома святого Николы. Сплошь и рядом они не во сне, а наяву оказывались в арестантской одежде на острове, в тех же тюремных казематах, куда ещё недавно сами отправляли неповинных.

И вот очередной парадокс. Засекреченные под номерами имена узников соловецких тюрем оказались накрепко вписанными в историю страны вопреки стараниям высокопоставленных душителей инакомыслия. Терновый венец мученичества не раз оборачивался для жертв соловецкой трагедии нимбом светлой памяти. Эта история похожа на круговорот спирального лабиринта с мистическим повторением ситуаций и имён. Некий С. Магницкий в 1763 году замучен тюремщиками в Соловках за происходящие от него беспокойства, а глава ЮКОСа М.Б. Ходорковский 250 лет спустя оказался за колючей проволокой в бывшей Сегежской лесогаготовительной командировке Соловецких лагерей, пришедших на смену тюрьмам Соловецкого монастыря. Будут ли на этот раз прочитаны на материке сигналы, посылаемые с острова, не после, а до начала событий, сотрясающих шестую часть земли?

Название острова, как правило, всплывало и всплывает в связи с изменениями политики власти, причём островные реалии нередко опережают начало процессов, происходящих через некоторое время на материке.

*Сегодня в Соловках —
завтра в России,
гласит присказка об одном
из чудес архипелага.*

Опыт Соловков бесценен. Соловки не просто вплетены в историю России — они её квинт-эссенция. Но любые попытки сугубо одностороннего толкования соловецких уроков в угоду интересам политических или религиозных объединений вряд ли способны приблизить к объяснению феномена архипелага. Взгляд на мир через фильтр групповых пристрастий чреват утерей многообразия палитры красок.

Великий, могучий Советский Союз оказался колоссом на глиняных ногах во многом потому, что руководители державы утратили способность к обновлению в изменяющемся мире. Стена самоизоляции не пропускала в СССР критические голоса из-за кордона, а собственные граждане, пытавшиеся говорить о пороках системы, объявлялись врагами. Вожди соцлагеря, считавшие непогрешимым проект построения коммунизма в отдельно взятой стране, как чёрт ладана боялись любого инакомыслия. Марксизм в его русском варианте из теоретического учения преобразился в религию с ритуалами демонстрации лояльности верховным правителям, а история была лишь политикой, опрокинутой в прошлое.

*Название Соловецкого архипелага,
подобно колокольному набату, громко
звучало на просторах России в канун
многих трагических перемен*

Утопические лозунги и всенародные почины должны были служить сплочению масс вокруг единственно правильной концепции. Идеологическая доктрина критике не подлежала, она была подобна кирпичной стене. Не дай бог кому-нибудь изъять хоть один камешек — начнут высыпаться соседние элементы. В Советской России за надёжностью стены надзирали, сменяя друг друга, ВЧК — НКВД — КГБ. У слепой веры — злые глаза. Шаг влево, шаг вправо рассматривался как попытка к побегу — конвой стрелял без предупреждения.

Стены, сложенные вокруг границ Советского Союза для защиты от проникновения идей, чуждых большевистской догме, превратили страну в застенки. Пропаганда Страны Советов растиражировала образ идеального сталиниста — человека, закалённого как сталь. «Гвозди б делать из этих людей, крепче б не было в мире гвоздей!» — зубрили за партами школьники, прославляя железных солдат партии, объявленных честью и совестью эпохи.

Увы, зомбированные под сталь люди-винтики и люди-гвоздики с пламенными моторами вместо человеческих сердец не были способны к состраданию и не ощущали металлические кандалы как инородное тело.

Скрижали истории Соловков хранят зачастую память о тех, кто страдал не за преступления, а за инакомыслие

Советский народ не дождался коммунистического рая, где от каждого — по способностям и каждому — по потребностям. При падении мировых цен на нефть над Россией нависла тень очередного голодомора, и век *Верхней Волги с ядерной дубинкой* закончился, к счастью, не взрывом, а взвизгом. Хотя рецидивы большевизма не исчезнут без очищения общественного сознания путём осуждения преступлений прошлого, как было в Германии после Второй мировой войны.

«Принять своё прошлое таким, какое оно есть, — в этом зрелость гражданской позиции», — высказал в «Фейсбуке» одно из своих благих намерений Президент России Дмитрий Медведев по случаю Дня памяти жертв политических репрессий. В такие дни — ежегодно 30 октября — у Соловецкого камня в столице России с утра до ночи равнодушные люди, сменяя друг друга, читают вслух имена репрессированных сограждан, и их не меньше, чем убитых во время Великой Отечественной.

Ирреальный ореол Соловецкого острова имеет координаты ареала одноименного архипелага, где конверт с незатейливым адресом «Остров Соловки. Хозяйке рыжей собаки» способен найти получателя.

Гарант Конституции был прав, осуждая преступления Иосифа Сталина и других руководителей советского государства, подчёркивая, что «это должно остаться в анналах нашей истории, чтобы никогда не повторилось». Но добраться до истоков можно, лишь двигаясь против течения, ломая стереотипы сознания, и значимость Соловков как ключа к постижению прошлого Российской державы трудно переоценить. Остров — по О.Э. Мандельштаму, «язык пространства, сжатого до точки», — выказывает самую суть человеческих деяний на землях, простирающихся далеко за пределами архипелага.

«То, что делается во всей России, на Соловках проявляется наиболее резко», — засвидетельствовал в походном дневнике на полях Евангелия офицер Юрий Бессонов, командир отряда героев, которые с оружием в руках весной 1926 года первыми вырвались на свободу из Соловецких лагерей Особого Назначения. Из Советской России.

Найти путь среди вод и избежать крушения на отмелях мореходам помогает различимая издали Секирная гора. Маяк на Секирной горе, согласно лоции, является самым высоким на Белом море, но навигационная роль Соловков не ограничивается наличием маяка.

Ориентиры нужны не только судам, преодолевающим водные просторы, но и людям, ищущим свою дорогу в морях житейских. Особенность Соловецкого острова состоит в том, что он способен сам по себе быть путеводной звездой для тех, кто отправляется в дорогу в поиске знания или стремясь обрести веру. Остров поможет самоопределиться тому, кто настроится на его позывные.

Отдавая дань удивительным свойствам Соловецкого архипелага, северяне два столетия назад сложили звонкую присказку: «Соловки — жемчужина Беломорья», выродившуюся впоследствии в банальный рекламный слоган.

Но соловецкая твердь в Архангельском крае алмазных месторождений и полярных сияний подобна скорее не жемчугу, а бриллианту. И вовсе не потому, что алмаз — самый твердый самородный минерал условной геологической пирамиды, что ценится дороже жемчуга да еще, в отличие от него, практически вечен... Огранённый рукой мастера, драгоценный камень не только радует взор своим совершенством, но и, преломляя лучи, делает видимыми семь цветов спектра, обычно скрытые от человеческого зрения. Бриллиант даёт возможность ощутить структуру и сложность окружающего нас белого света.

В будущем доктора не станут посылать
на южные воды и виноград, а в ту природу,
в ту среду, где человеку всё понятно, близко и мило.
Вот тогда-то Соловки сделаются любимейшим
островом здоровья для всего Севера.

*Михаил Пришвин,
1933 год*

Полярный оазис в зоне циклонов

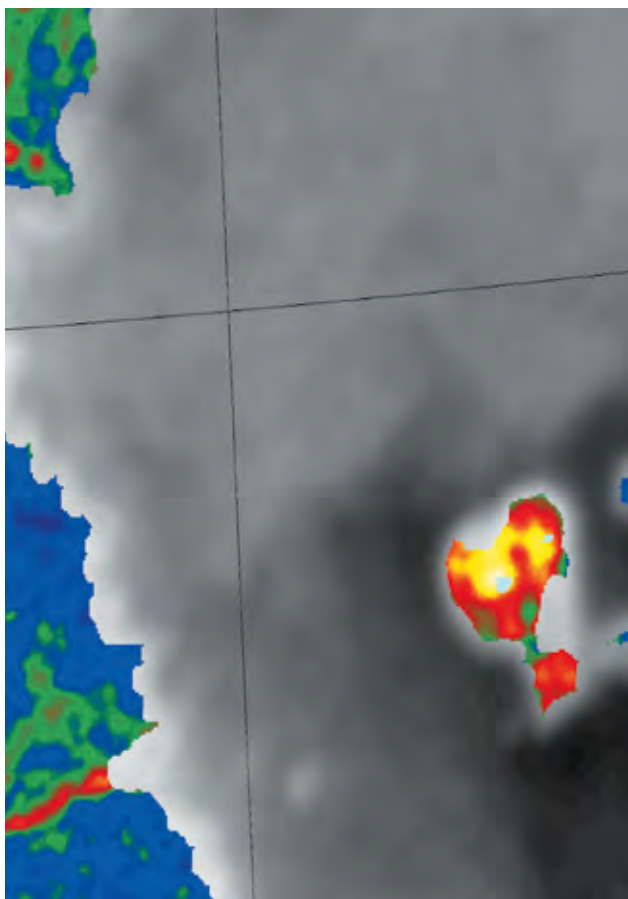
Соловецкий архипелаг, или просто Соловки, можно найти на карте мира немного южнее места пересечения Северного полярного круга с меридианом 36° в. д. Острова окружены водами холодного и бурного Белого моря, которое соседи-скандинавы в древности называли Гандвиком — Колдовским заливом.

Фотографии Соловецкого архипелага, полученные учёными со спутников Земли в процессе создания новой температурной карты северных регионов Российской Федерации, показали, что острова выбиваются из общей картины монохромного единообразия приполярных земель. Соловецкие острова, сфотографированные на инфракрасную плёнку, напоминают по окраске не соседние земли, а вулканические районы Японии или российского Дальнего Востока. Вероятно, что это жар из недр планеты прорывается к архипелагу сквозь аномально тонкую земную кору над границей тектонического разлома, отделяющего западную окраину Русской плиты от Балтийского кристаллического щита. Пара глубинных четвертичных разломов Восточно-Европейской платформы проходит прямо под Соловками.

Толщина земной коры в районе Соловецкого архипелага не превышает 35 километров. За этим относительно тонким покровом породы приборы геофизиков фиксируют резкое, пока необъяснимое падение электрического сопротивления. Схема разреза земной коры, выполненная на основании данных геологических и геофизических исследований, выглядит как выступ раскалённой мантии, остриё которого тянется к Соловецкому архипелагу.

Исследования температурных режимов поверхностного слоя почв на архипелаге, произведённые Ю. Г. Шварцманом и И. Н. Болотовым, выявили на севере Большого Соловецкого острова и в зоне Хутора Горки устойчивые, достаточно мощные тепловые потоки. Конвективный вынос тепла из недр планеты обеспечивает в двух районах острова интенсивный прогрев поверхности. Температура почв в зоне термической аномалии превосходит значения, характерные для большинства земель, лежащих на широте Соловков. На кадрах спектральной фотосъёмки из космоса аномально прогреваемые участки суши Большого Соловецкого острова выглядят будто бы окружёнными светящимся нимбом.

На карте конвективных тепловых потоков Соловецкий архипелаг резко отличается по цвету от окружающих его территорий

Земли Соловецкого архипелага — это частица Северной Европы, климат которой, согласно наиболее распространённой в научном мире ледниковой гипотезе, представлял собой череду оледенений, длившихся в среднем по девяносто тысячелетий. Межледниковые паузы были короче — продолжительностью около пятнадцати тысяч лет. Количество солнечной энергии, достигавшей Земли, циклически убывало или возрастало в зависимости от активности светила и от взаиморасположения орбит планет. В периоды меньшего поступления солнечного тепла у полюсов Земли происходило вымораживание поверхности и образование громадных ледников.

Во времена последнего оледенения толщина пласта оцепеневшей воды достигала трёх километров. Ледники ползли к экватору, ломая преграды на своём пути и перекраивая рельеф планеты. Лёд расплзался по Земле под воздействием силы тяжести, подобно горсти манной крупы, насыпанной на тарелку. Так продолжалось до поры, пока интенсивное потепление климата, начавшееся около 12,5 тысячи лет назад, не растопило льды. На месте котлована, прорытого ледником, через тысячу лет образовалось море, над поверхностью которого возвышались зубья коренной породы. Застывшая магма из раскалённой мантии Земли стала столбообразным фундаментом островов Соловецкого архипелага.

Соловки с точки зрения геологической истории — это детище стихии огня из пекла в чреве Земли и стихии льда, рождённой дыханием холода космоса.

Фундамент Соловецкого архипелага вырезан из окружающих его пород ледниками Днепровского, а затем Валдайского или Вюрмского оледенений. Прочное основание выдержало натиск стихии, рождённой во времена великих оледенений, благодаря тому что состоит из гранита-пегматита. «Пегматит» в переводе с древнегреческого — «крепкая связь».

Жила пегматита тянется в Херлабинеи-ской толще под Соловецкими островами и Кузовами к Кемскому берегу. Фундамент оказался настолько прочен, что глетчер, уткнувшись в пегматитовую преграду, затормозил и был вынужден изменить направление своего движения. Следы этого поворота повторяют озёрные котловины в центре архипелага да кривизна гряд соловецких холмов.

Таяние ледника происходило десять столетий. В период голоцена фрагменты суши, которые позже назовут Соловецкими островами, соединялись между собой и с материком перемычкой, тянувшейся к современному Онежскому полуострову, пока уровень моря не поднялся настолько, что перемычка скрылась под водой.

Масса позднее исчезнувших льдов была такова, что они существенно прогнули кору планеты. С наступлением потепления приполярные земли, освободившиеся от гнёта льдов, неуклонно исправляют последствия деформаций, что особенно заметно в Скандинавии, где толщина глетчера была наиболее значительной. В Беломорье самые заметные вертикальные изменения рельефа наблюдаются к северу от Соловков. На Кандалакшском полуострове известны участки, где подъём суши за столетие достигал полуметра.

Скалистые северо-западные берега поднимаются быстрее, чем низкие восточные, и море постепенно перетекает с запада на восток.

Соловецкий архипелаг, как и соседние, близлежащие, земли, продолжает расти над уровнем моря, повинувшись давлению тектонических сил. В XIX веке рост суши уменьшился, едва достигнув по вертикали 17 сантиметров.

Три пятых территории Соловецкого архипелага — это бывшее подводное царство.

Эпос Скандинавии связывает начало великого оледенения с появлением космических чудовищ, погубивших местных богов, покровителей Земли

Некоторые соловецкие пресноводные водоёмы, расположенные в настоящее время на высоте до 20 метров над уровнем моря, принадлежат к группе так называемых реликтовых озёр — несколько тысячелетий назад они были морскими бухтами.

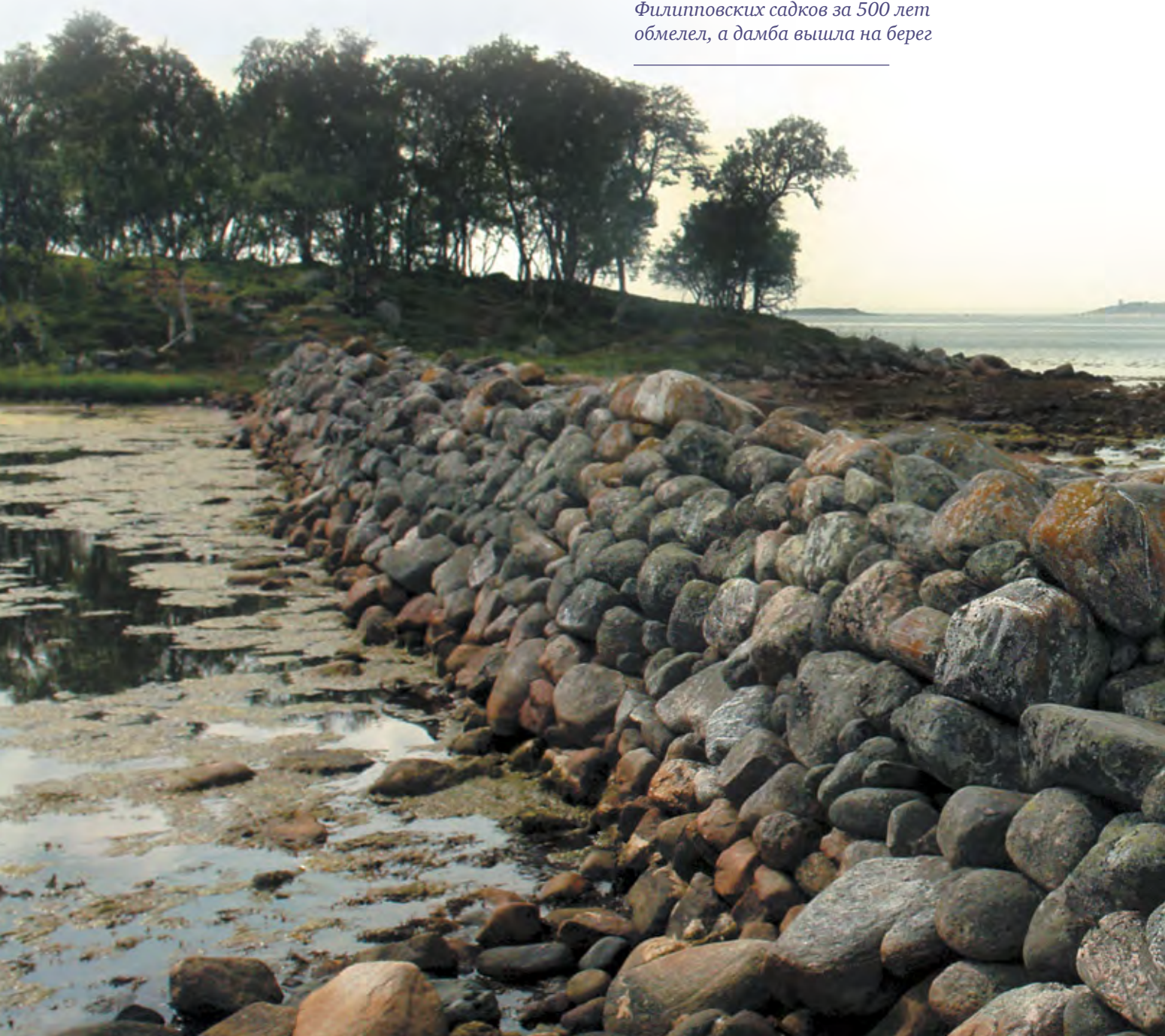
Примером подъёма суши на острове является дамба Филипповских садков, возведённая в XVI столетии для хозяйственных целей. Дамба отгораживала часть морского залива: в искусственном водоёме содержали излишки выловленной рыбы. К началу XXI века часть искусственной валунной насыпи дамбы оказалась на суше — она не заканчивается у уреза вод, а углубляется в берёзовый лес, выросший там, где прежде плескалось море.

Подъём земель Соловецкого архипелага с годами замедлился, но и 10 сантиметров возвышения почвы, зафиксированные учёными в XX столетии, прирастили Соловкам территорию, равную двум квадратным километрам. Это увеличение площади суши доставило уйму забот лесостроителям, картографам и чиновникам, так как потребовало корректировки статистической отчетности о площадях не только Соловецких островов, но и Архангельской области и всей страны.

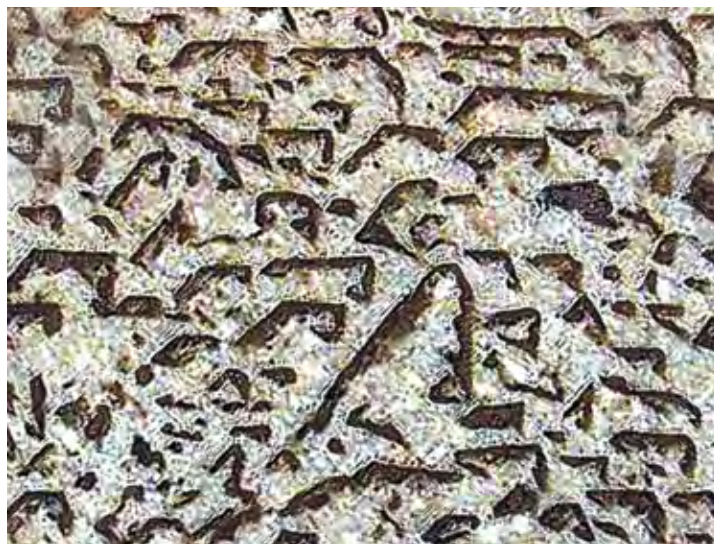
Ледник снёс вершины кристаллического основания Соловецкого архипелага и укрыл коренные породы чехлом моренных отложений, состав которых неоднороден — от тонких песков до крупных валунов и каменных глыб. Значительных возвышенностей на островах нет. Соловецкие горы — не горы, а холмы, даже самые высокие из них не достигают стометровой отметки над уровнем моря. Они и по форме, и по составу почвы являются ледниковыми отложениями стаявшего глетчера.

Из-за выпрямления земной коры, промятой весом ледника, водоём Филипповских садков за 500 лет обмелел, а дамба вышла на берег

Холмы, как правило, располагаются на Соловках не поодиночке, а группируются в ряды и именуются горами. Иногда несколько холмов, расположенных близко друг от друга, образуют плато, как, например, на востоке острова Большая Муксалма, на западе острова Анзер или Гремячи, Сетные, Хлебные горы в центральной части Большого острова.

Памятники глетчеру — это морены, перпендикулярные направлению движения исчезнувшего ледника. Одна из двух крупнейших морен представляет собой цепь холмов, тянущихся на Большом острове вдоль линии, направленной от горы Волчьей к горе Секирной. Эта же морена прослеживается грядой возвышенностей у Реболды, где уходит под воду, но вновь появляется на острове Анзер вереницей взгорий от горы Голгофа до мыса Колгуева. Другая крупная морена вздыбливает рельеф на Заячких островах и юге Большого Соловецкого острова — на мысе Печак, а затем поднимается под водой банками каменных отмелей в пяти километрах от острова Анзер.

Соловки стоят на «еврейском камне». Таково образное название пегматита, на срезе которого проступают вrostки кварца, схожие с письменами на иврите

Западное побережье Соловецкого архипелага отделено от хвойных лесов Онежского полуострова проливом Восточная Соловецкая салма, шириною около 40 км. Наименьшее расстояние — от стрелки мыса Летний Орлов на Онежском полуострове до соловецкой Малой Муксалмы — всего 25 км. Но старинное селение Летняя Золотица и другие оазисы Летнего берега Белого моря сами отрезаны от обитаемых земель материка непроходимыми болотами, размеры которых поболее иных европейских стран. Под трясиной этих болот скрыты сокровища — кимберлитовые трубки крупнейшей алмазной провинции.

Соловецкий архипелаг включает в себя шесть условно крупных островов и свыше сотни мелких фрагментов суши общей площадью почти 300 км².

От обжитого Карельского берега, вдоль которого пролегал маршрут из варяг в греки, а теперь проложены рельсы Мурманской железной дороги из центральных областей Европейской России к побережью Северного Ледовитого океана, Соловецкие острова отделены проливом Западная Соловецкая салма. Ширина салмы около 60 км, а кратчайшее расстояние от островов до селения Кемь, расположенного у устья одноимённой реки, по условной прямой строго на запад — 44 км.

Территория Большого Соловецкого острова — 225 км², что почти соответствует площади средиземноморского острова Эльба — 223 км².

Периметр Большого острова, измеренный по карте курвиметром, едва приближается к 80 км, однако реальная длина береговой линии в два с лишним раза больше из-за огромного количества бухт и мысов.

< Рельеф Соловецкого архипелага, отутюженный движением льдов, не имеет значительных возвышений, кроме холмов, называемых горами

Залив Благополучия — естественная гавань Большого Соловецкого острова — защищён от большинства летних ветров островками Бабий, Вороний и Игуменский. Южная оконечность острова и одновременно южная граница архипелага — мыс Печак, расположенный на 64°57' с. ш.

Остров Анзер, в старину называвшийся Анзеры, имеет площадь 48,5 км². Этот второй по величине остров концентрирует в превосходной степени основные наиболее характерные черты природы и исторические особенности Соловецкого архипелага. «Анзер — это Соловки Соловков», — отмечал в своих неопубликованных воспоминаниях соловецкий узник профессор И. Х. Озеров.

Этот северо-восточный остров первым принимает на себя порывы норд-оста — северо-восточного штормового ветра, защищая Соловки. Анзерская гора Вербокольская поднимается над уровнем моря на 88,2 м и главенствует над архипелагом. Мыс Колгуев на Анзере, расположенный на 36°16' в. д., — это восточная окраина Соловков. Залив Капорская губа у южного побережья острова — убежище от штормов и главная якорная стоянка Анзера. Вход в другой протяжённый, но мелководный залив Анзера — Троицкую губу — защищён от ветров мысом Троицким.

Остров Большая Муксалма расположен к востоку от Большого Соловецкого. Его площадь составляет почти 20 км², значительную её часть занимают болота. Мониторинг соловецких болот показал, что их площадь на Большой Муксалме увеличилась за двадцать лет на 2/3, а на Анзере — на 1/4. Большая Муксалма соединяется частично разрушенной дамбой с островком Малая Муксалма, окружённым грядами валунных отмелей. Малая Муксалма по размерам почти равна Большому и Малому Заяцким островам, стоящим против юго-западного фасада главного острова. Каждый из этих трёх островков обладает площадью, не превышающей полутора квадратных километров. По мнению ряда исследователей, название Заяцких островов восходит к саамскому слову «цоайес» — мелкий, невысокий.

Большой Соловецкий остров, в отличие от Большого Заяцкого и Большой Муксалмы, не имеет бок о бок одноимённого острова-спутника. Малый Соловецкий существует, но отделён от своего тезки тысячей вёрст.

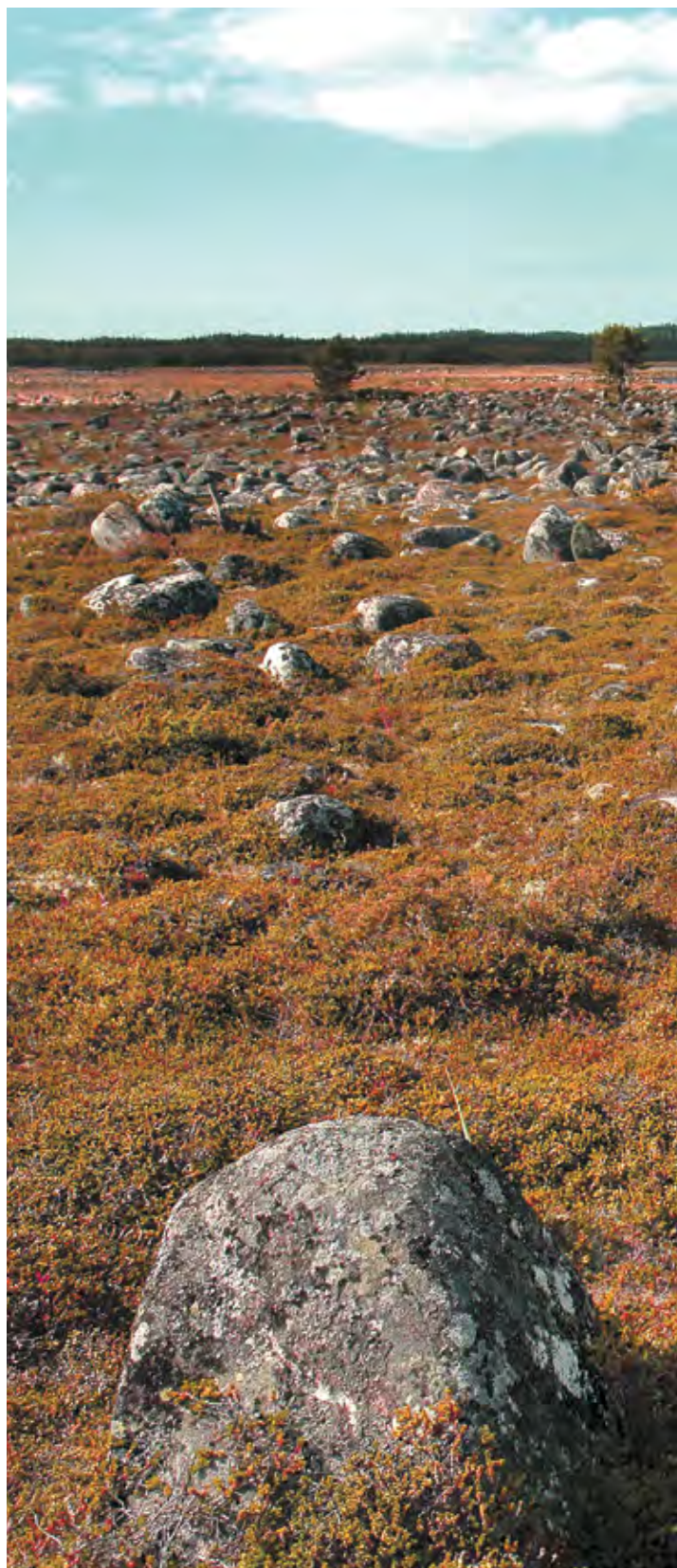
*Острова Большая и Малая Муксалма
сглажены ледником настолько, что
на них почти не осталось холмистых
выступов и нет озёрных впадин*

Малый Соловецкий остров расположен не в Приполярье, а намного южнее, в системе озёр Селигера, в водах озера Вселуг. Это озеро, связанное с озером Стерж, принимает в своё лоно воды ручейка, почитаемого истоком Волги, крупнейшей реки Европы, в бассейне которой проживает треть населения России.

На старинных картах Малый Соловецкий остров именуется по-разному. Иногда его обозначают Зосима и Савватий, чаще — Божье дело. Предание связывает происхождение странного названия острова с именем монаха Иоиля, который основал на озере Новосоловецкую пустынь в первый год XVIII века. Молва гласит, будто бы хитрый Иоиль заказал возвести на островке строения пустыни, да обидел плотников — не стал платить им за выполненную работу: «Это-де божье дело!» История стара как мир. На землях Армении, в античной крепости Гарни вблизи храма бога Митры, гостям показывают участок пола, где мозаика складывается в текст, составленный две тысячи лет назад. Греческие ровесники Христа заклеили бесчестных монахов: «Мы работали, но нам не заплатили».

Феномен соловецкой природы обусловлен не столько горячим дыханием недр планеты сквозь разломы земной коры, сколько смягчающим воздействием моря на климат острова. Зимой масса воды отдаёт своё живительное тепло островам, не допуская их значительного охлаждения. Безморозный период на архипелаге длится более четырёх месяцев, это на четверть дольше, чем на землях, расположенных на одной географической широте с Соловками, но в глубине континента.

«Ноябрь — это гнилая зима, когда два дня морозы, снег, потом всё тает, дождь, туман», — писал дочери основатель и руководитель метеорологической службы Советского Союза Алексей Вангенгейм. Даже накануне расстрела этот арестант Соловецкой тюрьмы не мог не удивляться особенностям климата острова, где средняя температура самого сурового зимнего месяца февраля чуть ниже десяти градусов мороза.

Сильные холода на архипелаге — скорее исключение, чем правило. Абсолютный минимум температур на Соловках был зарегистрирован в феврале 1883 года. Он был связан со вторжением масс холодного воздуха из Арктики и составил 36,6 градуса ниже нуля.

Первые морозные утренники начинаются в октябре. Снежный покров, означающий приход зимы, укутывает землю в конце ноября.

Архипелаг находится под снегом примерно 183 дня. Толщина снежного покрова на Соловецких островах невелика, но под воздействием ветров снежные заносы преобразуют привычные очертания ландшафта, создавая почти непроходимые волнообразные барханы высотой с двухэтажный дом в одних местах или вдруг оголяя землю там, где накануне стояли спрессованные сугробы.

Рекордное соловецкое похолодание зафиксировано в 1883 году, когда столбик термометра целый месяц стоял на отметках ниже -30°C

Морозный период длится на Соловках около 235 дней в году. Возможны неожиданные оттепели с обильным снеготаянием и последующим образованием наста. Нередко наблюдается эффект конденсации избыточной влаги в виде игл инея, а иногда — оледенение стен, травинки и веточек. Красота всегда радует, особенно если нет других хороших новостей.

Соловецкий архипелаг расположен ещё севернее города Якутска. Острова находятся на одной параллели с суровыми Гренландией и Исландией, однако благодаря удачному сочетанию природных аномалий, изотермическая линия на карте России делает в Белом море резкий излом к югу. Погода на Соловецком архипелаге зимой примерно та же, что на побережье Аральского моря. Она существенно теплее, чем в Якутске с его вечной мерзлотой, где глубина промерзания почвы достигает 600 метров. Среднегодовая температура воздуха на Соловках — положительная, она составляет $+1,1^{\circ}\text{C}$.

Под действием ветра снежные заносы на Соловецких островах преобразуют привычные очертания ландшафта, перегораживая дороги и тропинки

Длительные приполярные ночи, тянущиеся на Соловках в декабре по двадцать два часа, ближе к концу зимы вытесняются продолжительным световым днём. Хотя март и апрель по соловецкому календарю природы — месяцы ещё зимние, но они отличаются устойчивой ясной погодой с минимальным количеством снегопадов.

Весна приходит на архипелаг в мае. Средняя температура воздуха в мае — положительная, к концу месяца незаходящее солнце обычно размораживает море и землю, освобождая острова из ледяного плена. Лето с температурой воздуха выше $+10^{\circ}\text{C}$ наступает в середине июня и продолжается до середины сентября. Света хватает с избытком, дождей не бывает подолгу, как не бывает и изнуряющей жары. Осень со штормами и туманами приходит на острова в октябре и длится около месяца. Благодаря дыханию моря температура воздуха в осенние месяцы на пять градусов выше, чем морозной весной.

«Первая половина сентября — это позднее лето», — отметил писатель Михаил Пришвин в своём перечне особенностей климата Соловков

Климат Соловков характеризуется специалистами как умеренно тёплый и влажный, причём соловецкий календарь природы имеет ряд индивидуальных особенностей. Если считать началом весны наступление периода вегетации, началом лета — время цветения ягод, а началом осени — начало листопада, то весна приходит на острова 10–20 мая, лето вступает в свои права 20–30 июня, осень начинается 20–30 сентября. Важная черта соловецкого мира — это влияние на почву активного источника тепла, которым является мантия, близко подходящая к земной коре в районе архипелага.

Число дней в году, когда выпадают осадки, достигает двухсот, причём основное количество дождей приходится на сентябрь и октябрь. Грозы случаются примерно семь раз в году.

Количество осадков — в среднем около двух миллиметров в сутки, и это намного меньше, чем фиксируют метеорологи в близлежащих Архангельске, на востоке от архипелага, и в Кемии — на западе. Обыкновенно на Соловецком архипелаге ежегодно бывает 213 пасмурных дней, ясных — 112; дней со снегопадами — 98. Облачность весьма значительная — 7,8 балла по 10-балльной шкале.

Несмотря на многочисленные достоинства соловецкой природы, позволяющие считать острова естественным оазисом, советские и постсоветские тарифные справочники считают Соловецкий архипелаг регионом, приравненным к районам Крайнего Севера, то есть зоной, где ускоренная изнашиваемость функциональных систем организма способствует его раннему старению. Такая суровая оценка условий жизни предполагает повышающие коэффициенты оплаты труда, снижение пенсионного возраста, увеличение продолжительности отпуска и ряд других льгот. Эти льготы государство предоставляет труженикам в неблагоприятных для проживания регионах в качестве компенсации за утрату здоровья. Государство понапрасну денег не платит — значит, действительно постоянное пребывание на острове небезопасно для здоровья человека, о чём последние два столетия не раз писали врачи, практиковавшие на Соловках.

Доктор медицины Пётр Фёдорович Фёдоров, который по долгу службы в конце XIX века обследовал состояние здоровья монахов Соловецкой обители, пишет, что *не обнаружил среди насельников монастыря ни одного практически здорового организма*. Он назвал главными болезнями островитян расстройства нервной системы, а также массовые поражения зубов и органов пищеварения.

В Соловках болеют не только люди, но и деревья. Довольно часто на берёзах можно увидеть так называемые ведьмины мётлы. Так в народе называют пучки тесно скрученных коротких побегов, прорастающие на ветках в результате заражения деревьев особым грибом.

Ведьмины мётлы на деревьях — это, согласно народным поверьям, следы ведьм там, где они, пролетая над землёй, задевали помелом ветки >

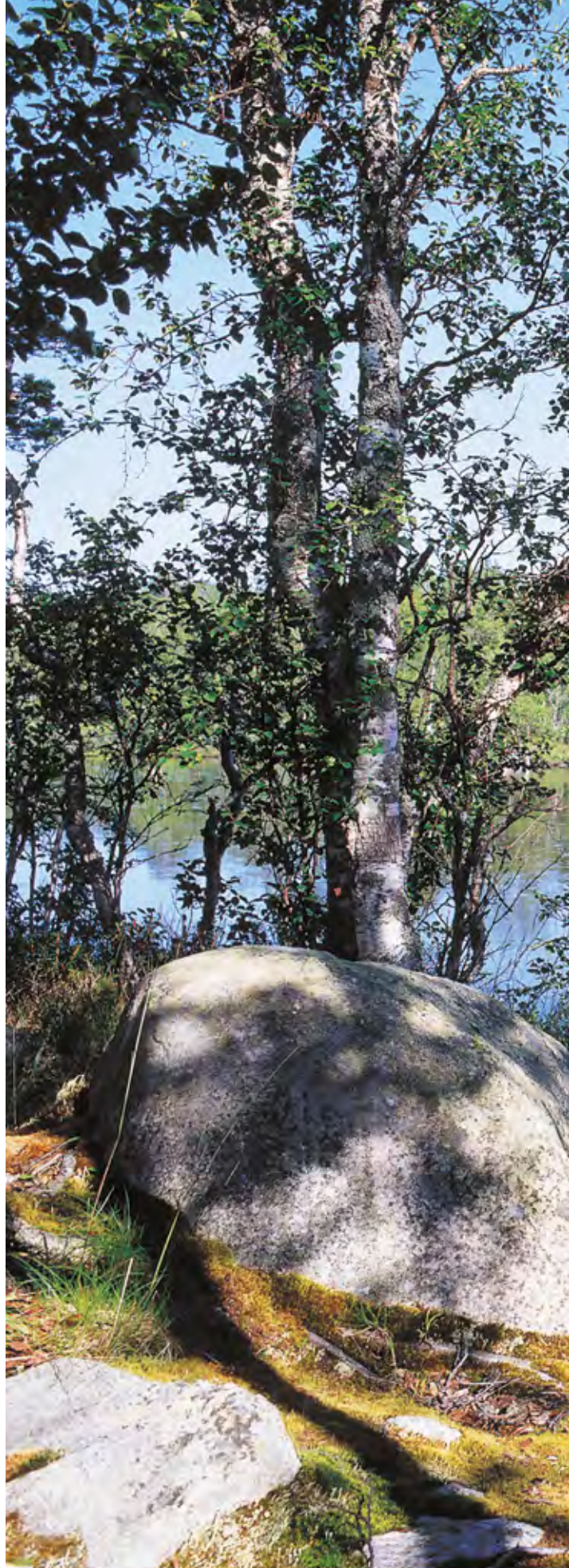
В истории архипелага зафиксирован случай, когда в разгар всеобщей насильственной коллективизации на остров пригнали партию необыкновенного вида длинноволосых заключённых с ленточками на затылках. Это были тойоны — старосты родов эвенков, как говорили тогда, тунгусов. Чекисты, борющиеся за уничтожение частной собственности, объявляли старейшин кулаками, высылали их из родных мест, а стада оленей экспроприировали.

Соловецкая природа влияет на человека и положительно, и губительно одновременно.

Экзотично одетые и обутые коренные обитатели тундры в своих меховых распашных кафтанах с шикарными воротниками из хвостов пушных зверей казались прекрасно защищёнными от невзгод приполярного климата. По лагерям ходило множество шуток, прославлявших доброту чекистов, одаривших селян из края вечной мерзлоты отдыхом в тепле и казённым питанием. Тунгусов привезли осенью, и до весны никто из них не дожил... Они легли в землю один за другим и были списаны со строевых как умершие от скоротечной чахотки. Врач лазарета Н.В. Жиллов считал, что эвенков выкосила мокрая соловецкая зима. Климат и непривычное питание оказались для них убийственными. Несмотря на весьма умеренные морозы, закалённых северных оленеводов свели в могилу туманы и леденящие ветра, насыщенные влагой.

Объективными факторами, которые отрицательно влияют на здоровье жителей Соловков, являются в первую очередь частые изменения состояния атмосферы с резкими перепадами давления, высокая влажность воздуха и невидимые, но мощные магнитные бури, о приближении которых синоптики в прогнозах погоды предупреждают население.

Талые и дождевые воды являются основным источником пополнения влагой множества озёр, занимающих едва ли не десятую часть общей площади Соловецкого архипелага >

«Воздух Соловков более или менее пропитан солью. Это доказывается тем обстоятельством, что блестящие предметы в монастыре быстро тускнеют, покрываются налётом этой соли, а потому главы и кресты монастырских церквей обыкновенно не золотятся, а просто покрываются краской, а если и золотятся, то блестят очень короткое время. Зимой климат Соловецкого острова, весьма сырой, холодный и переменчивый, неблагоприятен для здорового обитания человеческого организма. Царапины и раны на островах не заживают подолгу», — отмечал в XIX веке доктор П. Ф. Фёдоров, служивший в монастыре врачом.

Даже идеально чистая питьевая вода Соловков несёт в себе угрозу здоровью постоянных обитателей. В ней почти отсутствуют микроэлементы, способствующие воспроизводству биохимических процессов в организме. Содержание фтора и кальция в воде соловецких озёр в десятки раз меньше, чем в большинстве описанных средневропейских водоёмов.

Кольцеобразные плавающие острова на юге и на севере Большого Красного озера считаются в Соловецком заповеднике памятниками природы

По данным лесоустроительной экспедиции 2003 года, на Соловецком архипелаге 1047 озёр. Лишённые солей талые ультрапресные воды — существенный недостаток и в то же время, возможно, главное достоинство соловецких водоёмов. Ряд экспертов придерживается взгляда, что талая вода — есть та самая живая вода, упоминаемая в эпосе разных народов. Действительно, у кромки тающих льдов Арктики и Антарктиды наблюдается феноменально высокая биологическая активность, а альпийские луга у тающих ледников богаче формами жизни, нежели долины предгорий. Вероятно, именно благодаря особенностям воды на Соловецком архипелаге количество видов растений в два раза больше, чем на средиземноморских островах, где температурный режим более благоприятен для жизни.

Сверхмягкая вода Соловков вымывает из организма фосфор, кальций и другие элементы, что таит в себе угрозу для зубов и костей островитян.

Площадь большинства соловецких озёр составляет менее полугектара, но около сотни из них значительно крупнее. Прозрачность их можно сравнить разве что с ледниковыми озёрами высоко в горах. Цвет водоёмов во многом зависит от разновидностей и концентрации компонентов почвы, растворённых в воде, что нашло отражение в названиях: Угольное, Торфяное, Хрустальное, Зелёное. Об особенностях форм водоёмов свидетельствуют их старые названия: Кривое, Горбатое, Трёхлопастное, Крестовое, Хер-озеро.

Говоря о естественных внутренних водоёмах, нельзя не вспомнить древние саамские поверья о зазеркальных мирах, в которые герои проникали через двойное дно самых глубоких озёр. На самом деле, следует иметь в виду, что у несколько соловецких озёр, представляющих собой глубокие впадины, дно находится существенно ниже уровня моря. Максимальная глубина Большого Гремячьего озера 33,5 м, а озера Круглое Орлово — 32 м.

Дефицит минеральных солей в водах соловецких озёр, а особенно солей кальция, сдерживает развитие различных форм фитопланктона. Недостаток фитопланктона обуславливает бедность донной фауны зоопланктоном — основным кормом рыб.

Рыбакам попадают искусственно принесённые лодьми линь, золотой карась, язь и другие представители рыбного царства. По сообщениям монахов, записанным в 1920-е годы, в Данилово озеро в 1850-е годы были запущены форель и сиг.

Запасы озёрной рыбы на островах по сравнению с водоёмами соседней Карелии невелики. В начале XX века артель из десяти монастырских работников с трудом вылавливала по озёрам мережами и неводами до 300 пудов рыбы в год для братской трапезы. Обитателями соловецких озёр исстари являются окунь, плотва, ёрш, щука, налим. В Капорском озере живут уникальные разновидности плотвы, а в Большом Красном и в Остречье — ряпушка. Гидробиологическими пробами в озёрах выявлены 20 видов пресноводных моллюсков.

Прозрачность воды в чистейшем озере Светлое Орлово такова, что предметы под водой можно летом увидеть на расстоянии 14 м

Озёрная рыба иногда достигает значительных размеров: в 1926 году была добыта форель длиной 56 см, а летом 1994 года А. В. Баженов с парашюта набережной у Архангельской башни поймал после прикормки пару необычайно крупных язёй.

Соловецкий архипелаг, обладающий влажным климатом с обильными туманами, создаёт благоприятные условия для появления лишайников

Большой Соловецкий остров имеет протяжённость 24 км с севера на юг и около 15 км — с запада на восток. Остров можно за день пересечь пешком, минуя климатические зоны, разделённые на материке сотнями вёрст. Флора Соловков, сконцентрированная на столь малом пространстве, потрясающе многообразна. На клочке земли среди вод студёного моря на южной окраине Северного Ледовитого океана уживаются свыше 550 видов высших растений, включая и десять видов орхидей, произрастающих в естественной среде! Буквально на стенах крепости можно наблюдать очинки едкий, пузырник ломкий, дрему белую и другие редкие растения. Но при этом на островах нет многих представителей флоры, распространённых в северной тайге на материке.

Одним из чудес архипелага является наличие на его территории природных комплексов, нехарактерных для приполярной природной зоны. Неповторимый северный колорит Соловецких островов во многом связан с общей нестабильностью погодных условий в течение суток из-за воздействия циклонов с интенсивным напором ветров и охлаждающего влияния моря в летнее время.

Велико разнообразие мхов и лишайников, расцветивающих валунные стены, каменные глыбы, болота и лесные массивы. Семья соловецких мхов насчитывает около сотни наименований, а лишайников на островах — свыше 150 видов, по самым скромным подсчётам.

Один из надёжных признаков экологической чистоты мира Соловецкого архипелага — это обилие лишайников, которые не выносят загрязнения своей среды обитания человеком.

Лишайники — удивительные создания природы, они представляют собой симбиоз, то есть объединение водорослей и грибов, необходимых друг другу. Грибы обеспечивают водоросли водой и неорганическими солями, создавая необходимый микроклимат, а водоросли, синтезируя питательные вещества, кормят грибы. Лишайники, как и мхи, имеют не листья, а талломы, рождая разительное многообразие форм. Чего стоят, к примеру, удивительные хвосты уснеи густобородой, свешивающиеся с ветвей хвойных деревьев над лесными тропинками!

Лишайники не выносят копоти, угарных газов и не поддаются культивированию. Они быстро погибают даже при небольшом загрязнении воздуха, хотя в суровых условиях Арктики древнейшие реликтовые сообщества лишайников успешно приспособляются к существованию на иссушенных ветрами скалах и на влажных, солёных прибрежных валунах.

Людам издревле знакомы целебные свойства лишайников: их используют при желтухе, глазных, простудных и язвенных болезнях, а также для ускорения роста волос.

Бриория Фермонта — редкий лишайник, занесённый в Красную книгу, — создаёт естественные декорации для съёмок фильмов про царство нечистой силы

Лето одаривает островитян великим разнообразием грибов. Грибная охота преподносит своим поклонникам важный урок: к большому нужно приближаться медленно, иначе есть риск пропустить много ценного. Грибы, выросшие вдали от дыхания промышленных объектов и выхлопных газов из автомобильных двигателей, проявляют на островах свои лучшие качества наиболее полно, например лисички, не знающие ни червей, ни личинок. Этот гриб является чемпионом по содержанию цинка и меди, накапливает ударные дозы витаминов А, С и РР, а особенно ценен запасами тиамина, который благотворно влияет на умственные способности человека.

Известный большинству из нас красный мухомор совсем не так прост, как кажется. Изображения мухоморов восходят к III тысячелетию до н. э., что связано с особыми свойствами гриба, зависящими от места произрастания и климатических условий. Мухоморы истари использовались шаманами: грибы помогали погрузиться в транс для контактов со сверхъестественными силами и привести соплеменников в состояние эйфории во время празднеств.

«Когда кто-то съест одним разом свежий мухомор или выпьет увар с трёх оных высушенных, то после сего приёма становится говорлив и делается так резв, что поёт, скачет, восклицает, слагает любовные и охотничьи песни, показывает необыкновенную силу, а после ничего не помнит», — описал в 1787 году эффект, наступающий при употреблении мухоморов аборигенами Севера, Иоганн Георги, знаток русской флоры, именем которого названо растение георгин.

Псилобитный гриб Psilocybe montana. Возможно, что обряды в святынях включали ритуальное вкушение грибов, содержащих природный галлюциноген

Кроме красавцев-мухоморов и ещё нескольких видов грибов-галлюциногенов, на островах есть немало растений, способных оказать опьяняющее воздействие на организм человека. Шаманские практики вхождения в транс не обходятся без каминов для ритуального окуривания участников церемонии благовонным и одновременно дезинфицирующим дымом, получаемым при сжигании смеси сушёных листьев багульника, тимьяна субарктического (богородицкой травы), можжевельника, шалфея, корней борщевика сибирского.

Воздействие на психику человека естественными благовониями можно считать древним приёмом, говоря современным языком, использования слабых наркотиков, которые не вызывают пагубного привыкания. В материковых лесах Архангельской области богородицкая трава и можжевельник встречаются редко, хотя на Соловках они распространены повсеместно. Название «богородицкая трава» связано с преданием: якобы эта трава зацветает там, где на землю падали слёзы Богородицы. В Древней Руси настой богородицкой травы являлся основным компонентом зелий для лечения запоев, а соловецкие монахи добавляли эту траву в качестве пряности в рассолы при заготовке рыбы, а также сдабривали цветами чай при заваривании. В чай добавляли и другие душистые местные растения: листья брусники, сушёные ягоды, лепестки иван-чая, а в XX веке — перезимовавшие под снегом листья бадана.

Ещё более длинный, чем за богородицкой травой, шлейф преданий тянется за можжевельником. Возраст древовидного можжевельника может достигать двух тысяч лет, то есть кое-где собирают шишки с растений, которые увидели свет в самом начале нашего летоисчисления. По христианской мифологии, младенца Иисуса прятали от солдат царя Ирода в зарослях можжевельника. А герои античного мифа об аргонавтах Медея и Ясон усыпили дракона, сторожившего Золотое руно, не чем иным, как снадобьем из можжевельника.

Способы изготовления дурманных напитков из шишкоягод можжевельника были известны и жителям Великого Новгорода по крайней мере с XII века. Глюкозы в шишкоягодах можжевельника не меньше, чем в плодах винограда, но недопустимо бесконтрольное потребление «хвойного винограда», как и всякого другого сильнодействующего биологически активного вещества.

В Европе свойства пряных плодов можжевельника ценились не меньше, чем в Новгороде. В XVI веке голландец Франциск Сильвий путём перегонки можжевеловой спиртовой настойки создал джин, который, подобно водке, обрёл всемирную популярность. Плоды можжевельника люди используют при болезнях почек, болях в сердце, при простудах и артритах, не говоря уже о присутствии этих ягод в кулинарных рецептах от Дюма-отца до наших дней.

Мухоморы принято считать грибами ядовитыми, но при соответствующей дозировке они, подобно алкоголю, оказывают психоактивное действие

Соловецкие ягоды — особая песня! Морошка, вороника, черника, клюква встречаются на архипелаге в изобилии. Самая поздняя ягода на островах — это клюква, вечнозелёный кустарничек, распространённый на сфагновых и торфяных болотах. Залитая водой, клюква хорошо сохраняет свои полезные свойства всю зиму. Древние римляне называли клюкву «шариком, заряженным жизненной энергией». Клюква считается национальной ягодой в США и в России.

Заросли черники в соловецких северотаёжных ельниках составляют основу живого надпочвенного покрова. Легенда говорит, что гномы расселили эту ягоду по всему миру в благодарность за её помощь маленькому народу в трудные времена. В старину на Руси чернику за её цвет называли ворон-ягодой.

Древнее имя можжевельника — верес. Новгородцы во времена преподобных Савватия и Зосимы варили хмельное вересово сусло

Брусника относится к числу соловецких долгожителей. Вечнозелёное растение этого вида из семейства вересковых может плодоносить около трёхсот лет

В скандинавских странах ликёры, приготовленные из ягод вороники, считаются более изысканными, нежели из брусники и морошки

Черника снимает усталость глаз, содействует остроте зрения, восстанавливает ослабевшую память, улучшает координацию движений

Скромная ягодка вороника присутствует на Соловках в изобилии, хотя на материке считается растением, имеющим ограниченный ареал распространения. Эта ягода не раз спасала от обезвоживания мореходов, выброшенных штормами на необитаемые острова без источников пресной воды.

Сок вороники обладает удивительными свойствами. Сохранилось описание новгородского суда, покаравшего ушкуйников, красивших соком вороники шкурки песка «под соболя». мех песка приобретал не только необходимый цвет, но и соответствующий лоск.

Японские учёные, искавшие средство спасения нации от последствий массового радиоактивного облучения, пришли к выводу, что северная ягода вороники является наиболее сильным естественным, то есть безвредным лекарством, способным выводить радионуклиды из организма человека.

Витамина А в морошке в десять раз больше, чем в апельсинах. Сбор ягоды требует трудолюбия: морошка, говорят, любит ножки >

«Участки суши, выходя из-под воды, повторяют на Соловках стадии эволюции наземной растительности. Камни обрастают лишайниками и, по мере накопления слоя почвы, преобразуются в тундру, в лесотундру, а затем в таёжные леса. Компактная территория архипелага поднялась над водами не одновременно и поэтому соединяет в непосредственной близости природные комплексы, разделённые на материке сотнями километров», — отмечает выдающийся краевед Валентин Совалёв, автор неопубликованного эссе «О соразмерности соловецкой природы человеку».

Ландшафты, напоминая своим видом разные климатические зоны, на Соловецких островах причудливо перемежаются. Пейзажи сменяются, как в калейдоскопе. Песчаные пляжи соседствуют с полями валунов, а пятна болотных прогалин, стоит повернуть голову, превращаются в берёзовую рощу на берегу озера. Участки тундры на подветренной береговой полосе граничат с таёжными массивами. Сосновые боры архипелага ниже, кряжистее своих собратьев на континенте. В лесах встречаются будто бы заколдованные чародеем деревья-ветераны, чей возраст свыше полутысячи лет. Ещё одна диковинка — деревья, выросшие похожими на *крест с хвостом*. Причудливое раздвоение ствола вызывает ассоциацию с неподобающим кресту дьявольским хвостом, что стало в XXI веке раздражающим фактором для ревнителей православной святости островов. «Хвост» погубил известную многим сосну, росшую в заповедном лесу у дороги на мыс Печак. Дерево спилили в 2013 году, сохранился пень около метра в поперечнике.

Берёза на острове Анзер, на склоне Голгофы, тоже имеет форму креста, но благодаря отсутствию «хвоста» судьба этого дерева более счастливая. Берёзку огородили заборчиком и демонстрируют паломникам как чудо, подтверждающее святость места. Однако необычному ветвлению дерева есть вполне прозаическое объяснение.

< Странные, ирреальных форм, вековые деревья в лесах и на болотах Соловков усиливают ощущение феерической противоречивости духа архипелага

Берёза-крест на анзерской Голгофе относительно молода. Судя по исследованиям специалистов дендрохронологической лаборатории Института геологии РАН, её первое годичное кольцо сформировалось в 1953 году. Когда же в начале 1960-х острова открылись для свободного посещения, кто-то из умелых шестидесятников, вроде бывшего зэка Ю.И. Чиркова, превратил берёзу в живой памятник. Биолог подрезал молодому деревцу ветви так, что они образовали крест, который не мог появиться на берёзе естественным образом.

Невысокие соловецкие леса не пугают человека теменью чащоб, а словно приглашают, чтобы одарить некой тайной.

Достопримечательностью лесов архипелага является сосна сибирская, именуемая в России кедром, что является распространённой ботанической ошибкой, имеющей исторические корни. Когда в XVII веке произошло покорение Сибири, казаки, обнаружив деревья, похожие по описаниям на библейские кедры, так и стали их называть. Но сосна сибирская — родственница сосны обыкновенной, а кедры — ливанский, атласский и гималайский — это горные виды, растущие в жарких странах.

На Соловецком архипелаге насчитывается чуть больше 1000 стволов сосны сибирской. В течение двухсот лет энтузиасты высаживали семена или молодые экземпляры этого вида, и сосна обрела способность размножаться самостоятельно. Две трети известных на островах стволов выросли самосевом или благодаря белкам, которые зачастую не съедают часть запаса орешков, припрятанных в земле.

Кроме Соловков, естественное воспроизводство сосны сибирской не отмечено ни в Архангельской области, ни южнее — в Вологодской, ни в Карелии, на острове Валаам, где есть искусственные посадки.

Лесные уголья Соловецкого архипелага формально обладают высшей степенью государственной защиты: они отнесены к категории лесов, имеющих научное или историческое значение. Рубка деревьев здесь квалифицируется законами России как преступление.

Важной составляющей прибрежных пейзажей на Соловках являются весьма крупные извилистые, так называемые «танцующие», берёзы, а у полосы прибоя на мысах, где слой почвы всегда холодный, к земле прижимаются карликовые берёзки, больше похожие на кустарник. В борьбе за жизнь кусты берёзы поддерживают друг друга, создавая почти непроходимый полог высотой до полуметра.

В реестре соловецких сосудистых растений особое место занимает родиола розовая — «золотой корень» — вид, внесённый ботаниками в Красную книгу. Стимулирующее и адаптогенное влияние на организм человека препаратов, приготовленных из корневища родиолы розовой, можно сравнить лишь с воздействием вытяжки из женьшеня. Но экстракты из родиолы усваиваются северянами лучше.

Берёза, столь знакомая обитателям умеренных широт Европы и Америки, попав на беломорские острова, приобрела новые качества. Специалисты Института леса Карельского научного центра РАН констатируют появление гибридной формы берёзы с особым сочетанием признаков двух основных её видов — берёзы пушистой и берёзы поникшей. Деревья на побережье имеют, в отличие от материковых родственников, сильно изогнутые стволы и совершенно иную форму кроны. Гибридизация деревьев, которые цветут на материке в разное время, связана с краткостью вегетационного периода. На архипелаге он, по данным узника Соловков профессора А. А. Барановского, не превышает четырёх месяцев.

Берёзы не имеют конкурентов среди растений по способности выживать под жестоким напором сильнейших и почти непрерывных морских ветров

Луга, или, по-научному, луговые природные комплексы Соловецкого архипелага, на долю которых приходится не более 0,2 процента площади островов, насчитывают 126 видов цветковых растений и 32 вида листостебельных мхов. Когда наступает бесснежное время года, трава прорастает из земли с поразительной быстротой, а листья на деревьях, воспрянувших после многомесячного зимнего анабиоза, разворачиваются буквально на глазах.

Опыляют растения на архипелаге не пчёлы, а десять видов шмелей. Пчёлы не приживаются на островах: летают слишком высоко, и ветра сносят их в море. Шмели свою задачу исполняют хорошо. Растения зачастую достигают необычайных размеров. Представьте себе крапиву, иван-чай или злаки выше роста человека! Буйство цветов и разнообразие красок весной преображают острова. В силу краткости времени эффективного развития окраска растений не успевает выгореть и пожухнуть, ковры разнотравья на архипелаге почти всё лето сохраняют яркость и свежесть. Одуванчики, колокольчики, незабудки, ромашки (поповник), золотарник, пушица, гвоздика, фиалки, вереск, тысячелистник, волчье лыко, ложечная трава, лютик гиперборейский, клевер и множество других создают неповторимую красочную гамму.

Секрет обаяния быстротечного северного лета заключается не в количестве цветов, а в том, что растения, цветущие на Большой земле в разное время, появляются на Соловецком архипелаге почти одновременно. Будто сказочные летние и весенние братья-месяцы сошлись, чтоб порадовать хороших людей. Большинство растений известны жителям средней полосы России, но их невозможно увидеть на материке цветущими бок о бок. Созерцание узнаваемых с детства цветов — всех разом — дарит неизгладимое впечатление, воспринимаемое скорее сердцем, чем разумом.

Соловецкие растения наперегонки спешат совершить жизненный цикл, торопятся наверстать время, похищенное у них полярной ночью

Географическое положение Соловецкого архипелага таково, что он, как камень на распутье, стоит на перекрёстке важных воздушных течений. Над островами пронесётся по крайней мере половина циклонов, определяющих погоду в Европе. Разогретые солнцем потоки воздуха, поднявшись над субтропической зоной планеты, устремляются в полёт, но сталкиваются на своём пути с холодными атмосферными фронтами, вызывая мощные завихрения в воздушном океане.

На фотографиях, сделанных с искусственных спутников Земли, можно наблюдать следы воздушных потоков — это спиралеобразные облака над Соловками, которые похожи на воронки водоворотов, связанных с глубинами космического омота.

Вихри над морской гладью не знают преград. Какой бы ветер ни дул, он, как правило, сильный. Среднегодовая скорость ветра на архипелаге высока — выше, чем на близлежащих материковых пространствах.

Бурных дней с ветром силой шесть и более баллов по морской 12-балльной шкале Бофорта на Соловках в среднем 160 в году, в 80 раз больше, чем всего в 300 км, в Архангельске.

В акватории Белого моря запрет на выход гражданских судов из гаваней объявляется при скорости ветра 12 м/с, что соответствует шести баллам по морской шкале. Наиболее тяжёлое время для мореходов и лётчиков — это осень, когда порывы ветра гонят воздух со скоростью более 20 м/с.

П. В. Флоренский называет Соловки Островом Ветров, припоминая эллинское верование о пещере Ветров далеко на севере, откуда они разлетаются по свету.

*Облачный смерч над Соловками.
Вращающаяся воронка на высоте
1200–2800 м, 7 декабря 1928 года.
Рисунок заключённого А. Г. Санина*

«Пятнадцать лет, начиная с 1911 года, я непрерывно летал над многими районами страны, но нигде прежде не встречал таких резких перемен направлений и силы ветра в течение одного дня. Сплошь и рядом над Соловками штиль может сменяться ветром силой 12 баллов с густым туманом и выпадением осадков. Воздушные ямы над островами таковы, что самолёт Bis 24 во время испытательного полета 1 апреля 1926 года за 14 секунд проваливается на подлёте к архипелагу с 1200 до 30 метров над уровнем воды», — сообщил лётчик-авиамеханик А. М. Ныэль. Он с отчаянным военным лётчиком Л. В. Ковалевским осваивал авиалинию Кемь — Соловецкие острова. Полёты без радиосвязи, без службы погоды и аэродромов были рискованным занятием. Экипаж Ковалевского погиб в апреле 1934 года под Ухтой.

*На набережной Святого озера
у стены Архангельской башни
есть особое место, где ветра дуют
и при полном штиле на острове*

Согласно шведскому эпосу, необычайные, странной формы, стволы принадлежат деревьям-эльфам, которые оживают ночью, чтобы мстить за свои и чужие обиды

Соловки не хранят запахов. Ветер стерилизует архипелаг. «Настоящим хозяином Соловков является ветер, он вылизывает снег, забирается в щели, мешая или помогает ходить», — сообщил родственникам из концлагеря профессор Р. Н. Литвинов.

Ветры влияют на формы жизни. Средняя скорость воздушных потоков над островами в осенне-зимний период около 10 м/с.

Ветра на Соловецких островах не только осязаемы, но и зримы, хотя и опосредованно: их порывы искривляют стволы деревьев, создавая причудливые композиции по образу и подобию местной розы ветров. Потоки воздуха придают лесам на побережье особый колорит. Причём влияют они, кроме внешнего вида, и на строение древесины.

На Соловках не редкость стремительные вихри, налетающие с юга и юго-запада, но всё-таки господствуют на архипелаге потоки воздуха северо-западного и северного направлений. Летом северное направление ветров над Соловками совпадает с ориентацией Горла Белого моря, через которое вихри из Арктики, разогнавшись над Баренцевым морем, не встречая преград на своём пути, беспрепятственно устремляются к островам.

Арктический борей, самый мощный из ветров, с античных времён почитается моряками как суровый властелин всех других ветров. Ветер воспринимался древними греками не только как движение воздуха — ветры почитались божествами, ведавшими судьбами мореплавателей. Они могли донести до людей замыслы богов, но отличались ветреностью, то есть неустойчивостью поведения. Умение ловить ветер всеми парусами ценилось как важное качество мореходов на всех континентах.

На иврите слово «руах» означает и ветер, и дыхание, и дух. В книге Бытия Дух Божий (руах) носился над водою. Об этом говорят и еврейские легенды. Есть две вещи, которые не созданы, они были с самого начала, — ветер и вода, ибо сказано: «Дух Божий носился над водами». Бог единый, и никого другого не было рядом с ним, только ветер... Ты не можешь его постичь, не можешь нанести ему удар, ни сжечь, ни отбросить от себя. Весь мир наполнен Духом. Дух один несёт мир, он есть высшее, он был началом всех вещей.

Третья книга Царств учит, как отличить Дух от ветра: «Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь».

Благодаря почти непрерывной интенсивности ветров, приносящих летом прохладу, а зимой тепло из Атлантики, Соловецкие острова, лежащие на границе полярного и тропического воздушных потоков, являются в Приполярье оазисом, дающим приют многочисленным представителям птичьего мира.

Мощные воздушные потоки дают опору крыльям тысяч пернатых >

*Журавли, по народным поверьям,
приносящие людям счастье,
гостят на Соловецких островах
недолго — это птицы залётные*

Художник Ольга Яфа, заключённая Соловецких лагерей, которая по воле коллегии ОГПУ познавала природу беломорских островов на переломе 1920–1930-х годов, назвала свои воспоминания о временах пребывания на архипелаге «Авгуровы острова». Авгуры — в Древнем Риме прорицатели судеб по полёту и крику птиц.

Орнитофауна Соловков включает в себя свыше 240 видов. Совсем не на птичьих правах уживаются рядом орлан-белохвост с двухметровым размахом крыльев, уютящийся пространство над проливом Железные Ворота, и маленькие пуночки, и звонкие зяблики, и редкая на материке белая сова, активная в любое время суток. В скандинавском эпосе кровожадные духи утборд наблюдают за жертвами, приняв обличие белой совы.

Сказочные лебеди-кликуну соседствуют на островах со знаменитыми обитателями северных морей утками-гагами и местными утками — краснозобыми гагарами, с глухарями и куропатками, выбегающими на дороги, с десятками других водоплавающих и певчих птиц. Соловецкий архипелаг — это орнитологический рай. На острове Большая Муксалма в конце лета можно наблюдать предотлётные скопления серых полутораметровых журавлей числом до сотни.

С наступлением вечера на охоту вылетают сумеречные охотники сычи, ассоциирующиеся в сознании людей с нечистой силой. Сыч — любитель таинственного полумрака сырых еловых чащоб, где с корявых ветвей свисают над заячьими тропинками призрачные бороды лишайников.

*Мохноногий сыч всегда появляется
с пугающей неожиданностью и внешне
напоминает юного чертёнка с бугорками
на месте будущих рожек >*

Горластых чаек на Соловецких островах нельзя не заметить, о них упоминают едва ли не все описания архипелага. Эти пернатые, улетающие осенью в тёплые края, в частности в немецкие земли, возвращаются, едва сойдёт снег. Шумный прилёт белых птиц, как и приход белых ночей, означает для островитян скорый конец ледяного плена. Чем больше чаек прилетит весной, тем больше богомольцев прибудет летом — такая примета бытовала среди соловецких монахов. Поэтому отношение священноначалия и братии к чайкам было самое доброжелательное: их оберегали и прикармливали.

Богомольцы в XIX веке считали соловецких чаек птицами священными, а их нахальное поведение в обители — свидетельством Божьего благоволения к ней.

«Чайки ростом с небольшого гуся, белые с серыми хвостами, на высоких лапах, с большим жёлтым клювом, кончающимся шишкой, и кровавыми наростами на нём. Чайки эти без страха и церемоний влетают в окна, клюют хлеб на столах, бегают у самых ног, толпятся в проходах, не давая дороги; каждая знает свой район, птенцов выводит прямо в траве, те бегут людям навстречу и имеют вид серых индюшек», — пишет журналист Е. Л. Кочетов, посетивший Соловецкий монастырь в 1894 году.

Гусеподобные чайки, говорят, гадившие на английских артиллеристов, после войны 1854 года пользовались в Соловках покровительством, как гуси в Древнем Риме. Глядя на их суету, крики и испускание помёта, сотни богомолков с умилением скармливали птицам хлеб: «Ох! Ох! Ох! Ведь чайки за нас Господу Богу молятся!»

< В море, ещё на подходе к архипелагу, путешественников атакуют алчные чайки-клуши, требующие подношения своими пронзительными криками

«Монастыряне должны питать чаек и оставлять их неприкосновенными, хотя необходимо остерегаться, чтобы их желудочное испражнение не замарало платья, от чего не освобождается даже начальственная одежда», — сообщает Александр Фомин в 1789 году в своём «Описании Белого моря».

Чайки, гнездившиеся летом во внутреннем дворе Соловецкого монастыря, видимо, принадлежали к относительно редкому виду чайки серебристой, *subsp. Larus argentatus omissus*, описанному академиком П. П. Сушкиным. Скорее всего, эндемический вид «соловецкая чайка» оказался утраченным после массового истребления птиц и их гнездовой чекистами при передаче островов из ГУЛАГа в Тюремный отдел НКВД в 1937 году. Освободившуюся биологическую нишу заполнила пришедшая для Беломорья птица — чайка-клуша. Количество клуш на Соловецком архипелаге в начале XXI века стало большим, чем где бы то ни было в мире, и продолжает расти.

Соловецкие чайки издавна воцарялись в обители на лето и вытесняли своих сородичей по классу за пределы человеческого поселения, изгоняли, по словам архимандрита Досифея Немчинова, воронов, постоянных здешних жителей, в леса. Рассказ Его Высокопреподобия архимандрита Досифея об изгнании немногочисленных чёрных птиц стаями белых подтверждался каждую весну, из года в год. Чайки в период гнездования предпочитают обитать колонией, где все у всех на виду, а монахи, симпатизируя таким отношениям, предоставляли чайкам безопасную территорию монастырского двора и дармовое питание за счёт богомольцев.

Вороны в отличие от чаек создают постоянные пары и сохраняют многолетнюю привязанность друг к другу. Они предпочитают устраивать гнездовья подальше от ора чаек и гомона паломников. В чашах острова можно нередко услышать трубное «кр-р-ук, кр-р-ук!». Это крупная, с длиной тела около 70 см, птица с клиновидным хвостом и мощным клювом, почти не тормозя, устремляется на посадку, выпустив вперёд мощные лапы. Дрожат ветви вековых сосен, потревоженные вешим (предвидящим будущее) вороном — героем сказаний многих народов мира. Деревья, которые выбирают вороны для гнездовий, сказочны сами по себе: кряжистые, перекрученные непрерывными ветрами вокруг своей оси стволы, утратившие часть коры и кроны, выбеленные дождями и ветрами до цвета кости.

Характерная деталь соловецкого зимнего пейзажа — это пара чёрных с металлическим отливом птиц, очерчивающих круги над монастырём. Ворон, коренной соловчанин, является одним из символов архипелага. Как истинный символ образ ворона многозначен и амбивалентен, то есть противоречив. Ворон, согласно христианской мифологии, — свидетель и в какой-то мере соучастник первородного греха. Его нередко изображают сидящим на Древе Познания, с которого Ева вот-вот сорвёт запретный плод.

Чёрный ворон — это, по И. Бунину, *скорбной памяти детище*. На Руси ворона побаивались, в крике — кр-р-ук, кр-р-ук! — слышалось — кровь, кровь! Но ворон не дал погибнуть праотцу православного монашества Павлу Фивейскому (228–341), который 91 год подвизался в пустыне Фиваида, питаясь финиками да хлебом, которые приносил ему ворон. И вороны, согласно III книге Царств, спасли первого девственника Ветхого Завета, израильского пророка Илию (IX век до н. э.), ныне покровителя воздушно-десантных войск России, жившего в пещере: «...вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил».

Пара воронов — персонажи свиты Одина, верховного божества пантеона викингов. Вороны Хугин и Мунин (Мысль и Память) видят и знают всё, что происходит в мире

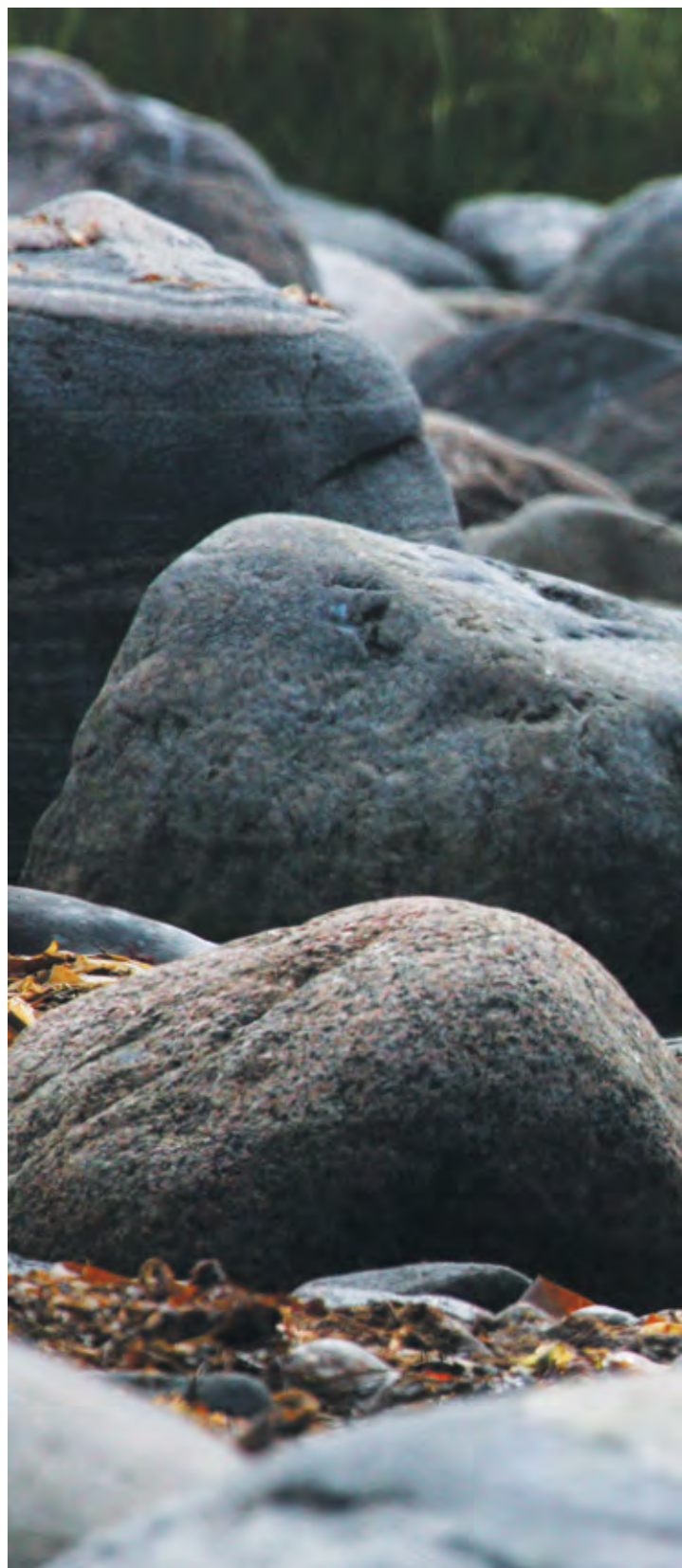
В отличие от крикливых чаек и суровых ворон, полярные крачки, красноклювые белые птички в сизых мантиях, с чёрными шапочками-кипами на макушках, всегда предпочитают держаться подальше от соловецких монастырских стен. Они добывают пищу в поверхностном слое моря, на глубине до одного метра. Никогда не садясь на воду, крачки несутся над волнами. Заметив добычу, птицы табанят в полёте крыльями, как вёслами, зависают над волнами, а потом без всплеска пикируют в море. При появлении вблизи гнездовой лис или двуногих пришельцев маленькие птички друг за другом с криками «киа!» или «кер-р!» отчаянно бросаются на защиту своих гнёзд на запахнутых всем ветрам прибрежных пустошах.

Ежегодно крачки совершают самые протяжённые в мире миграции — от Антарктиды до Арктики. За тридцать лет жизни их налёт составляет два с половиной миллиона километров — в шесть раз больше, чем от Земли до Луны! Из поколения в поколение полярные крачки возвращаются на свою историческую родину. По данным исследователя А. Е. Черенкова, соловецкая колония крачек насчитывает около десяти тысяч гнездящихся пар, являясь одной из крупнейших на континенте.

Состав наземной фауны Соловков скром, но видовая скудность не является показателем бедности количественной. Зайцы, лисы, белки, мыши и ондатры встречаются достаточно часто вблизи человеческого жилья. Иногда можно увидеть лосей, появившихся на островах в начале XXI столетия.

Важная особенность Соловков — *островная кротость*: нет хищников, опасных для человека, нет энцефалитных клещей и ядовитых змей, распространённых на соседних с Соловками землях. Гадюка, с которой частенько можно столкнуться на Валааме, в реестре соловецких обитателей не значится. Даже комары, которых на островах насчитывается около 30 видов, весьма агрессивные в первой половине лета на континенте, на Соловках вытесняются ветрами с побережья, где живут люди, вглубь лесов.

Крачки в силу своей привязанности к архипелагу и численности популяции могут, как и вороны, считаться одним из символов Соловков

«Местность Соловецкого острова составляет решительный контраст со всеми соседними ей: словно природа огорчилась, истощённая в береговых тундрах и болотах, и, собравши последние оставшиеся силы, произвела на острове новый особенный мир, в котором так всем привольно и всё так сродни и знакомо далёкому заезжему человеку», — написал о Соловках в середине XIX века путешественник Сергей Максимов, зачарованный архипелагом, где деревья толпятся у озёр с живой водой.

Если у вас есть время выждать момент безветрия, то в зеркале озера можно увидеть собственное отражение, воссоединённое с облаками, и ощутить себя на небесах.

Своей красотой и прелестью
Белое море сравнимо лишь
с Мраморным морем.

*Профессор Г. О. Гордон,
узник Соловецкого лагеря*

Корона архипелага

Земля окружена потоками энергии, генерированной в других мирах. Абсолютное большинство элементарных частиц, бомбардирующих нашу планету, являются квантами галактического происхождения, хотя немалая толика потока есть результат солнечной активности. Магнитосфера земного шара предохраняет его от существенных повреждений частицами, скорости которых достигают 1000 км/с, однако в полярных районах защита от излучения существенно слабее, чем вблизи экватора.

Соловецкий архипелаг расположен под открытыми воротами в космос — так называемым авроральным овалом, отверстием в защитном магнитном поле земного шара. Через зияющую в пространстве брешь аврорального овала Вселенная распространяет своё влияние на земли высоких широт, а потом на всё живое и неживое на нашей планете. Частицы, прорвавшиеся сквозь магнитное поле Земли, ионизируются этим полем, обретая спиралеобразную траекторию, как бы навиваются на цилиндры вокруг невидимых магнитных силовых линий. В тёмное время года, а особенно в ноябре и феврале, потоки заряженных частиц, летящих к Земле через авроральный овал диаметром 3000 км, вызывают в наружном слое атмосферы эффект свечения, получивший название «полярное сияние».

Полярные сияния являются самым грандиозным из явлений природы, которые дано наблюдать на Земле. Они поражают созерцателя изменчивостью цвета и подвижностью форм. По образному выражению космофизика Юрия Гальперина, знакомого с Соловками не понаслышке, «сияния очень индивидуальны и больше напоминают поведение капризного животного, чем чёткий и воспроизводимый физический процесс». Полупрозрачные вертикальные столбы сменяются широкими горизонтальными дугами, а мерцающие туманности сплетаются в дрожащий 500-километровый занавес со складками. Иногда языки горящего пламени висят над участками суши в виде нимба или короны. В России существует поверье, что сияние реагирует на свист, а в Норвегии — будто бы дети способны, крича и размахивая белыми шарфами, приблизить сияние и изменить его яркость.

«Частота полярных сияний вблизи побережья и над островами аномально увеличивается», — так в 20-х годах XIX века полярный исследователь Ф. П. Врангель описал характерную особенность сияний, назвав её «береговым эффектом». Позднее было замечено, что именно над островами и мелями возникают разрывы дуг полярных сияний, которые придают зрелищам свечения атмосферы особую привлекательность.

Волны магнитных бурь,
сопровождающих сияния,
вливают на розу ветров,
на ход морских течений,
на полёт спутников Земли.

Сияния, рождённые потоками заряженных частиц, длятся от нескольких минут до нескольких часов, принимая иногда вид спиралевидных фигур размером в полнеба. Такие явления воскрешают в сознании мифы о драконах, особенно если змееподобное сияние наполняет воздух шелестом и шипением. Дословный перевод словосочетания, обозначающего у саамов полярное сияние, — «слышимый свет». Звуки, сопутствующие полярным сияниям, фиксируются человеческим ухом редко, так как представляют собой инфразвуковые колебания с частотой от одного герца и ниже.

«Звучание сияний» — акустический эффект модуляции электромагнитных волн — улавливает на звуковых частотах аппаратура искусственных спутников. Над Беломорьем ежегодно разыгрывается до сорока магнитных бурь, во время которых стрелка компаса аномально отклоняется более чем на шесть градусов. Небезопасные для космических аппаратов магнитные бури планетарного масштаба связаны с плясками полярных сияний в небе так, как танцы морского царя на дне были связаны с гибельными для кораблей штормами в новгородской былине про купца Садко.

Порывы солнечного ветра охватывают весь земной шар и его магнитосферу. Они меняют маршруты морских течений, вносят сумятицу в розу ветров, срывают с орбит космические корабли. Электрические токи, сопутствующие сияниям, возмущают защитное магнитное поле Земли, воздействуют на состояние её обитателей, на работу приборов и средств связи. Магнитные бури способны «раскачать» силовое поле настолько сильно, что изменяется угол наклона оси планеты к плоскости орбиты, вызывая сдвигку геомагнитных полюсов от «шапок» Земли к экватору.

Существенные смещения геомагнитных полюсов наука называет экскурсами. За последние 12,5 тысячи лет отмечены три экскурса, во время которых происходили глобальные изменения климата. Экскурс 6,6–6,2 тысячи лет до н. э., сопровождавшийся резким похолоданием, именуется Соловецким в честь острова, где создатель лаборатории физики авроральных явлений ИКИ РАН доктор физико-математических наук Ю.И. Гальперин впервые зарегистрировал аномальную остаточную деформацию палеомагнитного поля в почве Секирной горы.

Воды, окружающие Соловецкий архипелаг, не стоят на месте. Течения, связанные с обменом вод между Белым и Баренцевым морями через пролив, называемый Горлом, сталкиваются с приливно-отливными потоками. За год глубинные и поверхностные течения способствуют обмену половины объёма вод Белого моря. Придонные потоки тяжёлых солёных вод из Ледовитого океана вытесняют более лёгкую воду, опреснённую реками, впадающими в залив. Свою лепту в круговорот вод вносят морские течения, обусловленные вращением Земли. В местах столкновения потоков происходит изменение температуры и солёности воды, а также рождаются водовороты, которые способствуют обогащению среды кислородом и бурному развитию форм жизни — в первую очередь сапрофитных бактерий неслыханной для Беломорья величины.

Содержание зоопланктона в акватории Соловков достигает 500 мг в литре воды, что в пять раз больше, чем в смежных водах Онежского залива. Количество бентоса (так называют сообщество организмов, живущих на грунте или вблизи грунта водоёмов) на юге Соловецкого архипелага, у острова Малая Муксалма — свыше 10 кг/м².

Течения за четырнадцать лет принесли из моря Лаптевых в Ледовитом океане к берегу Большого Соловецкого острова бутылку с посланием от девочки Маши

Корона архипелага

Обилие корма вблизи Соловецких островов создает благоприятные условия для привлечения nekтона, то есть совокупности активно плавающих животных, крупнейшими из которых по праву считаются зубатые киты — белухи, или белые дельфины, как определил их Паллас в 1776 году. Стихия белух — морские просторы, но дышат они атмосферным воздухом, так как являются вторичноводными существами, предки которых 70 миллионов лет назад вернулись с суши в океан.

Мыс Белуший на Соловках — единственное в мире место, где можно почти постоянно наблюдать китов с берега.

В Белом море, по мнению исследователя Владимира Баранова, около двух тысяч китов-белух. Известны места их скопления в Двинском заливе и у острова Жижгин, но главный репродуктивный центр, определяющий жизнь всей популяции, находится у побережья Соловков. Вблизи мыса Белушьего самки допускают к себе на время гона партнёров, совершают с ними цикл брачных игр, рожают детёнышей и воспитывают потомство. Самцы и молодые неполовозрелые самки у побережья архипелага не задерживаются — на мелководье млекопитающих, не имеющих в Белом море природных врагов, не раз подстерегали гарпуны и сети.

Вблизи мыса устраивали засады и первобытные люди, и запасливые монахи, и подневольные ээки, но вопреки трагическому опыту предков из века в век с приходом белых ночей дважды в сутки, в часы отлива, киты устремляются к заветной подводной полянке в нескольких десятках метров от мыса. Они зависают над песчаной прогалиной, светящейся среди камней, поросших бурными водорослями. По одному, соблюдая очередь, без суеты, киты погружаются и елозят по дну лбами и другими частями тела, выделяя секрет из глазных, ротовых и иных желёз, чем приводят себя в возбуждённое состояние. Матери иногда берут с собою младенцев, едва достигших возраста двух-трёх недель, которые повторяют движения взрослых, исполняющих нечто похожее на обряд.

Многолетние наблюдения, как и пробы грунта с подводной полянки, не позволили раскрыть тайну влечения белух к Соловкам. У белух, известных сложными формами высшей нервной деятельности, прекрасно развита кора полушарий переднего мозга, который обладает извилинами четвёртого порядка и отделами, не имеющими аналогов в мозге высших хищников, приматов и людей.

Белухам присущи очень сложные формы социального взаимодействия, включая взаимопомощь и коллективизм. Общение китов происходит путём обмена акустическими сигналами. Белухи, самые «разговорчивые» из китов, используют до тридцати низкочастотных звуков, что соответствует количеству букв в алфавитах европейских языков, и, обладая четырьмя звуковыми мешками, выпускают «в четыре горла» насыщенные информацией сигналы — «акустические иероглифы».

Белухи способны уничтожить хищную касатку резким бойцовским ударом челюсти в печень, но по отношению к человеку киты неагрессивны

Исследователи чётко выделяют отдельные элементы языка белух: звуки «а», «у», «и», «блеяние», «скрип», «ржание» и «щелчок», за который норвежские рыбаки прозвали белуху «полярной канарейкой». Сотрудники лаборатории морской биоакустики Института океанологии Российской академии наук расшифровали часть команд из лексикона белух: «поворот», «отстань», «всем нырнуть», «до свидания». Эти команды передаются в диапазоне 0,2–20 Гц и могут частично восприниматься человеческим ухом без всякого преобразования. Но в естественных условиях киты не спешат устанавливать контакты с представителями человеческой популяции.

Киты в процессе эволюции обрели особое «магнитное чутьё» и способность подобно локатору индуцировать высокочастотные сигналы, воспринимаемые людьми как треск и щелчки. По отражённым импульсам они исследуют объекты на расстоянии нескольких миль, безошибочно отличая схожие по форме, но различные по сути предметы. Стальной цилиндр белуха не перепутает с медным, полый — с монолитным. Вызывает восхищение и способность гигантов к беспрестанному контролю над ситуацией в течение тридцати пяти лет жизни. Пока одно полушарие мозга белухи спит, другое обеспечивает двигательную активность, затем они меняются ролями.

После освобождения соловецкой акватории от ледяного покрова белухи устремляются на свою прародину, к мысу Белушьему

Виртуозные пловцы, белухи могут двигаться на спине, на боку, хвостом вперёд и чуть ли не стоя на хвосте. Уходя под воду, они задерживают дыхание минут на двадцать и на это время для удержания кислорода в крови сокращают число сердцебиений со ста до двенадцати ударов в минуту. Обычно белухи не ныряют глубоко, у них нет в этом жизненной необходимости, но во время экспериментов млекопитающие легко достигали заданной глубины в 600 метров, не испытывая впоследствии страданий от кессонной болезни.

Неудивительно, что многочисленные любители природы, и не только из России, правдами и неправдами пробираются на заповедные Соловецкие острова, мечтая увидеть белух в естественных условиях. Чтобы как-то защитить уникальное скопление белух от наплыва их почитателей, но не лишая гостей острова возможности визуального знакомства с этими млекопитающими, Соловецкий музей-заповедник летом 2001 года пригласил на остров команду специалистов из крупнейшего дельфинария Утришской морской станции. К сожалению, это начинание не получило развития из-за активного противодействия священноначалия Соловецкого монастыря.

В истории о невероятных способностях белых китов начинаешь верить, увидев это диво на Соловках сам.

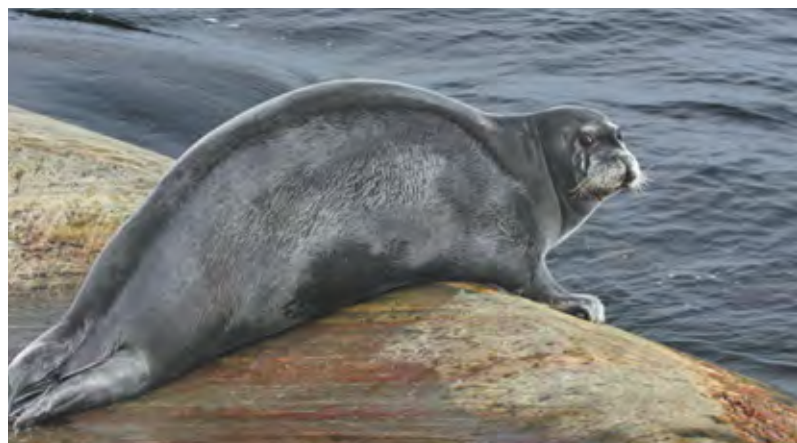
В трёх километрах от монастыря в выгуженной части залива Долгая губа дважды в день можно было прослушать лекцию и наблюдать представление белух, исполнявших феерическую демонстрационную программу. Увидеть белых китов приходили не только туристы, но и соловчане. Однажды мой сын, которому не было и года, выполз на мостки и стал хлопать ладонью по воде. Тут же из моря высунулась огромная голова. (Видят белухи как в воде, так и на воздухе, как в сумерки, так и под солнцем: особенности устройства их хрусталика и роговицы таковы, что позволяют мгновенно адаптировать оптику глаза к любой среде.) Морда зверя светилась доброжелательной улыбкой — белухи способны пользоваться лицевой мимикой. Челюсть, похожая на обезьянью, откинулась, и мальчик опустил ручку в пасть с двумя рядами пятисантиметровых самозатачивающихся зубов, способных разорвать на части крупную рыбу. Видевшие эту сцену были парализованы страхом, а Давид гладил белухе язык, и та издавала нежный щебет. Мальчик запомнил его и, не освоив ещё человеческой речи, мог по просьбе мамы воспроизводить «акустические иероглифы» кита, который по праву может считаться одним из символов Соловков.

Китов трудно не заметить, но кроме них соловецкие воды не просто богаты различными формами жизни, а концентрируют в себе этапы истории развития жизни на Земле. Вся так называемая «лестница существ» Ламарка, буквально весь эволюционный ряд, включая червей, медуз, моллюсков, членистоногих, иглокожих и до позвоночных, — во всей своей полноте без изъятий доступен взгляду исследователя непосредственно у столбов соловецкого причала. Здесь есть даже асцидии, которых не встретишь в других российских европейских морях. Колонии роковых красавиц актиний напоминают своим видом райские сады. Они распускают лепестки-щупальца в ожидании очередной жертвы. Прельстившихся их красотой актиний парализуют ядом и заглатывают. На грунте пасутся полупрозрачные креветки со светящимися глазами, а ближе к поверхности порхают крылатые морские ангелы с рожками на голове. Ангелы — это брюхоногие моллюски, прожорливые хищники, которые питаются безобидными малютками, прозванными почему-то морскими чёртиками.

Отливы обнажают поля, усыпанные скоплениями спиральных конических бугорков, созданных морским червём-пескожилком. Этот червь в процессе питания за сутки пропускает через кишечник до сорока граммов песка, переваривает найденные питательные вещества, а отходы выталкивает на поверхность. Других многощетинковых червей — nereisов, которых поморы несправедливо окрестили морскими змеями, можно увидеть лишь в начале июля, когда полуметровые трёх-пятилетние особи покидают свои норы в морском грунте.

Фантастичен ход nereisов в заливе Старые Городки у Анзера. Мириады фиолетово-серебристых существ, приняв вертикальное положение и высунув головы из родной стихии к небу, под ор стервенеющих чаек перемещаются вокруг загадочной пирамиды, выступающей над водами. Вибрируя, особи отражают своими телами лучи света, причудливо оживляя цвет моря. На севере России, в отличие от островов Полинезии, nereisы деликатесным продуктом не считаются и никаких охотничьих инстинктов у человека не вызывают, но зрелище брачного и в то же время предсмертного обряда животных производит незабываемое эмоциональное впечатление на тех, кто видел море в часы хода nereisов.

Крупнейшие среди соловецких ластоногих — морские зайцы длиной 2,5 м, массой до 300 кг

Ластоногие представители арктической фауны издавна облюбовали акваторию Соловецких островов. Любопытные морские зайцы нередко высовывают усатые головы из воды, тарачась на проходящие суда. Реже встречаются гренландские и серые остромордые тюлени. В соловецких водах обитали и моржи, но их поголовье уничтожили «монастыряне»: только в 1887 году было забито 845 этих млекопитающих. Самый многочисленный вид ластоногих — это кольчатые нерпы, они тут и там грациозно принимают солнечные ванны на камнях, выступающих над волнами.

«Детский сад» нерпы расположен на островке Золотая Корга в проливе Анзерская салма

Насыщенная светом акватория Соловков, где прозрачность воды летом достигает 10 м, а температура в верхних слоях 16°C, может прокормить стада рыб и великое разнообразие беспозвоночных. Наиболее узнаваемыми для большинства людей являются неброские на вид мидии, малознакомые северянам на вкус, хотя уже во времена Екатерины Великой их под иностранным названием «мушель» поставляли к царскому столу. Суммарная биомасса мидий, нежнейших деликатесных моллюсков, достигает в Белом море двух миллионов тонн. Мидии живут в прибрежных водах, прикрепляясь к камням. Добывая корм, они непрерывно пропускают через себя и фильтруют воду, очищая акваторию от механической и биологической взвеси. В течение часа средний моллюск обрабатывает около трёх литров воды. За год беломорские мидии фильтруют количество воды, сопоставимое с объёмом моря. Охотниками за мидиями являются тюлени и утки гаги, чей пух уже много веков высоко ценится людьми как средство защиты от холода. Половину рациона гаг составляют мидии.

Флора и фауна Белого моря — это смешение теплолюбивых и арктических форм жизни пяти географических поясов.

У нижней границы колоний моллюсков дежурят хищные морские звезды. Они не могут перемещаться по вертикальным стенкам каменных гряд, где расположены колонии мидий. Зато эти животные способны догнать случайно оказавшуюся на дне жертву, присосаться к раковине многочисленными ножками и постепенно раздвинуть створки раковины. Потом, вывернув наизнанку свой желудок, звезды просовывают его в створки, выпускают желудочный сок и высасывают тело моллюска. В Белом море обитает десять видов морских звёзд, хотя в тёплом Чёрном — только два вида этих пожирателей мидий.

У берегов Соловецких островов ихтиологи насчитывают не менее полутора десятков видов различных промысловых рыб, включая атлантического лосося — семгу — и морского волка — крупную зубатку.

Зачастую добычей рыбаков оказываются треска, пинагор, навага, камбала и корюшка. Но самую большую известность среди беломорских рыб, обитающих в акватории Соловецкого архипелага, получила, благодаря своим особым гастрономическим достоинствам, соловецкая сельдь. Её поставляли в своё время и в Зимний дворец, и в Московский Кремль. Учёный Кремер, оказавшийся в Соловках не по своей воле, исследовал и описал несколько сотен особей этой рыбы. Кремер полагал, что в 1929 году им зарегистрирован особый вид сельди *Clupea harengus maris Albi Berg*, которая мечет икру исключительно в соловецких губах. Этот эндемик отличается от обычной беломорской сельди большим размером и более поздними сроками икрометания.

О причинах особой популярности соловецкой сельди в ряду других стад прекрасной беломорской сельди у поморского населения нет единого мнения. Известный этнограф и писатель Сергей Максимов в своей книге «Год на Севере» приводит слова старого рыбака из села Сороки (Беломорска), записанные в 1856 году: «Ты, батюшко, коли тебе наши сороцкие сельди вкусом своим хуже архимандричьих соловецких показались, знай: там перво-наперво с молитвой засол творят, а у нас — со всякой непотребной бранью. Опять же там бочонки-то какие-то особенные, и лавровым листом перекладывают, и старания больше кладут, так как рыбы у них мало...»

Лов сельди белыми и серыми ночами в заливе Благополучия — азартное занятие. Поморские гребные карбасы, стремительные пластиковые суда, тяжёлые стальные катера со стационарными моторами и экзотические парусники замирают на зеркальной глади среди отражений крепостных башен и храмов. Приспособления для лова сельди просты: шесть-семь блестящих рыболовных крючков без наживки, гирляндой укреплённых на одной леске через 20–30 см.

Снасть погружают в море, встряхивают несколько раз вверх-вниз и вытягивают с добычей. Платочки рыбаков, кокетливые панамки, скуфейки священнослужителей и разноцветные бейсболки соседствуют бок о бок. Сельди пока хватает всем.

Лов соловецкой сельди — занятие азартное >

В XIX веке российские гидробиологи, обнаружив в водах Долгой губы баснословное богатство форм жизни, сочли её «зоологическим курьёзом»

Тёмными ночами можно наблюдать зрелище гидробиологического свечения моря, то есть искровидные вспышки микроорганизмов, генерирующих энергию, которая резко увеличивается при появлении внешних раздражителей. Интенсивные вспышки соответствуют «включениям» некоторых видов медуз и гребневиков, излучающих свет.

Естественным заповедником морской фауны Соловецкого архипелага является Долгая губа, расположенная на востоке Большого острова. Слово «губа» на Севере соответствует понятию «залив». Протяжённость Долгой губы около 10 км. А её площадь приближается к 30 км², это внутреннее море архипелага.

Долгая, или Глубокая губа имеет свои морские течения, свои четыре десятка островов и островков, свой отличный от других соловецких заливов подводный мир. Температура воды в этом заливе снижается приблизительно на градус при погружении на метр, а на глубине ниже 11 м — скачкообразно падает до нулевой отметки. Сто лет назад, до строительства дамбы между островами Большой Соловецкий и Большая Муксалма, температура воды в заливе Долгая губа на больших глубинах имела стабильный отрицательный показатель равный $-1,65^{\circ}\text{C}$.

Дважды в сутки, а точнее каждые 12 часов 24 минуты, под влиянием силового гравитационного поля Луны отливы обнажают литораль — морское дно вокруг архипелага, демонстрируя плантации водорослей, опоясывающих острова. Водоросли, нуждаясь в свете, тяготеют к отмелям и избегают вечного сумрака, царящего на глубинах более 40 м.

Морские водоросли, древнейшие представители растительного мира, впитали в себя мудрость миллионов лет эволюции и обрели свойства, которыми не обладают растения на суше. Главнейшее промысловое значение в акватории Соловков имеют бурая водоросль ламинария сахаристая — «морская капуста», талломы которой, похожие на листья, достигают пяти метров в длину — и ценная красная водоросль анфельция складчатая, или «мошок», внешне действительно похожая на мох.

Химический состав бурых морских водорослей по набору элементов схож с кровью человека.

Суммарный вес биомассы водорослей в Белом море исчисляется миллионами тонн. Они являются не только экологическим щитом вокруг Соловецкого архипелага, но и его бесценным богатством. Дары моря, собираемые в акватории Соловецких островов, обеспечивают существование крупнейшего в Европе Архангельского водорослевого комбината.

Лекарственные и косметические препараты из водорослей замечательно усваиваются человеческим организмом. Снадобья, приготовленные из водорослей, включают в себя 59 органических соединений, причём количественно и качественно набор веществ, содержащихся в водорослях, отличается от состава крови человека не более, чем воды древнего Мирового океана отличались по составу от современного моря. Биологическая совместимость продукции из водорослей с организмом человека объясняется тем, что обитатели Земли на ранних стадиях своего развития имели незамкнутую систему питания, в которой роль крови исполняла вода океана, снабжавшая организм питательными веществами и кислородом.

В результате эволюции живые существа, сохранив минеральный обмен прежним, обрели автономные замкнутые круги кровообращения, давшие животным возможность обитать вне водной среды, на суше. Мы дети одной природы, у нас общая колыбель жизни — как бы напоминают желающим это услышать 160 видов соловецких водорослей.

Целительные свойства водорослей были известны жителям Древнего Китая и Древней Индии, где они применялись для стимуляции деятельности желез внутренней секреции

Перспективный продукт марикультуры ламинария сахаристая, которую китайцы называют морским женьшенем, содержит редкий аналог гормона щитовидной железы

Первым из опубликованных графических изображений Белого моря считается карта Северных стран датчанина Клавдия Клавуса 1427 года, но море давно было известно элинам. Карта 1492 года, созданная на основе описаний из «Географии» грека Клавдия Птолемея, жившего во II веке, свидетельствует о том, что берега моря были заселены племенами дикая лопь и финская лопь.

Современное название моря *Album mare* впервые зафиксировано в «Реестре жалоб против дворянства Финляндии», составленном по указанию шведского короля Густава Ваза в 1566 году, и на карте Петра Пластина.

*Пять-шесть вёрст ледяного припая
сковывают море и отрезают берега
от открытой воды, приостановив
судоходство больше чем на полгода*

Bella more — русская транскрипция названия — увидела свет на карте Герарда Меркатора в конце XVI века. Соловецкий узник, учёный-энциклопедист Гаврила Осипович Гордон, наблюдая Белое море с берегов архипелага, написал в 1931 году сыну, что по красоте это море может сравниться только с южным Мраморным морем.

Красота красотой, но морская стихия играет по отношению к островам двойную роль: единство и борьба противоположностей здесь присутствуют в чистом виде. Море — одновременно и дорога, и преграда. Лды смерзаются вдоль берегов 15–20 декабря, и припай до конца весны отрезает сушу от вод. Морехода, протащившего своё судёнышко по припаю через вздыбленные торосы и разводя к воде, открытой для плавания под парусом или на вёслах, поджидают новые тяготы опасного зимнего путешествия по Белому морю.

Слой плавающего, похожего на град льда, называемого шугой, не даст опоры ни винту, ни веслу. Лодки промысловиков, затёртые шугой, не раз теряли способность к самостоятельному перемещению и погибали, попав в жернова дрейфующих льдин.

Толщина льда достигает приблизительно трёх четвертей метра. В часы отлива льды вдоль берегов висят над пустотой и, не выдержав своего веса, временами падают вниз. А при приливах вода через разломы изливается поверх снега, образуя наледи, густо парящие на морозе. В такие часы каждая прибрежная травинка и веточка обретает дивный наряд из игл инея. Белое безмолвие лишь изредка нарушают отдалённые шорохи, скрипы, а то и грохот. Это ледяные поля, гонимые ветрами и течениями, бьются друг о друга или о припай, возводя бастионы торосов, ропаков и стамух — так называют разновидности ледяных преград, дыблящихся над гладью замёрзших вод. В конце мая, когда наступает продолжительный световой день, холода отступают. Припай, ломаясь вдоль береговой линии, уже не смерзается с ней, и течения достаточно быстро уносят льды в Баренцево море.

Наиболее древние письменные свидетельства о походах людей через Белое море содержатся в исландских хрониках. Викинги, разработав систему топографических ориентиров, уверенно пересекали море. Их тайное хранилище ювелирных изделий и монет западноевропейской чеканки XI–XII веков было найдено у устья Северной Двины в 1998 году. Новгородцы, переняв у варягов навыки морского судостроения и судовождения в приполярных водах, двинулись в XII веке к Ледовитому океану с юга. Конфликты между новгородцами и мурманами (норвежцами) возникали не в связи с территориальными притязаниями, а из-за общих устремлений брать дань с местного населения. Имели место и приграничные стычки, носившие характерные признаки грабительских набегов, а не войн.

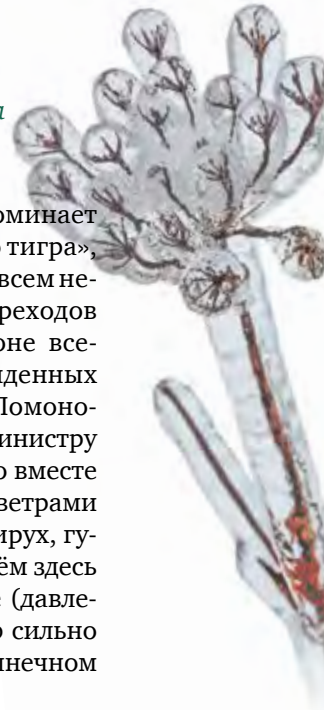
Исландские хроники свидетельствуют о нападениях ватаг русских и карел на селения Скандинавского полуострова в 1271, 1279, 1302, 1303, 1316, 1323 годах, но новгородцам выгоднее было не воевать, а договариваться, создав со Швецией в 1326 году взаимоприемлемые правила передвижения кораблей от южных портов Норвегии до устья Двины.

Ледяной припай моря ненадежен, он ломается под собственным весом во время отливов, а ветра и волны крушат льдины, ударяя их друг о друга

На карте Европы Белое море напоминает лужицу под хвостом «скандинавского тигра», однако хождение по этой «лужице» совсем непростое дело. Даже для опытных мореходов судовождение в приполярном регионе всегда связано с множеством непредвиденных обстоятельств. Капитан парохода «Ломоносов» М.И. Кази поведал в 1894 году министру С.Ю. Витте и его спутникам о том, что вместе с северо-восточными и восточными ветрами «именно отсюда идёт начало всех завирух, гуляющих по остальным океанам. Причём здесь бывают бури при высоком барометре (давлении. — Юр. Бр.) и обратно: барометр сильно упал, а море всё-таки гладко, и в солнечном воздухе стоит тишина».

Летом шторма, как правило, не бывают продолжительными и стихают, как только ослабевает ветер. Тем не менее на средневековых географических картах исконное название внутриматерикового русского Белого моря — Соловецкая Пучина. Пучина — это вам не тишь, гладь да божья благодать! Пучина пучится, вскипает и поглощает бесследно.

Сказочный Балда, как и поморы, называл пучиной море, известное скандинавским мореходам под именем Гандвик, то есть Колдовской залив. Пушкинская сказка про симпатичного бесплатного трудника Балду, которого жадный поп отправил собирать с чертей налог за проживание в море, вне всякого сомнения, реалистична в той части, где говорится, что не только черти, но и сам старый Бес нестерпимо страдали при появлении волн на своей канонической территории. Бело-свинцовые волны на поверхности Колдовского залива невысоки и редко достигают пятиметровой высоты, но эти валы представляют опасность из-за своей необычайной крутизны. «Крутизна волны» — понятие объективное. Коэффициент крутизны рассчитывается как отношение высоты вала воды к расстоянию между соседними валами. В силу геометрических особенностей строения ложа водоёма беломорские волны четырёхкратно круче океанских. У поморов сверхкрутая волна получила название «взводень». «Взводень стеной встал, не пройти!» Нет в России другого моря, кроме Белого, где бы возникали такие резкие и частые волны.

Карбасы — поморские суда, способные вписаться в самые крутые волны

Еще в древности Гандвик обрёл грустную славу кладбища погибших кораблей. Далеко не все суда приспособлены для хождения в беломорских водах. В какой-то степени противостоять специфической морской стихии способны суда местной постройки с обводами, выверенными многовековой практикой. Это крупные шняки, дорьи и небольшие трудяги — карбасы. Современный поморский карбас — судёнышко длиной семь и шириной два метра. Карбас, словно игрушечный ванька-встанька, обладает высокой остойчивостью. Грузоподъёмность соловецкой версии такого кораблика около трёх тонн, он тихоходен, но из века в век исправно подставляет скулы ударам крутых волн, не рассекая их, а переваливаясь с одной на другую.

Стремительный норвежский красавец-катамаран с водомётными двигателями и комфортабельное английское пассажирское судно «Сиверко» на воздушной подушке, приобретённые Архангельским пароходством для восстановления морского сообщения между областным центром и Соловецкими островами, оказались в условиях Белого моря подобием рвотных пыточных камер. Народные средства и импортные патентованные таблетки от укачивания даже при небольшом ветре делались бесполезными. Не помогали ни профессиональное мастерство опытных капитанов, ни молебны с водосвятием соловецкому игумену Зосиме. Дорогие импортные корабли один за другим от греха подальше сняли с линии.

Существенным препятствием на пути легких судов к Соловкам являются зоны крутых беспорядочных волн со взбросами и водоворотами, которые называются сулоями. Эти явления возникают через каждые шесть часов там, где постоянные морские течения сталкиваются с периодическими приливно-отливными потоками. Участок моря, охваченный сулоем, напоминает поверхность кипящей в котле жидкости. Особую опасность для небольших судов представляют сулои, связанные с мощными, так называемыми сизигийными приливами, возникающими во время полнолуния или новолуния. Сулои наблюдаются не только на Белом море, но и в Гибралтарском проливе, у побережья Нормандии, между островами Японии. Сулои Сцилла и Харибда в Мессинском проливе известны ещё с античных времён благодаря «Одиссее» Гомера.

Сулои с водоворотами и стоячими волнами образуются у берегов острова Муксалма в проливе Анзерская салма, где течение, разрезанное островами архипелага на отдельные рукава, вновь сливается в единый поток.

Важная черта Белого моря — это едва ли не самые мощные в России падения уровня вод во время приливов и отливов.

Соловчане, отправляющиеся с Большого острова на Анзер, зачастую вынуждены преодолевать кипящие воды сулоя в узком устье пролива Северные Железные Ворота между островами Большим Соловецким и Большой Муксалмой. Скорость движения воды в этом проливе достигает трёх с половиной узлов (6,5 км/ч), причём течение норовит отжать суда к наиболее каменистой и опасной южной стороне отмелей. Даже зимой пролив Железные Ворота окутан клубами пара — морозам не под силу сковать льдами завихрения и взбросы, рождающиеся в зоне столкновения постоянных и временных течений.

Профессиональный справочник «Лощия Белого моря» предупреждает мореходов о различных особенностях судовождения в этих водах, например о возможном возникновении мглы среди дня — «мари» или о странном дрожании линии горизонта. При возникновении таких оптических аномалий необходимо проявлять повышенную осторожность, нельзя доверять ни астрономическим наблюдениям, ни даже пеленгам — гласит руководство по хождению в водах Белого моря, где густые туманы на горе штурманам могут вдруг закрыть видимость в любое время суток. Эти туманы и без всяких аномалий немало препятствуют безопасному плаванию. С начала весны и до июля они почти бесперывны. «Иногда, сгущаясь, туманы ложатся на поверхность моря, представляя собой подобие островов или материкового берега, чем не раз приводили иностранных мореплавателей в замешательство», — свидетельствовал в середине XIX века штабс-капитан корпуса корабельных инженеров Павел Богословский, специально изучавший условия плавания в Белом море по заданию правительства.

Поморы — уроженцы Поморского берега Белого моря, лежащего между устьями рек Кемь и Онега, — издавна славилась как наилучшие по всей России мореходы

Важнейшей навигационной особенностью Белого моря являются падения и подъёмы уровня вод, происходящие на 48 минут позднее каждые следующие сутки. В среднем изменение уровня моря во время приливов и отливов составляет в районе Соловецкого архипелага около полутора метров, в окружающих водах Онежского залива — до трёх метров. В самой северной части Беломорья периодические перепады уровней воды достигают одиннадцати метров. В 1926 году заключённый Соловецкого концлагеря Леонид Курчевский первым в мире создал научно обоснованный проект трансформации кинетической энергии приливов и отливов в электроэнергию.

На высоту приливов, кроме притяжения Луны, оказывает активное влияние ветер. При сильных ветрах нагонная волна способна существенно изменить величину подъёма или падения уровня моря. Быстрое опускание поверхности воды под действием приливообразующей силы и ветра изменяет рельеф побережья, вызывает появление песчаных мелей — *кошек*, голых каменистых островков — *луд* и торчащих над волнами каменных *корг*, безмерно усложняющих мореплавание.

Когда приходят белые ночи, над Онежским заливом можно увидеть призрачные острова с крутыми обрывистыми берегами, которые словно парят над водами. На самом деле, это не острова, а мираж — одно из диковинных атмосферных явлений нашей планеты, оптический эффект, обусловленный аномальным преломлением лучей света в неравномерно нагретых слоях воздуха. Увидев миражи, англичане, впервые оказавшиеся в Белом море, дали ему имя *Miraculous Sea* — Море чудес.

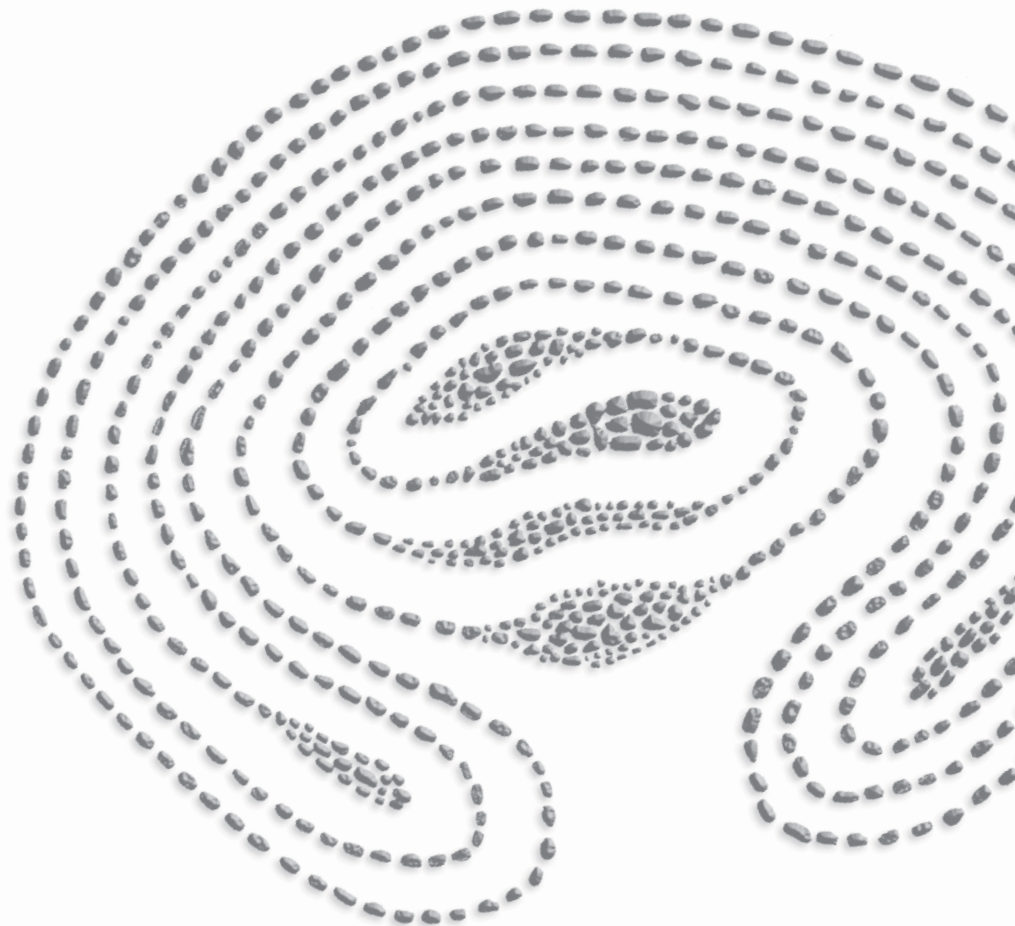
Море чудес до поры до времени
хранит среди вод главное чудо —
острова Соловецкого архипелага.

Скандинавский эпос сохранил сказание о вкушении тела Королевского Змея для постижения Всеобъемлющего знания: невидимое станет видимым, и человек сможет понимать язык животных и птиц.

Проекция змея

Люди, которые пришли с востока к берегам Белого моря, основали поселения в низовьях реки Кемь более девяти тысяч лет назад, но им потребовалось ещё два тысячелетия, чтобы преодолеть 40 км, отделявших Соловецкий архипелаг от материка. Следы наиболее древних известных науке стоянок человека на Соловках восходят к середине V тысячелетия до н. э., когда уровень моря превышал теперешний на 15–20 м, а острова были совсем небольшими островками.

Климат на восточной окраине Балтийского кристаллического щита в период VII–I тысячелетий до н. э. был настолько тёплым, что в Беломорье произрастали дуб, липа, вяз, но три тысячи лет назад природные условия на европейском Севере стали значительно суровей, более-менее приблизившись к сегодняшним.

Аборигены не покинули освоенных ими земель, они постепенно обрели навыки, позволившие выжить в новых условиях. Жители побережья научились делать лодки для перемещения по водным пространствам, мастерить ловушки для добычи морского зверя и плести из лыка сети, снабжённые каменными грузилами.

Лодки жителей побережья, оседлых охотников на малого кита, белуху, в поисках добычи бороздили море, уровень вод которого снизился, но ещё был на 3–10 м выше современного. Один из петроглифов, высеченных в III тысячелетии до н. э. на скалах морского побережья вблизи устья реки Выг, воспроизводит сцену охоты на морского зверя: десять гребцов налегают на вёсла, преследуя кита; на носу лодки застыл в напряжении гарпунёр, а на корме во весь рост возвышается рулевой, явный лидер, у которого *всё большое*.

Многovesельные лодки, пусть даже примитивной конструкции, могли более или менее уверенно ходить на промысел в самый богатый формами жизни район моря. От устья Выга до Соловков рукой подать. Монах-первонасельник Савватий несколько тысяч лет спустя отправился в Соловки именно этим проторённым путём. Ещё в XIX веке, когда связь Соловецкого архипелага с губернским городом Архангельском осуществлялась пароходами, уроженки поморской Кеми на гребных лодочках в одиночку доставляли на острова почту и пассажиров, готовых отправиться в такое причудливое путешествие.

За две тысячи лет до начала христианского летоисчисления состав населения Севера претерпел изменения, связанные с притоком мигрантов из Волго-Окского междуречья. Соловецкие острова посреди района наилучших морских промыслов не были для аборигенов и пришельцев предметом дележа охотничьих угодий, они лишь обеспечивали рыбаков и зверобоев кровом да питьевой водой. Добычи хватало всем. Люди разных культур мирно соседствовали на островах, где возникало межплеменное общение на почве натурального обмена.

Локальные группы охотников сливались в единый народ, преодолевая идейно-языковую разобщённость. Общие капища, где отправляли свои обряды не одно, а несколько племён, известны относительно близко к Соловкам: на мысе Бесов Нос, испещрённом наскальными рисунками, на острове Олений на Онеге, на острове Круглый в Канозере у Кандакшского залива. Подавляющее большинство святилищ на Соловецких островах составляли каменные спиралевидные выкладки, названные в более поздние времена лабиринтами.

Мегалитическое дольменообразное сооружение, похожее на шведские рёсе, видимо, служило в святилище местом временного сохранения тел

Племена, строившие лабиринты на Соловках, учёными не идентифицированы, поэтому они условно называются протосаамами, то есть людьми, жившими до саамов, так как саамы появились на исторической сцене лишь в начале I тысячелетия н. э. Знак лабиринта получил распространение задолго до появления народа саамы в арктических широтах. Изображения лабиринтов известны на всех континентах Земли, кроме Антарктиды.

Словесное обозначение знака лабиринта, которое намного моложе его изображения, происходит от древнегреческого *labyrinthos*, а оно, в свою очередь, связано с доиндоевропейским восточно-средиземноморским понятием *labra*, то есть пещера или камень. Камень — как символ страны мёртвых, скрытой в недрах планеты. В переносном смысле понятие «лабиринт» являлось у эллинов во времена Гомера метафорическим обозначением сложной жизненной ситуации, из которой есть лишь один достойный выход. Платон около 400 года до н. э. в диалоге «Евтидем» легко использует слово «лабиринт» как метафору, не считая нужным делать дополнительные пояснения.

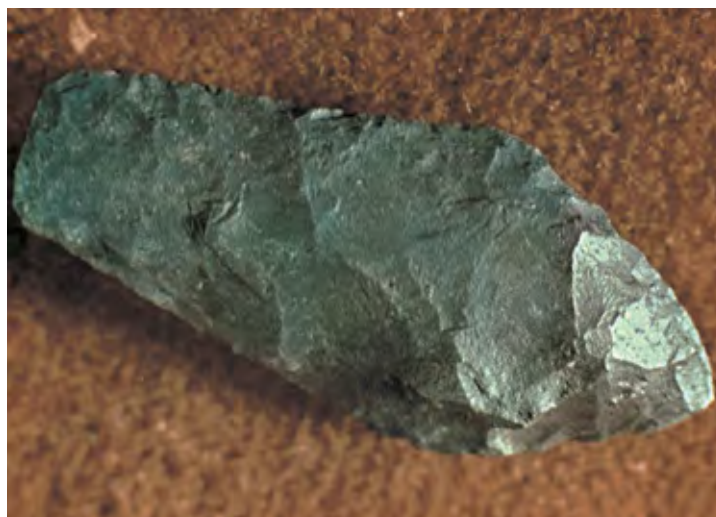
В скандинавских странах ряд экспертов относит время создания лабиринтов к первым пятистам годам нашей эры, связывая их с нордическими поселениями либо с торговыми контактами их обитателей.

Российские археологи, основываясь на комплексном подходе к изучению святилищ, считают, что капища на Соловецких островах начали функционировать в эпоху неолита. В основу российской версии положена гипотеза о том, что святилища — это не только лабиринты, но и каменные груды, воздвигнутые над кострищами, оставшимися после совершения ритуальных трупосожжений. Если некоторые из груд не содержат под собой зольных линз, то это похоже на *кенотаф* — так называются символические захоронения погибших, чьи тела утрачены.

Экспертиза погребального инвентаря в виде кварцевых скребков и отщепов, а также радиоуглеродный анализ золы из ритуальных костров и органических останков, найденных под каменными насыпями в ходе раскопок в 1969 и 1971 годах, позволяют утверждать, что костры пылали на территории соловецких святилищ уже по крайней мере четыре тысячи лет назад.

В доисторические времена изображение лабиринта было самым распространённым знаком. Его можно увидеть на рисунках времени палеолита в пещерах Италии и Испании. На петроглифах палеолита и раннего бронзового века спирали встречаются на Антлантическом побережье, от Скандинавии на севере до Канарских островов на юге, включая Британские острова и Пиренейский полуостров. Рисунок с многочисленными спиралями, высеченный на камне у входа в гробницу в Ньюграже (Ирландия), датируется 3200 годом до н. э. Лабиринт, процарапанный на стене так называемой «Гробницы лабиринта» в Лудзанасе (Сардиния), восходит к 2500 году до н. э. Чертёж лабиринта, найденный в микенском дворце в Пилосе (Южная Греция), появился на свет в 1200 году до н. э.

На землях, позднее оказавшихся в составе России, изображение односпирального лабиринта было обнаружено в Прикамье на груди статуэтки божества, сидящего на волке. Возраст этой статуэтки сотрудники Московского государственного исторического музея оценивают в десять тысяч лет, а спираль на пластине из кости мамонта, найденной вблизи Байкала, по мнению экспертов, была выгравирована 23 тысячи лет назад.

Находки с первобытных стоянок позволяют утверждать, что Соловки являлись известной людям землёй уже семь с половиной тысяч лет назад

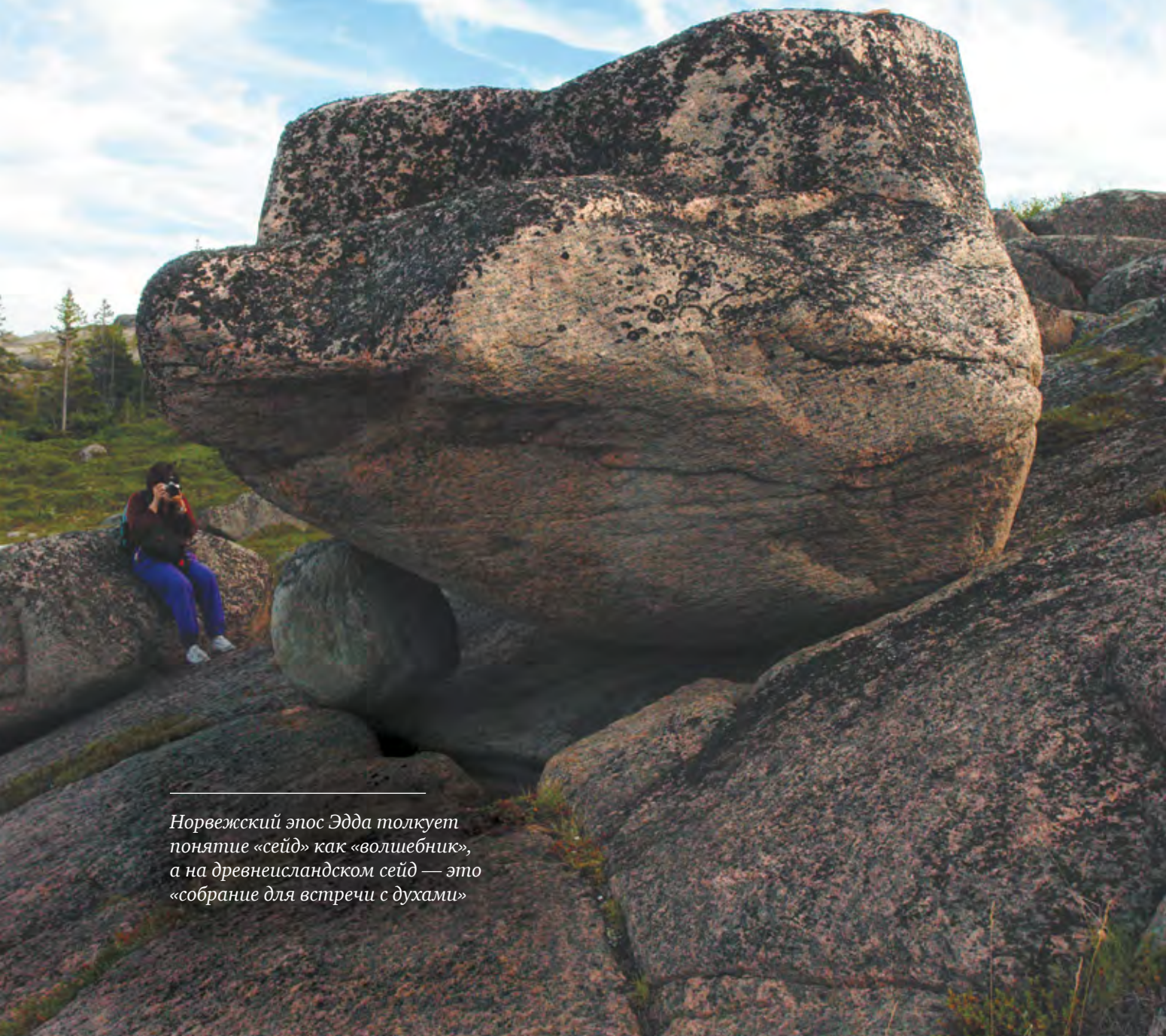
Сотни рукотворных каменных груд сохранились на Соловецком архипелаге, являвшемся в доисторические времена местом упокоения вождей и героев

Саамы открыли для себя Соловецкие острова через пять тысяч лет после появления на архипелаге его древнейших обитателей. По версии археолога В. А. Бутова, основанной на изучении финского эпоса «Калевала», саамы, заселившие Приполярье во времена раннего Средневековья, столкнувшись с лабиринтами, воспринимали их как изображения змея или пары переплетённых змеев. По верованиям саамов, змеи, иногда раздувшиеся от проглоченной добычи, стерегут врата подземного мира страны мёртвых — царства Туони. Врата эти находятся на острове, лежащем в море против устья большой реки.

В «Калевале» не указано название острова, где соприкасаются верхний и нижний миры. Оно, видимо, было табуировано, но по топографическим приметам можно понять, что это Соловки. Скорее всего, беломорские племена не основывали на архипелаге постоянных поселений, так как считали соловецкие земли преддверием царства мёртвых и заповедной зоной кратковременных мистических контактов с потусторонними силами. Столетиями саамы совершали небезопасные походы через бурное море для захоронения на Соловецких островах своих вождей и героев. Лабиринты стали частью их культуры.

Норвежский эпос Эдда толкует понятие «сейд» как «волшебник», а на древнеисландском сейд — это «собрание для встречи с духами»

Российские учёные рассматривают лабиринты как составную часть святилищ. Кроме лабиринтов и других рукотворных выкладок, на Большом Заяцком острове сохранилось четыре десятка сейдов. Сейды, как правило, имеют вид большого валуна, поставленного на мелкие камни. Сверху сооружение увенчано небольшим валуном или пирамидкой из камней. Характерной чертой сейдов является их нарочитая неестественность, резкий контраст с окружающим пейзажем. Зачастую сейды одним своим видом отрицают само понятие равновесия, но они стоят так уже много веков. Говорят, что сейды, или *летающие камни* — неустойчивые на первый взгляд — отмечают собой геологически активные точки ландшафта: центры прошедших землетрясений, разломы породы, места выхода радиоактивного газа радона.

По саамским поверьям, к сейду требуется проявлять уважение и, находясь около него, соблюдать строжайшие правила поведения. К сейдам не должны приближаться женщины и дети — они в первую очередь могут пострадать от воздействия сверхъестественных сил. Рядом с сейдом опасно шутить, нельзя шуметь и тем более ругаться. За невниманье, грубость и насмешки над собой сейд способен покарать обидчика, вплоть до смерти. Сейд любит подарки и готов отблагодарить своих почитателей. Поклонники сейдов рассказывают, что мэр города Каутокейно в Финляндии выиграл огромный приз в лотерею, после того как упросил сотрудников музея в Тромсё вернуть сейду его наверх.

Зона распространения сейдов примерно совпадает с зоной традиционного проживания саамов в исторически обозримое время. Площадь земель, на которых присутствуют сейды, существенно меньше территорий, отмеченных лабиринтами. Комплекс сооружений саами находится на скалах архипелага Кузова, расположенного в море примерно на полпути от Соловецких островов к Карельскому берегу. Наиболее древние сейды на Кузовах возведены в начале первого, а наиболее поздние — в середине второго тысячелетия н. э.

Сейды и другие рукотворные культовые сооружения на островах Белого моря мирно сосуществуют друг с другом, хотя остаётся загадкой, как они соотносились между собой в сознании населения Поморья.

Камень-трон фаллической формы, вздыбленный на попа экспедицией Русского географического общества, есть, по мнению главы экспедиции, артефакт всемирного значения

Непонятные средневековые выкладки на мысе Колгуев острова Анзер — это неотъемлемая часть культуры саами в историческом наследии архипелага

Три с половиной десятка каменных выкладок в форме лабиринтов можно встретить на территории капищ Соловецкого архипелага

В доисторическом мире знак лабиринта был символом защиты. В поэмах Гомера и трудах Плиния есть упоминания о лабиринте на щите как об эмблеме непреступных стен Трои. Связь спиралевидного знака с Троей прослеживается и в средневековых названиях лабиринтов в Швеции, Германии и на Британских островах, где лабиринты назывались «троя», «троянские стены», «троянский город». На поверхности винного кувшина (660–630 годы до н. э.) из этрусского могильника в Тральятелле (Италия) между скачущими вооружёнными всадниками и динамично совокупающимися парами рукой мастера нанесён чёткий рисунок лабиринта с надписью *Truia*. Знак лабиринта на этой вазе, весьма вероятно, символизирует крепость, а слово «*троя*» является названием спиралевидного знака.

Один из интерпретаторов лабиринтов Эрнест Краузе в 1893 году сопоставил название Троя с именем славянского божества Трояна, демона подземного мира, предположив, что Троя — это крепость Трояна, способного превращаться в дракона. В мифе о лабиринте Краузе углядел мистерию смены дня и ночи. Главные персонажи мифа олицетворяют: женщина — солнце, чудовище — причину исчезновения солнца ночью, и герой — причину появления солнца днём. Крепость, в которой заточено солнце, — это лабиринт.

Афганские предания рассказывают об остроге-лабиринте Шамаили, а в Дагестане знак лабиринта ассоциируется с планом крепости Хайбар, которая покорилась лишь Али, сподвижнику Магомета. В Индии лабиринт был знаком самых непреступных реальных и мифических крепостей. Стены крепости Шигманда в предгорьях Гималаев имели форму классического лабиринта, а в крепости-лабиринте на сказочном острове Ланка, как гласит «Рамаяна», коротала дни принцесса Ситу — троянская Елена индусов, похищенная демоном.

Индусы верили, что изображение спирали не только защищает крепости, но и спасает жизнь на ратном поле, оно же помогает преодолеть боль во время родов. На острове Суматра знак лабиринта служил защитой от козней злого духа, прилетавшего из джунглей Индонезии, а в Сирии спираль оберегала от ядовитых гадов, приползавших в Куанват из пустыни.

У иудеев и христиан лабиринт ассоциировался с укреплениями Иерусалима. Во многих странах Европы знак лабиринта называют «иерусалимом». Рыцари храма Соломона, будучи христианами, знаку лабиринта не поклонялись, но верили, будто лабиринт есть первооснова и хранилище Высшей Сущности, кладезь знаний. Предания ордена тамплиеров, которые привез в Россию из Франции рыцарь Сентей — Аполлон Карелин, гласят, что атланты укрылись после гибели их родины в подземном лабиринте.

Если верить диалогам из «Атлантиды» Карелина, то именно из лабиринта люди вышли на землю 14 тысяч лет назад. Удивительно, но американские аборигены, с тамплиерами явно не общавшиеся, обладали схожим преданием, называя лабиринт «домом Ткуну» — индейца, выведшего людей из-под земли.

На юго-западе Нового Света знак лабиринта воспринимался потомками племени хоохар как изображение дороги к заветной обители Отца Племян. План дороги не отличался от классических изображений Старого Света. Лабиринт — он и в Африке лабиринт.

Мифы народов Северной Европы связывают лабиринт с потусторонним миром троллей, гоблинов, гномов. Их побаивались, сторонились, но не обожествляли и жертв им не приносили. Суеверные рассказы о подземных жителях, сохраняемые в памяти разных народов, наводят на мысль о неких общих первоисточниках. Датчане хранят сказания о лабиринтах как о дорогах в подземелья дворгов, в Норвегии полагали, что каменные спирали связаны с жизнью злых троллей. Шведские предания предупреждают о человечках вблизи лабиринта Недеркаликсе, которых должны опасаться рыбаки, идущие на промысел.

Вид спирального лабиринта имеют дактилоскопические рисунки, несущие, по мнению хиромантов, информацию о судьбе человека

*Если лабиринт, похожий на мозг,
является хранилищем информации,
то извлечь её нам уже не по силам.
Рисунок Александра Евневича. 1934 год*

*Идейно-функциональная миссия
Соловков едва ли будет постигнута
без учёта тысячелетий, прожитых
архипелагом под знаком лабиринта*

На Британских островах сохранились сказания, будто лабиринты — это дорожки, где танцуют жёны бога подземного мира, которые появляются из-под земли раз в месяц во время полнолуния. Лабиринт внутри шестиугольной насыпи слыл в Дорсете (Англия) местом сбора ведьм. Последняя из «ведьм» была захвачена здесь в 1646 году. В швейцарском кантоне Тичино на горе Монте Верита, где В.И. Ульянов (Ленин) устраивал семинары для своих сторонников, каменная выкладка в форме лабиринта слыёт местом выхода в мир всякой нечистой силы.

В южных землях Германии некоторые спиралеобразные выкладки не утратили своих уходящих вглубь веков названий, отражающих чародейскую, а чаще — связанную со змеем природу лабиринтов: Цауберкрайз — Колдовской круг, Шлангенганг — Змеиный ход, Шлангенвег — Змеиная дорога.

Об изначальной связи лабиринта с образом змея напоминает артефакт, демонстрируемый в подземной части экспозиции Лувра: на базальтовом блоке, привезённом в музей Парижа из развалин древнего сирийского Канавата, знак лабиринта, выбитый на камне, соседствует с изображением рогатой змеи.

Условные смерть и возрождение, происходящие во время пути по лабиринту, символизируют переход от одной формы существования к другой. Согласно теории советских академиков В. В. Иванова и В. Н. Топорова, в основе верований индоевропейских народов лежит так называемый основной миф о том, что бог неба раз в год поражает огненной стрелой бога земли, выползающего на камень в виде змея. Начинается очистительный дождь, и жизненный цикл повторяется. Отголоски основного мифа, преломившись в сознании славян, живущих на Дунае, породили ритуал охоты на змей в день праздника Преображения.

Мол, если змея, семь лет пролежавшая под гнилой колодой, в день Преображения выползет на бел-горюч камень, то она сможет обернуться драконом, который погубит мир.

Связь спиралей лабиринта с обликом змеи или обычно пары змей, переплетённых между собой, прослеживается в легендах разных народов, не связанных друг с другом.

В северном варианте основного мифа бог подземного мира змееподобный Велес неуязвим в низовьях Волхова, от порогов до Ладожского озера. «Сага о Хрольве Пешеходе» считает земли Приладожья Страной змей — Ормаландом, где правит Энгр, способный преобразоваться в дракона. В сагах Скандинавии, которая к Соловкам явно территориально ближе, чем земли дунайских славян, тоже присутствует след змеи. Вкусивший от тела Королевского змея обретёт, согласно преданию, способность понимать язык всех существ, а также видеть невидимое. Олицетворением Королевского змея является лабиринт. Дракон скандинавских саг — это не летающий дракон, а линдвурм, тело которого скручено в спираль. Облик змея пугает и притягивает одновременно. Как известно из Ветхого Завета, знание, обретенное благодаря Змею, лишило первых людей безмятежного существования, наложив на них многочисленные обязанности.

Стрелки-ориентиры в византийской базилике Равенны подсказывают, что главное в лабиринте не поиск выхода, а само движение по спирали лабиринта

Соловецкий лабиринт № 1 на Большом Заяцком острове. Рисунок соловецкого заключённого Александра Евневича. 1934 год

Языческий знак спирали не был отторгнут христианской церковью. Он оказался востребованным в новом качестве. Лабиринты для созерцания стали использоваться в храмах как элемент декора. Широко известен мозаичный лабиринт из римской базилики Сан Репартс в Алжире (324 год н. э.), сердцевина которого представляет собой крест, составленный из слов «Святая Церковь».

Архитекторы Восточной Римской империи не утратили традиции изображения лабиринта в церквях. Мраморный пол базилики Сан Витале в Равенне украшен изображением спирали классического лабиринта. Базилика Сан Витале, как и целый ряд памятников Северной Италии, была возведена во времена Второго Рима (Византии), где монастырь, окруженный стеною, обозначался словом «лабра», созвучным славянскому слову «лавра».

Относительно небольшая, диаметром около трёх с половиной метров, мозаичная композиция в виде лабиринта на полу базилики Сан Микеле Маджоре в итальянском городе Павия благодаря сопроводительному тексту даёт возможность понять, как христиане воспринимали лабиринт в 1100 году. В центре лабиринта помещена мифологическая сцена сражения Тесея с Минотавром, а на боковой панели — изображение битвы Давида с Голиафом. Связь рисунков проясняет ключевая фраза из проповеди святого Августина: «С одной стороны, есть дьявол в виде Голиафа, а с другой — Христос, олицетворённый Давидом». Современные исследователи полагают, что почти тысячу лет назад лабиринт для строителей базилики Сан Микеле Маджоре был метафорическим образом нашего мира, где добро борется с силами зла.

Спираль лабиринта, храня
начертание неизменным,
передавалась по земле:
от народа — к народу,
от религии — к религии,
из страны — в страну.

Интерес к спиральному знаку в середине XII столетия реализовался на севере Франции в виде рисунков пола в соборах, являющихся всемирными шедеврами архитектуры. Наиболее знаменитым из этих храмов считается Нотр-Дам в Шартре, где впервые за тысячу лет своей христианской истории лабиринт из сюжета для созерцания вновь преобразился в объект интерактивного общения. По спиральным ходам, выложенным мозаикой на полу соборов, стало можно ходить, как это делали люди в эпоху неолита.

Можно лишь предположить, что лабиринт не просто радует глаз и тренирует сообразительность. Наши предки, расходуя время и силы, создавали изображения лабиринтов не ради развлечения. Изображения спирали проявляли поразительную устойчивость как формой начертания, так и самим фактом своего распространения по планете.

Изображение лабиринта в сказочном царстве повелителя демонов Раваны из эпоса «Рамаяна» отличалось от своего аналога в византийской базилике в Равенне не более, чем древнеиндийские каменные выкладки Мадраса, Ориссы и Тамил-Наду отличаются по рисунку и технике исполнения от лабиринтов в святилищах на островах Белого моря. Весьма похожая на соловецкие лабиринты выкладка обнаружена в конце XX столетия за Полярным кругом, на архипелаге Новая Земля. Этот лабиринт из сланцевых плит весом 10–15 кг отличается от уже известных только тем что он самый северный на планете.

На Руси лабиринты называли вавилонами. Понятие «выводить вавилоны» означало неустойчивую походку пьяного, а само слово «Вавилон», кроме ветхозаветных толкований, имело значение план или чертёж. Но чертёж чего?

Модель строения молекулы ДНК, в которой закодирована генетическая информация, обеспечивающая связь поколений, — это двойная спираль

Археолог А. Я. Мартынов полагает, что Соловецкие лабиринты «функционировали» вплоть до занятия островов монахами, то есть церковная доктрина, гласящая, будто бы «от сотворения мира до прихода блаженных Савватия и Зосимы никогда не жили люди на острове том», есть обман, вставленный в жития святых для оправдания захвата земель.

По мнению ряда российских и норвежских исследователей, изучавших Соловки, главное капище, уничтоженное монахами, находилось там, где в настоящее время высятся строения монастыря-колонизатора. Церковники, стремясь получить контроль над сознанием жителей Поморья и их ресурсами, безжалостно искореняли следы другой веры.

Игумен Филипп в XVI веке пометил на Заяцком острове большим крестом становище, дабы именно из него, хотя камней вокруг видимо-невидимо, те, кого Бог приведёт на остров, таскали по своей силе камни и сбрасывали их в воду на заднюю сторону гавани, чтобы её море не располоскало. «А кто ленив и не носит, ино его Бог простит. А кто будет больше трудиться, больши ему спасение».

Загадочные сооружения Большого Заяцкого острова, разрушение которых началось в середине XVI века, не исчезли во многом благодаря природным условиям острова, который, по сравнению с соседними, мало приспособлен для проживания и хозяйственной деятельности. Свою роль сыграл и атактистический страх людей, которые, невзирая на естественное любопытство, подсознательно старались без необходимости не задерживаться на чужом кладбище, в чуждом сакральном пространстве, где каменные выкладки в своё время служили местом совершения языческих обрядов. Поморы, видя языческие лабиринты, отмечали своё присутствие выкладками в форме крестов, не беспокоя, от греха подальше, чужих богов. Явные разрушения произошли лишь на северо-востоке Заяцкого острова, где традиционно устраивались развесёлые прощания братии с настоятелем, который ежегодно отправлялся зимовать на материк. Церемония прощания завершалась установкой креста, а камнями для укрепления конструкции со времён Филиппа служили валунные насыпи нехристей. По сообщению автора «Описания Белого моря» А. И. Фомина, крестов было столько, что взгляд не мог пробиться сквозь их рощу.

Сохранению лабиринтов в значительной степени способствовал архимандрит Досифей Немчинов, который ради увеличения потока богомольцев объявил лабиринты и пирамидальные «городки» деянием рук императора Петра Алексеевича и его воинов во время посещения Соловков в 1702 году. Парадокс соловецкой истории: языческие сооружения, ставшие очагом распространения лабиринтов по всему Северу, на пару веков защитило от вандалов имя царя, которого немало православных считало Антихристом.

На Заяцком острове уцелело святилище площадью около 600 м², где к началу XXI столетия сохранилось 14 валунных лабиринтов диаметром от 3,5 до 25 м и сотни иных сооружений времён неолита и раннего Средневековья.

Они беззащитны, так как не включены в государственный реестр особо охраняемых объектов архипелага. Молдавский таксист, ставший игуменом постсоветского монастыря на Соловках, демонстрирует ревность не по уму, когда, глядя в объектив, предлагает *эти еретические камни свезти на материк*. Процесс пошёл. В 2015 году вандалы уничтожили уникальную кварцитовую выкладку «солнечная розетка», заменив её крестом.

Говоря о защите лабиринтов от посягательств вандалов, нельзя не упомянуть людей, которые накануне собственного расстрела спешили составить научные описания соловецких лабиринтов, чего до них не делал никто. Этими людьми оказались жертвы Соловецких лагерей Особого Назначения.

Николай Селецкий, попавший на Большой Заяцкий остров весной 1925 года, был первым, кто в своей публикации в газете «Новые Соловки» предложил исследовать лабиринты комплексно, с учётом их окружения другими сооружениями из камня, которые все вместе образуют резко ограниченное пространство. Это пространство заключённый Н.Н. Виноградов, автор первых исследований капища на Заяцком острове, в 1927 году впервые назвал «соловецким святилищем».

Осознание важной роли соловецких лабиринтов как памятников всемирной истории оплачено кровью исследователей-заключённых.

В историю исследования памятников Соловецкого архипелага вписаны имена заключённых А.А. Евневича и П.К. Казаринова. В 1934 году, получив кратковременное разрешение от администрации каторги, они обмерили, описали и зарисовали на обороте бланков СЛОНа объекты материальной культуры Соловецких островов. В течение нескольких дней Евневич и Казаринов, голодные и съедаемые комарами, каждый своим маршрутом обошли архипелаг, сделали более сотни карандашных и акварельных рисунков.

В 1937 году Евневич, Казаринов и Виноградов были расстреляны. От московского инженера Александра Евневича, автора большинства описаний лабиринтов, не осталось даже фотографии. Другие люди, включая академика В.Л. Янина, рискуя свободой, не говоря уже о карьере, перепрыгивали соловецкие рисунки врагов народа. По спасённым описаниям удалось восстановить памятники, изгаженные краснофлотцами, 20 лет владевшими архипелагом после эвакуации лагерей.

Тропа в классическом лабиринте не закручена наподобие спирали, а то и дело меняет направление, как маятник при отсчёте времени

Несмотря на то что изначальное предназначение лабиринтов оказалось утраченным, изображения спирали прочно вошли в быт человечества в виде ювелирных украшений и элементов орнамента. Обереги в форме лабиринта были древнейшими произведениями прикладного искусства и якобы защищали хозяина от напастей. «Нашего далёкого предка успокаивал и радовал вид этих оберегов, и отсюда, из этой радости, рождалось чувство красивого», — считал исследователь древней символики академик Б.А. Рыбаков. Вера в защитные силы спирального хода объяснялась тем, что злые духи летают только по прямой и нечисть не способна преодолеть сложный криволинейный путь сквозь выставленный на её пути талисман-лабиринт.

Серебряные медальоны, копии древнего оберега в форме змея, свернувшегося в спираль, являются одними из самых привлекательных предметов в сувенирном магазинчике Национального исторического музея в Стокгольме. Своим видом талисманы завораживают посетителей, пробуждая в них атавистические ощущения и желание приобрести отнюдь не дешёвый оберег.

На мифах о лабиринте Дедала, о победе Тесея над злом в облике Минотавра, о путеводной нити Ариадны воспитаны многие поколения людей во всех странах. Пётр Великий, планируя Летний сад, устроил в нём лабиринт со скульптурами «на темы фавол из лабиринта Версальского и зрелищ жития человеческого из Эзоповых притчей». Лабиринт Летнего сада был школой, где русские, по мнению академика Дмитрия Лихачёва, обретали начатки европейского культурного образования.

Творческие личности воплощают знак лабиринта то в облике фундаментальных сооружений, то в виде маршрута виртуальных игр-бродилок. Лабиринт как арена, на которой в древности, возможно, совершались обряды инициации, то есть перерождения, этой функции не утратил. Криволинейный, вовсе не рациональный путь к центру спирали требует концентрации внимания и настраивает на самопознание, моделируя правила, без которых немислимо преобразование личности.

Как подметил О. Генри, дело не в дороге, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас выбирает эту дорогу. Тропа лабиринта обладает неизъяснимой привлекательностью, давая человеку практическую возможность шаг за шагом точно повторить маршрут, пройденный его далёкими предками, и попытаться понять свои ощущения по мере приближения к мёртвой точке, без достижения которой нельзя сделать разворот, позволяющий вновь попасть в реальный мир.

Предначертанный порядок движения внутри спирали лабиринта, невзирая на различия в языках и верованиях, способен воздействовать на эмоциональное состояние людей. Такова тайна нашего естества. Её нельзя понять, как нельзя объяснить влияния на человека ритмических колебаний воздуха, называемых музыкой. А кто может растолковать, почему стихи, то есть слова, выстроенные поэтом в определённом порядке, воздействуют на нас совсем иначе, чем проза?

Разве не знаете,
что мы будем судить ангелов?
1 Кор. 6:3

Краеугольный камень

Соловецкая земля древних лабиринтов несколько тысячелетий почиталась священной территорией у разных племён и народов, сменявших друг друга на берегах Белого моря. Как полагает ряд учёных, острова, с незапамятных времён называемые Соловецкими, не являлись местом постоянного обитания древних людей, их посещали из поколения в поколение для совершения религиозных обрядов, включая ритуал захоронения. Потребность особым образом хоронить своих покойных не была напрямую связана с системой жизнеобеспечения. Это не инстинктивная форма поведения, а элемент культурной деятельности, отражение мировоззрения сообщества людей. Многие поколения наших предков воспринимали Соловки как порог, за которым начинается мир иной.

Именно так — *печальным некрополем на границе миров* — ощущал Соловки А. С. Пушкин, считает видный исследователь творчества поэта Виктор Листов. Сам Пушкин соловецким воздухом не дышал никогда, но не один и не два родственника Александра Сергеевича такую возможность имели, причём все — не по своей воле. Поэт знал о современных ему Соловецких островах немало и попытался воссоздать их первозданный, девственный, не преображённый деятельностью монастыря образ в своих стихах:

Стремлюсь привычною мечтою
К студёным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикий
Усеян зимнею брусничкой,
Увядшей тундрой покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.

Безмолвие святилищ острова-некрополя с редкими становищами рыбаков, покидавших Соловки накануне ледостава, закончилось в первой половине XV века, когда контроль над архипелагом обрели монахи, объявившие весь остров своей землёй. Властители новгородских пятин сдали Соловки монастырю буквально накануне краха независимости Господина Великого Новгорода, разгромленного войсками Московии. Изменение власти на острове накануне перерождения Руси в Россию предвосхитило изменение исторического пути развития русской государственности.

Независимых свидетельств вытеснения монахами аборигенов с островов на Белом море не сохранилось, поэтому коротко перескажем историю по «Соловецкому патерику».

Впервые «Патерик» был издан Московской синодальной типографией в 1875 году. Сведения из «Патерика» можно дополнить текстами из «Соловецкого летописца», своеобразной хроники, созданной через два с половиной столетия после появления монахов на Соловецком острове. Известно почти две сотни редакций «Соловецкого летописца», несколько отличающихся друг от друга. Воспользуемся манускриптом из Национальной библиотеки Республики Карелия, созданным около 1696 года. В двух чуть более древних версиях «Летописца» отсутствует описание так называемого *чуда избияния*, а этот сюжет является основополагающим для понимания всей последующей истории Соловков.

Искоренение древних святилищ и строительство на их месте монастырей считалось одной из иноческих добродетелей

Церковная колонизация архипелага, согласно монастырским источникам, началась с того момента, как в беломорский центр древних святилищ аборигенов проникла «богоизбранная двоица»: многоопытный старец Савватий и его молодой спутник Герман, уроженец Тотмы, обитавший до встречи с блаженным при часовне, которую посещали поморы, издавна ходившие на Соловецкий остров. Юный Герман попал в поле притяжения Соловков, наслушавшись рассказов охотников на морского зверя. Ему довелось однажды посетить остров в составе артели промысловиков и запомнить путь к земле святилищ, которые во времена появления первых монахов ещё «функционировали».

Свято место пусто не бывает. Валаамский Спасо-Преображенский монастырь на Ладожском озере (откуда сторонник практики исихазма Савватий отбыл на Соловки) в своё время обосновался там, «где жила Беслюбивая Корела, давшая название тому острову». А на острове Коневец святой Арсений устроил монастырь Рождества Богородицы, свергнув языческий алтарь — Конь-камень, почитаемый местными жителями.

Встреча Савватия с Германом предопределила судьбу Соловецкого архипелага. Рассказ юноши о достопримечательностях доброудного острова нашёл отклик в душе пожилого инока. Савватий был свободен в выборе пути — *он по тайному влечению своего духа недавно скрылся из многолюдной Валаамской обители на Ладожском озере, разгораясь любовью к безмолвию*. Тяга к переменам была столь неодолима, что чернец отринул правила первооснователей христианского монашества, *вырвался из монастыря, как серна из сетей, и очень рад был тому*.

Побег из обители вопреки воле духовного отца у православных считался серьёзным преступлением. За такой проступок в том же XV веке дьякона Мартирия будут смирять на Соловках содержанием в затворе без света. Однако Савватий, который повиновался не монастырскому уставу, а своему душевному влечению, оказался человеком удачливым. Как известно из жития преподобного, *скоро Промысел Божий указал ему будущего сожителя на Соловецком острове в лице Германа*. Влекомые судьбою, сподвижники не мешкая заготовили необходимый скарб, погрузились в лодку и в 1429 году взяли курс на архипелаг.

Плавание через море для Савватия и его спутника Германа оказалось счастливым. Господь, по сведениям автора «Соловецкого патерика», *видимо, благословил намерения иноков.* С радостью высадились первые монахи на необитаемом, как им казалось, острове, водрузили крест, соорудили кущи в версте от берега залива, названного впоследствии Сосновой губой, и стали жить, славя Господа там, где, по сообщениям в житиях преподобных, *исполнились их желания сердечные.*

Савватий с Германом прожили в шалаше у озера вблизи горы шесть лет, пребывая там в молитве и славословии Господа. Совместная жизнь преподобных продолжалась до поры, пока Герман не отбыл за припасами на материк да остался там из-за внезапно наступившей зимы, а на следующий год — из-за волнения великого и приступа хвори.

Пожилой инок, оставшись один, *поначалу опечалился об отъезде Германа, слезами постель свою омокая,* но вскоре понял, что таким образом исполнились его давние чаяния о житии отшельническом. Однако одиночество преподобного оказалось призрачным, жилище отшельника окружили привидения, испокон веку населявшие Соловецкий остров. Нечистые духи хотели прогнать Савватия, они *стали ему многие пакости творить и пугать его, одни — обличие змей приняв, другие — в различных диких зверей обратившись.*

Опытный монах, спасаясь от козней лукавых бесов, без сна и отдыха распевал псалмы Давида. Преподобный *пребывал невредимым, день и ночь проводя в молитвах беспрестанных, всё более созревая для вечности, и однажды, наедине беседуя душою с Богом, он получил известие о скором своём отрешении от уз плотских.*

Савватий вышел на берег моря и увидел судёнышко, снаряжённое кем-то для плавания. Преподобный уразумел, что лодка — это воля божья. Он столкнул карбас в пучину морскую и в тишине великой с попутным ветерком спокойно проделал путь, казавшийся Герману непреодолимым. Едва достигнув карельского побережья, соловецкий инок-первонасельник возбродовался духом, когда обнаружил часовню, возле которой встретил священника Нафанаила, и они приветствовали друг друга святым целованием. Савватий рассказал о себе и попросил у священника отпущения грехов, предчувствуя близкий конец жизни.

«О, если бы я имел твои грехи, преподобный!» — преклонил колени Нафанаил, догадавшись, кто стоит перед ним. Он совершил таинство соборования и отправился далее по своим неотложным делам. Савватий же остался под сенью часовни, где среди ночи вдали от молвы людской славно сей мир оставил.

Клеймо северной иконы XVII века: Зосима, очарованный рассказом Германа об уединённом острове, решил отправиться на Соловки

Смерть Савватия вернула Соловки в первобытное состояние. Герману же через год после кончины его сокеелейника посчастливилось встретить на материке благочестивого и доброго Зосиму, который с ранних лет полюбил чтение божественных книг. По достижении совершеннолетия юноша не захотел вступать в брак, а, повинуясь тайному влечению, ушёл из родительского дома, надел вместо гражданской одежды чёрное платье и «поселился в одном пустынном месте, предаваясь молитве, посту и богомыслию».

Местом пострижения преп. Зосимы считается Палеостровский монастырь, где его нашёл Герман, искавший возможность вернуться на Соловки. Он пробудил в юноше стремление продолжить иноческие подвиги Савватия на острове, и «в сердце Зосимы словно огонь запылал от великого желания».

*Клеймо северной иконы XVII века.
В первое своё соловецкое утро
Зосима узрел в облаках церковь,
будто бы парящую в воздухе*

Сборы были недолгими. Зосима раздал убогим да нищим наследство отца, с миром отпустил на свободу своих слуг. Возможно, он знал о Соловецком острове ещё с детства, так как рос на погосте Толвуя, вблизи усадьбы Василия Кокуя, владевшего землями Соловков.

Путешествие Зосимы с Германом на Соловки, предпринятое, по монастырской версии, в 1436 году, завершилось благополучно. Сотрапезники нашли у озера место необыкновенной красоты на расстоянии полёта стрелы от залива и удобной пристани.

В первое своё соловецкое утро Зосима вылез из шатра после бессонной ночи, проведённой в молитвах и «любви духовной друг к другу», и был ослеплён пресветлым божественным лучом. Ему привиделась прекрасная церковь, на воздухе стоящая. Пораженный чудом, пустынный вернулся под кров шатра, и Герман, заметив перемену на лице своего сожителя, спросил, не узрел ли тот чего-нибудь необычного.

«Держай, отче! Тебя хочет Бог сделать основателем монастыря на этом месте!» — распалился духом Герман, сразу поняв смысл чудесного видения, открывшегося Зосиме в небе. И сопостники, не теряя времени, принялись возводить прочную ограду и жильё внутри неё.

После трёх лет совместной жизни Герман отбыл за припасами, но остался зимовать на материке. Зосима, как прежде Савватий, едва не погиб в кольце нечистых духов и призраков острова. Зато какие-то путники спасли пустытника от голодной смерти, одарив зимовщика повозкой с хлебом, мукой и маслом.

Летом на остров возвратился Герман, не один, а с новым спутником, рыбаком Марком, мужем хозяйственным и сметливым. За Марком потянулись другие жители материка. Зосима, радуясь умножению числа насельников, наладил добычу и продажу соли, поставил внутри ограды деревянную церковь в честь Преображения Господня, приделал к ней трапезную и открыл общежитие по чину строгого устава Иерусалимского. Марк, получив имя Макарий, стал первым постриженником обители.

Не имея священнического сана, Зосима послал в Новгород ученика с просьбой прислать на остров опытного монаха, который стал бы игуменом нового монастыря и произвёл освящение церкви. Новгородский архиепископ Иона дважды отправлял настоятелей на остров, но пришельцы не уживались с братией.

Соловецкие черноризцы стали добиваться права избрать священноначальника из своей среды. Новгородский владыка согласился, он призвал Зосиму к себе и убедил его принять священство и игуменство. «Игуменство Зосимы, если и могло иметь место, то на 20–30 лет позже, но никак не во времена, указанные в житии преподобного. По всей вероятности, это событие представляет собою только тенденциозный акт агиографии, но не факт истории», — комментирует житие Зосимы крупнейший из знатоков истории Господина Великого Новгорода академик В. Л. Янин.

Житие гласит, что новопосвящённый настоятель возвратился на остров с богатыми пожертвованиями от новгородцев. Он привёз деньги, съестные припасы, одежды и церковную утварь. Зосима, прибыв на остров, отслужил свою первую литургию. «Его лицо светилось, как лик ангела, и церковь исполнилась особого благовоения», — сообщает житие. По окончании богослужения преподобный благословил присутствовавших в храме приготовленными загодя просфорами. В числе благословлённых оказался и каргопольский купец, гостивший в это время на острове.

«Чудо о просфоре»: вспышки огня помешали собаке съесть хлебец, освящённый преподобным Зосимой во время его первой литургии

Купец по дороге к морю, едва выйдя за ворота монастыря, «небрежением своим» уронил просфору Зосимы возле голодной собаки. Собака хотела съесть освящённый хлебец, но не смогла этого сделать — при приближении животного к просфоре хлебец окутывался огнём. Свидетелем собачьих мучений оказался инок Макарий, который углядел в необычном явлении божью благодать, прогнал пса и вернул потерянный хлебец игумену. На месте обретения чудесной просфоры монахи водрузили крест, а позднее поставили часовню, посвящённую «чуду о просфоре».

Одно из самых прославленных чудес преподобного Зосимы связано с его визитом в Новгород в 1469 году. Лидер боярской оппозиции москвитам Марфа Борецкая прогнала преподобного, пришедшего к ней со многими просьбами в тяжёлые для города времена, но потом передумала, решив одарить молодого игумена, чтобы монахи молились за благодетелей.

*Миниатюра из рукописи 1623 года.
Преподобный Зосима на пиру узрел
своих сотрапезников сидящими
без голов и понял, что Новгород,
как и его бояре, обречён на гибель*

На пиру у посадницы соловецкий игумен угощений не вкушал: внутренним зрением преподобный видел, что у шестерых самых родовитых бояр, участников застолья, как бы не было голов. «Затворятся двери дома сего и не откроются вновь. Навсегда запустеет двор их», — втихую открыл Зосима смысл зловещего видения только своему ученику Данилу. Так всё и случилось.

Во время татаро-московского нашествия на Великий Новгород четверо из шести бояр, недавно сидевших с Зосимой за столом, были обезглавлены. Марфа Борецкая погибла в монастырском заточении, один её сын умер под пыткой в тюрьме, и другой был публично обезглавлен. Земли семейства Борецких — полторы тысячи обжей, или более двух с половиной тысяч гектаров — отошли в казну московского князя, а чудный дом их на Борковой улице оккупанты сожгли в марте 1478 года.

Зосима после гибели дома Борецких не прожил и месяца, он умер в апреле. Год спустя, прибыв «монастырской потребы ради» в разграбленный Новгород, там скончался и Герман.

Мощи Германа, изначально преданные земле там, где он умер, в новгородском монастыре Антония Римлянина, иноки перевезли на Соловки и похоронили вблизи могилы Савватия. Возвращение останков Германа совпало с пожаром, произошедшим в дни Великого поста 1485 года. Огненный вал, с рёвом катившийся против ветра по заснеженной обители, дотла выжег монастырские строения.

В обители, которая отстраивалась после пожара, инок Досифей понимал важность сохранения памяти о первонасельниках. В молодые годы он знал Германа ближе многих, будучи одноклассником старца. Досифей попытался написать тексты, нужные для канонизации Германа, Зосимы и Савватия, но его старания вызвали у братии глумление и смех. Однако Досифей нашёл возможность привлечь на помощь уроженца Твери, бывшего митрополита Киевского и всея Руси Спиридона (Саввы), который к тому времени двадцать лет содержался в Феррапонтовом монастыре, сосланный в заточение по воле великого князя Московского.

Опытный сочинитель Спиридон, глазом не моргнув доказавший в «Послании о Мономаховом венце» происхождение князей московских от римского императора Августа, обработал писания Досифея так, что Зосима и Савватий были легко причислены к лику святых в 1547 году одновременно с венчанием на царство Ивана IV.

Герман был канонизирован много позже Зосимы и Савватия, по личному изволению государя Петра Алексеевича, удовлетворившего ходатайство дружественного царю соловецкого архимандрита Фирса.

Становление Соловецкого монастыря нельзя отделить от истории государства, судьбы людей, населявших обитель, — от жизни всего народа, а явления на острове — от их проекции на материк. Трёхлетнее уединение Зосимы с Германом на острове совпало по времени с началом процесса самоизоляции Руси от христиан, признающих Ватикан духовным центром. 6 июля 1439 года Флорентийский собор в Италии после года прений принял унию — от латинского unio, единение. Делегаты осудили раздраз 1054 года между Восточной и Западной церквями, приведший к расколу христианства, который длился четыре столетия, подпитываясь политическими разногласиями и личными амбициями посредственных архипастырей.

В работе собора по преодолению раскола, ослаблявшего всех его участников, принимали участие и император Византии, и вселенский патриарх Константинопольский, и около семисот глав церковных общин из разных стран, а также крупнейшие учёные-богословы. Участникам собора удалось преодолеть политические разногласия, сблизить позиции архипастырей, вызванные разностью культур и ожесточением душ. Уния сняла ряд накопившихся за века догматических противоречий, открыв путь к воссоединению православной и католической ветвей христианства без покушения на национальные традиции и внешние формы церковной обрядности.

Первонасельников Савватия и Зосиму канонизировали без задержек, а Германа признали местночтимым святым лишь через двести лет после его преставления

Но Москва пошла своим путём. Решение об особости российской церковной ориентации приняла светская власть в лице великого князя Василия II, а скорее, его жены, властной Марии Ярославны, как известно, не любившей латинян. Позже она, стиснув зубы, всё-таки даст благословение своему сыну Ивану III на брак с римлянкой Зоей Палеолог, хотя суеверный страх русских перед чужестранцами преодолеть было почти невозможно.

Главу Русской церкви митрополита Исидора, который подписал Флорентийскую унию с иноверцами, Василий II, именовавший своих подданных не иначе как холопами, посадил под стражу. Церковные иерархи, сторонники унии, были рассеяны по решению светских властей. В Соловецкую тюрьму за сочувствие идее унии в 1584 году был заточён извергнутый из сана ростовский архиепископ Давид.

Вмешательство великого князя в дела духовные не только отрывало паству от первосвященника, но и страну — от Европы. Особенности национального богослужения, формировавшие черты национального характера, во многом связаны с выбором, сделанным князем Василием II, который «татарский язык и татарские обычаи любил паче меры». Князя прозвали Тёмным, ибо в 1446 году ему выколол глаза Василий Шемяка, внук Дмитрия Донского. Так Шемяка отомстил за своего брата, законно претендовавшего на богатства Ивана Калиты и по этой причине ослепленного Василием II десять лет назад. Шемяка отомстил, но не убил Василия и даже дал удел в Вологде, поверив клятве Тёмного, что тот не станет искать великого московского княжения.

Тёмный клялся и крест целовал при поручительстве митрополита Ионы и епископов. Нарушение такой клятвы воспринималось как предательство самого Христа, но Василий Тёмный считал себя вправе проигнорировать клятву, скреплённую крестным целованием. В Рождественскую ночь, когда горожане молились в церквях, воинство Тёмного захватило Москву. Шемяка был подвергнут пыткам и ослеплён, но на этом месть клятвопреступника не завершилась. Василий II вышел за пределы ветхозаветного «око за око», приказав лишить жизни старшего наследника в династии Ивана Калиты. Среди московитов до этого случая великокняжеские родственники друг друга увечили, но не убивали.

Отказ Василия Тёмного признать православие одной из ветвей мирового христианства вряд ли был связан с извечным догматическим спором о толковании тайны Троицы: Святой Дух исходит от Отца, как думают православные, или от Отца и Сына, как считают католики. Василий II не присоединился к Флорентийской унии, он желал иметь придворную церковь для обслуживания интересов державы. Стремление церкви Василия Тёмного доказать свою состоятельность привело к появлению ложных, с точки зрения Вселенской церкви, титулов. Особенностью национального богослужения стало литургическое унижение женщины, а также появление иконостаса, отделившего паству от алтаря. В византийских храмах алтарная преграда была символической, не выше одного ряда икон над Царскими вратами, условно обозначающими вход в рай. Иконы на Руси в силу непреодолимой тяги к народной эстетике стали укрывать разукрашенными металлическими окладами, превращая их в произведения ювелирного искусства.

Русская поместная церковность, скрещённая с государственностью, отказалась от возвращения в лоно церкви Вселенской во времена возникновения Соловецкого монастыря.

Спасаясь от сотрясавших страну братоубийственных войн Василия Тёмного, инок Савватий покинул материк в поисках тишины и покоя. Согласно тексту «Соловецкого патерика», преподобный во время пути на остров непрерывно молился, повторяя слова библейского царя Давида: «Возвратись, моя душа, в покой Твой». Соловки, отделённые водной преградой от войн, бушевавших на материке, казались островом спасения в море страстей, гибельном для души и тела.

Вера в иллюзорную возможность обрести защиту от бед, не покидая этого мира, давала силы преодолевать препятствия. Большинство людей уходило в добровольную изоляцию не от хорошей жизни.

«Многие из иноков — пасынки жизни, выбитые так или иначе из своей колеи, неудачники, которым некуда деваться, бобыли, которые в силу тех или иных причин не вынесли трудностей борьбы за существование в миру, где нужно постоянно проявлять весь свой ум, всю энергию. Запутанность и сложность мирских взаимоотношений казались кандидатам в монахи непреодолимой преградой», — отмечал Пётр Фёдоров, близко общавшийся с соловецкими монахами в качестве их врача.

Среди сегодняшнего населения Соловков немало, условно говоря, лишенцев. Это люди или потомки людей, обделённых судьбой. Они покинули материк в надежде убежать от затянувшихся невзгод, начать новую «правильную» жизнь. Так было и прежде, особенно в 1433–1453 годах, когда усобицы потомков Донского, бившихся меж собою за великое княжение, достигли наибольшего размаха. Отказ служить московскому князю Василию, который захватил престол силой и хитростью вопреки завещанию Дмитрия Донского, означал смертный приговор для отказчика. Московских властителей, даже неканонизированных, было приказано изображать с нимбами святых вокруг голов. Публичные пытки и избиения считались нормой. Собрание земель вокруг Москвы опиралось не на нравственный авторитет идеи объединения страны, а на клятвопреступления, вероломство и жестокие убийства, противоречащие основным заповедям христианской морали.

Московский порядок превратил Русь в вотчину правителя. Рождение московской государственности неотделимо от насаждения крепостнической системы. Свободные прежде люди превращались по воле государства в бесправных холопов. Естественно, что далеко не все крестьяне, составлявшие большинство населения страны, добровольно шли под крепостное ярмо. То там, то сям селяне пытались давать отпор княжеским дружинам, но разрозненные очаги сопротивления искоренялись со средневековой жестокостью.

Бесконечное насилие, казалось, подтверждало приближение конца света. На основании дословного восприятия библейского текста — «тысяча лет для Бога, как день единый» — духовенство пришло к мысли, что мир, созданный Богом за семь дней, погибнет через семь тысяч лет, а точнее — 25 марта 1492 года.

Эсхатологические ожидания вызвали истерию, которая захлестнула страну, парализуя созидательную деятельность, ставшую бессмысленной накануне гибели мира. Невозможность спасения души в миру толкала людей в монастыри, хотя зачастую нравы насельников в обителях отражали духовный кризис того самого общества, от которого пытались отгородиться новопостриженные монахи.

Монашескую идею спасения души разные люди тоже понимали по-разному. Если соловецкий первоначальник Савватий искал на острове строгого уединения, то его молодой спутник Герман желал общения с себе подобными. В 1436 году (когда Василий II, расчищая путь к власти, выколол глаза старшему внуку Дмитрия Донского) Герман поведал миру историю, о которой молчал семь лет. Предлагая преподобному Зосиме устроить монашескую общину, он подстёгивал своего сожителя рассказом о чуде времён первого пришествия иноков на архипелаг. Герман открыл Зосиме, что острова во время высадки первых монахов отнюдь не были бесхозными, а если и казались необитаемыми, то лишь зимой. Ежегодно с открытием навигации в свои становища прибывали обитатели материкового побережья. Испокон веку они вели промысел морского зверя и рыбы в этих труднодоступных, но богатых всякой живностью краях. Отрок Герман и сам впервые увидел Соловки глазами новичка из карельской промысловой артели.

Суть чуда, по словам Германа, заключалась в том, что прибытие иноков на Соловецкий остров в 1429 году сопровождалось появлением некоей силы, обрушившейся на карельских хозяев земель и морских угодий архипелага. Иноков поддержали двое молодых людей, похожих на ангелов. Их нападению подверглась жена одного из рыбаков, которая, не ведая беды, шла к мужу, чтобы помочь ему на промысле, но попала в засаду. Молодые люди, а может, бесполое и бесплотные духи, принявшие на время мужское обличье, стали *железными прутьями* учить свою жертву уму-разуму совсем не по-ангельски. Согласно жизнеописанию соловецких чудотворцев, били юноши *жестоко и с гневом*. Вопли жертвы неслись над окрестными лесами и были слышны, как гласит «Соловецкий патерик», по крайней мере за две версты от места истязания, на противоположном берегу Подсекирного озера.

Акция завершилась ультиматумом, который экзекуторы повели доведения всех других владельцев угодий на Соловецком архипелаге. «Уходите отсюда, а не то злой смертью погибнете! Острова отныне будут принадлежать монахам, коих соберётся здесь множество», — грозно повели ангелы, явившиеся жене рыбака в мужском обличье.

Согласно монастырским источникам, все рыбаки и их семьи, едва слышав о «чуде избияния», добровольно и поспешно отбыли на континент, побросав насиженные места.

Грамота XV века зафиксировала странную продажу Ховрой, уроженкой онежского погоста Толвуя, *отчины и дедины*, то есть земель, принадлежавших ей по праву наследства. Получив всего три рубля с копейками от новгородского посадника Дмитрия Васильевича (1450 год), Ховра лишилась Соловков.

Жену рыбака не секли лозинами, а смертным боем били по рёбрам и по почкам железными прутьями. Миниатюра из рукописи 1623 года

Посадник Дмитрий Васильевич, скорее всего, выполнял в качестве посредника поручение новгородского архиепископа по оформлению передела карельских угодий в пользу церкви. Всё по любви. Три рубля — какие деньги? Кстати, боевой конь со сбруей стоил в те времена шесть рублей, а княжеский — все десять.

Крепкий инок Герман (средний срок жизни европейцев тогда не превышал 30 лет), поведавший миру об избиении на Секирной горе, прожил на острове 60 лет, так и не открыв братии своего мирского имени. Письменных свидетельств этот провожатый первоначальников монастыря не оставил, поскольку знание грамоты не входило в число его достоинств.

Если верить учебнику «Основы православной культуры», ангелы не способны совершать что-либо на земле собственными руками.

Пересказ устных воспоминаний Германа об избиении юношами карельской жёнки стал важной составной частью ранних рукописных вариантов «Жития Зосимы и Савватия», созданных в XVI–XVII веках.

Первое графическое изображение отнюдь не условно-символической экзекуции на Секирной горе восходит к житийной иконе, которую игумен Филипп заказал в 1545 году московским мастерам для Соловецкого монастыря. Икона, которая называется «Богоматерь Боголюбская с предстоящими и житием преподобных Зосимы и Савватия Соловецких», хранится в Соловецком собрании историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Четыре верхних клейма этой иконы кадр за кадром воссоздают сериал под названием «Чудо наказания ангелами жены рыбака и изгнание её и рыбака с острова». По мнению искусствоведов, сюжет избиения уроженки Карелии на Секирной горе наряду с пророческим видением Зосимы — «церкви, висящей в воздухе», стал одним из двух ключевых событий жития преподобных первоначальников Соловецкой обители.

Чудотворные мощи преподобного Савватия были упокоены его преемниками в позолоченной раке, изготовленной в 1566 году голландскими мастерами в Амстердаме. Заказ оплатил первый русский западник — боярин Б. И. Морозов, приучивший государя Алексея Михайловича носить европейскую одежду.

На стеле у подножия Секирной горы архимандрит Александр указал, что женский пол не бывает на месте чуда, повинаясь таинственному страху

Рака Савватия со временем оказалась экспонатом в коллекции древностей музея-заповедника «Московский Кремль». На одной из стенок этой гробницы, украшенной прекрасными рельефами работы голландских мастеров, по просьбе заказчика изображено пять фигур: тело корельской жёнки, прижатой к земле, пара ангелов, деловито секущих тело жертвы, и пара смотрящих — без нимбов.

Если верить добротному учебнику «Основы православной культуры», созданному под редакцией известного протоиерея Андрея Кураева, то ангелы есть существа недееспособные, то есть они не могут что-либо совершить на земле своими руками.

Через 500 лет после чуда избияния Горький посетил штрафной изолятор на Секирной горе и оставил чекистам свой отзыв: «Я бы сказал — отлично!»

Победителей не судят — этот крылатый латинизм стал постулатом общественной морали средневековой Руси. «Рэкет в XV столетии» — так назвал своё эссе, посвящённое расправе над соловецкими аборигенами, историк Сергей Морозов. Он допускает версию о том, что монахи не принимали личного участия в акции, а использовали в своих интересах давний конфликт между новгородскими промышленниками и жителями Беломорского побережья, пригласив наёмников в качестве ударной силы. Молодые люди, нанятые монахами, говоря современным языком, произвели зачистку территории в пользу нового субъекта хозяйственной деятельности.

«Женщина с двумя заплетёнными косами стоит на коленях, причём туловище её наклонено вперёд, руки её обращены туда же и книзу, они упираются в землю, одним словом, она находится в положении на четвереньках. Каждый из ангелов со своей стороны одной рукой прижимает женщину к земле рукою за косу, а другой свободной рукой совершает акт наказания», — так «Сад Спасения», изданный в 1711 году, пересказывает сюжет настенной росписи в Успенской церкви монастыря.

Максим Горький, которому в 1929-м, через пятьсот лет после свершения дива на Секирной горе, чекисты в соловецком лагерном музее показали икону с отнюдь не евангельским изображением «чуда избияния», выразил изумление по поводу крайней жестокости ангелов, принявших на себя роль экзекуторов.

«Ангелы XV века крайне плохо знали технику порки: они секли прутьями карелку не по тому месту, которое указано древней традицией, а гораздо выше по спине, где боль ощущается гораздо сильнее, потому что там находятся чрезвычайно чувствительные кости», — отметил Горький в очерке «Соловки».

Творение Горького о концлагере на Соловках было опубликовано в журнале с симптоматичным названием «Наши достижения», который Алексей Максимович редактировал в содружестве с женой генерального комиссара госбезопасности СССР Генриха Ягоды.

Писатель недаром удивлялся жестокости ангелов, считая сечение актом воспитательным, в какой-то мере символическим. Так пороли в детстве самого Горького. Однако те, которые выполняли заказ по изгнанию с острова неудобных, не воспитывали, а карали и устрашали.

На вопрос Максима Горького, почему ангелы в образе благообразных юношей напали на жену карела, нет однозначного ответа. Может быть, благообразные юноши опасались получить отпор от крепких рыбаков, а женщина едва ли могла оказать серьёзное сопротивление. Или, всего вероятней, присутствие женщины на острове раздражало монахов настолько остро, что именно на неё был направлен первый удар. Как известно, ранний устав Соловецкого монастыря запретил женщинам въезд на Соловецкие острова «во веки веков». Со временем режим ограничения прав женщин стал потихоньку ослабевать. Деньги делали своё дело. «Женщин из гостиного двора никуда для смотра ходить не пускают, кроме знатных (курсив мой. — Юр. Бр.), простых же пускают только во время служб в церковь, а после отводят в гостиный двор», — зафиксировал картину с натуры помещик Яков Мордвинов в своём походном журнале в 1752 году.

Когда в XIX веке богомолки стали приносить мужскому монастырю доход, несоизмеримо больший, чем паломники-мужчины, заповедь преподобного Зосимы о неправомерности присутствия женщин была отринута. Женщины получили право перемещаться по острову и жить в гостиницах наравне с мужчинами. Хотя для сохранения памяти о чуде избияния дамам вход на Чудову (Секирную) гору был закрыт. Место экзекуции приравнивали по статусу к алтарю православного храма, куда женщинам тоже нет хода.

Изгнание людей, издавна занимавшихся на островах рыболовством — древним апостольским трудом, есть краеугольный камень истории Соловецкой обители. Поглощение чужой собственности не было явлением, рождённым на архипелаге, но именно на Соловках, которые Московский патриархат числит опорой отечественной духовности, захват земель был возведён в ранг чуда. Благочестивый грабёж, совершённый во имя процветания монашеской обители, будет служить дурным примером при формировании общественного сознания из столетия в столетие. «В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, деля явную и бесспорную мерзость, — вот в чём наша современная беда!» — казнится знаток русской души Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» по поводу итогов такого воспитания.

Церковный рассказ о благообразных юношах, «жестоко и с гневом» ломавших мирянам рёбра железными прутьями на Секирной горе, подразумевает, что цель оправдывает средства, если преступление совершается с благими намерениями, и евангельские заповеди в такой ситуации могут быть легко перечёркнуты.

На кресте, поставленном в 1837 году под Секирной горой, повторялась древняя надпись: «Тут бива прутьями железными жену за рыболовство»

A landscape photograph showing a calm body of water in the foreground, reflecting the sky. In the middle ground, there is a dense forest of green trees. The sky is filled with soft, grey clouds, suggesting an overcast day. The overall mood is serene and somewhat somber.

«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в битву за добро, за истину, за справедливость, — и так шаг за шагом до геенны огненной и Колымы. Всё, что из плоти, рассыпается в прах: и люди, и системы. Но дух — вечен, и страшен дух ненависти в борьбе за правое дело. Благодаря ему зло на Земле не имеет конца», — написал философ Григорий Померанц в 1971 году.

Посеявшие ветер пожнут бурю, — сказано в Ветхом Завете. Сечение железными прутьями положило начало череде событий, преобразивших суть острова. Секирная гора, историческое лобное место Соловков, открывает список самых скорбных мест России, где палачи будут убивать людей за принадлежность к социальной группе, по национальному признаку, за веру или за неверие.

Жесточайший московский способ формирования централизованного государства обессилил общество, затормозил его интеллектуальное развитие. Новгород с наиболее развитой культурой пострадал особенно ощутимо.

*Дмитрий Лихачёв,
историк культуры*

Новгородский след

Соловки — есть граница восприятия России, лежащей, по определению А. П. Чехова, между Понтом Эвксинским и Соловками под соответствующими градусами долготы и широты.

Начало российской государственности условно принято исчислять от 882 года, когда, если верить широко известной фразе Нестора Летописца, наши предки призвали варягов обустраивать жизнь общества: «Велика наша земля и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Новое государство, где новгородские земли смыкались с киевскими, Дмитрий Лихачёв прозвал Скандовизантией, подчёркивая его варяго-греческую двуполярность. Культурные достижения Средиземноморья Русь впитывала через Киев от греческих мегаполисов Причерноморья, а североευропейское влияние распространялось через Новгород, выросший вслед за Ладогой на одном из важных водных путей норманнов — «северных людей».

Предтечей Новгорода было Городище, основанное в конце первого тысячелетия на холме, там, где река Волхов вытекает из Ильмень-озера. Скандинавские саги именуют селение Хольмгардом, что переводится как «город на острове», отражая изначальное размещение лагеря племени ильменских словен. Обитатели разросшегося Городища, как по команде, заселили сразу оба берега Волхова, а не только высокий, как делалось обычно.

Энергичное освоение земель вдоль обоих берегов Волхова северными славянами отражало стремление местных племён использовать естественные преимущества территории вблизи развилки важной трассы викингов. От Ладоги (морских ворот Новгорода) «парчовый путь» вёл к волокам до Западной Двины и Днепра — «из варяг в греки», а другой маршрут, по Волге, — «в арабы», в Персию.

Великие воины викинги три века подряд не имели соперников ни на суше, ни на море. Их дружины в конце VIII века брали дань с земель Британии. В IX веке скандинавы хаживали за добычей в Нант, Париж, Гамбург, Лиссабон, в портовые города Италии, на средиземноморское побережье Африки и в неведомые европейцам Исландию и Америку.

Племена словен, кривичей, веси и мери, ещё недавно жившие охотой и собирательством, нашли своё место в мире норманнов. Даже раб, взятый гребцом на судно викингов, обретал свободу. Славяне, принимая участие в походах скандинавов, обучались ремёслам, умению воевать и преодолевать пространства.

Новгородские ушкуйники XII–XIV веков — искатели приключений и добычи — это русские викинги. Флотилии численностью до двух сотен лодок-ушкуев брали приступом и Царьград, и столицу Швеции, и столицу Великого хана. Набеги ушкуйников причинили Орде урон больший, чем войска Дмитрия Донского Мамаю на Куликовом поле.

Новгородцы, восприняв элементы варяжской государственности, обеспечили мирный приход на русский престол династии Рюриковичей. С X века новгородцы платили варягам ежегодную дань: «триста гривен мира для», что было раз в десять меньше, чем приходилось отдавать князю стольного града Киева. Зато скандинавы всегда выручали новгородцев, помогая не безвозмездно, но надёжно. Варяжская дружина защитила Новгород, когда удельный князь Ярослав в 1014 году отказался отправлять неумеренную дань на берег Днепра. Святой Владимир, отец Ярослава, тоже некогда княжил в Новгороде, пока едва не был убит вероломными братьями. Он спасся лишь благодаря поддержке скандинавов. Варяги отвоевали Владимиру отчину, а потом ещё и великое княжение в «столице городов русских». Князь Владимир же, как принято считать, распространил в своём государстве монотеистическую религию по византийскому образцу, хотя лингвистический анализ текстов древнейших новгородских манускриптов говорит о другом: христианство скорее всего пришло на Русский Север не из Византии, а с Запада, через Моравию и Богемию. Однако церковное священноначалие внушало пастве, будто их предков на тысячу лет раньше крестил не кто иной, как сам апостол Андрей Первозванный.

Варница для выпаривания соли. Макет

Проводниками веры в странах поздней христианизации служили монастыри. Основателем первого из монастырей на новгородской земле считается Антоний Римлянин, который в сентябре 1106 года попал в Ильмень-озеро из Средиземного моря на валуне, скользившем по водам силой молитвы. Обогнув Европу за два дня, монах на берегу Волхова повторил хитрость Дидоны, основательницы Карфагена. Римлянин попросил выделить ему кусочек побережья — не больше, чем можно отмерить одной воловьей шкурой. Получив согласие, Антоний разрезал шкуру на узенькие ремешки, связал их и огородил участок, достаточный для строительства обители.

Соловецкая обитель, судя по дате её возникновения, оказалась последней среди монастырей, основанных независимым Новгородом.

Богатый Новгород содержал немало монастырей. Некоторые из этих обителей ограждали себя стенами среди мирской застройки, другие устраивались вблизи городской черты, а иные усилиями подвижников возникали на малообжитых пустынных землях вдали от метрополии. Таких обителей в первой половине XV века на землях Новгородской республики появилось несколько десятков, но большинство из них распалось после смерти основателей в результате раздоров или пожаров.

Монастырь, возникший в центре морских зверобойных промыслов, пережил череду пожаров и смену власти на Севере. Первостепенную роль в становлении Соловецкой обители сыграли хозяйственные таланты первых игуменов, внедривших новгородскую систему добычи соли и её сбыта.

В *варницах* над незатухающими топками крепились *црены* — сковороды до шести метров в поперечнике, куда по мере испарения доливалась морская вода. Соль, добытая выпариванием, получалась крупной, отдавала горечью, желтила продукты, но за неимением лучшего пользовалась устойчивым спросом на рынке. Торговля солью стала основой экономического благополучия соловецких иноков.

Солеварением, беспошлинным для церковников, промышляли многие духовные учреждения, включая и новгородский Софийский собор, и Кирилло-Белозерский монастырь, и далёкий Троице-Сергиев монастырь. Однако Соловецкая обитель, расположенная непосредственно у моря, смогла к середине XVI века заполучить в своё владение такое количество варниц, рабочих рук и запасов топлива, что потеснила всех конкурентов по соледобыче. Доходы от продажи десятков тысяч пудов соли позволили благоустроить быт братии, проложить каналы и дороги и развернуть интенсивное каменное строительство.

Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря обрёл своё неповторимое лицо благодаря талантам игумена Филиппа из династии московских бояр Колычевых, волею судеб крепко связанных с Великим Новгородом. Род Колычевых, как и род будущих государей России Романовых, возводил свою историю к общему предку — некоему Андрею Кобыле, пришедшему на Русь из прусских земель в XII веке. Дед соловецкого игумена — Иван Колычев, по прозвищу Лобан — при Иване III служил наместником в Новгороде, имел вотчину в Деревской пятине и свою усадьбу на Прусской улице. Отец Филиппа — боярин Степан Иванович Колычев — принимал участие в русско-шведских переговорах, получив необычное прозвище Стенстур в память об общении с риксфорестондером (правителем) Швеции Стеном Стуром II Младшим (1512–1520), подписавшим в 1513 году важный договор о перемирии с Россией на шестьдесят лет.

Фёдор Степанович — наследник Стенстура — стал монахом. По церковной версии, характерной для житийной литературы, он ушёл из дома, поражённый во время литургии словами Нагорной проповеди: «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне». Однако религиозное обращение часто не обходится без влияния мирских мотивов. Фёдор покинул Москву после ареста близкого родственника династии Колычевых — удельного князя Андрея Старицкого, брата покойного государя Василия III. Старицкого обвинили в измене, так как он в качестве главы попечительского совета мешал царской вдове Елене Глинской и её фавориту Ивану Овчине-Оболенскому управлять страной от имени семилетнего царевича Ивана IV.

Внук наместника Ивана III в Новгороде, москвич Фёдор Степанович Колычев, обрёл спасение на новгородской земле

Это был *тридцать седьмой год — 1537-й*. Сына Ивана III Андрея Старицкого, искавшего поддержки в Великом Новгороде, отравили, уничтожив всех хоть как-то связанных с ним людей. Тела замученных по подозрению в измене, включая Ивана Ивановича Умного-Колычева, советника и друга князя Андрея Старицкого, и ещё двух Колычевых, были развешаны палачами вдоль Поварской улицы — в начале дороги, ведущей к Великому Новгороду. Фёдор Колычев знал, что людей его круга в Москве ожидают арест, пытки, смерть.

Боярин Фёдор Степанович бежал из Москвы. Переодевшись в платье простолюдина и изменив внешность, он затерялся в Олонецком крае, в новгородских вотчинах своей матери. Накануне ледостава, когда связь с материком прекращается на восемь месяцев, некто постучался в калитку монастыря на острове. Неизвестный принёс вклад — драгоценное кадило, но своё прошлое, как и мирское имя, он отринул у порога, преобразившись в чернца, наречённого при пострижении Филиппом.

Этот беглец из мира оказался на исходе зимы свидетелем пожара: в светлую ночь на 1 мая молния, ударившая из одинокого чёрного облака, дотла сожгла укрытые снегами три церквушки, окружённые кельями иноков. Священномученик Вениамин (Кононов), владевший информацией, нам недоступной, назвал бедствие, обрушившееся на обитель в 1538 году, наказанием, ниспосланным Богородицей за «нечестие и попрание идеала монашества».

Можно лишь предполагать, сколько лиха хлебнул бывший царедворец в Соловецкой обители, исполняя иноческие послушания. Десять лет «терпеливо принимал он побои от старших, но неразумных монахов», пока в столице не произошла смена власти. Княжение Глинских прервалось в 1547 году мятежом горожан, юный Иван IV занял царский престол, и положение Филиппа, которому уже не было нужды скрывать своё мирское имя, сразу изменилось. Настоятель Алексей вдруг пожелал передать бразды правления выходцу из Москвы, и братия единодушно признала, «что он самый разумный и искусный во всех вещах, и нет никого его лучше».

Филипп не забыл о пожаре в год своего пострижения и, получив доступ к ресурсам, взялся отстроить монастырь из камня, чтоб защитить его от угрозы огня. Приступая к строительству, молодой игумен, которому едва перевалило за сорок, совершил один из важнейших поступков в своей жизни — он призвал на остров мастеров из Великого Новгорода, обладателей мировоззрения, весьма отличного от московского. Культура граждан недавней Новгородской республики, имевшей трёхсотлетнюю демократическую традицию, была иной, нежели в Московии, три сотни лет прожившей под игом степняков, при котором русские князья приучились искренне относиться к деспоту как к божеству.

«В Московии воля государя есть воля Бога», — сообщал своему монарху австрийский посол при дворе Василия III Сигизмунд Герберштейн. Смысл московской национальной идеи, утвердившейся на рубеже XV–XVI веков, — обожествление всевластия царя, живого носителя воли Бога на земле. Народ при такой системе управления — раб государя и государства. Понятие «раб божий» есть только у нас.

«Все московиты или русские довольствуются больше состоянием рабским, чем свободным... Дворяне, бояре, военачальники, духовенство и чиновники — все считают себя холопами, то есть презреннейшими и ничтожнейшими слугами великого князя, и признают, что всё их движимое и недвижимое имущество, которым они лично владеют, принадлежит не им, а великому князю», — делился своими наблюдениями итальянский дворянин Александр Гваньини в «Описании Московии».

Правление Ивана III породило миф, что русские патриоты — это только те, кто преданно служит правителю Московии.

Правители Московии, впитавшие приёмы жизнеустройства Золотой Орды, не стеснялись себя христианской моралью при выборе средств для захвата соседних русских княжеств. Духовная власть, усвоив татарские уроки, слова сказать не смела в осуждение поступков великого князя. Свод запретов Чингисхана «Великая яса» — прообраз законов Московии — повелевал церковникам молить богов о здравии своих правителей, освобождая их за это от всех податей. Падение власти степняков не изменило отношений правителей с клиром. Церковь сохранила свою структуру и привилегии, которые имела за поддержку властителя. Приумножение территории Московии позволяло церковным иерархам расширять пределы своего влияния. В XV веке клирики недавнего азиатского форпоста у границ Европы, не имевшие собственной богословской школы, объявили себя наследниками Рима и Константинополя, которые утратили благочестие. Теперь-де Москва будет подлинным мерилом духовности вселенского христианства.

В Европе претензию столицы Руси на роль Третьего Рима всерьёз никогда не воспринимали, но в самой Москве равнение на Рим прослеживается чётко. Зримые символы великокняжеской власти — стены Кремля, храмы в нём, набережные Москвы-реки — возводятся итальянскими мастерами, вопреки суеверному страху перед инородцами.

Гербом Московии стало пришедшее из Северной Италии изображение святого Георгия, убивающего змея-дракона. Легенда о змеборце-освободителе была широко распространена в христианском мире. Святой Георгий почитался защитником границ в Константинополе, в Москве и Великом Новгороде. Иконография Георгия — исторический источник, хранящий память не столько о национальных чертах облика героя, сколько о разных идеалах государственного жизнеустройства.

Самобытная новгородская фреска в диаконнике Георгиевской церкви на берегу Волхова изображает юношу, который усмиряет враждебную силу не копьём, а божьим словом. Спасённая царевна уводит змея, ставшего из врага другом, в свои чертоги не на цепи, а на тоненьком пояске. Разница в прочтении легенды о подвиге святого Георгия отражает коренное различие в мировоззрениях Московии и Господина Великого Новгорода.

Господин Великий Новгород — это название республики, владевшей в XV веке землями от побережья Балтики на западе до Уральских гор на востоке. Республика как владычица рек Северо-Восточной Европы имела выходы в Балтийское, Чёрное, Белое и Каспийское моря. Новгородцы освоили пути в порты Англии, Дании, мусульманского Востока, Закавказья и Римской империи. Такие далёкие походы в средние века кроме новгородцев совершали только венецианские купцы. С XII века новгородские ремесленные изделия, а также русские меха, воск, рыбий зуб раскупались на ярмарках в Любеке, Риге и на острове Готланде. На Русь купцы ввозили не только заграничные товары и технологии, но и приёмы обустройства жизни. Новгородцы тесно сотрудничали с Ганзой — союзом свободных городов Северной Европы, защищавшим купечество от нападков феодалов и пиратства. Мост через Волхов являлся крупнейшим в Европе. Новгородская деньга содержала вдвое больше серебра, чем московская, и ценилась вдвое дороже.

Святой Георгий усмиряет змея не силой оружия, а божьим словом. Фреска в диаконнике Георгиевской церкви в Старой Ладозе. 1180-е годы

Демократия победила в Великом Новгороде в результате народного восстания, произошедшего в 1136 году. Власть князя перестала быть пожизненной и наследственной, она ограничивалась рамками договора о выполнении дружиной военно-полицейских функций за заранее оговорённую мзду. Дабы избежать возможных злоупотреблений, князь и его дружинники были лишены возможности приобретать собственность на территориях, где они несли службу. Несоблюдение пунктов договора грозило нарушителям позорным изгнанием. Князя Александра Ярославича, прозванного Невским триста лет спустя после его победы в приграничной стычке на реке Неве, новгородцы выдворяли дважды. За воровские поступки перед именитым наёмником ритуально распахивали ворота: «Скатертью дорога, княже!» Обиженный отец будущего основателя династии московских князей отбывал восояси и был вынужден предлагать свои услуги наравне с другими кандидатами.

Роль князя сводилась в первую очередь к охране границ республики силами своей дружины, вокруг которой при необходимости формировалось народное ополчение, способное противостоять даже натиску рыцарей Ливонского ордена. Господин Великий Новгород предпочитал не рисковать жизнями сограждан, а действовать дипломатическими методами или откупаться.

Торговые контакты с иноверцами расширяли кругозор новгородцев, являлись школой веротерпимости и позволяли внедрять у себя достижения соседей без оглядки на религиозные барьеры. Жизненный уклад города-республики и взаимный интерес в экономическом успехе, породившие демократичный характер управления государством, способствовали охране прав предпринимателей и их собственности. Статус человека определялся не этнической принадлежностью, а гражданством. Система судебной защиты распространялась на всех граждан республики вне зависимости от их личного благосостояния.

Пути развития общества в Великом Новгороде (в отличие от Московии) обсуждались гласно, и решения, выгодные большинству, принимались вечем — общим собранием граждан. Вечевой строй уберёг владения Новгородской республики от феодального дробления, земля свободно продавалась и покупалась.

Потребность в накоплении и хранении знаний, необходимых в повседневной жизни, у купцов и ремесленников была столь велика, что Великий Новгород оказался обладателем собрания рукописей, равного которому не было в славянском мире. Распространение грамотности стало основой просвещения и самостоятельности мышления всех слоёв населения и в городе, и в округе, от Ладожского озера до Ледовитого океана. Всеобщая грамотность порождала независимость суждений, как в Афинах времён Перикла, где ставка делалась не на армию, а на торговлю и создание вещей, нужных другим народам.

Ментальность Великого Новгорода тяготела не к Риму, с которым отождествляла себя Москва, а к идеалам устройства жизни в Древних Афинах.

Киевская Русь распалась на части вследствие склок между семьями князей-родичей. Киев сжёг и разграбил ещё до появления татар Андрей Боголюбский — князь Суздальский, один из сыновей Юрия Долгорукого. Великая Орда легко покорила разрозненные русские княжества, но не уничтожила варяжскую систему управления. Князьям, которые демонстрировали покорность завоевателям, дозволялось купить у ханов Орды ярлыки на правление, а князья уже сами обеспечивали сбор дани для захватчиков, не обижая и себя. Стычки между родичами продолжали иметь место, особенно за ярлыки великих князей, но междоусобицы не несли в себе угрозы для родыньцев.

Осознание необходимости защиты общенациональных интересов начало приходить к русским князьям лишь через триста лет, когда власть ханов ослабла, разъедаемая изнутри борьбой кланов. Великий Новгород, хотя и избежал набегов степняков, испытывал естественную тягу к общению с соплеменниками, не говоря уже об экономической выгоде от воссоединения разрозненных княжеств в единое пространство. Купцы торговой республики нуждались в расширении деловых контактов, они ладили со Швецией и находили общий язык с немецкими городами.

С Русью Литовской Новгород был связан взаимовыгодными договорами, и новгородцы стремились иметь добрососедские отношения с Московией, которая контролировала пути по Волге через Каспий в Персию и страны Востока. Расширяя партнёрские связи, Великий Новгород не стремился к верховодству, а ратовал за равноправие союзников, объединённых не силой, а взаимной выгодой. Достигнув естественных географических рубежей, новгородцы были чужды имперских амбиций, в отличие от князей московских, которые исповедовали восточный тип национальной идеологии и строили мир вокруг себя по подобию ордынского управления.

Освободившись от ханского ярма, Москва подчиняла русские земли своей военной и политической власти с жестокостью не меньшей, чем во времена Орды. «Даже после освобождения Московия продолжила играть свою традиционную роль раба, ставшего господином», — писал Карл Маркс, анализируя политику Москвы. Московский план самодержавного общерусского государственного устройства, при котором властителя не сдерживали общественные силы — вече, бояре, епископы, — был несовместим с новгородским проектом создания союза независимых княжеств. «Дьявольской прелестью» объявили князя, воспитанные в ордынской традиции, новгородские институты народовластия.

Первое упоминание о неприязни москвичей к новгородцам восходит к 1147 году, когда Москва впервые упоминается в летописи. Тогда же князь Юрий Владимирович, получивший за страсть к стяжательству прозвище Долгорукий, отправился завоёвывать Новгород. Набеги, как и у степняков, чередовались с требованиями дани. Князь Александр Невский первым принудил новгородцев платить дань Орде, а внук Невского, «татарский палач и старший раб» Иван I Калита, который, говоря словами Маркса, «играл роль гнусного орудия хана, заимствуя его власть против своих соперников и против своих подданных», в 1336 году пытался захватить Поморье. Путь Ивана I повторил Дмитрий Донской, от которого откупились 8000 рублей. А правнук Донского, великий князь Иван III, завершил то, чего не смог хан Батый. В 1477 году Москва уничтожила новгородский суверенитет как явление в российской истории.

Князь Иван III, стремясь возвысить свой статус первого русского самодержца, по совету папы римского Павла II заключил династический брак с младшей дочерью младшего сына правителя сгинувшей Византии. Законно претендовать на римское наследие за счёт женитьбы на деспине (от греческого титула «деспот») московский князь не мог, так как старший брат его жены Зои (Софьи) Палеолог ухитрился трижды продать трём разным людям права на византийский престол. Тем не менее знатное родство позволило москвичу считать себя царём. По совету жены он ввёл пышный византийский церемониал, стал чеканить золотую монету и избрал себе амбициозный герб.

Русская монархия, как бы возводя своё происхождение к римскому императору Августу, стала использовать в качестве герба изображение двуглавого орла-мутанта, который в Восточной Римской империи был знаком владычества самодержца над светской и духовной властями. Но авторитарная Византия, откуда знак всевластия «перелетел» в Москву, являлась тяжелобольным обществом задолго до появления на европейской исторической сцене тюркской угрозы. Имя, как считал Павел Александрович Флоренский, предопределяет судьбу, а форма — содержание. Причина многих бед — повторение ошибок чужого пути. Мёртвый хватает живого, как говорят французы.

Первый русский самодержец, собирая свободные русские земли под пяту Москвы, объявил новгородцев своими холопами, поскольку его предок Александр (Невский) княжил в Новгороде (в качестве наёмника). В 1456 году московское войско двинулось на север. Пяти тысячное ополчение новгородцев было разгромлено, москвиты подступили к стенам Новгорода. Архиепископ Феофил взял на себя ведение переговоров с захватчиками и выторговал соглашение, по которому победитель город не грабил, а получал огромный откуп, равный 8500 рублям. Это вам не Соловки, недавно проданные церковникам за три рубля!

Страшнее потери денег было то, что архиепископ согласился на существенные ограничения самостоятельности Новгородской республики. Вече лишалось права заключать политические союзы без согласования их с Москвой. Формально свободный город утратил возможность предоставлять убежище беглецам, как это было испокон веку.

Угроза окончательной потери независимости вынудила граждан республики Святой Софии искать защитников извне, как это бывало не раз, когда они, не тратясь на содержание собственной регулярной армии, улаживали конфликты с помощью отрядов наёмников.

Марфа Борецкая, вдова и мать двух новгородских посадников, затмив энергией всех современных ей мужчин, возглавила движение горожан, считавших необходимым обратиться за помощью к Литве, где в середине XV века более половины населения составляли православные христиане, говорившие по-русски, со многими из которых новгородцев связывали деловые или родственные узы. Приглашение для защиты Новгорода великого князя Литовского Казимира, который являлся и польским королём, «не противоречило старине», то есть имело немало precedентов в прошлом.

Портрет якобы Марфы Борецкой из покоев соловецкого настоятеля. [Копия Алексея Антропова (1722) с портрета княгини К. Н. Романовой, бывшей жены патриарха Филарета]

Князья-наёмники, служившие Новгороду в разное время, бывало, принадлежали и к дому Рюрика, и к литовской династии, основанной Гедимином. Новгородские архиепископы, выбранные горожанами на вече, могли получать хиротонию или в Московской митрополии, или в Литве, от православного митрополита Западной Руси. Так в XV веке был поставлен Евфимий, один самых выдающихся владык новгородских, канонизированных впоследствии.

Король Казимир IV подписал в феврале 1471 года соглашение о защите земель Великого Новгорода силами литовской армии. Одним из пунктов этого договора было обязательство наёмников не наносить вреда православным церквям и не строить на новгородской земле римско-католические храмы. Москва тут же громогласно обвинила Новгород в намерении перейти к католической обрядности и призвала русских князей в «крестовый поход», чтоб не дать Новгороду отпасть от веры отцов.

Обвинение князя Московского Ивана III было грубейшей клеветой с целью очернить сторонников независимости. Марфа Посадница накануне добровольного пожертвования соловецким монахам одаривала и другие православные монастыри. Её поддержка малоизвестной непрестижной обители — это поступок, явно нелогичный для католички.

Провокация Ивана III отражала его стремление не допустить свободных выборов главы новгородской митрополии. После смерти владыки Ионы граждане гипотетически могли избрать архимандритом Святой Софии Пимена, а тот мог бы получить благословение на занятие кафедры в Киеве у митрополита Григория, приверженца Исидора, подписавшего Флорентийскую унию о воссоединении ветвей христианства, чего Москва не желала.

Опасаясь свободных выборов, князь Московский Иван III искажал правду, полагая, что цель оправдывает средства. «Между политикой Ивана III и политикой современной России существует не сходство, а тождество — это докажет простая замена имён и дат», — отметил Карл Маркс в XIX веке особенность российской дипломатии. Подобно своему предку Александру Невскому, страшавшему православных новгородцев войсками Великой Орды, Иван III призвал спасти православие в Новгороде мусульманскую конницу касимовских и мещерских татар.

Правители Твери, Вятки и Пскова сделали вид, будто верят, что новгородцы хотят перейти к католической обрядности. Псковичи не пропустили через свои земли помощь из Литвы, и в июле 1471 года новгородское ополчение оказалось в одиночку перед татаро-московским войском на рубеже реки Шелони.

Едва боевой клич москвитов «Масква-аа!» слился с татарским «ур-аа!», как полк новгородцев — снаряжённый архиепископом «владычный стяг» — покинул поле боя, ибо промосковски настроенный владыка Феофил *не благословил* своих воинов сражаться против москвитов, братьев по вере. Предательство пастыря погубило 12 тысяч ополченцев, убитых беспощадными москвитами и их союзниками.

Новгородцы готовились к защите крепости, но архиепископ Феофил, «испытывая великую скорбь», уговорил сограждан сложить оружие и присягнуть на верность великому князю Московскому, который обещал за шестнадцать тысяч рублей сохранить вечевой строй и гражданские свободы. Обещание это было вилами по воде писано. Совместить демократические институты с деспотическим порядком управления было невозможно при всём желании.

Иван III, отбросив ухищрения, потребовал признания *московской правды*, то есть порядка, при котором христианские нравственные принципы не распространялись на область социальных отношений. В Московии языческий взгляд на человека как на собственность владельца был узаконен, и благочестивые владельцы христианских душ за пытки и убийства холопов возмездия не страшились. Понятие «московская правда» в справочнике крылатых слов С.В. Максимова подразделялось на «голую правду», то есть признание вины после держания голым на морозе, и на «подлинную правду», когда избивали *линьками* — концами просмоленной верёвки с завязанным узелком. Была ещё и «подноготная правда» с использованием деревянных гвоздиков (колков). Их палачи вбивали жертве под ногти.

Великий Новгород, который по образу жизни был намного ближе к Венеции, чем к Москве, вкусил московскую правду в полной мере. В 1478 году московский князь Иван III упразднил вече, независимый суд, выборы посадников и архиепископа. Символ свободы — вечевой колокол — да ещё триста возов добычи москвиты увезли в свою столицу.

Две тысячи лучших ремесленников в качестве рабов стали добычей захватчиков, и их мастерские исчезли. Все бояре и сотни купцов лишились если не жизни, то собственности. Вопреки княжескому обещанию «не выводить жителей из города» и «не вступаться в их вотчины», москвиты выселили из поместий всех непривычных к ярму граждан. Сначала — самых знатных и богатых, а затем — ещё семь тысяч семейств, владевших хоть какой-нибудь земельной собственностью. Сословие новгородских землевладельцев, которое обеспечивало стабильность республики, впервые в русской истории было поголовно уничтожено с варварской жестокостью. Людей гнали в ссылку зимой, в морозы, не дав собраться и взять с собой хоть какой-нибудь скарб.

Захватив Новгород, москвичи сожгли Ярославовы грамоты и выдрали из летописей описание этих документов.

Иван III, который шёл на Новгород под флагом защиты православия от католицизма, тут же произвёл экспроприацию половины земельных владений Православной церкви в свою казну. Архиепископа Феофила, который не раз как только мог демонстрировал лояльность Московии, обвинили в подготовке абсурдного заговора в пользу польского короля. В заточении Феофил вышел из сана и добровольно, «по причине убожества ума своего», отказался от единственного на Руси церковного головного убора — белого клобука.

Белый клобук олицетворял собой преемственность власти иерарха от Святого престола в Риме. Изначально император Константин Великий заказал белый клобук для папы римского Сильвестра в качестве аналога венца правителя. На Руси белый клобук являлся отличительной особенностью новгородских архиепископов. Согласно фолианту XV века «Повесть о Белом Клобуке», он попал в Константинополь из Рима, а оттуда был доставлен в Новгород. После низложения архиепископа Феофила Новгородская митрополия утратила автономию, а зримый символ авторитета папской власти оказался трофеем москвитов.

Московское нашествие свело на нет успехи республики, чья интеллектуальная жизнь находилась в преддверии эпохи Возрождения — умственного движения, выведшего передовые державы из Средневековья в Новое время. Захват Новгорода пресёк варяжскую традицию, роднившую культуру Руси с Западом. Европейское искусство уже без участия русских мастеров осваивало новые пути, ведущие к достоверному изображению человека и постижению его внутреннего мира.

Руси не удалось в одном ряду с соседними странами преодолеть рубеж Средневековья и принять участие в формировании нового миропорядка. Европа без Руси осваивала Новый Свет. Даже книгопечатание, величайшее достижение эпохи, достаточно долго приравнивалось в Московии к колдовству. «Жесточайший московский способ формирования централизованного государства», по мнению академика Дмитрия Лихачёва, обессилил общество, затормозил его интеллектуальное развитие. Новгород как средоточие предвозрожденческих настроений, с его прогрессивной, развитой культурой, пострадал особенно остро.

Опыт международных связей новгородцев и их балтийские «ворота в Европу» оказались утраченными. Центр ремёсел и торговли превратился в бедную окраину. Каменное строительство на обнищавших землях могли позволить себе только пришлые из столицы богачи.

Церковь Успения Божьей Матери — первый каменный храм на острове

Пришельцы, хоть и попадали под обаяние древней культуры, имели иное воспитание и изменяли мир в соответствии со своими вкусами, зачастую без оглядки на историческое наследие. Лишь полвека спустя после разорения Господина Великого Новгорода в 1478 году Иваном III просвещённому архиепископу Макарию удалось возродить школу иконописи и церковное строительство, частично сохранявшие самобытные черты вплоть до жесточайшего погрома, учинённого в 1570-м государем всея Руси Иваном IV.

Во время культурной оттепели, связанной с именем архимандрита Макария, в Новгороде в 1526–1536 годах возводятся 18 каменных и девять деревянных храмов. При Макарии начинается строительство трапезных в общежитийских монастырях, которые появляются после 1528 года. Во главе артели, строившей трапезные, согласно исследованиям архитектора Д. А. Петрова, стояли мастера Григорий и Варфоломей. В их артели, следовавшей коренным традициям новгородского зодчества, обрёл профессиональные навыки Игнатий Салка по прозвищу Столыпа. В 1533–1536 годах он построил чудесную трапезную в Александро-Свирском монастыре. В сердце Новгорода, на Софийском дворе, Игнатий Салка возвёл в 1537 году для своего покровителя архиепископа Макария прекрасную церковь. То был год, когда Филипп пришёл на Соловки.

Одностолпная трапезная — наибольшая из монастырских палат Руси XVI века

Игумен обители, обладавшей лишь тремя деревянными церквями да тремя соляными варницами, получив власть над Соловками, подхватил знамя архимандрита Макария. Филипп пригласил на остров для каменного строительства мастеров, *имеющих разум*. Соборы, возведённые на Соловках, отличаются благородной мягкостью форм, лёгкой размытостью силуэта, они зачастую лишены жёсткой геометрической правильности, что лишь подчёркивает их одухотворённость. Союз замечательного администратора с талантливыми зодчими позволил создать величайшие произведения искусства, ставшие лебединой песней новгородской архитектурной школы.

Под крышей Успенской церкви находились келарская и трапезная палаты, звонница, пекарня, квасные службы, кладовые, казнохранилище и первые тюремные чуланы

Соловки восхищают не декоративными элементами и не уникальными строительными приёмами, которые на материке канули в небытие вместе со своим временем. Шедевры соловецкого зодчества оказывают сильнейшее положительное эмоциональное воздействие на психику человека. Эллины считали архитектуру царицей искусств, полагая, что благородство пропорций возведённых строений есть отражение духовного мира зодчих.

Объёмная композиция Спасо-Преображенского собора непривычна для древнерусского зодчества. Приделы необычайным образом устроены не снаружи, а внутри здания, и не на земле, а на сводах. Общепринятая планировка помещений кажется буквально перевёрнутой «вверх ногами» да ещё как бы вывернутой наизнанку, но эти странности не бросаются в глаза. Храм изумляет своей экспрессией и величавостью. Он, кроме всего прочего, является одним из крупнейших соборов своего времени, превосходя по высоте Успенский собор Московского Кремля.

«Архитектура — зеркало коллективной души», — сказал писатель В. В. Ерофеев о сути урока Новгорода Соловкам.

Возведение кирпичных сооружений на острове, восемь месяцев в году находящемся в ледяном плену, требовало значительной подготовительной деятельности. Кирпичная кладка, пришедшая из Римской империи на смену белокаменному зодчеству, до XVI века была на Руси малоизвестной иностранной диковинкой. Изготовление кирпичей требовало не только известного мастерства, но и таланта.

Филипп сам нашёл в нескольких верстах от монастыря скрытый под землёй пласт глины, сам организовал формовку заготовок и их обжиг. Кирпичи, изготовленные на острове во времена предприимчивого соловецкого настоятеля, выгодно отличаются по качеству от аналогичной продукции XVII и XVIII веков, не говоря уже о более позднем времени.

Хозяйственный талант молодого игумена оказался адекватен его архитектурному гению, и Иван IV, наблюдавший за успехами Филиппа, по просьбе настоятеля одарил обитель тысячей рублей на строительство Спасо-Преображенского собора. Монастырь добавил лишь десять рублей на остекление храма.

< Облик Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря отличается от того, каким он был задуман игуменом Филиппом

Надёжность толстых стен из прочнейшего кирпича соизмерима с мощью крепостных сооружений, но собор не подавляет созерцателя своей массивностью, а радует взгляд грациозной пластичностью, заставляя поднять глаза к небу. Заметный наклон угловых граней храма, а также расположение окон и пилястров на фасадах усиливают ощущение устремлённости вверх, особенно в непосредственной близости от собора. На ранних графических изображениях свода Спасо-Преображенского собора завершаются шатром, но, возможно, эти изображения были не зарисовками с натуры, а данью традиции или мечтой об идеале.

Может быть, шатровое завершение только планировалось, но не было достроено, так как игумен вынужденно покинул Соловки. Царь вызвал его в столицу «для духовного совета» и настоятельно рекомендовал чернецу безотлагательно принять сан митрополита Московского и всея Руси. Кафедра первосвященителя была вакантной, ибо 19 мая 1566 года митрополит Афанасий покинул престол, уйдя в монастырь. Это был протест против действий Ивана IV, который из года в год последовательно вытеснял церковь из светских сфер жизни страны.

В XVI веке артельщики ставили клейма на соловецких кирпичах. Кирпичное дело в стране было пока искусством, а не ремеслом

Келейная икона середины XVI века «Богоматерь Умиление», принадлежавшая игумену Филиппу

Помазанник божий Иван IV хотя числился христианином, но не доверял своим духовным наставникам. После 1561 года государь ударился в суеверия, причём чары местных ведм и кудесников тоже игнорировал, а приближал к себе магов и чародеев из Лапландии, которая считалась родиной колдунов.

До приезда Филиппа в Москву Иван Васильевич крепко обидел православных церковников, лишил их возможности самостоятельного выбора высших иерархов, отобрал у митрополита право совещательного голоса в делах государственных и отнял традиционную привилегию «печалования», то есть милосердного заступничества за опальных. Казанский архиепископ Герман Полев, кандидат на кафедру первосвященника, резко осудил такие проявления монаршей вседозволенности. Он угрожал царю неотвратимостью Страшного суда, за что лишился головы от удара опричного топора, а Иван IV выбрал для наречения на митрополию соловецкого настоятеля.

Назначение главой церкви игумена Филиппа произошло во многом благодаря тому, что он был связан родственными узами со всеми ветвями российской власти. Шестеро Кольчевых, уцелевших во времена Елены Глинской, несли службу при особе государя. Двоюродный брат Филиппа Фёдор Умной-Колычев возглавлял опричную думу; Г. Г. Колычев — Стрелецкий приказ, а дядя игумена Михаил являлся окольничим земской думы. Филипп согласился, но просил вернуть «право советования» — обычай участия митрополита в обсуждении важнейших государственных решений. Монарх вернул недавно отобранные им привилегии при условии, что владыка не будет вмешиваться в деятельность опричного двора и самочинно покидать кафедру. 20 июля 1566 года царь и святитель скрепили договорённость «собственным рукоприкладством».

«И у татар, и у язычников, и у всех народов есть закон и право, только в России их нет», — молвил царю Ивану IV Филипп.

Митрополиту Филиппу не удалось помешать дурному развитию событий. В январе 1568 года опричнина выплеснулась за границы государева удела. «Филькины грамоты» не могли остановить разгул террора, и в марте бывший соловецкий настоятель нарушил договор о невмешательстве в опричные дела. Он открыто осудил массовые репрессии.

Трижды в главном соборе Московского Кремля государь в опричном чёрном плаще преклонял голову в ожидании формального благословения. Трижды святитель, нарушая традицию, отворачивался от царя и уходил в другой конец храма.

— Благослови нас по нашему изволению! — грозно прошипел взбешённый Иван IV. Искры высекал царский посох, царапая пол храма.

— Не могу повиноваться твоему велению паче божьего! Безвинная кровь, которая льётся за алтарём, не позволяет благословить такого государя. Отмени опричнину, — внятно ответил слуга божий помазаннику божьему.

Неподчинения властителю во времена Средневековья не прощали. Клобук митрополита Московского и всея Руси преобразился для Филиппа в терновый венец мученичества. Автор обличительных «филькиных грамот» был схвачен опричниками, которыми командовал Алексей Басманов, оклеветан своими духовными детьми и судом духовных отцов признан виновным в «скаредных делах» и колдовстве, за что полагалось сожжение на костре. Опальный иерарх был убит не сразу, а заточён в тверской Отроч монастырь, стоявший у дороги на Великий Новгород. Иван IV повёл этой дорогой войско, шедшее громить Новгород, якобы хотевший уйти под власть католического короля Сигизмунда II Августа.

Поход русского царя по своей земле был обставлен как акция устрашения: жителям селений, через которые пролегал путь опричников на Новгород, урезали губы, носы и уши. Пять дней царь православный творил кровавые дела в Твери, где опричники грабили монастыри, церковные приходы и избы обывателей. Убийства и насилие над горожанами чередовались с бессмысленным уничтожением имущества. В зиму 1570 года десятки тысяч тверичей умерли от голода и эпидемий.

Опальный митрополит разделил судьбу тверичей, среди которых он находился в недобрый час, и отказался от помилования, предложенного в обмен на благословение карателей, идущих к Новгороду. Иван Грозный полагал, что арестант не упустит случая отомстить своему главному обвинителю на суде, новгородскому архиепископу Пимену, но Филипп не унизил себя сотрудничеством с опричниками. Святитель, вопреки холопству, ставшему нормой жизни, не отождествлял отечество с московским великодержавием, которое под влиянием не лучших черт византизма и ордынского наследия утратило нравственные христианские идеалы. «Каменносердечный палач» Малюта Скуратов задушил Филиппа подушкой и объявил, будто бы опальный митрополит умер «от неуставного келейного зноя».

Убийство святителя, разорение святынь и опричные зверства не всколыхнули общество, в котором жизнь человеческая была катастрофически обесценена. Из девяти высших церковных иерархов, возглавлявших Московскую митрополию до Филиппа, только трое покинули паству в результате естественной смерти.

«Гибель Филиппа стала апофеозом формирования Московского государства, где религиозная жизнь свелась исключительно к обрядовому благочестию, которое ни на кого никаких нравственных обязанностей не налагало. Эта формальная религиозность могла случайно соединяться в том или другом лице с добродетелью и святостью, но столь же удобно мирилась и с крайним злодейством. Нельзя же в благочестивом царе, беспрепятственно убивающем своего архиерея, усматривать нормальное проявление церковно-государственных отношений», — размышлял философ Вл. С. Соловьёв о причинах российских бед.

Отсечение голов новгородцам по повелению великого князя. Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких» (1623)

В Новгороде царь давал простор своему озорству. Грабежом Святой Софии и изъятием Корсунских ворот командовали царский духовник Евстафий и дворецкий Л. А. Салтыков. В логове опричников, Троицком соборе Александровой слободы, одни врата — трофеем из Новгорода, а другие — из Твери. В поисках драгоценностей опричники взломали раку с мощами святого Саввы Вишерского; митрополичьего меховщика (сборщика подачей) Фёдора Рясина забили палками, а городского купеческого старосту Алексея Сыркова, требуя отдать казну, сварили заживо в котле.

Государь повелел взять под стражу новгородских церковников и «бити их приставам из утра и до вечера на правеже до искупа безщадно». Выкуп для клириков был назначен в размере 40 рублей для городского духовенства, по 400 рублей — с соборных старцев, по 1000 — с настоятелей и по 2000 — с архимандритов. Вспомним для сравнения, что строительство Спасо-Преображенского собора на Соловках стоило 1000 рублей.

Разорение посадов поражало варварской бессмысленностью. Красивые наличники на окнах, резные ворота и двери, особой формы лестницы, которые нельзя было унести, секли топорами или сжигали. Иностранные сукна, бархат и шелка с купеческих складов стали добычей царских слуг, а двадцатилетние запасы льна, сала и воска — традиционные предметы новгородской торговли — были преданы огню из-за невозможности их быстрой реализации на внутреннем рынке.

Горожан, пытавшихся противиться насилию, убивали на месте. Пять недель погромщики ежедневно «ввергали в воду», сбрасывали с моста через Волхов, по пять-шесть сотен «людишек» вместе с их жёнами и младенцами, пока не образовалась запруда из тел.

Грабежи и убийства не сделали их исполнителей счастливыми. Палачи из окружения царя через два года повторили путь своих жертв. В августе 1572 года Иван IV, будучи в Новгороде, соизволил уничтожить опричнину. С того же самого новгородского моста «царь православный многих своих детей боярских (теперь опричников!) метал в Волхову реку, с камнями топил». В конце концов, по велению создателя опричнины, даже само слово «опричнина» якобы навсегда запретили на Руси для произнесения и написания.

Глава опричного ведомства Малюта Скуратов скончался в муках после ранения. Доставивший Филиппу «многие беды и скорби» опричник Стефан Кобылин-Мокшеев, который стоял на часах при убийстве митрополита, за своё усердие ожидал включения в список бояр «государева двора», но попал не во дворец, а в застенок. Его заподозрили в заговоре, «облачили в чёрные ризы» и под именем старца Симеона вывезли в Соловецкий монастырь, где он и преставился. Автор «Жития святителя Филиппа» счёл пострижение наказанием божьим для бывшего надзирателя.

Андрей Курбский назвал суд над Филиппом «проклятым сонмищем согласников». Над ними действительно висело проклятье. Десять епископов, судивших владыку, не избежали кары. Монахи, давшие показания против Филиппа на суде, страдали от жутких болезней и один за другим сошли с ума. Игумен Паисий несколько лет провёл в заточении на Валааме.

Ябедники, лжесвидетели, судьи и тюремщики, сгубившие митрополита Филиппа в угоду царю, счастья не обрели.

Самый рьяный из обличителей Филиппа, рязанский епископ Филофей, был извергнут из сана и сослан на двадцать лет именно в Соловецкий монастырь. Государь «перебрал» почти всех иерархов — как сторонников задушенного митрополита, так и его недругов. Глава церковного суда над Филиппом, новгородский архиепископ Пимен, который рассчитывал получить митру высшего церковного иерарха, погиб в застенке после изощрённых унижений. Иван IV «из озорства» велел дать ему в руки бубен и обвенчать пожилого иерарха с кобылой, устроив шутовскую свадьбу.

Убийство Пимена дало старт уничтожению его «сообщников» из наиболее образованной части общества. 120 дворян и служилых людей были доставлены в Москву, где на потеху толпе посажены на колья, четвертованы и распяты 25 июля 1570 года на Поганой луже — торговой площади на Арбате.

Пытать «новгородских изменников» поочерёдно выходили все члены свиты государя. «Будьте прокляты, кровопийцы, с вашим царем» — предсмертный стон главы Посольского приказа И. М. Висковатого передавался из уст в уста. Этого дьяка, два десятилетия руководившего дипломатическим ведомством, Малюта Скуратов заживо распилил на кресте из бревен, подав пример другим палачам.

Опричники в чёрных плащах сократили население Руси на треть, на два миллиона человек, но трагичны судьбы этих исполнителей царской воли. Алексей Басманов, срывавший ризы с опального святителя Филиппа, не родился злодеем. Он мог бы остаться в памяти потомков талантливым воеводой, смело взявшим в 1558-м шведские крепости Нарву и Нейшлос на побережье Балтики. В 1564 году Басманов блестяще проявил себя при защите Рязани во время набега татар-крымцев.

Святитель Филипп был убит по указанию Ивана Грозного за то, что не отождествлял отечество с московским великодержавием

Общение с карликами деформирует позвоночник, заметил Ежи Лец. Опричнина — служба в органах — изменила не только видного боярина Алексея Басманова. Незаурядный человек, верный присяге, данной порочному государю, превратился в палача, творившего «басманное кривосудие».

«Отец и сын Басмановы, крепче других досаждавшие Филиппу, претерпели царскую опалу и погибли в муках. Их обвинили в измене; конечно, то была придирка, изменять таким людям не из чего, но царь сознавал, что некоторое время находился у них в зависимости, и не мог простить этого», — объяснил гибель Басмановых историк Н. И. Костомаров.

Басманов-отец, в своё время предложивший государю создать опричнину, пожал плоды, им посеянные. Зрелища казней и пыток под руководством помазанника божьего подавали дурной пример, и, по словам Курбского, старший Басманов был зарезан собственным сыном — пассией царя красавчиком Фёдором — во имя любви к самодержцу. Фёдор потом сгинул в монастырской тюрьме, а Басманов-старший погиб за свой совет государю не идти в поход на Великий Новгород.

Не менее трагичны судьбы Василия Грязнова, князя А. И. Вяземского да и всех вожаков опричнины. Василия Тёмкина, проведшего пристрастный розыск на Соловках по «делу Филиппа», в 1571 году утопили в проруби вместе с сыном. Эти казни были не актами правосудия, а результатом интриг и того судопроизводства, о котором в XV веке преподобный Кирилл Белозерский сообщил князю Андрею Дмитриевичу Можайскому: «Хуже пьянства на Руси только одна беда — несправедливые суды с подмётными письмами, ложными свидетельствами и мздоимством судей».

Пантократор. Бог Отец. Фреска XVII века на куполе Спасо-Преображенского собора

Когда в европейских странах начиналась эпоха Ренессанса, получившая название Нового времени, Россия оказалась на пороге времени Смутного, ибо распутный Иван IV, семь раз женатый, не воспитал наследника и тем самым открыл дорогу к престолу самозванцам. Первого из самозванцев — чернеца Григория Отрепьева, служившего прежде у патриарха Иова «для книжного дела», — Борис Годунов велел загнать в Соловки, но тот сбежал да ещё объявил себя сыном царя. Расстрига легко смутил всю Россию. Тысячи поляков и пары тысяч казаков оказалось достаточно, чтобы князья, бояре и церковные иерархи, стоя на коленях, целовали руку лжецарю. Элита, утратившая во времена Ивана IV способность к сопротивлению, поочерёдно присягала на верность то Лжедмитрию — Отрепьеву, то Лжедмитрию — Тушинскому вору, а уж потом — Михаилу Романову.

Правление Ивана Грозного нанесло России жестокий нравственный урон, и подвиг святителя Филиппа из Соловков состоит в том, что он в далёком XVI веке, когда государство Российское формировало отличительные черты своего характера, подал пример духовного сопротивления личности власти. Общество ещё не созрело для осознания его подвига. Филипп не вошёл в круг святых, наиболее почитаемых на Руси: его канонизировали за посмертные чудеса да поминают как хозяйственника.

Кто у часовни Ильи-пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
«Не реви — собакам собачья смерть!»
А она не уходит, а всё плачет и плачет.
И отвечает, солдату глядя в глаза:
«Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

Максимилиан Волошин

Не многим будет по плечу повторить поступок Филиппа из исчезнувшего рода Колычевых. Прямых наследников, способных сохранить естественную передачу индивидуальных качеств от отца к сыну, у монаха быть не могло. Принятие монашеского обета избавляло носителя рясы от забот мирской жизни, но было всегда чревато для страны невозможностью сохранения наследственных достоинств рода в новых поколениях. Монашество — есть антитеза семьи. Ветвь Филиппа на древе российской генеалогии засохла, династия пресеклась.

В 1875 году в память о гибели Филиппа, причисленного к сонму всероссийских чудотворцев, барон М. Л. Боде (дальний отпрыск рода Колычевых по женской линии) получил, согласно высочайшему повелению, к своей французской фамилии добавку Колычев и право пользования родовым гербом. Благодарный Боде-Колычев в подмосковной усадьбе Лукино — в бывшей вотчине Колычевых — отстроил часовню из камней, доставленных с Соловков. Часовня была расписана сюжетами на мотивы жития святителя Филиппа. То была дань памяти великому человеку от статского советника, способного сохранить фамилию и земельный участок Колычевых, но не их индивидуальные черты. Двойная спираль генетического кода неподвластна высочайшим повелениям.

Ещё одно «высочайшее повеление», связанное не столь с именем, сколь с именованием Колычевых, родилось в канцелярии правительства СССР в 1952 году. Вождь атеистической партии большевиков, изгнанный из семинарии Иосиф Джугашвили, подарил ко дню рождения «служителю культа» Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому) бывшую родовую вотчину Колычевых в дачном писательском посёлке Переделкино. Несколько месяцев спустя, когда вождь стигнул, благодарный Московский патриархат без какого бы то ни было давления провозгласил «Великому мудрому Вождю нашего народа генералиссимусу Иосифу — вечную память с чувством непрестанной любви». Сталинский дар совпал с 300-й годовщиной перенесения мощей святителя Филиппа из Соловков в Москву.

Подвиг святителя Филиппа, подавшего пример духовного сопротивления властителям, принижен трактовкой: «Он-де погиб не за веру, а за правду».

Задолго до событий, связанных со сталинским даром вотчины Колычевых, а точнее, весной 1566 года, игумен Филипп самостоятельно проделал тот самый путь, по которому через 86 лет торжественно повезут его мощи. Он ехал без почестей, зато живой и здоровый, хоть и снедаемый дурными предчувствиями. Судя по письмам в обитель, бывший игумен не испытывал радости от нового назначения и сожалел, что оставил на острове главный собор монастыря недостроенным, едва подведённым под своды. Покидая обитель, Филипп скорбел о том, что многие соловецкие монахи не являлись приверженцами строительства, как им казалось, слишком обширного и великолепного храма в честь Преображения Господня. Причина сопротивления иноков грандиозным проектам энергичного настоятеля, видимо, заключалась не в лености братии, а в том, что влиятельные последователи учения Нила Сорского считали аскетизм бытия необходимым условием спасения души инока.

Шатёр, а не луковичная глава венчает Спасо-Преображенский собор, изображённый на иконе начала XVII века «Святая обитель Зосимы и Савватия Соловецких»

Сторонниками «духовного делания» по заветам Нила Сорского, то есть нестяжателями, в Соловках являлись: блаженный Феодорит Кольский, преемник Филиппа игумен Паисий Картмазов, старец Иоасаф Белобаев, составитель сборника для келейного чтения с текстами Вассиана Патрикеева и опального Артемия, старец Варлаам Синица, а также игумен Иаков, заказчик копии этого сборника.

Возможно, под влиянием авторитета нестяжателей, позиция которых отражена в поговорке «Не строй семь церквей — спаси семь сирот», строительство собора после отъезда Филиппа скомкали по упрощённому варианту. По замечанию архитектора Дмитрия Петрова, *завершение собора как будто сделано другой рукой*. Современный вид храма отличается от изначального, он является вынужденной эклектикой, соединяющей фасады, восстановленные реставраторами на XVI век, с куполами-луковицами периода церковного благолепия накануне прихода к власти большевиков.

Нельзя исключать версии, будто бы проект упростили по соображениям чисто экономическим, но вряд ли отказ от шатра стоит связывать с курсом Стоглавого собора на унификацию церковной жизни: от одежды до книг и писания икон. Соловецкие монахи вдалеке от столицы указам не противились, но делали по-своему.

Особая глава решений Стоглавого собора была посвящена извечной русской беде. Эта глава ущемила традицию монахов потреблять «пьянственное питье, сиречь хмельное вино», так как на повальное пьянство чёрного духовенства обратил внимание царь Иван Васильевич. В обращении к собору государь с неприязнью отозвался о своих подданных, которые повадились уходить в монастыри не для спасения души, а «чтобы всегда бражничать». Собор требование царя учёл, но всё-таки оставил инокам лазейку, дающую право на законное потребление дурмана при условии, что пить будут не брагу, а заморские фрязинские вина и «во славу Божию, а не во пьянство».

Духовные отцы осудили заодно любое общение православных с иноверцами, прокляли греческое троеперстное крестное знамение и запретили инокам жить под одной крышей с инокинями. Далеко не все сто повелений (сто глав) Стоглавого собора были приняты обществом к исполнению. Собор, например, счёл греховным бритьё бороды, а также совместное посещение бань мужчинами и женщинами, что на Руси никогда не соблюдалось. Игру на музыкальных инструментах и игру в шахматы Стоглав приравнял к азартной греховной игре «в зернь». Хотя, как известно, гарант законности Иван Грозный ушёл в мир иной ночью с 18 на 19 марта 1584 года как раз после банной утехи, за игрой в шахматы.

Семь раз женатый Иван IV не оставил ни жизнеспособного наследника, ни жизнестойкой системы управления. Глава церкви, убитый как враг государя, таковым не был. Сохранился текст молитвы, написанной митрополитом Филиппом накануне освящения Спасо-Преображенского собора. Молитва начиналась с просьбы покарать супостатов государя, даровать царю многие лета, а земле его — благоплодие. Формула молитвы включала в себя просьбу избавить православное христианство от басурманства и латынства, от межусобной брани, от труса, от огня, от меча, от мора и от напрасной смерти.

Именно для молитв за царя предназначался главный храм в государевом монастыре, где архитектура должна была славить могущество церкви, а не талант мастера. Но вот парадокс: возвеличивая Бога, зодчие возвеличивали себя. Непосредственное созерцание произведения искусства порождает эмоции, побуждающие осмыслить впечатления, возникшие при встрече с чудесным творением, узнать о создателях шедевра и об их эпохе. Имена Филиппа Колычева и Игнатия Салки люди не забудут, пока стоят стены храма.

Спасо-Преображенский собор в Соловецкой обители построен на деньги, полученные от Ивана IV. Два придела в этом храме посвящены святым покровителям предков самодержца, а другие два — небесным хранителям царских сыновей, Иоанна и Фёдора.

Иван Грозный самолично писал соловецким инокам тексты молитв, отсылал братии утварь, книги и облачения, жертвовал монахам деньги и земли, однако не имя царя, а имя убитого им святителя Филиппа добром вспоминают люди у стен Спасо-Преображенского собора.

Природа не обделила Ивана IV, личность царя была незаурядной, но тысячи жизней, оборванных понапрасну, не позволят поставить портрет этого государственного деятеля рядом с теми, кто являлся совестью страны и примером для подражания её детям.

Спасо-Преображенский собор, возведённый в государевом монастыре на деньги Ивана IV, ассоциируется не с именем палача, а с именем его жертвы >

У каждого свои Соловки, у каждого своё видение собора. Уникальные часовни-приделы на сводах кто-то считает московским пятиглавием. Другим безразлична форма крыши. Путешественнице Гортер-Гренвик обезглавленный в годы советской власти храм своей четырёхскатной кровлей напоминал тибетскую монастырскую архитектуру. Иным же созерцателям чудится несуществующий шатёр над утраченной пирамидой кокошников.

Такой шатёр, похожий на новгородский шлем или космический корабль, устремлённый в небо, можно увидеть в раннем изображении соловецкого Спасо-Преображенского собора на иконе, находящейся в собрании Музеев Московского Кремля, и на иконе из государственного Исторического музея, и на миниатюре начала XVII века с фронтисписа так называемой Вахрамеевской лицевой рукописи «Жития Зосимы и Савватия Соловецких».

Спасо-Преображенский собор и окружающие его памятники архитектуры, как и все настоящие произведения искусства, являются хранилищами знаний о сокровенных взглядах своих творцов и духовной жизни общества, *таких* творцов воспитавшего. Эта информация, по замечанию великолепного искусствоведа Алексея Комеча, не зашифрована, она открыта для непосредственного эмоционального восприятия и современникам, и потомкам.

Прекрасные произведения новгородской архитектурной школы, благодаря стараниям игумена Филиппа воздвигнутые в XVI веке на Соловецком острове новгородскими мастерами во главе с Игнатием Салкой, вошли в число наивысших достижений мировой культуры и занимают достойное место в престижном списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, реестре самых известных рукотворных и нерукотворных памятников на Земле.

Соловки были и есть обитель
мужицкая, крестьянская;
она сложилась и жила, и отчасти живёт,
помимо влияния образованных классов
не только светских, но и духовных.

*П. Ф. Фёдоров.
Соловки, 1889 год*

Государство в государстве

В сценарии формирования государства Российского, которое начальные пять веков своего существования не было Московским царством, историю колонизации черноризцами Соловецкого острова можно рассматривать как пролог к акту насильственного поглощения Московией Новгородской республики.

Внедрение на остров в Белом море Соловецкой обители в 1436 году предвосхитило приход на Север московского порядка, весьма отличного от новгородского народовластия. Наверху пирамиды власти Московского государства стоял не выборный архиепископ, а наследный великий князь, у которого духовенство, как и было принято во времена Орды, играло роль проводника воли властителя.

Среди земель, три столетия находившихся под степняками, Великий Новгород казался утёсом, избежавшим накатов поздневизантийского и ордынского влияний. Нравственные принципы республики святой Софии, исповедовавшей православие не по московской модели, способствовали поиску наилучших форм религиозной жизни, а дух независимости был настолько силён, что люди, посвятившие себя служению церкви, считались среди сограждан равными среди равных.

В Новгороде всякий добропорядочный гражданин мог быть рукоположен в духовный сан, а священники и монахи могли без сложностей возвращаться в ряды мирян. Новгородцы как сторонники евангельской простоты не прощали своим иерархам златолюбия и презирали симонию — практику перекупки церковных должностей, узаконенную на Руси в 1274 году. Отражением духовных поисков новгородцев стало гуманитарное движение стригольников, которые считали, что таинства, совершаемые недостойными священнослужителями, не являются действенными. Стригольники, по мнению академика Б. А. Рыбакова, «заботились о том, чтобы православное христианское дело совершалось чистыми руками нравственно чистых людей».

Когда Великий Новгород лишился независимости, то внедрять московскую версию православия взялся было святитель Сергей, который, не выдержав ответственности, лишился разума, как говорили, в наказание «за непочтительность к святыням Новгорода». Место сошедшего с ума святителя занял в 1488 году Геннадий Гонзов, уплативший, как записано в летописи, за своё возведение в сан мзду «две тысячи рублёв князю великому».

Святитель Геннадий увеличил церковные поборы, напомнив послушникам о конце света, до которого осталось всего «четыре лета». Однако местные священнослужители солидарно выразили сомнение в наступлении Страшного суда в 1492 году, а хорошо образованный священник Алексеев напомнил Геннадию, что предсказания о приходе Антихриста повторяются из века в век ещё со времён апостолов, но никогда не сбываются.

Архиепископ с оппонентами спорить не стал, он назвал их еретиками и обвинил кого в жидовстве, кого — в колдовстве. Главным еретиком назначили игумена Захария, который хоть и позволял себе спорить со священноначальником, но к ереси жидовствующих и колдовству отношения явно не имел. Священникам инкриминировали наведение порчи посредством корня плакун-дерева в форме креста. Уважаемых горожан сожгли на площади, обвязав им головы берестой, и эти казни должны были показать новгородским холопам, что сопротивление столичным наместникам несовместимо с правом на жизнь.

Однако казни не были способны искоренить дух незашоренного мышления на землях Великого Новгорода. Север ещё долго продолжал оставаться колыбелью нравственно очистительных поисков. Идеи уничтоженных стригольников, стремившихся вернуть православию его христианский смысл, ожили в учении заволжских старцев-нестяжателей в скитах у Белого озера. Они призывали служителей Бога, а особенно монахов, к аскетической скромности и умеренности, видя в накоплении богатств непреодолимое препятствие для спасения душ иноков.

«Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение. Скучность вещей научит тебя воздержанию. Нищета есть вернейший путь для достижения идеала духовной жизни», — гласил устав учителя нестяжателей преподобного Нила из скита на берегу речки Соры.

Противники взглядов Нила Сорского именовались иосифлянами по имени Иосифа — настоятеля подмосковного Иосифо-Волоцкого монастыря. В ходе борьбы с нестяжателями Иосиф убедил собор церковных иерархов в том, что в монастыри, не имеющие богатых вотчин, невозможно привлечь людей из благородных сословий. Аргумент был принят, обеспечив иосифлянам победу.

Идеи Нила Сорского были чужды правителям Руси. Едва новгородский архиепископ Серапион, обличая стяжательство, отлучил Иосифа Волоцкого от церкви, как сам был извергнут из сана вышестоящим митрополитом Московским Симоном. Жертвами церковных чисток оказались многие приверженцы «духовного делания» Нила Сорского. Сподвижника Нила — блестяще образованного князя-инока Вассиана Патрикеева, высокородного потомка и московского князя Ивана Калиты, и литовского князя Гедимина — палачи уморили в застенках Иосифо-Волоцкого монастыря.

Процесс государственного объединения при всей его исторической необходимости был связан с глубоко ненормальными явлениями в жизни народа и привёл к его духовному одичанию.

В. С. Соловьёв, философ

Философа и переводчика Псалтыри Максима Грека, которого Д. С. Лихачёв счёл первым русским интеллигентом, заключили в тверской Отроч монастырь. Монаха Артемия, сторонника Грека, по навету дьяка Висковатого отправили в Соловки под надзор к игумену Филиппу, но тот из тюремщика превратился в узника, а дьяк, оговоривший Грека, погиб от рук палача, который задушил Филиппа в тюрьме, где прежде 20 лет страдал Максим Грек. Таковы круги лабиринта нашей истории.

Гонителя нестяжателей Иосифа Волоцкого причислили к лику святых в 1591 году, а спустя 400 лет признали преподобным и Нила Сорского. Святым хотели объявить и мучителя игумена Филиппа, но канонизации Ивана IV резко воспротивился патриарх всея Руси Алексий II. Святейший справедливо напомнил Всероссийскому собору иерархов: «Нельзя же поклоняться и убийцам, и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников?»

К началу игуменства Филиппа церковно-политическая борьба с идеалистами-нестяжателями завершилась их поражением. Блаженный Феодорит, поборник преображения личности, а не мира, ушёл из Соловков на север, к устью реки Колы, где устроил свой монастырь, но был изгнан из него монахами-стяжателями, коих вокруг преподобного собралось более чем достаточно. Феодорит вернулся в Соловки, откуда ушёл 20 лет назад, но не ужился с тамошней братией, которая добилась его ссылки *под надзор* в Кирилло-Белозерский монастырь. В Кириллове Феодорита отыскал порученец Ивана IV, передав просьбу государя отправиться в Константинополь, чтобы там испросить для великого князя Московского патриаршее благословение на коронацию, чего прежде не бывало.

Муж образованный и мудрый, Феодорит блестяще исполнил наказ Ивана IV, принеся в 1557 году в столицу благословение патриарха и бармы (оплечья) — зримые символы царского достоинства. Обласканный государем, Феодорит не стал мстить обидчикам, но, невзирая на царёвы дары и почести, покинул столицу ради проповедования Евангелия лопарям, за что опять впал в немилость. Духовное чадо преподобного Андрей Курбский пишет, что Феодорит был убит, но «Летописец Соловецкий», составленный через 200 лет, сообщает, будто бы старец преставился сам по себе и похоронен в августе 1571 года у стены Спасо-Преображенского собора. Так или иначе, ершистого нестяжателя Феодорита признали святым лишь в 2002 году.

Нестяжателям уже не было места ни в рядах белого духовенства, ни в монастырях, где иосифлянское большинство правило безраздельно. Идея нестяжательства как курса монашества в земной жизни потерпела на Руси фиаско. Врата скитов и монастырей всё шире открывались для проникновения в них забот мирской жизни.

Монаха Филиппа, который не был бессребреником, подобным заволжским старцам, столица легко утвердила хозяином обители. Видимо, смиренность бывшего боярина Колычева сомнений не вызывала. Филипп соблюдал московские правила и 17 августа 1548 года получил возможность совершить свою первую литургию и сказать братии учительское слово, содержание которого история не сохранила.

«По своей природе Фёдор Колычев до определённого момента был скорее не борец, а беглец, долгое время являя собой пример той кроткой и смиренной немощи, которой сила Божия совершается... О духовном отце обители мы не знаем почти ничего, как и о собственной его религиозной жизни, но зато в новом сане Филипп проявил редкие административные дарования. С его именем связана пора небывалого материального благоустройства жизни соловчан», — отметил философ Г. П. Федотов, биограф святителя.

Настоятель Соловецкого монастыря обладал незаурядным дипломатическим талантом: ему удавалось находить общий язык с властями в столице, хотя игумен был им в какой-то степени чужд из-за своих проновгородских, а значит, не московских симпатий. Филипп умело избегал ссор со своим недоброжелателем на материке, ревнивым архиепископом Пименом. Игумен весьма тактично преодолел на острове противодействие части иноков, видевших в пришельце из Москвы чужака, мешавшего сложившемуся в обители течению жизни, а то и просто стяжателя-иосифлянина.

В житии свт. Филиппа глухо упоминается конфликт, связанный с его избранием в игумены, когда молодой настоятель, едва получив посох, во имя мира в обители сложил с себя сан, оставил пост своему предшественнику и ушёл в пустынь. Новгородскому владыке Феодосию пришлось трижды за два года переутверждать соловецких настоятелей, а им совершать нелёгкие путешествия в столицу митрополии. В конце концов братия повторно избрала Филиппа игуменом, и он смог начать давно задуманное им грандиозное преобразование хозяйственного строя монастыря.

По мнению архимандрита Макария (Веретенникова), сопротивление братии было связано с боязнью затевать дорогое строительство собора Успения Божьей Матери с огромной трапезной палатой, келарской палатой, пекарней, погребами и колоколенкой с часами-курантами. Старец Зосима от имени несогласной части братии отправил челобитную, оговорив игумена в растрате казны. Обвинение поддержал архиепископ Пимен, который издавна недолго любил Филиппа. Соловецкий игумен был взят под арест и ожидал решения своей участи, запертый в чулане новгородской резиденции Пимена.

Игумен Филипп соединил протоками пять крупных водоёмов, направив их стоки в искусственно расширенное Святое озеро у стен монастыря

Летом 1555 года в Москве церковный собор, фактически суд, рассмотрел дело Филиппа. После изучения *обыскного списка* собор постановил освободить соловецкого настоятеля из-под стражи и разрешить ему игуменствовать по-прежнему. Просвещённый митрополит всея Руси Макарий повелел наказать не Филиппа, а его обвинителя. Автора жалобы ябедника Зосиму убрали из Соловков под начало в другой монастырь, но Зосима был лишь более смелым, но не единственным монахом, способным возражать игумену своей обители.

Раздоры между Филиппом и братией вновь усилились в 1558 году, когда часть старцев пришла в смущение, узнав о решении своего настоятеля возвести в монастыре новый *слишком обширный* Спасо-Преображенский собор, превышающий своими размерами все мыслимые потребности Соловецкой обители. А Филипп, живущий уже в другом времени, принял решение заменить примитивные рынды — клепала железные и каменные била — звонкими колоколами, хотя многим сторонникам древнего благочестия на Руси такие колокола казались латинскими, то есть католическими вывертами.

«Жизнь в больших монастырях чревата потерей внимания и порождает большие страсти», — предостерегал черноризцев преподобный Нил Сорский.

Первоначальники монастырского движения на Руси, преподобный Антоний и его преемник Феодосий из Киево-Печерского монастыря, строго-настрога запрещали братии любые контакты с мирянами во избежание соблазнов и отвлечения иноков от задачи, ради которой и существуют монастыри. Но в Соловках игумен Филипп, реализуя свой талант администратора, не придерживался древних правил. Черноризцы, люди, вроде бы умершие для мира, превращались под его руководством в управленцев мирскими делами. Иосиф Волоцкий в своё время считал такую деятельность социальным служением.

Несколько десятков соловецких монахов оказались втянутыми в бесконечную череду хозяйственных забот на островах и на материке, в огромных монастырских вотчинах. Иноки ежедневно общались с торговцами, ремесленниками, иностранными специалистами, не говоря уже о подвластных крестьянах. Быт соловецких черноризцев отличался простотой. Чтению проповедей, красоте песнопений и колокольных звонов в рабочей общине особого внимания не уделяли ни во времена игумена Филиппа, ни в последующие века.

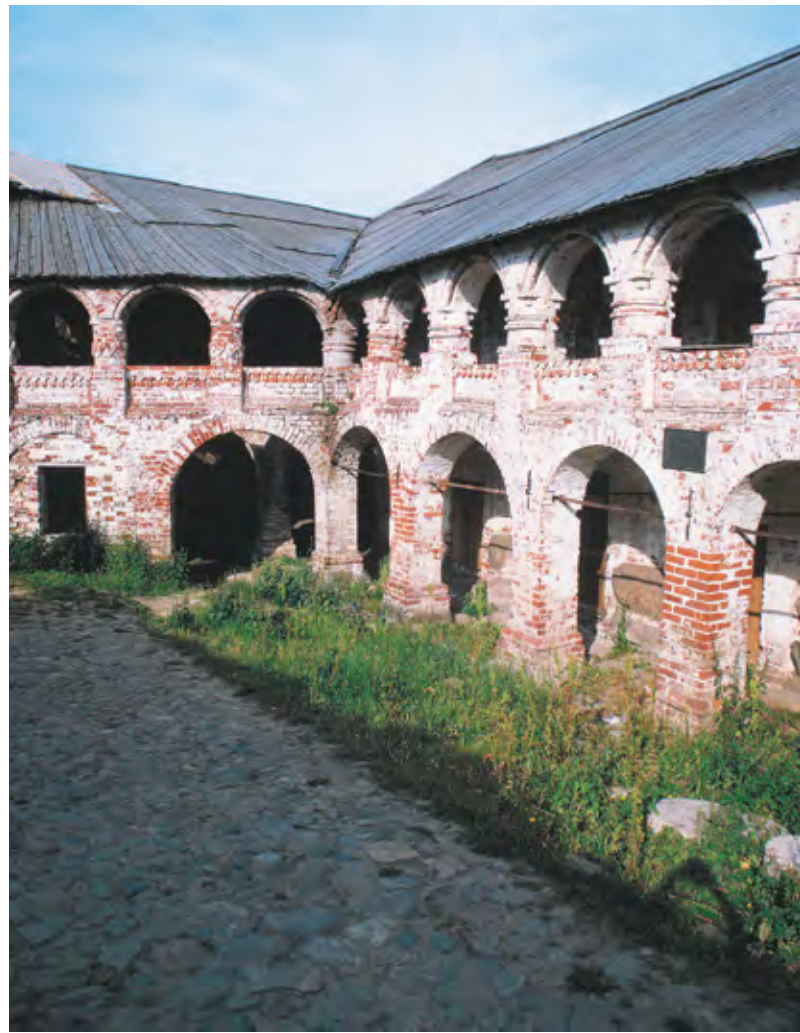
«Мира Владычица, прими молитву рабов своих и избавь нас от нужд и печалей», — гласила надпись, вырезанная по периметру золочёного блюда ученика и преемника святителя Филиппа на Соловецком острове игумена Иакова, усвоившего, что средства для избавления от нужд и печалей земной жизни в значительной степени даёт владение богатствами.

Учитель Иакова задал вектор развития хозяйства Соловецкой обители. Во время правления игумена Филиппа в монастыре всего за 18 лет возвели, кроме храмов, первые в России келейные корпуса из камня, палаты различного назначения, капитальные промышленные и технические сооружения. На Заяцком острове обустроили закрытую каменную гавань, жилища и поварню. Игумен Филипп продолжил гидротехническую деятельность своих предшественников, начатую тридцать лет назад, и соединил популярными в Европе XVI века протоками пять крупных озёр, обеспечив снабжение обители не только водой но и энергией, достаточной для работы водяных мельниц, а также портомойни-прачечной и лесопильных рам. В Москве, Новгороде, Вологде и Суме отстроили подворья.

Вопреки традиционной для Московии боязни всего иноземного, игумен Филипп внедрял новшества, заимствованные у англичан, посещавших Соловки с 1553 года по пути вглубь Руси — через Белое море к Двине, а по ней через Великий Устюг к Москве. В монастыре появились самонасыпающиеся телеги на мельнице, сифоны для перекачки кваса и узорчатые заморские стёкла вместо слюды.

Рачительный хозяин основал новые пустыни и проложил к ним дороги. Он перегородил дамбами морской залив, сделав садки — водоёмы для хранения выловленной рыбы. Игумен обустроил пекарню, которая полтысячелетия обеспечивала остров хлебом, а также значительно улучшил питание монахов, включив в рацион, буквально на грани нарушения Иерусалимского устава, деликатесные блюда.

Соловецкий монастырь, который начинался как место преображения отдельных личностей, продолжил своё развитие как место преображения окружающего социума — понял причину соловецкой трагедии, уходящей корнями во времена игумена Филиппа, профессор кафедры истории церкви Духовной академии Санкт-Петербурга, протоиерей Георгий Митрофанов.

Водяная мельница монастыря, отличаясь редким изяществом, напоминает лучшие сооружения дворцово-парковой архитектуры

Созидательная активность соловецкого игумена Филиппа особенно значительна, если рассматривать её на фоне ухудшения условий жизни у большинства подданных Москвы на материке. Для Руси XVI век оказался тяжёлым испытанием не только в силу запредельно деспотичного характера московского великокняжеского правления, но и из-за резкого ухудшения климата. Пресечение династии Рюриковичей совпало по времени с жестоким похолоданием, которое фенологи позднее назовут «малым ледниковым периодом».

*«Коровницы» на Муксалме иноки
устроили в 1510-х годах,
вопреки заповеди «не иметь скота
женского рода ни в обители, ни на полях»*

Во времена святителя Филиппа выпадали годы, когда снега в Московии ложились уже в сентябре и не таяли до конца мая. Голод и холод выкашивали население государства.

Огородное хозяйство не могло обеспечить братию полноценным питанием. Предприимчивый настоятель Филипп, не являвшийся сторонником неумеренной аскезы, нарушил устав преподобного Зосимы, запрещавший инокам содержать на архипелаге скотину женского пола во избежание соблазнов. По договоренности с новгородским владыкой игумен легализовал и расширил на острове Большая Муксалма скотный двор. В леса запустили стада оленей, которых по мере их размножения отлавливали сетями без непосредственного кровопролития. Судя по меню трапез, появился и птичник.

Деятельность игумена была настолько обширна, что молва приписала Филиппу даже чудесное очищение Соловецкого архипелага от гадов. На северных островах змеи не редкость, начиная от обыкновенных гадюк на Валааме и до легендарного пещерного чудовища на одном из беломорских островов Робыяков в Кандалакшской губе. По народным преданиям, опубликованным в «Олонецком сборнике» в 1902 году, будущий игумен уже по дороге на Соловки прославился тем, что «заклял без числа расплодившихся змей». Змеи мешали ему пасти скот, когда беглец нанялся в пастухи к селянину Субботе из Жареской деревни, дабы выиграть время и изменить внешность перед приходом в монастырь.

Энергия Филиппа преобразила скромную Соловецкую обитель в крупное феодальное хозяйство со столицей на острове и колониями-вотчинами на материке. Основой благосостояния монастыря, как и во времена преподобного Зосимы, была беспошлинная торговля солью. Соль в XVI веке являлась важнейшим продуктом товарообмена.

Соловецкую соль караваны судов сплавляли по рекам Северной Двине и Сухоне в Холмогоры, Великий Устюг, Вологду и далее в центральные регионы страны. Сколько могли, без посредников продавали на финских ярмарках в Карнборе и Каянах, хотя Москва, мягко говоря, экспорт соли не приветствовала. Соли на Руси вечно не хватало, вывоз её за границу при царе Михаиле Фёдоровиче стал караться мучительной смертью.

Соль выпаривалась в *цренах* — больших противнях, скованных из пластинок. Црены в варницах укреплялись над огнём. Этот способ получения соли из морской воды, описанный в Уставе новгородского князя Святослава Олеговича в 1137 году, позволял соловецким монахам иметь устойчивую прибыль. Иван IV, благоволивший игумену Филиппу, дал Соловецкому монастырю право на продажу части соли без уплаты одиннадцати видов налогов, хотя московское правительство Алексея Адашева целенаправленно сокращало монастырские привилегии, губительные для казны государя. Соловецкие монахи, вопреки всеобщей экономической политике, продавали беспошлинно сначала четыре тысячи, затем десять тысяч пудов соли, а с ноября 1547-го и до 1555 года — вовсе без ограничений.

К концу XVI века ежегодная продажа монастырской соли превышала сто тысяч пудов. Разветвлённая схема торговли солью, опиравшаяся на купеческий опыт Великого Новгорода, стала кровеносной системой хозяйственного организма, созданного игуменом Филиппом. Доходы от беспошлинной соледобычи способствовали возникновению новых и новых варниц на землях, колонизированных обителем на континенте, где леса вблизи побережья ещё не были сведены окончательно.

До 700 крепостных мужиков круглосуточно выпаривали соль в 25 *усолях*, принадлежавших монастырю-феодалу. Эти *усоля* представляли собой трудовые поселения, во главе которых стояли монахи-приказчики, имевшие иногда статус келаря, следившие, чтоб, как гласила монастырская инструкция, «валентиров и тунядцев отнюдь не было, а все находились при работах». Филипп позволял крепостным мужикам оставлять некоторое количество добытой ими соли для кормления семей, однако, озабоченный быстрым сведением лесов, ограничил число дней солеварения до 160 в год.

Варница для выпаривания соли. Огонь под цренами с рассолом поддерживался круглосуточно, а дым и пар выходили через окна

Полновластие соловецкого игумена было следствием слабости столицы в «местах украинских и порубежных, от городов удалённых». Москва привлекала для контроля над территориями светских и духовных богачей, наделяя их полномочиями, позволявшими иметь устойчивую прибыль, и Соловецкий *монастырь-государь* раньше многих других взялся служить проводником московского влияния на бывшем Новгородском Севере.

Правительство не раз получало в Соловецкой обители существенные денежные займы, расплачиваясь с черноризцами зачастую не деньгами, а земельными наделами, отобранными в казну после завоевания северных земель у граждан Пскова и Новгородской республики. Обитель за своё служение получала от благодарной столицы то территории на реке Сорока, то «тринадцать луков землицы» в Выгозерской волости, то 26 деревень и погостов в Сумской волости, а затем и всю эту приморскую волость безобразно.

Пришло время, когда и обжитая Кемская волость, некогда принадлежавшая семье Борецких, боровшихся за независимость Новгорода, отошла под пяту соловецких монахов «со всеми монастырями, дворовыми местами, крестьянами и промыслами».

Аппетит приходит во время еды. Обитель, используя силу, хитрость и «благочестивый обман», стяжала земли и крестьянские души, полагая, что цель оправдывает средства, а победителей не судят. Спустя столетия, когда у учёных появилась возможность исследовать документы монастырского наследия, стало очевидным, что «подлинная вкладная запись», датированная 1470 годом, о дарении Великим Новгородом монастырю своих земель, содержит ряд несообразностей в формулировках и именах, да и свинцовая печать под документом тоже поддельная. Академиком В.Л. Яниным выявлены грамоты, сфальсифицированные Соловецким монастырём в 1533 году и в начале 1550-х.

Можно лишь предполагать, сколько бы обнаружилось поддельных монастырских документов на права собственности, если бы их подлинники попали в руки учёных, а не оказались утопленными в море во время пересылки в комиссию по секуляризации.

«В наших рукописных хранилищах имеется довольно много подложных документов. Таковы, например, поддельные грамоты русских князей монастырям, вроде грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерской лавре или грамоты Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю», — отмечал Д. С. Лихачёв. Подложной записью, сделанной в середине XV века в византийском сборнике узаконений, «Кормчей книге», является так называемое «165-е Правило Святых отец Пятого собора». Согласно этой вставке, всё имущество казнённых еретиков переходило в собственность церкви.

Владения Соловецкого монастыря-феодала в XVI веке простирались до Онежского озера, монахи обладали земельными наделами в Каргополье, на Новгородчине, в Поволжье и в Подмоскowie. Рыбные промыслы обители распространились за пределы Белого моря и достигли Мурманского побережья Студёного (Баренцева) моря, где рыбу заготавливали не только для себя, но и для продажи в ближайших к местам лова скандинавских портах. Одновременно развивался зверобойный промысел белухи, тюленей и моржей, тогда ещё не полностью уничтоженных. Работные люди выделывали шкуры и вытапливали из морских зверей сало, принося обители, по словам настоятеля, «значительные пользы по части хозяйственной».

Экономическая деятельность северного монастыря-богомольца не может не поражать многообразием задач, которые приходилось решать священноначальникам, помимо организации богослужебной деятельности. Белое море превратилось во внутренний водоём соловецкой вотчины. Карта с изображением Белого моря в столичном Посольском приказе называлась «Чертёж морю Соловецкому».

< Возведение в XVI веке первой в России каменной гавани на Заяцком острове явилось следствием расширения связей Соловецкой обители с Большой землёй

В результате упорной организаторской и политической деятельности игумена Филиппа и его преемников под монастырской пятой оказались пять с половиной тысяч мужиков-северян, не считая их жён и детей. По развёрстке повинностей они выпаривали соль, растили овощи, били морского зверя, ловили и перерабатывали рыбу, обеспечивая давно уже не тихой обители приращение новых ценностей.

Соловецкий монастырь, который начинался как место преобразования отдельных личностей, продолжил своё развитие как место преобразования окружающего социума.

Важнейшим источником монастырского благосостояния стала слюда, пластины которой заменяли редкое оконное стекло. Иноки монополизировали добычу этого минерала в Керецкой и Кемской волостях, где *рошмы*, или крестьянские артели, промышленяли слюду на 24 участках. При помощи ломообразных пешней и клевцов они выбивали из горной породы слоистые пластины, а когда выходили из забоя для еды или сна, то монастырский пристав накладывал на яму печать, чтоб не было хищений минерала. Добыча слюды обеспечивала ежегодную прибыль до тысячи рублей — деньги, соизмеримые со стоимостью строительства соловецкого Спасо-Преображенского собора. К XVII веку ежегодная добыча слюды превышала 400 пудов, причём кроме цветной слюды, флогопита, монахи торговали редкой белой слюдой, известной в Европе как «московское стекло». Оно служило для защиты огня в осветительных приборах, особенно на кораблях, где пожары наиболее губительны. Слюдяной промысел по своей доходности уступал лишь солеварению да кружечным сборам. Крупнейшими месторождениями редкой белой слюды являлись Большая варака и Пулонгская варака в Керецкой вотчине Соловецкого монастыря.

На Терском берегу моря, в реке Муне, артели монастырских крестьян вели промысел жемчуга, а на мысе Корабль они добывали фиолетовые кристаллы драгоценного аметиста. В Древней Греции этот кристалл считался камнем Бахуса — бога вина, а на Руси аметист называли архиерейским камнем. Высокопоставленные православные пастыри украшали этим самоцветом свои митры, камилавки и клобуки, не говоря уже о почти обязательном ношении перстней с аметистом, которые вроде бы предохраняли своих владельцев от запоев. «Аметист пьянство отгоняет, мысли лихие удаляет, добрый разум даёт и во всех делах помощен», — сказано в русском лечебнике XVIII века. Аметист издревле почитался любимым церковным камнем, пользовался спросом во всех приходах, и его добыча приносила соловецким инокам стабильный доход.

На Соловках потребность в перекачке соляных растворов стимулировала появление напорных трубопроводов из огромных стволов лиственницы

Строительство, начатое Филиппом, требовало, кроме кирпичного производства, создания камнетёсной мастерской для изготовления из гранита ступеней, колонн, балясин. Необходимость в бутовом камне и известняке стимулировала монастырь приобрести карьеры для получения этих материалов на Северной Двине у Холмогор, где в монастырской вотчине работные люди камень белый ломали, лес на дрова секли и известь жгли.

В 20 верстах от города Сумы, на ручье в лесу, стараниями Филиппа был заведён *железный монастырский завод* с печами-домницами. Поставка железа являлась натуральной повинностью крепостных крестьян Колежмской вотчины. Руду, по сказу монаха Иосифа, работные люди добывали на болотах и обжигали на месте, а по первому зимнику доставляли на завод, где варили кричное железо. Из этого железа мастера делали инструменты, оружие, снасти для промысловиков, предметы церковного обихода и скобяные изделия. Для строительства умельцы ковали мощные тяги, обечайки и другие конструктивные элементы, которые обеспечивают прочность соловецких сооружений уже пять веков.

Мастерство исполнителей художественнойковки в технике просечного железа было настолько велико, что дало повод к появлению термина «соловецкое кружево». Соловецкие кружева, в отличие от знаменитых вологодских, выполнены из металла.

Обширные строительные и хозяйственные деяния, инициатором которых стал игумен Филипп, потребовали мобилизации всех финансовых ресурсов и непрестанной организаторской деятельности вне стен обители. На подвластных монастырю землях вводился строжайший порядок отчётности. Контролю подлежали все виды деятельности, включая и частную жизнь. В вотчинах под запрет попали не только азартные игры, но и главный порок тогдашнего времени — пьянство.

Во имя благих целей происходило усиление эксплуатации населения, проживавшего на землях, занятых монастырём. Известна челобитная крестьян монастырского села Пузырёва, которые в 1556 году жаловались настоятелю Филиппу на его же приказчика, бравшего, по мнению жалобщиков, «оброк и пошлину сверх окладу», а хлеб отпускавшего под треть от долга.

При игумене Филиппе для изгнания вредной праздности особой регулярной податью обложили подвластных отроков крестьянских, начиная с пятнадцатилетнего возраста. Трудовые повинности распространялась также и на малолетних детей, чей возраст позволял хоть что-нибудь делать, например собирать ягоды для монахов.

Признавая себя единственным христианским народом и государством, а всех остальных погаными нехристями, наши предки, сами того не подозревая, отреклись от самой сущности христианства, — считал первый русский философ В. С. Соловьёв. Московское холопство ничем не отличалось от древнего рабства: господин, убивший холопа, не нес никакой ответственности и лишь для вида подвергался церковной епитимье. В народе не зря сложилась поговорка: монастырщина — что боярщина. «Мы от тех монастырских насильств вконец погибли, и многие людишки, тягло своё пометав, в пусто бредут безвестно, врозь», — жаловались разорённые поморы на гнёт монахов в 1648 году, надеясь обрести защиту у московских властей.

Соловецкие дороги, не претерпев существенных изменений с XVI века, берут начало от Никольской башни — нулевой точки отсчёта расстояний

Хозяйственные успехи обновителя киновии Соловецкой игумена Филиппа стали для его преемников образцом для подражания. Помимо своих непосредственных задач и устремлений, Соловецкий монастырь оказался ответчиком за организацию социальной, хозяйственной и культурной жизни населения на огромных территориях вне архипелага. Монахи, исполняя взятую на себя миссию, играли роль «старцев-приказчиков», устроителей мирских порядков на материке. Количество братии возросло пятикратно, что оказывало отрицательное влияние на качественный состав постриженных. Повседневная духовная, учительская, писательская, переводческая работа уступали место мирским заботам. Зато день ото дня Дом Спаса Преображения и соловецких чудотворцев пополнялся абсолютно реальными материальными накоплениями.

Крепость, возведённая, как считал М. В. Ломоносов, руками татар, стала, по словам С. В. Морозова, символом победы православия

Когда в 1571 году в голымяни (открытом море) промелькнули корабли то ли свеев (шведов), то ли амбурцев (жителей Гамбурга), соловецкому игумену стало очевидным, что молитва и водная преграда не способны обеспечить надёжную защиту монастырским ценностям и их хранителям.

Бережёного бог бережёт! Игумен Варлаам бил челом государю московскому с прошением выделить войска для защиты государева монастыря. В 1578 году царь велел возвести в Соловках крепость. На остров прибыл воевода М. В. Озеров с пушкарями и стрельцами.

Через год обитель обзавелась частоколом бревенчатого острога. На стенах, опоясывавших храмы и кельи, несли службу рекрутированные крестьяне поморских селений, поглощённых монастырём. Из-за брустверов на окружающий мир грозно смотрели жерла московских пушек и затинных пищалей.

Соловкам в силу их географического положения никогда не приходилось участвовать в кровопролитных баталиях с иноверцами. Крепость, воздвигнутая как бастион для защиты от чужестранцев, находилась в стороне от морских дорог и для потенциальных противников России в стратегическом отношении особого значения не имела. Неприятеля могли интересовать порты в устьях рек Двины и Онеги — ключи к водным магистралям вглубь страны. Пути к ним Соловецкий монастырь не контролировал. Крепость находилась так далеко от материка, что в случае опасности не могла бы ни защитить население, ни помочь береговым гарнизонам. Для врага захват острова тоже не имел смысла, ибо содержание военной базы во внутреннем водоёме, скованном льдами восемь месяцев в году, было бы слишком дорогим удовольствием для любой морской державы мира.

Соловецкая обитель стала единственным на Руси духовным учреждением, неизменно владевшим собственными вооружёнными силами. Монастырь не избежал соблазна использовать войско для захвата чужих богатств, тем более что Иван Грозный благословил соловецкого воеводу на такие действия. Не прошло и года, как монастырская рать отправилась в поход на соседние христианские земли. Но отряд Ивана Озерова был разбит, сам воевода погиб, а шведы в отместку за нападение *совершили великое опустошение Кемской волости.*

Понимая, что деревянный острог недолговечен, игумен Иаков, возглавивший монастырь 1581 году, нашёл поддержку у боярина Бориса Годунова, покровителя творцов многих русских крепостей. Годунов доверял Иакову — в опасное время Борис будет хранить свои драгоценности именно на Соловках, а в 1597 году, уповая на выдвижение Иакова в патриархи, он поставит его игуменом своего родового Ипатьевского монастыря. Видимо, хитроумный царедворец Годунов, убедивший царя отменить опричнину, уговорил государя дать деньги далёкому Соловецкому монастырю под видом вкладов на поминовение загубленных опричниной душ. В 1582 году вслед за деньгами и поминальными списками православных людей, без отпевания зарытых и утопленных палачами по воле Ивана IV, игумену Иакову пришёл указ *начать делать город каменный.*

Судя по записям в книгах казначейской службы, обитель не делала трат на строительство крепости. Количество наймитов — от 150 до 230 душ в летние месяцы — не изменилось и после 1594 года, когда каменные стены толщиной от пяти до семи метров петлёй обвили кельи, храмы и закрома монастыря.

Протяжённость валунной ограды по внешнему абрису составила 510 трёхаршинных сажений, это 1200 метров по современным обмерам. Высота стен достигает 10 метров. Башни, имеющие высоту до 17 метров, значительно выступают за линию ограды, давая возможность вести фланкирующий обстрел пространства вдоль линии крепостных стен.

**В XVII–XVIII столетиях
стены крепости спасали
монастырские богатства
от набегов лихих людей,
которые не раз нещадно
грабили скиты на Анзере.**

Северную и южную стены крепости защищали шестиметровые рвы, а западную и восточную — озеро и море, что исключало для врага возможность маневрировать на узкой полосе суши. Входные ворота запирались коваными створками и подъёмными решётками, а за ними сквозь толщу угловых башен вёл коридор, имевший форму колена, согнутого под острым углом, в котором нельзя пробить путь в крепость ни снарядом, ни тараном.

Применение естественного камня при возведении цитаделей не было чем-то исключительным в русском оборонительном зодчестве. Валуны использовались в кладке стен крепостей Киевской Руси, в Пскове и Великом Новгороде в сочетании с другими строительными материалами. На Соловках же стены целиком умело сложены из необтёсанных гранитно-гнейсовых валунов, подогнанных друг к другу. Они стали, по словам просвещённого архимандрита Мелетия, не только замечательным произведением механики и зодчества, но и редким по красоте зрелищем.

*Соловецкая крепость не несла угрозы
противникам Руси, если бы те решили
пройти мимо Соловков к устьям рек,
ведущих вглубь земель государства*

Великий Государь патриарх Никон приоткрыл тайну дьявольской прочности стен Соловецкого монастыря антиохийскому патриарху Макарию. «Говорят, что это святые заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен из больших диких камней. По этой причине они обладают необыкновенной прочностью», — записал в 1655 году сказ святителя Никона Павел Алепский, посетивший Москву вместе с антиохийским патриархом.

Монастырская история не отразила в своих анналах сведений о строителях, сложивших стены Соловецкой твердыни, которую патриарх Никон считал одной из трёх главных российских осударевых крепостей, наряду с Троице-Сергиевой лаврой и Кирилловым Белозерским монастырём.

Северянин Михайло Ломоносов в поэме «Пётр Великий» сообщил, что ограду строили 500 пленных татар: *работою их рук сии воздвиглись стены*. Как Ломоносов узнал о пленных, неизвестно, но «Новгородские летописи», впервые опубликованные в конце XIX века, упоминают о массовом выселении татар из Поволжья после покорения Казанского ханства. Летопись сообщает, что иноверцев, отданных на работы в северные монастыри, скопом крестили по православному обряду, убивая тех, кто отказывался менять веру: *ино их приставы в воду метали*.

Можно лишь предположить, что работы велись с использованием земляных насыпей и простых подъёмных устройств. Аналог древнего механизма — подъёмный ворот для выкладки циклопических камней в стену — был обнаружен в 1920-х в урочище Исаково. Этот строительный агрегат представлял собой деревянный брус с рычагом и блоком, поворачивающийся на железном шарнире вокруг столба, врытого в землю.

Автором проекта Соловецкой крепости, по мнению прекрасного знатока архитектуры Соловков В. В. Скопина, является городской мастер Иван Михайлов из Вологды. Звание городского мастера имели в средневековой Руси самые лучшие, очень немногие. Михайлов участвовал в строительстве крепостных стен, где ряд башен под руководством англичанина Хемфри Локка делали из валунов. Возведение Вологодского кремля было частью самого дорогого опричного проекта по переносу столицы государства в Вологду, подальше от европейских границ.

Иван IV жёстко контролировал строителей — целая артель каменщиков была для устрашения других заживо сожжена за потребление мяса в пост. Однако после того как царю в Вологде упал на голову камень, а царица Мария после поездки в Вологду заболела и умерла, Иван Грозный охладел к идее переноса столицы. В 1571 году работы, ставшие причиной гибели многих людей, были заморожены, и мастера остались не у дел.

Иван Михайлов на первом этапе строительства определил внешний вид Соловецкой крепости и порядок работ. Имя мастера в деловых бумагах фигурирует до 1590 года с припиской: *он делал город каменный*. Преемником мастера стал богатый солепромышленник Терентий Кологривов из соловецкой вотчины Нёноксы. Постриженный в Никольском Карельском монастыре под именем Трифона, он в 1588 году навсегда перебрался в Соловки. Сотрудничая с Михайловым, Трифон обрёл опыт и завершил возведение стен. Замалчивание на Соловках ведущей роли вологодца Ивана Михайлова Владимир Скопин объясняет патриотическими чувствами монахов, стремившихся возвысить роль своего человека в возведении грандиозной северной цитадели.

Каменной петлёй в XVI веке обвил острог храмы и кельи, защищая богатства, которые стекались в Соловки из подвластных вотчин

Трофейные скандинавские колокола не вывешивали вместе с монастырскими на звонницы, а употребляли для подачи в тумане звуковых сигналов кораблям

По легенде, озвученной Дмитрием Кедрным в поэме «Конь», во время возведения соловецких кремлёвских стен на острове мог обраться зодчий неприступного Смоленского кремля, создатель укреплений Донского монастыря и стен московского Белого города — великий городской мастер Фёдор Конь.

Невелика там братья, ибо
 Уставом строг тот божий дом.
 Монахи ловят в сети рыбу,
 Живя апостольским трудом.
 Чтоб лучше храм украсить божий,
 Разбив подворья там и тут,
 Пенькою, солью, лесом, кожей
 В миру торговлишку ведут.
 Нырки летят на этот остров,
 Крылами солнце заслоня...
 В обитель ту на строгий постриг
 Москва отправила Коня.

Кольский воевода Аверкий Палицын, будущий участник обороны Троице-Сергиева монастыря в Смутное время, волею судеб оказался в соловецкой ссылке как раз тогда, когда шло возведение каменных крепостных стен. Скорее всего этот профессиональный военный не мог так или иначе не приложить руку к укреплению оборонной мощи обители, где, как сказано в «Описании Москвы и Московского государства», составленном в начале XVII века, «всяких пушек и пороховой казны много, а свинцу преизобильно».

Строительство крепости было в самом разгаре, когда монастырское войско в 1589 году, не дожидаясь окончания работ, совершило набег на финский город Каяани. Благодаря вероломству нападавших, нарушивших Плюсское перемирие между Россией и Швецией, которое соблюдалось сторонами шесть лет, монастырская рать добыла множество трофеев, включая колокола разграбленных христианских храмов. Узнав о победе, государь Фёдор Иоаннович снял с монастыря опалу, наложенную 20 лет назад, и позволил обители в 1590 году привезти из Твери мощи святителя Филиппа, что при Иване IV было невозможно.

Вслед за мощами свт. Филиппа, с разницей в один день, на остров прибыл отряд московского воеводы И. М. Яхонтова, присланный развить успех монастырских войск в Прионежье и Олонецком крае. В 1590 году рейд Яхонтова оказался неудачным. Скандинавское крестьянское ополчение Везайнена пожгло Русский Север от Колы до Кеми. Ортодоксальные монахи, разорившие финские церкви, вызывали у мстителей особую неприязнь: 51 инок и 65 мирян, укрывшихся в Печенгском монастыре, ополченцы вырезали поголовно.

Иван Грозный повелел соловецкому воеводе Ивану Озерову напасть на врага, «как только будет мочно», и гарнизон обители наказ исполнял

Кемская волость пострадала значительно, а соловецких монахов от кары за каянский погром, как всегда, спасла морская преграда. Нападений на остров не было даже в те годы, когда крепостных стен вокруг обители не существовало, — монастырские ратники воевали исключительно на материке.

Наличие крепости и своего войска дали инокам возможность стать хозяевами земель Русского Севера, подменив структуры государства

В 1591 году шведский отряд С. Петерсона выжег монастырский Сумский посад, но года не прошло, как большие силы князя Г. К. Волконского у соседей в Каянии «многие земли разорили, и в полон многие люди поймали, и в Соловецкий монастырь пришли с великим богатством». В ответ воеводы Магнус Лаврин и Ганус Иверетин разорили поморские селения от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока. «Дворы, и хлеб, и соляные варницы, и рыбные ловли, и лошади, и сена пожгли, и людей многих побили, а иных в полон поимали, а которые люди остались, и те от голоду разбрелись розно», — гласит летопись.

Рейд Магнуса положил конец набегам соловецкого войска на Швецию. Царь Борис Годунов был против войн, а король Карл IX уже воевал на два фронта: за господство над Северной Норвегией — с Данией и за владение Лифляндией — с Польшей. Борьба с Польшей сделала Швецию союзником России.

В 1609 году Василий Шуйский нанял скандинавов для защиты царства от польских интервентов. Заговорщики Романовы, Салтыковы и иже с ними свергли Шуйского. Заломив государю руки, последнего из Рюриковичей на российском престоле постригли в монахи и отправили умирать в краковскую тюрьму.

Бояре присягнули поляку королевичу Владиславу, но Новгород, благодаря В. И. Шуйскому, перешёл под шведскую юрисдикцию, и не был разграблен московским воеводой В. Батурлиным, и не стал вотчиной Марины Мнишек по брачному контракту Лжедмитрия.

Шведская корона, которая в Смутное время контролировала земли Новгородской митрополии по Выборгскому договору с Шуйским, в дела религиозные не вмешивалась, однако запретила Соловкам желать властителей поляков, литовцев или татар. Игумен Антоний успокоил соседей: *Поморская волость не желает видеть на московском троне никого, опречь своих прирождённых бояр*. За правильный ответ ему дали 250 шведских самопалов.

При шведах спокойствие в регионе нарушилось лишь бандами *шишей*, грабивших селения по обе стороны границы. Соловецкие воеводы как могли от партизан откращивались: «Мы к вам русских людей воевати не посылали и про то не ведаем». *Мирного постановления ради* игумен в 1614 году договорился с правителями соседних шведских областей отлавливать партизан-шишей, дабы *исключить все вражды, на границе происходившие*.

В 1617 году, получив обещанные им крепости Орешек и Корелу, шведы покинули Новгород, но увезли около 30 000 листов архива: от своих указов и судопроизводства до бухгалтерии винных погребов и общественных бань. Архив даёт понять, почему, вкусив немосковский образ жизни, масса новгородцев эмигрировала вместе с оккупантами, создав прецедент, названный у нас феноменом развития отечественной государственности.

Соловецкий гарнизон в стычках Смутного времени не участвовал, сил не растрачивал и укреп настолько, что светский воевода стал казаться искателям равноангельского житья излишним соглядатаем, стесняющим полновластие игумена. По просьбе священноначалия воевода Тимофей Крапивин в 1637 году был отозван. Амуницию и ключи от арсеналов он сдал соловецкому настоятелю.

Наличие крепости и своего войска дали инокам возможность стать хозяевами земель Русского Севера, подменив структуры государства. Духовное учреждение в первой половине XVII века, потеснив столичную власть, самостоятельно осуществляло дипломатические контакты, контролировало международную торговлю, содержало таможенную, тюрьму и почтовую службу, снаряжало войско, ходившее в походы под монастырским флагом. Черноризцы обзавелись фискальными и следственными органами; своим судом, не забывая о монастырской выгоде, карали население на материке.

Древнейшим предметом в Соловецкой обители является колокол, отлитый в 1417 году и захваченный при набеге на христианский финский город Каяани

Стрельцы, оставленные в монастыре без воеводы, перешли в подчинение настоятелю и осуществляли полицейские функции — *сполна без доимок выбивая из поморов подати в казну монашеской обители*.

Монастырь, получив доступ ко всем жизненным ресурсам края, обрёл богатства, дающие возможность при желании субсидировать даже царскую казну, получая взамен пожертвования и новые льготы. Несвойственные духу иночества властные права и полномочия возвели Соловецкую обитель в положение *status in statu* — государства в государстве.

На административном и хозяйственном поприщах соловецкая братия добилась фантастических побед, заплатив за материальные успехи потерями в сфере духовности, что нашло своё отражение в эпохальном документе, озаглавленном «Лествица властям».

Версия реконструкции фасада келейных корпусов XVIII века. Каменные кельи на Соловках в XVI веке были одноэтажными

Составителем реестра, названного «Лестницей властям», был соловецкий постриженник Иоасаф, ставший со временем патриархом всея Руси. На патриаршей кафедре он заменил в 1634 году самого Фёдора Никитича Романова, приведшего во власть своего сына, государя всея Руси — царя Михаила.

«Лествица» представляла собой список, который расставил по ранжиру русских церковных иерархов. Номер в списке соответствовал месту за столом при приглашении к патриарху для советования и месту на трапезе у государя во время проведения соборов. Потребность в подобном реестре назрела давно — необходимо было указать каждому князю церкви его место, дабы избежать нарушений благочестия, выражавшихся в оскорблениях и рукоприкладстве во время попыток иных иерархов сесть выше других. «Лествица властям» стала церковной Кормчей книгой, она упорядочила значимость крупных монастырей и их священноначальников на ступенях пирамиды русской духовной иерархии.

Возглавили перечень митрополиты Новгородский, Казанский, Ростовский и Сарский, архиепископы Вологодский, Суздальский, Рязанский, Тверской, Астраханский, Сибирский, Псковский и епископ Коломенский.

Вслед за высшими иерархами следовали 46 игуменов и архимандритов важнейших монастырей, расставленных по степени духовной значимости: архимандриты Троице-Сергиева, Рождественского Владимирского, Чудова, Новоспасского, Юрьевского Новгородского, Симоновского, Свяяжского, Андрониевского, Преображенского Казанского, Ипатьевского Костромского, Печерского Нижегородского, Хутынского Новгородского монастырей и игумен Кирилло-Белозерского монастыря.

Далее — архимандриты Горицкого Переяславского, Лужецкого Можайского, Богоявленского Ростовского, игумены Богоявленского Костромского, Богоявленского из-за Ветшного ряду, архимандрит Спасского Ярославского монастыря. Игумены Пафнутиевского Боровского, Иосифо-Волоцкого, архимандрит Спасского Суздальского, игумен Антониевского Новгородского, архимандрит Печёрского Псковского, игумены **Соловецкого** монастыря, Желтоводского Унженского, архимандриты Спасского Рязанского, Каменного Вологодского, Отроча Тверского, Возмицкого Волоколамского, Даниловского Переславского, Ферапонтовского Белозерского, Борисоглебского Ростовского и архимандрит Солотчинского Рязанского монастыря. Завершают список игумены Прилуцкого Вологодского, Болдина Дорогобужского, Вяжицкого Новгородского, Духовского Новгородского, Сторожевского Звенигородского, Павлова Вологодского, Глушицкого Вологодского, Калязинского, Корнильева Вологодского, Никитского Переславского, Колоцкого Можайского и Угрешского монастырей.

На лестнице духовных лидеров страны соловецкому настоятелю нашлось место лишь во второй половине реестра игуменов и архимандритов, несмотря на явное превосходство вотчинного хозяйства Соловецкого монастыря в военной и экономической сферах над большинством обителей Руси. Нет причины полагать, будто бы составитель «Лестницы властям» пытался принизить статус соловецкого священноначалия в своём списке. Патриарх Иоасаф всегда добром поминал остров, где некогда принял пострижение. До конца жизни святитель московский оказывал братии материальную поддержку, одаривал монашескими облачениями, деньгами и богослужебными книгами, выражая таким образом личную приязнь.

Место Соловецкого монастыря, оказавшегося во второй половине «Лествицы», не было результатом злых козней, а объективно отражало степень его духовной значимости среди церковных учреждений русского православного мира. Главной обязанностью государевых обителей была молитвенная поддержка монарха и его семьи. «Наш долг — молить и просить Бога и Пречистую Богородицу о мире всего мира и о благосостоянии святых божьих церквей, и о твоём многолетнем здравии, и всего твоего семейства», — сообщил в письме государю своё видение роли церкви и её монастырей автор «Лествицы».

Патриарх Иоасаф был убеждён, что для монахов способность к молитвенному подвигу важнее их успехов в хозяйственной деятельности. В Соловецком же монастыре не только не чурались стяжания мирских богатств, а считали накопление денег и других ценностей в пользу своих небесных хозяев Зосимы и Савватия делом богоугодным.

Экипажи, зеркала, дорогие одежды, шляпы и иные атрибуты светской жизни, не имевшие отношения к быту братии, из века в век повторялись в инвентарных описях имущества.

Соловецкие иноки проявляют незаурядную предприимчивость, у них не копейка рубль бережёт, а рубль создаёт миллионы, — поражался писатель В.И. Немирович-Данченко успехам обители, которая к концу XIX века достигла столь желанного экономического процветания.

Но собственно монастырская жизнь не могла не испытывать урона под гнётом стяжательских забот коллективного хозяйства, в котором стремление к накоплению многократно превышало жизненные потребности братии.

«Братии для исполнения церковной службы остаётся лишь малая часть», — жаловались Москве иноки, ставшие деталями хозяйственного механизма

Обслуживание вотчинного хозяйства монастыря поглощало значительную долю времени и жизненной энергии монахов. «Доля» в русском языке — это не только «часть», но и «судьба».

Замкнутое поселение монахов,
искавших на острове уединения
от мирских забот для молитвы,
переродилось, по образному
выражению Д. С. Лихачёва,
в русский церковный Вавилон.

Монастырь жил не замедленной и ленивой жизнью, как это представлялось многим, а переживал бурные события, активно вмешивался в государственную жизнь и социальные процессы Русского Севера.

Д. С. Лихачёв

Остров Буян

Соловецкая обитель, превратившаяся к началу XVII века в столицу Беломорья, заботилась о своей боеспособности даже при отсутствии военной угрозы. Духовное учреждение впервые в России включило в свою структуру армейские формирования с арсеналом вплоть до тяжёлых пушек. Монастырь, избегая содержания на острове множества мирских людей, ввёл для братии всеобщую воинскую обязанность, «дабы развить в себе дух боевой храбрости и отваги». К 1657 году 425 соловчан (тогда писали — *соловлян*) обрели военные специальности. Большинство из братии получили профессии самопальщиков, пушкарей и *затинщиков* — стрелков из пищалей, располагавшихся за *тыном*, за оградой.

Бряцание оружием приглушало звон колоколов, а молитвы плохо сочетались с боевыми кличами. Посты и ношение вериг, истощавшие плоть, не способствовали укреплению мышц бойцов, к тому же воинская практика противоречила обету отречения от собственной воли. Черноризцам, которые изодня в день отрабатывали приёмы рукопашного боя, пришлось освоить армейский лексикон, весьма отличный от монашеского. Исидор Длинная Сабля, Аника Пушкарь, Макарий Бешеный, Акакий Грозный — это всё имена соловецких монахов, глядевших на мир через бойницы поверх пушечных стволов.

По правилам драматургии ружьё, висящее на стене в первом акте, в последнем должно выстрелить, а в соловецком арсенале количество ружей перевалило за тысячу. Иноверцы, как назло, нападать не спешили, и ратная энергия, переполнявшая обитель, нашла выход в братоубийственном противостоянии. Остров преобразился в поле брани, на котором, по замечанию историка Б. В. Никольского, воины царя земного сражались с воинами царя небесного. Поводом для возмущения соловецкой братии стало недовольство вторжением государства в дела церковные, но это вмешательство являлось существенной частью реформ государя Алексея Михайловича. Свод законов 1649 года, называвшийся Соборным уложением, ввёл государственный контроль над деятельностью церкви, которая после правления Михаила Романова владела третью всех населённых местностей страны и обрела привилегии в сферах, не имевших отношения к богослужебной практике. Процесс расставания России со Средневековьем был немислим без лишения Московского патриархата экономического и юридического всевластия. Поэтому высшее духовенство и монастыри потеряли большую часть городских имений и прибыльных административных льгот. Клирики утратили право неподсудности светским судам в случае нарушения ими государственных законов.

Впервые духовным учреждениям пришлось платить ямской налог, а также налог на содержание воинства, носивший название «стрелецкий хлеб», и другие поборы.

Для Соловецкого монастыря наиболее убыточным оказалось четырёхкратное увеличение соляного налога, введённое в 1646 году для всех торговцев солью без исключения. Монастырь-вотчинник, который два столетия обогащался за счёт сбыта соли и за полтора века приумножил её продажу в 20 раз, был обложен налогом, как простой купец!

Обитель Зосимы и Савватия, обиженная реформами, резко реагировала на нововведения, угрожавшие самовластью монастыря на Русском Севере.

Реформы, проводимые внутри страны, имели и внешнеполитическую цель. Государь Алексей Михайлович не только выстраивал свою вертикаль управления державой, но и традиционно жаждал распространения влияния России на весь православный Восток, находившийся в XVII веке под властью Оттоманской Порты. Ещё Иван IV, первым объявивший себя царём, мечтал о короне императора ромейского, то есть римского. Не мудрствуя лукаво Иван Грозный приказал вставить в парадный «Лицевой свод» русской истории текст о том, что он прямой потомок великого «Августа-кесаря». Ему очень хотелось, чтобы народы считали Московию наследницей Римской империи. Собор 1551 года провозгласил отечественную церковность самой православной из всех православных, что могло служить оправданием будущих походов на Святую землю, до которых дело не дошло в силу относительной слабости русских войск.

Неблагоприятная политическая обстановка сто лет препятствовала началу экспансии, и тактика московской монархии за это время изменилась. Собор 1666–1667 годов пересмотрел тезис об абсолютной правильности русской церковности, признав первичность обрядового церемониала православного Востока, откуда вера и пришла на Русь.

Изменение русских порядков богослужения по образцу греческого ритуала, который доминировал в церквях на Балканах, было для московского царя политической хитростью, призванной продемонстрировать абсолютную духовную близость православных народов. Сербия, Валахия, Молдавия примкнули бы к России, и до выхода к Средиземному морю Москве остался бы всего один шаг.

Близкий к царю боярин А. М. Львов возглавил Московский печатный двор, где справщики (говоря современным языком — редакторы) подгоняли местные приёмы обрядности под священнодействия, принятые во вселенском православии. По благословению патриарха Печатный двор 14 августа 1636 года опубликовал сборник «Память» с указаниями для священников. При патриархе Иоасафе были изданы книги 22 наименований, которые регламентировали обновлённый порядок проведения богослужений.

К исправлению церемониала был причастен и круг лиц, именовавших себя любителями благочестия. Они являлись образованными людьми, которые, не думая о геополитике, искренне стремились превратить обрядность из формального следования мёртвому буквализму местного предания в осмысленный акт для воспитания паствы путём проповеди. Их благим намерениям была чужда атмосфера базара, имевшая место в церквях, где созданию молитвенного настроения препятствовали обычные для тех лет разговоры и брань да шутовство юродивых, будораживших прихожан. Особенно сильный вред умной молитве наносило так называемое многогласие. При многогласии вместо порядка чтения и пения, при котором священник, дьякон, дьячок и хор сменяют друг друга, пять или шесть участников процесса *со всякой небрежностью* наперегонки исполняли свои роли одновременно, стараясь перекричать один другого. Придуманное русским духовенством, тяготившимся продолжительностью служб, многогласие скрадывало красоту и смысл византийских обрядов.

Строительство стен и башен вокруг Соловецкого монастыря завершилось к началу XVII века, прозванного в России бунташным >

Царь Алексей Михайлович приблизил к трону анзерского постриженника Никона, рассчитывая с его помощью ускорить внедрение церковных реформ

Попытки патриарха Иоасафа искоренить бессмысленную тарабарщину многогласия церковнослужителей и его требования соблюдать порядок в храмах оказались тщетными, натолкнувшись на сопротивление части паствы и священства, считавших местную традицию истиной в последней инстанции. Христианская идея приобрела на Руси ярко выраженный национальный характер, и поэтому любое отступление от привычных формальных догм могло стать поводом к смуте под знаменем борьбы против иностранного церковного влияния.

«Не мы ли Израиль истинный, люди христианские?» — подначивал современников образованный справщик книг столичного Печатного двора Шестак Мартемьянов, являвшийся рьяным сторонником древнего благочестия. Церковь издавна постановила считать «истинным Израилем» в хорошем смысле не иудеев, а христиан, достигших значительного духовного зрелости.

Старшие товарищи Мартемьянова из кружка ревнителей благочестия Иван Наседка и Иван Неронов, настоятель Казанского собора на Красной площади, ввели в царский дворец чернеца Никона, своего земляка и протеже, а позднее заклятого врага. Неронов знал Никона как Никиту Минова с младых ногтей — оба в юности являлись учениками старца Анания. Ещё более известный апологет будущего церковного раскола, протопоп Аввакум (Петров), был родом из села Григорьева, соседнего с родным селом Никона.

Самоизоляция России породила заблуждение, будто русский порядок — это единственная суть апостольского христианства и подлинного православия.

Познакомившись с Никонем, государь приблизил к себе талантливый и энергичный монах, всячески способствуя его карьере. Никон казался государю человеком-тараном, способным пробить брешь в стене косности быта и духовной самоизоляции, препятствовавших развитию державы. Современники прозвали союз Алексея Михайловича с Никонем *премудрой двоицей*, воплощавшей в жизнь устремления государя одно за другим.

Не по силам премудрой двоице оказалась лишь попытка искоренить пьянство на Руси. Через две недели после возведения Никона на патриарший престол царь с первосвященником взялись за перестройку нравов населения, начав её с ограничения торговли хмельными напитками в постные и праздничные дни.

Высочайшее государево повеление — не продавать монахам и священникам водку, а также требование ограничить количество питейных домов в городах и не отпускать мужикам больше одной бутылки спиртного в одни руки — встретили молчаливое, но непреодолимое сопротивление подданных. Выдающиеся личные качества реформаторов и вся мощь государственного аппарата оказались в XVII веке бессильны против укоренившегося на Руси порока — бытового пьянства.

Премудрая двоица, помогая друг другу, добились установления единой государственной богослужебной практики, схожей с европейским православием, хотя до объединения земель единоверцев с Москвой дело так и не дошло. За изменение форм священнодействия Россия заплатила десятками тысяч жизней, а сотни тысяч были искалечены. Не напрасно константинопольский патриарх Паисий советовал русским реформаторам не торопиться и бороться лишь с извращениями вероучения, отложив исправление внешних форм служения до лучших времён. Он не исключал вероятность компромисса, при котором греческая церковь могла бы под влиянием благоприятных обстоятельства приблизить свою обрядность к российской традиции.

Патриарх Никон ждать не хотел. Не получив однозначной поддержки своих инициатив от патриарха Паисия, он хитроумно прибег к помощи его антипода — антиохийского патриарха Макария. Этот патриарх, извергнутый из сана у себя на родине, получив богатые дары, прибыл в Россию и благословил московского патриарха. Церковная перестройка, возглавляемая Никоном, набрала ход, и впоследствии её не смогла остановить даже опала *светлосияющего архиерея Никона*. Конфликт государя с патриархом был связан с ранними реформами Алексея Михайловича, которые не только подорвали экономическую независимость господствующей церкви, но и унизили церковников: их хозяйственная деятельность подпала под контроль государева Монастырского приказа, куда после 1655 года представителей духовенства на службу не принимали. Согласно Соборному уложению, государственным органом по делам религии руководил окольный, то есть церемониймейстер двора государя.

Никон, получив патриарший клобук, попытался вернуть церкви утраченные привилегии. Он, как и государь, видел в унификации обрядности средство усиления столичной власти, но конечную цель слияния самодержавия с господствующей Церковью представлял по-иному. Никон хотел устроить в России государство клерикальное, полагая, что *священство царства превыше есть*. Между тем Алексей Михайлович, приученный своим воспитателем дядькой Борисом Морозовым носить европейское платье, последовательно строил государство светское.

Неприянь братии к патриарху не помешала объявить его святым, но нимб у Никона на рельефе колокола «Благовестник» не более чем курьёз. Синод не признал святости Никона

Противников исправления обрядности раздражало буквально всё: другое направление движения крестных ходов, количества повторений возгласа «Аллилуйя!» (на иврите «Хвалите Господа!»), сокращение количества букв в русском написании имени Сына Божьего. Особую ненависть вызвало «заграничное» триединое сложение пальцев вместо двоеперстия при выполнении крестного знамения, хотя ещё 120 лет назад, в 1551 году, Стоглавый собор запретил новгородцам и псковичам креститься двойным, а не тройным перстосложением.

Причиной неприятия реформ зачастую была не их суть, а жестокость внедрения. Абсолютно честный и столь же неуживчивый Никон обладал роковой способностью превращать соратников во врагов. Даже друг юности Иван Неронов, приведший Никона во дворец государя, переметнулся в стан противников реформ. Используя свой яростный талант проповедника, Неронов обрушился на действия Никона с такой же непримиримостью, с какой он в молодости преследовал странствующих актёров-скоморохов, за что в Новгороде был однажды крепко бит батогами. Никон, «собинный друг телесный и духовный» государя, узнав о предательстве прежнего сподвижника, в долгу не остался. В сентябре 1653 года Иван Неронов, нещадно битый плетью на патриаршем подворье, побрёл с цепью на шее в Каменнотровский монастырь на Вологодчине, а оттуда — за Полярный круг, в тюремную келью Кандалакшской Рождественской обители на Кольском полуострове.

В религиозных войнах не бывает победителей. Большой московский собор 1666–1667 годов «на веки вечные» отлучил от церкви всех поклонников старых обрядов, но одновременно осудил и гонителя старообрядцев — патриарха Никона, наказанного за гордыню и за то, что давал русским местностям глумливые *неподобающие именованья*: Голгофа, Иордан, Новый Иерусалим.

Серьёзной сверки русских книг с 500 древними манускриптами, которые старец Арсений Суханов на деньги казны привёз из монастырей Афона, в ходе реформы не получилось. Идея национальной исключительности — «Москва — третий Рим, а четвертому — и не быти!» — не позволила части патриотов допустить мысль о возможности приоритета заграничных порядков над местными.

В XVII веке сторонники абсолютной местной самодостаточности не желали понять, что родиной форм обрядности была не Русь, а православный Восток, откуда киевский князь Владимир экспортировал христианство в свою языческую страну. С легкостью поверила соловецкая братия архимандриту Илие, едва тот голословно объявил реформы латинской ересью, хотя накануне собственноручно подписался в Москве под решениями церковного собора 1654 года о необходимости исправления приёмов священнодействия.

Религиозный патриотизм не признавал никаких иных, отличных от доморощенных, форм устройства общества.

Вольготно и богато жилось насельникам Соловецкой обители до получения правленных богослужебных книг. Рай земной иноки создали на острове, а не на небе. Трапезничали красиво и сытно. В 1598 году две сотни черноризцев скушали 20 пудов чёрной икры, а в 1599 году купили 32 пуда (512 кг) икры, да ещё по четыре тонны осетрины и севрюги, да полвоза сёмги за 4 рубля, да более тонны коровьего масла, да полторы тонны мёда...

«В той обители иноков 350, хлеба и всяких припасов изобильно, одежды и обуви много; кормятся, вываривая соль в варницах, а в зимнее время бывают в монастыре труженики, более 500 человек мирских людей, которые тоже живут в изобилии и никакой скудности не имеют», — констатировала запись «Хронографа» накануне внедрения реформ. В изменении устоявшегося порядка жизни братия ощущала угрозу своему благополучию, тем более что внедрял реформы Никон, постриженник скита на Анзере, а соловецкие монахи обижали анзерских не раз и не два.

В Соловках говаривали, что постриг Никона в 1635 году был связан с приходом большой волны, которая ударила в ворота и затопила обитель накануне празднования 200-летия основания монастыря преподобным Зосимой. Удар волны чудом не причинил ущерба скиту Елеазара, стоявшему на линии уреза воды.

Основатель скита на Анзере и духовный отец Никона Елеазар почитался святым уже при жизни. Содержание его скита оплачивалось из государственной казны, чтоб ученики Елеазара не испытывали нужды в хлебе насущном и могли сосредоточиться на молитвенной поддержке государя всея Руси и его семьи.

Никон обрелся на Анзере до 1639 года, когда соловецкий игумен Варфоломей, «раненный стрелою зависти и озлобления», запер Елеазара в темнице. Взмешенный унижением учителя Никон нашёл повод для разрыва с Соловками и отчаянно, без благословения, покинул скит. Возможно, он оправдывал свой проступок примером первого соловецкого пустынножителя преподобного Савватия, который тоже отринул узы послушания и вопреки воле духовного отца решился на преступное с точки зрения монашеских уставов бегство. Савватий, по словам жития, *вырвался, как птица из клетки*, из опостылевшей ему шумной Валаамской обители.

В. О. Ключевский, размышляя о судьбе Никона, сравнил характер незаурядного монаха с парусом, который в затишье кажется бесполезной тряпкой, но в бурю расправляется и становится самим собой. Спонтанно покинув Соловки осенью, когда бушуют шторма, инок, рискуя жизнью, направился не к ближайшему Карельскому берегу, а в Богоявленский монастырь на Кожозере — далёкий медвежий угол Беломорья, отрезанный от мира летом безграничными болотами, а зимой — бесконечными метелями.

В 1642 году, после смерти игумена Ионы, меж иноками на Кожозере вспыхнула распря за власть над обителью. Зачинщиком смуты являлся москвич, немилосердный драчун инок Боголеп (ссылный князь Борис Васильевич Львов), перессоривший черноризцев посулами и угрозами. В этих условиях Никон оказался для враждующих сторон наиболее приемлемым кандидатом в игумены, он держался вне круга страстей иноческой свары и воспринимался окружающими как ученик Елеазара.

Никон правил в Кожеозёрском монастыре с 1643 по 1646 год. Монастырь при нём благоденствовал, число братии увеличилось до ста человек. Игумен добился шести царских грамот на обретение новых деревенок и беспощинную продажу соли. У него открылся талант снимать боль наложением рук.

Царь Алексей Михайлович и Никон, архиепископ Новгородский, у гроба Филиппа, митрополита Московского. А. Д. Литовченко, 1886 год. ГТГ

Когда Никон по делам своей обители объявился в Москве, он оказался в поле зрения государя, которому запали в душу слова монаха о том, что *суровство* во взаимоотношениях между людьми на Руси связано не с суровостью зим, а с великой злобностью нравов, которые надо исправлять. Очарованный дарованиями монаха, государь пренебрёг местнической традицией и поставил безродного сироту из мордовских крестьян архимандритом придворного Новоспасского монастыря.

По воле Алексея Михайловича Никон стал Новгородским митрополитом, а в 1652 году сирота уже возглавил всю Русскую церковь с титулом, равным царскому, — «Великий Государь всея Руси». Прецедент царствования двух великих государей уже имел место на заре династии Романовых, когда патриарх Филарет пришёл во власть со своим 16-летним сыном Михаилом. Извилист был путь Филарета: он получил митрополичий посох, присягнув самозванцу Лжедмитрию I, клобук патриарха принял от богомерзкого вора Лжедмитрия II, свергнул потомка Александра Невского Василия Шуйского ради польского королевича Владислава. Никон же обрёл титул без предательств.

Став патриархом, Никон возобновил добрые отношения с Елеазаром Анзерским, но с соловецкими монахами он, как истинный анзерский постриженник, был суров, не простив им притеснений преподобного Елеазара. Лишив обитель мощей святителя Филиппа, Никон этим не ограничился. Он по царской грамоте отобрал у обители право суда над населением вотчин и основал Крестовоздвиженский монастырь на Кий-острове, подорвав неограниченное владычество Соловецкого монастыря над Беломорьем, да ещё отдал новому монастырю Пияльское усолье и Кушерецкую вотчину, изъяв их из списка владений Соловецкой обители.

Оскорбительным для соловецких черноризцев было и то, что Никон выдернул из их рук (рук тюремщиков в рясах) философа, медика и переводчика Арсения Грека, присланного в монастырь осенью 1649 года для исправления веры. За первые три года надзиратели не смогли уличить учёного грека в ереси, хотя для них это было делом чести. «Веру он исповедует здраво, без приложений и отъятий», — доносил об узнике уставщик Никодим, смирявший арестанта, который, по словам пристава, не научился любить посты да подолгу класть земные поклоны. Ссылный вызывал у монахов острую неприязнь своими манерами, внешним видом, красивым шейным крестом, необычным нижним бельём и рассказами о том, что не везде люди живут одинаково. У него не было шансов выйти живым, но Никон не дал монахам смирить Арсения до гробовой доски и забрал многоязычного учёного в Москву для работы по редактированию текстов богослужебных книг.

Когда книги, исправленные по греческим образцам, доставили из столицы в Соловки, монахи припомнили Никону накопившиеся обиды. Чёрный собор, происходивший в Трапезной палате 8 июля 1658 года, составил особый письменный приговор. Вся братия, возглавляемая архимандритом, решила не принимать *московских дурных затеек*, как обозвали монахи исправление обрядов. Черноризцы на кресте поклялись *стоять заодно и отца нашего архимандрита не выдавать*.

Лишь раз Никон в качестве старшего архиерея посетил Соловки: он изъял у иноков мощи святителя Филиппа для упокоения их в Москве.

Возбуждению соловецкой братии немало поспособствовал друг-земляк, а впоследствии враг Никона, беглый арестант Иван Неронов. В августе 1655 года этот некогда популярный московский проповедник, а теперь расстриженный протопоп вместе со своими духовными детьми Силою, Алексеем и Василием бежал из заключения в северном Кандалакшском монастыре не без поддержки властителей соловецких.

По дороге в Центральную Россию беглецы обрели пристанище в Соловках, где архимандрит Илия обеспечил Неронову добрую встречу. Соловецкие иноки как губка впитывали в себя эскапады блестящего столичного оратора с Красной площади. Пребывание Неронова в Соловках не было продолжительным, но оказалось чревато для монастыря серьёзными последствиями, изменив мировоззрение части монахов, посеяв семена будущего раскола. Для иноков, крепко обиженных на Никона, ругательные слова в адрес патриарха ложились бальзамом на душу. Неронов казался братии пророком, который недавно поучал в вопросах веры не только епископат, но и государя. Воодушевлённые беседами с проповедником, иноки написали царю (своему должнику!) шесть челобитных, пытаясь доказать ущербность столичных нововведений.

Казна действительно задолжала Соловецкому монастырю 41 414 рублей 89 копеек да ещё 200 червонцев золотом. Накануне прибытия Неронова в Соловки иноки передали в Москву ещё 20 000 рублей на покрытие издержек, возникших из-за войны с поляками.

Государь, хоть и задолжал монахам деньги, вступать в полемику с холопами не пожелал. Он и так долго благоволил Соловкам. Ведь именно Алексей Михайлович в 1651 году пожаловал Соловецкому монастырю архимандрию и удостоил настоятеля права служить литургию полной архимандрической службой со всеми пышностями: в шапке, с палицей, с набеденником и рапидами.

Собор соловецкой братии осудил латинскую ересь «дурных затек». Все подписались, но трое выразили сомнения. Им пригрозили: «Мы вас живыми из трапезы не выпустим». Тихони испугались и приложили руку

При всём своём уважении к крупному северному монастырю государь не мог позволить монахам затормозить ход начатых в стране преобразований. Соловецкая же братия закусил удила и шла напролом, объявив техническое редактирование книг по первоисточникам латинской ересью.

Поворотным моментом от глухого духовного противостояния к открытому вооружённому сопротивлению иноков столичной власти стало прибытие на Соловки посольства, которое возглавлял заносчивый архимандрит Сергей — *муж гордый, яко древний фараон*. Его задачей было убедить строптивых черноризцев принять новые формы обрядности и изъять из монастырского книгохранилища устаревшие книги для их публичного осуждения церковным собором. В ходе реформ из монастырских и архиерейских библиотек в столицу со всей страны смогли собрать почти 2700 служебников, уставов, псалтырей.

Доквашивая квас, иноки получали брагу, которую называли «сура». В индуизме сура — это хмельной напиток и имя богини опьянения

Соловецкие иноки надменного царского посланника к книгохранилищу не подпустили и манускриптов для отправки в Москву не выдали. Посланцу процитировали Нила Сорского: *писаний-де много, да не все божественные*, а столичные дары, присланные для празднования примирения — 39 бочек с вином да ещё 15 бочонков пива с хмельным мёдом — властитель соловецкий приказал вылить в море.

Новые служебники, доставленные Сергеем, заперли в чулане, объявив их «писанием слуг антихристовых и ересью латинской». Попа Германа, рискнувшего служить по-новому, высекли плетью в Трапезной палате, а через неделю, для острастки других, высекли повторно. Летом 1658 года иноки, развивая конфликт, новые книги «подрали в лепестки, топтали их ногами и погрузили в море».

Москва вызов приняла и направила отряд стрельцов, который оккупировал материковые вотчины и пригрозил бунтовщикам заблокировать их не просто на острове, а внутри монастырских стен.

Обитель в ответ ощетибилась стволами из девяти сот бойниц, обвинив патриарха Никона во всех смертных грехах, а особо в так называемой *низкопоклоннической ереси* — подмене 17 низких земных поклонов, как делали предки, только четырьмя! Чёрный собор соловецкой братии со всей строгостью предупредил государя всея Руси, что не царское это дело учить монахов правильной вере, *будто какую-нибудь мордву или черемисов*. Московское троеперстие, скопированное у греков-униатов, соловчане окрестили «щепотью» и «латинским крыжем», усмотрев в таком перстосложении печать Антихриста. В греческом написании имени Никона — «Никитос» — монахи узрели антихристово число «666».

Иноки монастыря, избалованные частыми побряжками в делах коммерческих, постепенно убедили себя, что заслуживают привилегий во всём, даже в вопросах нравственности. Архимандрит Варфоломей, судя по доносу 1666 года, поучал черноризцев: «До Бога — высоко, до царя — далеко!», то есть «Здесь власть — соловецкая!»

Буйство нравов соловецких иноков и прежде было известно далеко за пределами архипелага, вызывая раздражение в московских царских палатах. Сын Ивана IV, царь Фёдор Иоаннович, грамотой 1591 года запретил употребление хмельного кваса и увещевал иноков прекратить пьянство в монастыре — великом государевом богомолье.

Квас сразу нескольких сортов в монастыре варили в конце зимы на всё лето. В огромном квасном погребе ставили на хранение рядами до 60 герметично закрытых бочек по 200 вёдер каждая, пересыпая пустоты колотым весенним, наиболее плотным, льдом.

Государь Михаил Фёдорович Романов в грамоте 9 февраля 1621 года возмущался бытом соловецких монахов, живущих в обители по своим волям. «Возлюбив пьянственное многокозненное питиё и отступив от божественного устава и правил святых апостолов, они (иноки соловецкие. — Юр. Бр.) ведут зазорную жизнь, по кельям держат мальчиков-клирошан, с которыми бражничают и непотребное стыдное дело творят».

В 1636 году Алексей — сын царя Михаила — вновь отмечал недостойное поведение братии: «Ведомо, что в Соловецкий монастырь с берега привозят вино горячее, и всякое немецкое красное питьё, и мед пресный, а старцы это питьё по кельям держат. Пьяное питьё они пьют, на чёрных соборах смуту чинят и выбирают себе потаковщиков, которые бы молчали, в смирение не посылали, квас поддельный беспрерывно давали».

Узники, сосланные за сопротивление реформам, подрывали устои монастыря. Церковная история А. Н. Муравьёва гласит: «Князь М. В. Львов заразил собою обитель»

Братия обидную грамоту проигнорировала, отделавшись отпиской, но в следующем году государь Алексей Михайлович опять вернулся к теме соловецкого пьянства, укоряя иноков за непотребное поведение, связанное с приготовлением браги и её перегонкой для повышения градуса, в обители, где уставом преподобного Зосимы запрещалось любое употребление хмельного. Аскетизм строгого греческого Студийского устава присутствовал на Соловках лишь в качестве идеала, а не объективной реальности.

Порочный образ жизни монахов мог разгневать Бога сильнее, чем грехи обычных людей, порождая угрозу для населения всей страны

Житие святителя Маркела повествует, как в ночь на 1 мая 1643 года труднику Ивану Емельянову во сне привиделся покойный игумен Иринарх, предупредивший братию: «Старцы живут неподобно, и постигнет их за это божья кара — снежная туча и великий мороз». Снегопады и морозы среди лета длились 20 дней, откуда инок Трифон, по прозвищу Корешок, не открыл Маркелу, что природная аномалия есть наказание за многие богомерзкие поступки, за которые никто не покался.

Разложению монастырской дисциплины немало способствовали миряне, проживавшие в монастыре, но отнюдь не «армяноподражатели, которые удалились в страны северные на остров Соловецкий и возмутили братию так, что и сказать невозможно», как сочинил митрополит Тобольский Игнатий для оправдания бунтарей. Свою роль в падении нравов северной обители сыграли казацьи отпрыски, «выходцы из низовий Волги и Дона, сточных канав Руси для голытьбы, отказавшейся нести государственную службу или вести крестьянское хозяйство, жившей грабежами и набегами на соседние земли», как характеризовал раннее казачество В. О. Ключевский. Соловки как магнитом притягивали их.

Показательно, что предание о Кудеяре, крупнейшем разбойнике своей эпохи, было записано этнографами на Поморском берегу Белого моря, в исторической вотчине Соловецкого монастыря. Кудеяр якобы был сыном царя Василия III и его жены Соломонии Сабуровой, насильно заточённой в монастырь, когда она уже была беременной. Дед Кудеяра по отцовской линии — Иван III, покоритель Новгорода, а другой дед — окольник Ю. К. Сабуров, наместник Корелы. Царский сын Кудеяр, помор по матери, родился в монастырском заточении, а когда вырос, стал атаманом ватаги разбойников, наводившей ужас на многие губернии. После бесчисленных убийств и грабежей Кудеяр, согласно поморской легенде, скрылся от войска, посланного его изловить, на Соловецком острове. Монахи дали убежище Кудеяру, за которое он заплатил им своими обгагрёнными кровью богатствами. Согласно сказанию, опубликованному А. П. Ивановым, разбойник — старший брат Ивана IV — похоронен на почётном месте у стены Спасо-Преображенского собора.

История с драгоценностями, взятыми монахами от бандита, вполне могла иметь место. У попа сдачи не бывает, гласит народная мудрость. При Иване Грозном грабитель, укравшийся в монастыре даже с окровавленными деньгами и чужим добром, получал защиту от законного преследования светской власти, даже если бы он унёс казну великого князя. Близкий к трону опричник Генрих Штаден пишет о такой жизни по понятиям: «Духовные господа, всяческой неправдой собиравшие своё добро, говорили ухмыляясь: «Бог дал!»

Волею судеб во главе Соловецкой обители в середине бунташного века стоял архимандрит Варфоломей. Он, судя по жалобе, тайно пришедшей с острова самому царю-батюшке в 1666 году, держал при себе для утехи 15-летнего Макария, числившегося дьяконом, а другого сокелейника — молоденького Ивашку Никитина — по пьяному делу постриг в монахи и назначил соборным старцем, вопреки уставу обители. Сладострастный начальник был ещё и садистом. «Старцев Иосифа, Дмитрия Субботина, Феропонта, Василия, священников Пафнутия и Тимофея, дьяконов Нила и Варлаама, церковников Тихона, Иринарха, Кирилла настоятель по злобе своей, заподозрив в непослушании, держал всю зиму на правее, самолично смирял без милости плетью в три-четыре перемены, а едва они ожили, снова бил», — гласит челобитная, переправленная из Соловков в столицу.

Рядовые насельники имели биографии под стать архимандриту. Показательна судьба одного из заметных участников соловецкого бунта — троице-сергиевского дьякона Сильвестра, который скинул постылое иноческое платье и ушёл на Дон в *артель воровских казаков*. Дьякон грабил суда на Волге и Тереке, а в Соловки прибыл из Царицына, где, отдыхая после разбойного похода, коротал время за составлением колдовских заговорных писем, что в XVII веке почиталось грехом немалым.

В монастыре Сильвестр занятий чародейством не прекратил, ему было не слабо за вино и водку изготовить колдовское письмо для страстного монаха Питирима, дабы *приворотить к нему для блудного дела брата Костку, лет пятнадцати, живущего в келье дьякона Пахома*. Царский указ 1637 года, запрещающий соловецким инокам делить кров с безбрадыми трудниками, на острове не соблюдался. Когда старец Питирим в драке ножиком зарезал до смерти старца Мартирия, то заговорное письмо с обращением к *царю Сатане* обнаружили в чулане убийцы.

В том же «деле Сильвестра» из архива Приказа тайных дел есть жалоба на келаря Савватия Обрютина, который обидел инока Питирима: заманил его в свою келью, а там *питиём опаивал, губы сосал взасос и в руке жал...* (далее — утрата текста). Келарь же утверждал, что бесчинства над монахом не делывал, а оный сам готов к любым непотребным мерзостям.

В 1667 году московское правительство с опозданием прислало замену настоятелю Варфоломею — архимандрита Иосифа. Новый священноначальник повёл себя заносчиво и был выставлен за ворота. Он едва добрался до Сумского острога, проклиная бунтовщиков, изгнавших его, московского ставленника. А соловецкие монахи решили сами управлять обителью и избрали настоятелем Никанора, по наущению которого для начала расправились с Варфоломеем: *разорвали ему клобук да выдрали волосы, припомнив убитых плетью бесчеловечно насмерть Пафнутия, Тимофея, Варлаама, Тихона, Кирилла, Игнатия, Феропонта*.

Мятежный архимандрит Никанор обходил пушки и кропил их водою: «Матушки-галаночки (отлитые в Голландии), вы нас обороните»

Помазанник божий Алексей Михайлович, наказывая холопов за непослушание, повелел в декабре 1667 года *отписать на себя все монастырские земли*. В одночасье Соловки потеряли источники дохода: погосты, деревни, тони, подворья и промыслы. В мае 1668 года из столицы на Соловки был послан отряд для оказания морального давления на разбуянившуюся обитель. В силу своей малочисленности он не годился для активных военных действий против монастыря-крепости.

185 стрельцов на лодьях попали в засаду в проливе Железные Ворота, где казаки Петра Запруды из пушек убили несколько десятков москвичей

Первым отрядом, высадившимся на острове, командовали стряпчий (хозяйственник) Игнатий Волохов с двумя стрелецкими полуголовами Василием Чадуевым да Иваном Молчановым. Воинство было связано указанием государя: «Приступа не делать, по ограде не стрелять». Волохов с отрядом расположился на Заяцком острове, перекрыл монахам связь с материком и старался найти мирный выход из кризиса, посылая увещевания с цитатами из Священного писания. «Лучше было бы чернецу молитвы к Богу простирать и труды всеношные Богу полагать, о спасении души своей плакать, на одре своём возлегши, гроб постелью своей нарекать, нежели из пищали стрелять и бесовскую волю творить», — советовал монахам стряпчий Волохов, призывая бунтовщиков к покаянию, обещая именем царя прощение всем раскаявшимся.

Волохову противостояли не только монахи, но и мирские люди, враги правительства. Монастыри, в том числе и Соловки, связанные с миром множеством общих интересов, бывало, давали приют заговорщикам, взгляды которых импонировали священноначалию. Государственные преступники под видом послушников или трудников получали укрытие в государевых обителях от государева розыска. «А трудники все собралися воры, чаю того, из тюрем утекенцы и от смертной казни беглецы. И, чаю того, московские бунтовщики в монастыре есть», — докладывал стрелец Пётр Иванов в 1669 году.

После разгрома отрядов Разина *уцелевшие воровские люди, солдаты и холопы боярские из Дону и с Волги*, бежали под защиту соловецких стен. Бандитские атаманы Фаддей Кожевников и Ивашка Сарафанов, шедшие с Разиным помогать опальному Никону, поменяли убеждения, получив в Соловках должности сотников в войске черноризцев. Мятежники дали клятву в готовности *сменить житиё мирское мятежное на безмятежное, вечное*, и сражались в стане смертельных врагов патриарха Никона.

Главной заботой Волохова стали не мятежники, а злой архимандрит Иосиф, обвинивший воеводу в пособничестве изменникам. Он требовал безотлагательно использовать карающую мощь государства против братии, нахально не принявшей присланного из Москвы настоятеля. Волохов же, со своей стороны, уличал окружение Иосифа (следовательно, и его самого) в бражничестве, воровстве и блуде. В марте 1672 года в сумской церкви во время литургии острая сквернословная перепалка Иосифа с Игнатием переросла в мордобитие. Соперники драли друг другу бороды, лупили куда ни попадя. Волохов победил, хотя оба драчуна лишились своих постов.

Государь достаточно долго стремился избежать крови, надеясь, что междоусобные разборки среди монахов создадут условия замирения братии с державной властью.

Иосифа сменил архимандрит Иоиль, а Волохова — стрелецкий голова Климентий Иевлев, привезший 725 воинов. Иевлев уведомил монахов, что имеет полномочия простить тех, кто покается, но *мятежники отказали с великим невежеством*. Стрельцы попалили из пушек и ушли в табор на Заяцком острове, от греха подальше. Иевлев не имел команды громить крепость повстанцев, всё-таки иноки на острове среди моря — это не орда разинских казаков, без сожаления вырезавших на юге Поволжья целые города.

Среди оборонявшихся не было единства. В обители постоянно возникали распри между обособленными группировками, которые враждовали между собой по самым разным поводам. Из крепости уходили или высылались то сторонники, то противники бунта, то скованные цепью узники монастырской тюрьмы, то безвестные старцы и миряне, испуганные своей недавней смелостью. Бежал на материк даже некий Андрей Верёвкин, хоть и преступник, но в Соловецком монастыре — почти пророк, видевший во снах «божественные знамения» в поддержку сопротивления.

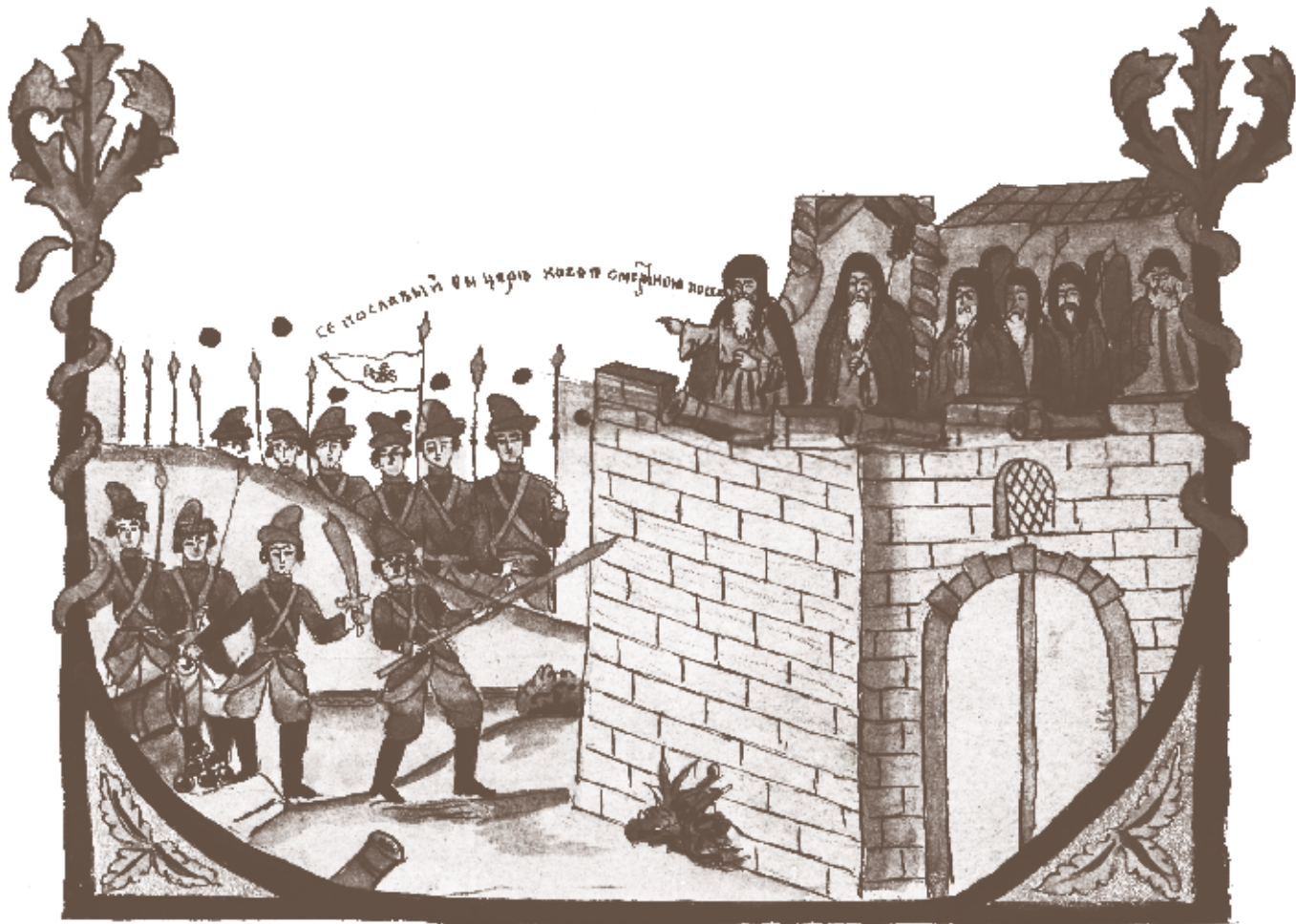
Сохранились материалы о неудачном сговоре под руководством монастырского десятника Григория Иванова, который осенью 1668 года собирался *воров-заводчиков перевязать*. Через год крепость едва не пала в результате быстротечного захвата власти в обители келарем Епифанием. Он выдал стрельцам 37 своих противников — наиболее буйных приверженцев восстания, а затем в междоусобице победили поборники сопротивления, и келарь с его подвижниками едва успели спастись бегством. Полгода спустя Еремей Козёл невольно выдал заговор монаха Якова Соловорова, которого тайно поддерживали до полсотни человек среди защитников крепости.

Изоляция чернецов внутри монастырских стен почти всё время осады не была круглогодичной. Стрельцы высаживались на архипелаге в начале навигации, ставили табор на Заяцком острове или на северо-востоке от крепости, вблизи берега залива Долгая губа, а осенью съезжали зимовать в Сумский острог.

Часовня на месте табора войск к северо-востоку от кремля стоит над телами 112 стрельцов, погибших при осаде мятежного монастыря

По сообщению московского воеводы, со стен обители в адрес царя неслась такая изощрённая брань, что написать её невозможно и повторить страшно

Изоляция соловецких бунтарей от внешнего мира без попыток штурма со стороны нападавших получила прозвание «соловецкое сидение». Оборона продолжалась восемь лет, с 1667 по 1675 год, а продовольственных запасов в осаждённой обители было ещё лет на восемь. Уже после подавления бунта в закромах насчитали 1500 кг коровьего масла, 500 кг мёда, свыше 700 т зерна, десятки тонн муки, круп и других продуктов. Стрельцы Иевлева не смогли оборвать контакты крепости с внешним миром. Суда закупочных старцев и мирян тайком подвозили рыбу, лук, чеснок, перец, тресковое сало и другой провиант к Сосновскому караулу — тайной гавани среди шхер на севере архипелага. Лесными тропинками в обход стрелецких застав припасы доставляли в обитель.

Заводили бунта, тяготившиеся пассивной обороной, начали засылать на континент подстрекателей, не без успеха раздувая пожар восстания. Стало известно о нападении на отряд государевых стрельцов шайки еретиков и отпадших — монастырских сумских бобылей, вооружённых топорами. 200 лутчих людей во главе со старцем Аникой Пушкарём снарядили пиратскую флотилию из полудюжины пятипушечных лодей для добывания припасов на море. Театр военных действий мог расширяться — дурной пример заразителен.

В 1673 году монастырь усугубил противостояние, прекратив традиционное моление за здоровье государя и его семьи. От перебежчиков стало известно, что когда священник Митрофан попросил у келаря Нафанаила обычную и законную праздничную чашу хмельного мёда за здоровье царевны Софьи Алексеевны в день её ангела, то получил отказ. Такое поведение монахов являлось неслыханной дерзостью и нарушением важнейшего общепринятого иноческого обета, гласившего: «Спасай душу и моли Бога за государя царя».

Пожар, случившийся в Трапезной палате, бунтари восприняли как знамение, как кару за молитву, отслуженную кем-то из монахов в Успенской церкви в день Алексия, человека Божия, то есть небесного патрона Алексея Михайловича. После этого пожара стараниями архимандрита Никанора, ризничего Вениамина, келарей Мисаила и Нафанаила да головщика Матвея страх перед хулой на государя был преодолен и рядовыми монахами.

По сообщению московского воеводы, «из обители в адрес царя понеслась такая изощрённая брань, что порядочному человеку не только их злодейственные непристойные речи написать, но и помыслить страшно». Алексей Михайлович, надо сказать, являлся искренним противником сквернословия. Он однажды создал специальное подразделение стрельцов для искоренения брани в общественных местах. Можно лишь догадываться, как больно государю было узнавать о матерной брани монахов в свой адрес. Так или иначе, Москве наконец опостылела пассивная роль 19 лет наблюдать за безобразиями иноков.

Стрелецкий голова Иевлев был отозван из Соловков и заменён опытным воеводой, царским любимцем Иваном Мещериновым. Князь прибыл на остров и, как его предшественники, попытался дать повстанцам шанс замирился без кровопролития, но слуги божьи светским парламентам даже договорить не дали: «бороды им попы подрали и вытолкали с бесчестием».

Делать нечего, воевода повёл подготовку к штурму с использованием раскатов, стенобитных орудий, подкопов, подрывов. Была установлена полная блокада крепости. Один из планов, отложенный из-за малолюдства стрельцов, даже предусматривал поворот стока вод Святого озера, чтоб уморить бунтовщиков жаждой. В столице теперь ждать не хотели, и в конце декабря 1675 года Мещеринов начал генеральный штурм Сельдяных ворот с использованием всех своих резервов. Князь двинул в атаку семь сотен двинских и холмогорских стрельцов, а также московских ратных людей — градоимцев, гранатчиков и огненных мастеров, но потерпел неудачу, потеряв почти 40 человек. Защитников погибло не меньше. Их останки, лежавшие буквально под ногами, через 200 лет нашли строители галереи-перехода от трапезной.

Князь Мещеринов получил государев наказ: «Искоренить мятеж вскоре!» Нерадение при исполнении воли царя было бы для воеводы смерти подобно

«Не так, не так! Обмишурились вы с вашими блядинами молитвами. Не лгите истину! Того ради семь годов в осаде сидят. Книги старопечатные в Соловках имеются и вашим блядиным противятся!» — радовался отпору царским стрельцам неистовый идеолог старообрядчества протопоп Аввакум.

Положение воинов Мещеринова, оставшихся без зимних квартир, на ветрах, среди полярной ночи, без связи с материком, было незавидным. Тут-то воевода воспользовался открывшейся возможностью застать врага врасплох. Дело в том, что монах Феокист, за что-то обиженный на своих собратьев, тайно вышел из крепости и подсказал, как можно проникнуть в монастырь под стеной. Предательство перебежчика Феокиста давало надежду покорить обитель, несмотря на малолюдство воинства Мещеринова, хотя рейд через подземелье мог оказаться ловушкой. В ночь на 22 января 1676 года, когда заряды бурана обрушивали на остров горы снега, полсотни московских стрельцов незаметно подползли от кладбищенской церкви к подножию крепостной стены.

Стражники у пушек на раскатах крыши Сушила не видели и не слышали, как стрельцы, расшатав камни, вскрыли «пролаз» — заложное тонким кирпичом оконце в валунной кладке под южной стеной. В кремль, построенный, как первоначально предполагалось, для защиты от шведов, ворвался отряд, возглавляемый шведом на русской службе — майором Келиным. Вооружённые бунтовщики укрылись в Трапезной палате, отстреливались из окон и были перебиты именно там, где когда-то началось их противостояние.

Особенностью стрелецких формирований было то, что им почти не платили за выполнение полицейских и военных функций, но позволяли *кормиться*. Власти закрывали глаза на беспощинную торговлю, на незаконные промыслы, на поборы стрельцов с населения. Пролит первую кровь, изголодавшиеся стрельцы повели себя в монастыре, как во вражеском городе, взятом приступом. Казна, ризницы, библиотека и кельи насельников подверглись разграблению. Почти по А. Галичу:

Опять полыхают пожары
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамаю — свои!

В Соловецкой крепости накануне её падения укрывалось не менее 350 защитников. Около сотни бунтарей погибли во время штурма, а остальные сдались, отдав два барабана да «шёлково знамя». С неимущими пленными мирянами, с которых и взять-то было нечего, стрельцы долго не церемонились. По итогам короткого следствия из 62 *пущих разбойников* Мещеринов приказал казнить 28 человек. Смерть бунтарей не была быстрой и лёгкой. Тем не менее рассказы об убийстве вдохновителя восстания архимандрита Никанора, то ли замороженного во рву, то ли посаженного на кол, говоря языком церковным, не более чем благочестивый обман. Имя Никанора часто упоминается в тех или иных документах до 1674 года, а после этой даты уже не встречается. Архимандрит остался непобеждённым, он умер за два года до разгрома обители.

Бунтари-монахи побогаче, выжившие после первой волны казней (их было не больше 35 душ), откупались кто как смог, а жизнь бедняков не стоила и ломаного гроша.

К началу навигации на острове осталось лишь полтора десятка калек в рясах, и их разослали под начало на смирение в далёкие обители, а опустевшие кельи заполнили новые насельники, присланные из разных мест. Парадокс этой истории заключался в том, что отсутствие почтения перед начальством продолжало иметь место. Сплошь и рядом новые иноки вновь пытались спорить с руководством как бы от имени соловецких преподобных.

«Порядку не было долго. По кельям совершались винопития, лаений неподобных изношения, срамословия, яже табакопития и прочие неблаголепные обычаи и деяния», — перечислял Семён Денисов особенности быта иноков, насельников Соловецкого монастыря после подавления бунта.

Тела бунтарей выволокли по льду в море на островок Бабья Луда и без отпевания присыпали камнями, чтобы души смутьянов попали в ад.

Вспышка агрессивной нетерпимости к любым формам священнодействия, кроме собственных, случившаяся в Соловецком монастыре, отозвалась пожарами по всей Руси. Одни общины раскольников (это название ввёл в оборот ростовский митрополит Иона в 1652 году) пытались спрятаться от власти Московского патриархата в лесах и на болотах, другие укрывались от преследований в страны католицизма и ислама. Тысячи русских религиозных эмигрантов нашли спасение за пределами исторической родины, там, где православие не было государственной религией. Общины *истинно православных* выходцев из России обрели пристанище во многих странах от Швеции до Египта, включая Польшу, Австрию, Пруссию, Турцию.

В ночь на 22 января 1676 года
стрельцы под вой метели вскрыли
оконце тюрьмы под Белой башней
и проникли внутрь стен крепости >

Приверженцы старой веры, оставшиеся в России, иногда пытались защищать свои святыни с оружием в руках, но, как правило, их протест обретал форму массовых самоубийств, несовместимых с евангельскими принципами. В старообрядческих общинах практиковали всеобщее утопление или медленную голодную смерть пощением, когда людей замуровывали в храминах, а то и ямах.

Стрельцы жгли и грабили монастырь, воевавший с государем. Языки пламени в Соловках предвосхищали религиозные самосожжения, погубившие тысячи жизней

Наиболее распространённым видом самоубийства как способа отказа от новых форм обрядности стало самосожжение. Самоубийства по религиозным мотивам к концу XVII столетия унесли в России десятки тысяч душ. Одиозные староверческие проповедники собирались пожечь всю Русь: «Сожжёмся сами, а Антихристу не поклонимся!» Печальную известность приобрёл Палеостровский монастырь — место пострижения преподобного Зосимы, основателя Соловецкой обители. Соловецкий чёрный дьякон Игнатий, который, по едкому замечанию блестящего полемиста протопопа Аввакума, «и азбуки-то не знает», подготовил в Палеостровском монастыре самосожжение 2500 старообрядцев.

Не прошло ещё и двух лет после убийства, устроенного Игнатием на месте пострижения Зосимы Соловецкого, как фанатичный соловецкий старец Герман организовал на том же месте новое гигантское жертвоприношение. Ему удалось собрать и сжечь более 2000 *поселянских мужей, жён и детей*.

Вожди раскола — протопоп Аввакум, дьякон Феодор, священник Лазарь и инок Епифаний — тоже сгорели заживо в Страстную пятницу 1682 года, но уже не добровольно, а на кострах палачей. Сыновей Аввакума Прокопия и Ивана накануне казни принудили отречься от отца. Старообрядческое предание гласит, будто многие видели, как один из казнимых — соловецкий монах Епифаний — вознёсся из костра на небо живым.

Соловецкий бунт, начатый во имя защиты старых книг, завершился уничтожением приюта книжной мудрости, важнейшего для всей Руси.

По собственной вине Соловки утратили статус духовной и деловой столицы Русского Севера. Гибель немногочисленных соловецких иноков-интеллектуалов привела к упадку традиций книжного дела, которое до мятежа составляло славу обители начиная со времён игуменства Досифея, младшего современника основателя Соловецкой обители, преподобного Зосимы. Досифей — устроитель книжного собрания — имел широту взглядов, позволяющую считать его крупным знатоком литературы даже с современной точки зрения. Книжный знак соловецкого инок Досифея почитается в кругу коллекционеров древнейшим из всех отечественных экслибрисов. Списки трудов, заказанных игуменом Досифеем в Великом Новгороде в 1493 и 1494 годах для копирования и отправки на Соловки, включают в себя названия философских и полемических трактатов, описания мировых исторических событий, поэзию, переводы. Нет только работ по практике богослужения! Эти книги, видимо, уже имелись в достаточном количестве.

Кладезь знаний — бесценное древнейшее книгохранилище, с защиты которого фактически началось Соловецкое восстание, — новые хозяева, монахи обновленной крестьянско-мещанской обители, в середине XIX века сдали за ненадобностью в Казанскую духовную академию. Соловецкий монастырь без сожаления отдал в Казань не только работы древних авторов, которые запросил архиепископ Григорий (Постников) для изучения истории раскола, но и буквально весь основной массив библиотеки. «У нас манускрипты, что камни, лежали, их бы мыши погрызли или черви съели», — с облегчением комментировал передачу книг библиотекарь отец Авраам.

В 1900 году профессор Петербургской духовной академии Н. К. Никольский выудил в Соловках из мусорной корзины три ценнейшие описи XVI века. Судьба книжного фонда как неделимого целостного собрания оказалась более счастливой, чем участь прочего культурного наследия Соловецкой обители.

Поп Леонтий, известный молебном против царя, откупился от пыток: принёс 1000 рублей да соболью шубу, а Феоктист отдал серебряные часы, шубу и четыре мешка денег из казны

После различных перипетий большинство соловецких книг осело в Государственной национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. В 1882 году Соловецкий монастырь вернул себе 27 фолиантов, вывезенных на материк во время Крымской войны. Это были книги, представлявшие собой не литературную и научную, а историческую и материальную ценность. То были раритеты, украшенные драгоценными камнями. Именные дары игумена Филиппа, Авраамия Палицына, царствующих особ предназначались не для библиотеки, а для ризницы, где эти и другие сокровища демонстрировали тесные связи обители с царским домом и видными деятелями российской истории.

«Не воюйте вы, монахи, с государем». Ослушников подвешивали за ребра, жгли заживо в соляных варницах, морозили среди льдов в разводях

Отказ от обладания книгохранилищем закрыл братии путь к самообразованию. Без библиотеки, необходимой для самореализации талантливой от природы личности, Соловецкий монастырь уже не мог быть школой, давшей стране двух патриархов, шестерых митрополитов, плеяду архиепископов, епископов и исторических деятелей. Ведь совсем недавно, 1 июля 1606 года, соловецкий постриженник Исидор в чине митрополита Новгородского венчал на царство князя Василия Шуйского.

Утрата великолепного книжного собрания снизила интеллектуальный потенциал не только отдельно взятого Соловецкого монастыря, но и всей Средневековой Руси, в которой, по мнению историка православия А. В. Карташова, «неразвитое церковное просвещение веками стояло на уровне начётничества (забывания без постижения смысла. — Юр. Бр.) и случайных личных дарований».

В обновлённой после подавления восстания Соловецкой обители среди насельников, присланных, а точнее, высланных из других монастырей за ненадобностью, возобладала нехитрая житейская позиция: «Многие знания — многие печали». Книжная премудрость спросом не пользовалась. Некому стало читать, собирать, а тем более — писать книги. Книги — нравственные ориентиры, побуждающие к размышлениям и поступкам.

Архимандрит Александр, который не по своей воле в годы Крымской войны отправил библиотеку на материк, быстро ощутил последствия утраты книжной мудрости в монашеской среде. Прагматичный реформатор испытывал неудобства, оттого что раскольники и сектанты — узники словеских казематов, явно превосходили своими богословскими знаниями малообразованную соловецкую братию: «Некому (в монастырской тюрьме. — Юр. Бр.) делать увещания еретикам, ибо невежественные и глупые не способны это делать, а когда были поручены увещания более умным и учёным, то они не только не имели успеха, но и сами увлеклись еретичеством», — жаловался отец Александр Святейшему Синоду на вопиющую необразованность братии в 1855 году.

В соловецких войнах не бывает победителей. Любимец государя воевода Иван Мещеринов, подавивший мятеж, награды не получил. Почти год сидел он в кандалах, заточённый в монастырскую тюрьму на Соловках за присвоение почти двух сотен книг из келий убитых стрельцами монахов.

Святитель Никон, своим излишним напором спровоцировавший начало соловецкого бунта, утратил поддержку государя и в 1666 году был навсегда извергнут из патриаршества и священства. Когда толпа противников Никона ворвалась в его покои, кто-то схватился за митру, подаренную царём, богато украшенную жемчугом. «Вы, небось, жемчуг собрались поделить? Да на всех не хватит!» — с презрениемотреагировал Никон. Он, прощённый новым царём, был похоронен со всеми подобающими патриарху почестями в своём Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, в саркофаге из белого камня, привезённого с берега Белого моря. Осенью 2013 года захоронение Никона вскрыли, надеясь обрести необходимые для канонизации материальные свидетельства святости патриарха, но саркофаг оказался пустым.

Государь всея Руси Алексей Михайлович преставился, совсем немного не дождавшись сообщения о падении Соловецкой крепости. Гонец воеводы Мещеринова, мчавшийся с известием о долгожданном разгроме мятежников, столкнулся на тракте с московским курьером, который вёз князю сообщение о смерти государя. Старообрядцы усматривали во встрече гонцов глубочайший сакральный смысл, справедливо напоминая о связи судьбы государя с судьбой Соловков. Действительно, отец государя Алексея Михайловича здоровьем был не силён, долго не мог зачать продолжателя рода, а это создавало угрозу пресечения неокрепшей династии. Молва гласит, будто бы царевич Алексей был зачат благодаря молитвам соловецкого пустынноика Елеазара с острова Анзер. Елеазар, которого уже при жизни почитали чудотворцем, предсказал успешное зачатие и жил в Москве, пока не родился мальчик.

Разгром бунта в защиту старой веры завершился для обители гибелью всех её насельников — хранителей традиций и знаний, собиравшихся почти 250 лет

Когда мальчик вырос и стал государем всея Руси, то он не забыл про чудо своего рождения. Скит Елеазара обрёл права независимой обители, а соловецкому священноначалию царь приказал обеспечивать монахов на Анзере всем необходимым, включая материалы и рабочих для возведения каменной церкви.

Свою приязнь к скиту Елеазара царь демонстрировал неоднократно, но едва анзерские монахи посмели перечить воле государя, он тут же напомнил им, кто в доме хозяин. За поддержку бунтовщиков продуктами скит Елеазара лишился привилегий и оказался в полной зависимости от соловецких настоятелей.

В проигрыше оказались все. Стрелецкие войска как вооружённая сила, сломившая сопротивление мятежных монахов, недолго продержались на исторической сцене, после того как выполнили свою миссию на Соловках. Стрелецкий бунт, весть о котором заставила государя Петра Алексеевича вернуться домой с полдороги в Венецию, завершился уничтожением нескольких тысяч стрельцов и высылкой их семей.

Сын Алексея Михайловича, заняв место отца на троне, во избежание новых возмущений оборвал связь Соловков с их культурной и духовной колыбелью. В 1682 году государь всея Руси Фёдор Алексеевич отдал Соловецкий монастырь в подчинение священноначалию специально созданной Холмогорско-Важской епархии, территориально удалённой от архипелага и исторически всецело связанной с Москвой, а не с Новгородом.

«Как бы ни старались официальные историки монастыря представить дело так, что Соловки после подавления восстания не утратили своего морального авторитета, — дело было не так. Роль Соловков в культурной жизни Севера резко пала. Соловки оказались окружёнными старообрядческими поселениями, для которых монастырь остался только святым воспоминанием», — объяснил новую сущность обители академик Д. С. Лихачёв.

Попытки использования бывшего авторитета Соловецкого монастыря в борьбе со старообрядчеством не привели ни к чему. Падение лидирующей роли Соловецкой обители на просторах Севера и экономическое обеднение недавно процветавшего монастыря-вотчинника предвосхитили скорое уменьшение влияния церковных институтов на экономику и политику Российского государства при императоре Петре Великом.

Через Соловецкий монастырь пролегла тропа Северной войны Петра Великого, желавшего приблизить Россию к Европе. Государь повелел поставить деревянный храм против каменных стен обители, но на молитву в нём у царя не было времени.

Царь-Антихрист

В Московском царстве, где становым хребтом державы являлась византийская идеологема: «Воля государя — есть воля божья», появился венценосец Пётр Алексеевич, призвавший подданных не «нумеровать» себя цифрой, а называть по имени и отчеству да служить не короне, а отчеству. Стремясь преодолеть отставание страны от европейских соседей, государь первым из русских монархов стал выезжать за границу и посылать в Европу на учёбу молодых людей вопреки российским церковным нормам, возбранявшим московским православным христианам общение с еретиками-иногородцами, в вере не единомысленными.

«С юных лет Пётр осознал варварскую бесперспективность московской Руси, невежественного, тупого и равнодушного общества, где не чувствовалось ничего человеческого, из которого необходимо было выйти или сгнить, не достигнув зрелости», — полагал Александр Герцен. Дух противоречия старине кипел в государе. Религиозную ориентацию быта Пётр Алексеевич вытеснял достижениями светской культуры. Он ввёл в оборот гражданский шрифт и ограничил использование церковнославянского языка стенами храмов.

Сторонники некоего особого пути России, как чёрт ладана боящиеся латинства, устами основоположника так называемого евразийского движения Н. С. Трубецкого проповедуют рассказы, гласящие, что Пётр Великий прозападной реформой подрубил корни российской мощи, разрушив национальный уклад, чего не смог сделать ни один завоеватель. Кликуши на папертях до сих пор кудахчут, что царя подменили иноверцы. Старомосковским «рабьим душам» государь Пётр Алексеевич не мог не казаться Антихристом.

Аналізу деяний Петра Великого посвящено немало работ, но исследователи не уделяли достойного внимания переплетению судеб Соловецкого монастыря и государя, который с младых ногтей, когда формируется характер человека, ежедневно впитывал в сознание разговоры взрослых о необходимости наказания нечестивых соловецких монахов, нагло отринувших в государевой обители моление за здоровье царя и его семьи. Эти разговоры продолжались во дворце вплоть до кончины Алексея Михайловича, но и после коронации Петра упоминания о положении дел в Соловецком монастыре продолжали расстраивать государей всея Руси.

Царь Пётр Великий (1672–1725).
Портрет из архимандричьих покоев
настоятеля Соловецкого монастыря

Одна из ранних грамот, подписанных царевной Софией с царями Иоанном и Петром Алексеевичами, повелевала прекратить пьянство, неистовство и мужеложство, бытовавшие в Соловецком монастыре при духовнике обители отце Тимоне. Поголовная замена мятежной братии Соловецкого монастыря, как оказалось, не искоренила пороков монастырского общежития. Пётр Алексеевич, испытывая неприязнь к черноризцам, в конце концов запретил переходы братии из обители в обитель и свободные выборы настоятелей, запретил строительство монастырей в Сибири, а также готовился конфисковать владения обителей.

Монашество, по меткому замечанию архимандрита Иоанна (И. Н. Экономцева), утилитарно не укладывалось в систему воззрений Петра, мистика обрядов была чужда государю и вызывала в лучшем случае ироническое отношение: «Большая часть монахов тунеядцы суть, и корень всему злу — праздность. Сколько от них забобонов (суеверий. — Юр. Бр.), расколов и возмущений произошло, всем ведомо. Большинство бегут от податей и по лености, дабы даром хлеб есть!» — пишет император в 1724 году, называя монашество гангреной, зело распространившейся во времена единовластия церковников. За сокращение числа монастырей нёс ответственность обер-прокурор Священного Синода — «око государево», а сам Пётр Алексеевич, возмущённый невежеством духовенства и упадком церковного просвещения, требовал от архиереев вкладывать деньги в обустройство быта священников и монахов вместо трат на создание «священной роскоши» в храмах.

Игры юного Петра, учредившего маскарадный Всепьянейший собор числом свыше двухсот человек во главе со всесвятейшим патриархом Яузским и всего Кукуя, князь-игуменьей, поддельной братией и монахами Бахусовой неусыпаемой обители, завершились повзрослому — уничтожением института патриаршества. Пушкин в известном черновике письма к Чаадаеву 19 октября 1836 года назвал этот шаг величайшим событием русской истории.

«Петр Алексеевич отличался терпимостью и либерализмом в делах духовных, но ненавидел ханжество византийских традиций, помноженное на русскую средневековую дремучесть. Монашеский аскетизм казался ему чудовищным, болезненным и достойным резкого порицания. Будучи врагом внешнего благочестия, он видел в преувеличенной обрядности, схоластических мелочах и догматических тонкостях опасность лицемерия и ханжества, передававшихся от церковников народу», — констатирует А. С. Суворин в фундаментальном труде «История Петра Великого», изданном в 1882 году. Разрушая религиозную ортодоксальность нравов, государь самым активным образом устраивал в своём окружении розыгрыши, аллегории, театрализованные шествия с участием лиц в масках античных божеств, давая почву для рождения слухов о том, что он или безбожник, или сам царь-Антихрист.

Царь же был не безбожником, а прагматиком, знавшим, как церковники при патриархе Филарете, а затем при Никоне достигли могущества, позволявшего им своекорыстно властвовать в стране, где евангельский завет о разделении властей никогда не становился реальностью быта. Император до конца жизни усиливал свой «Духовный Регламент» — в нём остро ощущается ненависть государя к ложновымышленным историям о святых, в которые народ верит. Петровская регламентация духовных прав и свобод ограничила деятельность церкви вне стен храмов.

Дух Византии, исчезнувшей с карты мира полтысячи лет назад, в Московском царстве был ещё так силен, что и патриарх Никон, и государь Пётр Алексеевич, проводя диаметрально противоположные друг другу преобразования, каждый по-своему апеллировали к византийской традиции. Никон возрождал внешние приёмы греко-византийской обрядности, а Пётр Великий напомнил о византийской практике единовластия, когда император в качестве протектора церкви безраздельно управлял и миром, и клиром.

«Бог изволил дать мне исправить гражданство и духовенство. Я им обоё — государь и патриарх. Они забыли, что в самой древности сие было совокуплено», — изрёк всепресветлейший герр Питер, лишив церковников иллюзий по поводу приобщения патриархата к руководству страной.

Великому государю была ненавистна идеология патриарха Никона: «Священство — выше царства». Претензии церковников на вмешательство в политику и экономику казались Петру оскорблением сущности самодержавия. Пётр Алексеевич вслед за своим отцом проводил курс на создание светского, а не клерикального государства, назначив национальной религии быть глашатаем при внедрении своих решений в умы подданных. Формы религиозного самовыражения Петра не особенно волновали, он уклонялся от споров по поводу истинности той или иной веры. «Господь даёт царям власть над народами, но над совестью людей властен один Христос, и соединение церковей может совершиться только по воле божьей», — ответил император на одно из предложений своих подданных использовать императорскую власть для объединения православия с католичеством.

По отношению к людям лояльным монарх держался терпимее, чем современное ему духовенство, руководствуясь интересами государственной политики. Когда обсуждался вопрос о приглашении видного врача-еврея, который выставил условием своего переезда в Россию сохранение свободы вероисповедания, император высказался однозначно: «По мне, будь крещён или обрезан — едино, лишь будь добрый человек и знай своё дело!»

Реформы Петра являлись закономерным результатом всей русской культуры, начинавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени.

Д. С. Лихачёв

Вопрос о вере самодержец перевёл из идеологической сферы в чисто экономическую. Во главу угла император поставил всеобщую повинность служения государству. Он вполне допускал нравственный либерализм среди своих подданных. Лишь староверов, памятуя об обидах, нанесённых царскому дому соловецкими бунтовщиками, Пётр Алексеевич обложил двойной данью, унизил ношением особых блях, но, блюдя государственные интересы, дал защиту, которая просуществовала вплоть до не особенно умных времен Николая I.

«Если они честны и прилежны, то, по мне, пусть веруют, во что хотят. Ежели нельзя отратить их от суеверия рассудком, то, конечно, не пособить ни огнем, ни мечом; а мучениками за глупость быть — ни они такой чести недостойны, ни государство своей пользы иметь не будет», — писал Пётр о раскольниках.

А вот саботаж и чернение имени государя, а также «все бунты, возмущения, злобные и упорные сопротивления имеют безо всякой милости виселицею казнены быть», — гласила инструкция, по которой судили тех, кто разделял мнение священника Ивана Никитина, подьячего Лариона Докукина, монаха Варлаама Лебедева, возбуждавших народ слухами: «У нас не государь царствует — Антихрист».

Эпитафия соловецких монахов расстриге Ивашке Шамгину, бывшему епископу Игнатию, поклоннику антипетровской ереси Григория Талицкого

«Пришла кончина света... Об этом говорит Евангелие и библейские книги. В Апокалипсисе Иоанна Богослова, в главе XVII, сказано, что Антихристом будет осьмой царь. А по нашему счёту сложение царей Римской монархии и греко-российских означает — осьмой царь есть Пётр Алексеевич. Он — Антихрист... От такого царя нужно отступать, не надо его ни слушать, ни платить ему налоги», — решил книгописец Григорий Талицкий. Автора этого текста и его сподвижников арестовали по доносам монаха Матвея и попа Андрея. Шестерых, объявив еретиками, публично изжарили на медленном огне, а других — поуродовали и отправили умирать на сибирскую каторгу и в монастырские тюрьмы. Один из высокопоставленных покровителей Талицкого, епископ Тамбовский Игнатий, признался, что давал деньги изменнику и целовал его тетради, написанные «с великою злобою и бунтарским коварством».

Патриарх Адриан, благоволивший Игнатию, не смог защитить епископа, и тот решением Архиерейского собора 5 ноября 1701 года был извергнут из сана и отправлен в Соловецкую тюрьму под прежним мирским именем Ивашки Шамгина. Пётр Алексеевич, будучи в монастыре, навестил расстригу 11 августа 1702 года и самолично высек кнутом так, что тот едва не испустил дух. Велеречивая эпитафия на надмогильной плите, поставленной у стены собора в Соловецком монастыре через сто пятьдесят лет после гибели Ивашки Шамгина в тюрьме, ничего не сообщает о трагедии бывшего тамбовского протоиерея, а называет расстригу епископом, умершим в марте 1699 года, то есть за два года до заключения в тюрьму. Однако опись тюремных узников, составленная в 1705 году, поминает его как расстригу Ивашку, запертого в камере под наблюдением пристава отца Евлогия.

С сыскным делом «вора Гришки Талицкого» была связана ссылка в Соловки и духовника самодержца, священника Иоанна, осуждённого в 1701 году Архиерейским собором без доказательств вины. И «быть ему неисходно до кончины живота в тяжких монастырских трудах», если бы опального священника не поддержал архиепископ Холмогорский Афанасий, де-факто наместник царя на Севере. Владыка (и это знали все) совершал обряды в саккосе, перешитом из зелёного бархатного плаща с плеча государя Петра Алексеевича.

Духовник государя священник Иоанн оказался на Соловках по подозрению в поддержке ереси Г. В. Талицкого, объявившего Петра I Антихристом

Иоанна на острове постригли в монахи под именем Иова, а через год, когда страсти улеглись, архиепископ Афанасий, некогда отдавший скит на Анзере в подчинение Соловецкому монастырю, попросил архимандрита Фирса перевести Иова в этот скит. Так Иов оказался скитона начальником на Анзере и после десяти лет жизни на острове «удостоился пострижения в схиму с именем Иисуса, в память Иисуса Навина, израильского вождя».

Тяга к именам и названиям из Священной истории — явление, характерное для времён российских реформ XVII–XVIII веков. Никон устроил в Подмоскovie местные Иерусалим и Вифлеем, а участок речки Истры переименовал в Иордан. При государе Петре Алексеевиче стараниями его бывшего духовного отца Россия обзавелась собственной Голгофой.

«Соловецкий Патерик» гласит, что 18 июня 1710 года семидесятилетнему схимнику Иисусу «восхотелось посетить одного уважаемого им пустытника, иеродьякона Паисия, жившего от Анзерского скита в шести верстах (если идти зигзагами. — Юр. Бр.) при высокой горе», где после исполнения молитвенного правила, продолжавшегося в келье Паисия до полуночи, Иисус впал в тонкий сон. Во сне явилась ему пресвятая Богородица в сопровождении преподобного Елеазара Анзерского. Царица небесная дала понять монаху, что гора, на которой он заснул, наречётся второй Голгофой, и сама Богородица будет пребывать в месте сем. «Освяти гору и поставь на ней крест!» — прервал сон глас с небес.

Псалмы израильского царя Давида впервые зазвучали на соловецкой горе Голгофе во времена Петра Великого, предвосхищая будущие беды подданных империи.

В четырёх верстах от Анзерского скита появился Голгофский скит, отличавшийся строгостью режима. Название места предполагало мучения плоти, которые реализовались в виде запрещения коровьего масла, молока, рыбы, а особенно вина. «В кельях собственных вещей не иметь, женского пола не принимать и отроков в послушании не держать», — гласил устав скита, составленный как бы в противовес деятельности государева Всепьянейшего собора, где переносной буфет со склянками водки имел вид раскрывающейся книги Евангелия, а вместо ладана курились трубки с ароматным голландским табаком.

Нелимитированный ввоз табака в Россию Петр Алексеевич упорядочил особым указом, не забыв обложить эту дурь немалой пошлиной. Когда один из английских купцов выразил опасение, что патриарх, ещё не понимая выгоды, станет противодействовать табачной торговле, то получил от государя ответ о роли патриарха: «Он *при мне* блюститель только веры, а не таможенный надзиратель!»

Всепресветлейший Пётр Алексеевич впервые увидел морские просторы, когда ему исполнилось двадцать два года и он предпринял первое в жизни далёкое путешествие. «Не со многими людьми» царь прибыл в Архангельск, где наблюдал жизнь порта и иностранных купцов, а затем на яхте «Святой Пётр» отправился посмотреть Соловецкий монастырь, поставив на берегу моря крест с нерусской надписью. В путешествии Петра сопровождал архиепископ Холмогорский Афанасий Любимов, бривший бороду на европейский манер и искренне разделявший устремления молодого государя.

Архиепископ Афанасий (1641–1702).
Сподвижник государя Петра Великого.
Работа неизвестного художника.
Архангельский Архиерейский дом

Архиепископ Афанасий к особой роли Соловецкого монастыря симпатий не испытывал, в 1695 году он отправил в Москву дело с «расспросными речами» монахов, уличённых в убийствах, пытках и «нечистой жизни». Патриарх Адриан хода следствию Афанасия не дал, повелев *смирить* не виновных, а пострадавших и очевидцев, обозвав их изветчиками.

В 1696 году архиепископ отправил патриарху новую грамоту, добавив другие свидетельства о блуде соловецкой братии в стенах монастыря и об изнасилованиях монахами крестьянок на материке. Патриарх повелел святителю не выносить сор из избы, дабы избежать «непотребной распри», но Афанасий числил себя советником Петра, а не холопом патриарха. Эта история в немалой степени подтолкнула царя к мысли о необходимости уничтожения института патриаршества, который препятствовал осуждению черноризцев, «чужие труды поедающих», привыкших к вседозволенности за годы двоедержавия.

Прибыв в Соловки, молодой царь-батюшка, согласно традиции, «пожаловал на монастырское строение 745 рублёв 25 копеек да ручную милостыню монахам и слугам». В обители, где казна исчислялась десятками тысяч наличных рублей, архимандрит, казначей и келарь получили от государя в качестве милостыни по пять рублей, старшие из братии — по два, рядовые монахи — по рублю. Другие насельники поимели от царских щедрот от 25 до 50 копеек. Год подумав, Пётр Алексеевич добавил к своим скромным дарам ещё 600 рублей на новый иконостас, причём 200 рублей он повелел дать из государственной казны в Москве, а 400 — «пьяные деньги», остатки неизъятой пошлины от кабацких сборов на Двине.

Через восемь лет государь вновь оказался в водах гавани Благополучия «со всем своим царским синклитом и воинскими людьми, числом более 4000 человек». Артиллерия эскадры из 13 кораблей палила из пушек «по поводу нынешнего со швейским королём случая».

На причале царь Пётр Алексеевич принял благословение архимандрита Фирса, который поцеловал руку самодержца, а не наоборот. Келарь с братией приветствовали великого государя не хлебом да солью, а хлебом и рыбой, что кроме аллегорий, связанных с символикой рыбы, имело подтекст: «Мы другие». Государь посыл принял, изволив молвить: «Будем у вас».

Братия монастыря, недавно крепко обиженная введением системы откупов на промыслы, выстроилась во дворе обители чтобы приветствовать государя, но Пётр заставил ждать. Не заходя в Святые ворота, царь осмотрел снаружи крепостные сооружения, замечаний не высказал, а позднее приказал выдать гарнизону 200 пудов пороха для салютов.

Сделав круг более версты вдоль крепостных стен, благочестивый царь, числивший себя бомбардиром *Преображенского* полка, у которого политический сыск именовался *Преображенским* приказом, проследовал сквозь каре братии в *Преображенский* собор. Праздничного перезвона он повелел не устраивать. Накануне похода, по высочайшему изволению, на Олонецком заводе Бутената фон Розенбуша церковные колокола, изъятые у монастырей, были перелиты в сотню пушек и тысячу ядер. Неутомимый барабанщик предпочитал колольному звону бой барабанный.

«В Соловецком монастыре пища бывает на трапезе: хлеб ржаной и другой хлеб ржаной — ситный, кулебяки пшеничные с рыбой, икра сёмужья, икра сига, икра ряпуся, вязига, многие рыбы зело тучные и жирные, яко палтусы, сёмга, сизи, сельдь, треска, камбала, навага, и шуки, и прочие, а также щи, ботвиньё, грибы, каша с жиром рыбьим, губы волженицы, питьё квас и квас мёдом подсычен», — сообщает афонский монах Иоанн Комнин, добавляя от себя, что в Соловках «пища более толстейшая», чем положено у монахов, спасающихся на Святой горе.

На следующий день, 11 августа 1702 года, Пётр Алексеевич осмотрел тюремные камеры обители и изволил посетить литургию, которую по царскому указанию служили опять же «без благовесту и звонов». После церковной службы всепресветлейший Пётр благоволил обедать в трапезной, но не как обычно, наскоро перекусывая чем бог послал, а празднично. Сначала «пища была его, великого государя, а питьё монастырское», а потом царя лично угощали архимандрит, келарь и казначей. Довольный пиршеством, государь соизволил произнести, что он якобы никогда прежде так сытно и приятно не кушал. Хозяева получили в подарок от царя три бочки вина.

О том, чем потчевал государя архимандрит и «первые от братии», история умалчивает, но известно описание не праздничных, а будничных трапез накануне царского визита в Соловки. В 1701 году греческий монах Иоанн Комнин, гостивший в монастыре, опубликовал сравнительное описание жизни монахов Афонской горы и соловецких иноков в дни строгого поста. Список яств на трапезе соловецких аскетов, сохранённый греческим монахом, выглядит весьма привлекательно.

Памятная доска, венчавшая портал Петровской часовни, оповещает, что Пётр Великий — единственный государь, дважды посетивший Соловецкую обитель

Во время визита в Соловки Пётр Алексеевич всегда ночевал на корабле, который был для него не только походным домом, но и штабом по подготовке прорыва России к Балтийскому побережью. Посещение монастыря было отвлекающим манёвром для сокрытия главной цели похода. После пиршества Пётр два дня в обители не показывался, коротая время в кругу соратников, поддерживая которых, он накануне похода издал манифест о свободе вероисповедания «для всех добрых и искусных офицеров и особ, пожелавших переехать жить в Россию». Среди окружения государя обреталось множество диковинно одетых иноверцев: европейских дипломатов, заморских купцов, военных инженеров, а также «стурманов, шхиперов и матрозов», явно раздражавших монахов своим видом. Свита царя-западника во время его второго пришествия на остров не могла не пугать иноков.

Модели голландских новоманерных яхт — дары Петра в память о посещении им Соловецкой обители — монахи повесили в арке ворот, не заноса в монастырь

Флот возглавлял вице-адмирал Корнелий Крюйс, а офицерами на кораблях служили иноверцы. Наёмники не отличались кротостью манер, их стычки не всегда заканчивались мирно. В перепалке на причале один из первых кавалеров ордена св. Андрея Первозванного француз Ламбер де Герен «заколол до смерти» *корсара Петра*, капитана «Святого духа» голландца Питера фон Памбурга, который недавно поднял в Стамбуле такую ночную пальбу, что «многие жёны беременные из утроб младенцев безвременно повыкидывали».

Грохот салютов, сопутствовавших появлению благочестивого государя, напомнил инокам о знамении, случившемся осенью. Раскаты невообразимого грохота заглушили слова литургии. Из одинокого чёрного облака, накрывшего собой обитель, ударила молния, пробившая кровлю Преображенского собора. Стрела гнева Господня опалила лики в иконостасе, выбила из рам иконы над ракою святителя Филиппа, оборвала лампаду и поставила на дыбы плиты пола перед архимандричьим местом. Храм наполнился запахом горячей серы, а сердца иноков — ужасом.

На Соловках шептались о приходе Антихриста ещё до появления государя Петра Алексеевича на острове. Грамотные священники были знакомы с популярной на Руси Иосифовой «Книгой о вере», которая гласила, что пришествие Христа связало Антихриста на тысячу лет, но затем он освободился и овладел Римом в 1054 году, забрав в своё царство часть земли. Разделение христианства на католичество и православие означало, по мнению русских церковников, что католики предали Христа и отпали в подданство Сатаны.

«Книга о вере» учила, что если приложить антихристово число 666 к той тысяче лет, когда Антихрист был связан, то получится истинная дата конца света — 1666 год. Когда же предсказание о гибели мира не сбылось и вселенская катастрофа не наступила, то «духовный сын Аввакума», некий инок Авраамий (казнённый в столице в 1670 году во времена Соловецкого бунта) переосмыслил время наступления конца света. Московский Нострадамус понял ошибку европейского автора «Книги о вере». Он пришёл к мысли, будто рассчитывать светопреставление нужно не от Рождества Христова, а от Его Распятия: $1000 + 666 + 33 = 1699$. С учётом того, что Антихрист будет царствовать три года, Авраамий вывел окончательную дату крушения мира — 1702 год.

Явление царя Петра в Соловки в год ожидаемого конца света, хоть и напугало иноков, но прямой угрозы им не несло, поскольку монастырь был лишь перевалочным пунктом в многоходовой интриге Петра Алексеевича. Виктория (победа) Бориса Шереметева в начале 1702 года под Эрестфером стёрла в сознании русских горечь нарвского разгрома 1700 года. Миф о непобедимости войск Карла XII рухнул, и русский царь, развивая успех, посетил Соловки лишь по дороге туда, где разворачивалась одна из его главнейших военных кампаний.

Самодержец Пётр стремился вернуть России доступ к морскому пути в Европу, которым в своё время, до покорения москочитами, обладал Господин Великий Новгород. Выходящие к морю Ижорские земли с новгородским острогом Орешек у истока Невы из Ладожского озера сдал Швеции государь Иван Грозный по невыгодному для России Плюсскому договору 1583 года, который подвёл черту под списком неудач России в 25-летней Ливонской войне 1558–1583 годов.

В 1595 году прибалтийские земли, утраченные Иваном IV, вернул России государь Борис Годунов, но его антипод Василий Шуйский в 1609 году вновь отдал их Швеции в качестве платы за военную помощь в войне с Польшей. Шведы укрепили Орешек, переименовали его в Нотебург и владели этим ключом к Балтийскому побережью до августа 1702 года, пока у стен крепости не захлопотали барабаны войска генерал-фельдмаршала Шереметева. На подмогу Шереметеву Пётр Алексеевич отправил подкрепления из Новгорода, Пскова, Ладogi. Сам же государь возглавил пять гвардейских батальонов, которые должны были тайно прибыть в Ингрию. Согласно легенде, они тащили по суше 12-пушечные малые фрегаты «Благая весть» и «Сошествие Святого Духа», построенные на Соломбальской верфи под присмотром строгого адмиральского комиссара, датчанина Идеса Эверта Избранта.

Для нужд войны у монастыря были отобраны медные котлы, колокола и перегонные кубы, а также изъяты лошади и люди для возведения мостов.

Государь Пётр Алексеевич «тайно и скрытно» по дебрям Олонецкого края провёл гвардию от Белого моря к Онежскому озеру, а затем водным путём по реке Свири вышел к Ладожскому озеру и в Неву, впадающую в Балтийское море. Инженерно-строительную часть военной экспедиции обеспечивали сержант лейб-гвардии Михаил Щепотьев и генерал-инженер Иосиф Гаспар Ламбер де Герен. Одноразовая дорога сквозь леса и болота, от соловецкого Ньюхоцкого усолья вдоль трассы будущего Беломорско-Балтийского канала, получила среди местного населения прозвание «Осударева дорога». Деревянная мостовая настилка через олонские болота имела протяжённость примерно 170 вёрст, а ширина дороги равнялась шести метрам. Макеты тех кораблей, которые, по преданию, гвардейцы волокли по настилке, царь якобы и отдал соловецкой братии. Не занося модели в обитель, иноки сто лет спустя повесили их в арке Святых ворот.

Недёшево обошёлся инокам визит государя. Для строительства Осударевой дороги были мобилизованы монастырские лошади и вотчинные крестьяне, а для переплавки на пушки и мортиры реквизировали колокола, медные квасоваренные котлы и винокурные кубы. Из монастырской казны Пётр взял деньги для оплаты иноземных наёмников, манифест о приглашении которых был обнародован по всей Европе в апреле 1702 года. Ньюхоцкая волость, Кемский и Сумский остроги, а также Керецкий слюдяной промысел, приносившие соловецким монахам наибольшие прибыли, были изъяты в государственную казну. В качестве компенсации за материальные ущемления государь одарил соловецкого настоятеля мантией со скрижалями и посохом с яблоком, то есть особой накидкой, надеваемой поверх облачения, и шарообразным навершием рукояти посоха архимандрита. Указ об этих именных привилегиях создал не кто иной, как главный богохульник — генерал-президент походной канцелярии Никита Зотов, «князь-папа Все-спянейшего собора, всегнутейший Ионикита, патриарх Кукуйский и Яузы, от великих Мытищ до Мурищ», который во время буффонад благословлял паству двумя дымившими табачными чубуками, сложенными в форме креста.

По выбору всемилостивого государя тринадцать наиболее приличных крепостных пушек были реквизированы у Соловецкой обители для нужд армии

Во время своего первого посещения острова самодержец осмотрел деревянную Таборскую часовню, которую восемнадцать лет назад соорудили ратники его отца над захоронением стрельцов, попавших в засаду, устроенную монахами-мятежниками в проливе Железные Ворота. Эту часовню архиепископ Афанасий в 1691 году распорядился унести подальше от стен обители — на Большой Заяцкий остров, где некогда находился основной лагерь царских войск. Государь тоже проявил заботу о стрелецком срубе: повелел прирубить к нему алтарь, галерею-гульбище и отныне именовать сооружение церковью во имя св. Андрея Первозванного, объявленного покровителем российского военного флота.

В описании обители под редакцией архимандрита Досифея (1836) сказано, что царь на Заяцком острове возвёл друг рядом с другом храм и языческий лабиринт.

На Соловках Пётр Алексеевич дождался вести о завершении строительства *мостовой настилки* — дороги через Олонецкий край к Ладожскому озеру. Едва получив от руководителя работами Михаила Щепотьева долгожданную депешу, командор Пётр не стал тратить время на освящение храма и молитвы, а велел сниматься с якорей за полчаса до рассвета 16 августа 1702 года.

Поход войск под командованием государя, начинавшийся с Заяцкого острова в Белом море, был нацелен на Заячий остров в устье реки Невы на Балтике. Заяц, по народным поверьям разных стран, — оборотень, знак нечистой силы. Вспомните миф о Пушкине, пустившемся на верную погибель — из ссылки в Михайловском на свидание с Рылеевым, а это был путь на Сенатскую площадь. По свидетельству А. С. Соболевского, приятеля поэта, Александр Сергеевич поворотил сани домой, испугавшись зайца, перебежавшего дорогу. Этот случай увековечен стараниями Андрея Битова, который вблизи Михайловского возвёл памятник зайцу, спасшему «наше всё» от сибирской каторги.

Можно предполагать, как радовался соловецкий архимандрит Фирс, узнав про убытие шумной свиты царя, где ссоры под воздействием вина не обходились без затрещин, а «после каждой малейшей удачи поднимается такой шум, что кажется, будто удалось перевернуть весь мир». Фирс поспешил одарить царя солёным мясом на дорогу. Государь, тронутый заботой, выразил архимандриту и келарю милость, *к ручке пожаловав* в штабе на английской яхте «The Transport Royal». Он повелел оплатить дар и поручил воеводе Борису Прозоровскому «довольно потчевать настоятеля и иже с ним». Отказаться принять *орла*, то есть большой ковш с флином, подогретым вином, смешанным с коньяком и лимонным соком, было невозможно. Все знали, что ослушник рисковал подвергнуться нешуточному *еби-матству*, а то и анафеме. Лишь после братания с «Ивашкой Хмельницким» архимандрит был отпущен на остров, где, минуя келью, бросился в храм служить благодарственный молебен «за великого государя, за благоверного царевича и путешествующих с ними». Столь нелюбимый самодержцем колокольный благовест зазвучал на полную мощь. «Возвеселившиеся архимандрит с всею братией на погребке довольно трактовались (крепко угощались. — Юр. Бр.)», — сообщает «Летописец Соловецкий» о празднестве в честь убытия синклита Петра Алексеевича с Соловков.

Военно-патриотические домыслы, будто бы в церкви во имя Андрея Первозванного впервые был освящён Андреевский стяг, беспочвенны. Ни в петровской «Истории Северной войны», ни в других источниках нет известий о церковном освящении флагов в Соловках. Кроме того, можно вспомнить, что в архиве императорской канцелярии хранятся все восемь проектов морских флагов, разработанных Петром Алексеевичем в период с 1692 по 1720 год по канонам европейской геральдической традиции. Рисунок и описание Андреевского флага, утверждённого на флоте Корабельным уставом 1720 года, были начертаны и датированы государем в 1712 году, то есть через 10 лет после его визита на Соловки.

Иноверцы в цепях у врат ада. Фреска Страшного суда в Троицком соборе Александро-Свирского монастыря >

Маршрут царя, начатый в Соловках, пересек выгоревшие леса и болота, где укрывались старообрядцы. Насельники, услышав о приближении царя, готовились бежать на север или за границы православного царства, а иные, по примеру общин на родине Зосимы Соловецкого, собирались принять огненное страдание.

При переправе через речку Выг царю донесли, что поблизости стоят скиты раскольников.

— А подати платят? — спросил государь.

— Подати платят, трудом спасаются, — ответил строитель Осударевой дороги.

— Пусть живут, — молвил государь и поехал смирно, яко отец отечества благоутробнейший, — так пишет старообрядческий автор. Его единоверцам Пётр Алексеевич дал право совершать обряды по древним обычаям, при условии работы на Олонецких заводах.

Поход царя завершился у стен Нотебурга, и шведы сдали эту крепость, а затем и крепость Ниеншанц. Через девять месяцев после ухода государя из Соловков, 16 мая 1703 года, на Заячьем острове в устье Невы родилась новая европейская столица — Санкт-Петербург, где на Невском проспекте в одном ряду с православными храмами стоят голландская, немецкая, римская и армянская церкви, а вблизи — финская и шведская. И всё-таки петровская прививка толерантности в Московии не прижилась, погубленная стараниями нетерпимой церкви. Позиция её отражена на фреске Страшного суда, появившейся при жизни государя в Александро-Свирском монастыре: жидов, греков, татар и других, включая немцев, явно похожих на сподвижников царя-Антихриста, ожидает геенна огненная!

Библейский Иаков, пасущий овец, разительно похож на царя Петра. Фреска 1710 года на столбе собора Александрo-Свирского монастыря

Советником Петра Алексеевича при выборе места для новой столицы и автором чертежей первого сооружения Санкт-Петербурга — земляной Петропавловской крепости — был генерал Ламбер де Герен. Он командовал русскими войсками при взятии Ниеншанца, прославился при штурме Нотебурга и в битве за Нарву, но так и остался чужаком для высшего чиновничества. Великий строитель и воин позже признался герцогу Орлеанскому: «Я весьма счастлив, что мне удалось целым и невредимым выбраться из пределов владений этого государя, спасаясь от нерасположения некоторых русских вельмож, и очутиться в благословенном королевстве, где сухой хлеб и вода стоят всей Московии».

Государь высоко чтит европейский опыт и понимал сложности адаптации его носителей на российской почве. Он пытался привлечь, увы, не всегда лучших знатоков своего дела льготами и деньгами, изыскивая для этого средства правдами и неправдами. Деньги, взятые у Соловецкой обители для оплаты иностранных специалистов, царь Пётр возвращать не счёл нужным. «*Наши монахи зажирили. Врата к небесам — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями и вином. Не даст пастырь Богу ответа, что худо за заблудшими овцами смотрел*», — пригрозил черноризцам Пётр Великий. Император ввёл дополнительный сбор с монастырских имений и подушный налог, равный 70 копейкам в год за каждого трудника, проживающего в монастыре.

С новой силой ненависть государя к монастырям вспыхнула, после того как царевич Алексей перед побегом за границу попытался шантажировать отца своим уходом в монастырь. Когда же в 1722 году выплыло, что архимандрит Варсонофий прятал и эксплуатировал за еду и кров добрую сотню беглых матросов, император оштрафовал Соловецкий монастырь на сумму, равную той, которую дал в юности на возведение иконостаса.

В ответ на просьбу архимандрита Варсонофия о поддержке государством обнищавшей обители Сенат в 1724 году затребовал от соловецкого священноначалия постатейную ведомость учёта доходов и расходов монастыря, а также расчёты потребности в продуктах, посевных материалах и прочих надобностях. Монастырь отчётов предоставлять не пожелал и, затаив обиду, проигнорировал «по причине дороговизны жизненных потребностей и недостатку дров» разрядку А. Д. Меншикова на поставку по фиксированным ценам соли для олонецкого Алексеевского железоплавильного завода. Реакция столицы последовала незамедлительно: раз соли для казны нет, то Соловецкому монастырю солью торговать указом Е. И. В. отказано. Запрет Его Императорского Величества на торговлю солью был чреват для братии не только разовой утратой прибыли, но и исчезновением сети постоянных покупателей. Монастырь попытался противостоять запрету, и лишь смерть самодержца спасла иноков от гнева правителя, который по русской традиции всегда прав.

Сказ о завершении попыток истребовать с государыни императрицы деньги, которые задолжал монастырю помазанник божий Пётр Алексеевич, записал в 1929 году доктор Николай Васильевич Жиров. В рукописи «Летопись моей жизни» врач, некоторое время состоявший лекарем Центрального лазарета СЛОНа, процитировал своего пациента, монаха, служившего тогда вольнонаёмным сотрудником лагерной администрации.

По рассказу инока, черноризцы, не получая ответов на просьбы о льготах и деньгах, отправили в столицу депутацию монахов, чтобы вручить меморандум из рук в руки. Соловчанам, пробившимся во дворец, объяснили, что великий государь их принять не сможет, что он тяжело болен, но иноки, тряся бородами, сумели настоять на безотлагательной передаче своей бумаги. Всепресветлейший император, который в узком кругу членов Всепитейного собора имел прозвище «протодиякон Пахом-пихай-...уй», прочтя прошение, нашёл в себе силы черкнуть на бумаге досадную для черноризцев резолюцию. Посланцев не стали обижать дословным грубым ответом «протодиякона Пахома», а выпроводили, объяснив, что всесветлейшему не до монахов.

После кончины Петра Великого священноначальник Варсонофий, блюдя финансовый интерес обители, в апреле 1725 года отправился к преемнице Петра Алексеевича на российском престоле. Архимандрит так спешил, что не успел выправить себе паспорт, необходимый для путешествия. В июне настоятелю удалось получить аудиенцию у императрицы Екатерины Алексеевны, и он просил государыню отдать Соловецкому монастырю долги, простить недоимки, а также разрешить беспошлинно варить ежегодно тысячу пудов соли, компенсировать таможенные сборы, изъятые «петровских заводов комендантом Алексеем Чеголовым», отменить штрафные санкции и вернуть привилегии, отобранные императором Петром Алексеевичем.

Боевая подруга державнейшего императора осмотнительно поинтересовалась, а что думал по поводу просьб соловецких черноризцев её почивший в бозе муж? В канцелярии отыскивали монастырскую челобитную и доложили, что царь собственноручно отказал инокам в грубой форме, но Екатерина Алексеевна пожелала лицезреть прошение.

Иностранная простолоудинка на русском троне, успевшая в качестве трофейной наложницы при армейском обозе овладеть солдатским лексиконом раньше, чем русским языком, не смогла сдержать улыбку. «Передайте инокам, что я и этого им дать не смогу!» — изрекла императрица, взглянув на ёмкую резолюцию Петра Алексеевича: «Х... им!»

Обитель проглотила обиду. Монахи срывали зло друг на друге, а архимандрит Варсонофий в рукоприкладстве был первым. Так и погиб после избияния святого отца с гнилым зубом. «Болезнь ему приключилась — ударил человека, попал по зубам и обчеснул указательный правой руки палец. Раскинулась рана великая, и оттого до смерти хворал шесть недель», — сообщает «Летописец Соловецкий» о гибели священноначальника.

Архиепископ Геннадий, сменивший Варсонофия в 1741 году, своему предшественнику в агрессивности не уступал. Он бросался с кулаками даже на неприкасаемого инквизитора Мирона, следователя по церковным делам.

Появление часовни у стен колыбели раскольничьего бунта дезавуировало указы «О разобрании существующих часовен и нестроении новых часовен»

Злость на ябедников в атмосфере наушничества не раз становилась причиной взаимных увечий, как, например в драке, начатой головщиком Иосифом, который, толкнув старца Питирима, избранил его матерно, а тот в ответ показал кукиш и обещал драть бороды доносчикам, но тут канонарх Дионис бросил читать «Жертвенник» и ударил Иосифа кулаком по голове, чем вовлѣк в бойню всех сотрапезников.

Священноначальник Геннадий, прознав, что уставщик Александр строчит жалобы в епархиальную контору, «пришѣл в ярость великую». Раздев догола, иеромонаха «били палками смертно, и архимандрит бил его своеручно по чему ни попало, но, не удовлетворяясь тем, брося палку, рвал его Александровы волосы на голове так, что руки свои окровавил».

Старания императора Петра «очистить монашеству путь к раю хлебом и водою, а не стерлядьми и вином» не смирили тяготения братии к чревоядию, «пьянственному питию» и курению табака.

В 1993 году студенты МГУ, работавшие летом экскурсоводами, опубликовали в газете «Соловецкий вестник» выписки из дел Соловецкого архива за один из годов середины XVIII века. Свидетельства, введенные в научный оборот молодыми историками, охватывают случаи, произошедшие в жизни старшей братии с февраля 1748 года, когда иеромонах Илия пропустил праздничную вечерню. Отсутствие иеромонаха вызвало волнение, так как накануне он после литургии «от пьянства блевал». Кузнечный староста Матвей Шурков вскрыл келью, запертую изнутри, и обнаружил священнослужителя лежащим без чувств. «Вынесли мы Илию ис чулана замертв, он ожил, и при нас он блевал, и дух от блевотины был слышно винный», — сообщил монах-будильник архимандриту. В храме иеромонах едва стоял на ногах, но божился на кресте, что «пьян он от вчерашнего пития, сегодня не пил и к службе готовился».

Пётр Алексеевич, выбранный в символы Архангельска, в этом качестве изображѣн на 500-рублёвом билете Банка России

Зимой того же года уставщик иеромонах Илларион, иеромонах Осия, соборный пономарь Иосиф, а с ними и иеродьякон Иннокентий выпили перед службой так, что не добрались до храма, а один из собутельников умер, захлебнувшись рвотой. Когда встал вопрос о похоронах инока, ушедшего из жизни без покаяния, то выплыло, что иеромонах больше года священнодействовал, не бывая на исповеди. Наказание покойнику было суровым: «Оного иеромонаха Осии мёртвое тело положить в землю без церковного погребения, где подобные ему кладутца».

Весной, 3 апреля, иеромонах Игнатий Вологда пригласил иеромонаха Якова Любохонского «ухи свежей похлебать». Благодарный Яков предложил соседу причаститься перед едой и нацедил из ведра ковшик браги. Вино ударило Игнатию в голову, он оглушил соседа ударом кулака в лицо и, «драв его за волосы, ударил коленом в килу». Яков после удара в пах потерял сознание, а Игнатий похитил не только ведёрко с брагой, но и одежду, сорванную с оголённого старца, и даже очки. Утром, когда Вологда, шатаясь, служил литургию, «даже губы его, Игнатия, почернели, и богомольцы со слезами уходили из церкви», — сообщил кому положено схимонах Неофит.

А летом, 2 июня того же года, чудом остался жив трудник Иван Гавроев, который попытался защитить старосту кожевни Петра Потапова от преследований пьяного иеродьякона Игнатия. Тот ломиком проломил труднику голову и перебил руку: «на левом виску выше уха рана расшиблена на вершок, да на локте, на самом изгибе, рана на полвершка». А монах Кирик уже не с ломом, а с топором в руках оборонял свою келью, где хранил туяс (берестяную ёмкость. — *Юр. Бр.*) с сурью, то есть хмельным квасом. Сотнику, который попытался изъять брагу у старца, священнослужитель «левую руку оцарапал до крови».

Осенью того же 1748 года казначей иеромонах Александр не явился к настоятелю Геннадию, упившись рейнским. «Казначей того, хмелеват, того ради идти не может», — оправдывался келарь. Геннадия, скорого на расправу, иноки боялись ужасно, падали на колени лбом оземь при встрече, но едва тот на зиму отъехал с острова, как выкрали из покоев священноначальника драгоценный бочонок личного запаса — «полон логунчик водки».

Не добившись успеха в борьбе с пьянством и чревоугодничеством, император поставил себе на службу другой порок иноческой жизни — наушничество. Монастыри отслеживали умонастроения. Церковная исповедь перестала быть таинством, за уклонение от неё штрафовали, а то и драли плетьюми безжалостно. Донесения «О контроле над исповедью монахов, крестьян, служителей и арестантов Соловецкого монастыря» доступны исследователям. Историки А. В. Лаушкин и А. В. Родионов констатируют: «Доносительство было в чести, поощрялось и даже обязывалось. Порой оно становилось для монахов самоцелью».

Губернатор города Архангельска И. В. Сосновский и архимандрит Соловецкого монастыря на камне для памятника Петру Великому

«До Петра Великого это сплошная панихида, а после него — нескончаемое уголовное дело», — охарактеризовал Фёдор Тютчев исторический путь России, которую церковь приучила исполнять волю правителей, зачастую вопреки нормам христианской морали.

Стараниями Петра Алексеевича Россия перешла на новое летоисчисление. Время споров с государственной властью для монастырей осталось в прошлом, но, сделав хорошую мину при плохой игре, соловецкие иноксы сумели извлечь пользу даже из обид, доставленных им первым русским императором. Пётр Великий всё-таки был единственным российским правителем, который дважды посетил Соловки. Это дало архимандриту Геннадию повод обустроить в 1758 году часовню «во имя славного, всехвального и первоверховного апостола Петра» с мемориальной доской об особом отношении императора Петра Алексеевича к Соловецкой обители.

Урезая границы сакрального пространства, указы государя запрещали возведение новых часовен. Каменные часовни старого строения следовало «переделать для иных потреб».

Часовня, возведённая вблизи стен Соловецкой крепости, имевшей известность как оплот староверческого бунта, оказалась своеобразной мезой монастыря покойному государю за причинённые братии обиды. Царские указы 1707, 1722 и 1734 годов повелевали рушить существующие в России часовни и запрещали строительство новых. Сужая границы неподконтрольного ему сакрального пространства, Пётр Алексеевич неуклонно искоренял часовни на территории страны, борясь в первую очередь со старообрядцами федосеевского толка, которые, избегая храмов, отправляли богослужения только в часовнях.

Вслед за часовней во имя всехвального апостола Петра за стенами обители постепенно вырос целый ряд других однотипных кирпичных часовен, необходимых монахам для привлечения богомольцев. По мнению В. И. Немировича-Данченко, эти «небольшие белые карточные будочки рядом с каменными громадами производили неприятное впечатление, демонстрируя проникновение в древнюю обитель буржуазных вкусов».

Стартовавшая из Соловков в 1702 году военная кампания Петра Алексеевича завершилась благополучно. Окно в Европу было прорублено, обеспечив приток свежего воздуха в душную атмосферу Московии, но это было окно, а не дверь.

Для Холмогорской епархии, в состав которой вошли Соловки, победа в Северной войне обернулась бедой. Кроме потерь от поборов и реквизиций многие семьи лишились кормильцев, так как свыше 20 000 северян были рекрутированы в армию. Из Кеми для построенных в Архангельске 52-пушечных кораблей капитан И. А. Синявин по велению шаутбенахта *Петра Михайлова* (Петра I) в 1714 и 1715 годах забрал на флот всех крепких и здоровых мужчин моложе 30 лет, превратив родину лучших поморских мореходов в голодное бабье царство. Невзгоды обрушились и на Архангелогородский морской порт, который по воле Петра Великого был заблокирован, чтоб перенаправить иностранные суда в гавани Санкт-Петербурга. Вековая связь Архангельска с европейскими центрами торговли была разрушена. Каменное зодчество в Архангельске на долгое время пришло в упадок, попав под запрет, связанный с оттоком ресурсов для возведения северной столицы империи в устье Невы.

Указы императора Петра Алексеевича подвергли жесткой государственной регламентации большинство видов предпринимательства, после чего беломорские промыслы, издревле кормившие население, исчезли один за другим. Артели добытчиков речного жемчуга, разорённые чрезмерными налогами, были утрачены безвозвратно, впоследствии их не удалось восстановить, даже уменьшив поборы. Запустение рыбных промыслов, обложенных непосильной данью, привело к тому, что Соловецкий монастырь, казалось бы, задёшево уступил ряд сёмужных тоней (факторий) на побережье сыну петровского вице-канцлера П. П. Шафирову, барону И. П. Шафирову с компанейщиками. Прибыли новым хозяевам извлечь не удалось, и места лова оказались заброшенными.

Сруб «часовни стрелецкого строения» 1672 года в память о воинах, бравших штурмом обитель бунтовавших монахов, Пётр Алексеевич преобразил в церковь во имя апостола Андрея Первозванного >

Никогда не знавший ярма иностранной оккупации, Русский Север в результате победоносной Северной войны преобразился из края высокой культуры, где грамотных людей, благодаря новгородской традиции, было больше, чем где бы то ни было в России, в глухое захолустье. Однако в силу особенностей национальной ментальности Пётр Великий считается одним из символов Архангельска, и в этом качестве присутствует на самой крупной к началу выпуска 500-рублёвой российской купюре.

Памятник в Архангельске, изображённый на ассигнации, нельзя считать эксклюзивным произведением искусства. Равновеликих близнецов этой скульптуры, созданной Марком Антокольским, можно лицезреть в Нижнем парке Петергофа, в Таганроге, ещё трёх — в Санкт-Петербурге, Кронштадте и Шлиссельбурге. Отличие архангельского монумента от похожих памятников состоит в том, что *бронзовый император попирает ногами камень, вырубленный в соловецких каменоломнях*. Скульптура Петра Алексеевича, установленная в Архангельске на соловецком камне, — это дань исторической справедливости. Как-никак Пётр Великий повелел учредить в 1708 году Архангельскую губернию и отдать Соловецкий архипелаг в административное подчинение её губернатору.

За отливку копии бронзовой скульптуры в Париже губернатор Архангельска И. В. Сосновский заплатил наследникам скульптора весьма дёшево — всего 5000 рублей. Ещё 2729 рублей 50 копеек пришлось отдать Соловецкому монастырю за камень для постамента. Сохранилась фотография, на которой губернатор, максимально отодвинувшись от архимандрита, позирует на камне, предназначенном под постамент для фигуры императора.

Открытие памятника Петру Великому в Архангельске состоялось 27 июня 1914 года, накануне убийства сербским националистом австрийского эрцгерцога. Это убийство положило начало мировой войне, уничтожившей три европейские империи. Памятник основателю Российской империи был торжественно сброшен с постамента, чудом избежал переплавки, много лет осквернялся, пока не был отмыт и возвращён на свой каменный пьедестал.

Следы архангельского губернатора Ивана Сосновского, установившего памятник государю Петру Алексеевичу, теряются в Одессе, захваченной большевиками, а соловецкий архимандрит Иоанникий, позировавший на камне вместе с губернатором, стал жертвой интриг соловецких монахов. Он умер в 1921 году, лишённый братией права покидать Савватиевский дом для трудников.

1702

1891

Печат. Моск. 8-го Октября 1854-го Царств. И. Свѣтлицевъ.

Печ. Москва 8 Октября 1854-го Металл. Ерма Яковлева.

Нападеніе Англичанъ на Ставропогребный Соловецкій Монастырь .

1854-го Июли 6го дня, въ 8^{мъ} часу до полудня, два Англическія парахода, подоиди къ монастырю стали на якорь. тотчасъ настоятель монастыря, Александръ по отсутствіи мольена, здѣлавъ крестный ходъ по кругу монастыря по стѣнѣ ограды, сказалъ англійцамъ нижнимъ чинамъ и живущимъ въ монастырь, стать храбро за вѣру и Ц. свѣтель, на другой день непріятель отерялъ кононалъ продолжавшійся 9¼ часовъ, ядрами, бомбами, гранатами, картечью и казенными ядрами съ нашей стороны отъ срыливались 8^{мъ} пушками съ ограды монастыря, и Артилерійскими 2^{мъ} орудіями съ батарей, где не пріятель, не причинивъ никакого вреда съ стыдомъ отплылъ назадъ .

Крымская война была единственной в своём роде колоссальной комедией ошибок, когда постоянно спрашиваешь себя: кто же тут обманут?

*Фридрих Энгельс,
военный публицист*

Северный сюжет южной комедии ошибок

Пётр Великий ценой огромных жертв создал армию, полтора века не знавшую серьёзных поражений, кроме гибели рати, отправленной захватить Хиву и Бухару, да позора Прутского похода на басурманский Стамбул в 1711 году, когда государь едва не погиб, доверившись обещаниям вожакон молдаван, румын и сербов о существенной военной поддержке. Не изучив вовремя топографию и недооценив силы противника, Пётр Алексеевич оказался в кольце турецко-татарских войск, пятикратно превосходящих русскую армию по численности.

«Царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперёд по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство приближённых думало, что с ним удар. Офицерские жены, коих было множество, выли и плакали без конца», — отмечал датский посланник Юст Юль.

Лишь гениальная ловкость умника-дипломата П. П. Шафирова, сыгравшего на внутренних противоречиях в среде военачальников султана и алчности некоторых из них, позволила российской стороне выторговать условия обидного, но приемлемого мирного договора. Царь Пётр Алексеевич избежал если не смерти, то плена, отдав за своё избавление все земли, завоёванные на юге в конце XVII века. Тридцать тысяч русских солдат бессмысленно умерли во время похода от болезней, жажды и недостатка продовольствия.

Когда султан узнал от доносчиков обстоятельства спасения русского государя, то в гневе сослал неповинного визиря на остров Лемнос, а сановников-мусульман, соблазнённых крещёным смоленским иудеем Шафировым, казнил. На Балканах славяне-союзники кровью оплатили свою поддержку России в её Прутском походе. Кроме территориальных потерь и денежной контрибуции, одним из пунктов замирения стало унижительное для Петра Алексеевича обязательство не посягать на польский суверенитет и казачью независимость.

Получив жестокий урок, романовская монархия до поры до времени в сторону Средиземноморья не посматривала, а сосредоточила захватнические устремления на других направлениях. Внешнеполитическая экспансия, характерная для Московии, стала образом жизни Российской империи. Солдат не жалели, войны следовали одна за другой. «Держава пухла. Народ хирел», — кратко сказано в «Курсе русской истории» Василия Ключевского. Восточная Белоруссия, земли от Днепра до устья Южного Буга, Кавказ, Азербайджан и Финляндия были поглощены империей. Взятие Берлина генералом Захаром Чернышовым, оккупация Восточной Пруссии, заграничные походы Суворова и падение Парижа вселили в европейцев страх перед Россией. Успехи русского оружия в XVIII и начале XIX века способствовали укреплению внутри страны великодержавной доктрины об особой миссии «народа-богоносца».

Победитель Наполеона Александр I желал увековечить память о победах России строительством храма на Воробьёвых горах по проекту архитектора А.А. Витберга. Николай I отменил этот план, повелев возвести храм Христа Спасителя по другому проекту на Алексеевском холме над перезахоронением палача Малюты Скуратова, что обнаружилось во время работ в 1932 году. Умнейший святитель Московский Филарет (Дроздов), освятивший храм Христа Спасителя, имел с императором, мягко говоря, непростые отношения.

Сусальный гибрид русского зодчества с византийской традицией нравился венценосцу особой помпезностью. В отличие от своего предшественника, государя Александра I, знатока архитектуры, император Николай хорошим вкусом не обладал. В его царствие непоправимый ущерб был нанесён многим памятникам домосковской Руси. По прямым указаниям Николая I были записаны ценнейшие фрески и сбиты мозаики XI века в Киево-Софийском соборе, в Новгородской Софии, в подмосковном Дмитровском соборе, во Владимире, Пскове и Свияжске. Неправославные сокровища коллекции Эрмитажа, объявленные непригодными, были распроданы или уничтожены.

«Ум его не обработан, воспитание его было небрежным», — с сожалением написала английская королева Виктория о «своём брате» русском императоре, при правлении которого деятельность гражданских учреждений регламентировалась воинскими уставами. Россиянам закрыли выезд за границу, дабы подданные не прониклись идеями либерализма, как офицеры во время войны 1812 года, не говоря уже о солдатах, едва ли не четверть которых осела по деревням во Франции.

«Строгое было время, хотя нельзя сказать, чтобы особенно умное», — отмечал М.Е. Салтыков-Щедрин, имея в виду не только указ о запрещении дворянам ношения бород, объявленных признаком западного влияния. Приём в университеты был заморожен. В гимназиях под запрет попали древнегреческий язык и латынь. По мнению профессора Дмитрия Иловайского («Уроки истории», 1874 год), классические предметы перестали преподавать лишь на том основании, что древние язычники являлись опасными для общественного порядка, ибо классический мир был по преимуществу республиканский.

Крым, через который вера пришла на Русь, казался русской монархии идеальным плацдармом для овладения христианскими святынями. Покорение Тавриды давало шанс смыть позор петровского похода на Стамбул. За воротами Севастополя в 1787 году по высочайшему повелению выросла стела с многозначительной надписью: «Дорога в Константинополь». Тогда же князь Г.А. Потёмкин-Таврический, автор Константинопольского проекта, предложил обрести протекторат над Святыми землями путём создания Израильского полка из русских евреев, которые при соответствующей поддержке могли бы отвоевать у мусульман Палестину и Иерусалим.

Николаю, поклоннику прусского офицера, хитроумный план Потёмкина был не по душе. Разгромив дворянскую фронду, он сделал опорой трона чиновничество, разросшееся в десять раз, и возомнил себя владыкой христианского мира. Идею же создания еврейского полка развил по другую сторону фронта поэт Адам Мицкевич.

Константиновская часовня — память о посещении Соловков молодым великим князем Константином Николаевичем, инициатором продажи Русской Аляски

Дипломат Фёдор Тютчев, попавший «с чистого и полного удобств гнилого Запада в грязь милой родины», знал курс: «Власть на Западе не способна к дальнейшему самостоятельному существованию, и пора открыть в Европе новую эру, образовать великую православную империю, осуществив поглощение Австрии и возвратив Константинополь. Настало время воссоединить две Церкви — Восточную и Западную. Нам необходим православный император в Константинополе, повелитель Италии и Рима, и православный папа в Риме, подданный константинопольского императора!»

Слова Ивана IV, будто бы великий князь Московский есть самодержец Ромейский, то есть римский, Николай I принимал за чистую монету.

На роль императора всея Европы российская монархия чуть ли не с рождения скрытно готовила старшего брата Николая I, Константина, пока интриги романовской дипломатии не перестали быть тайной. Во время польского восстания 1830 года брат царя бежал из своей резиденции в Варшаве, бросив секретный архив. В руки повстанцев попал полный комплект официальных копий докладов русских послов со всего мира. На свет выплыли депеши о конфиденциальных переговорах Николая I с Карлом X об обмене Константинополя на Рейнские провинции и Бельгию. Конфуз с утратой документов разрушил хитрую словесную маскировку вокруг подготовки к захвату Босфора и Константинополя под флагом освобождения христианских святынь, но не повлиял на планы русской монархии. «Царствуй на страх врагам, царь православный!» — гласил гимн царя-урашителя, названного Л. Н. Толстым Николаем Палкиным.

В 1849 году, задушив освободительное антиавстрийское восстание в Венгрии, Николай I (по сведениям П. А. Флоренского) обрёл через Н. А. Мотовилова пророчество преподобного Серафима Саровского: «Россия сольётся с прочими землями славянскими. Константинополь и Иерусалим будут полонены. Турция, почти вся, останется за Россией».

Николай Павлович, сын забитого заговорщиками Павла I, мечтавший карать и страшать, решил, что наконец-то пришло время продемонстрировать силу и величие. Окрылённый *Серафимовым* пророчеством о «грозном царстве всероссийском и всеславянском», государь предложил английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру обсудить раздел Турции.

«Мнение Европы имеет мало значения», — предупредил император дипломата в начале аудиенции. Русский царь по-братски хотел, чтобы перемены, ожидавшиеся в скором времени, не застали Британию врасплох: Россия желала иметь Молдавию, Валахию, Сербию, часть Болгарии, а также контролировать Босфор своим военным присутствием на его берегах. Англии русский царь был готов отдать Египет, Кипр и Родос. Австрии — выделить побережье Адриатического и Эгейского морей, Франции — Крит и Тунис. Сербии Николай намеревался дать независимость, Константинополю — статус вольного города. Представитель Великобритании выразил резкое несогласие, но, по словам посла сэра Сеймура, «его казачье величество невозможно было остановить».

В Константинополь прибыла чрезвычайная миссия во главе с генерал-адъютантом А. С. Меншиковым, который потребовал ключ от главного портала храма Рождества Христова и создания союза, где Николай признавался владыкой над девятью миллионами православных, проживающих на землях Оттоманской империи. Порта была готова передать России базилику Рождества Христова в Вифлееме, но не могла признать русского царя *вторым султаном*, хотя и обещала запретить называть православных собаками. Меншиков пообещал не именовать в России собак султанами, но объявил Турции войну по причине «обиды религиозного чувства православных».

Император двинул свою армию за Прут. Занятие русскими войсками прибрежных Дунайских княжеств «в залог» имело целью продемонстрировать силу, а уж «если турки будут упорствовать, то велю брать Босфор и турецкие суда в Чёрном море», — пишет царь брату Константину. «Внешние дела надо вести вызывающе, ибо тогда басурманы не посмеют противиться славе и величию», — полагал помазанник божий с повадками жандарма, *от зычного крика которого падали в обморок, а случалось, даже умирали крепкие офицеры.*

«Сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград может решить дело весьма скоро. Ежели флот в состоянии поднять за один раз 16 тысяч человек с 32 полевыми орудиями при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом», — гласил план императора, написанный им 7 января 1853 года.

Начиная войну, государь недооценил способность европейских государств к объединению для отпора русской экспансии. В Босфор вошла международная эскадра, имевшая четкое предписание посла Великобритании лорда Стратфорда «защищать Константинополь и вообще всякую часть турецкой территории, которая может подвергнуться атаке». Это означало, что преимущество внезапного нападения, на которое уповало российское командование, утрачено. Союзник Николая Франц Иосиф I, для которого русская армия затопила кровью Венгрию, вдруг объявил о нейтралитете Австрии, лишив Россию обещанной поддержки. Николай I поспешил известить мир, что не собирается ни бомбардировать, ни захватывать турецкие земли без согласования с Европой, а Черноморский флот имеет своей целью блокирование побережья Кавказа для защиты русских гаваней. Заявление царя встретило понимание в Лондоне и Париже, так как общественное мнение европейских стран в это время ещё сочувствовало христианской России, а не султану Абдул-Меджиду.

Перемирие нарушил главнокомандующий А. С. Меншиков: он до окончания переговоров с западными державами поручил вице-адмиралу П. С. Нахимову уничтожить в порту Синоп пару фрегатов, «следовавших к берегам Абхазии для возмущения подвластных России народностей». Целью охоты являлся фрегат «Фазли-Аллах», который до 1829 года, пока не попал в плен, числился «Рафаилом». Император Николай I требовал непременно «предать его огню как опозорившего русский флаг». Налёт был ограничен условием: «во время синопского дела щадить порты и населённые пункты», чтоб не поднимать излишнего шума в Европе. Нахимов, подойдя на две мили к Синопу, насчитал в бинокль не пару, а дюжину судов. Кроме эскадры Осман-паши у причалов стояли транспорты и купеческие суда, ожидавшие в порту непогоду.

Сын Николая I Константин на радость братии собственноручно забил в крест, символ распятия Господня, гвозди в виде автографа: «К. Н. 16 июня 1844», став основоположником соловецкой техники «гвоздеписания» на крестах и заборах

Адмирал, долго не размышляя, вызвал из Севастополя флот, ожидавший там похода на Стамбул. Получив почти трёхкратное превосходство в количестве орудийных стволов, он 17 октября 1853 года ворвался в гавань, накрыв корабли, а также береговые укрепления шквалом огня из семисот тридцати орудий. Мощь бомбических пушек, подготовленных к штурму столицы Османской империи, обрушилась на маленький Синоп. За четыре часа было выпущено почти семнадцать тысяч снарядов. Из растерзанного порта удалось спастись только пароходу «Таиф» английского капитана-наблюдателя Адольфа Слэда, который, нарушив приказ посла Великобритании о невмешательстве, ядрами провал строй кораблей Нахимова, подбил пароход «Одесса» и перехитрил преследователей на пароходах «Крым» и «Херсон» из эскадры контр-адмирала В. А. Корнилова.

Победа флота России была абсолютной. Суда у причалов пылали. Четыре тысячи турецких моряков сгорели заживо или были расстреляны в воде. Осман-паша, два его капитана и около двухсот моряков попали в плен. Горящие обломки взрывающихся кораблей, падая на берег, вызвали пожары, уничтожившие город, но П. С. Нахимов в своём письме австрийскому консулу, представлявшему европейскую дипломатию, снял с себя ответственность за гибель мирных жителей, заявив, что «вред городу причинили турецкие суда, зажжённые своими экипажами».

Парадокс Синопской победы заключался в том, что город, откуда апостол Андрей отправился в Крым проповедовать христианство, был сожжён кораблями, пришедшими из Крыма под Андреевскими флагами.

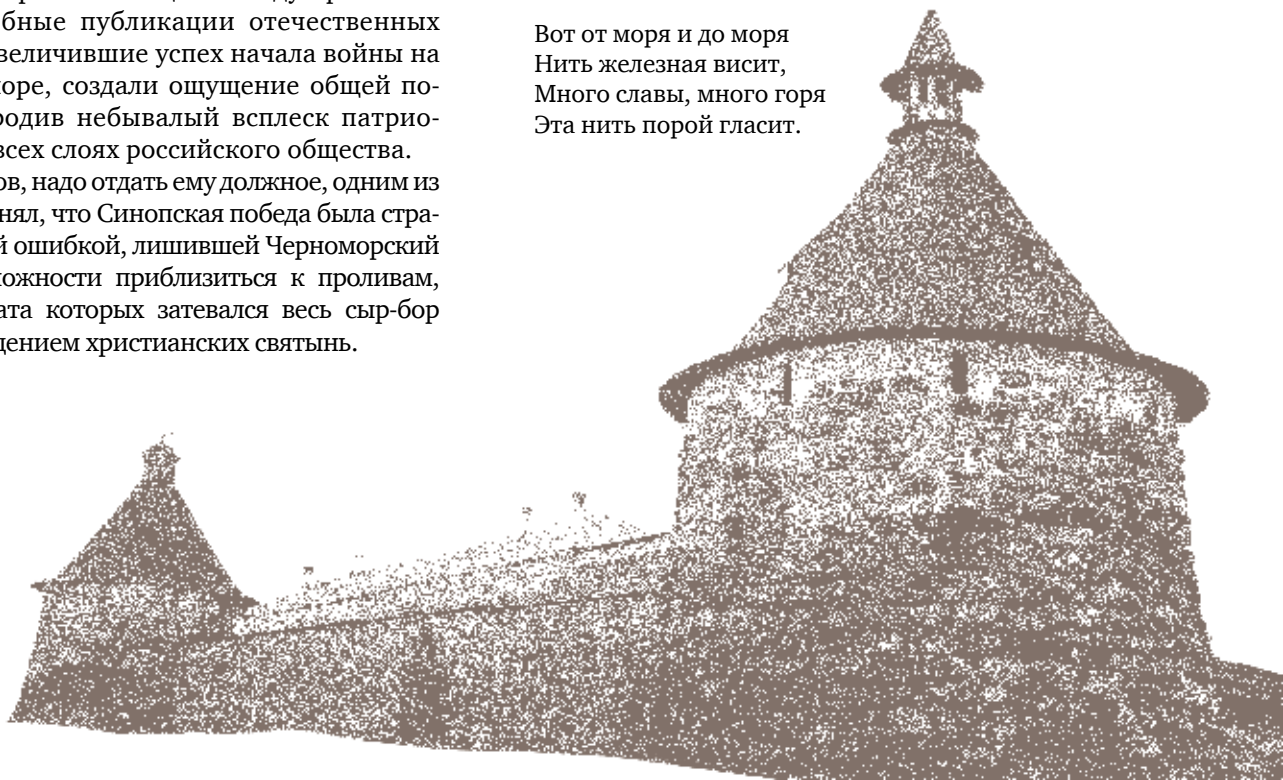
Над пожарищами ещё не исчез запах гари, когда штатный живописец Главного морского штаба И. К. Айвазовский получил от «чудовища в ботфортах с оловянными пулями вместо глаз» высочайшее повеление писать картины, прославляющие победу при Синопе. Хвалебные публикации отечественных газет, возвеличившие успех начала войны на Чёрном море, создали ощущение общей победы, породив небывалый всплеск патриотизма во всех слоях российского общества.

Нахимов, надо отдать ему должное, одним из первых понял, что Синопская победа была стратегической ошибкой, лишившей Черноморский флот возможности приблизиться к проливам, ради захвата которых затевался весь сыр-бор с освобождением христианских святынь.

Разрушение города Синопа, воспринятое в мире как разбой, прервало терпимое отношение Европы к аннексии Дунайских княжеств и локальным захватам России на Кавказе. Доверие к международным обязательствам Николая I было подорвано. Две великие державы буквально втащили корабли в Чёрное море, и русская армия вторжения оказалась запертой на своей базе в Крыму. Нахимов упустил шанс расстрелять корабли, входившие в море поодиночке, и не напал на перегруженные сверх меры суда, тащившие без прикрытия в русский тыл 40 тысяч пехотинцев. Роль Черноморского флота свелась к тому, что часть судов затопили без боя, чтобы те помешали кораблям союзников попасть в Севастопольскую бухту, а моряков отправили в окопы.

«Высадки не опасаясь, а ежели и будет, то отбить их можно», — храбрился государь, понимая, что вторжение предрешено пожарами Синопа. В отместку за гибель мирного города, под Евпаторией, где никто не ожидал, высадился десант противника. На землю России пришла война, получившая у нас название Крымской, в Европе — Восточной. Эта война по своим масштабам оказалась первой из мировых войн. Она же стала первой из батальи Нового времени, когда мир почти сразу мог узнавать о ходе боевых действий благодаря недавно распространившемуся телеграфу. Фёдор Тютчев отозвался на техническую новинку стихотворной строфой:

Вот от моря и до моря
Нить железная висит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

Адмирал Эразм Омманей (1814–1904). Старший офицер английской эскадры, блокировавшей Белое море в 1854 году. Видный исследователь Крайнего Севера. Посвящён королевой Викторией в рыцари, награждён медалью Арктики за мужество при участии в спасательных экспедициях

Сбылось предначертание маркиза де Кюстина из книги «Россия, 1839 год», написанной после встреч с императором Николаем: «Государство, от рождения не вкусившее свободы, государство, в котором все серьёзные политические кризисы вызывались иностранными влияниями, такое государство не имеет будущего. Россия, грозная постольку, поскольку она борется с азиатскими народностями, будет сломлена в тот день, когда она сбросит маску и затеет войну с европейскими державами».

Винтовки с патронами Минье и ружья Штуцера в четыре раза превосходили огневой мощью гладкоствольные мушкеты русских ратников. Сломив сопротивление войск на реке Альме, где генерал Кирьяков обещал А.С. Меншикову *шапками закидать* неприятеля, союзники вышли к Севастополю со стороны берега — там крепость не имела мощных защитных сооружений. Главная база Черноморского флота, как вскоре выяснилось, не располагала запасами продовольствия и военного снаряжения для длительной обороны.

Север России, далекий от Стамбула, представлялся хозяевам страны лишь поставщиком пушечного мяса. Император в октябре 1854 года особым рескриптом повелел сформировать рать из крестьян северных губерний, *где много искусных стрелков, занимающихся звериным промыслом*. Трёх тысячам ополченцев казна обещала, кроме солдатской пайки, ежемесячное содержание в три рубля серебром, позволение носить бороду и особое обмундирование *а-ля рюс* от царских щедрот. Красные рубахи, полукафтаны, широкие штаны, меховые шапки, а также топоры на ремнях через плечо должны были сами по себе устрашить любого неприятеля. Перед ратью несли полковую икону с ликами соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, присланную архимандритом Соловецкого монастыря. Полк с топорами через плечо за три месяца протопал от Царской Славянки под Петербургом до предместий Одессы, участвуя по пути в многочисленных парадах и празднествах.

Северян, дошедших до моря, разместили в местечке Севериновка, в эпицентре жесточайшей тифозной эпидемии. Лазаретная прислуга поголовно вымерла за первые две недели, и ротам приказали выделить по двенадцать новых санитаров-смертников. Госпиталь, небесными покровителями которого считались преподобные Зосима и Савватий, превратился в ад. Ни разу не увидев противника, ополченцы за полтора месяца похоронили свыше тысячи человек, пока им не позволили сменить место дислокации. Выживших северян одарили кипарисовыми крестиками и бронзовыми медалями участников войны, розданными им из мешка, а потом предложили на выгоднейших условиях продолжить службу в столичном сапёрном лейб-гвардейском батальоне, однако ни одного добровольца не нашлось.

Через год после ввода российских войск в румынские Дунайские княжества, когда ограбленная собственными интендантами николаевская армия покатила назад за Прут, эхо войны достигло Беломорья. Три корабля сорокалетнего Эразма Омманея, капитана 24-пушечной «Эвридики», заблокировали у острова Сосновец узкий пролив Горло, соединяющий Белое море с Баренцевым. Англичане продемонстрировали силу, сожгли несколько казённых судов и без крупномасштабных сражений парализовали северные порты России. Судоходство, кроме частных рейсов крестьянских хозяйств Поморья, Швеции и Норвегии, было приостановлено. Инциденты в акватории Белого моря, если и возникали, то были связаны главным образом с попытками иностранцев пополнить запасы продовольствия, которые наталкивались на отчаянное сопротивление сельчан, опасавшихся любых контактов с иноверцами, тем более вооружёнными.

Планов захвата территорий эскадры Омманея не имела, да и ресурсов для таких действий Адмиралтейством предусмотрено не было.

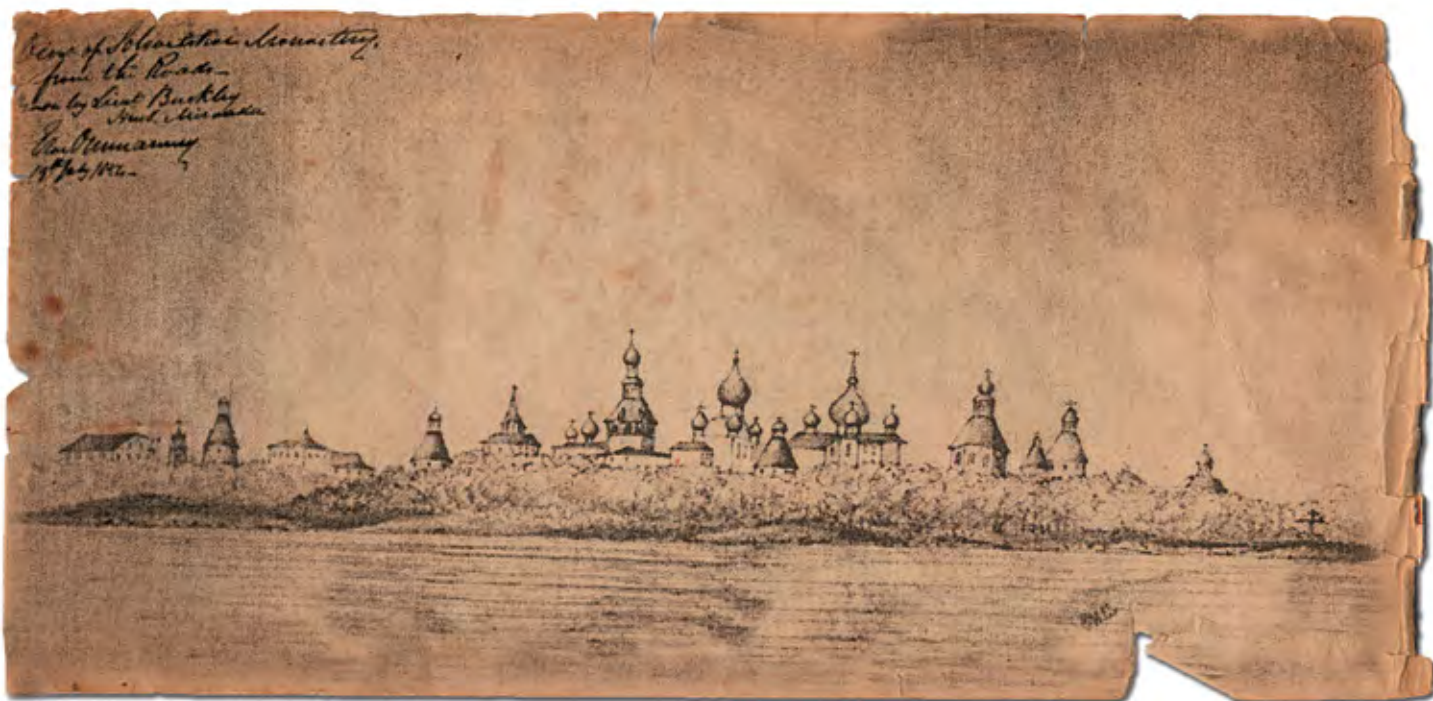
Накануне появления эскадры противника Соловецкая обитель получила от архангельского губернатора Р. П. Бойля восемь 6-фунтовых пушек (95,5 мм) с комплектом ядер и картечи, а «все движимые драгоценности» по указанию Синода эвакуировали на материк. Золотую и серебряную утварь, а заодно 83 старопечатные книги да 1356 рукописных манускриптов тихо упаковали в 42 ящика и четыре бочки, которые тайно вывезли на хранение в Антониев-Сийский монастырь, *непрестанно испытывая чувства страха и уныния*. «Эти чувства переросли бы в панику при виде неприятельских кораблей и привели бы к тому, что монашествующие разбежались по лесам и горам острова, бросив на произвол свою обитель, если бы настоятелем в это время не был архимандрит Александр, человек весьма энергичный», — свидетельствовал священник, переживший обстрел обители на острове.

Соловецкий архимандрит Александр — Иван Павлович Андроник (1798–1874). В 1853 году пострижен в монашество с возведением в сан архимандрита. Через три дня поставлен начальником Соловецкого монастыря, в котором прослужил пять лет, по 1857 год

Отец Александр, ставший монахом лишь в начале Крымской войны, обладал тридцатилетним стажем службы полковым священником, а затем Архангельским благочинным армейского ведомства. Черноризцы военного опыта не имели. Многим появление противника казалось началом конца света. «Кто плачет, кто в щель забился и сидит не дышит, потому как неприятеля нельзя не бояться, на то он и называется враг», — рассказывал Немировичу-Данченко строитель скита на Секирной горе.

*Вид Соловецкого монастыря с борта шлюпа «Миранда» 7/19 июля 1854 года.
Рисунок из отчёта Эразма Омманея*

«Я поддерживал упадающий дух братии всеми зависящими от меня словами поучения. Некоторые из иноков воодушевились настолько, что изъявили желание стать в ряды ратников. Отставной гренадер Сергеев, сбросив подрясник, надел тельняшку и стал требовать дела», — сообщает о своих успехах архимандрит.

Священноначальник позаботился о приобретении пороха, подготовке вооружения и присылке специалистов, знающих военное дело. Им была произведена мобилизация богомольцев, оказавшихся на острове, и других лиц, готовых проявить военную удачу, не исключая даже ссыльных и арестантов из тюрьмы, пожелавших принять участие в обороне.

Тринадцать охотников, вооружённых монастырскими ружьями, позднее получили награды по 15 рублей, а 20-летний Андреас Гардер (Gaarder), храбрый портняжка из заполярного норвежского селения Гаммерфеста, прибывший на Соловки из любопытства, обрёл аж 75 рублей серебром «за смелое стрельяние» из кустов по кораблям англичан.

Соловки, не имевшие опыта столкновений с иноверцами, по стечению обстоятельств оказались для воюющих сторон камнем преткновения, предвосхитив бескровный ход Крымской войны в северных широтах.

Шестого июля 1854 года монахи могли лицезреть пару английских трёхмачтовых шлюпов у входа в гавань Благополучия. Изящные новенькие «Бриск» и «Миранда», спущенные на воду в 1851 году, являлись быстроходными судами разведки и патрулирования, снискавшими спортивную славу в национальных гонках. Оба корабля были укомплектованы двухцилиндровыми редукторными паровыми двигателями мощностью по 613 лошадиных сил, позволяющими развивать скорость до 10,5 узла (19,4 км/час). Из-за небольших запасов угля двигатели запускались, как правило, при маневрировании, для чего гребной винт лебёдкой опускался с палубы за корму.

Штатное вооружение шлюпов до 1861 года состояло из установленных на открытой палубе позади бизань-мачты четырнадцати стволов 32-фунтовых орудий, по семь орудий с каждого борта. Кроме того, шлюпы имели сверхштатное вооружение: по одной 68-фунтовой бомбической и одной 12-фунтовой пушке для стрельбы шрапнельными гранатами.

Шлюп «Бриск» возглавлял командор Фредерик Бичамп Паг Симур, а «Миранду» — капитан Эдмунд Мюбрей Лайонс. Частичный некомплект команд восполняли моряки торгового флота да разные чины полевой артиллерии.

Что Соловки числятся «заведением святого характера и ценности увезены на материк», командующий эскадрой Эразм Омманней знал и нападения не готовил. Потому-то в походе не принимал участия двукратно превосходивший шлюпы по огневой мощи корвет «Эвридика» с наиболее боеспособной командой из 190 матросов и офицеров. Если бы вторжение планировалось, то Euvrydice (в монастырской искаженной транскрипции «Юридисей») была бы наиболее подходящим судном для захода в мелководную гавань Благополучия, так как её осадка не превышала 2,7 метра, в отличие от 4,1 метра у скоростных шлюпов.

Эразм Омманней позже признался, что был весьма наивен, сунувшись в Соловецкую бухту, которую считал самым безопасным местом в Белом море. До своего контакта с соловецкими монахами Омманней симпатизировал России; он помнил, как получил боевое крещение в битве при Наварине одновременно с лейтенантом Нахимовым, мичманом Корниловым и гардемаринном Истоминым, когда русские и английские моряки по-братски бок о бок сражались с турецким флотом за свободу Греции.

Вооружение шлюпа состояло из 14 орудий 32-фунтовых, одного орудия 68-фунтового и 12-фунтовой пушки.

На «Миранде», которая выдвинулась вперёд, обозначили цель визита и подняли переговорные флаги с просьбой о покупке провизии. В монастыре о международных морских сигнальных флагах не знали, иностранцев не поняли, но на всякий случай затянули молитву и пошли вдоль стен крестным ходом. Шлюп в соответствии с международными правилами просигналил крепости тремя холостыми выстрелами из носового орудия, что означало: «Можно ли пристать к берегу?»

По свидетельству черноризцев, следивших за противником сквозь завесу дыма, обитель спасли чайки, которые «заливали вражеских артиллеристов испражнениями своего желудка и не позволяли им хорошо целиться»

Услышав хлопки выстрелов, фейерверкер IV класса Новодвинского артиллерийского гарнизона Вицентий Друшлевский, утомлённый долгим ожиданием, решил, что противник начал обстрел монастыря, и скомандовал дать залп прямой наводкой по ближайшему шлюпу. Выстрел одной из пушек, замаскированных на берегу в тылу у корабля, был очень хорош. Шестифунтовое ядро с близкой дистанции проломило обшивку «Миранды» ниже ватерлинии, и судно, черпая воду, устремилось прочь за ближайший островок. «Бриск» из-за острова, прикрывая отход товарища, открыл беглый огонь по западной стене монастыря.

Орудия с башен загрохотали им вдогонку, но пальбу пришлось прекратить, ибо монастырские ядра едва не уничтожили собственные береговые пушки, оказавшиеся на линии огня. В обители наступило всеобщее ликование. Иноки, которые, по словам архимандрита, ещё недавно «выли на земле, перетрусив до страсти», расправили плечи. Распространился слух, будто у противника есть жертвы. Настоятель лично расцеловал фейерверкера Друшлевского за меткий выстрел, пообещав представить всех артиллеристов к правительственным наградам.

SOLOVETS ROADS

*Plan of Solovetski
showing the position of
H.M.S. Wisk & Miranda
during the Bombardment
19th July 1854
Plan Ordnance*

Утром следующего дня парламентёр вручил настоятелю ультиматум, в котором констатировалось, что *заведение священного характера* приняло на себя исполнение функций военной крепости, из которой солдаты *палили на английский флаг*.

Омманней, угрожая бомбардировкой, требовал кондиции: сдачи военного гарнизона с оружием, пушками и армейскими припасами через шесть часов на Пёсьем острове. Ответ в духе известного послания запорожцев турецкому султану не заставил себя ждать.

Два шлюпа — это не две эскадры, громившие Синоп из орудий главного калибра. Когда в 1854 году англичанам действительно потребовалось взять крепость Бомарзунд при входе в Ботнический залив, то для штурма бастионов был послан 12-тысячный десант.

У страха глаза велики. По монашеской версии, гром канонады был слышен за 100 вёрст от места баталии, а «ядра так сильно ударили в алтарную стену (недоступную для попадений), что вылетали стёкла из рам, и молящиеся у рак угодников божьих падали на землю».

Суть ответа заключалась в том, что в монастыре воинского контингента нет, а есть лишь солдаты, необходимые для защиты монахов и жителей. А так как гарнизона нет, то нет и коменданта, и оружия, и военных припасов, и флага, а посему — сдаваться в плен некому!

«Не имея возможности взять приступом это сооружение огромной мощи, не проламывая стену», Омманней, уязвлённый отпиской, решил хоть поугагать насмешников. Отойдя за Кладбищенский мыс, шлюпы открыли по крепости пальбу из пушек и винтовок. Канониры сделали по 500 выстрелов, но о высадке десанта даже мыслей не было.

Фото XIX века опровергает уверения монастырских историков, будто бы гостиница для богомольцев, стоявшая на пути снарядов, «была ядрами просверлена насквозь как решето»

Иноки вместе с настоятелем, нахлобучив на глаза клобуки, намотав на руки чётки, посоловецки истово знаменуясь крестом, рискуя жизнью, храбро прошли с молитвами вдоль бойниц внутри крепостных стен. Духовник иеромонах Варнава, не теряя времени, на ходу исповедовал и причащал братию, уже готовую к скорой смерти.

Английские ядра с кораблей, стоявших слишком далеко, попадая в валунные и кирпичные стены, отскакивали от преграды, не причиняя ей вреда, или едва перелетали через стены и тонули в Святом озере, вздымая столбы воды. Крепость отвечала в белый свет как в копеечку из пушечек на берегу и башенных орудий, но монастырские ядра, как и ружейные пули стрелков, падали в море, не долетая до противника. Едва боезапас пушек был расстрелян, пришлось героически подносить заряды из порохового склада, наскоро устроенного под Преображенским собором за стенами толщиной более четырёх метров. Но «ядро последнего вражеского выстрела *пролетело насквозь соборной стены* над западными воротами поверх лика иконы Знамения Божьей Матери, благоволившей принять сию рану за обитель, как и Сын Её за весь мир. После этого выстрела всё стихло», — так гласит в бронзе отлитый монастырский текст о поддержке Богом русских, а не англичан, если не в войне, то на Соловках.

Память об Эразме Омманнее увековечена в России в названии острова Оммани, расположенного, как и Соловки, в Приморском районе Архангельской области

Как только колокол прозвонил сбор на пятичасовую молитву, перестрелка закончилась. Дым рассеялся, и стало очевидным, что шквальная пальба не нанесла урона никому. Не пострадали даже чайки, гнёзда которых заполняли всё свободное от дорог пространство монастырского двора. «Враг был вынужден со стыдом удалиться от нас без исполнения своего намерения», — вздохнув с облегчением, сообщил архимандрит в своем послании Святейшему Синоду. Повреждения, полученные в результате обстрела, настоятель обещал «исправить за несколько часов».

Бессмысленная пальба принесла больше убыли нападавшим, чем державшим оборону. Архимандрит Александр мгновенно воспользовался ситуацией для прославления заслуг монастыря, добившись от священноначалия права на возведение девяти новых храмов. Из 212 ядер и черепков, собранных в окрестностях монастыря, сложили пирамиды для демонстрации богомольцам. 98-фунтовых ядер в этих пирамидах не было, так как шлюпы пушками такого калибра не обладали.

Сказ про жуткие пароходофрегаты, десять часов изрыгавшие из 120 пушек двух- и трёхпудовые ядра, отправленный архимандритом в Синод с благой целью приумножить подвиг обители, стал хрестоматийным. По монастырю якобы было выпущено 1800 тяжёлых снарядов, количества которых хватило бы для уничтожения шести больших городов!

Этот рапорт император Николай I повелел напечатать в журнале «Русский инвалид» и газетах, сделав перевод для короля Пруссии, мнением которого дорожил особо. Брошюра под названием «Подвиги Соловецкой обители» переиздавалась одиннадцать раз. Вице-адмирал И. Ф. Лихачёв, флаг-офицер Корнилова во время обороны Севастополя, обозвал навязчивую отечественную пропаганду реальных и мнимых ратных успехов *наивным увлечением патриотическим шовинизмом*.

Хотя публикации журналистов о действиях «Бриска» и «Миранды» в Белом море имели политическую окраску, сам факт обстрела обители дал английской оппозиции повод критиковать правительство за неудовлетворительную комплектацию экипажей Морского корпуса, что в немалой степени соответствовало действительности, особенно на кораблях, несших дежурство на периферии.

Раздосадованные пощёчиной, полученной от монахов, экипажи срывали зло на прибрежных селениях, оставленных властями без помощи после раздачи трёх с половиной тысяч ружей для самообороны. При всём при том убитых в Поморье среди русских и их противников не было, в отличие от кровавой «севастопольской страды» на юге.

Вне черноморского театра военных действий в Крыму флот коалиции союзников обеспечил блокаду портов от Балтики до Камчатки.

Рапорты о военных потерях на Севере не выходят за рамки перечня сожжённых казённых строений да дюжин баранов и десятков кур, полученных врагом за низкую плату или в качестве трофеев. В августе тройка английских кораблей пополнилась двумя французскими судами, а в сентябре союзники покинули Белое море. В октябре «Эвридика» Омманей появилась у берегов Северной Америки, и этот рейд положил начало череде событий, приведших к продаже беззащитной Русской Аляски. С открытием навигации 1855 года новая эскадра военных кораблей союзников возобновила блокаду Архангельского порта. Омманей на «Эвридике» в это время принял командование над судами в Рижском заливе, «Бриск» блокировал русские гавани на Тихоокеанском побережье, а «Миранда» утюжила воды Чёрного моря.

Байка о том, что за поражение под Соловецким монастырём Эрасмус Оммани был разжалован и снят с должности, бытующая в православной околоцерковной литературе, документального подтверждения не имеет. Обстрел обители не повлиял на карьеру Омманей — он получил адмиральские эполеты, а в Русской Арктике его имя увековечено в названии острова Оммани в Архангельской области на архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Соловецкий монастырь до прихода иностранцев получил из Летней Золотицы присланные архангельским губернатором два транспорта «с различной артиллерийской тяжестью», включая 9 пушек, 250 пудов пороха, 4400 ядер, гранаты, патроны, картечные заряды.

Камень «Зри сие!», то есть: «Смотри сюда!», в трёх верстах от монастыря на берегу, где архимандрит Александр вёл переговоры с английским офицером

Монахи нашли в закромах ещё 20 пушек под ядра от 6 до 18 фунтов, упрятанных ими при вывозе артиллерии в 1814 году. Гарнизон Соловков получил подкрепление в полторы сотни солдат и офицеров и был готов к встрече с неприятелем пуще прежнего, хотя обитель, как и ранее, в военном отношении интереса для противника не представляла. Корабли приближались к Соловецкому монастырю, но особой агрессии не проявляли. Противник скорее из любопытства, чем по делу, пару раз высаживался на Заяцкий остров, уведя на борт дюжину баранов, но не тронул монашеского козла, «за ласковое с нами обращение», как объяснили моряки сторожу Мемнону своё доброе отношение к умному небодливому четвероногому.

Однажды англичане вызвали архимандрита на переговоры, надеясь купить мяса, и письменно пообещали монахам «за всё платить». Настоятель на просьбы иноземцев твердил: «Нет, нет, нет». Быков нет, а коровы нужны, чтоб кормить монахов молоком, поэтому — нет.

Архимандрит во время этой встречи проявил незаурядные актёрские способности. Рассказывая английскому парламентёру Антону об ужасах, пережитых обителю во время недавнего обстрела, он так вошёл в роль, что «сам едва от слёз удержался». Парламентёр в ответ чисто по-русски «нескромно выразился о прошлогоднем начальнике эскадры», добавив, что сэр Омманней виноват дважды. Первый раз в том, что ответил огнём на монастырскую пальбу, а второй — в том, что, начав обстрел, не довёл дело до конца.

В отличие от Беломорья боевые действия против форпоста русской угрозы средиземноморским проливам велись с ожесточением. Войска вторжения, сокрушённые у себя дома, на берегах Альмы и под Инкерманом, откатились вглубь полуострова, к Бахчисараю, хотя русская армия под командованием А. С. Меншикова в два раза превосходила по численности корпус противника. Героизм защитников окружённого и брошенного на произвол судьбы Севастополя не мог исправить просчёта главного стратега, который духовно сломался уже после вести о десанте под Евпаторией.

Государь император впал в глубочайшую депрессию: клал земные поклоны или плакал как ребёнок, не желая слышать никаких дурных новостей из Крыма.

Ожидание неминуемого разорения Севастополя и угроза потери Тавриды деморализовали Николая. За духовной гибелью императора последовала и смерть тела, но ещё четыре дня в газетах публиковались бюллетени о состоянии здоровья покойного главы государства. На пятый день наконец появился манифест, в котором сообщалось, что государь скончался из-за отёка лёгких в результате заболевания гриппом.

«Евпатория у него в лёгких», — отозвался Герцен по поводу диагноза. Сообщениям о смерти в результате простуды веры не было. В России сокрытие обстоятельств гибели правителя превратилось в традицию.

Петра III, супруга Екатерины Великой, которому заговорщики банально проломили череп, официально объявили умершим «от геморроидальных колик», а смерть Александра I в Таганроге «от лихорадки» не раз подвергалась сомнению. Отца императора Николая, Павла I, забитого в спальне зятем генералиссимуса А. В. Суворова гвардейцем Н. А. Зубовым, огласили умершим «от апоплексического удара». Сообщения о смерти и отца, и сына удостоверял лейб-хирург императорского двора Я. В. Виллие, который, согласно легенде, рос в бедной английской семье, но оставил в наследство российской Медико-хирургической академии полтора миллиона рублей. Молва гласила, будто эти деньги были выданы ему за сокрытие истинных причин смерти царей.

Колокол «Благовестник». 72 пуда. Материализация монастырского мифа о 60-пушечных фрегатах, паливших по Соловецкой обители 2-3-пудовыми ядрами и бомбами

«Разносились слухи о том, что и Николай тоже отравлен, что оттого и не хотели его бальзамировать по прежнему способу, при котором, взрезавши труп, нашли бы яд во внутренностях. Слух этот произвёл самые различные впечатления: одни радовались, другие удивлялись, третьи говорили, что так и должно быть — поделом ему, мошеннику. Но особенно замечательно, как сильно принялось это мнение в народе, который, как известно, верует в большинстве, что русский царь и не может умереть естественно, что никто из них своей смертью не умер», — сообщил Николай Добролюбов в своей рукописной газете.

«Для деспота, одержимого непомерным тщеславием и самолюбием, легче оказалось умереть, наложить на себя руки, чем признать свою вину», — объяснил малодушие государя Иван Фёдорович Савицкий, гвардейский офицер, дежуривший в покоях императора.

Самоубийство — грех несмываемый, но помазанник божий на российском троне, видимо, совершил этот грех. Автор четырёхтомной биографии Николая I генерал Н.К. Шильдер, сын любимца императора Карла Шильдера, изучив сведения о смерти государя, пришёл к однозначному выводу: «отравился».

Академик Е. В. Тарле в своей монографии «Крымская война» опубликовал свидетельство президента Российской медико-хирургической академии Венцеслава Пеликана о том, что лейб-медик Мандт, сменивший дежурного доктора Карелля ночью с 17 на 18 февраля, дал венценосцу яд, исполнив прямое указание царя. М. М. Мандт оправдывал свой поступок тем, что если бы он не приготовил яд, то император, желавший умереть во что бы то ни стало, нашел бы иной, более заметный, способ покончить с собой.

Лейб-хирург К. Ф. Боссе, судя по записи его родственника, был предупреждён о секретности причины смерти государя, а анатом Вендель Груббер, вынужденный бальзамировать труп по ускоренной процедуре, оказался под арестом — за разглашение сведений.

Ритуальный инвентарь, сопровождавший обряд погребения Николая, включая подставки, подсвечники, вазочки, был распродан, а деньги, вырученные от продажи украшений, по воле наследника, Александра II, были использованы для оплаты отливки 72-пудового колокола, подаренного Соловецкому монастырю.

Царскую звонницу с колоколом «Благовестник», подвешенным над пирамидой из пушечных ядер, сровняли с землёй в 1937 году

Царский подарок, доставленный на остров пароходофрегатом «Гремящий», украшали барельефы, прославлявшие победу монашеского благочестия над иностранными фрегатами в чуть опереточной бескровной баталии, которая, в отличие от Синопской бойни, не принесла бед никому из её участников. Колокол, названный «Благовестником» (вестник об известных событиях на острове и ключ к их осмыслению), был подвешен на специальной Царской колоколенке у входа в Спасо-Преображенский собор. Драматургия появления в Соловецком монастыре необычного колокола, сюжетно связанного с гибелью императора, чем-то напоминает легенду о дудочке, пересказанную в балладе Лермонтова «Тростник». Тем, кто способен услышать, и дудочка, и колокол несли своими звуками весть о некой загадочной противоестественной смерти.

Церковь на Секирной горе, поставленная усилиями архимандрита Александра «для увековечивания исторических подвигов обители», имеет явно нетрадиционную ориентацию: алтарь глядит не на восток, как принято по канону, а почти на север. Хотя и неправильно, зато привлекательно

«Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; возродились небывалые надежды. Безвыходное положение, к осознанию которого почти с отчаянием все пришли, вдруг представилось доступным изменению», — радовалась В. С. Аксакова, дочь писателя.

Смерть деспота вселила в подданных империи веру в перемены русской действительности к лучшему. Ушёл из жизни лицемер, числивший себя жандармом Европы. Умер тиран, полагавший, что отмена крепостного права — есть зло большее, чем само крепостное право. Сгинул вдохновитель «уваровщины», цензуры и полицейского Третьего отделения Собственной Его Величества канцелярии.

«Милосердие чуждо натуре Николая, оно представляется ему слабостью, унижающей царское достоинство. Он привык измерять силу страхом, который внушает, и сострадание кажется ему нарушением кодекса политической морали. Он не смеет прощать, он смеет лишь наказывать», — написал маркиз де Кюстин ещё при жизни императора, который повелел не выпускать из ссылки последних живых декабристов даже через четверть века после событий на Сенатской площади.

«Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей, но кто решится на какое-нибудь предприятие, когда знает, что не сегодня так завтра его по распоряжению правительства ограбят и пустят по миру», — написал член Государственного совета граф Н. С. Мордвинов, который, будучи членом Верховного суда, не подписал смертные приговоры декабристам.

А. С. Пушкин в своём письме П. А. Вяземскому 16 марта 1830 года назвал Николая *контрреволюцией революции Петра*. Поражение в войне оказалось лишь началом череды бед, обрушившихся на государство. Внешнеторговый оборот России, противопоставившей себя коалиции великих держав, сократился в 25 раз.

Дефицит государственного бюджета Российской империи втрое превысил годовой доход казны. Восстановить упавший курс рубля и его конвертируемость удалось только в 1897 году после денежной реформы С. Ю. Витте.

«Этот человек не любим даже теми сердцами, которым он сделал добро», — констатировал в дневнике отношение к царю член Государственного совета князь П. П. Гагарин, а Лев Толстой из окопов Севастополя обвинял Николая в нравственном растлении войска.

Круги, нарисованные на Святительском корпусе, которые подновляли ежегодно, демонстрировали как бы отпечатки ядер английских пароходов, стрелявших по мирной крепости 7/19 июля 1854 года

«Нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и всё упустил», — отозвался на смерть императора Фёдор Тютчев:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, —
Всё было ложь в тебе,
Всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Севастополь стал могилой не только кораблей Черноморского флота, но и триумфатора Синопа П. С. Нахимова, и автора плана захвата проливов В. А. Корнилова.

Смерть императора обернулась благом для империи. Наследник престола, государь Александр II, войны не начинавший, запросил мира, без которого обустройство страны было немислимо. Международная обстановка благоприятствовала такому манёвру. Наполеон III, опасавшийся непомерного усиления Англии после добывания России, если война не прекратится, превратился в защитника интересов нового русского императора, к которому у него личных претензий не было. По инициативе французского монарха в марте 1856 года в Париже состоялось подписание акта о капитуляции России на шадящих для русского царя условиях. Победённой стороне, вопреки воле Великобритании, был оставлен полуостров Крым — последний осколок Золотой Орды, покорённый войсками Екатерины Великой в 1783 году.

Согласно мирному договору, подписанному в Париже, русский император лишился права иметь флот, способный угрожать средиземноморским проливам, а также был вынужден скрыть бастионы в Севастополе и иные крепости на побережье Чёрного моря. Россия утратила свой европейский плацдарм, стратегически важные территории в устье Дуная, земли, которые Александр I («коварный византиец», по словам Наполеона) хитроумно выторговал для своей страны по Бухарестскому договору ещё до войны 1812 года.

Победители, обезопасив себя от появления «Великой Греко-Российской Восточной державы» с православным папой в Риме, не держали зла на поверженного противника. Более того, через 20 лет государства континентальной Европы поддержат русские войска во время Турецкой кампании 1877–1878 годов. В качестве союзника, а не противника европейских стран Россия получит после победы над войском Порты Западную Бессарабию с выходом к устью Дуная и прекрасное субтропическое побережье Кавказа у Батума.

Ста одним орудийным залпом салютовала столица Французской империи подписанию мирного договора. Память о победе над николаевской Россией, числившей себя жандармом Европы, была увековечена Наполеоном III в центре Парижа в названии моста через Сену. Мост Альма носит имя крымской речки, при которой русские войска потерпели разгром, определивший исход Крымской войны.

В Соловецком монастыре горечь поражения русской монархии в Крымской войне была скрашена чередой празднеств. В молебный канон иконе Знамени Божьей Матери были внесены изменения, прославляющие её «за спасение от конечной погибели и разорения живущих в обители», и учреждён ежегодный крестный ход 8 июля.

Наибольшую из денежных наград получил отставной чиновник Пётр Соколов, находившийся в обители на богомолье. Бывший коллежский асессор обрёл 250 рублей за то, что в качестве парламентёра отважно доставил на английский катер ответ монастыря на ультиматум Омманнея и «разведал» количество и калибр пушек противника, преувеличив и то и другое в три раза.

За героизм, проявленный при обороне Соловецкой крепости, иеромонахи Матфей, Варнава и Николай получили золотые наперсные кресты. Многие из братии были награждены светло-бронзовыми медалями участников Крымской войны, столь «успешно» начатой победой П. С. Нахимова при Синопе, а чуть позже все русское духовенство от митрополитов до священников получило наперсные кресты с надписью: «В память о войне 1853–1856 гг.».

«Возвеличивая Синоп, мы пришли к Цусиме», — дал оценку патриотическим кампаниям Николая I российский стратег генерал-майор Н. Л. Кладо.

Главный герой защиты Соловецкого монастыря архимандрит Александр удостоился целого потока наград: золотого наперсного украшения с бриллиантами, креста на Георгиевской ленте, ордена Святой Анны первой степени, а также медали на голубой Андреевской ленте, полученной непосредственно из рук императора Александра II. Вознесённый на гребень славы, настоятель ковал железо пока горячо. Не прожив в обители и трёх лет, он, проповедуя версию о божественном заступничестве при нашествии англичан, успел вдвое увеличить приток богомольцев на остров.

Трудно даже предположить, каких достижений на пути пополнения иноческого благосостояния добился бы Соловецкий монастырь под руководством архимандрита-орденоносца, но развить успех ему не удалось. Слишком много самостоятельности проявлял герой в спорах со священноначалием и старшей братией. То он отказался надевать золотой крест на Георгиевской ленте, пока не привезут награды всем участникам обороны, то перезахоронил среди монашеских могил прах своих детей, то проявлял недопустимое милосердие к узникам монастырской тюрьмы.

По воле Священного Синода настоятель был хитроумно удалён из Соловков под благовидным предлогом — с повышением по иерархической лестнице. Александр получил сан епископа и короткое время возглавлял епархиальные управления в Архангельске, а затем в Полтаве, но быстро оказался за штатом, на покое в Киево-Софийском митрополичьем доме. Епископ Александр имел персональный пенсioen в полторы тысячи рублей, жил спокойно на благодатном берегу Днепра, пока не получил весть об освящении церкви на Секирной горе, заложенной его стараниями как памятник подвигам братии, которую он недавно возглавлял.

Храм в честь иконы Знамения Божьей Матери, поставленный на берегу Долгого (Подсекирного) озера по обету архимандрита Александра в благодарность за избавление Соловецкой обители от нашествия англичан. Этюд художника Александра Борисова. 1886

Созидатель рукотворного лаврового венка монастырской военной славы вдруг затосковал по острову в Белом море и подал прошение о возвращении в Соловецкий монастырь на вакантное место священноначальника, освободившееся после смерти очередного настоятеля. Священный Синод пенсионеру отказал. Обиженный епископ Александр был готов отправиться в Соловецкую обитель рядовым насельником, но получил отказ. Тогда герой вновь продемонстрировал независимость натуры. Он отринул устоявшийся быт и отбыл как частное лицо в Святую землю, пожелав на излёте жизни лицезреть святыни, ради обладания которыми николаевская Россия формально начала Крымскую войну.

Мемориальная плита в Савватиеве >

САИ ОТВЕРЗИ НАМЪ УШЕ ВЪЗМАТИ ТВОЯ СЪДЕСНА!

НѢКТО ВЪ СЕЙ ОБИТЕЛИ ПРЕДЪ ПИРАДЕСНУЮ АНГЛИ
ЦАРЬ ВЪ 1854 Г. ПОСЛѢ СКОРЬНОЙ МОЛИТВѢ УСЪВІША
ВО СІЯ ГЛАСЪ ПРОСЛАВЛЯЮЩИХЪ ДІА ПРОСЛАВНО. ЭТО ВОО
ДУШЕВИДО ЕГО И ВСѢХЪ СЪГОВОВШИХЪ ВЪ ОБИТЕЛИ. ПРО
СЛАВЛЯЕМАЯ ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ ПРОСЛАВИЛА ОБИТЕЛЬ
СОЛОВИЦКУЮ ВО СПАСЕНІЕ ВОСРО ОТЕЧЕСТВА. АВИЛА ЯВ
НОЕ ЗАСТУПЛЕНІЕ ВЪ СТРАШНУЮ ЯРОСТНУЮ БАНЮ ДУ
СЯТИ ЧАСОВОУ. ВО ВРЕМЯ КОЕИ БЛАГОВОЛЕЛА УСВОИТЬ
ВЪ ИКОНѢ ЗНАМЕНІЯ УЛЪВЕНІЕ ДВУМА ЯДЛАМИ ЗА
ЖИВУЩИХЪ ВЪ ОБИТЕЛИ. А ПОТОМУ ВЪ ОБИТЕЛИ НЕ БЫ
УБИТЬ, НИТО НЕ РАДЕНЪ МАДЫЯ ЧІНИ НА МОНАСТЫ
СКОМЪ ДВОРѢ СІДѢВШІЯ СТАЯМИ, АЖА ДУ КОИМИ ПІДА
ДЕ ДАРА, НЕ РАДЕНЪ. ВЪ ВЪЧНУЮ ВАРГОДАНОСТЬ ПРЕ
ДИДОСРАДОИ ЦАРИЦѢ НЕБЕСНОЙ ЗА БЕЛИКОВЕ И ДІВ
НОЕ ЗАСТУПЛЕНІЕ ОБИТЕЛИ. Н. АРХИМ. А. СЪ БРА
ТІЮ ПОЖЕЛАЛИ ИМАТЬ ХРАМЪ ЗНАМЕНІЮ ПРЕСВЯ
ТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, КОТОРЫИ И УСТРОЕНЪ ВЪ 1856
ВЪЗДАНІИНОСТРОЕННОМЪ ВЪ 1801 Г. ВЪ СЕЙ ХРАМѢ П
КАЗУ СВЯТ. СІНОДА ПЕРЕНЕСЕНА ИЗЪ АНЗЕРСКАГО СКА
ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ЗНАМЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИ
ЦЫ. ВРЕДЕНЪ ПРЕПОДОБНОГО ЕЛЕАЗАРЬ.

АЩЕ БРЪ ЗА ЧЫ, НИКТО ЖЕ ИА ЧЫ, И КТО ПОСТЫДИ
СЯ ИСПОВѢДТЬ БОГА ПРЕДЪ ЧЕЛОВѢКИ, ТОГО И ОГЬ
ПОСТЫДИТЬ ПРЕДЪ АНГЕЛАМИ СВОИМИ.

АМИНЬ. 1857.

50-6
 Cap 0 57
 1854
 O.W. 3- JPL 811
 O.W. 21 400 802
 O.W. 21 400 802

Bombardment of Solovetsky Towers
 and Monastery in the Gulf of Onega - White Sea
 by Ships "Miranda" and "Bris" on the
 19th July 1854

Endors
 Cap 0 57
 61
 66
 1854

Expenses of Shot, Shell, and
 Cartridges by "Miranda", on the
 18th and 19th July 1854.

Shot sold 68 lb - 32 in - 50
 " - 32 lb - 32 in - 50
 Shell brass 68 lb - 1 in - 50
 " - 32 lb - 10 in - 50
 Shell Common 68 lb - 26 in - 50
 " - 32 lb - 24 in - 50
 Musket Shell } 11 in - 50
 for 12 lb }
 Rifle Ball Cartridge 110 in - 50
 " - 50 in - 50

Signed etc etc
 Captain

Expenses of Shot, Shell, and
 Cartridges by "Miranda", on
 the 19th July 1854.

Shot - Brass	59 in - 50
" - 32 lb	50
Shell brass 68 lb	9
" - Common 68 lb	5
" - brass 68 lb	23
" - Common 68 lb	33
Cartridge 8 in	73
7 lb	70
5 lb	200
3 lb	26
For 12 lb Musket Cartridge	12
" - Shell	12

Signed etc etc
 Commandant

Репорты командиров
 Королевского флота
 о расходовании ядер, картечи,
 бомб и ружейных патронов
 18 и 19 июля 1854 года
 экипажами патрульных шлюпов
 «Брис» и «Миранда»
 у стен Соловецкой крепости

С нами Бог!
Разумейте и покоряйтесь,
яко с нами Бог!
Услышьте до последних земель,
что с нами Бог!
Аминь.

Дюжина монументальных знаков материализовала сказы о подвиге обители-героя, противостоявшей пушкам эскадры врагов-иноверцев

Паломничество епископа в Святые земли длилось девять месяцев, и наш герой достиг мест, недоступных российским бранникам с оружием в руках. Александр увидел за границей людей, невраждебных тому, кто пришёл к ним без злых намерений, и из странствия возвратился на родину умиротворённым.

Герой эха южной войны на северной окраине империи ушёл из жизни 8 ноября 1874 года. Он похоронен у северного фасада церкви, стоящей над входом в лабиринт Дальних пещер Киево-Печерской лавры. В назидание потомкам велеречивый соловецкий архимандрит, сочинитель многочисленных пространных мемориальных текстов к памятникам, украшающим архипелаг, заказал для своего надгробия скромную эпитафию: «Отечество твоё — гроб, мати — земля, а богатство — грехи».

Путешественники с восторгом отзываются о монашеской трудовой коммуне, превосходной организации работ, о передовом хозяйстве, но что-то мне не попадалось указаний о глубоких людях, о высокой культуре, о тонких чувствах. ...Этого всего не было, а если и было, то тонуло в хозяйственных заботах.

*П. А. Флоренский.
Из письма 1935 года*

Крестьянское царство

Памятником упавшей в прошлое древней архитектуры назвал в XVIII веке стены соловецкого монастыря А. И. Фомин в «Описании Белого моря». Крепость как узел обороны рубежей Российского государства никогда не принимала участия в войнах с иностранными захватчиками, а после победы Петра Великого в Северной войне, раздвинувшей северо-западные границы империи, Соловки оказались глубоко в тылу. Единственный за всю историю обители обстрел крепости иноверцами был не продуманной военной операцией, а курьёзом.

Стены и башни исторической достопримечательности, пугавшей врагов одним своим видом, преобразились в символ достижений православия на Севере. Оплот синодальной власти находился в окружении старообрядческих поселений, но подвергался испытаниям не снаружи, а изнутри. Церковные реформы Петра Великого, завершённые Екатериной Великой, подорвали экономическую мощь обители. Монастырю, где по штатному расписанию могли проживать только 33 инока, помогло выжить разрешение Синода производить между братией раздел остаточных годовых доходов. Получение личной доли прибыли от коллективного хозяйства стимулировало успешность коммерческой деятельности обители, хотя и противоречило смыслу монашеских обетов.

Нравственность братии через 20 лет после соловецкого сидения была такова, что однажды старец Игнатий «во время Всеношного бдения в алтаре Филипповской церкви испустил из себя от пьянства телесную мокроту», излившуюся за пределы алтаря. Свидетель этого события настоятель Иероним, сам тоже ронявший священные сосуды в алтаре, после отставки получил предписание Святейшего Синода *женщин в своей келье не принимать никогда да и с мужчинами компаний не иметь*. Архимандрит Иероним счёл такие условия слишком суровыми и на остров для постоянного проживания не вернулся.

В 1793 году для *введения лучшего порядка* Синод заменил Иеронима наместником Александром-Невской лавры Герасимом (Ионин), учеником сурового молдавского старца Паисия, пришёл в ужас от соловецких порядков. Герасим, желая возобновить действие устава преподобного Зосимы, запретил делёж денег, доходы повелел не дробить, а использовать на нужды обители. Личных денег не иметь! Еду и горячительные напитки в кельях не держать! В гостиничные номера, даже к родственникам, не ходить! Служб не пропускать! Нарушителям устава — наказание в виде лишения дневной пищи!

Соловецкая братия сопротивлялась отчаянно, а восемь иноков не мудрствуя лукаво подали прошения о выходе из обители.

Архимандрит Герасим не сумел изменить образ жизни соловецкой братии. Синод по-тихому, в виде исключения, приказал возобновить выдачу черноризцам жалованья и доли от кружечного сбора, однако пригрозил братии, что монахи, уличённые в пьяных бесчинствах, будут отныне предаваться гражданскому суду. Молдавский ревнитель благочестия, полезший со своим уставом в чужой монастырь, не продержался на острове и трёх лет.

В 1763 году наиважнейшие бумаги Соловецкого монастыря не попали в Комиссию по секуляризации. Море их «притопило» во время перевозки

Увольнение архимандрита Герасима от настоятельства сопровождалось знамением, произошедшим в 1797 году: молния во время литургии пробила купол, опалив иконы в Спасо-Преображенском соборе. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Обитель постепенно трансформировалась в крестьянско-мещанскую общину, имевшую общность интересов на едином поле приложения сил. Сплочению братии в немалой степени способствовали и совместно пережитые опасности: трёхмесячный барабанный бой во время стояния в крепости 1600 воинов Павла I, который в 1801 году готовился к войне с Англией и походу на Индию; ожидание эпидемии холеры, свирепствовавшей на материке в 1831 году, а также «ужасная» пушечная пальба 1854 года.

Процветание монастыря, лишившегося поступления доходов от эксплуатации вотчин, оказалось после секуляризации в прямой зависимости от количества богомольцев, которых требовалось заманить на остров, как назло, именно за его труднодоступность выбранный преподобным Савватием.

Привлечение богомольцев осложнялось тем, что обитель уже не выдвигала из своей среды религиозных деятелей всероссийского масштаба, не создавала архитектурных или литературных шедевров: иноки, прошедшие солдатчину, были чужды такой деятельности, а по указу Петра I весь XVIII век монастыри могли пополняться только отставными военными, отслужившими не один десяток лет.

Образ жизни людей, сменивших после десятилетий службы шинели на рясы, в немалой степени характеризует дело «О неблагопристойности соловецких монахов» из хранилищ ГААО — Госархива Архангельской области.

Это дело сохранило историю о том, как июньским утром 1818 года благочинный кафедрального собора в Архангельске Афанасий Рожин обнаружил у ступеней храма мёртвое тело и перенёс его в палатку под колокольной.

Ключарь Михаил Калинин узнал в покойном крестьянина Василия Яковлева, которого исповедовал накануне, будучи приглашён на подворье Соловецкого монастыря. Упомянутый Василий Яковлев, по прозвищу Устюжанин, заболел во время паломничества в Соловки и, предчувствуя смерть, вызвал священника городского собора, просив об исповеди и причащении. После исполнения треб умирающий при свидетелях просил иерея организовать ему достойное погребение, на что дал священнику 40 рублей. Монахи подворья, увидев, что деньги Яковлева достанутся не им, забрали себе вещи и запас еды, а пока ещё живого богомольца поручили досужим паломникам оттащить ночью к стенам собора. Пусть, мол, умирает там, куда отдал деньги!

Иерей Архангельского кафедрального собора Михаил Калинин, возмущённый, как он пишет, «стяжательством и забвением соловецкими монахами Евангельского духа сострадания к немощным», подал рапорт в духовную консисторию. Жалоба на поведение монахов была передана на усмотрение настоятеля монастыря и оставлена архимандритом Паисием без видимых последствий.

Архимандрит Паисий, утративший власть, в 1819 году был уволен на покой и через шесть лет похоронен не внутри монастыря, а вне его стен, на кладбище при Онуфриевской церкви. Старцу не удалось завоевать авторитет у братии во многом потому, что он не являлся соловецким постриженником. Даже начальникам, прошедшим на острове путь от послушника, чистящего сортиры, до архимандрита, управлять соловецкой братией было непросто. Огромную роль играл не устав обители, а понятия. Члены крестьянско-монастырской общины, позволяя себе своеволие, оправдывали его тем, что сперва подчиняются небесным начальникам, преподобным Зосиме и Савватию, а там, мол, понимай как умеешь!

Архимандрит Мельхеседек «вздумал очистить братство от негодных элементов и выслал из монастыря 35 послушников, людей мастеровых, но склонных к пьянству», а потом предполагал разобраться со старцами. «Он считал всех мужиками, невежами, неучами, свиньями и ослами, что нередко выражал и словами, после сего дух уважения к настоятелю от братии вовсе отпал. Бояться его перестали, относились полупрезрительно, хотя без явных грубостей... Когда же он совсем уже уезжал, то с ним простились без сожалений, а некоторые даже с радостью», — пишет очевидец, *живший в монастыре, но не монастырски.*

В отличие от Паисия и Мельхеседека архимандрит Димитрий был коренным соловчанником, за десять лет своего управления построил в монастыре важнейших сооружений более чем на 200 000 рублей, включая гранитный сухой док, братские корпуса, новые иконостасы и многое другое. Практичный хозяин, он хоть и пользовался уважением, но до конца жизни не смог отучить братию от привычки опорожнять мочевой пузырь у стены главного храма. Иноки гурьбой покидали Спасо-Преображенский собор после длительных служб в холодном помещении и мочились под ближайшей от входа аркой против окон настоятельских покоев. Уговоры, угрозы, наказания не помогли, и тогда мудрый Димитрий завещал похоронить себя на том месте, где братия повадилась справлять малую нужду. «Желание чтимого настоятеля было исполнено, и тем устранено неприличие это», — так завершил рассказ о деяниях архимандрита Димитрия доктор П. Ф. Фёдоров.

Димитрий, архимандрит соловецкий в 1842–1852 годах. При нём возвели часовню свят. Филиппа, расписали назидательными картинами галерею, позолотили крест на колокольне

О поведении в быту и культуре мышления соловецких иноков XIX века, *любивших тепло и спёртый воздух*, сохранилось немало письменных свидетельств. «Ненадобно им много разума, незачем ломать голову. Черноризцы, кроме иеромонахов, читать не умеют. Монастырские работы требуют от людей лишь сильного механического содействия; разум для них не нужен... В кельях монашествующих избыточествовала неопрятность, а привычка к ней вовсе отняла от жителей брезгливость», — сообщает в частном письме из монастыря в июле 1889 года директор народных училищ Архангельского наместничества Александр Иванович Фомин, неоднократно посещавший Соловки ещё с детских лет.

В сложное для иноков время экономического и духовного застоя монастырь возглавил архимандрит Александр, которого обер-священник В. И. Кутневич порекомендовал Святейшему Синоду в 1853 году как талантливого администратора, способного найти возможности, дабы обитель не оскудевала в способах своего содержания. И действительно, выходец с Украины Александр, едва отгремели залпы обстрела монастыря во время Крымской войны, тут же придумал, как с выгодой эксплуатировать рассказ о «чудесном спасении безоружного монастыря великим ходатайством и заступничеством перед Богом Соловецких Чудотворцев». Радением Александра всё, так или иначе связанное с чудесным спасением обители, подверглось музеефикации, чтобы из века в век способствовать привлечению богомольцев в труднодоступную обитель.

Осенью 1854 года архимандрит совершил турне по столицам, где организовал распространение картинок и листовок о чудесном спасении монастыря. Богомольцы, очарованные рассказами о фрегатах, паливших трёхпудовыми ядрами, выкладывали за листок с весьма неуклюжими виршами огромные деньги — по полтора рубля за штуку.

При Александре в устав монастыря были внесены дополнения о празднованиях годовщин и юбилеев великой победы над иноверцами. Участки соприкосновения английских снарядов со стенами зданий монахи поместили чёрными 20-дюймовыми круглыми пятнами, которые подновляли из года в год, выдавая за отпечатки ядер. В первом десятилетии XXI века остатки кругов ещё были различимы на южной стене Святительского корпуса меж окон со следами тюремных «намордников».

Всё, как-либо связанное с обстрелом 1854 года, поместили особыми знаками, например: «Неприятель палил через это место без умолку девять часов»

Монахи не жалели красок, дабы героизировать свою борьбу с эскадрой англичан. Спасение обители казалось не иначе как чудом божьим.

Место переговоров настоятеля монастыря с английским офицером Антоном и холм, откуда архимандрит наблюдал за вражескими кораблями, были отмечены особыми знаками. Гранитные монументы с текстами о чудесном спасении монастыря возвели в крепости, в Савватиеве, на Секирной горе, на берегу гавани Благополучия. В памятных местах архипелага, опозитизированных талантом Александра, установили часовни и мемориальные доски зачастую с монограммой «А. А.» или с полной подписью «Архимандрит Александр». Почтение архимандрита Александра было таково, что его очки в черепаховой оправе демонстрировали в ризнице Соловецкой обители наряду с самыми ценными реликвиями: каменным колоколом времён преподобного Зосимы, шубой святителя Филиппа, серебряной кружкой государя всея Руси Симеона Бекбулатовича и саблей освободителя Москвы от поляков и казаков князя Дмитрия Пожарского.

Создание памятников архимандрит Александр поставил на поток. Кроме увековечивания событий истории, он подверг ревизии кладбищенские памятники, ставя над старыми захоронениями новые надгробия, к которым сочинял эпитафии, иногда существенно искажая историческую правду. Александр принялся вдохновенно мифологизировать судьбы не только чтимых праведников, но и государственных преступников — узников монастырской тюрьмы, сгинувших в Соловках.

Энергичные действия, предпринятые архимандритом, позволили монастырю в кратчайшие сроки удвоить приток богомольцев. Не беда, что церкви, заложенные в память о победе над иноверцами, оказались пристройками к зданиям, лишённым, по словам искусствоведа В. А. Скопина, не только художественной выразительности, но и связи с окружающей средой. Казармы с коридорной планировкой назывались скитами, хотя предназначались не для молитвенного уединения, а для размещения паломников, число которых достигло к концу века 15 тысяч за навигацию.

Поступления от паломничества составляли без малого девять десятых дохода Соловецкой обители. Наиболее эффективный приём изъятия денег у богомольцев был основан на средневековой доктрине, гласившей, будто всякий грешник способен обрести вечное блаженство в загробном мире, если получит соответствующую поддержку в виде посмертных молитв. Любой, даже самый тяжкий, грех, говорили церковники, можно замолить чужой молитвой, если организовать качественное регулярное поминовение об упокоении усопшего.

Мзда братии за включение имён в синодики для «вечного поминовения» оставалась существенной долей прибылей обители. Заказы молебнов, поминовений и сорокоустов стоили к концу XIX века до полутора рублей — как полпуда сёмги рядом, на Летнем берегу. Быстрое-быстрое исполнение заказных христианских треб одновременно 23 монахами в одном из соловецких соборов наблюдал Василий Иванович Немирович-Данченко: «Стоя вблизи служащих, нельзя было различить отдельных слов. Это был хаос выкрикиваний, звуков и пения. Поминутно появлялись новые богомольцы, и семи-восьми человекам, отбирая у них поминовения, священник торпливо служил молебны».

Знак «Гора Александровская» на холме, откуда архимандрит Александр через подзорную трубу наблюдал за шлюпами англичан

— Сколько же вы таким образом отслуживаете молебнов за одно утро?

— Все вместе — пятьсот, случается. Бывало, и по шестьсот удавалось. Всё зависит от количества богомольцев, — отвечал монах.

От количества богомольцев зависела и успешность монастырской торговли. Продажа в храмах просфор, простеньких изделий кресторезной мастерской, а особенно перепродажа свечей давали сверхприбыль — более ста рублей на каждый вложенный рубль.

«Здесь такое правило: свеча должна гореть несколько минут, и не видно было, чтобы позволили сгореть ей больше, чем на четверть своей длины. Более дорогие толстые аршинные свечи, заменявшие несколько маленьких, ловко крепились проволочными кольцами, которые сами по себе прерывали процесс горения на заданной высоте как бы естественным образом», — описал соловецкие священнодействия наблюдательный паломник.

Онежские купцы арендовали у монастыря десять ларьков для торговли иностранными и московскими товарами, а во множестве других лавок иноки приторговывали сами. Ходовым товаром считались священные ложки с благословением обители, ремесленные изделия и припасы на обратный путь, так как при прагматичном архимандрите Александре прежнее обыкновение давать на дорогу каждому богомольцу по широкому ломтю хлеба вывелось из употребления.

В разгар белых ночей начинались ярмарки крестьянских товаров. Монастырь заказывал для себя чудотворные иконы оптом — крупными партиями, а перепродажа их богомольцам, наряду с крестами, «картинами», то есть литографиями, и другой продукцией, осуществлялась через так называемые мелочные лавки.

Деньги от богомольцев обеспечивали содержание братии и «придание благолепия» чересчур строгой новгородской архитектуре. По сведениям известного этнографа С. В. Максимова, огромный излишек пускался в рост на проценты. Часть средств уходила на заказ сувениров с монастырской символикой, так как привлечение паломников оставалось постоянной головной болью братии.

Монастырская лавочка.
Рисунок А. Э. Миганаджиана,
узника Соловецкого концлагеря
ОГПУ в 1928–1936 годах

— Оскудевает усердие к святой обители, — наваливаясь на костыль, жаловался Василию Немировичу-Данченко старый монах.

— Дух времени!

— Не дух времени, а дух вольномыслия, дух погибельный, дух зла, — озлобленно отвечал писателю один из соловецких хранителей вполне материального добра.

Увеличение количества просвещённых людей сужало круг дарителей, готовых давать деньги во имя спасения души.

Монах с горечью подтверждал мысль своего современника С. М. Степняка-Кравчинского о том, что с середины XIX века новые поколения на Руси, если и держались с грехом пополам церкви, то больше из приличия, чем по убеждению. Обнищание веры угрожало монашескому «благочестивому корыстолюбию». Компенсируя «оскудевание усердия» к своей обители, соловецкое священноначалие было вынуждено поступиться принципами, приоткрыть врата мужского монастыря для женщин. Вопреки уставу преподобного Зосимы, который запрещал монахам «на острове не только жён, а и скота ни единого не иметь женского рода», количество дам в потоке богомольцев возрастало из года в год.

Несмотря на то что основной поток кружечного сбора шёл от богомолков, мужики-паломники были не менее важны инокам, поскольку были резервом бесплатной рабочей силы. Так называемые *трудники* числом 600–700 душ в сезон приходили в обитель по обету, данному ими в каких-либо кризисных ситуациях в обмен на благополучное разрешение жизненных проблем. Обет трудника представлял собой устный договор с высшими силами: в случае благоприятного завершения коллизии бесплатно отработать год на преподобных Зосиму и Савватия. Рабочий день годовиков, трудившихся на соловецких преподобных за еду и кров, продолжался 11 часов, меньше на час, чем у наёмных работников.

Монахи не толкали трудников посещать храмы, те шли, как пишет доктор Фёдоров, почти добровольно: «Накануне праздников и в двенадцатые праздники все корпуса, где живут работники, запираются, и им приходится, дабы не замерзнуть, идти ко всеобщей, где и стоять до трезвона к Евангелию, или укрываться от ветра в больничной церкви Св. Филиппа, пока не отопрут двери в места жительства. Таким же образом трудники-годовики выпроваживаются на праздничные службы».

Короткие душеспасительные беседы перепали лишь тем трудникам, которые сами этого добивались. Непосредственное общение с соловецкими монахами могло бы запросто разрушить представление крестьян об иноках как о древних подвижниках, пустынножителях, веригоносцах и провидцах. Парализующее влияние на бедняков должна была оказывать внешняя обстановка, комфортабельность жизненных условий, весьма отличных от тех, которые крестьяне наблюдали дома.

Немало годовиков, по обету пришедших в обитель, постепенно проникались монашескими воззрениями, начинали любить слепое исполнение приказаний, постепенно теряя способность жить своим умом, действовать и рассуждать самостоятельно. Такие склонные к подчинению люди оседали на острове в качестве послушников, надеясь когда-нибудь быть принятыми в ряды монашествующих. Одна мысль о выходе из монастыря повергала их в ужас.

Архимандрит Порфирий (Карабиневич), продолжая курс своего земляка с Украины отца Александра, как мог способствовал увеличению числа богомольцев. При нём строгие по северной традиции белые стены Преображенского собора покрыли внутри масляной росписью событийно-религиозного содержания, создав нечто вроде Библии для неграмотных.

*Молодой монах. Этюд А. А. Борисова.
Стать соловецкими монахами хотели многие, ибо другие обители на Белом море были бедными и малолюдными*

Для простодушных невежд, нуждающихся в картинках-иллюстрациях, галереи и крытые переходы украсили изображениями назидательного характера с большим количеством светских элементов. Соловецкий монастырь, как оказалось, не смог создать собственной иконописной школы. Монастырская практика всемерного подавления младших старшими душила в зародыше качества, необходимые для развития творческой натуры.

Василий Немирович-Данченко, знавший одного способного юношу, оказавшегося в Соловках, написал об этом художнике: «Рисунки раннего периода его были весьма хороши, но по ним можно проследить, как под влиянием аскетизма, мертвенности, застоя жизни гибнет его талант».

*Гавань в Соловецком монастыре.
Этюд А. А. Борисова, 1912 год.
(Царская пристань между доком
и Святыми воротами обители)*

Сохранить творческую потенцию и добиться свободы удавалось лишь только очень сильным от природы личностям, каковой был выдающийся художник А. А. Борисов.

Александр Борисов (1866–1934), уроженец деревни Глубокий Ручей вблизи Красноборска, был из тех, кого родители сдали в Соловки пятнадцати лет от роду. Благодаря силе воли, целеустремлённости и в какой-то степени удачливости Александру удалось покинуть Соловки, выправить паспорт и получить стипендию в Санкт-Петербургской академии художеств. Пленэром для молодого художника стала Арктика, которой он на многие годы посвятил всего себя. Илья Репин с гордостью величал А. А. Борисова русским Нансеном. П. М. Третьяков приобрёл для своей галереи серию первых холстов художника.

А. А. Борисов продавал свои работы весьма неохотно, несмотря на их успех среди коллекционеров не только в России, но и за рубежом. Талант мальчика, который не задержался в стенах Соловецкой обители, со временем был отмечен высшими правительственными наградами государств Европы, он оказался первым русским художником, приглашённым в Белый дом президентом Соединённых Штатов. Этюды живописца были настолько реалистичны, что послужили основой сугубо научной работы «Виды полярных льдов по работам русского художника А. Борисова», написанной немецким учёным.

Абсолютное большинство живописных работ Александра Борисова в конце концов оказалось в собрании живописи Архангельского музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». В коллекции произведений Александра Борисова, собранной директором музея М. В. Миткевич и её сподвижниками, насчитывается более 400 картин и этюдов, отражающих все периоды творчества знаменитого живописца.

Борисов возвращался на Соловки в 1894 и в 1912 годах. Его 40-тонную шхуну «Мечта», построенную по чертежам В.П. Фан-дер-Флита и с учётом опыта легендарного «Фрама» Фритъюфа Нансена, готовили к арктическим походам в соловецком доке. Борту «Мечты» обшили металлом, так как в высоких широтах лёд, как сталь, срезал деревянную обшивку.

Известны полтора десятка этюдов, написанных художником на Соловках, но среди них нет работ, связанных с религиозной тематикой, чуждой Александру Борисову. Он почитал себя учеником Василия Верещагина, впервые посетившего Соловецкий монастырь в 1884 году, когда Борисов принял решение уйти с острова и заняться живописью. Именем своего кумира Верещагина Борисов назвал мыс, открытый им на Новой Земле.

Борисов, очевидно, знал мнение Василия Верещагина по поводу благолепных зализанных росписей, старательно, но без знания рисунка выписанных за 2000 рублей, пожалованных инокам императором Александром II.

«Все церкви монастыря перепорчены позднейшими переделками и украшениями безвкусного характера; живопись, покрывающая стены, ниже всякой критики. Ещё галерея, расписанная видами мучений грешников в аду — картинами в полном смысле ужасными, составляющими предмет любопытства, удивления и восхищения паломников, хотя бы представляет нечто более или менее оригинальное по замыслу, но примитивное по исполнению. Большинство же картин на стенах главной церкви суть не что иное, как плохие копии с гравюр Рубенса, Штейбена и других. Все пёстро, кричаще, лубочно», — охарактеризовал В.В. Верещагин соловецкие росписи, добавив, что дело не только в плохом их качестве, а в том, что они с наибольшей полнотой отражают примитивность духовного мира заказчиков этих картин для простонародья.

Е.Л. Кочетов, автор книги «По Студёному морю», увидевший Соловки через десять лет после Верещагина, связывал отсутствие художественного вкуса у монахов с их подчинением заботе о монастырской выгоде: «Всякая личная самобытная воля, вкус и личное „я“ здесь убиваются суровым режимом и беспощадной волей верховной, общей. Потому-то и нет художественного исполнения в образах и фресках на стенах галерей и трапезной».

Роспись стен Благовещенской церкви масляными красками была в 1901 году выполнена мастером Иваном Лапиным поверх неудачной живописи 1864 года

Доброжелательный английский путешественник Алан Летбридж, посетивший монастырь в 1915 году и написавший немало добрых слов о хозяйственных успехах братии, отметил: «На Соловках есть длинная галерея, которой я никогда не забуду. Фрески в ней должны были бы иллюстрировать грехи, к которым мы все склонны, и неизбежное наказание за них. Я только раз в жизни видел такой же вопиющей нелепости росписи в Кампо Санто, в Пизе... В самой атмосфере монастыря не хватает священного чувства, что уже само по себе является достаточным, чтобы отбить охоту к любой попытке художественного творчества». Летбридж удивлялся глубочайшей пропасти между техническими достижениями Соловецкой обители и отсутствием у братии чувства прекрасного.

Биологическая станция на Сельдяном мысу, устроенная по проекту Н. П. Вагнера, жила на средства Министерства народного образования и частные пожертвования

Биолог П. В. Ушаков, видевший росписи галереи-перехода в Соловецком монастыре за год до губительного пожара, случившегося в мае 1923 года, узрел множество знакомых лиц. Жуткая по натуралистичности картина мучений грешников в аду являла собой злое изображение созвездия выдающихся российских зоологов: С. М. Герценштейна, В. М. Шимкевича, Н. П. Вагнера, Н. М. Книповича и других сотрудников соловецкой Биологической станции, которые 18 лет неустанно вели исследования акватории островов под эгидой Санкт-Петербургского университета.

Биостанция на берегу гавани Благополучия была открыта в 1882 году при поддержке архимандрита Мелетия, озабоченного оскудением природных ресурсов в результате деятельности монастыря на Соловецком архипелаге. Мелетий мечтал с помощью науки выработать оптимальные формы хозяйствования. Он не только поддержал учёных, но и сам в 1880 году стал действительным членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Это общество ставило своей целью исследование природы России, преимущественно побережий Балтийского и Белого морей, а также в полосе бассейна Ледовитого океана.

Исследования учёных на Соловках позволили выявить принципиально новые закономерности, ставшие вскоре азбучными истинами мировой биологии, но братию беспокоили не открытия, а то, что профессора, подружившиеся с настоятелем, не посещали церковных служб. Чтобы изжить «испорченного» священноначальника, группа иноков, «по временам предающихся нетрезвости от вина», отправила в Московскую синодальную контору донос. В нём говорилось, что «архимандрит предпринял укрепление берега с затратою на тот предмет лучшего монастырского леса на значительную сумму, а Святое озеро составляет археологическую древность, устроенную тщанием и трудами святителя Филиппа, каковую нужно сохранить без видоизменения».

Непритие монахами учёных не смогла преодолеть царица Екатерина Великая, желавшая в 1767 году устроить на горе Секирной обсерваторию.

Решительного Мелетия, который однажды не дал брату царя поохотиться на Соловках, иноки всё-таки смогли в 1892 году изгнать на материк для приискания места в других монастырях. И только тогда, «по крайней настоятельности архимандрита Варлаама», главного противника Мелетия, укрепление набережной пришлось производить в аварийном режиме, завершив работы в 1895 году.

С 1896 года пошёл отсчет времени противоречивой эпохи архимандрита Иоанникия (Юсова), возглавлявшего Соловецкий монастырь вплоть до падения самодержавия в России. При Иоанникии, авторе пяти доносов на своего духовного отца Мелетия, централизация власти на Соловках достигла апогея. Научные учреждения изгонялись вон: образованность, мол, порождает вольнодумство. В 1898 году Иоанникий пытался снести маяк на Секирной горе, который Мелетий десять лет назад взял на содержание обители. Биологическая и метеорологическая станции, а также художественная школа исчезли.

«Приезжают не только православные, но и иноверцы, а в 1897 году оказался один, даже страшно сказать, иудейского закона... По великим праздникам их нельзя увидеть в храме: дни они проводят на экскурсиях, а ночами наблюдают за своей добычей», — гласило требование закрыть биостанцию, написанное от имени полутора сотен монахов, среди которых лишь шесть имели не домашнее, а семинарское образование.

Трагедия, достойная не абзаца, а романа: властный Иоанникий, который имел прозвище Бирон, не допускавший и тени инакомыслия в среде черноризцев, пал жертвой заговора собственной братии. Сюжеты доносов на Иоанникия во многом повторили тексты его недавних жалоб на Мелетия. Иоанникий 54 года как мог отстаивал интересы обители, но старость встретил не схимником, почитаемым за заслуги перед обителью, а ссыльным, выдворенным в Савватиевский скит, куда прежде сам изгонял своих недругов.

Архимандрит, воевавший против присутствия на Соловках деятелей науки, поплатился за попытку приобщать молодых монахов к научным знаниям. Осознав важность образования как основы успеха в практической деятельности, Иоанникий мечтал, чтобы монастырское училище давало знания, тождественные программе восьми классов светской школы. Не тут-то было! Братия раскололась на два лагеря. Первопричиной «соловецкой свары», вспыхнувшей в 1913 году, была борьба за власть в обители, но формальным поводом для начала междоусобицы стало желание части старших иноков «избежать трат на бессмысленное обучение молодежи — спасти капитал от разбазаривания».

«Спаси Бог от них, от образованных. Мужичок — наш работник и кормилец, а образованный смуту сеет да неустройству всякому глава. Нам и без образованных хорошо живётся», — поучал В. И. Немировича-Данченко один из соловецких монахов.

«Монахом быть — сковать себя по рукам и ногам нелепыми правилами, придуманными нарочно для того, чтобы связать ими наиболее опасных дурному правительству людей — религиозных идеалистов», — цитировал Павел Флоренский архимандрита Серапиона (Мошкина). Флоренский полагал, что если романтики где-то и существуют, то уж не в Соловках.

Конфликт братии с архимандритом Мелетием произошёл после попытки настоятеля мобилизовать монахов на укрепление берега Святого озера

На трёх чугунных опорах ограждения западного берега стоит дата «1895». Это год завершения строительства набережной вдоль Святого озера

Подлого звания люди, перетекающие в монастырь из числа богомольцев, как полагал накануне XIX века митрополит Санкт-Петербургский Гавриил, не заморачивались мыслями о духовности. Они в Соловках реализовывали крестьянскую мечту о безбедной жизни на своей земле — здесь и сейчас.

Василий Немирович-Данченко справедливо отметил, что для понимания духа, царящего в конкретной обители, необходимо увидеть её иноков в характерной для них обстановке. Святогорских черноризцев, по мнению автора, лучше всего наблюдать, когда они торгуют всем чем можно, и торгуются при этом, а троицких монахов — когда они за трапезой, «не труждаясь и не обременяясь, вкушают от плодов земных в изобилии».

На Соловках принцип перековки духовной силы в материальные богатства оставался руководящим всегда.

С. А. Морозов, историк

Характер жизни на Соловках определял крестьянский элемент, обряженный в монашеские одежды. Замечательно предприимчивые соловчане в высоких сапогах-бахилах из нерпичьей кожи и грубых рясах выгодно отличались от одетых в лионский бархат троице-сергиевских монахов с их золотыми часовыми цепочками на груди и кольцами на пальцах. Соловецких монахов лучше всего было бы наблюдать на палубе судна во время шторма или на промысле морского зверя: «Ни под нами, ни над нами — никого. Работа — та же молитва!» Даже форменный головной убор, похожий на арестантскую шапку, соловецкие черноризцы ухитрились, по наблюдениям В. И. Немировича-Данченко, нахлобучивать не по установленному консисторией образцу, а заломив набекрень на затылке.

< В царской грамоте XVII века вкраплена часто цитируемая фраза: «Соловецкий монастырь иным монастырям не в образец»

При монастырях не рекомендовалось держать домашнюю птицу, однако архимандрит Иоанникий обустроил великолепное петушиное царство

Атмосфера высоких широт, природа островов и архитектурное окружение влияли на коллективный характер соловецких насельников. Стяжательский дух обители не изменился после уничтожения старообрядцев-бунтарей и смены приёмов обрядности. Захватнический инстинкт артели добытчиков оказался неистребим. Интеллектуалы-книжники, как и институт старчества, в Соловках не прижились. Характеризуя дух братии, доктор Фёдоров отмечал её грубость, консерватизм и тупое сопротивление нововведениям, предлагаемым настоятелем. Даже простые послушники в 1870-х с озлоблением реагировали на любую попытку церковной администрации вмешиваться в дела трудовой общины, где религиозный энтузиазм и аскетические идеалы никогда не становились основой бытия. Сергей Морозов, анализируя скрытую сущность обители и степень действенности её молитв, пришёл к выводу, что *Соловецкий монастырь не смог стать школой иноческого делания из-за чрезмерной погружённости в дела мирские.*

В обмирщённом монастыре, жизнь которого наблюдал доктор Пётр Фёдоров, в 1880 году насчитывалось 228 человек, из них 169 являлись постриженными (мантійными) монахами, а остальные — послушниками. Послушники представляли собой переходную ступень от мирян к монахам. Они могли по благословению настоятеля носить форменную рясу и клобук, называясь рясофорными монахами. Абсолютное большинство иноков составляли выходцы из глухих северных губерний. Представителей центральных и южных регионов Российской империи среди соловецкой братии почти не было. Не было среди монахов и уроженцев селений, расположенных на побережье Белого моря, в непосредственной близости от Соловецкого архипелага.

Для принятия в соловецкую монастырскую общину было достаточно документа, удостоверявшего личность, и явного умения трудиться на обитель. Вступительного взноса не требовалось. Исключение делалось лишь для людей, способных платить за своё проживание среди братии десять рублей ежемесячно. Деньги давали обеспеченным господам право на отдельную келью, стол в монашеской «верхней» трапезной и полное освобождение от всех работ, кроме уборки собственного жилья. Таких богачей не бывало много.

«Соловяне не знают теории, они народ практичный, хотя и нигде не учились, сумели устроить в своей обители всё не хуже учёных богословов», — внушал Немировичу монах.

Однако отсутствие знаний не всегда удавалось компенсировать крестьянской смекалкой, и вопреки неприязни к людям образованным монастырю приходилось нанимать специалистов на должности, которые по штатному расписанию требовали наличия государственной сертификации. Число таких знатоков увеличивалось из года в год. Наёмникам сначала платили приличные деньги, хотя старались постричь их в монахи, чтобы те, сдав паспорта, остались в обители навсегда. После пострижения им сохраняли часть прежнего жалованья. Эти иноки, принятые в ряды братии с сокращением срока послушничества, зачастую уклонялись от посещения многочисленных служб. «Чай, я не поп, с меня довольно и послушания» (иначе говоря, исполнения работ. — *Юр. Бр.*), — обычно заявляли они, избегая частого хождения в церковь.

«Соловецкое хозяйство — это капиталистический социализм на принципах казарменного коммунизма», — шутил С. В. Морозов

Специалисты, получившие рясу без полного прохождения срока послушания, как могли терпели плотские ограничения и ждали окончания постов, дабы порадовать себя вполне мирскими удовольствиями. Ловкие монахи, считавшиеся особенно полезными для обители, имели скидки и послабления, им могли разрешить ношение неуставных меховых брюк, скрытно выдавали вне трапезной чай, сахар, а то и водку, разумеется, для негласного потребления в келье. «Попроси да угости, тогда получишь кое-что и не по положению», — советовал доктору Фёдорову монах, умевший добывать протекцию, а протекцию материализовать в льготы. Этот монах, кроме жалованья и всего прочего, чудесным образом «получал по четверти ведра водки в месяц».

Для даровых трудников, давших обет, иноки играли роль хозяев-распорядителей. Годовики не только трудились на монастырь как на организацию, но и обслуживали монахов «из уважения» или за условленное заранее вознаграждение, а то и за протекцию. Колка дров, стирка белья братии и другие бытовые работы являлись уделом трудников.

Качество труда, как и его интенсивность, не были первоочередными критериями деятельности дармовой рабочей силы. Формально трудники работали как бы не на монахов, а на Зосиму и Савватия, которых иноки именовали «хозяевами» или «надзирателями»: на них, мол, трудимся! Важным правилом монастырской, а позднее и лагерной практики считалось неукоснительное соблюдение закона, гласившего: «Никто не должен оставаться без дела!» Распорядители работ на открытом воздухе назывались нарядчиками, а в помещениях — старостами. Эти и другие монастырские термины, связанные с организацией бесплатного труда, вошли позже в лексикон Соловецких лагерей, а потом и всего ГУЛАГа.

«Кодекс крепких ругательных слов и грубых окриков, часто характерных для взбадривания в домашнем обиходе на материке, здесь весьма ограничен; лишь по отношению к мальчишкам, допустившим промашку, употребляется одно сильное нецензурное слово чисто монашеского изобретения», — отмечал П. Ф. Фёдоров. Этот синоним слова «онанист» тоже со временем переключался в быт лагерей.

В. И. Немирович-Данченко, глядя на иноков, широко шагающих по монастырскому двору с подобранными к поясу рясами, с засученными рукавами, в клобуках, сдвинутых на затылки, окрестил Соловецкую обитель «рабочей коммуной», а также «крестьянским царством». Он, не думая плохого, предположил, что обмирщённые Соловки станут примером для всей России, явив собой прообраз будущего крестьянского коллективного хозяйства, короче говоря, колхоза.

Управлять обширным монастырским коллективным хозяйством приходилось железной рукой. Немирович-Данченко зорко подметил, что братия промеж собой именовала архимандрита, как атамана, — батшкой. Монах Иоасаф (Сырцов) вспоминал, будто иноки так боялась батшки-настоятеля, что при встрече падали перед ним ниц.

Полновластие архимандрита на Соловецком архипелаге провоцировало черноризцев, если хотелось, игнорировать общегосударственные законы.

Но страх перед архимандритом никогда не был препятствием для написания доносов. Одна из жалоб в 1867 году стала поводом для посещения острова архангельским губернатором князем С. П. Гагариным. Губернатор обвинил священноначалие в укрытии беглых преступников, в контрабандной торговле акцизными товарами, в подделке государственных ассигнаций и публичных пытках паломников, понапрасну заподозренных в воровстве монастырского имущества.

Особое беспокойство у чиновника вызывало то, что монахи ради сверхприбыли перегружали пароходы, подвергая риску жизни пассажиров, отправлявшихся из Архангельска в Соловки и обратно. По словам архимандрита Порфирия, иногда загружали как сельдь в бочку 700 пассажиров вместо 500. Будучи специалистом в области морского права, князь Сергей Гагарин считал практику перевозки пассажиров на судах Соловецкого монастыря достойной осуждения и исправления.

Помор И. Г. Михреньгин вспоминал, как, если закачает немного, монахи бегали с блюдом — надо молебен служить! Даже при небольшом волнении, весьма характерном для Белого моря, пассажиры превращали трюмы в бедлам, охваченный стонами, воплями, причитаниями. Если море было спокойным, то судно, бывало, по указанию старшего монаха становилось бортом к волне, и чрезмерная скученность, темнота в трюмах, потоки рвотных извержений всё равно доводили публику до истерики. А уж тогда-то, пользуясь беспомощным состоянием пассажиров, монах производил сбор средств, требовавшихся на оплату молебна соловецким преподобным о подании благоприятной погоды для продолжения рейса. Если денег оказывалось маловато, судно вновь становилось бортом к волне. Паломники, впервые испытывавшие морскую болезнь, пребывая в состоянии прострации, отдавали буквально все деньги, которые имели при себе. Потом они умоляли вернуть им хоть часть средств на обратную дорогу.

*Запись в дневнике М. М. Пришвина:
«Пришёл пароход, битком набитый
странниками. Ещё далеко с моря
доносился с него отвратительный запах»*

Муки переправы преподносились не как беспорядок паровозного сообщения, а как душевспасительный подвиг. «Богомольцы не ропщут», — отвечал старший на пароходе монах на замечания о грязи и отсутствии удобств.

«Когда я увидел, сколько их набилось в пароходе, увидел эту грязь, это настоящее истязание людей... я ужаснулся. Но потом они вышли на берег. У них сияли лица. В это время они забыли все трудности, всё горе.

— Земля обетованная! Хо-ро-шо-о!

— Чего хорошего-то?

— Устройство хо-ро-о-шее, пища-то хо-ро-о-шая!

И всё... больше ничего. Сам крестьянин, как я знаю, не воспользуется этим устройством, но восторгается именно материальным», — записал Пришвин 11 июня 1907 года.

Для обслуживания своего флота соловецкие иноки устроили сухой водоналивной док, конструкция которого уникальна для России

С. Д. Протопопов видел в вопиющем унижении людей при перевозке их через море не только результат погони за прибылью, но и демонстрацию презрения к культуре. Игнорирование соловецкими властями общепринятых гражданских норм поведения нашло отражение в популярной среди монахов присказке: «То — в России, а то — у нас». Архипелаг имел даже свои «часовые пояса». «У вас одиннадцать, а у нас половина восьмого, а в Анзерском скиту — восемь, в Соловецком — девять», — разоткровенничался с Пришвиным в 1907 году строитель Голгофского скита, бывший ломовой извозчик с петербургской Охты. «Время изменяется, потому что служба должна быть в определённое время, а монастырские работы так складываются, что служить нельзя, когда требуется. А потому и переводят часы», — пояснил он, постреливая хитрыми глазками. У него не было и тени сомнения, что главнейшие работы в период навигации — это отъём денег у паломников.

«Самобытность и обособленность, при которых живёт Соловецкий архипелаг, не могут не идти вразрез с потребностями правительства. Соблюдение законов необходимо подвести под общий уровень», — требовал от российского министра внутренних дел архангельский губернатор Сергей Гагарин.

Князь просил правительство ликвидировать автономию островов, а также распространить на Соловецкий монастырь и монастырские корабли действие российских законов. Губернатор считал важным хотя бы на время навигации обеспечивать в Соловецком монастыре контроль за соблюдением гражданских законов Российской империи силами одного полицейского надзирателя и восьми нижних чинов. Однако «власть соловецкая» не прогнулась. Столичные покровители монастыря нейтрализовали инициативу губернатора, и противоречие иноческих понятий законам Российской империи продолжало сгущать взрывоопасную атмосферу.

В бывших монастырских вотчинах поморы не испытывали симпатии к государственной церкви. Русский Север, который, как считалось, духовно окормлялся Соловецким монастырём, представлял собой колыбель сект, относящихся к поповским или беспоповским разновидностям раскола. «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии», изданное в 1894 году, констатировало, что местами *большинство населения отличается холодностью к вере и к Церкви Божьей, и если не числятся в расколе, то склонны к нему.*

«В монастыре нет ни одного монаха с ближайшего к нему Летнего берега, а в прошлом если и были, то редкие исключения. Монахи считают своих соседей людьми, перед которыми нечего стесняться, скрытничать и надевать личину святости. Поморы же хорошо знают неказовую, закулисную жизнь монахов, сложили про неё множество смехотворных нецензурных песенок и прибауток и не соблазняются прелестями этой жизни, несмотря на материальное обеспечение её», — отмечал доктор Фёдоров.

Слово *монастырь* на профессиональном жаргоне беломорских промысловиков означало не что иное, как скопление *половозрелых самцов гренландского тюленя*, вальяжно нежащихся в лучах солнца после трапезы.

Монахи же попросту игнорировали исконную неприязнь со стороны поморов, считая своих непосредственных соседей вольницей: *людьми беспутными, выпивку любящими, приносящими обители одни убытки.*

Михаил Пришвин в своей книге-странствии «За волшебным коловком» описывает, как он высадился на Летний берег, самый ближний к Соловецкому острову:

— Барин, раздели море! — были первые слова первого встречного.

— Как я могу разделить море? Это только Никита Кожемяка со Змеем Горынычем делили, да и то у них ничего не вышло.

В ответ он подал бумагу. Дело шло о разделе сёмужных тоней.

— Монахи лучшие тони отобрали!

Презрительное отношение поморов к братии уживалось с глубокой народной верой в помощь и заступничество святых Зосимы и Савватия.

— Как же они смели, — гневаюсь я, — по какому праву?

— Права у них, батюшка, давние, ещё со времён Марфы Посадницы.

— Раз у монахов такие стародавние права, как же я могу вас с ними делить?

— А мы, ваше превосходительство, думали, что как ты от Государственной думы, то отчего бы тебе не согнать этих монахов?

«Вот оно роковое слово: „согнать”. Просто и ясно — я здесь генерал и член Государственной думы: почему бы не согнать этих монахов, зачем им сёмга? Я враг этих рыб на архиерейском столе. Согнать! Но я не могу... А вы-то думали, Пришвин мог только про вальдшнепов писать? Про всё мог. Но с определённого момента справедливо опасался», — как бы оправдывался М. М. Пришвин.

Писатель за десять лет до гибели империи ощущал накал страстей вокруг Соловков, понимая, что ни к чему хорошему не приведёт взаимная озлобленность бедствующего населения и богатеющих церковников.

Последний всплеск хозяйственной активности Соловецкого ставропигиального монастыря был связан с удачливостью превосходного организатора архимандрита Иоанникия (Юсова). Обитель при нём благополучно приспособилась к ускорению ритма жизни. Успехи монастыря в какой-то степени предвосхитили экономические достижения России накануне Первой мировой войны.

Монастырь в 1910-х годах оказался обладателем собственности в Москве и Петербурге, в Новгороде, Архангельске, Вологде, Устюжне, Кеми и Сороке. Получая значительные прибыли, монахи оказались в состоянии субсидировать правительство страны, давать в долг огромные суммы, а потом влиять на поведение должников. Так, ухищрениями архимандрита Иоанникия 1000-вёрстная железнодорожная магистраль от Петрозаводска к Романову-на-Мурмане (Мурманск), сделав крюк, прошла через Кемь, а не по оптимальному маршруту, тому, где теперь проходит Мурманское шоссе. От станции Кемь до берега моря через скалы была проложена железнодорожная ветка, соединившая подворье Соловецкого монастыря на Поповом острове с магистралью. Иоанникий, связанный со строителями трассы поставками кирпича, полагал устроить при кемском подворье причал для доставки людей и грузов на острова. Позже эта железнодорожная ветка пригодилась для транспортировки узников Соловецких лагерей Особого Назначения, а в бараках строителей размещался пересыльный пункт.

Сближению архипелага с материком содействовала монастырская радиотелеграфная станция, введённая в эксплуатацию в 1912 году. Радиостанция получала энергию от собственной гидроэлектростанции мощностью 80 кВт, устроенной на канале одновременно с радиостанцией. Монастырская электростанция одна из первых на Русском Севере использовала энергию семиметрового перепада уровней воды между Святым озером и морем, обеспечивая освещение монастыря. Турбины и генераторы Siemens-Schuckert и Siemens & Halske обслуживали не монахи, а наёмные специалисты. Устройство гидроэлектростанции было бы невозможным без системы дамб и шлюзов, регулировавших непрерывное пополнение озера, вода которого должна была вращать турбины безостановочно.

Для подпитки Святого озера водой и устройства между озёрами малого судоходства ряд соловецких каналов заново перестроили в 1913–1918 годах

Все самые тяжёлые земляные работы при прорубке каналов производили соловецкие бесплатные трудники и мальчики-годовики. «Земляные работы не уступают каторжным, но превосходят их своим суровством. Повелит — и делай по его настоящему желанию», — жаловался участник строительства.

«Но каково годовикам, молодым, слабым силами, неокрепшим до времени возраста, это египетское дело, где они теряют здоровье своё; а кто может оценить дар Божий — здоровье человека, которое превосходит биллиарды денег? Настоятелю соловецкому ничего не стоит здоровье даровых годовиков, которые ломают, отбивают ноги камнями и подрывают внутренности свои, срывают пупки. Годовиков на его век достанет. Если кто изуродовался и помёр в больнице, похоронить нетрудно, а отписки, отчего захворал и почему умер, — сплошь ложь и лукавство».

Это описание прокладки системы судоходных каналов «для лучшей эксплуатации леса и покосов» нашёл советский заключённый Борис Веев до начала строительства соловчанскими каналами Беломорско-Балтийского.

Вывоз людей с острова для работы на материке придумали не большевики, они лишь копировали негласные монастырские приёмы эксплуатации дармовой рабочей силы. Бесплатный труд годовиков за границами Соловецкого архипелага использовался ещё в 1888–1903 годах при достройке собора в Кемии, крупнейшего на территории Карелии. Соловецкий монастырь получил тогда, кроме денег, участок земли на берегу моря и пристань, прежде принадлежавшие кемскому Благовещенскому собору. История эта отражена в следственном деле о мздоимстве иеромонаха Никодима (Кононова), на стройке *халнувшего не по чину* для оплаты учёбы сына вольным слушателем в университете. Скандал замять не удалось, отец Никодим был наказан переводом на смирение в Архангельск с запрещением исполнять священные обряды.

При архимандрите Иоанникии все кустарно-промышленные производства приносили обители две сотых общегодового дохода. Свечной заводик давал прибыль от 100 рублей на каждый вложенный рубль. За летний сезон продавалось свечей на 10 000 рублей. Неубыточным для монастыря предприятием на островах являлась артель, которая обрабатывала за год до 8000 шкур нерп, моржей, тюленей, оленей и коров, скупаемых у поморов на материке. Обработка кож «по шерсти» была отмечена медалью Всемирной выставки в Чикаго «за отличную выделку нерпичьих шкур и вообще кож». В 1925 году так называемый кожевенный завод, надстроенный и расширенный, был объявлен «флагманом соловецкой лагерной промышленности», но быстро прекратил существование.

Доходы от деятельности всех промыслов не удовлетворяли аппетиты обители. Главным источником безбедного существования монастыря являлась торговля, основанная на эксплуатации религиозных чувств богомольцев, приезжавших к мощам соловецких чудотворцев не с пустыми кошельками. В.И. Немирович-Данченко обратил внимание на тактику монастырских торговцев: покупайте, мол, у нас втридорога, там всё зачтётся.

Строительство канала. 1916 год.
Водная система Святого озера
включала 65 озёр, 69 каналов,
16 дамб и шесть плотин

Шлюз на озёрно-канальной
системе между озером Щучье
и озером Круглое Орлово.
Рисунок А.А. Евневича. 1934 год

«В монастыре есть много всяких лавок, где торгуют и продают богомольцам и панский, и книжный, и колониальный, и бакалейный товары. К сожалению, нельзя не сказать, что книги, альбомы, виды и пр. здесь явно дороже, чем можно было бы ожидать. Ведь продаются изделия самого монастыря или подношения, не требующие доплаты за приобретение свидетельств и прав», — подтверждает дороговизну товаров Евгений Львов, которого как спутника министра С. Ю. Витте возили по всему архипелагу на коляске с форейтором, запряжённой четвёркой серых коней.

Монахи, имея избыток свободных средств, избегали инвестирования капиталов в предприятия, где придётся платить налоги, предпочитая получать ренту. «От вас — как от козлов: ни шерсти, ни молока!» — публично оскандалил потомок старообрядцев Савва Морозов соловецкое священноначалие за отказ тряхнуть мощной — вложить деньги в развитие отечественного кораблестроения.

Острова ежегодно посещали до 15 тысяч паломников, обеспечивавших «кружечный» доход, приближавшийся, по сведениям Максимова, в урожайные годы к 100 тысячам рублей. Гостиничное хозяйство стало самостоятельной прибыльной отраслью монастыря. Архангельская гостиница «с четырьмя большими помещениями на нижнем этаже для богомольцев из чёрного народа — с нарами, а в верхнем этаже с 22 комнатами для чистой публики» летом не удовлетворяла спроса на жильё. Под «чёрным народом» архимандрит Иллариий имел в виду не афроамериканских паломников, а терпеливых россиян, не удивлявшихся скученности и грязи: «И у попов не без клопов».

Трёхэтажная Преображенская гостиница, отстроенная при архимандрите Порфирии в 1864 году, ознаменовала собой новый этап развития паломнического бизнеса Соловецкой обители. Самыми престижными считались номера на втором этаже с окнами на гавань и монастырь. Опытные и ловкие гостиничники глазами выискивали в толпе нужных людей, отделяя их от престоляродья.

< «Переезжая из прекрасного озера в ещё более прекрасное, я понял, что выбор места был сделан отнюдь не на основе истязания плоти», — писал М. М. Пришвин

Господ, заведомо богатых и важных, архимандрит приглашал в свои покои закусить, оказывал им особое внимание и гостеприимство, иногда даже не жалея шампанского. К известным богачам предупредительность простиралась до того, что специально за ними посылали пароход, а в церкви под ноги стелили ковёр и на подносе от архимандрита выносили персональную просфору.

Кавалер В. Верещагин, покинувший судно, насквозь пропитанное смесью запахов солёной рыбы, восковых свечей и грязного заношенного белья, не числился в реестре персон, заведомо полезных: «Мы вошли в пресловутую гостиницу, оказавшуюся самым ординарным зданием. Там, благодаря военному кресту в петлице, меня отличили назначением одного из лучших номеров в две комнаты. Кровати были ещё туда-сюда, но бельё до невероятности грязное. Я попробовал переменить его, но получил в ответ уверение в бедности заведения. Только после того как рублёвая бумажка помогла этой бедности, нам выдали чистые простыни и наволочки».

Состоятельных господ, соизволивших приобщиться к святыням монастыря, ожидали трёхкомнатные апартаменты с дорогой резной мебелью и зеркалами

Летом жизнь на островах кипела, переполняясь мирскими заботами. Нужно было не только угодить публике с размещением, но за три дня успеть показать товар лицом в стенах монастыря и обеспечить чистую публику упряжками-тройками для поездок в периферийные скиты. Тем, кто не мог оплатить транспортные услуги, предлагалось, как записал журналист С. Д. Протопопов, «пендюрить по дороге пешкодралом» 12 вёрст к Сергиевскому скиту на острове Большая Муксалма или столько же до северных скитов.

Скиты, которые демонстрировали богомольцам во время экскурсий, являлись не приютами для молитвенного безмолвия, а оживлёнными хозяйственными поселениями.

«Отшельничество они выполняют неразумно, плотской волей ведомые и разумом неразумяющим, не понимая ни того, что делают, ни того, в чём утверждаются», — жалел Нил Сорский иноков стяжательских обителей, где деловая активность и красочные церемонии лишили смысла уход от мира. Попытки пустынножителства на острове пресекались с начала XVII века крайне жестоко, ибо отток рабочей силы в леса наносил ущерб коллективному хозяйству. Отшельников ловили, заковывали в цепи, а жилища их разоряли.

«Устная проповедь оказалась подменённой назидательными картинками на стенах. За ненужностью перевелись люди, способные составлять проповеди. Формальные же проповеди, читаемые по книгам, совершались настолько плохо и невнятно, что не достигали ни слуха, ни тем более разума и сердец слушателей», — пишет П. Ф. Фёдоров.

Выдача книг из монастырской библиотеки в конце XIX века была ограничена ради искоренения *пустопорожних разговоров*. В 1898 году хранитель библиотеки монах Агафон, который 17 лет имел доступ к источнику знаний и пристрастился к чтению, был выслан в Голгофо-Распятский скит, ибо «погоня за книжной учёностью выбивала его из правильной колеи монашеской жизни». Архимандрит Иоанникий, отправивший Агафона на Голгофу, напомнил братии, что соловецкие скиты есть места наказания, куда наместники заточают «отчасти неисправимых» романтиков, или «за нетрезвость, дерзость и составление кляузных бумаг», или даже тех иноков, которые «явно блажили, скрывая это под маской юродства».

Первостепенное значение в монастыре придавали не духовному совершенствованию иноков, а их внешнему виду. Наблюдая братию в банях, П. Ф. Фёдоров не переставал удивляться парадоксальному несоответствию между бледными и худыми лицами монашествующих и их округлыми, гладкими, жирными телами, скрытыми от глаз публики под рясами. Вся совокупность впечатлений от посещения монастыря должна была убедить богомольцев, что Соловецкая обитель — святое благодатное место, прославленное чудотворными иконами, мощами, целебными источниками и чудесами, совершающимися по вере. Молитвы братии в таком месте всегда особенно успешны и действенны. Стоит только в колокола позвонить, а преподобные там за нас помолятся.

«Дух иночества в Соловках вытеснялся суррогатом и красивой позой напоказ», — отмечал доктор П. Ф. Фёдоров.

«Духовно-нравственная сторона ученья Христа Спасителя стоит на заднем плане и заменяется обрядностью... Само монастырское богатство, всюду и во всём бьющее в глаза, всеми богомольцами воспринимается за видимое благословение Божие, за явную милость Преподобных, неустанно заботящихся о всяческом изобилии избранного ими места. Яркие краски, позолота, лазурь так и бросались в глаза зрителю, подавляя своим чисто восточным великолепием.

Почти каждый паломник, прося о какой-либо помощи или получив её, сам приносит от себя какой-нибудь дар святым угодникам, кладя оный на раку близ ног. Всякий приносит по силе возможности, чем он богат: кто кладёт платок, кто — холст, кто — варежки, рукавицы, рубашки, всевозможные мотки ниток, полотенца и так далее. Раз даже был такой случай: один зырянин из Печёрского края поднёс преподобным лыжи, причём задки их стояли на полу, а носки упирались в самые раки», — констатировал П. Ф. Фёдоров.

Наличие дармовых рабочих рук позволило архимандриту Иоанникию в начале XX века завершить возведение валунной дамбы между островами Большой Соловецкий и Большая Муксалма, где находились скотный двор, скотобойня и птичник. Работами руководил талантливый строитель и организатор монах Иринарх, придавший дамбе её современный вид. Повторяющая своей формой расположение отмелей в проливе Железные Ворота километровая дамба из циклопических валунов имеет трое арочных ворот для прохода карбасов.

Потребность в надёжной связи со скотным двором на острове Большая Муксалма вынудила проложить дорогу через море

Дамба нарушила водообмен в заливе Долгая губа, вызвав накопление сероводорода и исчезновение форм жизни, требующих чистой среды обитания. Урок Соловецкой дамбы, по замечанию гидробиолога Е. А. Нимбурга, не учли строители дамбы в Невской губе.

«В Соловки приезжали, как в санаторию, для излечения душевных и телесных недугов. В Филипповской пустыни всегда толпилась очередь перед столиком с камнем, который, судя по надписи, служил изголовьем святителю Филиппу во времена его иноческого послушания в пекарне. Считалось, что если с этим камнем на голове обойти часовню посолонь (по солнцу. — *Юр. Бр.*), то можно навсегда излечиться от головной боли», — записала О. В. Яфа, впервые приехавшая на Соловки паломницей в 1910-х годах. Валун весил за полпуда (более восьми килограммов), и его нужно было придерживать обеими руками. Сеанс осложнялся мириадами слепней, слетавшихся на запах пота, не говоря уже о неудобствах, доставляемых комарами и другими кровососущими насекомыми. Однако от желающих отбоя не было, причём из-за мест в очереди к целительному валуну среди больных головою богомольцев «нередко вспыхивали ссоры чуть не до драки, особенно среди женщин», добавляет доктор Фёдоров.

В Филипповой пустыни в XIX веке возник ритуал ношения на голове особого камня, чудом лечившего паломников с больными головами

Ольгу Яфа никак нельзя заподозрить в атеизме. В её дневнике «Авгуровы острова» есть рассказ о том, как в 1930 году она, едва переболев в лагере тифом, вошла в лес у Троицкого скита. Внезапно упала тьма, налетел ветер, началась пурга. Следы, по которым можно было вернуться назад, исчезли. Истратив силы на поиски дороги, Ольга провалилась в снег, ноги подогнулись сами собой. Не поднимаясь с колен, узница стала вспоминать слова молитвы о спасении души уже без надежды на спасение тела. После молитвы буря на мгновение стихла, и этого было достаточно, чтобы сквозь деревья увидеть проблеск света в окне анзерского барака. Ольга Викторевна пишет, что у неё никогда не было сомнений в том, Кто спас её на Соловках.

Описанный О. Яфа и другими очевидцами ритуал хождения с камнем на голове восходит ко времени архимандрита Александра, когда продажа нематериальных услуг превратилась в главный источник доходов монастыря. Деньги от эксплуатации народной религиозности к концу XIX столетия составляли 85% прибыли Соловецкой обители, ещё 13% дохода приносили дивиденды от монастырских капиталов, лежавших на счетах в банках. Прибыль от продажи товаров собственного производства не превышала двух процентов.

Именно Александр совершил благочестивый обман, или в лучшем случае литературно оформил явно легендарные, по замечанию Владимира Скопина, сведения о святом камне, служившем подушкой игумену Филиппу, и о святом источнике, обретенном Филиппом в «отлично-распрекрасном месте». Колодец, вырытый, впрочем, не ранее середины XVIII века, объявили Живоносным источником, вода которого якобы излечивала все болезни и продавалась по 15–20 копеек за склянку.

Опустевшая усыпальница Зосимы, где покоилось тело преподобного до обретения его мощей, была приспособлена братией для оказания духовно-стоматологической помощи богомольцам, страждущим исцеления. Доктор медицины П. Ф. Фёдоров описал крест из толстых сосновых брусьев, обладающий целительным действием против зубных болей: «Нужно только с верою, после предварительной молитвы, собственными больными зубами грызть этот крест; он так усердно грызётся паломниками, что в одном месте уже перегрызен, и верхняя часть стоит отдельно, приставленная к стене. Многие, желая запастись целеющим деревом, стараются отгрызть его как можно больше, заворачивают отгрызенные куски в бумажки и прячут в карманы».

Врач отобразил и другой вид монастырского лекарского предпринимательства, «производивший весьма странное впечатление». Под балдахинном между раками Зосимы и Савватия Соловецких поперёк образов была натянута проволока, где паломники подвешивали на крючках серебряные макеты рук, ног, глаз, ушей и других своих органов, нуждавшихся в излечении. Ждущим чудесного исцеления богомольцам предлагалось вывешивать серебряные отливки в качестве наиболее результативного способа обращения к преподобным.

Презрительное отношение к стяжательству в среде православного духовенства нашло отражение в русской художественной литературе, в едком непечатном фольклоре просто-народья, а также пословицах и приметах. Поп любит блин, да чтоб не один. Кому тошно, а попу в мошно. Попу да вору — всё впору. Неожиданно встретишь священника — жди беды. Подвести под монастырь — поставить в безвыходное бедственное положение.

Криминальная публика заимствовала в жаргонную речь ряд понятий, связанных с жизнью церкви, преломив их смысл по-своему. Слово «святцы» в первой четверти XX века означало игральные карты, а «поповский карман» — это бездонный карман, пришитый изнутри к прорези шкер (широких брюк), в который магазинные воры опускали похищаемые товары.

«Лицемерством для обмана людей с целью получения материальной выгоды» счёл святитель Тихон Задонский нехитрые хитрости монахов.

Философ-утопист Карл Маркс узнал о хозяйственных успехах монастырского сообщества из труда В. И. Немировича-Данченко «Соловки». Название этой книги, автор которой счёл монастырь прообразом будущих коммун, Карл Маркс внёс в каталог домашней библиотеки под № 74.

Основоположник марксизма, анализируя успехи «крестьянского царства», отказавшегося от частной собственности на средства производства, предположил, что Россия, ведомая Соловками, может стать локомотивом мирового революционного движения.

Святитель Филарет (Дроздов), рассуждая о быте обителей, почитавшихся столпами православия, был в прогнозах менее оптимистичен: «Как скучно видеть, что монастыри все хотят богомольцев, то есть сами домогаются развлечения и искушения. Правда, им недостаёт иногда способов, но более всего им недостаёт нестяжания, простоты, надежды на Бога и вкуса к безмолвию».

Монастырь лишён духа,
и, чувствуя, это не только
теперь, но и прежде так было.
Недаром Соловки не внушали
мне доверия. Было крупное
хозяйство, была большая
распорядительность и умение,
но смысла и цели
что-то не видать...

П. А. Флоренский

Священник и философ, именем которого впоследствии назовут одну из улиц на Соловках, П. А. Флоренский, равнодушный к судьбе святынь, не однажды сокрушался по поводу провала главной миссии, казалось бы, успешного монастыря, утратившего святость в погоне за мирским успехом: «Не знаю почему, я с детства не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нём, он не казался мне ни глубоким, ни содержательным, несмотря на большое значение в истории. Умом я понимаю несправедливость такого отношения, но всё же оно остаётся и даже растёт. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения». Великий богослов, как заметил священник А. Кураев, ни разу не упомянул Бога в сотне своих писем из Соловков.

Дух обители — это духовность братии. Евгения Львова не могло не удивить сообщение архимандрита в 1894 году о том, что «обитель не брезгала ни беглыми, ни недовольными государственными строем, если они только хорошо хоронили концы. Монастырь не отказывал никому, в том числе и отставному палачу, пожелавшему постричься несколько лет назад, считая это верхом политической мудрости». Небрезгливая мудрость Соловецкой обители при пополнении рядов черноризцев потворствовала заполнению келий иноками, вряд ли способными своими молитвами положительно влиять на судьбы страны и её правителей.

Обиженный архимандритом иеродьякон Виктор, привыкший к постоянному получению денег за исполнение роли пастыря, а потом за строптивое поведение временно лишённый своей части кружечного сбора, «из сердца не может выкинуть угнетающих дум о такой несправедливости», сильно переживая своё отлучение от коллективной кормушки. Чем ему после потери законных десяти грошиков платить за стирку белья, колку дров, уборку ретиральных мест? «Самому себе, что ли, теперь придётся стирать бельё?» — искренне недоумевает иеродьякон в своём письме, вопрошая ответа у Архангельской духовной консистории.

«Я не жил праздно, а исполнял послушание — участвовал в череде священнослужений — следовательно, приносил прибыль, а трудящиеся монахи имеют право на получение своей денежной доли из монастырских доходов», — твёрдо убеждён священнослужитель Виктор, плоть от плоти соловецкой братии.

Стяжательские интересы вытеснили нравственные ценности, способствуя деградации иноков. В монастырских стенах укоренялся порочный образ жизни, способный уродовать судьбы людей, искренне уходивших из мира в обитель ради спасения души.

Я оставил мир прелестный,
Жизнь покойную избрал,
Начал жить в пустыне тесной,
Но страстей не избежал.

Эти вирши о днях своей юности написаны монахом Аведием (Востоковым), «не нашедшим искомого перед мерцающими лампадами и прекрасным ликом Богоматери» в процветающем Соловецком монастыре.

О, как очень тому трудно,
Кто вино пьёт нерассудно.
Поутру встаёт с похмелья,
Но кругами ходит келья.
Во рту дух всегда поганый,
А гром в брюхе непрестанный.
Выпьет он воды иль квасу —
Вырыгнет не позже часу.

Так монах Аведий запечатлел образы иноков «великой государевой обители», смысл существования которой, согласно уставу, заключался в спасении братии путём молитв о ниспослании благоденствия императору, его семье и всему миру. Видимо, молитвы братии не были сколько-нибудь действенными.

Вирши из дневника инок, найденные в Новобратском корпусе, есть ключ к пониманию причин гибели православного царства. Пьяное людское стадо на картине В. Г. Перова, бредущее с перевёрнутыми иконами навстречу воскресшему Спасителю, Ф. М. Достоевский назвал *высшей художественной правдой*, которая даётся лишь истинному таланту. П. М. Третьяков тут же купил это полотно для своей знаменитой галереи вопреки угрозам святош заточить его и автора полотна за богохульство в Соловецкий монастырь.

Сельский крестный ход на Пасхе.
Художник В. Г. Перов. 1861. ГТГ

«Почему среди тысяч иноков, принявших постриг в Соловецком монастыре за пять веков его существования, очень немногие достигли духовного просветления?» — вопрошал историк С. А. Морозов. Ответ дал И. Я. Сырцов в дозволенном цензором ещё в 1879 году исследовании, посвящённом причинам антиправительственного бунта монахов в Соловках.

Говоря об отношении соловецких монахов к окружающему миру, И. Я. Сырцов отмечал, что «эти отношения *всегда* имели за собой заднюю мысль, были проникнуты эгоистическими и корыстными интересами. Вся деятельность монахов была направлена к одной главной цели, именно к приобретению материальных выгод и независимости».

«Монашество наше подобно роскошному зеленеющему дереву, но изнутри совершенно сгнило. Первая же буря свалит его, а с ним — всё православие», — сожалел свт. Игнатий (Брянчанинов) в 1860-х годах по поводу нравов, царивших в современных ему благолепных и финансово благополучных монастырях Русской православной церкви.

Московский Златоуст святитель Филарет (Дроздов) высказался более образно: «Некто, живущий в монастыре, но не монастырски, имел видение: монастыри плачут, и вопль их восходит к небу. Я думаю, что монастыри плачут о том, что живущие в них много строят стен каменных, а мало пекутся о создании дома душевного, от них же первый аз есмь».

Из пятиугольника Соловецкого монастыря по ночам к небу столетиями устремлялись горячие молитвы из келий черноризцев и горячие проклятия колодников из тюрем. «Соловки без тюрем — не Соловки. Как и Россия без Сибири — не Россия», — отрезал историк Николай Борисов.

Синдром Секирной горы

Избиение неповинной карельской рыбачки на Секирной горе оказалось первым звеном в длинной цепи событий, преобразивших безгрешные земли Соловецкого архипелага в зону безысходных мучений. Место добровольного уединения оказалось центром принудительной изоляции. Крепостные стены, возведённые для защиты от влияния мира снаружи, стали застенками для насильственного удержания тех, кто внутри.

Превращение обители в острог не являлось на Руси чем-то исключительным. Иноки многих монастырей: Антониево-Сийского, Кожеозерского, Николо-Карельского, Кирилло-Белозерского, и не только на Севере, были вынуждены чередовать богослужения с обязанностями надзирателей. Список монастырских казематов империи велик, но первенство в нём принадлежит Соловкам, их тюремные реалии задолго до появления большевиков предвосхитили спайку слова «архипелаг» с аббревиатурой ГУЛАГ. Шёпот о каменных мешках времён Ивана Грозного перерос в звонкую славу монастыря-лагеря при Иосифе Сталине, предопределив ассоциативную реакцию людей на понятие «Соловки».

Преображение места богомолья в регулярную тюрьму, а монахов — в тюремщиков произошло под давлением московской светской власти и не встретило возражений со стороны церковных иерархов. Монастырь, являвшийся по своей сути островом спасения в море страстей, не смог отгородиться от мира ни водами, ни стенами. Иноки в большинстве своём не радовались, но и не сопротивлялись указам наместника бога на земле, помазанника божьего царя-батюшки. Монахи быстро приспособились исполнять роли надсмотрщиков и экзекуторов. Среди обиженных миром нетрудно найти тех, кто готов обижать мирян.

Стяжательская деятельность иноков в миру, пусть даже с благими целями, противоречила смыслу монашеского ухода из мира. Связи хозяев вотчин с должниками и смутьянами воспитывали жёсткость и отсутствие сострадания: «Монаху Дионисию отправиться в Шую Карельскую, схватить крестьянина Андрея Еремеева, заковать в цепи и скована привезти на монастырский двор, бив плетьюми и палками, пока не заплатит податей монастырю», — гласила типовая грамота-инструкция, выданная в 1568 году соловецким игуменом монастырскому приставу-исполнителю.

Представление о нравах, царивших в Соловецкой обители в период её наивысшего экономического могущества, даёт сюжет из материалов «распросного дела», привезённого в Москву царским стольником Алексеем Хитрово. Он в середине XVII века руководил дознанием по поводу слухов о пришествии Антихриста, которые распространялись по стране из Соловецкого монастыря. Среди документов Хитрово есть сообщение о старце Филарете, желавшем нечто сообщить по сути дела московским дознавателям, но игумен не дал чернецу раскрыть рот. Монаха напоказ другим было «велено смирить монастырским смирением» на лобном месте, притянув верёвкой к бревну, врытому в землю посреди двора перед храмами божьими. «И оне ево били плетьюми. И от те побои тот старец Филарет Бертенев умер после побои с неделю спустя», — так кратко сообщил об убийстве Филарета монастырский летописец. Это событие произошло в 1667 году, прославленном в истории тем, что в Англии Исаак Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения.

В образе Соловков и ныне, сквозь румяна реставрации цивилизации, сквозит какая-то неистребимая жуть.

*Н. С. Борисов,
историк*

Массовое превращение монастырей на Руси в места расправы над неугодными произошло, после того как игумен Иосиф Волоцкий, получив поддержку государя Василия III, разгромил религиозное течение северных старцев, полагавших, будто бы церковь как институт духовный не должна стяжать богатства, владеть вотчинами и душами.

Поражение нестяжателей означало отрицание доордынского опыта затворничества аскетов и пустынников, уходивших из мира для «духовного делания». С XV века духовную энергию братии в монастырях в немалой степени поглощали мирские заботы, приводя к самоубийственному разладу духа и силы.

Нестяжательская идеология преподобного Нила Сорского и князя-инока Вассиана Патрикеева была объявлена чуждой государственной религии со всеми вытекающими по нормам отечественного Средневековья последствиями. Для уничтожения своих противников, которых можно было объявить еретиками, преподобный Иосиф Волоцкий в 1504 году получил право сжигать религиозно неблагонадёжных на кострах. Напрасно образованный полемист Вассиан Патрикеев советовал вождю стяжателей, ежели он так уверен в своей божественной правоте, сжигать отступников силой молитвы, а не на кострах палачей. Стараниями стяжателей монастыри превращались в зоны уничтожения несогласных, которых гнобили угарным газом, душили в тюремных чуланах, а чаще устраивали аутодафе — сжигание автопов и их книг на кострах.

Великое множество русских икон имеют традиционный сюжет: одна или две фигуры святых отцов-основателей, а перед ними расположено их творение — монастырь, храм или скит. Однако в собрании Соловецкого государственного музея хранится нетипичная на первый взгляд икона XVII века. На этой иконе детищем преподобных Зосимы и Савватия представлен не весь монастырь, а его малая часть, дающая представление не о форме, а о сути. Зрительным и смысловым центром композиции этой иконы является не монастырь, а зарешеченное стрельчатое окно. Оконце не написано краской, а выдолблено между фигур на уровне глаз преподобных. Решётка на первом плане со знанием дела, натуралистично выполнена мастером из полос металла.

Знаток древнерусской живописи Севера Т. М. Кольцова полагает, что решётчатая конструкция в центре иконы — это пчелиный улей как метафорический образ монастырского общежития, тем более что Зосима Соловецкий известен на Руси как защитник пчеловодов. Появление покровителя российского пчеловодства на острове, где пчёл не было отродясь, выглядит комичным: имя Зосимы из карельского селения Загубье Толвуйского погоста перепуталось с именем Зосимы-пчельника, мученика времён раннего христианства.

Другое объяснение появления на иконе окна с решёткой гласит, что за окном, видимо, находились ячейки для чудотворных мощей, закрываемых ставнями, позже утраченными.

ПРЕПОДБНЫ ЗОСИМЪ СОА

ПРЕПОДБНЫ САВВАТИИ Б

Преподобные на посту — образ для Соловков простой и понятный. Монахи, по наблюдению В. И. Немировича-Данченко, считали отцов-основателей *надзирателями нашими*, по особому сливая при произношении имени святых в одно слово — *Зосимосавватий*.

«Зосима и Савватий фигурируют в житиях в качестве покровителей и заступников монастырского имущества и вообще материальных интересов обители. Эти святые заставили человека, обещавшего монастырю коня и забывшего об этом, выполнить своё обещание.

Соловецкая икона конца XVII века. Преподобные Зосима и Савватий надзирают за исполнением обетов, данных людьми в пользу обители

Преподобные, как сказано в одном случае, *надзирают* за исполнением обетов, данных в пользу Соловецкого монастыря», — отметил искусствовед А. Г. Мельник в статье «Почитание преподобных Зосимы, Савватия и Германа в Соловецком монастыре в XV–XVI веках».

Первым заключённым соловецкой тюрьмы считается монах Сильван — ученик Максима Грека, написавшего пролог «Жития Зосимы и Савватия»

Первым из заключённых соловецкой тюрьмы, как полагает исследователь В. В. Скопин, скорее всего был сторонник нестяжательского образа жизни монах Сильван, которого в 1520-е годы осудили за то, что он критиковал занятие священнослужителей ростовщичеством, а также требовал запретить монастырям спекулировать хлебом во время голода. Довезли ли Сильвана до Соловков, неизвестно. Возможно, его удушили дымом в Иосифовом монастыре в Волоке Ламском.

В перечне наиболее знаменитых узников соловецких тюрем числится сторонник нестяжательских взглядов игумен Артемий. Воспитанник северной Порфириевской пустыни, поставленный Иваном IV игуменом Троице-Сергиева монастыря, он самовольно покинул высокий пост и вернулся назад в свою пустынь. Артемий оправдывал свой поступок тем, что не мог жить в окружении людей, *коия поют каноны да акафисты, а об исполнении божьих заповедей не заботятся.*

«Воистину горше всяких палачей тот, кто в лютоści очень коварен. Лукавые и любостяжательные мнихи (монахи. — *Юр. Бр.*) хотели, чтоб его забыли в Русской земле. Таков в нынешнем веке монашеский род, особенно на той земле, презлой и лукавства исполненной», — рассказал миру о жестокой мести церковников игумену Артемию его духовный сын князь Андрей Курбский.

Московский церковный собор 1554 года приговорил Артемию к заключению в келью *молчательную на Соловецком острове* якобы за причастность к ереси боярина Матвея Семёновича Башкина. Этот высокообразованный боярин проникся идеями христианства настолько, что, не довольствуясь показной набожностью, освободил своих холопов.

«...Никого на земле отцами титуловать нельзя, как и запрещено в Евангелии. Бог един, а церковь же — лишь собрание верующих, где обрядность и монашество основаны на человеческих преданьях, а не на текстах Евангелия. Попы, которые едят и пьют слишком много да накапливают имущество, — ложные учителя», — говорил Башкин. Поклонение иконам боярин называл идолопоклонством, а также сомневался в необходимости исповеди: «Как перестанет человек грешить, так и без священника нет на нём греха».

Церковники сожгли боярина за его взгляды на медленном огне. Нет человека — нет проблемы! Доказательств каких-либо связей Матвея Башкина с бывшим троицким игуменом Артемием собору представлено не было, но игумена тем не менее отлучили от церкви и приговорили к бессрочному заточению в соловецкой тюрьме без конкретного обвинения — *за многие ереси и богохульство.*

Истинной причиной травли нестяжателя Артемия было наличие у него собственного мнения, резко отличавшегося от меркантильной позиции множества церковников. «Всем страстям мати — мнение. Мнение есть второе падение», — провозгласили победившие иосифляне, объявив свои догматы единственно правильными. Способы утверждения стяжательских идей явно противоречили иноческой кротости. Олицетворение жестокости и бессердечия, опричный палач Малюта Скуратов, именем которого пугали детей на Руси, неслучайно удостоился почётногo упокоения в обители Иосифа Волоцкого.

Иосиф Волоцкий провозгласил монастыри особым видом социального служения, а монастырские богатства — запасом для оказания помощи неимущим и нищим. Князь-инок Вассиан Патрикеев, споря с Иосифом Волоцким, писал, что стяжание богатств неизбежно превращается в самоцель, а неимущий народ, нуждающийся в благотворительности, навсегда останется объектом притеснений и поборов. Владение вотчинами не только губительно для сути монашеской жизни, но и несёт безмерные страдания монастырским крестьянам.

В 1531 году, когда Вассиан Патрикеев предстал перед судилищем церковников-стяжателей, ему был задан вопрос: признаёт ли арестант святость новоявленных русских святых? Князь-инок, глядя в глаза мучителям, бесстрашно ответил, что не ведаёт, как могли стать чудотворцами основатели стяжательских монастырей, ибо «не велено во Евангелии сёл монастырям держати». Столь прямой ответ стоил Вассиану жизни, его уморили в застенках Иосифо-Волоцкого монастыря.

«Оковав преподобного веригами железными, святого мужа избили и поместили в очень узкую келью, не давая ни малейшего облегчения», — пишет об Артемии князь Курбский

В противовес иосифлянам последователи Нила Сорского отрицали применение насилия как способа исправления мира. Их отношение к инакомыслящим отличалось терпимостью: «Бог хочет не наказания грешника, а его раскаяния; насилие над совестью недопустимо», — считали нестяжатели, подкрепляя слова делами. Даже религиозные отщепенцы могли получить убежище в скитах нестяжателей, где иноки, не разделяя убеждений изгоев, пытались повлиять на их взгляды путём бесед и совместных молений, но не пытками или угрозой смерти. «Грехи должны быть стёрты, но не грешники», — учил преподобный Нил Сорский, видевший путь борьбы с ересями в духовном просвещении народа.

Победа церковников-феодалов над нестяжателями способствовала ожесточению нравов. Столичный протопоп Сильвестр — духовник Ивана IV, принявший сторону иосифлян, — требовал насильственного обращения в православие целого народа — жителей покорённого Казанского ханства. В молодости Сильвестр симпатизировал идеям нестяжательства, однако открестился от своих взглядов и сделал блестящую карьеру, вошёл в историю как автор «Домостроя». Сильвестр приложил руку к ссылке инакомыслящего игумена Артемия (якобы за ересь) в Соловки, а потом (якобы за чародейство) сам попал на вечное заточение туда, куда сослал Артемия.

Обитель на Белом море, куда отцы церкви заточили и Артемия, и его обличителя Сильвестра, стала иосифлянкой в полном смысле этого слова не сразу. Соловецкий чернец Иона восемь раз посещал Нилову пустынь, приглядываясь к образу жизни тамошней братии, но учение Нила Сорского о волевом постижении истины умной молитвой не прижилось в рабочем муравейнике. Строй монастыря требовал абсолютного закабаления младших старшими. «Послушание святыя отцы не труд разумеют, а отречение от своей воли, которое они ценят выше поста и молитвы», — гласила одна из надписей на стене галереи, ведущей к Спасо-Преображенскому собору, скопированная доктором П. Ф. Фёдоровым.

Восхваление избиения «корельской жёнки» на Секирной горе не прошло бесследно. Насилие, возведённое в ранг чуда, проецировалось на повседневную жизнь. Что бы братия ни строила — получалась тюрьма. Камеры для узников были даже под ступенями первой в обители каменной Успенской церкви и в подклетьях Спасо-Преображенского собора. Храмы в монастыре белили ежегодно, но за белыми-белыми стенами в тёмных чуланах ютились колодники.

< «Соловецкий монах Трифон немало поработал, чтобы устроить внутри крепостной стены такие казематы, из которых не только не мог бы выйти заключённый, но и свет божий только украдкой входил в эти гробы для живых людей», — считал М. А. Колчин, первый историк тюремного прошлого Соловков

Городовой старец ежедневно выдирал между камней крепости цветочки, чтобы их корни не повреждали кладку, а внутри массива стен, в камерах, где сырость не исчезает никогда, громыхали кандалные цепи. Количество узников достигало десяти процентов от числа монашествующих, что существенно больше, чем пресловутая ложка дёгтя в бочке мёда.

Официальный флаг Соловецкого монастыря представлял собой не что иное, как российский триколор, дополненный в верхнем левом углу изображением чуть искажённого иерусалимского креста. В отличие от этого классического знака, на соловецком флаге четыре крестика между перекладинами большого креста сдвинуты так, что создали рисунок, явно похожий на тюремную решётку.

Флаг Соловецкого монастыря в «Альбоме штандартов, флагов и вымпелов Российской империи и иностранных государств». 1850 год

Казематы в толще стен соловецкой крепости, где людей губили не за преступления, а за убеждения, изначально строились с прицелом на содержание в них колодников. Железные тяги для цепей, на которых держали людей, не перержавели за четыре столетия.

Отчётная «Опись находящихся в Соловецком монастыре тюрем», составленная комендантом острога архимандритом Варсонофием в июле 1743 года, перечисляет девять тюрем, в которых страдали десятки узников. «Для посылаемых в заключение существовало несколько тюрем, устроенных в земле и на земле, совершенно холодных и сырых или с некоторым светом и теплом... Наземные были немногим лучше ям. Та же была теснота, темнота и нечистота, та же сырость и губительная атмосфера», — свидетельствовал бывший соловецкий архимандрит Макарий.

Вход в Головлёнковскую тюрьму, устроенную в стене восточного прясла, скрыт в третьей бойнице к северу от Архангельской башни

Профессор Георгий Фруменков, автор книги «Узники Соловецкого монастыря», которому довелось просмотреть в архивах более пятисот дел соловецких колодников и ссыльных, обратил внимание на то, что время заключения в тюрьму исчислялось не конкретными сроками, а указаниями: *впредь до исправления, до кончины живота, держать скованным в тяжчайших трудах навечно, до конца жизни неусходно.*

Тела заключённых, умерших в застенках узилища, без отпевания закапывали в землю за Онуфриевской церковью, вне ограды погоста, на раскольничьем кладбище — там, где во время соловецкого сидения старообрядцы хоронили своих погибших. Мартиролог жертв тюрьмы на острове, по подсчётам Г.Г. Фруменкова, включает в себя более 400 имён.

Места заключения в Соловецкой обители монахи подразделяли на первотяжкие, тяжкие и крепкие. Крепкие, то есть с наиболее жестоким режимом содержания узников, камеры представляли собой ямы глубиной около двух метров. Пол и стены земляных тюрем облицовывались кирпичом, чтобы исключить возможность подкопа. Сверху камера-могила перекрывалась деревянным накатом, который присыпался слоем земли. Пища, сосуд для испражнений и клочок сена в качестве постели опускались через люк столь маленький, что пролезть сквозь него было невозможно.

Кроме холода, темноты и сырости узники земляных тюрем страдали от нашествий крыс, смертельно опасных для слабых и больных. Монастырские крысы нападали на людей, едва те погружались в сон, и обгрызали уши, губы, носы... Рассчитывать на помощь стражей колодники не могли, особенно после того как сердобольный охранник был жестоко избит на лобном месте за то, что бросил в яму несчастному бунтовщику Ивашке Салтыкову палку для защиты от крыс.

Инок Варлам превратился в узника Владимира, которого в 1599 году посадили на короткую цепь ценой шесть алтын, на треть дешевле, чем цепь для монастырской собаки.

Дух острога пагубно влиял на судьбы соловчан, обитавших по обе стороны тюремных решёток. Даже игумен Филипп, при котором содержание заключённых стало частью быта иноков, в конце концов сам оказался жертвой московского *басманного правосудия*.

Острог на острове отражал все перипетии расклада сил и влияний на Большой земле, хотя сопроводительные документы, приходившие вместе с узниками, зачастую весьма завуалированно говорили о причинах заключения. Приговоры являли собой тюремно-канцелярские штампы: *по подозрению, за вредный образ мыслей, за совращение себя в раскол, за дерзкое порицание образа правления, за неправильное толкование Манифеста*. В отдельных случаях узники считались секретными и безымянными. Про них стражники в рясах ничего не знали, но должны были караулить особенно тщательно.

Наряду с более или менее заметными персонажами российской политики, оказавшимися в соловецкой тюрьме, здесь же коротали жизнь вполне заурядные холопы царя-батюшки. В 1628 году дьяка Василия Маркова отправили на остров за растление дочери; через семь лет прибыл чёрный поп Гедеон, в сильном подпитии вывалившийся без риз из алтаря; в 1648 году на Соловки доставили попа Нектария — он в пьяном виде мочился в храме божьем на виду у изумлённой паствы.

Даже дети не избежали соловецких казематов. Десятилетний Ваня Панасенко попал в тюрьму за нечаянное убийство восьмимесячной девочки. Несчастливого ребёнка держали в клетке, выпуская лишь для исполнения работ, пока он не подрос для службы в армии. Подобную Ване Панасенко публику содержали в заключении не особенно строго. Таких узников использовали в качестве рабочей силы в поварне, на мельнице, при заготовке дров.

О некоторых колодниках сохранились упоминания, граничащие с легендами. Достоверно неизвестно, сидел ли в Соловках зодчий Фёдор Конь, признавшийся на допросе у Петра Басманова, что по пьяному делу кричал вслед за Костей Лекарем, будто царь Дмитрий не настоящий, а «расстрига и изменник».

Литератор Дмитрий Кедрин, автор поэмы «Конь» о судьбе великого городского мастера Ф. С. Коня, в стихах воссоздал народные сказания об удачном побеге из тюрьмы строителя укреплений Белого города в Москве и крепостей вокруг столицы Руси. Конь находился в Соловках как враг государства.

Дабы греховное веселье
Не приходило в ум ему,
Посажён Федька был не в келью,
А в монастырскую тюрьму.
Там вместо ложа — гроб короткий,
И густо переплетено
Тройною ржавою решёткой
Слепое узкое окно.

Одним из самых высокопоставленных узников Соловков был касимовский хан Симеон Бекбулатович, крещёный татарский царевич, племянник второй жены Ивана IV Марии Черкесской, который по воле царя десять месяцев являлся местоблюстителем трона государя всея Руси. Когда Иван Грозный вернулся в столицу из опричной Александровской слободы, Симеон получил в управление Тверское княжество. После смерти Ивана IV он был насильно пострижен в монахи, дабы вдруг недавний местоблюститель царского титула не вздумал претендовать на царствие. Симеону Бекбулатовичу палачи выкололи глаза, и государь Василий Шуйский в 1606 году отправил бедолагу в Соловки.

Помазанник божий Иван VI Антонович законно стал императором российским 17 октября 1740 года, но 25 ноября следующего года оказался низложенным дочерью Петра Елизаветой. Местом заточения Ивана VI назначили Соловецкий монастырь, но обоз в ожидании начала навигации застрял в Холмогорах, откуда бывшего царя увезли в Шлиссельбургскую крепость, где он был позднее убит.

Соловки едва не стали местом заключения *первого русского императора* — галицкого дворянина Юрия Богдановича Отрепьева, постриженного в монахи под именем Григория. Когда монах по наущению бояр Романовых объявил себя чудом выжившим царевичем Дмитрием, Борис Годунов повелел *запереть самозванца в Соловках*, но тот успел скрыться и, благодаря поддержке влиятельных москвичей, захватить столицу.

Лжедмитрию как помазаннику божьему присягнули на кресте бояре и высшее духовенство, он был с соблюдением необходимой обрядности возведён на царствие в Архангельском соборе Кремля и увенчан шапкой Мономаха, обретя титул *божьей милостью император и великий князь всея Руси*. Соловецкий монастырь торопливо отозвался на коронацию самозванца обустройством в Успенской церкви придела Дмитрия Солунского, небесного покровителя нового царя Дмитрия.

Среди наиболее заметных современников Лжедмитрия нельзя не вспомнить воеводу и писателя Аверкия Палицына, поплатившегося за свои резкие высказывания. Патриот осмелился предречь гибель Московского государства *по причине безумного молчания людей, не смеющих глаголити правду своим государям*. Воеводу заставили умолкнуть, доставив на остров в 1598 году. В Соловках он, страдая от бездействия, принял монашество, стал чернецом Авраамием и якобы исчез для мира как политическая фигура.

Монах Авраамий, имевший опыт руководства, был возвращён на материк начальником подворья Соловецкого монастыря в столице, а затем поставлен келарем Троице-Сергиева монастыря. В Смутное время Авраамий оказался участником посольства, которое ездило приглашать королевича Владислава на русский престол. В Варшаве Палицын подвёл главу посольства патриарха Филарета, ибо присягнул не королевичу, а его отцу королю Сигизмунду III, который вознамерился править Россией сам. Филарета в Речи Посполитой арестовали, а Авраамий вернулся, забыл о присяге Сигизмунду и примкнул к народному ополчению, которое очистило Москву от поляков и казаков. Палицын принимал посильное участие в избрании на царствие Михаила Романова. Когда же отец 16-летнего царя патриарх Филарет вернулся из польского плена и сосредоточил власть своих руках, Авраамий покинул Троице-Сергиев монастырь, где рассчитывал встретить старость, сделав несколько больших денежных вкладов. В 1620 году Авраамий укрылся в Соловках, где через семь лет умер. Могила Палицына, автора «Летописи о многих мятежах», затерялась.

В 1872 году ливень смыл с надгробий у южной стены Спасо-Преображенского собора слой земли, и любознательный монах Серафим обнаружил на одной из плит имя патриота, сосланного, по сведениям Мариуша Вилька, «за измену в пользу поляков». Архимандрит Иоанникий в 1901 году украсил место захоронения сенью в виде беседки над саркофагом, стоящим на ядрах. Сень исчезла в 1930-е годы, но сама могила оказалась единственным монастырским захоронением, не разорённым долта в советские времена.

Во времена Палицына ссылка на Соловки не слишком страшила лишь князей церкви. Суздальский архиепископ Иосиф Курцевич в своей вотчине «во все дни ел мясное вместе с блудницей, которую держал подле себя. Он же разбойным обычаем научил своих скверных слуг таким делам, о которых не подобает говорить во избежание соблазна». Разжалованного архиерея оберегали в Соловках личный иеромонах да двое слуг, жившие при келье богатого штрафника. После смерти строгого патриарха Иоасафа, в 1640 году, архиепископ Иосиф пожелал переехать в Казанский Зилатов монастырь. Отказа он не получил.

У Спасо-Преображенского собора сохранилось надгробие защитника отечества Авраамия Палицына, небезызвестного узника Соловков

Князь Михайло Львов, глава Московского печатного двора, попал в Соловки за то, что, согласно докладу доктора государственного права Н. П. Загоскина, «умышленно допускать ложные прибавления в печатавшиеся у него книги». Ссылный стольник Львов нашёл общий язык со своими стражниками. «Старцы приносят ему сосудами и погребцами вино и водку и пьючи с ним», — доносил на матерь бдительный инок. После этой клязвы князя, который воодушевлял сотрапезников на неподчинение Москве, вывезли из Соловков.

В Антоновской тюрьме под Прядильной башней у Петра и Ивана Толстых за полтора года сгнила от сырости вся одежда.

Присутствие в среде монахов незаурядных узников отрицательно влияло на духовную атмосферу в обители и не раз становилось поводом для раздоров, наказаний и смущений. Не зря новгородский митрополит Никон 1651 году напоминал братии о бдительности при общении с колодниками, «ибо от тех ссылных бесчинщиков многие смуты случаются». Как в воду глядел! Но даже после поражения старообрядческого бунта, в подготовке которого ссылные чужаки сыграли не последнюю роль, Соловки не утратили своей грустной славы места заключения.

Свято место пусто не бывает. Не прошло и года после победы над монахами-бунтарями, как узником тюрьмы в обители стал недавний победитель смутьянов князь Иван Мещеринов, обвинённый в присвоении книг из келий убитых мятежников. В 1686 году ряды колодников пополнил иеромонах Сергей, сидевший закованным по рукам и ногам за неизвестные соловецким тюремщикам *скарედные дела*. Приток арестантов заметно усилился при царе Петре Алексеевиче, быстро оценившем тюремные достоинства соловецкого острога. Друг за другом и противники, и сторонники петровской модернизации России заполняли монастырские казематы.

*А. С. Пушкин, а за ним и Л. Н. Толстой
неслучайно лихом поминали Соловки.
Их общий предок — П. А. Толстой —
умер в камере соловецкого острога*

Бывшие властители и недавние судьи преобразались на Соловецких островах в бесправных осуждённых, что лишь усиливало недобрую славу архипелага в народном сознании. Князь Ефим Мещерский, связанный по службе с отправкой людей в Соловки, допустил просчёт и в 1722 году сам попал на остров в земляную тюрьму до кончины жизни его, как гласил указ главы Тайной канцелярии П. А. Толстого. Однако через пять лет, в результате интриг клана князей Долгоруковых, и сам Петр Андреевич вместе с сыном Иваном оказались узниками Соловецкой тюрьмы, из которой они уже не вышли. Отец, пережив сына на полгода, умер в 1729-м. Чаши «дивного бритвенного прибора итальянской работы, оставшегося от господ Толстых», были взяты в ризницу Спасо-Преображенского собора, возле западного фасада которого тюремщики без согласования с начальством предали земле тело любимца Петра Великого.

Камера в Антоновской тюрьме «на южной стороне Святых ворот в углу» после смерти Толстых пустовала меньше года. С 1730 года её обитателем стал видный дипломат князь Василий Лукич Долгоруков, исполнитель тонких поручений Петра Великого в европейских столицах. Сенатор Долгоруков был автором «кондиций», которые должны были ограничить царское всевластие рамками конституции.

После девяти лет заключения Долгорукову отрубили голову за *вновь открывшиеся вины*, а его место тюрьме занял другой судья графа П. А. Толстого — Платон Иванович Мусин-Пушкин, тоже *птенец гнезда Петрова*. До Соловков, в 1720-м, Долгоруков сменил Мусина-Пушкина на посту посла России в Париже.

Елизавета Петровна, придя к власти, освободила Мусина-Пушкина, но болезнь суставов после сырой камеры за год свела его в могилу.

Все идущие в Никольские ворота пересекают пространство клетки, где 26 лет держали в кандалах иеромонаха Ивана Буяновского

Приезд в Соловки государя Петра Алексеевича 1694 году совпал с присылкой на остров расстриги Иллариона Лопухина, бывшего монаха Иоанникия, который старался «испортить царя Петра» колдовством и рассылкой клеветнических подмётных писем.

В конце 1708 года поп Иван Святайло, его сын Иван и иеромонах Никанор (сподвижники генерального судьи Сечи В. Л. Кочубея, оклеветанного гетманом И. С. Мазепой) после пыток оказались в монастырской тюрьме. Когда предательство Мазепы стало очевидным, казаков по указу Петра I отпустили домой.

Реформы Петра Великого добавили в штат Соловецкого монастыря вакансии инквизиторов, то есть монахов-дознавателей, призванных на месте производить расследование ситуаций, возникающих на острове. Эти должности в Соловках начиная с 1713 года десять лет исполняли иеродьякон Иосиф и провинциал-инквизитор иеродьякон Александр. Папки с делами службы соловецких инквизиторов хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

В 1723 году инквизитору иеромонаху Мирону пришлось разбирать дело заключённых балканских монахов Евфимия, Герасима и Парфения, которые объявили в тюрьме «слово и дело государево» — заявили о сопричастности к секрету государственной важности. При расследовании выяснилось, что никакой тайной греки не владеют, а их подговорил так поступить сокамерник, иеромонах Иван Буяновский, который отбывал пожизненное заключение в земляной яме за оскорбительные отзывы об императоре. Отсидев год, Буяновский, благодаря секретной поддержке инока Гедона, с которым он общался тайнописью, смог перебраться в тёплую тюремную каморку под ступенями церкви, у хлебопекарни.

Недостатком этой камеры были её малые размеры. В борьбе за жизненное пространство, желая избавиться от соседей, хитрый Иван пообещал доверчивым чужакам, что если они выкрикнут «слово и дело», то их увезут на допрос в Москву. А уж хуже, чем в Соловках, места всё равно не найти. Когда обман открылся, Буяновский был приведён на заседание монастырского трибунала из шести судей в рясах для определения меры наказания за подстрекательство сокамерников.

Не ожидая пощады, не отвечая на вопросы, узник вдруг объявил, что ведает-де «слово и дело государево». Расстрига Иван Буяновский, который прежде был соловецким иеромонахом Иосифом, сказал, что он знает, как архимандрит Варсонофий присвоил драгоценные камни, выломанные неким вором из окладов икон. А вора этого архимандрит по взаимному сговору отпустил. Кроме того, Ивану доподлинно известно о дезертирах, которых соловецкие монахи за мзду скрывают в вотчинах, и о воровстве президента юстиц-коллегии графа П. М. Апраксина.

Смирять строгим смирением, иначе говоря, до смерти пороть свидетеля на лобном месте, члены трибунала побоялись. Инквизитор Мирон, спасая настоятеля, тянул расследование полтора года, пока Тайная канцелярия не потребовала срочно доставить Ивана Буяновского в столицу. Получив грозное предписание, не дожидаясь начала навигации, 1 января 1725 года специальный конвой с риском для жизни погнал узника, закованного в ножные и ручные кандалы, по льду на материк, чего обычно зимой не делали.

Бывший иеромонах Иван Буяновский, доставленный в Москву, был допрошен в Канцелярии тайных розыскных дел, но не смог доказать правдивости своих обвинений. Прошло слишком много времени, и следы преступлений были стёрты. Буяновского высекли столичными плетьюми и возвратили в Соловки, где 26 лет, до своей смерти в 1752 году, он сидел на цепи в клетке, устроенной в нише крепостной стены у замурованной амбразуры.

В конце XVIII столетия тюремную камеру Буяновского растесали вверх и в стороны, превратив нишу в Никольские ворота. Эти ворота и поныне числятся нулевой точкой отсчёта расстояний основных соловецких дорог.

Арготическая речь XVII века
высветила тождество обители
тюрьме: «монастырские чётки»
Ваньки Каина — это кандалы,
а «стукалов монастырь» — это
прозвище Тайной канцелярии.

После хлопот с отправкой Буяновского арестантов перестали этапировать в Тайную канцелярию. Когда же бывший казачий писарь из Лубен Захар Петрович Патока прошепелявил своим уже урезанным языком «слово и дело», то допрос состоялся в Соловках. Казак божился, что Г. И. Головин и барон П. П. Шафиров связаны с Мазепой, но прапорщик Иван Резанцев в мае 1724 года счёл, что слова казака «есть публичное блевание». Захар Патока сгинул в тюрьме.

Бывший игумен Мошнегорского монастыря Иоасаф со священником Фёдором Ефимовым и казначеем Троице-Сергиева монастыря монахом Феогностом в 1728 году оказались в Соловках за *важные вины*. Инструкция повелевала «держатъ их в самых крепких тюрьмах порознь, их не выпуская, к ним никого не впуская, и ни в чём им не верить». В 1743 году бывший игумен закричал «слово и дело», он клялся, что может сдать клад, зарытый на берегу Днепра. Начальник караула, не видя для себя выгоды от этого клада, приказал засечь арестанта до смерти, чтобы тот не орал.

Бюст атамана Запорожского войска Петра Кальнишевского поставлен на том месте, куда иноки выбегали со служб справлять малую нужду

Монаха Гедеона архимандрит Варсонофий в 1722 году велел бессрочно держать на цепи за то, что тот дал арестанту «ради учения» читать выписки из китайской книги. Тяга к знаниям каралась подобно занятию колдовством. В 1757 году Синод требовал ввергнуть в соловецкое узилище Михаила Ломоносова, презиравшего институт монашества за блудодеяние и содомство. Учёному вменили в вину распространение «коперниканской ереси», ехидную критику поповского постулата «Бог сие сотворил» и произнесение фразы: «По псалтыри астрономии и химии не выучишься».

Соседями М. В. Ломоносова были бы соловецкие иеромонахи Сергей и Рафаил. Они в компании с пономарём Кострюковым увлеклись волшебством настолько, что в 1752 году были наказаны пожизненным заключением.

Камергера Петра Салтыкова привезли в Соловки за общение с колдунами и знахарями. Он так верил в чародейские силы, что смог привлечь в помощники монахов-приставов. Тёзку Салтыкова, атамана Запорожской Сечи Петра Кальнишевского, перевезли с острова на остров, когда после покорения Крыма Сечь утратила смысл как приграничная сила, а хлопот от её обитателей всегда было много.

«Что представляло собою древнее казачество, зачем так упорно враждовало оно с государством? За право жить за чужой счёт, хищничеством добывать себе зипуны. В степях, в приволье хищников обычай жить за чужой счёт господствовал без прикрытий, казачья воля подразумевала право на бандитизм», — сказано Сергеем Соловьёвым в 1860 году.

Профессор Н. И. Ульянов, бывший узник соловецкой тюрьмы, характеризует обитателей Сечи, живших походным заработком, как субэтнический тип добытчика от соседних народов, ведущего гулящий, разбойный образ жизни. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» подчеркнул нехристианскую сущность казачества, уничтожавшего славянские селения для продажи людей в мусульманское рабство: «Казачи обращались с русскими и их храмами нисколько не лучше, чем с татарами, и хуже, чем татары».

Казачество являлось источником разбойных угроз и питательной средой для появления смутьянов, сотрясавших русский престол самостоятельно или в союзе с иноверцами.

В Смутное время банды казаков являлись ударной силой польской интервенции, особенно войска атамана Сагайдачного, которым противостоял Дмитрий Пожарский. Атаман Пётр Отяев, сосланный в Соловки в 1612 году, сидел в тюрьме на острове за разорение церквей, а донской атаман Постник Лунёв, сподвижник Лжедмитрия при захвате Москвы, едва откупился, отдав монастырю 20 золотых рублей в обмен на рясу. Став после пострижения Василием, он обокрал церковь и пытался сбежать на похищенном карбасе.

Во время Северной войны, в марте 1709 года, казаки переметнулись в шведское подданство, за что государь Пётр Алексеевич назвал Сечь «проклятым местом, которое корень злу и надежда неприятелю». Александр Меншиков, зачищая тылы, уничтожил в Запорожье несколько тысяч приспешников Карла XII.

После покорения Крыма — последнего оплота Золотой Орды — потребность в казачестве исчезла, а атаманы Болотников, Булавин, Пугачёв, Разин, Голый, Дранный, Хохлач раз за разом приносили смуту и гибель людей. В итоге «за дерзновенные поступки и оказание казаками неповиновения высочайшим повелениям» отряд барона П.А. Текелли по указу императрицы Екатерины Великой в 1775 году бескровно обезглавил Сечь, арестовав трёх её вождей. Ивана Глобу, войскового писаря Сечи, сослали в сибирский Туруханский Троицкий монастырь; судья Сечи Павел Головатый попал в Тобольск, к архипастырю Варлааму. Петра Кальнишевского, главного кошевого атамана, тайно привезли в каземат № 15 соловецкой Головлёнковской тюрьмы. Атамана следовало «содержать по указу за неослабным караулом, безвыпускно из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения».

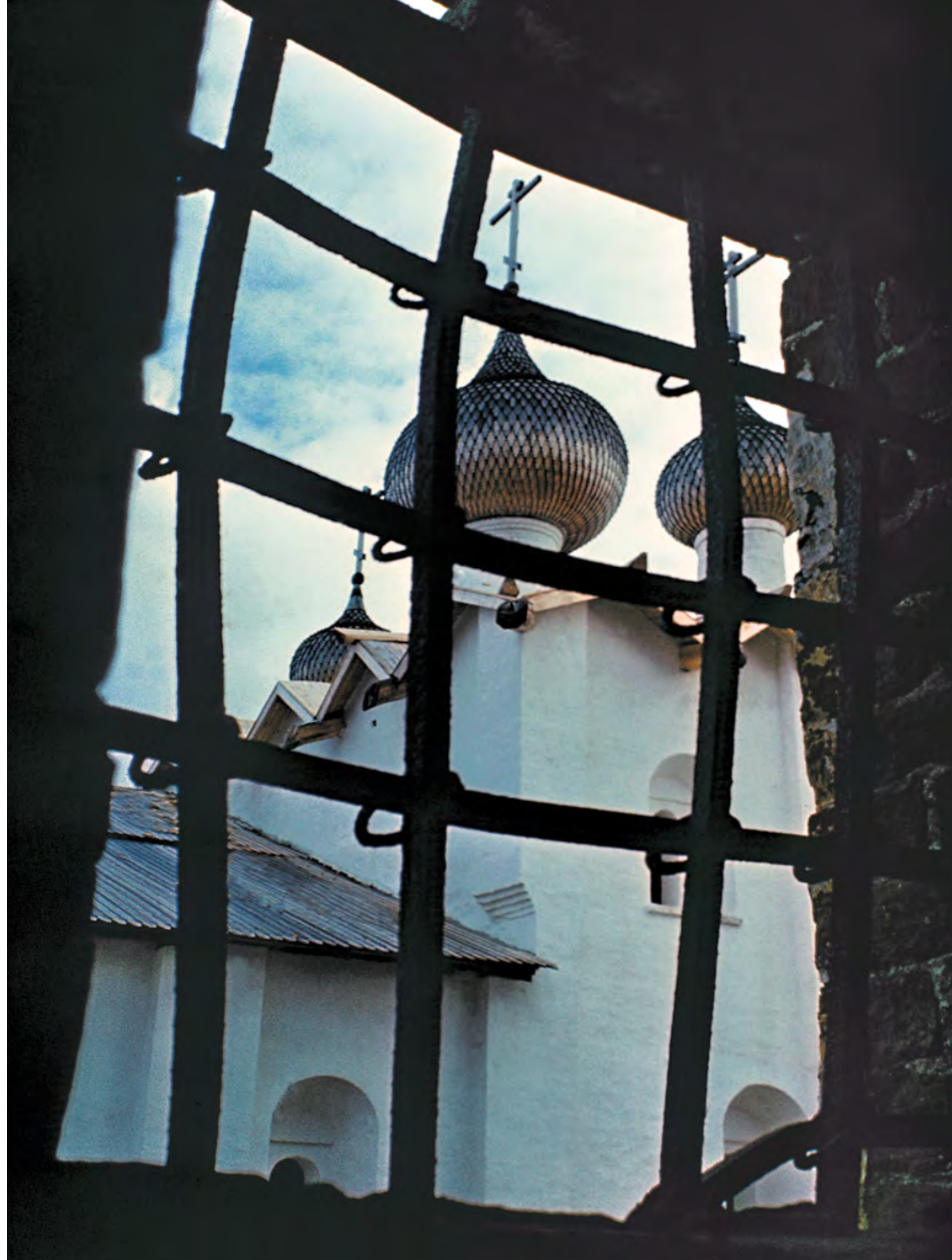
Кальнишевский, благодаря природному здоровью и огромному довольствию, составлявшему «один рубль в день кормовых денег», перестроил камеру и прожил в ней четверть века. В это же время узник «бывший Пушкин» как бывший дворянин содержался в тюрьме на десять копеек в день, а рядовые колодники — на две с половиной копейки.

Утратив зрение, атаман в 110 лет сохранил физическое здоровье, но, к радости тюремщиков, был сломлен морально, «обретя душевное спокойствие смиренного христианина, искренне познавшего свои вины». Несколько раз богатый узник одаривал монастырь дорогимикладами. Среди его подношений известны серебряный дискос весом около килограмма с ювелирной гравировкой, запрестольный серебряный с позолотой 14-килограммовый крест и Евангелие стоимостью 2435 рублей.

Освобождённый из тюрьмы в 1801 году, Кальнишевский не пожелал возвращаться на родную Украину. Он купил себе келью и добровольно пополнил ряды монахов — своих недавних тюремщиков. Надгробная плита с высокопарной эпитафией, составленной архимандритом Александром, появилась через полвека после смерти бывшего атамана. Эту плиту хозяева Соловков неоднократно перетаскивали по монастырскому двору, ибо реальное место захоронения последнего кошевого атамана Запорожского войска утрачено.

Могильная плита запорожского атамана Петра Кальнишевского, сосланного «за вероломное буйство и разорение российских подданных»

Соловецкая тюрьма на протяжении всей своей истории служила местом изоляции героев национальных движений за независимость. А. С. Пушкин упоминает в «Путешествии в Арзрум» *черкеса Шейх-Мансура, погибшего в Соловецком монастыре*. Этот видный военный, религиозный и политический деятель, ощутив себя пророком, шесть лет сражался под флагом объединения горцев Кавказа в единое независимое государство.

Память о подвигах чеченца Мансура стала легендой. В Татарстане полагают, будто пророк Мансур — это татарин Казембек, погибший в Шлиссельбургской тюрьме. По мифу, опубликованному в журнале «Русская мысль» в 1884 году, в Соловках умер не герой чеченского народа, а его двойник — монах-францисканец, а затем карбонарий, принявший ислам. Он-де 15 сентября 1798 года на итальянском языке написал из тюрьмы прощальное письмо отцу, которое заканчивалось словами: «Джованни-Батиста Боэтти, проповедник».

Кем бы ни являлся Шейх-Мансур, слава его была столь блистательна, что героя, раненного при захвате Анапской крепости, транспортировали в тюрьму не сразу, а с ездом в Царское Село, где провели по дорожке под окнами резиденции императрицы. Екатерина Великая пожелала лицезреть 30-летнего *басурманского зверя, столь долго возмущавшего Кавказ, того самого, чьим именем потом был назван аэропорт столицы Чеченской Республики*.

В год освобождения арестанта Петра Кальнишевского, сидевшего со времён Екатерины Великой, в Соловки под конвоем этапировали известного прорицателя Авеля, который, как потом выяснилось, точно предсказал четырём русским царям время и обстоятельства их смерти, а также Отечественную войну 1812 года, сожжение Москвы и другие важные вехи будущей истории России. Через 20 лет, когда стало очевидным, что все предсказания пророка Авеля сбываются, в Соловки доставили именную указ императора Александра I.

< «В страшных подвалах и подземельях страдали люди. Здесь наказывались злоба и пороки, а нередко и невинность», — сообщил в отчёте архимандрит Иларий

«Неприменно выпустить Авеля из Соловецкого монастыря... и дать ему паспорт, чтоб он был доволен и платьем, и деньгами», — гласило милостивое указание императора, но тюремщики в рясах полгода не исполняли воли государя, пока не получили нагоняй.

Судьба Авеля сложилась так, что он, кроме острога на Соловках, смог вкусить гнёт Петропавловской крепости, Шлиссельбургской тюрьмы, камер Валаамского монастыря и тюремных казематов суздальского Спасо-Ефимиева монастыря. Предсказатель невольно стал знатоком, способным сравнить между собой все наиболее известные тюрьмы империи.

«Смертельная тюрьма, где тьма и теснота усугубляются истязаниями и руганью охраны, в которой не токмо человеку жить нельзя, но и всякому животному неуместно», — этими словами о Соловках русский Нострадамус завершил описание пирамиды российских тюрем.

Можно только догадываться, как воздействовали соловецкие застенки на психику людей, воспитанных в лоне европейской культуры. Жаль, что не оставили мемуаров «пан Севастьян Кобельский и с ним пять человек литвы», заброшенные на остров в 1590 году.

Польский шляхтич Язеп Еленский, в православии Алексей Еленский (1756–1813), попал в Соловки в 1794 году за проповедь борьбы за *нашу и вашу свободу*, в своём «Воззвании к народу — общему собрату нашему» нарёкши крепостное право нарушением заповедей Христа.

«Горячий барин, рассердясь на лошадь, человека убил; за неснятую шапку — другого засёк; за разбитие стакана — выбил зубы. По неудовольствию господина кто-то в воде утоплен, в кипятке сварен, в огне сожжён, в кандалах сгноён, в снегу сморожен. Если барину приглянулась ваша жена, сестра или дочь, а вы не позволили беззаконие, сколько вас таких умерщвлено, обменено на собаку, лошадь, свинью?» — пишет А. М. Еленский.

В соловецкой тюрьме, узнав о смерти Екатерины Великой, Еленский попросил архимандрита Иону передать новому государю свой «Благовест к Израилю Российскому» — первый в мире социально-утопический проект либерально-демократического обустройства страны на гуманистических принципах. Павел I, прочтя этот трактат, впал в ярость. Самодержец счёл сочинителя дерзким и коварным разрушителем основ монархии.

Другой иностранец — Никола Огюст Турналь, уроженец Бургундии, соучастник побега Наполеона с острова Эльба — был тайно водворён в тюрьму в возрасте 40 лет после ареста на таможене в порту Одессы весной 1814 года. Иностранца, прибывшего с верительными грамотами, жандармы сочли шпионом, ибо при нём был дневник, «пропитанный духом бонапартизма». Медная пластина на крышке его сундучка, украшенная ликом Бонапарта, была сочтена клише для печати прокламаций от имени низложенного императора.

Дипломат, фактически похищенный, содержался в Соловках без права получения чернил и бумаги, но ухитрился сообщить о своей судьбе на материк, передав два письма, где не без юмора рассказал о злоключениях и привёл доказательства своей невиновности. Во избежание скандала в марте 1820 года соловецкий архимандрит получил предписание министра внутренних дел В. П. Кочубея переправить в Архангельск заключённого Турналя вместе с его багажом. И тут выяснилось, что три шпаги и трое золотых и серебряных часов, 26 перстней с драгоценными камнями, а также множество дорогих одежд дипломата, принятых архимандритом Паисием по описи, исчезли бесследно. Сам же Nicolas-Augst Tournal в 1825 году через Сибирь вернулся в Париж. Нищий, потерявший дом и жену, он продолжил службу на дипломатическом поприще.

Среди узников-иноверцев было немало мучеников за религиозные убеждения. Николо де Мело из Испании погиб за отказ принять православие. Японец-католик Николай Августинец, первым из японцев оказавшийся на территории в России ещё в 1600 году, промыкался в Соловках десять лет, но в монастыре не умер, а был переправлен в Нижний Новгород и там убит в 1611 году.

В 1891 году, если поверить сообщению А. П. Иванова, француз Боридо и немец Крюгер сгинули в казематах монастырской тюрьмы на Соловках один за другим.

< В описаниях монастыря Корожная башня именовалась Арестантской. У её подножья, по свидетельству К. П. Гемп, были тюремные ямы, прикрытые решётками и люками

Эрудит Арсений Грек — для монахов не более чем «бродяга-перекрест, бывший католик или даже басурманин» — в 1649 году был прислан на остров «для исправления веры». На Соловки Арсения Грека отправил голова приказа Большого дворца князь М. В. Львов, который с 1638 по 1650 год ведал местами монастырского заключения для иностранцев на русской службе и ссылкой русских, возвращавшихся из-за границы, например из плена, если возникало сомнение в их благочестии. Волею судеб М. В. Львов впоследствии не избегал более тесного знакомства с тюрьмой Соловецкого монастыря уже в качестве узника.

При виде архимандрита охрана брала на караул, отдав честь по-военному: вытягивалась в струнку, взяв ружьё под приклад.

Исполнение должности коменданта тюрьмы было для настоятеля монастыря на Соловках важнее, чем контроль за правильностью череды богослужений. Проявление милосердия к осуждённым или какие-то послабления тюремного режима карались столичным священноначалием гораздо строже, чем любые нарушения монастырского устава или законов государства Российского.

Когда секретный арестант монастырской тюрьмы румынский офицер Михаил Попескуль в феврале 1791 года «совершил дерзкую утечку» из камеры, то поиски арестанта парализовали деятельность духовного учреждения. По версии архимандрита, беглец, вырвавшись из тюрьмы, «погиб либо с голоду и стужи, либо утопился», но тело его обнаружить не удалось.

Расследование дерзкой утечки иностранца велось со всей строгостью. Настоятель монастыря архимандрит Иероним, который во время побега арестанта, как всегда зимой, жил на материке, был навеки изгнан из Соловков. Капрала М. Ордина и рядового В. Нестюкова, охранявших тюрьму, откуда сбежал Попескуль, приговорили к расстрелу, заменив смертный приговор выдираньем ноздрей и ссылкой в Сибирь на вечную каторгу.

Быстрая смерть во время побега могла казаться людям, неспособным совершить грех самоубийства, избавлением от мучений физических и страданий духовных.

Архимандриты Досифей (Немчинов) и Илари́й как коменданты тюрьмы терзали арестантов способами, не вяжущимися с христианской моралью. В одну камеру заключали нескольких колодников, молившихся Богу каждый на свой лад, или вселяли буйных душевнобольных к тихоням, неспособным постоять за себя. Так, старообрядца Василия Занегина из подмосковного Воскресенска держали в камере с сектантом-скопцом и иудеем. Занегин терпел страдания десять лет, пока не умер в 1863 году. Он отказался ради освобождения присягнуть на верность Александру II.

Есаула Войска Донского Евлампия Никифоровича Котельникова, осуждённого за прилюдное поношение греховных дел священников, поместили на Соловках, как он писал, «в камеру к богохульникам и еретикам для досады слуха и мучения сердца». Такое изуверство тюремщиков «было несноснее тяжелой болезни, от которой я страдал в изнеможении сил», — сообщил своим духовным детям Котельников. Он являлся создателем так называемой Церкви духоносцев, прихожане которой склонялись к примату Ветхого Завета.

*За оградой кладбища нестяжателей
закапывали бок о бок с иосифлянами,
революционеров — с монархистами,
атеистов — с фанатиками веры*

Не стоит представлять всех религиозных уклонистов неучами и варварами. Тот же упомянутый выше Евлампий Котельников, как и многие из колодников, превосходил интеллектом своих надзирателей. Участник войны 1812 года, дошедший до Парижа, он ещё до ареста, случившегося в 1826 году, самостоятельно изучил несколько европейских языков, знал еврейский, являлся автором книг и исследований по истории Дона, а также создателем хвалебной песни «Преславный тихий Дон Иванович», то есть творцом широко известной идиомы Тихий Дон. В соловецкой тюрьме духоносец Евлампий Котельников 28 лет страдал за свои религиозные убеждения. Его до самой смерти держали «закованным в железные заклёпы». За могилой Котельникова кто-то ухаживал ещё в 1926 году.

Текли века с обычаем одним:
Внизу — тюрьма,
вверху — богослуженье.
Цвёл монастырь,
державы украшеньё...

*Георгий Русаков,
соловецкий узник*

Камеру Е. Н. Котельникова в Соловках занял штабс-капитан Николай Созонтович Ильин (1809–1890), основатель Церкви иеговистов (субботников) «Десное братство». На старославянском слово «десное» означает праведное. Важнейшим требованием иеговистов является высокая нравственность.

Ильин не исключал материалистический взгляд на мир, называя его «верой по разуму». Ересиарх с благоговением относился к учёным, полагая, что они способны оценить его свято-мудрейшее учение. Церковь, сформированная капитаном Ильиным, — попытка создания универсальной религии, идея, не утратившая своей привлекательности и в XXI веке.

Автора полемических текстов Николая Ильина, не разделяя его религиозных взглядов, пытались спасти князь П. А. Кропоткин, начальник корпуса жандармов П. А. Шувалов и английский путешественник Вильям Диксон.

Диксон, допущенный в конце 1860-х повидаться с Ильиным на Соловках, опубликовал в книге «Free Russia» свидетельство о высоком, худощавом заключённом, сохранившем, вопреки жутчайшим условиям, армейскую выправку и несломленный характер. «Люди, подобные Ильину, есть соль земли. Это люди, готовые ради своих убеждений идти в огонь и в воду, предпочитающие праведную жизнь в тюрьме греховной жизни во дворцах», — восхищался арестантом Вильям Диксон.

Показательна история защиты заключённым Н. С. Ильиным иноверца Захария Шарри. Еврейский мальчик 12 лет от роду был похищен, рекрутирован и крещён насильно. Отслужив в армии 25 лет, кантонист вернулся к исповеданию иудаизма, за что попал в Соловки. Ильин оказался свидетелем стараний монахов вернуть Захария в православие. Конвоиры за ноги волокли узника по ступеням в храм, дробя ему рёбра сапогами. Николай Созонтович закричал приставам, что они ничем не лучше мучителей Христа.

«Они бросились на меня, тащили, били пинками и кулаками. Вывихнули и поранили до крови левую руку, повредили левый бок, на который я до сих пор лечь не могу, безмян-ный палец правой руки, плечо и крестец», — написал вероучитель кровью на ткани рубахи.

Отсидев в Соловках 14 лет, Ильин ещё шесть лет терпел мучения в тюремном отделении суздальского Спасо-Ефимиева монастыря, где его наполовину лишили зрения, держа пиявку на лице, пока глаз не вытек. Калеку власти выслали к протестантам в Митаву (Елгаву). Там Ильина отыскал Захарий, который освободился в 1871 году; он стал связным своего заступника, тайно рассылая по стране письма. Ильин не перешёл в иудаизм, а Захарий — в веру Ильина, зато оба не утратили свободу совести, вопреки режиму «соловецкого инквизиционного узилища», как называл монастырскую тюрьму Николай Ильин. Он, будучи поэтом, не побоялся из Соловков переправить императору Александру II своё стихотворение, которое начиналось словами:

Там, где остров Соловецкий
С мрачным капищем стоит,
В нём-то деспот — Папа русский —
Христиан в плену таит.

«Сколько крови пролилось на эти камни, сколько стонов слышали эти влажные мрачные стены! В воздухе ещё стелются отчаяние и скорбь узников, тела которых истлели», — пишет гость обители

Соловецкий монастырь с его многочисленными тюремными чуланами являлся карой для многих русских людей, если те пытались иметь духовную жизнь вне рамок православного вероисповедания, даже оставаясь христианами. Отход от местной господствующей церкви приравнялся в России к злодеянию против государства, то есть считался тяжким политическим преступлением.

Пётр Артемьев, сын суздальского священника, подобно Михаилу Ломоносову пришёл в Москву учиться в Славяно-греко-латинскую академию. Учеником он оказался незаурядным, поэтому преподаватель академии, грек Иоанникий Лихуд, пригласил студента принять участие в работе русского посольства в Венеции. Можно представить, какое потрясение испытал провинциальный юноша из Суздаля, живя с 1688 по 1691 год вблизи Дворца дождей, посещая зал Большого совета или разглядывая мозаики Сан-Марко, где Византия и Рим, православие и католичество не противостояли, а взаимно обогащали друг друга. Безо всякой вербовки, ослеплённый красотой Венеции, Пётр «поддался чарам латинизма», за что в Москве пришлось поплатиться.

«Артемьев носит на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латинянина Антония Падвиянина, еретика суца. Глаголет исхождение Духа Святого и от Отца, и от Сына. Исповедуется и причащается у иезуитов. Патриархов называет потерями, потому что истинную веру потеряли», — гласил донос на дьякона Артемия патриарху Адриану.

Петра Артемьева расстригли и в 1698 году сдали куратору Соловков архиепископу Холмогорскому Афанасию. Тот в молодости был старообрядцем, но «отрезвел» под арестом и считался знатоком психологии отщепенцев. Он в 1683 году, ещё до присылки Артемьева, повелел архимандриту Иллариону *ссылных бить железом и держать в кандалах до тех пор, пока не покажут плоды своего покаяния.*

Христианин-католик не пережил и года строгого смирения. Уроженец Суздаля оказался первым, но не последним заключённым, которому в соловецком узилище снилась Венеция.

И хмурые лбы валунов
Нас возвращают в дни
Крестов и стальных оков.
Гибли здесь волей царей,
И тысячи канули в мрак
По злобе народных вождей,
За веру и просто так.

Сергей Морозов

Неогороженный участок захоронений за кладбищенской Онуфриевской церковью монахи называли раскольничьим кладбищем. Там после разгрома Соловецкого старообрядческого восстания без отпевания зарыли найденные в подвале церкви десятки тел «побитых и рваных воров, завёрнутых в парусину». Позже у братской могилы стали предавать земле тела узников острога, среди которых было немало колодников, убитых за отказ молиться по-новому, не как учили отцы и деды.

Крестьянин Вятской губернии, прихожанин федосеевского согласия Семён Шубин не изменил убеждениям и умер в 1856 году, просидев в монастырской тюрьме «за богохульные слова на святую церковь» без малого 63 года.

За отпадение от православия в раскол страдал в тюрьме последние десять лет жизни обладатель Георгиевского креста, унтер-офицер Афиноген Кузьмин, лишённый боевых наград участника войны 1812 года.

Монахи-приставы с 1801 года «исправляли» на острове С. С. Протопопова, учителя аароновского согласия в Архангельском крае, а «распространитель вредных для государства учений», писатель и художник С. С. Гнусин умер в 1839 году, отсидев в обители 16 лет.

Иеромонах Казанской епархии Иларий, он же Иван Нестеров, наказанный «за свращение себя в раскол», в 1836 году на этапе уговорил солдата Волкова за деньги поменяться именами и одеждой. Подмену имён в соловецкой тюрьме раскусили не сразу. Солдата наказали и отправили дослуживать в полк, а иеромонах Иларий укрылся в тайном скиту, где совершил множество постригов раскольников в иноческий чин.

Что ни судьба — сюжет для повести. Наставник секты странников Меркурий Киселёв из Ярославской губернии усыпил бдительность приставов настолько, что во время посещения Соловецкой обители императором Александром II был как исправившийся милостиво выпущен из камеры при условии, что до конца жизни не выйдет за стены монастыря. Оседлая жизнь под присмотром монахов не устраивала деятельного проповедника, он при помощи единоверцев исчез с Соловков. Обстоятельства побега, а также приключения в течение семи лет, когда странник раз за разом уходил от погони, он описал в поэме, изъятый в 1865 году при аресте в Кинешме.

Крупнейший знаток иконографии и манускриптов Николай Андреевич Папулен попал на Соловки в 1846 году. Он, по сведениям Сергея Максимова, соблазнил архиерея сольвычегодского Благовещенского собора продать ветхий иконостас за семь тысяч рублей. За свой счёт полностью обновил убранство храма, включая иконы. А 1300 древних икон, в том числе работы Андрея Рублёва, шесть парных подвод вывезли из строгановской столицы Сольвычегодска в Судиславль, а оттуда иконы уходили в молельни столичного Волкова кладбища, в тайные скиты Сибири и Севера, в федосеевские и филипповские общины больших городов.

Папулен принадлежал к федосеевскому толку русских протестантов, которые предпочли благолепию храмов простые часовни, а попов заменили выборными наставниками — толкователями Священного писания. Федосеевцами являлись самые знаменитые российские фабриканты, и тюремщики опасались организации побега Папулена, поэтому он считался секретным арестантом без имени и проходил по бумагам как № 13.

Гримаса истории: колыбель раскола оказалась тюрьмой для раскольников.

Заклётанный № 13, судя по отчётам архимандрита своему начальству, держался крайне замкнуто, причём он самым решительным образом отказывался посещать монастырские богослужения. Когда Сергей Максимов, отец которого в своё время хорошо знал Папулена, попросил изрядно выпившего капитана тюремной охраны устроить свидание с узником № 13, стражник мгновенно протрезвел. «Стены здесь слышат — вот какое строгое тут место», — оправдывался офицер, затравленно оглядываясь по сторонам.

Молва о тайных переходах и комнатах внутри стен была частью народных представлений об обители, отмечает Максимов в книге «Год на Севере», добавляя, что большая или меньшая жестокость содержания узников в монастырской тюрьме являлась отражением личностных качеств священноначальников.

Воин отец Александр проявил себя самым мягким и милостивым комендантом, а «литератор и историк» Досифей Немчинов (присвоивший себе, по словам Максимова, описание монастыря, составленное сосланным за богохульство учителем Василием Воскресенским) оказался самым строгим дозорщиком. Ирония судьбы: архимандрит Досифей, наиболее ревностно подавлявший врагов веры в своей тюрьме, был удалён из Соловков в 1836 году именно после ревизии, обследовавшей деятельность монастырского острога.

Отношение к различным категориям узников могло как-то изменяться после тех или иных ревизий, лишь раскольники в Соловецкой тюрьме снисхождения не получали никогда. Старообрядцы были опасны для российской монархии и для синодальных властей тем, что подобно европейским протестантам ставили интересы общества выше сиюминутных устремлений правителей. Именно эта черта помогла общинам религиозных эмигрантов успешно адаптироваться за границами России.

Вернуть раскольника в лоно Синодальной церкви считалось большой удачей, поэтому история молодого старовера Ираклиона, сподвижника известного старообрядческого митрополита Амвросия из западноукраинской Белой Криницы, получила широкую огласку. Священник Ираклион (Иван Васильевич Сорокин, 1822–1860) вполне законно приехал в Россию для встречи с родственниками, но в Калужской губернии 27-летнего монаха арестовали и препроводили в соловецкую тюрьму для исправления веры.

Десять лет узник, пока был здоров, не поддавался увещаниям и придерживался старой веры. Однако накануне смерти он в сонном видении узрел себя в великолепном чертоге. «Австрийская церковь — не церковь, потому что она отделилась от Восточной церкви, и нет в ней спасения», — послышался глас с неба.

Пробудившись, арестант добровольно попросился в храм, где со слезами на глазах утвердился в мысли, что истинная благодать обитает не иначе как в Православной церкви. Узник за 38 дней до смерти получил освобождение и был причислен к разряду старших послушников с правом ношения рясы, хотя по-прежнему совершал крестное знамение двумя перстами. Тут голос во сне приказал ему: «Верь всему, что глаголят в монастыре!»

Спаситель в темнице — деревянная скульптура из Соловецкой обители, где, по словам Н. С. Ильина, монахи-приставы были не лучше мучителей Христа. Дьявол в деталях: кандалы на статуе — железные, соловецкие

С неизреченной радостью Ираклион несколько дней осеял себя тремя перстами вплоть до самой смерти, наступившей в 38, а не в 78 лет, как сказано в житии. Его гибель была обусловлена годами тюрьмы, но рассказ о выходе из раскола был столь важен, что стал итоговым аккордом в сборнике жизнеописаний святых, прославивших обитель на острове. «Соловецкий патерик», который начинается с жития преподобного Савватия, завершается историей Ивана Сорокина.

Создатель «Гаврилиады» и «Сказки о попе и работнике его Балде» избежал Соловков заботами П. Я. Чаадаева и Н. М. Карамзина, упросивших императрицу в 1820 году вступить за автора оды «Вольность». Между тем родному дяде А. С. Пушкина — Павлу Исааковичу Ганнибалу — в монастыре исправляли нравы с 1827 по 1832 год. Герой-гусар и бедокур бился в дверь так, что её держали снаружи.

Павел Ганнибал, прямой наследник арапа Петра I и дядя А. С. Пушкина, оказался в Соловках за резкий отпор поносным замечаниям о несчастных декабристах, страдающих в Сибири

Двоюродный дед А. С. Пушкина по линии отца, «дерзкий и опасный» капитан Сергей Пушкин, лишённый чинов и дворянства, сидел в Соловках за изготовление клише для печати поддельных ассигнаций. Положение «бывшего Пушкина» осложнялось политическим обвинением: он «кричанием изрыгнул скверно-матерную брань прямо и точно на священнейшую императорскую особу».

В 1861 году церковники требовали сослать в Соловки Павла Третьякова за показ в его галерее (что в России считалось высшей степенью признания художника) полотна В. Г. Перова «Крестный ход на Пасхе». Третьяков оказался не из пугливых. Он позже выставил и запрещённую цензурой картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван», а также антивоенные работы Василия Верещагина.

Попытка засадить Павла Третьякова в Соловки совпала по времени с публичными призывами митрополита Петербургского и Новгородского Исидора «сослать в Соловецкий монастырь для смирения и исправления» великого физиолога Ивана Сеченова. Этот учёный в 1863 году посмел опубликовать результаты антицерковного, как сочли мракобесы, исследования «Рефлексы головного мозга».

В николаевской России Соловецкое узилище служило дочерним учреждением Третьего отделения. По предписанию шефа жандармов Александра Бенкендорфа, осуждённых без проволочек доставляли в тюрьму господина отца архимандрита Досифея. При нём места заключения распространились за черту береговой линии Большого Соловецкого острова.

Финский фольклорист Элиас Лённрот описал, как он в июне 1842 года познакомился на Анзере со ссыльным флигель-адъютантом Шуйским — приёмным сыном властителя Аракчеева. Ещё одного ссыльного офицера, некогда проходившего службу в Финляндии, Лённрот встретил в скиту на Голгофе, где в 1830 году построили колокольню, под которой находился тюремный блок, именуемый «Голгофской каланчой». Название «каланча», видимо, было связано с высотой колокольни, которая действительно видна издали, но всё-таки не за 50 вёрст, как ошибочно указал составитель «Соловецкого патерика».

В октябре 1830 года на Анзер был прислан хорунжий Оренбургского казачьего войска Василий Шулепов «за нелепое толкование Священного Писания и произнесение дерзких насчёт российских государей и правительства выражений». Шулепов герб России называл зверем с двумя головами, то есть печатью Антихриста, а государя порицал за то, что император возлюбил театры и трактиры вместо монастырей. Сам Шулепов полюбить Соловецкий монастырь не успел, он сошёл с ума и «волею божию помре» 19 мая 1833 года.

После расстрела каре декабристов на Сенатской площади Николай I выразил желание сгноить в монастыре сотню лиц офицерского звания. К счастью для Соловков, обстоятельства не позволили государю трёхкратно приумножить долю тюремных забот обители, хотя здание Иконописной палаты успели перестроить в Тюремный замок. В ходе подготовки к приёму декабристов комендант Петропавловской крепости, по высочайшему повелению, разработал для Соловков инструкцию «О наблюдении за арестантами», и тут стало очевидным, что учить-то черноризцев не нужно. По жестокосердию монастырская темница превосходила другие казематы Третьего отделения.

Немирович-Данченко, которому настоятель позволил зайти в здание острога, с содроганием описал тюрьму как сырую каменную массу внутри сырой каменной стены, в которой двойные двери с железными засовами и висячими замками да двойные кованые решётки на маленьких оконцах с тройными рамами ограждали от белого света четыре десятка тюремных чуланов.

Штабс-капитан Щёголев, в 1826 году водворенный в один из соловецких чуланов за какое-то духовное преступление, заявил караульному офицеру, что лучше сразу разобьёт себе голову о стену, чем будет медленно гнить заживо в сыром и тёмном каземате. Сосед штабс-капитана Алексей Жуков, каптенармус лейб-гвардии Преображенского полка, если верить рапорту караульного, не стерпев мерзость тюрьмы, «удавился по своей воле».

Гибель узников в Соловках не считалась явлением необычным, но в 1833 году гвардеец Александр Горожанский, известный своей честностью бывший выборный полковой казначей, доведённый надзирателями до отчаяния, заколол не себя, а охранника Герасима Скворцова. Расследование обстоятельств гибели тюремщика от рук декабриста производил жандармский подполковник Я. Н. Озерцовский, в недавнем прошлом боевой офицер. Он пришёл к выводу, что «заключённые монастырской тюрьмы несут наказания, своей жестокостью превышающие их вины». После доклада Якова Озерцовского император Николай в 1835 году взял на себя контроль за составом узников, подтвердив этим решением статус соловецкой тюрьмы как государственного всероссийского учреждения.

Положение колодников, оказавшихся под личным патронажем государя-батюшки, отнюдь не улучшилось. Помещик Максим Пахомов, пострадавший за искреннюю любовь к женщине, с которой не смог обвенчаться, в 1841 году подал прошение о переводе из Соловков хоть на каторгу в Сибирь, лишь бы избежать бессмысленной гибели в прискорбном месте, где не то что люди, а их железные цепи подвержены ускоренному разрушению.

Подавив выступление декабристов, Николай I пожелал расширить острог в Соловках, чтобы поместить в него до сотни лиц офицерского звания, выходявших на Сенатскую площадь

Приток заключённых в соловецкую тюрьму, которую стал курировать император, не сократился, а вырос после погромов, учинённых в старообрядческих пустынях по изволению Николая I, которого современник К. Д. Кавелин назвал «исчадием мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы». По меткому замечанию С. М. Степняка-Кравчинского, «в эпоху азиатски жестокого и подозрительного деспотизма Николая» бессердечие к узникам особо поощрялось.

Ссылный Андрей Лавровский, этапированный на Соловки всего лишь по подозрению в составлении прокламаций, содержался в помещении, которое не проветривалось, а лишь иногда «курилось» можжевельником, что не влияло на зловоние из переполненного сосуда для отправления естественных нужд. Изуверство соловецкого тюремного режима распространялось не только на узников, но и на их сторожей. Когда сердобольный городничий монах Сосипатор Круглый «путём отъятия доски» увеличил оконце в камере несчастного арестанта, умиравшего без притока воздуха, он за проявленное милосердие был сам посажен на цепь в соседнюю камеру.

Кроме заключения в камерах существовала ссылка в Соловецкий монастырь для строгого смирения в каторжных трудах на святую обитель. Такая форма наказания была не многим мягче, чем заключение в тюремную камеру. Раб, привезённый на остров, попадал под начало к одному из иноков. Монах-надзиратель следил за исправлением пороков своего подопечного и нёс личную ответственность в случае побега каторжанина. Во время работы с заключённых снимали ручные кандалы, но цепи на ногах оставались всегда.

Жаловаться на мучителей узники не могли и были всецело бесправными, попав в полную зависимость от воли настоятеля монастыря.

Иногда в сопроводительных бумагах указывалось, где каторжане должны трудиться во славу обители, например в кузнице или при поварне. Питание ссылкой предписывалось выдавать лишь при условии выполнения ими монашеского урока (дневная норма. — Юр. Бр.) «А ежели не станет работать, то и не кормить», — зачастую гласили инструкции, определявшие режим содержания узников.

Потерявшим трудоспособность лишенцам священноначалие повелевало просить милостыню, но при условии, что они будут побижаться молча, не открывая рта. За нерадение в работе, даже если это сбор милостыни, заключённые, как и ссылки, отправленные под надзор братии, подвергались публичной порке и другим истязаниям.

Каторжные «вечные монастырские труды до смерти неизбежно» не были легче, чем муки арестантов в холоде и сырости камер в стенах крепости

«Монахи истязают арестантов ужаснейшим образом; они их секут, требуя денег, заставляя в трескучие морозы полуодетых работать и др. Этими сечениями предводительствует настоятель. Секут в трапезе, на техническом языке это называется «лозами смирать гордыню», — записал в своём дневнике Герцен свидетельство паломника, вернувшегося из Соловков в 1844 году. Александр Герцен называл себя «срывателем масок с личин и условностей».

В соловецкой тюрьме что ни узник — то отражение эпохального события на материке. 18-летние фабричные рабочие Яков Потапов и Матвей Григорьев оказались в остроге как участники смелой политической демонстрации 6 декабря 1876 года, которая «дерзко порицала установленный государственными законами образ правления».

Молодые люди были сосланы в обитель для религиозного увещевания, хотя с религией были связаны только тем, что митинг, за участие в котором их арестовали, происходил на площади перед зданием Казанского собора. Это был один из четырёх митингов 1876–1878 годов, когда социал-демократы Петербурга и Одессы пытались выразить своё мнение открыто. Во время митинга у Казанского собора над толпой демонстрантов руками Якова Потапова впервые в России был поднят красный флаг с лозунгом: «Земля и Воля».

«Силы протестующих и правительства страшно неравны. Они поглощают цвет русской молодёжи. Приговоры суда особого присутствия безобразно жестоки. То, что делается свободно в любом западноевропейском государстве, у нас наказывается наравне с убийством. Любые попытки мирного выражения протеста завершались избиениями людей и арестами. Социалисты, лишённые возможности открыто выражать свои взгляды, понесли огромные потери, перешли к тактике индивидуального террора против наиболее оголтелых прокуроров, жандармов и самого царя, именем которого действует вся эта орда», — пытался докричаться до властей предрежащих С. М. Степняк-Кравчинский.

Правительство страны само оказалось виновато в том, что красное знамя «Земли и Воли» стало знаменем партии террора. По России прокатилась волна убийств чиновников, а 1 марта 1881 года группой Софьи Перовской был убит и император Александр II.

«Знаменосец нового времени» Яков Потапов в убийстве царя не участвовал, он уже сидел в одиночной камере третьего этажа соловецкого тюремного замка, изолированный «для воздействия на испорченную нравственность революционера строгими условиями монастырского заключения». Три раза в неделю к узнику наведывался надзиратель-воспитатель иеромонах Паисий с монологами о необходимости исполнения рабом божьим Яковым верноподданнического долга. Судя по отчёту настоятеля, Потапов добрые советы к сведению не принимал, патриотизма не проявлял и вёл себя в монастыре кошунственно.

Тюрьма является как бы
увеличительным стеклом
для наблюдения за общественными процессами.

М. Б. Ходорковский

Когда в Соловки пришла весть о гибели императора, то «знаменосца» вывели под конвоем на панихиду по убиенному царю. Увидев вблизи себя настоятеля, Потапов нервнo обратился к священноначальнику:

— Когда, ваше высокоблагородие, отпустите меня на волю?

— Не моё дело! — буркнул в ответ архимандрит Мелетий.

Взбешённый узник, как написал в рапорте очевидец происшествия, *дал его святейше-ству по шею*, хотя священноначальник отписал в Синод, будто арестант готовил убийство, целясь в правый висок. Потапова, избитого до потери сознания, бросили в камеру, где он, очнувшись, в состоянии аффекта согнул прут решётки, слез по стене с третьего этажа и добежал до причала. Там, увидев окровавленного человека в арестантской одежде, на него бросились ражие богомольцы-патриоты. Они сбили узника с ног, а потом пинали и драли тело, пока его не уволокла охрана.

Стремясь избежать хлопот с особой охраной, Якова Потапова до открытия навигации держали на цепи, закованным в ручные и ножные кандалы. Летом 1882 года его спровадили в Якутск — на полюс холода.

An aerial photograph of a large, snow-covered fortress or castle. The main structure is a large, rectangular building with a flat roof, surrounded by a high stone wall. Several smaller buildings with gabled roofs and towers are scattered around the main structure. The entire scene is covered in a thick layer of snow, with some evergreen trees visible in the background. The sky is overcast, and the overall atmosphere is cold and desolate.

Поймать, поймать врагоугодника,
да и сослать в Соловецкий
на вечное покаяние!

*А. С. Пушкин. «Борис Годунов»,
сцена в палатах патриарха*

«Это Соловецкий монастырь: там много тесных маленьких келий, там душно, тесно, там Дмитрий заперт», — видение Елены о смерти Инсарова в романе И. С. Тургенева «Накануне».

Эстафету соловецкой тюремной традиции монахи перенесли через порог XX столетия. Рассчитывать на самоликвидацию древнего тюремного института оснований не имелось, но тут фельдшер Михаил Андреевич Колчин опубликовал в 1887–1888 годах очерки «Ссылные и заточённые в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках», в которых рассказал о судьбах двух сотен арестантов. Поводом для рискованного сбора материалов о монастырской тюрьме стал случай из лекарской практики Колчина, когда ему довелось оказывать помощь иеромонаху Серафиму.

Тюремный замок после формального упразднения тюрьмы был переделан в больничные палаты и жильё иноков, принявших схиму на исходе жизни

Магистр богословия иеромонах Серафим находился в Соловецком монастыре на положении ссыльного, но посмел передать на материк информацию о способах использования братией религиозного энтузиазма паломников. Когда неблагоприятная информация о Соловках появилась в столичных газетах, четверо дюжих монахов и послушников из артели при пекарне по указанию игумена избили Серафима ногами до потери сознания, а потом замуровали под покоем архимандрита.

Лекарю предложили посмотреть на пациента через окошечко, предназначенное для передачи еды и судна, и оценить, выживет ли иеромонах. «Если я не вынесу заключения и умру здесь, то передайте миру всё то, что со мной проделали. Пусть знают, что инквизиторы ещё не перевелись. Соловецкий настоятель ставит себя выше закона и для произвола его нет границ», — изуродованным ртом прошептал фельдшеру калека. М.А. Колчин выполнил просьбу избитого магистра Серафима.

Очерки Колчина вызвали волну публикаций об ошибочности соединения обители и тюрьмы. Скандал привлёк внимание военного министра А.Н. Куропаткина, который посетил обитель в 1903 году и добился официального упразднения тюрьмы в монастыре.

По сообщению публициста Александра Пругавина, описавшего историю закрытия острога, «дамокловым мечом висевшего над мыслью и совестью русского народа в течение столетий», весть о ликвидации соловецкой тюрьмы вызвала радостные отклики в демократической прессе и сердцах многих людей.

Упразднение тюрьмы внутри стен крепости не уничтожило мест заключения в скитах, откуда узников освободил лишь декрет Временного правительства в феврале 1917 года.

Одним из самых известных узников Соловецкого монастыря после закрытия острога был молдавский Распутин — создатель секты, известной как «Балтское движение», иеромонах Иннокентий, объявивший себя воплощением Святого Духа. Иннокентий в 1914 году был пожизненно заключён в Голгофо-Распятский скит. Он был настолько популярен у себя на родине, что особым распоряжением Синода молдаванам, появившимся на побережье Белого моря, препятствовали просачиваться на Соловецкие острова, чтобы они не попытались спасти своего святого.

После закрытия монастырской тюрьмы главным местом истязания неугодных стал скит на Секирной горе, где якобы ангелы железными прутьями отбили землю острова у мирских людей. Превратить гору в памятник побед православия предлагал ещё митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков), известный тем, что объявил старообрядческое восстание против реформ Николая кознями злобных армяно-подражателей, пробравшихся на остров. В 1696 году Игнатий «выделил от себя особую сумму денег для строения на Секирной горе храма по образцу церкви, устроенной Никоном подле Нового Иерусалима». Мечту Игнатия осуществил архимандрит Александр после «победы» над иноверцами в ходе Крымской войны. Дорога к новому храму, освящённому в 1862 году, стала путём к месту расправ с неугодными.

Секирная гора — это символ усмирения всех несогласных железными прутьями ангелов или прутьями решёток тюрем.

Первым ссыльным на Секирной горе оказался архангелогородец Василий Сорокин. Архимандрит Феофан подверг Василия, привезшего в 1866 году в обитель личный фотоаппарат, изоляции в Спасо-Вознесенском скиту, сочтя прежнее занятие монаха фотографией делом, достойным строгого наказания. Кроме ненависти к фотографии Феофан обладал и другими вредными наклонностями: он крал драгоценные камни из ризницы, беззастенчиво присваивал деньги, получаемые от жертвователей, не гнушался и контрабандой. Но Синод, зная об этих и других упущениях Феофана, не давал хода жалобам черноризцев, «дабы не развивать в братии монастыря дух противления своему начальству и тем самым не ослаблять образа иноческого жития, требующего от инока всецелого послушания своему настоятелю и готовности претерпеть всякие скорби и лишения». Когда в 1871 году архимандрита Феофана по-тихому отстранили от настоятельства, страдания фотографа Сорокина закончились.

Ещё про одного узника расформированного острога в 1904 году написал А. С. Пругавин в очерке «Конец Соловецкой тюрьмы». Пётр Леонтьев отсидел в тюремной камере 23 года, но не раскаялся и «во всё горло продолжал громить и бичевать монахов». После ликвидации тюрьмы он освобождения не получил, а был изолирован на положении ссыльного в скиту на Секирной горе.

«Капля воды отражает океан», — пишет соловецкий узник Б. Н. Ширяев. На Секирной горе в 1913 году больше половины, трое из пяти, насельников скита являлись штрафниками.

Секирная гора со времён прихода на остров первонасельников была важным путеводным ориентиром для монахов Соловецкой обители

«Я на памятники, как на живых людей, смотрел, расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали, вы свидетели». Только они не словами говорят... Стены я допрашивал, а не книги», — вспоминал автор «Утра стрелецкой казни» Василий Суриков.

Облик Соловецкого монастыря, окружённого крепостной стеной, оказывает на человека сильнейшее эмоциональное воздействие. Может быть, причина в том, что стены сложены из валунов, оставшихся после разорения лабиринтов, прикрывавших врата из мира теней. Дьявол — в деталях. Если смотреть с неба, то стена имеет форму пентаграммы. Патриарх Никон, если помните, говорил, что дьявол приложил руку к возведению соловецкой стены.

«Мрачная, обомшелая стена Кремля, исполинским утюгом придавившая землю. Тёмные камни лежат прочно, нерушимо. И не понять, не узнать, какой камень был положен со смиренной молитвой и какой — со стоном отчаяния. Какой полит горячей слезой и какой согрет горячей молитвой. И где прошла та трещинка, что расступилась в наше время пропастью, превратившей этот остров в место непрерывных мук. Почему не оградил монахи своих потомков от нового бедствия? Почему их труд, их вера, их мука не принесли нам мира, а породили ещё более жестокую борьбу, ещё более жестокую муку? Когда и кем — ими, нами — было что-то утрачено, без чего невозможен мир?» — вопрошал Геннадий Андреев, который дважды сидел в заключении на острове беспросветных мук.

Острок для защиты обители уже на стадии строительства оказался не чем иным, как местом страданий. Государь Иван IV, устраивая в Соловецком монастыре тюрьму, знал, что в Польше, судьба которой крепко переплетена с судьбой России, слово «келья» означает и жилище монаха, и камеру узника.

Труд по возведению стены вокруг монастыря оплачен деньгами, которые царь давал обители «на поминовения опальных», как откуп за свой грех неисчислимых убийств. Стена с живыми цветами между камней реально связана с поминовением *убитых задёшево*. Валуну крепости подобны ячейкам колумбария, а эпитафиями служат лишайники, похожие на засохшую кровь, да пятна копоти от старых пожаров. Может быть, кремлёвская стена на Соловках есть наша Стена Плача?

Для соловецких монахов тюрьма четыре века была частью их образа жизни, пока монастырь с приходом большевиков не стал частью тюрьмы. Идея социального служения церкви государству привела монахов к службе в рядах ОГПУ.

Первые лагеря ГУЛАГа

«**П**ророчество отца нашего Зосимы, начальника монастырю нашему» известно благодаря Герману, рассказчику о чуде избияния на Секирной горе. Неграмотный Герман продиктовал предвестие о конце «великого государева богомолья» своему последнему сожителю — игумену Досифею. Пророчество гласило, будто монастырь погубят страсти в борьбе за игуменский посох.

Предсказание сбылось в начале XX века, когда противостояние между партиями монахов в борьбе за власть в обители переросло в междоусобную вражду. Жестокая и беспощадная *соловецкая свара* черноризцев, вдруг отринувших не только евангельские заповеди и монашеские обеты, но и элементарные правила приличия, стала предвестником событий, сгубивших Российскую империю.

Страна рассыпалась не под ударами внешнего врага, а из-за ошибок во внутренней политике. Подданные государства говорили на одном языке, но, поделившись на красных и белых, договориться друг с другом о том, как жить дальше, не могли. Авангардом и движущей силой самоуничтожения империи являлись недавние крестьяне, преображённые в разрушительную силу участием в кровопролитиях. Прежде, чем в России, этот процесс произошёл в недрах Соловецкого монастыря.

В монастыре, названном В. И. Немировичем-Данченко *прообразом будущих коммун*, «призрак коммунизма» материализовался в лице молодых монахов, прошедших ад плена в Стране восходящего солнца. В 1904 году Япония, сражаясь с армией Двуглавого орла, полонила, но потом депортировала на родину тысячи русских военных, брошенных правительством Николая II на произвол судьбы.

Среди моряков, хлебнувших горя в плену, нашлось несколько десятков, готовых уйти в монастырь, лишь бы избежать продолжения службы в армии. Неизвестно, были ли среди соискателей равноангельского житья матросы с «Варяга», затопившие свой крейсер назло японцам, но в обители помнили, как в своё время команда броненосца промеряла подходы к Соловецкому острову, не ведая, что кое-кто из офицеров «Варяга» повторит этот путь в качестве узников концлагеря.

Военный министр Н. А. Куропаткин с пониманием отнёсся к просьбе бывших пленных уйти в монастырь, попросив лишь произвести обряд пострижения незамедлительно. Святейший Синод без проволочек благословил коллективный переход флотской *братвы в ряды братии*, узрев в нём колоссальное пропагандистское значение, а монастырь был рад сложившейся ситуации, рассчитывая извлечь из неё немалую экономическую выгоду.

Архимандрит Иоанникий (1850–1921) — один из самых эффективных управленцев хозяйства обители Зосимы и Савватия Соловецких. Низложен братией во время бунта и умер, сосланный в Савватиево, куда прежде ссылали своих противников

Соловецкий архимандрит Иоанникий, получив пополнение рядов братии в виде отряда молодых трудоспособных монахов, был доволен тем, что без волокиты и без потерь времени на традиционное прохождение срока послушничества обрёл, как ему казалось, энергичных сподвижников. Он всячески способствовал ускоренному продвижению недавних моряков в иеромонахи и иеродьяконы, полагаясь на их поддержку в борьбе против косной части братии, мешавшей реализации грандиозных строительных проектов. Однако бывшие матросы, вопреки планам священноначальника, не только отказались безропотно трудиться на Зосиму и Савватия, но и попытались провести в руководство обители своих людей ради перераспределения монастырских доходов и привилегий.

Настоятель и близкие к нему соборные старцы, которые жили в наилучших кельях, получали большие деньги от кружечных сборов и контролировали распределение прибыли богатейшего монастырского хозяйства с годовым оборотом капитала около миллиона рублей, подверглись жестокой травле. Новоиспечённые иноки, прикрываясь заслугами перед отечеством: «Мы кровь проливали, а вы тут жирели», — увлекли за собой немало черноризцев, в разное время обиженных жёстким в обращении архимандритом Иоанникием.

Перечень «Неправильных и вредных действий настоятеля Соловецкого монастыря», составленный противниками архимандрита, гласил, что Иоанникий «заставляет копать канавы между озёрами для утехи своей и катки гостей по озёрам на своей шлюпке», что он устроил «вонючий курятник на Муксалме» и отказался выдавать молоко к трапезе. Против настоятеля обители выступили свыше тридцати иеромонахов и иеродьяконов, а также многие рядовые члены братства.

Иоанникий попытался разогнать смутьянов, он лишил должностей выборных членов Собора казначая Антония и ризничего Аверкия в силу их неблагонадёжности. Антония и Аверкия настоятель выслал на Анзер в Троицкий скит; иеромонаха Виктора и иеродьякона Стефана — в более строгий Голгофо-Распятский скит. Бывший наместник Ефрем был заточён на Секирную гору, сочинитель жалоб иеромонах Вячеслав и иеродьякон Гедеон попали в Савватиевский скит; иеромонахи Илари и Феофил — на Большую Муксалму; иеромонах Архип — в далёкую звероловную тону на острове Малая Муксалма.

Мятеж, казалось бы, сходил на нет, но в августе 1915 года море выбросило на берег изуродованные тела двух монахов-штрафников, прилюдно и с бранью вытолкнутых настоятелем к месту ссылки на Заяцкий остров, хотя на море в это время начинался шторм. После похорон погибших протесты вспыхнули с новой силой. Черноризцы объявили стачку, не вышли на покос и снарядили в Святейший Синод депутацию из трёх своих представителей. Монахи-депутаты во главе с отцом Викентием от имени братии требовали установления всеобщего равенства при дележе доходов и узаконения *братского комитета* как новой формы управления обителью.

Для выяснения причин конфликта между братией и настоятелем синодальная контора направила в Соловецкий монастырь ревизора — вологодского викарного епископа Антония, который, прожив в монастыре месяц, составил акт, где ни одного слова в пользу Иоанникия не было. Весной 1917-го прокуратура возбудила дело об отравлении заместника Федота. Хотя обвинения были беспочвенными, Иоанникия отстранили от управления обителью и на время расследования заключили в Савватиевский скит, куда обычно он сам изгонял своих противников. Вернуться из изоляции архимандрит уже не смог.

Переворот в Соловках предвосхитил глобальные изменения на материке, где династия Романовых сдала власть комитетам солдатских и матросских депутатов. На следующий день после отречения императора обер-прокурор Синода князь В. Н. Львов вошёл в состав Временного правительства в качестве министра. Святейший Синод задолго до победы большевиков поздравил православных верующих «с освобождением от тирании двухсотлетнего романовского цезарепапизма», завершив процесс, начавшийся в недрах обители 28 декабря 1676 года, когда соловецкие монахи впервые в истории публично отказались молиться за здоровье государя всея Руси и его семьи. В феврале 1917 года клятва верности помазаннику божьему, в литургическом смысле — самому богу, была отринута церковным руководством страны ещё при живом царе, до его убийства большевиками.

В Соловках «коллектив верующих» путём демократических процедур избрал настоятелем своей обители архимандрита Вениамина (Кононова), приглашённого из Антониево-Сийского монастыря. Вениамин попытался остановить междоусобицу, но бунтовщики выдвигали ему совершенно невыполнимые условия для заключения перемирия. Предвидя дурное развитие событий, архимандрит Вениамин *отчаялся в способности русского народа защищать свои святыни*. Он, понимая, что помощи в России ждать не от кого, 11 августа 1919 года отправил архиепископу Кентерберийскому телеграмму с просьбой принять монастырь под юрисдикцию англиканской церкви до лучших времён, дабы спасти от неминуемого святотатства. Ответа монастырское священноначалие не получило.

*Преподобномученик Вениамин (1869–1928).
Архимандрит Вениамин (В. В. Кононов),
«отчаявшись в способности русского
народа защищать свои святыни», просил
помочь архиепископа Кентерберийского,
но ответа из Англии обитель не получила*

До конца 1919 года земли Соловецкого архипелага находились под патронатом Верховного управления Северной областью. Жизнь Соловецкой обители при демократическом правительстве изменений не претерпела. Потoki богомольцев поредели, но не иссякли, в 1918 году завершилось строительство системы судоходных каналов, по-прежнему устраивались ярмарки. Не пустовали и казематы монастырской тюрьмы: был момент, когда узниками острога на острове оказались министры Верховного управления Северной областью, арестованные монархистами, которые, проиграв выборы, попытались взять власть силой. Мятеж возглавил капитан Г. Е. Чаплин. Ночью офицеры захватили многих членов правительства социалистов и спрятали их в трюме бывшего монастырского парохода.

Приход в Соловки советской власти чекисты ознаменовали открытием 25 мая 1920 года концлагеря для военнопленных Гражданской войны

Пароход «Михаил Архангел», переименованный союзниками в «Аттентив», знакомым маршрутом доставил этап на Соловецкий архипелаг, где настоятель монастыря рассадил недобровольных гостей по камерам.

Архимандрит Вениамин стал тюремщиком известного революционера Николая Васильевича Чайковского — патриарха подпольного движения, создавшего ещё до рождения Ульянова-Ленина сеть тайных ячеек общества по пропаганде социализма в России. Отделения общества имелись в Петербурге, Москве, Киеве, Таганроге, Орле и Одессе. Из кружка Чайковского вышли народовольцы Степан Халтурин, Андрей Желябов и Софья Перовская.

Сподвижник Чайковского Пётр Кропоткин стал членом анархической фракции Интернационала. «Чайковец» Марк Натансон организовал демонстрацию 1876 года у Казанского собора, где впервые в истории было поднято красное знамя. На знаменитом «Процессе 193-х» судили почти полторы тысячи человек — это почти исключительно «чайковцы».

«Чайковец» Сергей Степняк-Кравчинский заколол в центре столицы главного жандарма страны, а потом создал в Лондоне «Фонд свободной русской прессы».

Пребывание Н. В. Чайковского в монастырском остроге не было долгим, он смог уехать в Париж, но заключение в Соловках патриарха социалистического движения положило начало социалистическому этапу истории соловецкой каторги.

Железной рукой загоняя человечество к счастью, красные россияне во имя победы социализма вытеснили в феврале 1920 года белых россиян из Архангельска, а 25 мая, едва сошёл лёд, Соловецкие острова по инициативе комиссара ВЧК М. С. Кедрова возобновили свою функцию места лишения свободы.

В монастырь, превращённый в концентрационный лагерь для военнопленных Гражданской войны, первых заключённых доставило судно «Поморье». Контингент лагеря губернского значения насчитывал в разное время от 150 до 239 заключённых. Охрана — 60 стрелков. Кроме лагеря в помещении бывшей Петербургской гостиницы находилась колония детей репрессированных буржуев, подчинявшаяся коменданту лагеря С. А. Абакумову, а потом — Ф. В. Чушкову.

О порядках, воцарившихся на острове в лагере для офицеров, чиновников и просто образованных людей, можно судить по письмам заключённых, тайно переданным в организацию Политического Красного Креста, и тексту официального запроса этой организации в Президиум ВЧК, поданного после апреля 1921 года, когда комиссар Сергей Абакумов создал по образцу Соловков филиал концлагеря в Холмогорах. Аналогичные лагеря появились в Исакогорке на окраине Архангельска, в Пертоминске, Каргополе, на острове Мудьюг.

Содержание заключённых в северных лагерях являлось многомесячной пыткой голодом и холодом, а основной мерой дисциплинарного воздействия при любых протестах был расстрел. За каждого исчезнувшего с каторги помощник коменданта Бачулис расстреливал десять узников по своему усмотрению.

На площади перед зданием «Белого дома» Холмогорского лагеря комендант Чичерин вынуждал заключённых маршировать на месте и не петь, а орать «Интернационал». Исполнение партийного гимна большевиков под дулами карабинов повторялось зимой ежедневно. Орать заставляли несколько часов подряд, пока не начинали терять сознание от изнеможения. «Громче! Чтоб в Соловках было слышно!»

В Холмогорском лагере классовых врагов заставляли во время ледостава, по пояс в воде, толкать баржи против течения. Несчастных бурлаков-«буржуев» держали в Двине, стреляя над водой поверх голов. Медицинской помощи не было никому. По ночам больные спали вповалку на полу вперемешку со здоровыми, а бывало, и с окоченевшими трупами. Надзиратели Светников и Окрен выбирали жертв и насиловали женщин, доводя их до самоубийства.

«Главным виновником гибели сотен заключённых является Сергей Абакумов — бывший помощник коменданта Соловецкого лагеря», — сообщается 11 ноября 1922 года в записке, спрятанной в двойном дне чайника, вывезенного из Холмогорского лагеря.

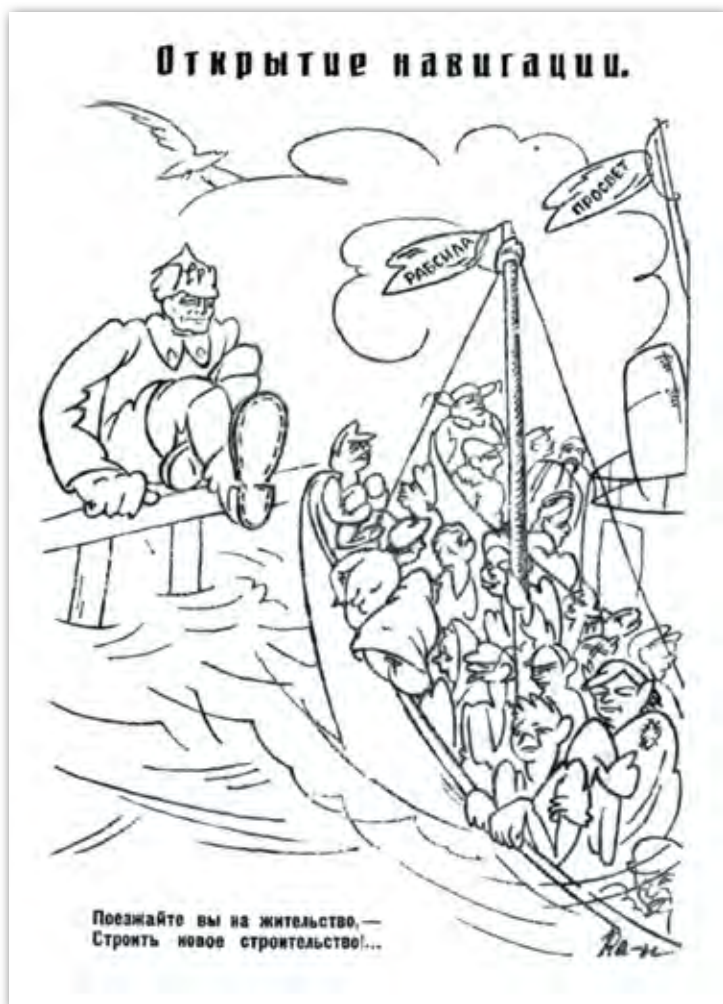
Порядки в северных лагерях представляли собой слепок порядков власти *соловецкой*. С.А. Абакумов не зря стажировался у профессионального расстрельщика Фердинанда Вильгельмовича Ауке, бывшего комбата отдельной Латышской дивизии, который служил комендантом Соловецкого концлагеря с 11 августа 1922-го по 8 августа 1924 года.

Ауке на Соловках осуществил передачу традиций от губернского лагеря для военнопленных Гражданской войны всероссийскому лагерю Главного Политического Управления. Система лагерей, созданная по инициативе архангельского большевика И.В. Богового, получила название УСЛОН — Управление Соловецкими лагерями Особого Назначения.

Совет труда и обороны СССР узаконил УСЛОН 30 октября 1923 года. Эта дата по странному совпадению стала Днём памяти жертв политических репрессий

Смысл *Особого Назначения* Соловецких лагерей заключался в том, что Соловки априори предназначались не для людей, совершивших преступления. Явные враги большевиков подлежали уничтожению, а Соловецкие лагеря создавались в первую очередь для классовых врагов, для людей сомнительных, представлявших потенциальную угрозу для советской власти самим фактом своего существования. «Расстрелять их не было повода, а терпеть — не было возможности», — сформулировал позицию большевиков Л. Д. Троцкий, лучший из советских ораторов.

Газета «Новые Соловки», № 32, 1925 год.
Просветителей народа, не попавших
на «философские» пароходы, баржами
везли строить Соловецкие концлагеря

Массовая высылка социально чуждых элементов из центральных областей страны на Север была задумана большевиками ещё в начале 1922 года. Сотрудник Архгубчека Ж. Ракстин обследовал на предмет организации общероссийской системы лагерей Кий-остров, Пертоминский монастырь и Соловки. ГПУ по Архангельской губернии решило, что Соловецкий монастырь — самое подходящее место, где можно разместить 3 тысячи, а после некоторого ремонта — 12 тысяч заключённых.

Руководство лагерями *Особого Назначения* было поручено жестокому чекисту, начальнику Северных лагерей принудительных работ ГПУ НКВД А. П. Ногтеву, который возглавлял СЛОН до 13 ноября 1925 года, а затем ещё несколько месяцев в 1929–1930 годах. Охрану лагерей обеспечивали до 800 бойцов Отдельной дивизии *Особого Назначения* Феликса Дзержинского. Охрана именовалась 95-м дивизионом, а потом — 4-м полком.

Первые три сотни заключённых СЛОНа, а вместе с ними и охрана были доставлены на пароходе «Печора» из Архангельска в Соловки 7 июня 1923 года. Правительство страны задним числом издало постановление о создании лагерей в Соловках 13 октября, когда число узников на островах перевалило за три тысячи; Совет труда и обороны, высший орган государственной власти в Советской России, продублировал постановление Совнаркома о СЛОНе через две недели — 30 октября. Десятилетия спустя по странному стечению обстоятельств этот день будет объявлен в России Днём памяти жертв политических репрессий.

Максимальное расчётное для Соловков количество заключённых было превышено в сентябре 1927 года — 12 896 человек. Через год число узников достигло 21 900 человек. Ведомость 1 марта 1930 года гласит, что на островах были изолированы 15 834 заключённых, но кроме того, ещё 57 325 узников Соловецких лагерей размещались в подразделениях СЛОНа на материке.

Топография лагерных отделений, динамика численности контингента *Особого Назначения*, история переименований и переподчинений в конце XX века стали достоянием гласности. Замалчивалась или искажалась лишь история общины соловецких монахов, добровольно связавших свою судьбу с обслуживанием лагерей *Особого Назначения*.

Деятельность Соловецкого монастыря как коллективного богомолья не закончилась с приходом большевиков. Монастырь не был упразднён, он успешно вписался в советскую реальность. Более половины из 269 соловецких насельников, проживавших на островах в 1921 году, подписались на *чекистское обслуживание лагерей* в качестве вольнонаёмных сотрудников ОГПУ. В ведомости на получение денежного и вещевого довольствия с 1 января 1922 года значатся 153 монаха и 21 трудник.

Администрация лагерей положительно отнеслась к прошению иеродьякона Вячеслава о зачислении на службу монахов-тружеников, которые семь лет боролись с плутней старых архимандритов. *Граждане монашествующие приветствовали приход соловецкой Советской власти. Они верили, что большевики помогут братии устроить правильную жизнь по заветам святителя Филиппа — борца за интересы трудящихся.*

Управление Соловецкими лагерями ОГПУ проигнорировало решение Кемской городской организации ВКП(б) об упразднении монастыря — «рассадника религиозного дурмана». Монастырь продолжал функционировать, чекисты ограничились снятием икон в общественных зданиях да запрещением целования рук в часы служебных занятий.

Иноки сохранили внутреннюю иерархию, осуществляли обряды и требы для себя и для заинтересованных лиц в соответствии с монастырским уставом. Смычка монахов с чекистами шла столь успешно, что монастырянин Александр Горбунов по особой упрощённой процедуре был принят в ряды ВКП(б). В 1922 году он, не снимая рясы, получил пост помощника начальника соловецкой милиции.

Соловецкие монахи, оказавшиеся сотрудниками карательного аппарата, в рабочее время были проводниками лагерной политики, направленной на всемерное подавление и унижение заключённых, включая и узников, попавших на архипелаг по «церковным делам».

По свидетельству архимандрита Феодосия (Алмазова), стоявшего в разное время во главе синодальной ризницы и одного из соборов Московского Кремля, большевизировавшиеся вольнонаёмные монахи, а особенно иеродьякон Серафим, крайне грубо обходились даже с епископами из числа заключённых, а про архимандритов и прочих и говорить не стоит.

Монахи, принятые на службу в ОГПУ, жили, где и чекисты, — в Девятой, то есть «лягавой», роте Первого отделения СЛОНа

Архимандрит Феодосий, заключённый в Соловки за религиозную пропаганду, а после совершивший отчаянный побег через границу, сообщил, что при нём дело доходило до прямых стычек священноначальника соловецких монахов (Феофана) с архиепископом Херсонским и Николаевским Прокопием (Титовым), убитым чекистами и канонизированным РПЦ.

Соловецкий коллектив верующих оправдывал доверие администрации лагерей, которая проигнорировала решение Архангельского губернского исполкома от 21 июля 1923 года о закрытии всех церквей на Соловках. Монашескую общину не ликвидировали, сохранив за ней Онуфриевскую церковь, единственную не пострадавшую от огня при пожаре в ночь с 25 на 26 мая 1923 года.

Страшный пожар, а скорее, умышленный поджог в Казначейском корпусе с целью уничтожения отчётных финансовых документов, повредил большинство зданий внутри стен монастыря, или, как говорили в XX столетии, кремля. Чекисты хотели обвинить в поджоге монахов, одного из них Ногтев спешно убил, троих отправил в архангельское ГПУ, где иноки-арестанты признались начальнику секретно-оперативного отдела И.И. Зорину в пьянстве, в связях с женщинами и в других проступках. Однако они явно не имели отношения к возникновению пожара.

Виновных в поджоге выявить не удалось, но соловецкий архимандрит Вениамин, при котором случился пожар, знал точно, что бедствие, обрушившееся на обитель, есть наказание божье за дурное поведение монахов.

Архимандрит Вениамин был убеждён, что трёхдневный пожар 1923 года оказался карой божьей за попрание братией обители идеалов монашества

«Царица Небесная испепелила святыню свою за нечестие братии, ибо разделилась братия на два лагеря, враждующих между собой. Не было покоя в их душах, и менее всего думали они о своём душевном спасении. Повторился 1538 год, когда к старцу Леониду приходили в сонном видении преподобные Зосима и Савватий и сказали, что Господь ниспошлёт огонь, который попалит весь монастырь за нечестие его. *И сгорел монастырь дотла за поругание святыни, нарушение обетов и попрание идеала монашества.* Через 385 лет история повторилась вновь. За такие же грехи огнем спалило всю обитель. Пытался монах Гурий подобно своему предшественнику Леониду предупредить братию, но лишь посмеялась она над ним», — говорит преподобномученик Вениамин о связи апокалиптического пожара 1923 года с пожаром 1538 года, случившимся череззвек,послетогокакГерманповедалЗосиме о чуде избиения на Секирной горе.

Второму предостережению Богородицы, пригрозившей рассеять братию из Соловков по свету, иноки опять не вняли.

Список монашескую братии, служившей богу и ОГПУ, создан в 1929 году в честь 500-летия высадки монахов на Соловках

В 1927 году (десять лет власти Советов) 112 черноризцев числились в штате УСЛОНА. Жалованье за службу им выплачивали дважды в месяц, за раз по 30 рублей. До 1929 года рубли имели вид серебряных монет. Платили инокам меньше, чем другим вольнонаёмным сотрудникам, так как монахи не были членами профсоюза. Денежная недоплата компенсировалась всяческими льготами и казённым довольствием. В конце 1930-х годов по церковным праздникам для распития и услаждения давалась водка — один литр на трёх иноков.

Сохранился «Список монашескую братии Соловецкого монастыря», составленный иеромонахом Мартианом в честь 500-летия появления на Соловецком архипелаге первых иноков. Реестр содержит имена священноигуменов, иеромонахов, монахов и послушников. Некоторые из них, подобно черноризцам Герману и Феофану с Малой Муксалмы, не стеснялись носить брюки-галифе и чекистские гимнастёрки с малиновым кантом.

Сохранились и тексты «покорнейших заявлений», по которым в юбилейном 1929 году пробивной иеромонах Геласий с иеродьяконом Антонием ухитрялись, *верноподданнически припадая к стопам начальника лагерей*, иметь дополнительно «некую толику в количестве 8 литров винного продукта, сиречь спирта, для распития по священным канонам».

Иноки отвечали за деятельность ремонтно-строительных бригад и сетевязных мастерских, шитьё карбасов и промысел ластроногих

Игумены, уставщик и схимники, совершавшие церковные обряды, находились на иждивении иноков, получавших жалованье в ОГПУ

Причины, по которым соловецкие иноки сотрудничали с чекистами, находились у каждого свои. Некоторые из монахов были бунтарями, врагами двух последних настоятелей, другие, по словам архимандрита Вениамина, «обслуживали лагеря в надежде сохранить хоть долю из монастырского наследия».

Испанская пословица, гласящая, что *нельзя продать дьяволу только часть души*, в России широкой известности не получила.

Трагедия монашества на острове обрела продолжение на материке: в русском православии укоренилось мнение о необходимости спасения института церкви человеческими усилиями — путём верноподданнического служения власти и лично товарищу Сталину *с особым чувством непрестанной любви к нему*, как в 1953 году рапортовал ЦК ВКП(б) Алексей, Патриарх Московский и всея Руси.

«Такое наследие мы получили от Византии: церковь, покорную материальной власти и помогающую стать христианским халифатом», — полагал не воинствующий атеист, а искренний христианин Пётр Чаадаев. Он подчеркнул, что в нашем обществе не существовало никакого другого нравственного начала, кроме религиозной идеи, и ей одной наш народ обязан своим историческим воспитанием как добрым, так и злым.

Н. А. Бердяев, автор исследования «Истоки и смысл русского коммунизма», развивает тезис Чаадаева: «Нужно признать, что официальное православие оказалось самой обскурантской (мракобесной. — *Юр. Бр.*) и самой инертной формой христианства. Любые предрассудки защищались как священная традиция. Но нет никаких оснований утверждать, что всякая традиция хороша. Рабство, введённое в катехизис Филарета, деспотическая форма государства, отсталость научного знания — всё было освящено традицией. Во имя смирения требовали послушания злу и неправде. Это превратилось в школу угодничества. Формировались рабы души, лишённые всякого мужества, дрожащие перед силой и властью».

Русские черносотенцы и русские большевики в массе своей принадлежат к схожему душевному типу, заметил Бердяев. Обскуранты действуют не от себя, а от коллектива. Сын священника Д. В. Успенский, возглавив Соловки в ноябре 1930 года, избавил коллектив от сотрудничества с чуждыми церковниками.

Михаил Пришвин, который в 1933 году посетил Соловки как писатель, находившийся под контролем ОГПУ в творческой командировке, отметил 31 июля в походном дневнике, что узнал о кончине последнего из соловецких иноков, живших на острове. Монах Симон (С.И. Коркин, 1874 г. р. — *Юр. Бр.*), мастер артели УСЛОНа по производству кукол, умер, «заразившись от инструмента», после того как стоматолог вырвал ему зуб.

Переселение других большевизировавшихся иноков произошло в период, когда Соловки из лагерной столицы начали преобразоваться в один из многих островков архипелага ГУЛАГ. Заметим, что история Соловецкого монастыря как религиозной организации оборвалась после пожара, случившегося в июне 1932 года.

Преподобномученик Вениамин, указавший на грустную закономерность двух первых пожаров в монастыре, третьего уже не увидел. В апреле 1928 года его заживо спалили на материке комсомолец Володька Иванов и милиционер Иван Ярыгин. Как сообщает историк В.А. Лаушкин, убийцы рассчитывали найти в лесной избушке архимандрита укрытое им монастырское золото.

«Пожар оказался мистической границей, невозвратно разделившей монастырскую историю на до и после», — справедливо отметила Марина Осипенко, создатель паломнической службы Соловецкой обители.

Языки пламени, предсказанные Гурием, не просто слизнули кресты и купола над соборами, они преобразили и облик обители, и её функциональное назначение.

На российском денежном знаке «500 рублей», введённом в оборот 1 марта 1997 года, вплоть до марта 2012-го изображался не Соловецкий монастырь, как было заявлено в официальном описании ассигнации, а то, во что через 500 лет после чуда избиения превратилась обитель в результате череды преображений. Водяные знаки защищали от подделок купюры не с видом обители, а с изображениями обезглавленных храмов, ставших казармами для содержания заключённых. В силу стечения обстоятельств на купюре оказался «лагпункт Кремль» с фотографии Е.Е. Эрлиха. Так Соловецкий кремль выглядел после майского пожара 1923 года и до пожара в июне 1932 года, то есть в период наивысшего могущества Соловецких лагерей Особого Назначения ОГПУ.

Сосуществование Соловецкой обители с Соловецкими концлагерями, начатое после апокалиптического пожара в 1923-м, оборвалось жутким пожаром 1932 года

*Соловки в период 1923–1932 годов.
Преображение через 500 лет
после чуда избияния. Фрагмент
российской купюры 1997–2012 годов.*

Премьер-министр и министр финансов правительства Российской Федерации А.Б. Чубайс, которому принесли на подпись макет 500-тысячной ассигнации (вскоре её деноминировали в тысячу раз), углядел в проекте купюры несоответствие между описанием и изображением. Однако он утвердил макет с изображениями обезглавленных храмов без крестов, с четырёхскатными кровлями вместо куполов. Чубайс, судя по рассказу его соратника Л.Я. Гозмана, решил, что «соловецкая» купюра, предложенная главным художником Гознака И.С. Крылковым, окажется своеобразным напоминанием о Соловках как центре советских политических репрессий.

*Особое Назначение лагерей
означало, что они созданы
для потенциально опасных
коммунистическим идеалам*

В Соловки правоведаов свозили, потому что они были вредны своим знанием основ римского права с какой-то там презумпцией невиновности. Юристов запирали в лагеря, чтоб не умничали по поводу «судов революционной целесообразности». Профессоров классической истории сажали за проволоку, чтобы не мешали перекраивать учебники в угоду политической конъюнктуры, а филологов — чтобы не критиковали новые правила правописания. Военных арестовывали, чтобы те не имели возможности принять участие в заговорах, а священнослужителей всех конфессий — чтобы не мешали распространению единственно правильной большевистской идеологии.

Классовый подход поощрял социально близкую охрану к проявлениям крайней жестокости по отношению к классово чуждым узникам.

Социально чуждые заключённые *штрафного разряда*, объявленные врагами, на самом деле представляли собой элиту страны. Перевоспитание элиты поручалось «морально-дефективным элементам» из среды социально близких. Этим заключённым в лагере предлагались административные должности, чтобы братья по классу могли доказать свою преданность пролетариату и заслужить таким образом досрочное освобождение из лагеря.

Во *внутреннюю охрану* набирали «лучшую часть заключённых — партийцев и чекистов», изгнанных на острова за служебные проступки и уголовные преступления. Бывшие сотрудники силовых ведомств давали клятву «не смешиваться с остальной массой заключённых и до самой смерти блюсти секретность обстоятельств лагерной жизни». Они квартировали в привилегированной Девятой роте, которую истые солдовчане презрительно окрестили *лягавой*. ОГПУ селекция по классовому признаку казалась целесообразной экономически — заключённые охраняли заключённых — и правильной идеологически, так как социально близкие, получив оружие, властвовали над социально чуждыми.

На архипелаге, как на опытном полигоне, отработывалась организация охраны узников, определялись нормативы питания, способы использования принудительного труда, техника расстрелов и технология захоронения тел.

Лагерная «фабрика людей» формировала советское мировоззрение, в котором коллективная память народа подменялась новыми мифами. Процесс разрушения старого мира включал в себя *классовое нормирование* личных бытовых потребностей, установку иных нравственных ориентиров, подмену географических названий, народных традиций и ритуалов.

Ставка на социально близких, которые будут воспитывать социально чуждых, успехом не увенчалась. *Морально-дефективные* работать не умели, да и не желали. Они воровали и грабили не только «буржуев», оказавшихся в лагерях, но и терроризировали весь архипелаг, причём с использованием табельного оружия. Налётам подвергались склады и квартиры чекистов. Даже у вольнонаёмных сотрудников Петухова и Буянова из монашеской коммуны в Никольском келейном корпусе «реквизировали» запасы масла, сахара и спичек.

Вохровцы из «лягавой» роты имели красноармейский паёк, но на фуражках вместо звезды им полагался значок «УСЛОН»

Соловецкий стандартный барак объявили «образцом соблюдения правил строительного искусства и технических норм Союза ССР»

После нескольких нашумевших дел с убийствами и расстрелами руководство УСЛОНа было вынуждено заместить социально близких уголовников социально чуждыми элементами. Им было предложено стать командирами рот или начальниками производств, чтобы хоть как-то организовать приёмку новых этапов, питание, снабжение, медицинское обслуживание, работу и быт многих тысяч заключённых, прибывающих в Соловки со всех концов Союза.

Когда людьми были заполнены все монастырские келейные корпуса, соборы, скиты, скотные дворы и даже голубятня, пришлось рыть землянки и строить бараки.

В Соловецких лагерях пенитенциарная система Страны Советов обрела своё лицо и вырабатывала способы самовыражения.

Ночью нары озарялись вспышками, это узники жгли клопов: в лагере было поверье, будто горящие клопы издают звуки, отпугивающие других насекомых

На архипелаге, по свидетельству Варлама Шаламова, был разработан и внедрён в жизнь «общенародный стандарт — барак на 250 мест двухъярусной соловецкой системы с уборными на восемь очков в ряд». Проект лагерного барака постоянного типа, созданный на конкурсной основе заключёнными — инженером Калмыковым, техником Борисовым и чертёжником Варгасовым, — получил путёвку в жизнь в январе 1926 года.

На нарах соловецких барачников нанесение татуировок было организовано на широкую ногу. Использовались три связанные между собой швейные иглы и чернила, приготовленные из расплавленной резины от подошвы обуви и сажи, собранной со стекла после сжигания под ним бересты. Эта технология из Соловков пришла на материк. Автор публикаций о лагерных татуировках, сотрудник Ленинградского уголовного розыска Данцинг Болдинг отмечает, что наколки с изображением Соловецкого монастыря и церковных куполов стали визитными карточками, показывающими боевой путь индивидуума по местам лишения свободы и его место на иерархической лестнице преступного мира.

Фантасмагория СЛОНа на начальном этапе функционирования лагерей заключалась в том, что необычайное количество выдающихся узников влияло на поведение образованной части администрации лагерей. Генералы, митрополиты, известные художники, профессора лучших университетов, поэты от бога, актёры императорских театров вызывали уважение, а не враждебность.

Начальник Соловков в 1925–1929 годах Фёдор Эйхманс, судя по фотографиям, которых у меня собралось почти два десятка, чурался ношения чекистской формы, даже когда на острове появлялось высшее начальство.

Он закрывал глаза на проявления церковной жизни и покровительствовал науке. Эйхманс женился на дочери заключённого, был дружен с деятелями культуры и пытался создать в лагерной вотчине подобие культурной жизни.

В собственной типографии УСЛОНа, созданной заключённым И.С. Слепяном, печатались не только газеты и журналы, но и сборники научных трудов Соловецкого общества краеведения. Функционировали библиотеки. Музей спас от исчезновения сотни икон, редких книг и произведений прикладного искусства. Демонстрация проявлений духовности была в немалой степени нужна администрации лагерей как доказательство успешности перевоспитания трудом, но эта показуха, по словам Д.С. Лихачёва, зачастую способствовала сохранению реальных жизней.

Общество краеведения оказалось школой, в которой заключённые воспитывали сотрудников лагерей, изменяя их взгляд на мир Соловков

Занавес лагерного театра украшал изображение чайки не мхатовской, а соловецкой (по эскизу Николая Качалина)

На архипелаге в 1920-х по инициативе узников возникло несколько театральных трупп: ХЛАМ — художники, литераторы, артисты, музыканты; СРАМ — союз работников анзерской музыки; «Гулькин нос» и другие коллективы. На сцене исполняли музыку белобандита Рахманинова и другие идеологически чуждые произведения, запрещённые цензурой на материке.

Конечно, концлагерь оставался концлагерем. Актёры, как и все узники, орали идиотское «здра!» на бесконечных поверках, носили из ледяной воды брёвна на лесосплаве, обмороживались на «апокалиптических субботниках» по разгрузке ледоколов, вместе с другими умирали при эпидемиях тифа и дизентерии.

Театр во время платных представлений был «святой землёй», где муж-заключённый, купив два билета, мог встретиться со своей женой-заключённой, так как в эти часы на зал и фойе не распространялся закон, исключавший хоть какое-нибудь общение полов. На бесплатных же концертах и спектаклях мужчин и женщин рассаживали по разные стороны охраняемого прохода, и даже устное приветствие лицу другого пола каралось оплеухой, а то и карцером.

Соловецкие лагеря не были адом для изгнанных из рая. Они являлись зеркалом советского образа жизни и отражали перипетии превращения первого в мире социалистического государства в один большой лагерь. Заключённые и надзиратели, доказывая любовь к родине, хором пели патриотические песни, читали друг другу политинформации, выходили на *ночные субботники*, добровольно покупали облигации государственного займа «Пятилетка», и каждый сотый был сексотом внутрилагерного представительства ГПУ.

Возле монастырско-лагерного кладбища появилась спортстанция, где гэпэушники сдавали нормы ГТО. В феврале 1925 года членский билет № 1 общества «Соловецкое Динамо» был торжественно вручён генеральному комиссару НКВД Генриху Ягоде. Спортом в *стране Услонии* больше занимались вохровцы, но инструкторами являлись заключённые.

На листах дипломов для награждения победителей лагерных игр художник-узник не без чёрного юмора вставил среди виньеток пару лозунгов. Один — мелкий: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а другой — прописными буквами: «У ЗДОРОВОГО НАРОДА НЕ БУДЕТ ОТНЯТА СВОБОДА».

Имитация интенсивной социальной жизни в лагере была в большой степени показухой, но эта показуха спасла немало заключённых.

В 1920-х узники православного вероисповедания имели возможность участвовать в богослужениях в Онуфриевской церкви, где наряду с вольными соловецкими монахами иногда допускали отправлять службы высших иерархов из числа заключённых.

Католики-заключённые попросили монахов пустить их молиться в монастырском храме, но получили отказ. Тогда-то Фёдор Эйхманс позволил католикам отправлять свои мессы в Германовской часовне в двух верстах к западу от обители. Туда подконвойных *мужчин и женщин* водили молиться около двух лет, до отъезда Эйхманса с острова в 1929 году.

К приезду разгрузочной комиссии, имевшей полномочия освобождать узников досрочно, в театре готовили шикарные концертные программы. Однажды артистами ХЛИАМа для московских гостей была исполнена композиция на слова Б. Ширяева и Б. Емельянова, которая вызвала взрывы смеха в зале и улыбки в ложе. В хоровом припеве на мелодию из «Баядерки» перечислялись фамилии членов комиссии, причастных к заточению массы людей на островах. Артисты в шутку пригласили ведущих сотрудников ГПУ, уголовного розыска и прокуратуры погостить на Соловках несколько лет. Припев песенки оказался пророческим — упомянутые в ней люди не пережили Большого террора. Они реабилитированы заодно с теми, кто погиб в их лагерях.

Всех, кто наградил нас Соловками,
 Просим: приезжайте сюда сами,
 Поживёте здесь годочка три иль пять —
 Будете с восторгом вспоминать!

Руководство Соловецких лагерей и московские кураторы СЛОНа были репрессированы своими же коллегами, не пережив 1937 года

Названия пьес из театрального репертуара говорят сами за себя: «Без вины виноватые», «Последний парад», «Сиволапская комедия», «Параша Заброкина», «Горе от ума», «Мёртвые души», «На дне». Стенгазета театрального коллектива Первого отделения называлась, тоже не без ёрничества, «Крик чайки».

«Парижем Северных лагерей» иронично окрестил поселение на архипелаге профессор, экономист И. Х. Озеров. Учёный поражался энтузиазму узников, которые высаживали в болота у дороги на мыс Печак корневища американского риса, возводили первый в России завод сухой экстракции древесины, создавали проекты «электрификации всех Соловков» и гигантского океанариума.

Благодаря поддержке Ф. И. Эйхманса на Лисьем острове в Долгой губе заключённый В. И. Верхошанский построил аналог американской лисоводческой фермы, где впервые в СССР был получен, способом в духе лагеря, приплод соболя в неволе: самке разрезали живот, а детёнышей отдали на вскармливание собаке. Кроме лис, песцов и соболей на Соловках акклиматизировали канадскую ондатру. Ушанки из редкого меха крысы ондатры, сшитые скорняками «Швейпрома» для членов разгрузочной комиссии, получили популярность в среде высших чинов НКВД, а потом и у политического руководства СССР. В Советской России ондатровые шапки распределялись, а не продавались и служили зримым символом номенклатурной принадлежности.

Директор пушхоза эмигрант К. Г. Туомайнен недолго любил партийцев и чекистов, избегал их, за что был убит в 1937 году

Очередное ужесточение режима наступило после изгнания начальника А. П. Ногтева, которого сменил Д. В. Успенский, недавний шеф культурно-воспитательного отдела УСЛОНа. Лагерные слухи — «параши», верные если не фактически, то по сути, гласили, будто бы Успенский попал на Соловки после убийства своего отца-священника. Успенский начал карьеру с того, что быстро произвёл сбор денег на постройку истребителя, который назвал «Ответ Соловков», а потом в Москве произнёс зажигательную речь на митинге по случаю передачи самолёта ВВС СССР.

Похожий на медведя Успенский, как пишет его врач, доктор Н. В. Жилов, *умел добиваться своего*. Он был способен выбить деньги даже из голых людей, запертых в изоляторе, много дней не имевших связи с внешним миром.

«Штрафники целиком слились с живой мыслью о постройке самолёта для Красной армии и добровольно собрали деньги в сумме 21 рубль 92 копейки. Они ввинтили свой маленький винтик в могучий самолёт», — так газета «Новые Соловки», подвластная Успенскому, информировала общественность о патриотизме узников карцера на Секирке.

Если иметь в виду, что у заключённых, сидевших в вымороженном храме на жёрдочках вокруг бочки-параши, не могло быть ничего, кроме нижнего белья, то деньги, собранные в карцере на постройку самолёта, можно считать чудом из чудес Секирной горы.

Заключённых, не желавших исправляться, ожидали расстрел или штрафной изолятор на Секирной горе, где окна кроме решёток закрывали наклонные щиты-«намордники»

На Секирке возникла «школа-питомник собак для конвоирования и окарауливания заключённых», а под горой члены *Общества самоисправляющихся* добровольно и с песнями принимали участие в перезахоронении трупов из мелких ям на тифозном кладбище и в соревновании лесорубов за право обладания грамотой «Соловецкие лагеря — лучшему из лучших». Красные доски, или Доски почёта для поощрения ударников труда, пришли из лагерей на материк, а не наоборот.

Отражая и зачастую предвосхищая изменения, происходившие в стране, соловецкие лагеря-изоляторы с середины 1920-х начали преобразоваться в зоны принудительного труда. Бесплатные рабочие руки стали использоваться для прокладки дорог, строительства каналов и заготовки древесины. Контингент заключённых расширился, включив в себя буквально все социальные слои населения. Высшие органы власти страны узаконили *шкалу питания*, при которой количество еды, выдаваемой заключённым, напрямую зависело от выполнения плана.

Заключённые, перевыполнявшие план, могли рассчитывать на премиальные пирожки с картошкой, они обретали право на внеочередное медицинское обслуживание и одно дополнительное письмо в месяц. Сталин на заседании Политбюро даже предложил награждать ударников труда орденами, но не выпуская их из лагеря, «чтобы на свободе они опять не испортились». В трудовых лагерях достаточно быстро исчезли библиотеки, театры, *камерные оркестры* и *шахматные турниры*. Арестанты, неспособные к тяжелому физическому труду, превращались в дохляк — их ожидала смерть от истощения.

Борьба за физическое выживание сорвала фиговые листочки духовной жизни. Исправительные учреждения стали истребительными. Известен публичный обмен репликами между наркомом Ежовым и начальником Оренбургского УНКВД Успенским:

- Что делать с пожилыми заключёнными?
- Расстреливать!

Будущий академик Дмитрий Лихачёв, арестованный за участие в молодёжном кружке самообразования с ёрническим названием «Космическая академия наук», попал в Соловки в 1929 году почти одновременно со своим ровесником и тёзкой Дмитрием Успенским. Лихачёв на всю жизнь запомнил, как подчинённый Успенского Игорь Курилко, воевавший то за белых, то за красных, сортировал этапы на Кемском побережье, в Вегеракше.

«Ножки выше! Ножки выше!» — орали чекисты в длиннополых шинелях. Они метровыми *дрынами* лупили людей, едва выгруженных из вагонов, и до изнеможения гоняли их бегом по кругу, в центре которого торчал флагшток с красным знаменем. Больные и ослабевшие отсеивались под ударами, не доехав до островов.

«Здесь власть — не советская! Здесь власть соловецкая! Нога прокурора сюда не ступала! Жаловаться тут некому! Что захотим, то и делаем! Сопли у мертвецов сосать заставим!» — орал строю командир приёмно-пересыльной роты Курилко. Все понимали, что так и будет. Охрана была по любому поводу и без повода. Лихачёв пытался спасти голову, подложив свитер в студенческий картуз. Смысл глумлений был в том, чтобы подавить волю, заставить людей, как требовал Курилко, повиноваться, *будто марионетки на ниточках*.

Комиссия ОГПУ, обследовавшая деятельность Соловецких лагерей, отметила в апреле 1930 года, что череда издевательств, олицетворением которой являлся не злой иноверец, а бывший дворянин и гвардеец Игорь Курилко, была продуманной системой унижений и изуверств. Чекисты заставляли узников, страдавших летом от жажды, мочиться друг другу в рот, зимой держали в *стойке* голыми на снегу, приказывали *делать дельфина* — прыгать в прорубь. Неподчинение каралось пыткой в *сучьей кабинке* — карцере, утыканном острыми сучками, торчащими из стен и пола.

Автор «Архипелага ГУЛАГ», поражённый количеством упоминаний о выходках Курилко, предположил, что он — это некий собирательный образ, а не человек. Однако бородач И.А. Курилко, похожий на древнерусского богатыря, — реальный герой преддверия соловецкого ада на материке. Его имя накрепко связано с названием уездного городка Кемь.

Был император крут, как кремень:
Кто не потрафит — катитесь в Кемь!
Пьяница, дурень, упрямый пенёк —
в Кемь!

Эти строки Андрея Вознесенского — лишь отголосок исторического анекдота, будто бы государь Пётр Алексеевич, матерно посылая провинившихся куда подальше, к какой-то там матери, сокращал написание приговора до первых букв: «КЕМ!»

*Ветка железной дороги в Кемь >
обрывалась у причала, где этап
перезужался в трюм парохода
для транспортировки в Соловки*

Кемь (по-сарматски — «мать»), как полагал профессор М. Ф. Кастрел, возникла задолго до появления русских княжеств. Хотя сарматы, кочевники, обитавшие на землях современной Украины и Казахстана, не пасли свои стада на побережье Белого моря.

Наиболее вероятными основателями Кеми были лопари, которых в 877 году потеснили карелы. М. Ф. Рейнеке, автор «Атласа Белого моря и Лапландского берега», записал предание о том, что Кемь была замком лопарского владыки. Горы, которые окружают город почти со всех сторон, вроде бы сохраняют следы искусственной обработки. Кажется, обтёсанные выступы, подъёмы, ступени, брустверы похожи на останки исчезнувшей крепости.

Кемские земли не раз меняли владельцев. Они входили в состав полулегендарной Биармии, в одно время принадлежали шведам, в другое — выплачивали дань новгородцам. С 1450 года Кемский городок с волостями и погостами был вотчиной Соловецкого монастыря. В 1764 году Кемь вошла в состав Онежского уезда, в 1875-м стала уездным городом Олонецкого, а затем Архангельского наместничества.

Административные переименования мало влияли на быт населения, принявшего крещение от новгородцев и сохранившего древнюю обрядность. Даже в уездном городе, связанном с Соловками деловыми узами, в 1880-е годы три четверти жителей придерживалось старой веры. Кемский уезд слыл крупнейшим оплотом старообрядчества в Архангельской губернии. «В каждой кемлянке сто бесов сидит», — говорили иноки о соседях, не признававших синодальной церкви, насаждавшейся в крае Соловецким монастырём.

Самой закрытой для проникновения никонианской обрядности оказалась западная часть Кемского уезда, естественный заповедник, где вплоть до первых десятилетий XX века генотип карел и генотип славян, пришедших на берега Белого моря во времена Средневековья, не претерпели влияния извне. Северные земли избежали разорения семей при крепостном праве и бед, связанных с военными нашествиями. Глухомань лесной провинции способствовала сохранению как карельских, так и древнерусских устных сокровищ культуры, выявленных в этом крае стараниями А. С. Лескова, А. Ф. Гильфердинга, Н. Н. Харузина, П. Н. Рыбникова.

Героический круг былин Киевской Руси о битвах Ильи Муромца и Добрыни Змееборца берегла не Украина, а Карелия. Здесь же, в селении Ладвозеро Вышневолоцкой волости, этнограф Элиас Лённрот со слов крестьянина Архипа Петуева и его сына Михаила в 1880-е годы впервые записал тексты эпоса «Калевала».

Селение Кемь и одноимённая станция Мурманской железной дороги стоят в 12 километрах от морского побережья, а причалы Кемипорта расположены на островке, тянущемся вдоль берега к северу от устья реки Кемь. Координаты Кемского порта — 65° 00′ северной широты и 34° 48′ восточной долготы. Остров длиной пять километров, а шириной — около километра соединён с материком 300-метровой дамбой, держащей на своём хребте железную дорогу и шоссе.

На примере Кеми, где в отличие от монастыря поколения сменялись по законам природы, можно понять, как власть соловецкая разрушила мир древнего селения.

Кемь-порт — врата дороги на Соловецкий архипелаг. Большевики переименовали Попов остров в остров Революции, устроив там Кемский главный пересыльно-распределительный пункт управления Соловецкими лагерями.

Начиная с 1920 года лагеря засасывали в себя заключённых через кемскую горловину, а когда пошёл обратный процесс, на материк двинулись социально близкие пролетариям бандиты, воры, мошенники всех мастей, «работницы горизонтального труда», то есть те, кого отпускали в первую очередь, освобождая в местах заключения бараки для политических заключённых.

Окрылённые представлениями о пролетарской вседозволенности по отношению к врагу — буржуям и кулакам, носители традиционных социальных болезней, повысив в лагере квалификацию, вылетали, словно из ящика Пандоры, на просторы России через кемское окно.

По наблюдениям соловецкого заключённого Николая Литвина, опубликованным в середине 1920-х, Кемь — это, собственно говоря, одна улица. Конечно, это улица имени Ленина. Остальные — так, выбегающие из-под ног переулочки, бесшабашно прыгающие в неизвестность. Впрочем, далеко не прыгнешь. С одной стороны — гремющая по камням речка. С другой стороны — камни без речки. Всё, как в старой кемской присказке:

Спереди — море, позади — горы,
Справа — ох да мох, одна надежда — Бог.

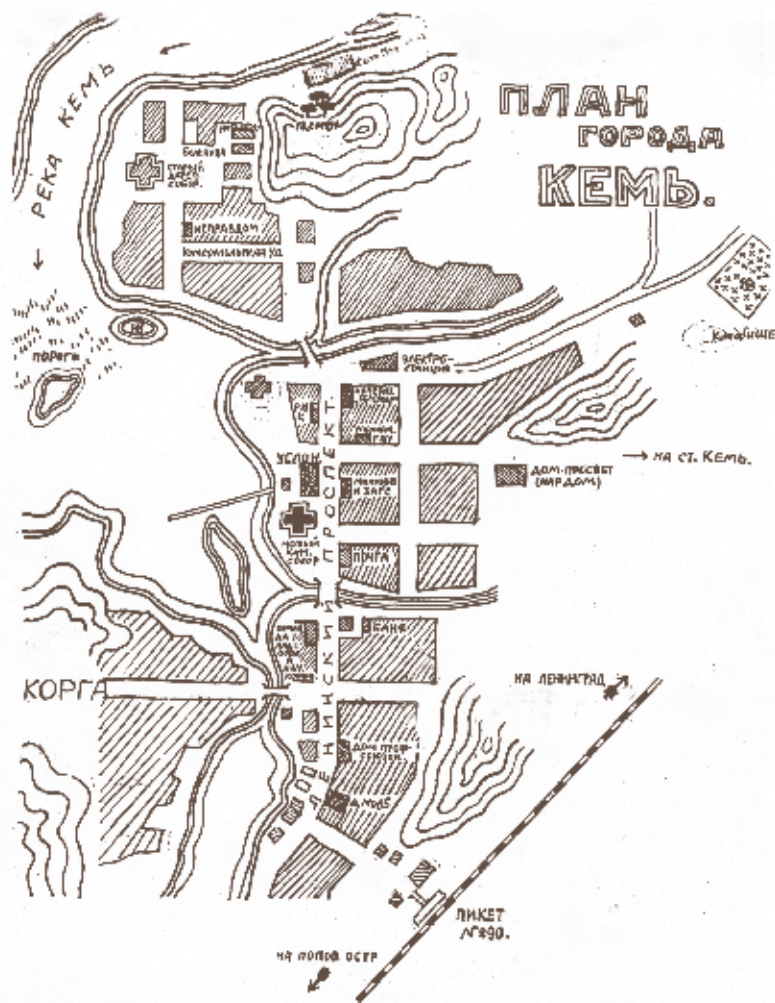
СЛОН встряхнул быт захолюстья. Чинились дороги, открылись мастерские, были построены Дом просвещения с театральной сценой и гостиница. В клубе, устроенном в самой вместительной на территории республики церкви, в 1928 году впервые в Карелии состоялся показ пропагандистского фильма «Соловки». В ресторане для посетителей играл оркестр.

Открылся Кемский аэропорт, и для чекистов путь до Ухты (Калевалы) сократился с шести суток до нескольких часов. На скалах Попова острова, где нет пресной воды, хотели создать МОХ — мелиоративное опытное хозяйство.

Название города Кемь, растиражированное прессой, стало известно во всём мире, когда кемляне, размахивая флагами и лозунгами, зачитали папе римскому Пию XI ультиматум: прекратить унизительный для пролетарской власти сбор пожертвований для умирающих от голода людей, так как в Советском Союзе голода быть не может! Митинг был мщением Пию XI — автору молитвы, которой католики всего мира 30 лет завершали воскресные мессы: «Спаситель мира, спаси Россию!»

Лагерная колонизация изменила не только внешний облик медвежьего угла, но и образ жизни, частью которого стало пьянство.

«Кемь пьёт. Пьёт до зелёных чёртиков. Пьёт в кафе „Карелторга“, кафе „Беломор“ и в пивной „Беломор“. Под прекрасной защитной вывеской „Кафе“, выплеснув на пол бурый кофейный напиток, неведомый в этих местах, в стакан наливают всем знакомый ясный как слеза „хлебный сок“, склянка которого обыкновенно имеется в кармане у каждого уважающего себя кемлянина», — пишет Эн-Ли (Николай Литвин) в 1926 году в газете «Новые Соловки».

План города Кемь, составленный заключённым В. Зотовым. 1929 год

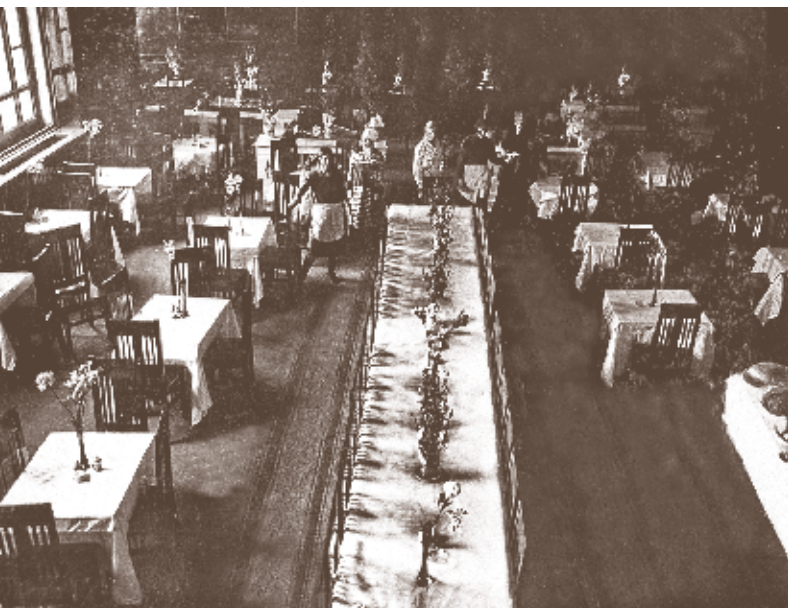
Описание приготовления хлебного сока сохранил для потомков венгр Арпад Садбош, в 1927 году доставленный с соловецкой каторги в Кемь на лесозавод, выпускавший пиломатериалы для продажи за границу.

Рецепт, сообщённый Садбошем, несложен: «Пшено, немного дрожжей и сахар загружаются в бочонок, заливаются кипятком. Раствор укупоривают и ставят в тёплое место. Через 5-6 дней, приняв определённое количество этого поистине всенародного напитка, можно основательно захмелеть, а если после протрезвления на другое утро выпить стакан холодной воды, то можно опять впасть в состояние алкогольного опьянения».

В магазине, устроенном в Кемь в 1925 году, товары с островов — треска, сало, сапоги и кирпичи — звались «соловецким экспортом»

В городе Кемь был ресторан, где поварами, официантами и оркестрантами являлись заключённые концлагеря ОГПУ

О жизни населения советской Кемь повествует и эск В. С. Свешников, известный как поэт Владимир Кемецкий: «В бывшей церкви с флагом вместо креста открылся клуб, где в буфете нарасхват покупают крепкий „Тройной одеколон“, причём отнюдь не для косметических целей». Служители муз, по словам Кемецкого, выпив в буфете пузырёк зелёного крепкого напитка, аромат которого со стакана смыть невозможно, обретали вдохновение изображать на сцене под гармошку «Интернационал» и местную версию «Яблочка»:

Я девчоночка соловецкая,
Воспитает меня власть советская.

На бис с этой сцены исполнялись частушки, придуманные *ссученной лагкоркой* (лагерной корреспонденткой) Зиной:

Лагерь СЛОН меня научит
Пользу обществу давать;
Мне свобода не наскучит —
Перестану благовать.

В пивной, где собиралось более строгое общество коренных поморов, частушек не пели, а вели разговоры о треске, пикше, снастях, судах, таре и соли. Собеседники неторопливо прихлёбывали ёрш, сделанный соловчанами по рецепту, взорвавшему древнюю культуру потребления алкоголя: бутылка пива с полубутылкой русской горькой — всё в одном стакане. Новшество вошло в обиход в 1925 году, когда водка, чего прежде в Карелии не было, стала свободно продаваться в ларьках УСЛОНА по три с половиной рубля за бутылку.

«Непосвящённым было не понять, зачем мешать пиво с водкой: чтобы пиво было крепче или водка слабее?» — отмечал Владимир Кемецкий. Удивление дилетантов, впервые наблюдавших таинство приготовления кемско-соловецкого напитка, знатоков не смущало. Водка без пива — деньги на ветер!

Старообрядческий быт поморского селения претерпел изменения под напором соловецких ветров в считанные месяцы. «Ширится пьянство и его неразрывный спутник — хулиганство. Оно свило прочное гнездо на наших лесозаводах и продвигается через дебри лесов в волости и деревни, втягивает в свои ряды молодое, подрастающее поколение.

В 1925–1926 годах Кемский уезд вышел на одно из первых мест в республике по количеству привлечённых к ответственности за правонарушения. Из 8165 случаев привлечения к штрафам за проступки по всей Карелии 2878 приходится на Кемский уезд, где 75% случаев хулиганства произошли в городе Кемь и на Кеми-пристанях», — констатировал факт влияния Соловков на материк Ф. Станюков, корреспондент газеты «Новые Соловки».

Родина вечных тружеников моря, какой была Кемь, превратилась в рассадник веяний, предвосхищавших изменения в массовом сознании граждан Страны Советов. В свидетельствах о СЛОНе немало рассказов о том, как в Кемском приёмно-распределительном пункте *дрыном* вбивали взгляд на труд не как на источник благосостояния, а как на форму наказания и подавления личности.

В середине 1920-х годов из Соловков через Кемь хлынул на материк поток заключённых, изменявших Советский Союз по своему образу и подобию

Лозунги о труде как деле чести, доблести и славы не имели ничего общего с лагерной действительностью, когда люди, подгоняемые ударами обугленных в кострах палок — *шутильников*, бессмысленно носили в ладонях воду из проруби в прорубь; под прицелом винтовок до изнеможения громко считали чаек или перекачивали валуны от забора до забора, то туда, то обратно.

Лучшие уходили из жизни первыми. По лагерным нормам 1920-х слой земли над захоронениями заключённых составлял четверть аршина, около 18 сантиметров. Количество рядов тел в ямах — до пяти.

Штаб управления лагерями в 1929 году переехал с острова в город Кемь, где на берегу реки было возведено новое здание

Для улучшения руководства каторгой Управление лагерями в 1929 году переехало на материк. В *Кемском отдельном пункте Вегеракша* предполагалось создание крупной верфи и города при ней. Вегеракша в переводе с финского означает «Жилище ведьм».

В начале 1930-х Соловецкие лагеря, эксплуатировавшие дармовой труд эков и бесплатные ресурсы отделений на континенте, казались обособленным государством в государстве. *Страна Услония* имела свою армию, флот, авиацию, свой суд, свои денежные знаки, свою почтовую службу, свою прессу и цензуру. Слово «Соловки» — название уже не островов, а системы, синоним каторги — получило известность далеко за пределами Беломорья.

Расположение отделений СЛОНа сначала повторяло географию вотчин Соловецкого монастыря, а к концу 1920-х лагеря вышли за пределы зоны старой монашеской экспансии.

Управление Соловецкими лагерями контролировало места заключения на территориях от Лодейного Поля в Ленинградской области — на западе и Мурманска — на севере, до континентальной границы с Азией — на востоке. Филиалы СЛОНа появились за Уралом: Пятое отделение СЛОНа — это «Байкальская экспедиция». Строительство БАМа, заложившее основу сибирских лагерей, начинали соловецкие заключённые. Варлам Шаламов из Вишерского отделения в Северном Приуралье и Вацлав Дворжецкий в Туломе под Мурманском имели единую шкалу питания.

«Россия — родина СЛОНов» — чёрный юмор Страны Советов. Ровесником Соловецкого был Суздальский лагерь Особого Назначения, однако моделью построения ГУЛАГа стала система лагерей, созданная на Севере. Филиалы Соловецких лагерей на континенте обретали статус самостоятельных управлений, а вокруг них шло формирование новых и новых концлагерных вотчин ОГПУ СССР.

«Соловецкие лагеря — основоположники общей всем лагерям исправительно-трудовой системы — продолжают оставаться самым крупным лагерем по численности заключённых и по значительности накопленного опыта. Организация всех последующих лагерей производится с учётом соловецкого опыта», — писал член коллегии ОГПУ Г. И. Благонравов.

Народный комиссар Генрих Ягода издал приказ по ОГПУ № 131 от 25 апреля 1930 года «О записи добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу во вновь организуемые лагеря». Чекистам давали жалованье на уровне профессоров, двухмесячные отпуска ежегодно, выслугу — доплату в размере трёх месячных окладов, денежные вознаграждения за спецоперации (расстрелы) и первоочередное снабжение дефицитными товарами. После трёхлетней службы в лагерях чекистам гарантировалось обеспечение работой в любой местности СССР по их собственному выбору плюс подъёмные и дополнительный оплачиваемый трёхмесячный отпуск.

Энтузиазм и энергия соловецких чекистов являлись примером для нового поколения лагерщиков. Кадры, прошедшие соловецкую школу, возглавляли лагеря и тюрьмы Страны Советов, хотя Соловки, породившие ГУЛАГ, оказались на обочине строительства социализма из-за нерентабельности хозяйства.

Комиссия ОГПУ повелела в мае 1930 года закрыть на острове убыточные предприятия, где служили многие из большевизировавшихся черноризцев. Понятие «вольнонаёмный» заменялось термином «сотрудник». Исключение из штата сотрудников означало потерю источника средств существования и переезд на материк, где монахи были обречены на гибель, неизбежно попадая в сети кампаний по розыску внутренних врагов, следовавших в Советском Союзе одна за другой.

По воспоминаниям соловецкого заключённого Самуила Эпштейна, после убийства С. М. Кирова поиски врагов советской власти неусыпно производились местными отделениями НКВД. Отчётные аресты планомерно приурочивали к майским и к октябрьским праздникам. Чекисты, не проявлявшие рвения в обнаружении *врагов народа*, попадали под действие статьи 58-14 Уголовного кодекса — «контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение своих обязанностей».

Монастырский принцип, гласящий: «Никто не смеет оставаться без дела!» — не претерпел изменений на территории Соловецкого лагеря

Осевшие в Кемском районе 11 соловецких монахов не пережили зачисток Большого террора. Они неизбежно оказывались первыми кандидатами на арест, так как являлись чужаками среди коренного населения, в массе своей старообрядческого. В 1937 году комиссар НКВД Республики Карелия С. Т. Матузенко, выступая на конференции ВКП(б), доложил товарищам по партии об успешном искоренении церковников: «Сегодня на территории Карелии остался один поп. Это потому, что он болен подагрой и ходить не может. Со всеми остальными попами покончено». Судя по стенограмме выступления, зал радостно одобрил это сообщение аплодисментами. Степана Матузенко репрессировали в 1938 году.

Соловецкий опыт эксплуатации узников повторился на материке в иных масштабах. Недостроенная система каналов на Куликовом болоте оказалась прообразом *слишком узкого и мелкого*, по замечанию Сталина, Беломорско-Балтийского канала. Его зачинателями были 300 инженеров и 600 рабочих из Соловков. Этап следовал за этапом. По берегам Беломорско-Балтийской водной системы зарыты десятки тысяч строителей — *заключённых каналоармейцев*, сокращённо — *эков*.

Добыча эками торфа для пародинамомашиин «Сименс» лагерной электростанции стала предвестником десантов «особой закалки соловчан» для разработки полезных ископаемых на острове Вайгач и добычи хибинских апатитов на плато Расвумчорр.

Недостроенная узкоколейка к торфяному болоту, где торфа не оказалось, предвосхитила на Большой земле «Стройку 501» — заброшенную *мёртвую железную дорогу* к Салехарду.

Л. В. Курчевский (1891–1937), автор динамореактивных артиллерийских систем и проекта получения энергии за счёт приливно-отливных течений

Соловчане положили начало добыче чёрного золота в нефтешахтах Чибью (Ухты). О наличии нефти на землях бывших соловецких вотчин, ставших в конце 1920-х годов отделениями Соловецких лагерей, было известно ещё в XVII веке. Голландец Николас Витсон в 1687 году достаточно точно указал место выхода на поверхность *нефтяного ключа* в районе реки Ухты, «где из воды выделяется жир, который плавёт по воде и представляет собою чёрную нефть». Попытки организовать на безлюдных землях нефтяные промыслы не имели коммерческого успеха в течение двух веков, пока на Севере не появились отделения Соловецких лагерей ОГПУ с их неисчерпаемым запасом бесплатной рабочей силы.

Сотни лучших специалистов высшей категории оказались в лагерях лишь потому, что их опыт потребовался ОГПУ для решения каких-то задач.

Промышленная добыча нефти началась 25 октября 1930 года с 2,5–3 тонн в сутки из скважины, пробурённой вблизи устья реки Чибью соловецкими узниками под руководством старшего геолога Н. Н. Тихоновича.

«Нефть стала не только отраслью народного хозяйства, но и могучим политическим аргументом в руках советского правительства», — объяснил важность нефтедобычи Николай Горский в журнале «Соловецкие острова».

Ухтинский лагерь в 1931 году не только обрёл независимость от своей прародины, но и увёл с острова заключённых — инженерно-технических специалистов. Авиаторы вместе с самолётами тоже были переданы из Соловков в Ухту.

Скученность людей в Ухтпечлаге была такова, что на человека приходилось 0,4 м² «жилой площади» вместо 1,6 м² по нормам ГУЛАГа. Начальник *столицы русской нефти* Я. М. Мороз, прибывший как заключённый, но в форме и с пистолетом, добился права строить в Ухте улучшенные бараки по проекту инженера П. П. Миллера. В отличие от стандартных соловецких бараков, уборные имели не восемь, а двенадцать отверстий.

Чекисты активно внедрялись в управление экономикой страны в качестве исполнителей государственных заказов. Стараясь доказать дееспособность системы ГУЛАГа и своё умение вести коммерческую деятельность, агенты ОГПУ, разоряя страну, выискивали по городам и весям лучших специалистов, которых арестовывали по спровоцированным обвинениям и заставляли даром работать на лагерных предприятиях. В.В. Чернавин в книге «Записки вредителя» показал технологию чекистского подбора кадров для нужд ОГПУ. Он отмечал, что при недовольстве администрации успехами спеца его изгоняли на рытьё каналов, а на воле отлавливались новые жертвы, как всегда, из числа лучших специалистов.

Геолог Николай Кольцов, арестованный в 1931 году якобы за антисоветскую агитацию, был направлен руководителем работ по изысканию места для строительства будущего закрытого города Молотовска (Северодвинска). В 1936 году Кольцов, занимаясь поиском соляных источников, произвёл анализ вулканических пород из глубоких шурфов, после чего высказал предположение об алмазности района юго-восточного Беломорья, к которому относятся и Соловки. Николай Фёдорович Кольцов, предсказавший наличие кимберлитовых трубок за 40 лет до их обнаружения, погиб в застенках НКВД в 1939 году.

Советский Союз, используя дармовой труд заключённых, пытался вытеснить Норвегию и Швецию с мирового рынка пиломатериалов за счёт крайне низких цен на свою продукцию. Зато эксплуатация рабсилы на лесозаготовках была беспрецедентной.

В архиве МВД Республики Карелия можно найти папки с отчётами сотрудников СЛОНа о работе *валютного цеха страны* 1928 году.

«128 заключённых оставлены на командировке Красная Горка на ночь в лесу по причине невыполнения урока», — сообщает начальству младший надзиратель С. П. Поваров.

«В партии 46 человек, прибывшей из командировки Параново, 75% оказались с отмороженными конечностями», — криком кричит врач Л. Н. Вольская.

«Разутых и раздетых на лесозаготовках больше половины», — доносил санитар с мыса Раз-Наволок в десяти верстах от Сороки.

«Заключённые болеют, так как вынуждены работать на снегу в лаптях», — оправдывается лекпом командировки Идель.

«В сильнейшие морозы люди находились на работе в рваной одежде, поэтому большинство заключённых помёрзло», — констатирует зав. околотком командировки Энг-озеро.

«Смерть наступила от прогрессивной анемии в условиях холода» — обычный диагноз в сотнях актов о гибели заключённых, но массовые убийства непосильным и плохо организованным трудом считались явлением закономерным и оправданным, когда речь заходила о добыче долларов или фунтов стерлингов.

«Сосна пахнет валютой!» — лозунг УСЛОНа конца 1920-х, когда заготовка леса на экспорт стала главным промыслом узников

«Сосна пахнет валютой!» — требовал выполнения плана начальник УСЛОНа А. П. Ногтев. Его приказ № 81 зимой 1930 года гласил: «На УСЛОНа возложено крупное задание по лесозаготовкам, своевременное выполнение которого совершенно обязательно для обеспечения экспортного плана. К злостно уклоняющимся от выполнения уроков применять жёсткие меры воздействия! Никакие ссылки на климатические или иные объективные условия при невыполнении порученной работы во внимание приниматься не будут».

Заключённые на лесозаготовках, доведённые до отчаяния побоями, голодом и холодом, уродовали себя и кровью писали на экспортных брёвнах «SOS». После обнаружения таких посланий, а также в результате появления свидетельств узников-беглецов об ужасах принудительного труда в лагерях СССР большинство европейских стран стали склоняться к блокаде пиломатериалов из России, несмотря на их баснословную дешевизну.

Писатель Максим Горький был командирован Сталиным в Соловки после провала миссии К. Альбрехта, отказавшегося хвалить концлагеря

Советское правительство, обеспокоенное возможной потерей источника валюты, пыталось избежать бойкота. Председатель Совета народных комиссаров СССР Вячеслав Молотов распространил доклад, где не моргнув глазом утверждал, что «в Советской России труд заключённых не имеет отношения к продукции лесного экспорта, а 1 миллион 134 тысячи человек, добывающих древесину, — это всё люди, работающие в условиях свободного труда». В. М. Молотов явно погорячился, объявив о желании пригласить каких-нибудь авторитетных иностранцев, чтобы они могли лично убедиться в полном отсутствии труда заключённых на лесозаготовках.

«Своим» иностранцем, допущенным на Соловецкие острова, был назначен известный австрийский социалист, член германской секции Коминтерна Карл Иванович Альбрехт, но он доверия не оправдал. Соловки изменили мировоззрение Карла Ивановича. Друг России отказался от услуг приставленной к нему переводчицы Эльзы Фронт-Роман (Никитиной) и не стал восхвалять достижения лагерного прогресса. Эльза, не выполнившая задания, дабы избежать пыток, перерезала себе горло, а коммуниста Альбрехта выдали на растерзание гестаповцам. Однако он в гитлеровской тюрьме написал книгу о своих наблюдениях за советскими реалиями, которая принесла ему освобождение.

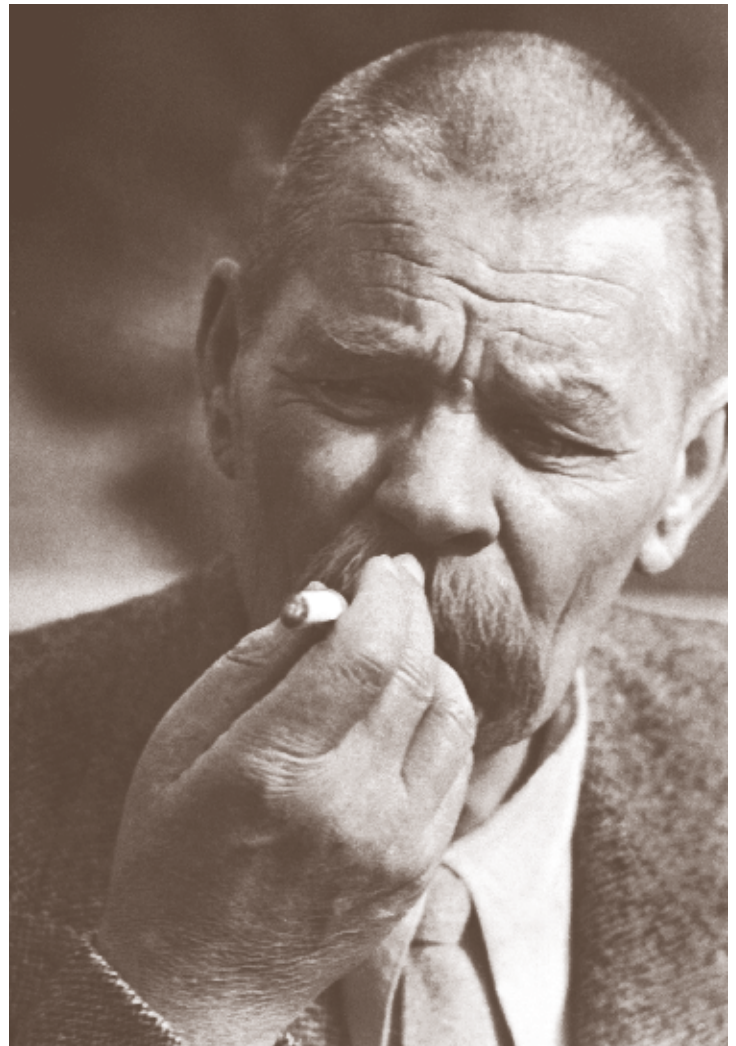
Книга «Преданный социализм» переиздавалась в Германии несколько раз и нанесла имиджу СССР немалый урон. Имя Альбрехта было включено в списки военных преступников, которые подлежат розыску, но найти обидчика советская контрразведка не сумела.

Миссия Альбрехта была возложена на Максима Горького, который Сталина не подвёл. Прибыв в Соловки, он, вопреки чаяниям заключённых, смотрел только туда, куда показывали, писал только то, что было позволено, хотя, безусловно, всё понимал. Горький в июне 1929 года имел возможность узнать то, о чём охрана запретила узникам говорить под страхом смерти. В курилке лагерного театра во время антракта соловчане, не говоря ни слова, засунули в карманы писателю ворох записок с просьбами о защите. Он понимающе улыбался, а потом передал записки чекистам — отправил доверившихся ему людей на смерть.

Соловки неожиданно проявили сущность природы Алексея Максимовича. Характерна похвала чекистам, оставленная *Максимычем* в вахтенном журнале штрафного изолятора на Секирной горе: «Я бы сказал, ОТЛИЧНО!» Эта запись положила начало другим его текстам, дающим основание исключить писателя из круга духовных лидеров нации.

Наблюдательный Михаил Пришвин, посетив Соловки вслед за Горьким, хвалы чекистам не пел, а вёл себя, как зевака в басне Крылова: «СЛОНа-то я и не заметил». Он, по собственному признанию, «всё понимал, но боялся», и боялся уже до конца жизни. Родион Берёзов в журнале «Новое русское слово» опубликовал воспоминания о том, как Пришвину в составе группы советских писателей выделили орден «Знак Почёта», а трепачу Сергею Михалкову — орден Ленина. Обиженный Пришвин говорил знакомым, что не хочет при таком раскладе идти за орденом в Кремль, советовался, можно ли не ходить? Да страха не преодолел. Это вам не Василий Верещагин, публично отказавшийся получать знак отличия — золотую шпагу — от императора, которого презирал.

Соловки проявили суть не только Альбрехта, Горького или Пришвина. Если есть у россиян Рубикон, после которого нет возврата, то это — Соловецкая салма. Ю. М. Лужков, мэр Москвы, вернувшись с Соловков в 2002 году, вдруг стал ратовать за возвращение статуи Феликса Дзержинского в центр столицы.

Многое успел рассказать Горькому в лагере давний знакомый писателя Насур Улла Оглы Ризабейли. Его убили, записав якобы сбежавшим с острова

«Соловецкие острова — это одновременно суть России и её предвосхищение», — чётко сформулировал Мариуш Вильк.

Лозунг «Через труд — к свободе!» на Никольских вратах Соловков появился в 1925 году, в день празднования третьей годовщины СССР. Он предвосхитил текст на воротах сотен лагерей, и не только советских. В 1934 году приветствие скопировали гестаповцы, перенимавшие опыт Третьего интернационала для использования в Третьем рейхе.

В лесах, где иноки усмиряли плоть, подставляя оголённые части тела комарам и мошке, чекисты мучили «филонов», ставя голыми на камни

В Освенциме внедрили и другое изобретение чекистов: оркестр, игравший бравурные марши при приёмке этапов и во время проверок. В Соловках оркестр размещался на балконе, пристроенном в 1926 году к куполу Прядильной башни. Акустика в моменты отсутствия ветра была, говорят, превосходная.

Знали ли нацисты о том, что в Соловках были заготовлены баллоны с хлорпикрином? Доктор Николай Васильевич Жиров, врач лагерной санчасти, на свой страх и риск уничтожил запасы этого боевого удушающего вещества — своевольно использовал весь газ в экстренной ситуации для дезинфекции одежды каторжан в вошебойках во время эпидемии тифа 1929 года. Если бы не доктор Жиров, то, вполне возможно, приоритет в создании газовых камер для убийства людей принадлежал бы Советской стране. Пока газ существовал, был и соблазн его применить.

Остров, избранный иноками для спасения душ, где юноши, похожие на ангелов, с благими намерениями смертным боем били женщину, мешавшую создавать монашеский рай, эволюционировал, по образному замечанию А. Солженицына, в «первые острова ГУЛАГа».

Большевики, имея благие намерения, полагали, что создают в Соловках чистилище для сомнительных социально чуждых, способных помешать строительству социалистического рая. На архипелаге монастырская методика очищения от пороков через угнетение плоти нашла применение в невиданных прежде масштабах. Методы «исправления» заключённых в извращённой форме копировали приёмы самоистязания религиозных энтузиастов, сражавшихся в этих местах с бесами.

«Соловки — это начало столбового пути России, символ её мученических путей», — определил роль острова в истории страны Олег Васильевич Волков.

Скиты стали «политскитами»; вериги сменились «увольнительными записками» — брёвнами, которые привязывали узникам, отправляемым в лазарет. Монашеское истязание плоти «сном сидя» обернулось бессонным сидением «на жёрдочках». Оголение отшельниками участков тела перед кровососущими превратилось в пытку «на комарики», когда мошка медленно убивала голого *филона*, не выполнившего норму. «Филон — это фиктивный инвалид лагерей Особого Назначения», — расшифровал в дневнике *соловетизм* М. Пришвин. «Соловетизм» — новый термин, предложенный Борисом Ширяевым руководителю экспедиции «Плавморина» профессору А. И. Россолимо для обозначения слов лагерного «жиганского наречия» — блат, шпана и других, ставших общеупотребительными на Большой земле.

Моральные и физические страдания никого не сделали счастливее. Варлам Шаламов, с юности и до самой своей гибели наблюдавший мир лагерников и лагерщиков, сделал однозначный вывод: в лагерях все стали хуже!

С. А. Мальсагов (1893–1976).
За ним охотились и гестаповцы,
и чекисты, которые мстили
автору первой книги об УСЛОНе

Адстроем, то есть местом строительства ада на земле, назвал архипелаг автор книги «Красная каторга» землемер Михаил Захарович Никонов, бежавший из Соловецких лагерей после шести лет заключения.

Впервые же Адовыми Островами назвал архипелаг несентиментальный герой Первой и Второй мировых войн Созерко Мальсагов. Этот человек известен не только как участник первого побега из соловецкого ада, он с оружием в руках вырвался и из концлагеря на территории фашистской Германии. Боевой офицер, отвергнутый своей державой, тем не менее продолжал сражаться с её врагами, стал кавалером высшей военной награды Польской Республики, героем Сопротивления во Франции. За Мальсаговым охотились не только сотрудники гестапо, но и советская контрразведка. Невысокий ингуш, по прозвищу Казбек, дважды выходил победителем в битвах с профессиональными костоломами, прошедшими подготовку на Лубянке. Он покинул Европу, выбросив очередного громилу в окно.

Многократно тяжелее доли мужчин была в Соловках участь женщин из-за незащитности перед хозяевами лагерей — мужланами-начальниками

Мальсагов, опубликовав свои свидетельства о Соловках, первым привлёк внимание мира к ужасному положению женщин и подростков, находившихся в лагерях. Администрация УСЛОНа, пытаясь скрыть истинную картину концлагерного быта, свезла часть детей, разбросанных по отделениям архипелага, в показательное учреждение, названное *Трудколонией*. Это заведение, устроенное накануне вояжа М. Горького, писатель очень хвалил, может быть, не заметив, что всё сделано для *блэзюру* — даже ели, окружавшие бараки, были вкопаны на скорую руку, без корней.

Комиссия под председательством секретаря коллегии ОГПУ А. М. Шанина, инспектировавшая архипелаг в 1929 году, спустя некоторое время после визита Алексея Максимовича, зафиксировала в секретном акте, что жизнь детей-заклужённых отличалась от славяного рассказа пролетарского писателя.

«...3357 несовершеннолетних подростков, в большинстве своём беспризорные дети, находящиеся на территории СЛОНа, не получая должной квалификации, разлагаются морально и физически взрослыми заключёнными; процветает использование их в качестве пассивных педерастов», — гласил акт комиссии по обследованию Соловецких лагерей.

Фиксация на бумаге преступлений НКВД была подобна подписанию себе приговора. Судьба А. М. Шанина не стала исключением — коллеги уничтожили его в августе 1937 года.

«Кто не убивает, того убивают самого — таков порядок, сложившийся в среде чекистов», — объяснил свои зверства лагерщик Игорь Курилко на допросе комиссии Шанина. Курилко и его коллег убили на Секирной горе, которая числилась официальным местом расстрелов во времена УСЛОНа.

Патриоты, помечая архипелаг советскими символами, устроили за алтарём церкви на Секирной горе клумбу из побеленных известью камней, уложенных в виде пятиконечной звезды, вписанной в круг. Палачи забирали узников из камеры смертников на втором этаже и ставили по пять человек у линии круга. Заплечных дел мастера стреляли от алтаря храма Вознесения через пентаграмму. В казнях должны были участвовать все сотрудники аппарата поочерёдно.

Тела расстрелянных закапывали на юго-западном склоне Секирной горы, в монастырском ягодном саду. В соответствии с распоряжением наркомата юстиции «О порядке расстрелов», тела предавали земле *без всякого ритуала, с тем чтобы не оставалось следов могилы*. Заключённые, зная об убийствах на Секирной горе, называли кладбище *ягодным садом*, обыгрывая таким образом фамилию генерального комиссара НКВД Генриха Ягоды.

«Шила в мешке не утаишь, тем более мест захоронений!» — не побоялся написать Максиму Горькому 27-летний Вадим Чеховский, расстрелянный через несколько месяцев после восхваления Горьким Секирной горы.

Вершина крутого холма — явно неудобное место для расстрелов, но мысль о том, что ангелы избрали эту гору для расправ с несогласными, согревала сердца палачей

«По обе стороны колонны шли сплошной цепью стрелки с винтовками наизготовку. Командиры шли с наганами в руках. Не было обычных криков, матюгов, команд. Зловещее молчание... Кто бы они ни были, вели их на смерть; о том, что Секирная гора превращена в лобное место, соловчанам было известно доподлинно», — описал эту популярную у туристов дорогу Олег Волков

Советское государство сделало всё, чтобы понятие «Соловки» стало именем нарицательным, синонимом слова «смерть». Когда полномочные представители ОГПУ расстреливали людей во внесудебном порядке, то родственникам убитых устно сообщали: «Отправлен в Соловки». Такая практика, судя по показаниям прокурора Сибирского края П. Г. Алимова, имела место в Иркутске и Красноярске уже в декабре 1925 года, то есть с первых лет образования СССР. Только в 1937 году, когда счёт убитых в застенках пошёл на сотни тысяч, чекисты сочинили новую отговорку: «Десять лет лагерей без права переписки».

В одной из безымянных могил на склоне Секирной горы закопано женское тело без ступней. Это останки журналистки Евгении Исааковны Ярославской-Маркон, которая на костылях долго добиралась до лагеря, чтобы увидеться с мужем — поэтом Александром Ярославским, уже застреленным начальником Соловков.

А. Б. Ярославский был взят чекистами в разработку за то, что в берлинском антисоветском журнале появились его стихи о похоронах Сергея Есенина. По авторской версии, когда гроб Есенина поравнялся с памятником Пушкину, покойник привстал из гроба:

...Есенин Пушкину
Кинул сквозь гам:
— Тебя пристрелили, мол,
Александр Сергеевич,
А я — повесился сам!

Оказавшись в Соловках, питерский литератор Ярославский был направлен в команду ВРИДЛО — временно исполняющим должность лошади, пристяжным в санную упряжку, которая возила кирпичи на Муксалму и брёвна на лесозаготовках. Официально такая работа называлась трелёвкой на людях, и человека тщедушной конституции превращала в доходягу. Поэт быстро дошёл до последней стадии истощения и был убит 10 декабря 1930 года.

«Я из него всадил пулю в дурацкую башку твоего Ярославского», — поглаживая наган, глумился над Евгенией Исааковной хозяин Соловков Дмитрий Успенский. Вдова в ответ швырнула камень — в палача не попала, но покушение на жизнь начальника лагеря было серьёзным политическим преступлением.

*Евгения Ярославская-Маркон (1902–1931).
«Образование высшее, владеет немецким
и французским языками, использует
костыли из-за отсутствия голени ног»*

Евгения Ярославская в штрафной командировке на Заяцких островах не сдалась, объявила войну Соввласти, повела антисоветскую агитацию, отказывалась работать (выкатывать брёвна из моря), ударила протезом заведующего делопроизводством и написала на груди «Смерть чекистам» — просила сделать ей такую татуировку. Вышеуказанных преступлений было достаточно для оформления внесудебного приговора приказом по УСЛОН, и 16 июня 1931 года Евгения Ярославская-Маркон, которой не было и тридцати лет, ждала своей очереди на вершине Секирной горы.

Успенский ради издёвки приказал отобрать у смертницы костыли — пусть её подержат за раскинутые крестом руки бородастые христосики. «Христосики» — это прозвище имяславцев, которые особо чтит имя бога, но скрывали свои имена. Церковные власти всегда считали их еретиками, а светские — бунтарями. Волокита с расстрелом сектантов, не желавших работать на Антихриста, и вывозом их тел к ямам затянулась на два часа.

*Ярославский Александр Борисович (1891–1930).
Выпускник Петербургского университета,
поэт, редактор альманаха «Бессмертие»
литературной группировки биокосмистов*

О последних минутах жизни Ярославской, убитой в конце спецоперации, известно со слов стрелка-охранника А.И. Мыслицына, стоявшего в день расстрела на горе в карауле, и по рассказу Ю.Н. Данзас, правнучки последнего секунданта Пушкина.

Расстрелом командовал начальник лагеря Успенский, большой любитель, как часто сам похвалялся, «провертеть дырку по лбу». Он мстил: Ярославская прилюдно облила мочой его пассиву, заключённую Л. Зборовскую.

После залпа, когда земля уже впитывала кровь рухнувших христосиков, Евгения ещё долгие мгновенья продолжала стоять на протезах без какой бы то ни было поддержки. Она улыбалась и махала рукой окнам верхнего изолятора. Изрыгающий брань Успенский стрелял, стрелял, но эту улыбку стереть не мог.

О дай мне, Бог, конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

На Голгофе, в отличие от Секирной горы, узников не расстреливали. Заключённые на Анзере покидали сей мир *от тяжёлых условий жизни* — так зачастую записывали в карточках личного учёта причину смерти сотен людей. Добротные сапоги или полушубок, даже золотые зубные коронки могли стать поводом для убийства, так как всё принадлежавшее погибшим присваивала охрана.

Епископ Болеслав Слоскан упоминает в «Тюремном дневнике» архиепископа Воронежского Петра (Зверева), который, пережив кризис при сыпном тифе, вдруг умер, когда стало известно, что он держал при себе какие-то деньги.

Гору, названную иноками Голгофой, чекисты сделали местом жестоких мучений, где заключённые умирали «от тяжёлых условий жизни».

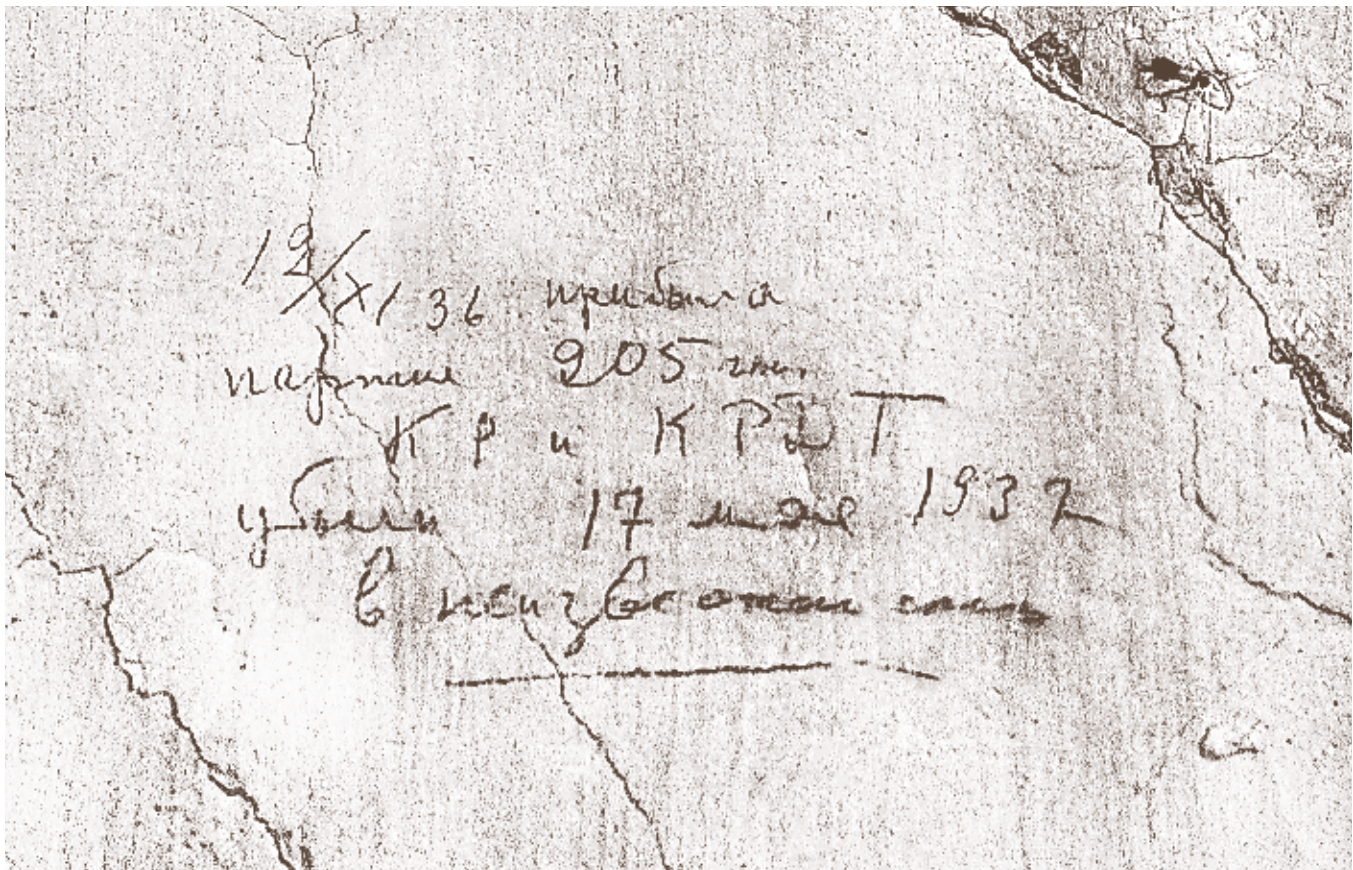
«Большие могилы, в которых помещалось до 800 трупов, были переполнены телами доверху и зимой оставались открытыми. Вышеуказанные могилы расположены на видном месте, на противоположной горе, через овраг от основных корпусов размещения заключённых», — констатирует обвинительное заключение, предъявленное 9 июня 1930 года надзорному составу командировки Голгофа на Анзере.

Д. С. Лихачёв говорил, что одна из бед нашей страны состоит в том, что миллионы людей похоронены небрежно. Крест над останками священномученика Петра (Зверева) поставили сначала перед алтарём Успенской церкви на горе, затем «обрели его мощи» на монашеском кладбище за алтарём Воскресенской церкви под горой. Поисковики не смотрели дела № 885, где указано истинное место могил заключённых, умерших на Голгофе.

В феврале 1929 года группу заключённых, прибывших из кремля на Анзер, раздели и приказали голыми бежать три версты на Голгофу, где кладовщик давал одежду

Голгофа. Надпись за дверью камеры, оставленная заключёнными этапа из Ленинграда, когда их вывозили с Анзера на расстрел в 1937 году

Литеры на обложках «КР» (контрреволюционер) и «КРДТ» (контрреволюционер, действующий террорист) оказались в лагерях метками смертников, но сам факт лишения жизни во внесудебном порядке являлся секретной информацией. Директива НКВД СССР № 424 гласила, что «лицам, осуждённым тройками и двойками, приговор не объявляется, чтобы избежать возможного сопротивления».

По данным, опубликованным А. Н. Яковлевым, председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации Б. Н. Ельцине, большевики в период с 1917 по 1953 год уничтожили по политическим мотивам не менее 25 миллионов человек, вполне понимая, что совершают преступления.

Тщательно скрывать места и обстоятельства казней требовала инструкция, внедрённая в томском оперсекторе как приложение к общесоюзному приказу наркома Н. Ежова № 00447. Во исполнение этой чекистской инструкции «начальник оперсектора должен найти место, где будут производиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет производиться в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дёрн, и потом этим дёрном покрыть это место с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приговор приведён в исполнение, потому что такие места могут стать для контриков и для церковников местом проявления религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно, потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений». По упомянутому приказу № 00447 в 1937–1938 годах убиты 1825 соловецких заключённых.

Лозунг в помещении Савватиевского > политскита, куда в 1923–1925 годах большевики без суда высылали своих бывших союзников в борьбе за власть

Массовые спецоперации, связанные с одновременным убийством нескольких сотен людей, как правило, на островах не производились из-за отсутствия земли для сокрытия большого количества тел. Расстрельные этапы вывозились на континент. После сверки документов узников по одному заводили в комнату комендатуры, где раздевали, оглушали ударами специальных берёзовых палиц размером с большую бутылку, а затем скручивали руки и ноги проволокой. Тела в один слой загружали по 15–20 человек в грузовики и везли по обычным дорогам среди других машин к месту расстрела. В каждом кузове находились по четыре охранника, которые наблюдали, чтобы никто не смог распутаться, оказать сопротивление и рассекретить операцию. Доставлявших беспокойство заставляли стихнуть при помощи заострённых копий из арматуры и слесарных молотков с длинными ручками.

Первое групповое убийство заключённых случилось в Соловках 19 декабря 1923 года. Охрана самочинно расстреляла собрание людей на площади Савватиевского скита

Жертвы укладывались штабелями по пять человек в ряд. Чекист стрелял в головы лежавших в верхнем ряду, меняя время от времени пистолеты, которые перегревались после нескольких десятков выстрелов. За смену палач убивал две-три сотни заключённых.

Так погибли адвокат А.В. Бобрищев-Пушкин, реставратор А.И. Анисимов, удмуртский просветитель К.П. Герд, идеолог панисламизма И.А. Фирдекс, цыганский король Г.П. Станеско, сестра милосердия Л.А. Соколова-Миллер, академик С.Л. Рудницкий, «служители культа» Ш.Г. Батманишвили, П.И. Вейгель, Д.Г. Воскресенский, С.И. Эроян, профессора С.Ф. Васильев, Х.И. Гарбер, П.П. Казаринов, П.И. Кикодзе, Р.Н. Литвинов, детский врач Г.А. Тюрк, студент Г.Д. Марченко, учёный П.А. Флоренский. Пара Медведевых, трое Пушкиных...

Их в урочище Сандармох вблизи карельского города Медвежьегорска расстрелял капитан НКВД Михаил Матвеев, («образование низшее, участник штурма Зимнего дворца»). Палач в ноябре 1936 года обрёл орден Красной Звезды за особые заслуги в борьбе за упрочнение социалистического строя, а после убийства 1111 соловецких узников М.Р. Матвеев получил ценный подарок и престижный знак «Почётный работник ВЧК-ОГПУ».

Властители судеб убивали легко, но круговерть смертей затягивала и стрелков: мало кто из начальства остался жив после доносов коллег

Имя палача заключённых Михаила Матвеева занимает достойное место в кадастре прославленных наследников Феликса Дзержинского, который носил на груди такой же серебряный знак, но с номером один.

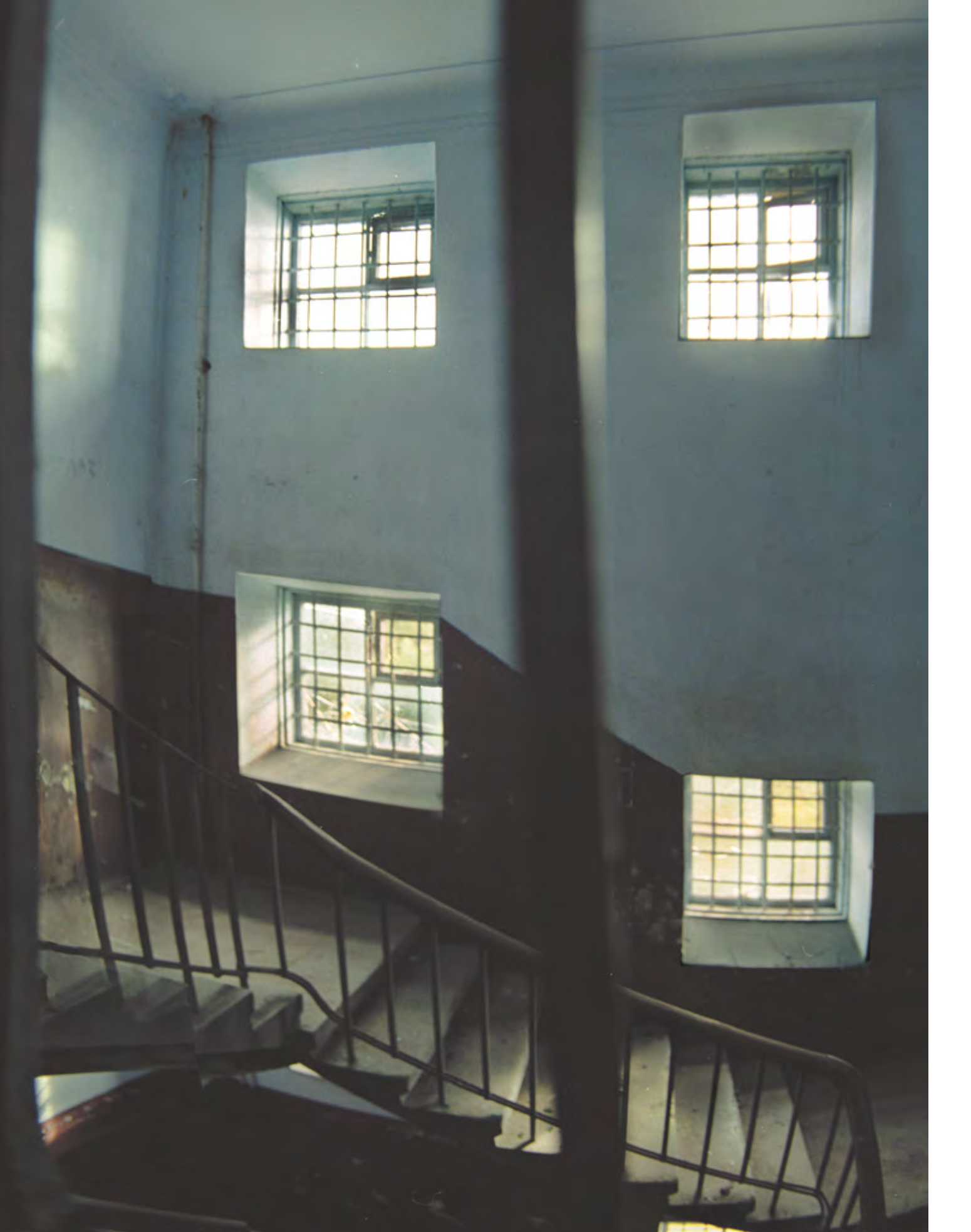
«Награда «Почётный работник ВЧК-ОГПУ» — есть знак круговой поруки всех носящих его», — подчеркнул почти волшебную сущность награды генеральный комиссар чекистского ведомства Генрих Ягода. Круговая порука, характерная для криминальных сообществ, не спасла от расплаты за преступления ни генерального комиссара Ягоду, ни ленинградскую бригаду палачей, ни помогавших им карельских чекистов. Портреты тех, кого объявляли врагами народа, подлежали уничтожению, а имена — забвению.

Расстрелы 1937 года ознаменовали собой преобразование острова в тюрьму управления госбезопасности НКВД.

Волны расстрелов и переименований захлестнули бывшую лагерную столицу. Все сильные начальники тоже подверглись репрессиям. Имя «Глеб Бокий» на бортах флагмана соловецкого флота замазали краской, наименование острога подверглось трансформации, но суть Соловков как места заточения от мира изменений не претерпела.

Смена декораций лишь подчеркнула неизменность режима, зеркалом которого стала Соловецкая тюрьма в кремле и её отделения в Савватиеве и на Муксалме. Архитектура монашеских корпусов с коридорной системой, прочными дверьми и коваными решётками на окнах весьма способствовала превращению зданий в тюремные изоляторы — значительных переделок не потребовалось.

За решётками Соловецкой тюрьмы > узники превращались в секретных арестантов с кодовыми номерами вместо прежних имён и фамилий

В отличие от Суздальской тюрьмы особого назначения, на штампах и печатях соловецкого острога не фигурировала жуткая аббревиатура СТОН, хотя застенки на острове отличались чрезвычайно немилосердным внутренним распорядком, тяжелейшим для заключённых и для надзирателей. Академик Александр Баев вспоминал, что Соловецкая тюрьма превосходила по своей бессмысленной азиатской жестокости всё, что ему приходилось видеть за 18 лет тюремно-лагерной одиссеи.

Абсолютная секретность. Вместо имён узников — номера. Контроль — ежеминутно. Свет — постоянно. Руки и лицо должны быть на виду у надзирателя даже ночью, даже в туалете. Сидеть на нарах нужно, положив руки на колени, спина — прямая! По камере должно перемещаться только беззвучно, к окну прикасаться нельзя! Во время прогулки смотреть на пятки впереди идущего! Кашлять — нельзя, голову поднимать — запрещено! Письма или заявления приказано писать в определённое распорядком время. Для эпистолярных занятий на полчаса выдавался карандашный грифель, оправу для которого эскизы лепили из хлебного мякиша.

Тюрьма — единственное капитальное сооружение, возведённое на Соловках в 1920–1939 годах, когда архипелаг находился под властью ОГПУ–НКВД

Любые нарушения распорядка карались заключением в холодный карцер. Два карцерных срока обычно заканчивались смертью, хотя их можно было избежать, соблюдая нормы тюремного режима, но спастись от попадания в расстрельные списки не мог никто. Один из наборов на расстрел случился в феврале 1938 года. Заместитель начальника Главного управления госбезопасности НКВД Н.И. Антонов-Грицюк привёз на остров «дополнительный лимит» на уничтожение во внесудебном порядке двухсот врагов народа.

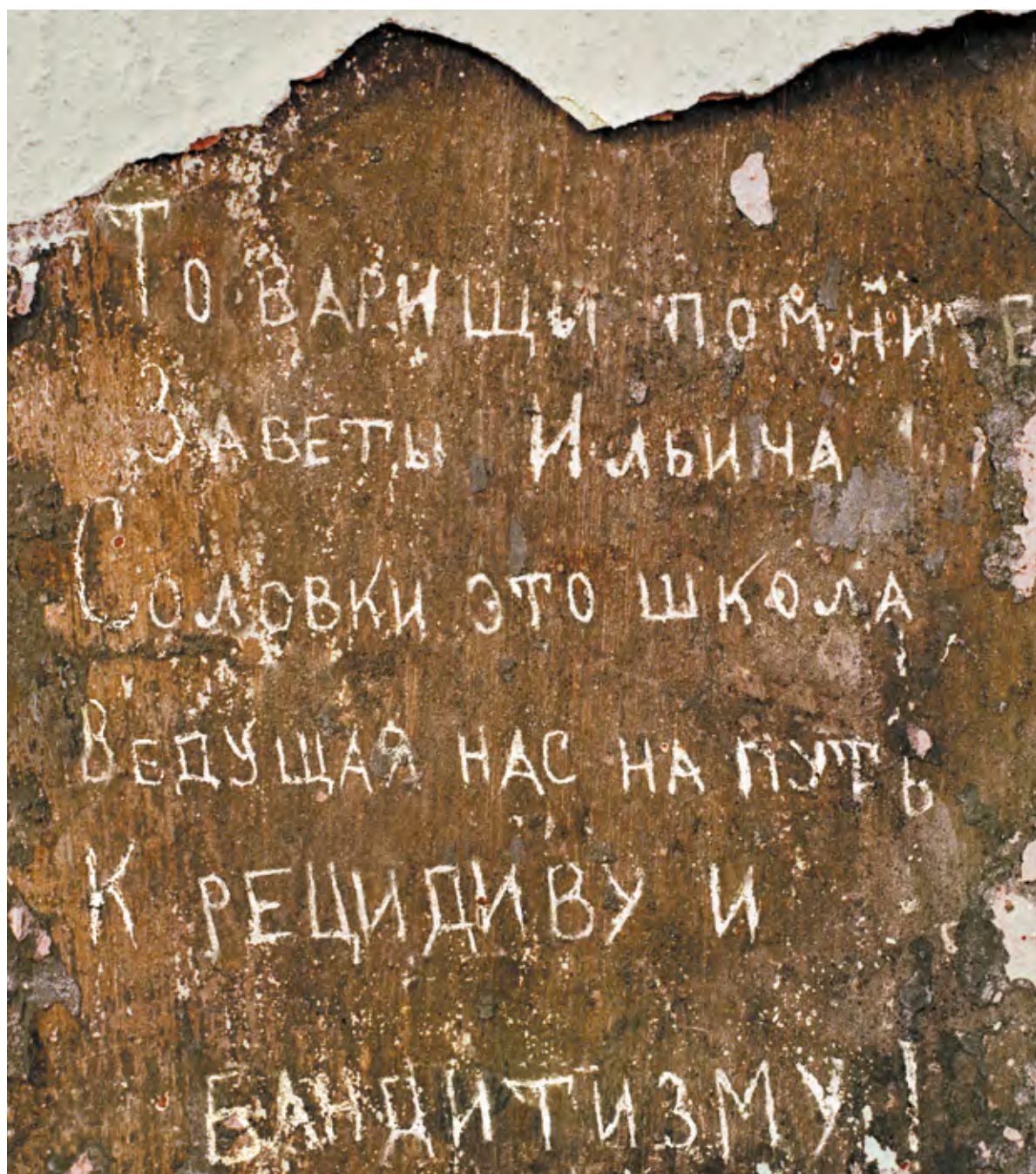
Из-за отсутствия навигации вывезти жертвы на материк возможности не было, а столичный гость спешил выполнить поручение. Борис Туркевич, оперуполномоченный Соловецкой тюрьмы, жаловался позднее прокурору, что Антонов потребовал работать не по-соловецки, а по-московски — чуть ли не за ночь отобрать кандидатов на расстрел.

Накануне спецоперации узников карцера на Секирной горе, среди которых оказался и восемнадцатилетний Юрий Чирков, конвоиры спешно перегнали в лагпункт Филимоново, освобождая зону от лишних свидетелей. На горе оставили лишь тех, кого администрация включила в список на уничтожение.

Уносить по снегу с горы большое количество тел — дело хлопотное. Место вблизи горы, удобное для казней, поручили выбрать соловецкому чекисту И.И. Пономарёву, которого возил на санях лагерник Кобзев — бандит-лошадник из Рязани. Отворот в лес с дороги к расстрельным ямам палачи между собой именовали «поворот на бэ-ка», но как это расшифровать, Кобзев не знал. Может быть, площадку закодировали словом «БеломорКанал», как синонимом места смерти? Кто теперь скажет?

Руководителей зимнего расстрела впоследствии уничтожили, обвинив в создании соловецкой контрреволюционной повстанческой организации. Владелец знака «Почётный чекист» майор госбезопасности Николай Антонов-Грицюк был расстрелян в феврале 1940 года по явно абсурдному обвинению. Начальник оперчасти тюрьмы, почётный чекист Пётр Равевский, образование низшее, сотрудник ВЧК с 1919 года, составлявший расстрельные списки соловецких заключённых, репрессирован в 1941 году. Начальник Соловецкой тюрьмы Андрей Апетер, ещё один почётный чекист, убит в августе 1938 года.

Соловки оказались не окраиной империи, где несознательные элементы перевоспитывались для жизни в светлом будущем, а авангардом совсем другого мира. 20 000 чекистов стали жертвами террора. Лишь оказавшись на нарах, члены партии, устроенной по схеме криминального сообщества, начинали осознать, какое государство они построили.

Граффито неизвестного заключённого в камере смертников на Секирной горе

Граффито в алтаре храма Вознесения на Секирной горе замазали побелкой, но спустя годы краска осыпалась, текст — проявился, а предсказание сбылось в масштабах страны.

Тюрьма, выросшая в 1937 году из Соловецких лагерей, предназначалась для жесточайшей изоляции. Она считалась вершиной советской пенитенциарной системы, но оказалась её тупиком, где более тысячи мобилизованных стерегли три тысячи невинных.

Новый нарком НКВД Л. П. Берия счёл, что Большой тюремный корпус — крупнейшее из зданий, возведённых на Соловках за годы советской власти — уже не нужен. В корпусе, построенном на острове к осени 1939 года по проекту архитекторов братьев Б. В. и К. В. Минихов, арестанты не сидели никогда. Строителей здания тюрьмы, включая кураторов ОГПУ и подневольных архитекторов, которым не исполнилось и 30 лет, расстреляли после официального упразднения мест заключения на острове. Их обвинили в создании соловецкой тюремной повстанческой организации.

Начальник упразднённой Соловецкой тюрьмы НКВД, почётный чекист И. Г. Коллегов был расстрелян якобы за подготовку восстания на острове

Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия, сменивший на посту главы НКВД расстрелянного комиссара Николая Ежова, 2 ноября 1939 года издал приказ «О закрытии тюрьмы на Соловках». СНК СССР 1 декабря постановил передать земли и хозяйственную инфраструктуру архипелага наркомату Военно-морского флота.

Срочная эвакуация заключённых Соловецкой тюрьмы при самых неблагоприятных погодных условиях была в какой-то степени связана с неудачным началом «зимней» войны, когда Советский Союз решил «отодвинуть свои границы» подальше от Ленинграда. Аннексируя земли соседнего государства, Красная армия натолкнулась на героическое сопротивление народа маленькой Финляндии. Возникла угроза, что финны могут обрести защиту в лице европейских держав и изгнать советскую власть с территории Карело-Финской Союзной Республики, а от Карельского берега до Соловецких тюрем рукой подать...

При неблагоприятном развитии событий «врагов народа» можно было бы уничтожить, но ГУЛАГ нуждался в постоянном пополнении контингента трудовых лагерей, в то время как заключённые тюрем НКВД содержались в казематах без вывода на работы. В июне Совнарком СССР издал постановление «Об обеспечении рабочей силой работ, производимых НКВД СССР в 1939 году», которое требовало усилить эксплуатацию зэков. На Соловки ещё два года назад положил глаз глава комиссариата тяжёлого машиностроения Г. К. Орджоникидзе, который где мог изыскивал ресурсы для строительства горно-металлургического комбината в низовье Енисея. Чекисты в это время держали на острове без дела сотни технических специалистов высшей категории, арестованных по сфабрикованным обвинениям зачастую ради выполнения людоедских планов по поиску врагов народа.

«Учитывая колоссальный опыт ОГПУ в осуществлении строительства в крайне тяжёлых условиях за Полярным кругом, Наркомтяжпром полагает целесообразным организацию работ и предприятия поручить ОГПУ на базе специального лагеря», — изложил Орджоникидзе Сталину свои соображения о способах освоения заполярного месторождения, где геологи обнаружили золото и платину, медь и никель, кобальт и редкоземельные металлы.

К осени 1939 года на Соловках было 2512 душ секретных врагов народа, сидевших в камерах, и 1722 лагерника на хозяйственных работах в тюрьме

В ответ на просьбу главы комиссариата тяжёлого машиностроения о подпитке рабочей силой лагеря, обеспечивающего возведение Норильского металлургического комбината, большую часть заключённых Соловецкой тюрьмы рассекретили и передали из Управления госбезопасности в империю ГУЛАГа для отправки в край 50-градусных морозов с ветрами и шестиметровых снежных заносов.

По стечению обстоятельств в Норильлаге с 1938 года в качестве рядового зэка трудился разжалованный обладатель знака «Почётный чекист» А. П. Ногтев, первый начальник Соловецких лагерей Особого Назначения.

Соловчан, переданных из тюремного ведомства в лагерное управление, согнали на общую поверку и объявили, что теперь даётся возможность подолгу дышать свежим воздухом. Новый режим предполагал работу на благо родины восемь часов и отдых восемь часов, затем опять восемь часов работы и так далее.

В ожидании этапа на материк узники без дела не оставались: выровняли взлётную полосу, разобрали на кирпичи Онуфриевскую церковь, осушили землю возле тюрьмы.

Напоследок соловецким заключённым сделали «сухую баню», то есть обыскали, выдали по пакету сухарей на десять дней и бегом, бегом прогнали сквозь строй чекистов с собаками к Святым воротам, к причалу, к трапам — во чрево мрачного лесовоза «Семён Будённый». Нары — в шесть ярусов. Места занимали при свете спичек. Охрана заперла решётки. Гудок. Прощайте, Соловки!

Дорогу каравану судов, шедшему к устью Енисея Северным морским путём, торили ледоколы. Уголовники-лагерники, пытавшиеся захватить лучшие места поближе к решёткам, откуда шёл приток воздуха, столкнулись с сопротивлением политических заключённых. Битва в трюме прекратилась, когда судно вышло в океан, и люки задраили наглухо из-за шторма, бушевавшего беспрестанно.

Волны перехлёстывали через палубу. Рёв стихии заглушил стоны и проклятия. Узники, теряя силы, цеплялись за нары, мечтая о глотке воды и чистом воздухе. Болото рвоты, мочи и кала плескалось на дне трюма.

Последние сто километров, от причалов Дудинки до Норильска, на обледеневших платформах узкоколейки «заполярного экспресса» тоже не были подарком судьбы.

Зимний этап из тюрьмы тянулся две недели. Вехи пути — это тела погибших на льдах вдоль маршрута от Соловков до Норильска.

Работы в Норильске возглавлял бывший заместитель Г. К. Орджоникидзе Авраамий Завенягин, наказанный за телефонный звонок по закрытой линии правительственной связи Сталину. Завенягин вступился за академика И. М. Губкина, схваченного органами НКВД. Звонок защитил всемирно известного учёного, но едва не стоил жизни его спасителю. «Мы решили не добивать вас», — скривил рот глава советского правительства Вячеслав Молотов, отправляя А. П. Завенягина на Север.

Нарком, распахнувший соловчанам врата на норильскую голгофу, недолго прожил после своей инициативы использовать их труд в Заполярье. В официальном некрологе было сообщено, что член высшего партийного руководства СССР Г. К. Орджоникидзе *скоропостижно отдал жизнь делу коммунизма*.

Гибель Орджоникидзе — ещё один пример в подтверждение закономерности: властители, начиная с игумена Филиппа, радикально изменявшие образ жизни архипелага, дорого платили за свою активность.

Создатели лагерей и тюрем на Соловках умерли после пыток. Михаил Кедров — первый начальник отдела принудительных работ НКВД, организатор лагеря для военнопленных Гражданской войны на Соловецких островах — расстрелян коллегами. Инициатор создания первой в СССР системы концентрационных лагерей именно в Соловках, заместитель председателя Архангельского губкома Иван Боговой — расстрелян. Автор проекта постановления ВЦИК «Об организации Северных лагерей», зампред ГПУ И. С. Уншлихт — расстрелян. Заместитель председателя Совета народных комиссаров А. И. Рыков и управляющий делами Совета Н. П. Горбунов, подписавшие 13 октября 1923 года протокол № 15, который узаконил организацию СЛОНа, — расстреляны.

Не принесла власть коммунистов добра ни тем, кого сажали, ни тем, кто сажал. Число зазря уничтоженных на Соловках именем советской власти в десятки раз больше, чем теперешнее население архипелага.

Где-то у дороги вблизи Секирной горы лежат 200 узников, убитых Антоновым-Грицюком с 11 вечера до 4 утра 17 февраля 1938 года. Дворянин, выпускник Московского университета, Оксфорда и Сорбонны, свободно говоривший на семи языках, сорокалетний гвардейский штаб-ротмистр Пётр Арапов зарыт в общей яме рядом со своим ровесником корейцем Тянь-Си Чаном, который оставил надпись на окне в изоляторе на Секирной горе.

В штабелях лицами вниз, с руками, связанными за спиной, и простреленными затылками лежат китаец Ан Тай До, немец Фердинанд Бек, грузин Галактион Кипиани, татарин Иса Мулла, эстонец Эльмар Осьяметс, украинец Семён Сёмко-Казачук, армянин Григорий Тер-Оганезов, англичанин Иван Вильсон (сэр Джон), Вера Вечер-Вечор из Белоруссии, еврей Моисей Шаш. Нет в общем захоронении лишь Елизаветы Кац, находившейся на восьмом месяце беременности. Её заменили Ольгой Мешковской, чтобы выполнить предписание о казни 200 человек. Лизу Кац, 27 лет, чекист Бурдюков убил на Секирной горе лишь 16 мая.

«Наступит день, когда история Соловков > будет написана, и тем, кто прочтёт её, станет стыдно за человечество», — сказала Юлия Данзас, покинув Россию и её лагерь

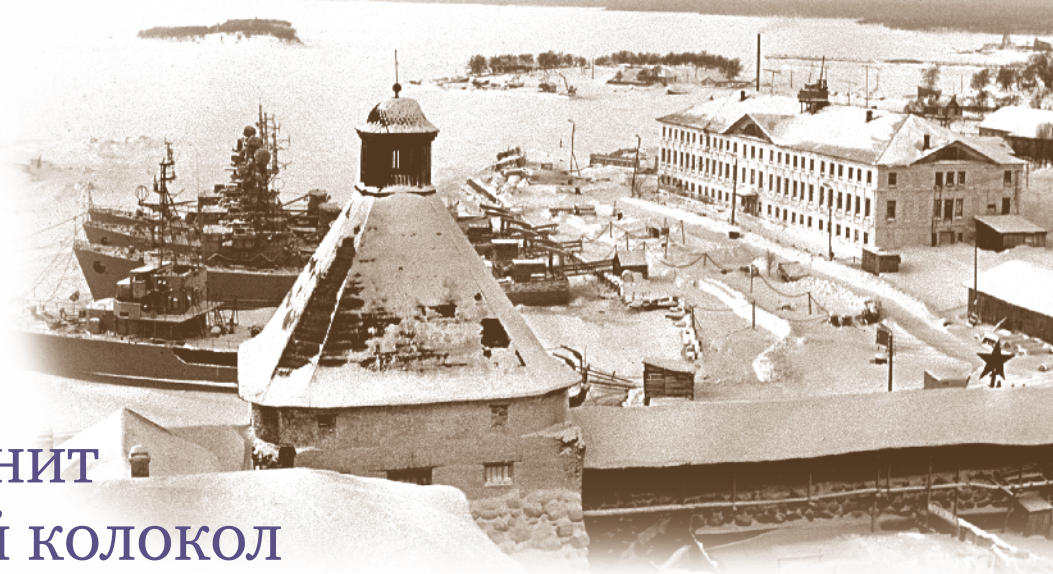

Где бродили по зоне каэры,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землёй никакие премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени.

А. А. Галич.
«Баллада о Вечном огне»

По ком звонит соловецкий колокол

Оставив после себя сотни кое-как замаскированных могил заключённых, тюремные Соловки преобразились в оплот Северного флота, созданного на базе переформированной Северной флотилии. Новая боевая единица, судя по записке наркома Военно-морского флота СССР, флагмана 2 ранга Н. Г. Кузнецова, испытывала острую потребность в жилых, складских и подсобных постройках, которые в избытке имелись на Соловецких островах. Эти острова, расположенные вдали от границ, были якобы «крайне необходимы для прикрытия с моря участка Кировской железной дороги и для защиты северного выхода из Беломорско-Балтийского канала, а также и портов Кемь и Сорока». Нарком Николай Кузнецов сообщил Сталину о «ряде бухт и укрытых рейдов, которые могут быть использованы в качестве опорных пунктов Северного флота».

Получив Соловки, военные не смогли из-за мелководья бухт дислоцировать здесь более или менее крупные военные корабли, поэтому архипелаг пришлось использовать как учебный центр. Памятники архитектуры принялись приспособлять под классы, казармы, пищеблоки, склады боеприпасов. Многие старые строения из дерева разобрали на дрова. Печёрскую часовню разломали для извлечения кованых гвоздей. Верхние ярусы Филипповской церкви, бесполезные в хозяйственном отношении, разобрали на кирпичи для устройства печей в землянках вблизи Савватиева.

«Люди, равнодушные к судьбе памятников прошлого, как правило, равнодушны и к будущему своей страны», — написал Дмитрий Лихачёв. Он подчёркивал, что краснофлотцы нанесли архипелагу урон даже больший, чем Соловецкие лагеря. В 1942–1944 годах курсантов *Школы юнгов* Северного флота за нарушения режима воспитатели гоняли срубать на стенах Преображенского собора росписи, выполненные в 1863 году С. С. Снетковым.

Молодые люди, сбив замки, безнаказанно уничтожили коллекции музея, созданного руками известных учёных, сидевших в Соловецких лагерях. Чучела животных, выполненные профессором С. И. Орловым, расстрелянным в 1937 году в Сандармохе, юнги использовали как мишени для метания ножей.

Библиотека Общества краеведения, свезённая в водопроводную мастерскую в Филипповской часовне, пошла в галюны и на растопку печей. Древние медные гравировальные доски с видами монастыря работы братьев Ивана и Алексея Зубовых, Леонтия Булавина, Михаила Махаева и других мастеров братва попилила на пластины для выделки *шикарных* неуставных тяжёлых флотских пряжек.

Флотские политработники резво продолжили «исправление» старорежимных или устаревших гидротопонимов. Крестовое озеро стало называться Комсомольским, Хрустальное — Красноармейским. Монашеское Святое озеро, которое на картах лагеря значилось Трудовым, преобразилось в озеро Генеральское.

Колокол — глашатай истории — стал мишенью для офицеров из гарнизона. «Так развлекались сыны отечества», — объяснил следы от пуль Юрий Казаков

На военный лад преобразились и названия соловецких кораблей. Яков Агафонов, смотритель Ромбакского маяка, 23 мая 1940 года сделал в вахтенном журнале запись о появлении парохода «Краснофлотец», отметив, что вчера этот корабль назывался «Слон». «Слон» был «Глебом Бокием» до 1930 года, пока имя чекиста не передали 1000-тонному пароходу «Буниат Сардаров», опять переименованному в 1937 году в «Михаила Громова». Капитан лодки Харона Ян Каулин, 15 лет возивший людей с материка на «Глебе Боком», попал в ту же самую Дудинку уже в качестве зэка.

Архипелаг заполнили военные. Это значит, завтра в России — война! Об атмосфере первого дня войны можно судить по политдонесению № 125-сс начальника отдела политической пропаганды, батальонного комиссара Василия Гришанова от 22 июня 1941 года. Он сообщил руководству, что переименовал газету «За кадры!» — теперь она называлась «За Родину!», а также организовал в подразделениях собрания, на которых выступающие продемонстрировали, как они верны партии большевиков и лично вождю народов.

Мнение большинства учащихся военных школ острова выразил товарищ Манштрук: «Мы достаточно сильны. Мы помним слова товарища Сталина, что у нас для всех сумасшедших хватит смиренных рубашек. Наша задача — оправдать доверие командования. Я беру обязательство закончить учёбу на отлично», — сказал курсант под аплодисменты.

Начальник отдела пропаганды отметил в своём донесении энтузиазм гражданского населения: жена военинженера 2 ранга Адамова стала заместителем начальника военторга, жена старшего лейтенанта Федотова пошла в кладовщицы, а супруга подполковника Ласюка возглавила столовую.

Но наряду с примерами высоких морально-политических качеств личного состава комиссар В. М. Гришанов выявил и случаи, нуждающиеся в особом разбирательстве. Краснофлотец Степанов заявил: «Мы из винтовок стрелять не умеем!» Ученик на младшего командира Николаев сказал: «В Германии армия сильная, механизированная, а у нас пешком ходят». Краснофлотец Жуликов вслух произнёс: «Ну вот, теперь все отпуска накрылись!»

Отчитался комиссар и о начале расследования по законам военного времени «прямой диверсии, когда в ходе трансляции речи товарища Молотова электростанция подала слишком высокое напряжение и в радиоузле перегорели лампы. Радиоузел был выведен из строя на один час». Донесение комиссара имело гриф «совершенно секретно», и некий товарищ Пыркков сделал приписку, что уничтожил рабочие материалы путём сжигания.

Путём сжигания краснофлотцы уничтожили и многие памятники истории, которые администрация лагерей худо-бедно оберегала, согласно договору с музейным отделом Главнауки РСФСР от 22 августа 1923 года.

Следы прошлого внутри военного объекта подвергались уничтожению по идеологическим соображениям или рушились для хозяйственных нужд. Деревянные строения с сотнями надписей узников СЛОНа разобрали и сожгли в печах. Большие иконы после покраски шли на двери, а из меньших икон в Савватиеве выпиливали крышки для котлов на камбузе.

Офицеры, развлекаясь, стреляли по прапорам на башнях, которые при попаданиях проворачивались. Стреляли и по сохранившимся кое-где колоколам — они глухо стонали.

Военные старались представить Соловки как крупный стратегический объект, что ставило остров под удар врага. Однако памятники культуры на островах в годы Второй мировой войны не пострадали от рук противника. Самолёты-разведчики «Юнкерс-88» 124-го отряда 5-го флота Люфтваффе несколько раз беспрепятственно производили аэрофотосъёмку Соловецкого архипелага. Расшифровка снимков позволила выявить главные узлы скопления военной силы: тяжёлую батарею на северо-западе острова, лёгкие береговые батареи у гавани, казармы в кремле, водный аэродром вблизи крепости, полевой аэродром на Муксалме, окопы вдоль береговой линии.

Соловецкие памятники сохранила от бомбёжек не сила, а никчёмность крепости посреди моря.

Немецкая авиаразведка особо отметила наличие ложных объектов, например макета аэродрома, муляжей пушек и других то ли приманок, то ли пугал. Несмотря на старания руководства Красной армии возвысить военную значимость архипелага, германское командование не сочло Соловецкую крепость объектом, для уничтожения которого стоит расходовать стратегические ресурсы.

После победы Советского Союза над фашистской Германией в 1945 году мирная жизнь в Соловки не пришла. Контингент войск, дислоцированных на островах архипелага, не сократился, а приумножился. Пушки замороженных кораблей обороняли Соловки не от внешней агрессии, а от собственных граждан. Политическое руководство Союза стремилось не допустить утечки информации о событиях, происходивших на островах в 1920–1930-х годах.

Сакральный древний центр на острове среди внутреннего моря вдали от государственных границ был объявлен закрытой территорией, приравненной по статусу к пограничной зоне. Устройство на островах закрытой зоны предполагало, что северный климат естественным образом уничтожит на Соловках свидетельства деятельности *Услоновской губернии*.

Крепость на Соловецком острове с высоты 4000 м — кадр съёмки, выполненной немецким лётчиком Вернером Хорстом в июле 1943 года

Ветра и дожди вытравили и смыли немало следов преступлений большевиков на Соловках. Затянулись ряской взорванные среди болот котлованы, куда свозили людей, погибших во время эпидемий тифа. Тела этих заключённых топили в котлованах и сверху прижимали стволами, чтобы не всплывали. Догнивают у бывшего здания тюрьмы подточенные временем столбы с плохо читаемыми табличками «Запретная зона».

Новые деревья выросли на делянках давно заброшенных лагерных лесозаготовок. Слой мха укупорил крыши рухнувших барачных, стоявших у трассы узкоколейки вблизи Большого Ягодного озера. Сплелись, как сплошная маскировочная сетка, карликовые берёзы над бесчисленными безымянными могилами.

Никак не отмечены известные историкам места расстрелов на вершине Секирной горы и площадка перед бывшим политскимом Савватиево, где 19 декабря 1923 года произошло первое групповое убийство заключённых.

Хозяевам Соловков нет дела до захоронений в роще у здания тюрьмы Кирпичного завода, до лесных могил, описанных генералом И. М. Зайцевым, и до замшелых безымянных крестов в болоте у Станового озера.

Безымянные могилы на Соловках можно встретить около бывших лесозаготовительных лагунктов и вдоль трасс узкоколейных дорог

Монастырский скит Исаково в 1925 году был переименован в Большое Лесное и объявлен Центром лесозаготовок УСЛОНа — зоной лагеря, где от непосильного труда на морозе ежегодно погибали сотни узников.

В двухэтажный бревенчатый дом в Исакове в брежневские годы вселился дом отдыха тружеников Архангельского автокомбината, а в постсоветское время Исаково стало собственностью одного из московских банкиров. По его поручению скит основательно реконструировали, заодно построив на берегу озера высокий терем-баню, который существенно изменил исторический пейзаж.

На юго-западном склоне Секирной горы правозащитник Ю. А. Дмитриев обнаружил около сотни ям с останками людей, убитых из огнестрельного оружия. Попытки исследователя добиться официального признания найденных им захоронений мемориальным кладбищем натолкнулись на глухое противодействие государства в лице прокуратуры Архангельской области. История национальной трагедии на Соловках не вписывается в легенду о счастливом советском прошлом: свидетельства средневековья XX века оказались обречёнными на исчезновение.

Под видом реставрации памятников древнерусской архитектуры уничтожены позорные для государства двойные тюремные решётки и щиты «намордники» на окнах. Строителями-ремонтниками были сбиты или затёрты белилами надписи, оставленные мучениками на монастырских стенах, — они мешали созданию благолепия в стиле ампира.

Барак сводной Пятнадцатой роты Рабочего городка на улице Заозёрной кое-как приспособлены под жильё, магазин и столовую. Над рвами — могилами эков против южной стены кремля поставлены домики, хозяева которых стараются забыть, где они живут. Здание местной администрации тоже построено на холме, где хоронили заключённых монастырской, а потом и советской тюрем.

Запасы колючей проволоки, оставленные лагерщиками и военными, нашли применение на островах для сушки водорослей.

На плацу бывшего лагункта Новые Городки, где старший надзиратель Михаил Бакко в воспитательных целях дрыном калечил во время проверок заключённых, некие любители спорта сгородили футбольные ворота.

Уничтожение и изменение исторических пейзажей на острове находится в одном ряду с утратой и подменой исторической памяти на материке. ГУЛАГ объявлен достоянием истории, но не гражданских историков.

Допуск в архивы ограничен законами, подзаконными актами, а то и *чутьём* хранителей. Архив Соловецкой тюрьмы Главного управления госбезопасности СССР скрыт неизвестно где, поэтому биография тюрьмы, где страдали сотни незаурядных людей, написана неполно и не отражает роли тюрьмы в жизни страны, не позволяет отдать долг памяти тем, кто её достоин.

О трагичности уничтожения памяти говорил в «Декларации прав культуры» — своём духовном завещании — Д. С. Лихачёв. Он считал, что любые действия, приводящие к уничтожению памятников истории и культуры, должны квалифицироваться международным правом как преступления против человечества. Реалии Соловков говорят сами за себя.

«Засыпь хоть всей землёй деянья тёмные, их тайный след поздней иль раньше выплывет на свет», — сказал Шекспир устами Гамлета. Захоронения узников на Соловках проявляют себя не насыпями, а ямами, которые углубляются, по мере того как ряды тел в могильниках становятся прахом. Ямы эти не всегда заметны. Лишь травинки, усыпанные каплями росы, когда почва рядом уже высушена ветром, есть один из признаков того, что вы, вероятно, стоите перед одной из могил.

Ветер не треплет травинки в провалах, и капли влаги, похожие на слезы, долго не сохнут над захоронениями, привлекая внимание тех, кто хочет их увидеть

Дом в Исакове (1836–2007) окружён землянками эков-лесозаготовителей. Сторож Алексей Азбукин обнаружил вблизи этого дома ряды захоронений

Лестницу на южном склоне Секирной горы разрушили не краснофлотцы, а монахи из скита, возрождённого путём захвата церковью принадлежавших музею строений. Они на северном склоне разобрали и сожгли каретный сарай с конюшней, где во времена СЛОНа держали женщин, ожидавших расстрела. На стене домика висела табличка: «Памятник истории. Охраняется государством» с припиской от руки: «Суки, разве так охраняют!»

Строение исчезло, но за алтарём ещё видна каменная выкладка — черта, на которую палачи ставили людей во время расстрелов.

Конюшню на Секирной горе, в которой держали женщин накануне расстрела, иноки разобрали на дрова. Сожгли они и табличку «Охраняется государством»

Там, где лилась кровь, теперь разворотный круг для монастырского транспорта и проходит тропа экскурсантов, спешащих на смотровую площадку. Иногда сюда приезжают молодожёны, чтобы, пригубив шампанское, под крики «горько!» радовать гостей затяжным поцелуем. Неоткуда им узнать про расстрелы на этой вершине, вид с которой вдохновлял своей красотой Нестерова, Горького, Пришвина и иных известных посетителей.

Хитрые политики, наезжая в монастырь, как чёрт ладана избегают напоминаний о лагерях. Пули, рвавшие тела на Секирной горе, зовутся по-музейному артефактами из культурного слоя XX века. ГУЛАГовские инстинкты пронизывают подсознание общества, включая первых лиц страны — у них всегда на устах словечки из лагерного лексикона, столь близкого и понятного электорату.

Большевистский лозунг «Советская власть не карает, а исправляет» стал эпиграфом экспозиции государственного музея, директором которого назначен архимандрит Соловецкого монастыря. Вырванное из контекста, фотоизображение лозунга выглядит как утверждение возможной полезности лагерей, что не вызывает удивления, ибо заказчиками экспозиции от имени государства выступали чиновники, пытавшиеся по личным причинам помешать критическому осмыслению истории преступлений власти коммунистов в СССР.

Ступени в ад приёмно-карантинной роты лагеря, утраченные в процессе реставрации, не являлись шедеврами архитектуры, но их гранита касались ступни буквально всех эзков острова

Сделав экспозицию, противоречившую научной концепции, прежние начальники вместо похвал вдруг оказались изгнанными из музея. Так же соратники большевиков по борьбе с царизмом стали первыми узниками СЛОНа. Так поступали с сателлитами и Сталин, и Гитлер.

*Стенд у здания почты. 1977 год.
Построение развитого социализма
в СССР ознаменовалось на Соловках
введением режима пограничной зоны*

Соловки извечно отражали перипетии истории России. При Ленине архипелаг превратился в *концлагерь для сомнительных*. При Сталине острова стали местом уничтожения старых ленинцев, объявленных *камнем на шее революции*. Перебив членов социалистических партий, сталинисты провозгласили полную и окончательную победу социализма. Соловки при Сталине — это 20 лет режима лагерей и тюрем, а потом 20 лет военного режима. Никита Хрущёв вынес Сталина из мавзолея, начал реабилитацию *миллионов убитых задёшево* и открыл гражданам СССР свободный въезд на острова, потеснив военных.

При Л. И. Брежневе на архипелаге ввели режим пограничной зоны. При М. С. Горбачёве Соловки ожили, получив статус районного центра, соответствующее государственное финансирование и перспективу развития за счёт туризма. Воинские подразделения эвакуировались. Лесам присвоили титул *заповедных лесов исторического значения*, а Соловецкий монастырь возобновил свою деятельность. При Борисе Ельцине в 1993 году режим пограничной зоны был снят официально, на острова разрешили приезжать иностранцам.

Во время президентства Владимира Путина статус Соловков понизили до сельского поселения. Лесхоз, под юрисдикцией которого находились 96% земель островов, был низведён до лесничества, не обладающего реальными природоохранными полномочиями, а управление архипелагом приобрело черты теократического властвования Московского патриархата. Действие положений Конституции РФ на Соловках оказалось приостановленным во имя создания особого духовного заповедника.

Авторитарное правление немислимо без духовного закрепощения. Прыжки под бубен шамана, пафос парадов под бой барабанов, хоровые речитативы, марши с факелами, кадилами или транспарантами есть приёмы, которые способствуют утрате личностных начал. Режиссёрам в театре известно, что созданию атмосферы ужаса способствует появление масок, причём страшнее всего, когда эти маски все одинаковые, все на одно лицо.

«Коммунизм одряхлеет, подточит сам себя и рухнет сам собою в какой-нибудь случайной катастрофе даже не весьма значительных размеров. Перед строителями новой жизни встанет необычайная проблема: снять с лица советского гражданина наращённую им за многие годы социалистическую маску. И не думайте, что маска отпадёт сама собой, как только отпадет нужда её носить. Нет, привычка к ней велика, у многих она срослась с лицом. Безвыходность положения и хитрости выживания наслоили привычку, ставшую у многих второй натурой. В снятии маски, в отвоевании природного человека у социалистического маскарада будет стоять главная задача воссоздателей России», — так за 50 лет до развала СССР обратился Михаил Никонов, беглец из Соловецкого лагеря, к тем, кто станет наследниками Советского государства.

Вот один из горьких примеров прирастания маски к лицу. Актёр Николай Губенко — не худший из труппы любимовской Таганки — взявшись за выгодную роль Ульянова-Ленина в 30-серийном юбилейном телефильме, не смог снять маску, придуманную автором сценария В. С. Листовым. Вначале артист для *понта* цитировал в кабинетах начальства фрагменты разученной роли, как бы демонстрируя знание работ Ленина, а потом превратился в поклонника большевизма со всеми изъянами этого типа персонажей. Интересно, знал ли историю лицедея Губенко Игорь Губерман, автор такого четверостишия:

Безжалостно правдива эта сказка,
лишённая счастливого конца:
срастается с лицом любая маска,
а вскоре уже нет под ней лица.

Сотрудничество с властью лишь потому, что она власть, губительно для одарённости вне зависимости от сферы деятельности. Яркий командир приёмно-пересыльной роты СЛОНа, талантливый изобретатель приёмов унижения человеческого достоинства, «дворянин и красный офицер», остроумный Игорь Курилко был по решению коллегии ОГПУ расстрелян в 1930 году на Секирной горе в числе других козлов отпущения, казнённых якобы за «искривление лагерной политики».

Талантливый провокатор, бывший милицейский начальник А. П. Попов, погубивший десятки заключённых, расстрелянных будто бы за участие в Кремлёвском заговоре, был обнаружен 5 марта 1930 года висящим на соловецкой осине. Мстителей не искали: по ироничной версии следователя, иуда «покончил жизнь самоубийством под влиянием чтения упаднических стихов Есенина».

Лагеря создавались для перековки личностей в безликую толпу, которая легко поддаётся манипулированию. Яркие индивидуумы, как положительные, так и отрицательные, были чужды сообществу, где «счастье не в том, что один за всех, а в том, что все, как один». Лагерная система стригла всех под одну гребёнку. Незаурядного большевика Я. Д. Мотыля, автора по-своему ярких и талантливых доносов на режиссёров лагерного театра, перевели подальше от кремля — на Анзер, в Кирилловскую зону, а там его в июле 1932 года застрелил охранник-штрафник Пайков. Мотыль якобы отказался работать и бросился к лесу. Надзиратель выстрелил вдогонку, а Мотыль на бегу обернулся, поэтому пуля попала не в спину, а в грудь...

Услоновская губерния, в которой чекисты обладали властью, подобно oprичникам, — пример неспособности этого типа людей выстроить благополучное общество

«Из любой человеческой толпы может быть воссоздана первобытная орда», — подметил знаток человеческой психики Зигмунд Фрейд. Приёмы превращения толпы в орду у большевиков и нацистов были во многом схожими. Аналогами пропагандистских красных уголков являлись комнаты памяти. В СССР над юными ленинцами шефствовали чекисты, а в Германии над юными гитлеровцами из гитлерюгенда — гестаповцы. Добавим, что в среде как советской, так и немецкой тайной полиции на ранних этапах существования была весьма многочисленна уголовная прослойка.

Управление жизненными процессами в Соловецких лагерях сосредоточилось в руках людей, «полных неугасимой преданности ОГПУ», хотя и осуждённых за уголовные преступления. Чекисты, командовавшие по обе стороны колючей проволоки, взрастили особую популяцию. По наблюдениям доктора Николая Жилова, в среде соловецкого плебса родилась и окрепла крысятническая идеология: «Умри ты сегодня, а я завтра!» Эта идеология вместе с её носителями выплеснулась с островов на Большую землю. Неслучайно художник Борис Свешников, отбывавший наказание на материке в Ухтинских лагерях, отпочковавшихся от СЛОНа, сделал десятки фантастических рисунков о жизни зоны, заселённой гибридами людей с крысами. Однако отсутствие моральных устоев у людей-крыс являлось фоном, на котором были особенно заметны человеческие достоинства многих незаурядных узников.

В Соловецкие лагеря было согнано значительное количество людей образованных, достигших благодаря своим знаниям высокого положения в обществе. Михаил Никонов приводит список своих коллег по концлагерной звероферме ОГПУ: А. А. Бялыницкий-Бирюля — профессор, директор Зоологического музея Академии наук; Л. В. Кондырев — профессор, известный специалист по коневодству; Н. М. Воскресенский — профессор Киевского университета по кафедре генетики; Н. А. Поляков — профессор-орнитолог; Н. И. Виноградова-Ширяева — профессор-геоботаник; П. Г. Липинский — профессор-физик; А. А. Любушин и А. П. Неводов — профессора-бактериологи; князь Г. Н. Чегодаев — учёный-лесовод. Они трудились на звероферме не по специальности, а пастухами, статистиками, сторожами и уборщиками помёта.

Профессор И. Х. Озеров, который ещё в начале XX века предсказал будущие успехи экономики США на фоне отставания стран Старого Света, оказался в Соловках за то, что долго не верил в экономическую дееспособность Советской власти. Архив и библиотека учёного были разорены. Озерову не простили, что он накаркал советской власти потерю сотен миллионов рублей от введения золотого обращения, хотя потом спас экономику, добившись свободной продажи водки, вопреки позиции идеологического руководства СССР.

В Соловках учёный, которого прочили в министры финансов, при свете керосиновой лампы пересчитывал в сараях обледеневшие ножи, перекладыны и сиденья для табуреток.

Соловецкие лагеря, согласно замечанию известного узника Исаака Слепяна, являли собой энциклопедию всея Руси.

Иван Озеров в лагере не погиб, его вывезли с острова по телефонограмме с Лубянки, чтобы использовать опыт специалиста для преодоления экономического кризиса. В Соловках остались коллеги учёного по оперативному учёту табуреток: П. Н. Кутлер — директор департамента Государственного казначейства; Дружинин — директор крупнейшего акционерного общества; инженер В. Н. Орлов — член правления Путиловского завода.

Бухгалтер УСЛОНа Владимир Казачков перечислил своих собратьев по общему котлу в 94-й камере: князя А. А. Вадбольский и Б. Н. Жевахов; граф Тигаев-Шатков, барон М. В. Остен-Сакен; Тимофей Прохоров — один из владельцев «Прохоровской мануфактуры»; Л. М. Князев — иркутский генерал-губернатор. Соседями по роте у них были А. К. Рима́н, В. В. Лозина-Лозинский, Б. А. Аккерман, Г. М. Осоргин, В. Ю. Шрейберг, Н. Н. Поляков, А. П. Вейнер, А. А. Сиверс — выпускники лучших учебных заведений страны. Эти люди, способные оказать честь любому дворянскому собранию, обитали в Соловецком кремле на двух верхних этажах Новобратского корпуса.

Чистота нравов ценилась в Новобратском корпусе превыше материальных благ — песен, прославляющих советский режим, там не исполняли ни по будням, ни по праздникам. В посвящённом девятой годовщине переворота 1917-го стихотворении, заказанном газетой «Новые Соловки», поэт Борис Емельянов пишет с оглядкой на новобратскую фронтду:

Как-то чудно́ и несподручно
О тебе петь, Октябрьская заря.
Запоёшь, и эхом скажут: «Ссученный!»
Населяющие Соловецкие лагеря.

*«Пречистенкой разноликого города
Соловецка» почтительно назвал
поэт Борис Емельянов население
10-й роты Новобратского корпуса*

В среде интеллигенции помогать ближнему приучали с детства. В лагерях эти моральные принципы подверглись жесточайшим испытаниям: дать рубаху замерзающему можно было, лишь сняв её с себя, поделиться пайкой значило уменьшить свой шанс на выживание, но таких примеров было множество.

*Вдоль трассы лагерной узкоколейки
находятся ямы, где зарыты трупы
людей, погибших в декабре 1929 года
на ударном строительстве дороги*

История Соловецких лагерей сохранила немало рассказов о подвигах людей, не утративших человеческого достоинства вопреки давлению надзирателей. Такие люди, покуда оставались живы, самим фактом своего существования были укором тоталитарной власти и примером поведения для сокамерников. Однако интеллигентные люди по сути своей не склонны делегировать кому-либо право принимать решения за себя. Дмитрий Лихачёв полагал, что если человек по своим убеждениям входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то он лишается возможности причислять себя к интеллигенции. Такая жизненная позиция во многом объясняет отсутствие заговоров и восстаний в СЛОНе.

Из Соловков ежегодно пытались бежать многие десятки заключённых, эпизодов личного неподчинения режиму известно немало, но не случилось выступлений, которые будут иметь место в конце 1940-х — начале 1950-х годов. На острове недавние фронтовики — бывшие инженеры, филологи и юристы — не стремились применять навыки, обретенные на войне, ибо умели просчитать развитие событий на несколько шагов вперёд.

Сергея Покровского, Вадима Чеховского, Сергея Гробовского, Николая Арбенева, Георгия Осоргина, Александра Сиверса, которых чекисты обвинили в 1929 году в подготовке несуществующего *Кремлёвского заговора*, никак нельзя заподозрить в трусости, но эти люди не могли ставить под удар чужие жизни, как это делали атаманы крестьянских войн.

«Я говорил заключённым, что Ванька Шалаев безумствует, всех нас опутывает и тянет в пропасть. Сколько раз мне хотелось пойти и всё рассказать, но на крови других не построишь своё благополучие, и снова решал: нет, пусть будет что будет. От судьбы не уйдёшь», — разъяснил свою позицию следовательно бывший офицер-фронтовик Николай Александров в ответ на вопрос, почему он не донёс на явного провокатора Ваньку Шалаева.

Секрет немногочисленных узников, переживших Соловецкие лагеря и не утративших там душевного здоровья, состоял в том, чтобы не позволить коллективизировать своё сознание, не опуститься до абсолютной покорности правилам внутреннего распорядка. Эти правила имели целью сделать из людей марионеток, которые по команде начальника должны двигаться как на шарнирах, — так объяснял смысл муштры Игорь Курилко, командир роты первичной обработки этапов.

Среди людей, сохранивших душевное здоровье, был некий очкарик негеройского вида, авиаконструктор П. А. Ивенсен, не давший показаний против М. Н. Тухачевского. Павел Альбертович вынес даже пытку бессоницей, когда не давали закрыть глаза несколько суток подряд, доводя арестантов до нервного срыва. Сидя перед надзирателем, Ивенсен будто бы тёр глаза, наклеивая меж тем слюной на веки бумажки размером со зрачок, заштрихованные обломком чернильного грифеля, *затыренного* во время допроса. Несколько минут сна позволяли восстановить силы.

В Соловецком лагере, находясь на грани смерти от истощения, Павел Ивенсен разработал методику посадки летательных аппаратов на больших скоростях. Его изобретение давало возможность сократить длину полосы полевых аэродромов, но начальник лагеря, не видя в этом выгоды для себя лично, приказал будущему создателю ракетно-космического комплекса «Протон» раз и навсегда забыть об авиации. Изобретение Ивенсена не получило поддержки, но помогло автору выстоять, спасти разум вопреки жуткой реальности лагеря.

Православные и католические священники черпали силы в тайных богослужениях, надеясь, что страдания на земле откроют им врата для жизни вечной. Социалисты, имевшие в Соловках с 1923 по 1925 год статус политических заключённых, спасались самообразованием, читали друг другу лекции; вера в идею всемирного братства давала им *силу жить, не ломаясь*. Когда политзаключённые, изолированные в помещении скита на Муксалме, узнали, что их соседи, участники Кронштадтского мятежа 1921 года, отправили покаянное письмо в ЦК ВКП(б) с просьбой о прощении, то идейные узники объявили голодовку, требуя убрать полтора десятка моряков-ренегатов из состава своего политскита № 2.

Каторжане, имевшие на обложках следственных дел литеру «Т» («троцкизм»), противостояли сталинскому режиму с религиозным энтузиазмом, так как спасали не собственные жизни, а идею мировой революции. Эти «неотказавшиеся ленинцы», отвергая идею вооружённого сопротивления, жертвенно (как и первые христиане) верили, что «дискредитированная Сталиным идея коммунизма будет возрождена нашей кровью». По свидетельству Шаламова, осуждённого за троцкистскую деятельность, большинство из его коллег достаточно долго сохраняли заблуждение, «будто бы Сталин и Советская власть — не одно и то же».

Ольга Слиозберг верила, что силу духа ей помогла сохранить любовь к поэзии и чтение стихов вслух. Врач Николай Жиллов писал, что в лагерном аду черпал энергию в самозабвенном следовании клятве Гиппократата. Молекулярный биолог Александр Баев, будущий академик, спас себя как личность тем, что, ежедневно рискуя, по самодельному словарiku зубрил английские слова в камере, где не было потребности и в родном языке.

Дмитрий Лихачёв, когда у него спросили, что помогало заключённым выжить в лагерях, упомянул чувство юмора и признался, будто бы нигде и никогда не слышал столько шуток, как в Соловках. Лихачёв привёл в пример историю политического заключённого — поэта Сергея Смельского, арестованного в 15 лет за распространение самодельных листовок с карикатурой и стихами про Ленина. В декабре 1929 года бригаде молодых ростовчан, в числе которых был и Смельский, приказали собрать и закопать трупы заключённых, валявшиеся вдоль насыпи строительства узкоколейки. Молодые люди, обмениваясь шутками, с истерическим хохотом катали замороженные тела по рельсовому пути. Смельский полагал, что не сошёл с ума именно благодаря чёрному юмору, который предотвратил общий нервный срыв.

Шутки и розыгрыши перед лицом смерти считались в среде интеллигенции на Соловках хорошим тоном. Не менее важным, чем постоянные шутки, было презрение к смерти, которое демонстрировали другим заключённым офицеры, бывшие фронтовики.

«Дело не в армейской закалке, а в умении жить, не теряя достоинства ради некоторого улучшения быта, не прося о помощи и не жалуясь. Если вас спрашивают о состоянии здоровья, то не нужно выкладывать диагнозы своих болезней. Достаточно бы ответить: прекрасно, хорошо, сносно, поблагодарить за внимание, но не более того. Даже если человек оказался на боковом месте нар третьего этажа, то это не повод для смертельной тоски. Практика показала, что ловкие люди, умеющие хорошо устраиваться, раньше других попадали в расстрельные списки или получали дополнительные сроки», — ответил Д. С. Лихачёв на вопрос об опыте, приобретённом им в лагерях.

Во время работы над фильмом «Власть Соловецкая» автор сценария Виктор Листов спрашивал у бывших заключённых, что они помнят о проявлениях культурной жизни на Соловках и как культура влияла на жизнь узников сталинских концлагерей. Писатель О. В. Волков, дважды отбывавший срок на Соловках и умудрённый самым длительным среди героев фильма опытом пребывания в советских местах заключения, резко выразил сомнение в правомерности сочетания понятий «лагерь» и «культура». В картину этот эпизод не вошёл.

О. В. Волков (1900–1996), бывший эск с 25-летним стажем лагерей, открыл 30 октября 1990 года в Москве памятник жертвам репрессий — Соловецкий камень

«В рабочих ротах было не до игры ума! Первоочередной задачей лесорубов, вернувшихся из леса в бараки, было высушить портянки и обувь, причём до развода, к началу рабочего дня. Если не было огня, приходилось сушить теплом своего тела. Сухая обувь была для заключённых одним из важнейших условий сохранения жизни. Обморозишь ноги — не выполнишь норму, получишь так называемый *диетпайк*. Урезанное количество еды превращало лагерника в бессильного доходягу, который голову под мышкой носит, а дальше — в яму», — пояснял своё отношение к рассказам о наличии культурной жизни в лагерях Олег Волков, бывший лесоруб высшей (по лагерной аттестации, «лошадиной») категории.

Получение пайка было задачей необходимой, но недостаточной. Стратегия выживания, по мнению Волкова, заключалась в умении духовно противостоять крысиной стадной морали концлагеря — *будь, как все!* Эту идеологию чекисты насаждали особенно рьяно.

«У каждого свой путь. Я выжил в лагерях в первую очередь не в силу физического здоровья, полученного мной от природы, а благодаря своему решению не употреблять матерной брани и ежедневно мыть руки. Не думайте, что это было так просто...» — поделился своим опытом О. В. Волков.

Андрей Битов называл Олега Волкова — своего соседа по дому в писательском посёлке Переделкино — *человеком из Красной книги*. Работа Олега Волкова «Погружение во тьму», опубликованная в Париже, появилась в России ещё до падения советской власти, что неминуемо грозило автору новыми репрессиями. Гласность спасла Волкова. Наследники НКВД не успели отправить соловчанина в мордовские лагеря, но пакостили несломленному эзку до самой его смерти. Непрерывные преследования, как и лагеря и тюрьмы, не сломили и не озлобили человека из *Красной книги*, они лишь притупили, по словам Олега Васильевича, его религиозное чувство, но не ослабили силу духа. Волков, познавший сущность Соловков изнутри, а не по книгам, чётко сформулировал своё суждение о значении архипелага в ряду памятных мест, отображающих историю развития европейской цивилизации.

«Соловки можно посещать, лишь совершая паломничество к могилам безвинно уничтоженных, как посещают святыню, памятник скорбных событий, национальных тяжёлых дат, как Освенцим или Бухенвальд», — завещал потомкам автор «Погружения во тьму».

В Соловецких лагерях — на островах и в филиалах на материке — оставили жизнь или часть жизни около миллиона человек. Лагерное управление в Соловках стало первым из островов архипелага ГУЛАГ, причём лагеря изначально назывались *концентрационными*, а не исправительно-трудовыми, что соответствовало их задаче оглушения народа путём уничтожения инакомыслия, представлявшего опасность для власти большевиков. Эта народная драма именовалась СЛОНОм, а память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах.

В Соловках погибли люди разных сословий, национальностей и религиозных убеждений. Столбовые дворяне и цыганские короли; деятели культуры, покорявшие Европу своим талантом, и боевые офицеры, некогда воевавшие друг с другом; политические и религиозные лидеры самых противоположных взглядов; маститые профессора лучших университетов и талантливая молодёжь, лишённая возможности реализовать свой творческий потенциал, — все они лежат в общих братских могилах. Их имена стоят рядом в единых расстрельных списках. Криминалистам не отличить прах православного священника Павла Флоренского от праха католического проповедника Петра Вейгеля. Останки социалистов не отделить от останков монархистов, прах русских в ямах на склонах Секирной горы — от праха евреев и поляков.

Тела заключённых, умерших в монастырской тюрьме, закапывали без отпевания, чтобы муки земные стали муками вечными, а чекисты, обрывая жизни, засекречивали и память о жертвах, ибо могилы стали бы местами поклонения. Их усилиями весь Соловецкий архипелаг стал в сознании людей символом государственного террора. Земля, омытая кровью неповинно убитых, — святыня и для верующих в Бога, и для атеистов. По христианским понятиям мученическая гибель на Голгофе Сына Человеческого превратила крест — злобный инструмент пыток — в символ спасения. Мученическая гибель в Соловках сынов человеческих, дополнявших друг друга в своём единстве, — вот истинная причина считать соловецкую твердь святыней.

«Никто не попросил прощения за те страшные преступления, в которые впадали люди, жившие на этой земле совсем недавно, в непосредственно предшествующих нам поколениях», — печалится создатель Преображенского братства протоиерей Георгий Кочетков.

Покаяние — это искупление своих и чужих грехов. Исконный смысл покаяния не в слезах, не в устройстве стометровой статуи Христа на Секирной горе, не в разбивании лбов об пол храмов, не в количестве поклонов. В греческом переводе Нового Завета, употребляемом в церковном обиходе, покаяние обозначается словом *metanoia*, что соответствует русскому понятию *умоперемена* — перемена взглядов, переосмысление пройденного пути.

«Палачи, которые правили нашей страной, — не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей, — никто из нас не застрахован от повторения пройденного», — предупредил потомков узник ГУЛАГа В.П. Эфроимсон. Он был генетиком, изучавшим тайны передачи наследственных черт от предков к потомкам.

Россия больна Соловками. Недуг не исцелить ни заговорами, ни заговорами. *Россия, которая сидела, должна посмотреть в глаза России, которая сажала.* На Соловках.

Памятник работы Григория Салтупа 1111 заключённым Соловков, убитым осенью 1937 года в урочище Сандармох при дороге в карельский город Повенец

Помяни, Господи,
души в узах и темницах
заклѹчѣнных умерших.

*«Синодик святого
Кирилла Иерусалимского»
в переводе Нила Сорского*

Бывают мгновения, когда кажется, что поднялась завеса над вечным и можно заглянуть в смутную туманность будущего. Соловки представляют такие моменты во множестве.

*Ален Летбридж, английский писатель.
«Новая Россия от Белого моря до Сибири»
1915 год*

Взгляд снаружи

Соловецкий монастырь — место окраинное и порубежное — рассматривался правителями Московии, а потом и России как северный форпост государства. В стране, где количество мирно прожитых лет меньше числа военных лихолетий, тихое государево богомолье при поддержке государства обрело черты военного поселения.

Наидревнейшим памятником культуры в Соловецкой обители был и остаётся один из колоколов, захваченных монастырской ратью на земле средневековой Швеции, в финском городе Каяани. Колокол украшен барельефами, часть которых, по мнению учёных, представляют собой портреты древних королей, сидящих на тронах. Этот колокол чудом пережил лихолетья, когда его собратьев по приказам то царя, то вождя забирали на переплавку.

Изображения чужестранцев, умерших задолго до основания Соловецкой обители, оказались свидетелями страстей, бушевавших на земле, чья история не была благодистой и мирной. Историк культуры Дмитрий Лихачёв считал, что по своему менталитету Россия стала отличаться от Италии или Швеции не более, чем народы этих страны разнятся между собой. Существенная разница, по мнению Лихачёва, заключается лишь в том, что российская культура не «университетская», а эмоционально-эстетическая, то есть чувственные основания в ней зачастую весомее доводов разума и накопленных знаний.

Считая себя самостоятельной частью западного мира, «Россия видит наилучшим образцом для своего обустройства не какую-нибудь Абиссинию, а Европу, но пытается прийти в неё своим путём», — отмечал первый отечественный философ П. Я. Чаадаев. Культура, похожая на европейскую, способствует возникновению доверия, но извечные конфликты с соседями мешают России полноценно влиться в семью европейских народов.

Церковный миф о народе-богоносце в стране, имеющей «особенную статью», воспитал у паствы черту, названную В. С. Соловьёвым «национальным самообожанием». То, как грёзы об особом предназначении обернулись явью лагерей Особого Назначения, видел колокол с вырванным языком — памятник культуры.

Как мы выглядим со стороны? Считают ли народы, вошедшие в состав империи, что Россия их осчастливила? Представляют ли наши приоритеты интерес для других людей? Попробуем посмотреть в зеркало, в соловецкое зеркало. Мой опыт общения с людьми из зарубежья, которым я помогал проникнуть на острова, говорит о том, что Соловки мои гости воспринимали не только как родину ГУЛАГа или один из бастионов московской ветви ортодоксального христианства. Вдумчивые путешественники, отдавая должное Соловкам в качестве точки самоидентификации России, оценивали острова как один из нервных узлов европейской цивилизации.

Работа об истории Соловецких лагерей была сначала опубликована не в России, а в Италии, где Ватикан включил её в реестр книг для молодых христиан

Соловецкие острова омыты кровью тысяч мучеников со всех концов ойкумены. Эта кровь даёт нам шанс на искупление. Память об общем горе могла бы воссоединить далёкие берега и способствовать выходу из многовековой самоизоляции. Книги о Соловецких лагерях изданы исследователями США, Италии, Финляндии, Польши. Ведущие журналисты крупнейших изданий Японии, Испании, Голландии, Швеции, Германии посвящают статьи соловецкой тематике, предвосхищая или отражая интересы своих читателей. Йенский университет в Германии финансировал исследование Катариной Хаверкам темы, связанной с историей осмысления наследия советских лагерей на Соловках в постлагерный период.

Журналист Вероника Дорман защитила в Сорбонне диплом «Соловки — место памяти без мест», предопределивший тему её книги.

Слово «Соловки» как синоним концлагеря громко звучит на разных языках. Каждый сезон на архипелаг прилетают иностранные киносъёмочные группы. Соловки притягивают режиссёров из ближнего и дальнего зарубежья, в первую очередь из стран, исповедующих ценности западной культуры. Мусульмане в Соловках редкие гости.

Серьёзные фильмы о Соловецком архипелаге, созданные выдающимися мастерами своего дела, появились в Англии и Италии, в Скандинавских странах, в Польше.

Французский трёхчасовой фильм «Белый квадрат на белом фоне» российского режиссёра Иосифа Пастернака, снятый на островах китайским оператором, выдвигался киноакадемией Франции на соискание премии международного фестиваля в Сиднее, где членом жюри была работавшая в те годы в Америке Марина Голдовская — создатель фильма «Власть Соловецкая». Международные благотворительные организации — Фонд Сороса, Фонд Форда, Фонд лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского — выделяли гранты на поддержку проектов в маленьком поморском селении, где жителей чуть меньше тысячи. Они поддерживали деньгами государственный музей, детскую археологическую школу, Беломорский социально-экологический центр, общественную юридическую консультацию до той поры, пока соловецкие монахи не заявили, что они принципиально против иностранной помощи Соловкам.

Зодчие из Армении во главе с Тиграном Асторяном возвели часовню на берегу Капорской губы — там, где по снегу «стартовали» на Голгофу этапы раздетых до нижнего белья заключённых. Министерство культуры Норвегии выделило деньги для ремонта лестницы вблизи места расстрелов на Секирной горе. Польские волонтеры выполнили проект восстановления гидроэлектростанции и смежных с ней инженерных сооружений.

Глава компании Хегох Пол Аллен в качестве благотворительной помощи одарил Соловецкий монастырь комплектом полноцветной множительной техники, о чём сообщил журнал «Профиль» в публикации «Соловецкие монахи познали секреты размножения».

Площадь перед Преображенским собором, где во времена СЛОНа под лай собак на поверхках мёрзли шеренги узников, посетили и король Швеции Карл Густав IV, и наследник английского престола принц Чарльз, посадивший своё дерево на Аллее памяти в Макариевской пустыни. Поездка на Соловки принца Уэльского состоялась во многом благодаря стараниям Сьюзен Кози, директора Фонда лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского. Сьюзен, испытывая к Соловкам добрые чувства, более десяти лет поддерживала связь с музеем-заповедником, не раз посещала острова и способствовала восстановлению и сохранению культурно-исторических ландшафтов архипелага. Для этой работы она привлекала не только российских, но и выдающихся европейских специалистов.

История англо-соловецких контактов восходит к XVI веку, когда британский капитан Ричард Ченслер во время поисков пути в Индию и Китай через арктические моря забрёл в 1553 году в Белое море и обнаружил судоходную реку Северную Двину, ведущую в глубь Московии. Ченслер достиг Москвы, был принят Иваном IV и получил грамоту на право свободной торговли в России. Освоение восточноевропейских земель сулило немалую выгоду, и купец Антоний Дженкинсон, налаживая контакты, шесть раз посещал Московию. В устье Двины на Розовом острове (остров Ягры) возник морской причал — порт св. Николая — и английский гостинный двор при нём.

Слушая рассказы английских купцов, Иван Грозный, человек не холостой, загорелся идеей династического брака с королевой Великобритании Елизаветой или, на худой конец, её племянницей. Приваживая англичан, царь одалжил их милостью беспошлинной торговли, хотя в то же самое время монастыри, включая и Соловецкий, эту привилегию утратили.

Польский король, обеспокоенный активностью англо-русских контактов, написал королеве Великобритании об опасности усиления варварской страны, приобретавшей *не только товары, которых раньше не имела, но и оружие, ранее ей неизвестное. Русский царь, приглашая иностранцев, черпал в их образованности и знании искусств новую силу.* Англичане, нанимавшиеся на службу в Россию во времена Ивана IV и Бориса Годунова, въезжали в страну по беломорскому пути.

Французская фирма Soutter et Hallt создала оптическую систему маяка Секирной горы, свет которого виден с расстояния 23 морские мили (40 км)

В середине XVI века большинство чужестранцев, приходивших в Россию по морю, начинали знакомство со страной с посещения Соловков. Джильс Флетчер, Корнелий Дутс, Уильям Бэрроу, Джон Спарк и его компаньон Том Соутэм, Джером Горсей, оставившие потомкам свои воспоминания, не смогли разглядеть в черноризцах носителей духовности. Монахи производили на путешественников удручающее впечатление: «Что касается разврата и пьянства, то нет им в мире подобных, а и по вымогательствам это самые отвратительные люди под солнцем», — записал свои наблюдения Ричард Ченслер.

«Все лучшие и приятнейшие места заняты монастырями. Они самые оборотистые купцы в государстве», — отметил в 1580 году посол Великобритании Д. Флетчер.

Френсис Б. Грин — военный фотограф, всегда готовый рисковать жизнью ради того, чтобы лишить войну и военных романтического ореола

Собрать под одной обложкой свидетельства подданных британской короны, так или иначе имевших дело с соловецкими монахами, хотел в 1980-х историк Сергей Морозов. Для реализации этого проекта он заручился поддержкой Френсиса Грина, первого из иностранцев, который тайно посетил закрытые Соловки ещё в советские времена. Мы пришли на маленьком карбасе, выдавая своего гостя за эстонца. Соловки приняли и уберегли Грина. Бабушка отчаянного шкипера нашей экспедиции Сергея Малиновского, поняв, что её гость прибыл из капиталистической заграницы, среагировала весьма необычно: «Можно я до вас дотронусь?» — спросила она человека из другого мира и погладила Грина по плечу. Система всеобщей подозрительности рухнула после одного доброго прикосновения.

Грин до своего первого похода на Соловки прошёл немало дорог в качестве военного фотографа. Во Вьетнаме, Лаосе и на Синае он не раз пренебрегал аккредитацией ради свободы передвижения, приняв правило своего легендарного коллеги Роберта Капа: *если ваши снимки недостаточно хороши — значит, вы не были достаточно близко!* В России такие взгляды в своё время исповедовал художник-баталист Василий Верещагин.

Френсис Грин в 1992 году, действуя строго анонимно, учредил в России литературную премию «Малый Букер», обеспечивал в своём доме кровом нуждающихся эмигрантов, помогал выжить кедровому заповеднику на Алтае, передал права на получение гонораров от издания книг своего отца Грэма Грина правозащитной организации, содействовал изданию альбомов репрессированных художников Бориса Свешникова и Евфросинии Керсновской и книг об истории гонений верующих Истинно Православной (Катакомбной) церкви.

В быту Френсис был скромн и неприхотлив, умел феноменально точно ориентироваться в незнакомых местах и находить правильную линию поведения при общении с самыми разными людьми. Наследник авторских прав Грэма Грина, владелец средневекового замка, винных подвалов и ещё бог знает каких ценностей, на Соловках фотограф довольствовался стареньким «Никоном F-3», кружкой без ручки и алюминиевой ложкой.

На берегу залива Старые Городки, где из моря торчит загадочная пирамида, Френсис попросил однажды пожарить разные грибы, не смешивая их, а потом, сидя у костра, дегустировал каждую порцию и делал заметки в блокноте. До сих пор испытываю жгучее любопытство, как он описывал вкус словами?

Прирождённый землепроходец и неутомимый путешественник, воспринимающий шар земной как наш общий дом, Грин, обладая возможностью поехать куда угодно, вновь и вновь возвращался на Соловецкие острова, мечтая сделать аэросъёмку мыса Лабиринтов, где мы собирали грибы. Он полагал, что эти лабиринты связаны с камнями Стоунхенджа вблизи его дома не только хронологически.

«Мне опять не хватает запаха твоих анзерских костров, вблизи которых чувствуется дыхание великих тайн мира», — написал Френсис Грин в своём новогоднем поздравлении.

На земле Голгофы XX века ежегодно звучат по-итальянски слова молитвы о душах людей, ставших жертвами коммунистического террора в СССР

Соотечественники великих итальянских зодчих Аристотеля Фиораванти, Пьетро Солари, Бона Фрязина, Доменико Трезини, Варфоломея Растрелли, Джакомо Кваренги приезжают на Север ежегодно. В одной из групп людей, прибывших из Милана, была будущий физик, дочь главного редактора журнала «Новая Европа» Марты Карлетти Дель Аста, строгая не по годам шестнадцатилетняя Лидия. Когда наступил час отъезда, девушка вдруг в порыве эмоций расплакалась на причале: «Мама, пока вы будете осматривать Кижы, разреши мне ещё один день побыть на Соловках! Я догоню вас, мне очень важно ещё хоть чуть-чуть побыть на *этом* острове».

Публицист Пилар Бонет, которая в юности решительно покинула родной остров Ибицу, сделала блестящую профессиональную карьеру. В 1985 году, записав последнее, накануне гибели, интервью Александра Меня, Пилар по рекомендации духовной дочери священника Е. Ю. Гениевой отправилась на Соловки.

— Я в России — послушай, как здесь свистит ветер, — позвонила она сестре, повернув мобильный телефон навстречу порывам борея.

— А ты послушай, что шепчет море, — ответила ей сестра с другого конца континента, опустив трубку к полосе прибоя у южной окраины Балеарского архипелага.

И глаза Пилар, понимающей Россию умом и сердцем лучше большинства россиян, увлажнились. Не порывы ветра были виной её слёз.

«Ваш остров воссоединил в моём сознании разрозненные части чего-то уже почти утраченного», — с благодарностью сказала мне Пилар Бонет, расставаясь с Соловками.

Неприятель монастыря к инакомыслию такова, что архимандрит Порфирий запретил сотрудничество с обществом «Мемориал», а памятный знак у места захоронения первых политзаключённых в Савватиеве был мгновенно разрушен

Католическая церковь последовательно осуждала репрессии большевиков против христиан в Советском Союзе. Папа Иоанн-Павел II во время известной проповеди Via Crucis (Крестный путь), произнесённой в 1994 году в Колизее, напомнил миру о неопределимом богатстве, предложенном западному менталитету русской духовной традицией, о сопротивлении мучеников, молившихся в Соловецких лагерях на русском языке. Во время частных встреч с людьми из России понтифик не раз говорил о своём желании произнести молитву на Соловецком острове, среди камней, слышавших голоса мучеников.

После проповеди папы римского в Колизее и издания на итальянском языке моей книги о соловецком концлагере на острова потянулись ручейки туристов из Европы.

Организатор первой паломнической миссии на Соловки Джованна Парравичини попросила показать своим согражданам часовню, отмечающую место, где, судя по преданию, находился в 1436 году шалаш инок Германа, одного из основателей Соловецкой обители.

Для католиков часовня была дорога тем, что в ней совершали мессы заключённые Соловецких лагерей. Некоторые из них позднее были причислены Ватиканом к лику святых. Заключённые православного вероисповедания в годы становления концлагерной системы имели возможность посещать Онуфриевскую церковь у стен кремля, где литургию служили монахи Соловецкого монастыря, трудившиеся в лагерной администрации. Участие узников в богослужениях не приветствовалось, но и не запрещалось.

В декабре 1927 года начальник лагерей Фёдор Эйхманс позволил заключённым-католикам совершать мессы в Германовской часовне по спискам, которые согласовывались с надзирателями. Службы в Германовской часовне отправлялись до начала 1929 года, когда на остров вернулся первый начальник Управления Соловецкими лагерями Александр Ногтев, выдворенный за проступки из Москвы. Этот обладатель знака «Почётный чекист» как мог срывал зло на заключённых. Он организовал операцию, подобную той, за которую был отстранён комиссией ОГПУ от руководства лагерем в 1923 году. Свыше ста человек были арестованы якобы за подготовку восстания.

Режим в лагере с приходом Ногтева резко ужесточился. Соловки агонизировали в ожидании очередного преобразования — превращения СЛОНа в ГУЛАГ. В ходе реорганизаций гибли люди, погибла и часовня, служившая центром духовной жизни католиков.

«Опись памятников истории на Соловках», составленная двумя заключёнными по приказу начальника лагеря в 1934 году, зафиксировала вместо строения лишь груды кирпичей.

Почти через шесть десятилетий, в дождливый июльский день 1992 года, уроженцы Сериата и Милана, добравшиеся до архипелага среди Белого моря, стояли там, где некогда располагалась Германовская часовня. Это была обычная лесная полянка, хотя на ней слой опавшей листвы скрывал не привычные для этих мест валуны, а развал кирпичной кладки.

В ПАМЯТЬ О ХРИСТИАНАХ-КАТОЛИКАХ

Нетронутой временем выглядела только гранитная плита, некогда лежавшая на пороге исчезнувшей часовни. Полевые цветы склоняли над ступенью свои отяжелевшие от избыточной влаги головки. Всё как в стихотворении Фёдора Тютчева:

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Паломники очистили поляну от полусгнившего валежника и берёзовой поросли. Они откопали и протёрли салфетками поверхность плиты у порога, которая, казалось, хранила память о прикосновениях ног, ступавших на неё в прежние времена. На развалинах часовни итальянцы сложили тур, державший связанный проволокой крест из двух брёвен, вынесенных волнами на берег моря. К кресту лентой из полевых цветов прикрепили скромную икону с ликом Владимирской Божьей Матери. Икону эту купил кто-то из паломников в лавке монастыря для себя, но отдал для общего дела.

У развалин часовни священники из состава группы отслужили мессу, как это делалось во времена лагерей. Слова древней молитвы и по-итальянски, и по-русски поднимались к небу. Дождь неожиданно прекратился, и засияло солнце — погода на островах Соловецкого архипелага меняется быстро.

Через год к памяtnому месту отправилась группа молодых итальянцев, чтобы, как и их предшественники, почтить память погибших в лагерях. Когда они добрались до поляны в лесу, где некогда возносили молитвы узники-католики, то оказалось, что простенький крест разрушен, а на останках часовни вырос другой — пропитанный олифой восьмиконечный православный крест с изображением преподобного Германа, выжженным на фанере. Поблизости в опавшей листве валялась «итальянская» икона Божьей Матери. Ей, видимо за связь с иностранцами, ревнители православия ножичком вырезали глаза.

«Ослеплённую» икону как мог подкрасил живописец, имевший при себе небольшой мольберт. В стороне от развалин часовни, но на той же поляне, студенты Миланского университета водрузили новый крест и сложили импровизированный алтарь.

На каменной тумбе итальянские паломники укрепили лист с именами Николая Александрова, Болеслава Слоскана, Леонида Барановского, Шии Батманишвили, Камиллы Крушельницкой, Леонида Фёдорова и других католиков, незадолго до своей гибели в советском концлагере молившихся на этом пятачке земли. В конце мартиролога, помещённого в прозрачную папку, содержалась просьба не разрушать памятный знак.

**Духовное сопротивление
мучеников, молившихся
в Соловках на русском языке,
есть величайшая ценность
для всех христиан на Земле.**

Папа Иоанн-Павел II

Год спустя к развалинам Германовской часовни пришла горсточка священников, прибывших на Соловки через Кемь из Южной Германии. Очень пожилые люди отказались от автобуса, они попросили дать им возможность, несмотря на дождь и ветер, завершить паломничество пешком, как это делали когда-то заключённые. В конце нелёгкого для стариков пути доктор Петро Модесто и его сподвижники наткнулись на разрушенный алтарь. Запахи дизельного топлива да обугленные останки креста без слов говорили о том, что здесь произошло недавно. Гости острова были расстроены, но не озлоблены. Месса состоялась, и стало светло. Я понял, почему автор «Неугасимой лампы» соловецкий ээк Борис Николаевич Ширяев принял католичество.

Профессор Хелена Овсяны (1936–2002), доктор славистики академии наук Польши. Автор фильма «Академия убийств» (1995) и книги «Якобы шпионы Ватикана» (1998)

Поляки вслед за русскими и евреями являлись крупнейшей национальной диаспорой в Соловецких лагерях, где их было больше, чем украинцев и белорусов вместе взятых. НКВД по указаниям Политбюро ВКП(б) не раз проводил массовые «спецоперации по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, как иностранных подданных, так и граждан СССР». Столь же рьяно, как поляков, преследовали по национальному признаку разве что финнов. Поэтому по другую сторону советско-польской границы специалисты как могли собирали и анализировали сведения о своих репрессированных соотечественниках. Отчёты профессиональных разведчиков Корпуса охраны пограничной из Центрального архива Министерства внутренних дел Польской республики стали достоянием гласности благодаря профессору Хелене Овсяны и её научному руководителю в академии наук Григорию Якубовскому.

Отчёты Корпуса охраны пограничной, созданные в начале 1930-х, включают в себя десятки карт и схем подразделений Соловецких лагерей на островах и на материке, дислокацию охраны и персональные характеристики сотрудников лагерной администрации. Отдельные разделы отчётов посвящены описаниям лагерных командировок и условиям содержания в них заключённых.

Изучение материалов о деятельности Соловецких лагерей Особого Назначения позволило профессору Хелене Овсяны в 1995 году создать в содружестве с режиссёром Вальдемаром Карватом полнометражный научно-публицистический фильм «Академия убийств».

Хелена Овсяны посещала острова несколько раз, одаривая исследователей материалами, недоступными в России, включая свои интервью с бывшими узниками, проживавшими в Польше. Не ограничивая свои изыскания исключительно периодом существования лагерей, Хелена ввела в научный оборот документы об изготовлении в Варшаве иконостаса Спасо-Преображенского собора.

В отличие от профессора Овсяны фотограф Беттина Витте Веен, автор выставки «Смерть и женщина», находилась на Соловках совсем недолго. В мае 2008 года её выставка открылась в Берлине, в подвалах, где в своё время проектировали смертоносные «Фау-2». На кирпичных стенах подземных бункеров, закрытых для доступа более 60 лет, портреты чередовались с кадрами хроники, карточками из семейных альбомов и пейзажами.

Женские батальоны 1914 года в Германии и России, американки в противогазах, женский этап у ворот Кемперпункта, снайпер Роза Шанина, девушки-партизанки под Курском и в Камбодже, горящие Варшава, Лондон и Дрезден. Жертвы блокады Ленинграда, тела убитых в Бремене. Лагеря СССР, Китая, Бирмы, Лаоса. Анна Ахматова, неизвестные девочки в гетто, дочери Путина в Берлине... Соловки — неоднократно. Фотографии, отразившие историю XX века, без всяких этикеток до боли понятные взрослым современникам.

Роль метронома, отмерявшего часы истории, играли пейзажи Соловков, снятые в течение суток, от заката до рассвета, с точным указанием времени съёмки. Соловки были избраны Беттиной Витте Веен как код связи между событиями, происходившими в мире.

В 2001 году один из английских телеканалов организовал реалити-шоу Lost — «Потерянные». Суть игры заключалась в том, что три пары участников, получившие по 400 долларов, забрасывались, как котята в мешке, в неизвестное им место на планете. Оттуда соперникам предстояло добраться до площади в Лондоне, где пара, пришедшая первой, получала солидный приз. Разрешалось уговаривать, мошенничать, продавать своё походное снаряжение, полученное для игры, и личные вещи. Правила запрещали пользование телефонами и другими средствами связи. Каждую пару сопровождал безгласный оператор, который фиксировал каждый шаг подопечных.

С подачи журналиста Гая Пью местом старта шоу стал мыс Колгуев на необитаемом тогда острове Анзер. Конкуренты, прячась друг от друга, обследовали Анзер. Через двое суток, не без помощи случайной экспедиции школьников и благодаря катеру охотоведа Степана Дашкевича, исполнявшего роль рояля в кустах, всем парам удалось попасть на Большой остров, откуда шли суда на материк.

Одна из схем размещения объектов СЛОНа, составленных в 1932 году на основании данных, полученных от поляков, сидевших в лагерях

Однако в магазине по дороге к причалу случился сбой. Никто не ожидал, что «плохие парни» Томас Лавтон и Камран Джон, которые позже едва не оказались победителями игры, вместо того чтобы мчаться на суда, уходящие на материк, сойдут с дистанции, загуляв в компании местных алконавтов Оли Притыкиной, бича Васи Мотыля и мичмана Батуры. Пытаясь выволить героев из экзотичной международной компании, распевавшей «Катюшу» в здании общежития на улице имени юнгеря Саши Ковалёва, урождённого Саши Шапиро, режиссёр Мат Фразер передал своим подопечным записку с напоминанием о денежном призе. Содержание ответной записки Камрана Джона ошеломило выдавшего виды администратора: «Свой приз мы уже взяли — это наша встреча с Соловками!»

Нрав журналиста Фена Монтейна, попавшего в поле притяжения Соловков, поможет понять история, случившаяся в Ленинграде. Пожилая женщина, осиротевшая во время блокады, узнав, что Фен журналист, пригласила его в гости. Отец Фена в своё время воевал в Европе, и сыну тема Второй мировой войны была близка. Нырнув в один из дворов-колодцев, Фен пропал почти на сутки. Человек аккуратный и обязательный, он пропустил другую, заранее запланированную, встречу. Связи с ним не было (мобильные телефоны тогда ещё не вошли в обиход), и друзьям, ожидавшим американца, пришлось изрядно поволноваться.

«Прости, пожалуйста, — извинился Фен позже, — людям нужно было рассказать о том, как детьми они, открыв окна, замораживали тела своих родителей, умерших от голода, чтобы легче было стаскивать трупы по лестнице. Они плакали, вспоминая, как громко бились оледеневшие головы о ступеньки, и я плакал вместе с ними. Увидев, как живут эти люди сегодня, я съехал из гостиницы, где номер стоит больше двухсот долларов в сутки».

Фен Монтейн, глава московского бюро Philadelphia Inquirer в 1990–1993 годах, автор книги «Рыбалка в России» (Reeling in Russia. St. Martin's Press, 1998)

После окончания контракта с газетой Philadelphia Inquirer Фен Монтейн вернулся в Россию, чтобы иметь возможность без привязки к текущим событиям совершить отчаянное путешествие на лесовозах, лодках и снегоходах от Соловков до Аляски.

Пробираясь с запада на восток, писатель общался с себе подобными любителями рыбалки, как рыбак с рыбаками. Образ России формировался в сознании Фена в результате его бесед с самыми разными людьми, включая президента страны Бориса Ельцина, поэта Евгения Евтушенко, реэмигранта Александра Солженицына. У Монтейна записаны сотни интервью не только с представителями элиты, но и с охотоведами, космонавтами, монахами, учителями, почтальонами. Поэтому мне очень дорого мнение этого серьёзного эксперта.

Фен Монтейн успел записать интервью с первым постриженником возрождённого Соловецкого монастыря, 32-летним отцом Иринархом (Сергеем Михеевым), который надеялся спастись в обители от разрушавшей его тело лейкопении. Другое интервью дал соловецкий архимандрит Иосиф (И.А. Братищев), лишённый впоследствии возможности приезжать на остров. Фен также успел записать воспоминания бывших соловецких узников — врача Ольги Мане и молекулярного биолога, академика Александра Баева.

Записывать воспоминания заключённых стало безопасным только после выхода на экраны историко-публицистического фильма «Власть Соловецкая», пробившего стену секретности, окружавшую деятельность чекистов на Соловецком архипелаге. Фильм получил разрешительное удостоверение лишь благодаря личному заступничеству Михаила Горбачёва, после того как режиссёр Марина Голдовская 7 ноября 1988 года ухитрилась показать ему на даче свою уже фактически запрещённую кинокартину. Сценарий «Власти Соловецкой», написанный Виктором Листовым, построен на свидетельствах людей, оставивших часть жизни на тюремно-лагерных Соловках. Картина нашла своего зрителя, оказав, подобно «Покаянию» Тенгиза Абуладзе, большое влияние на раскрепощение гражданского сознания, приблизив падение коммунистического режима в Советском Союзе.

Фен Монтейн, используя возможность открыто искать свидетельства о судьбах узников Соловецких лагерей, пытался хоть что-нибудь узнать про своих соотечественников, пропавших в Архангельске в конце 1919 года. Эти люди, не принимавшие участия в военных действиях, служили в подразделениях, охранявших склады военного снаряжения стран Антанты, ввезённого в Россию во время Первой мировой войны. Об их пребывании в Соловецких лагерях имелись скудные сведения в меморандуме Военного департамента США G-2 от 12 ноября 1930 года «О возможном заключении американских офицеров и солдат в русских тюрьмах». Поиски Уильяма Дж. Мартина, Линдсея Розерфорда, Г. Хайнакрука, Роя Молнера и других американцев, которые не были эвакуированы накануне установления в Архангельске советской власти, привели писателя на Соловки.

Найти достоверные сведения о бывших заключённых, тем более американцах, на острове было невозможно. Слишком много людей слишком много лет старательно уничтожали вещественные доказательства преступлений большевистского режима. Однако Монтейну довелось застать на архипелаге героя одной из своих недавних публикаций — Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Приезд патриарха в Соловецкий монастырь в августе 1992 года был первым в истории Московского патриархата визитом первосвященника Русской православной церкви на остров. Патриарх в окружении разношёрстной свиты прибыл из Архангельска на военном госпитальном судне «Борис Пастернак».

Крушение советской власти дало возможность открыто искать сведения об узниках Соловков, среди которых было немало иностранцев.

Визит святителя обставили весьма помпезно. Лампады и свечи в заново освящённом Спасо-Преображенском соборе были зажжены от благодатного огня, специально доставленного из Иерусалима. Алексей II возглавлял торжества, связанные с возвращением в Соловецкий монастырь нетленных мощей преподобных Савватия, Зосимы и Германа Соловецких. Эти мощи отсутствовали на острове более полувека, с осени 1939 года, когда их одновременно с эвакуацией заключённых лагерей и тюрьмы вывезли на материк. Будущему патриарху было тогда 10 лет.

В 1925 году комиссия лагерной общест-венности, открывая мощи для обозрения, состояла в том числе из служителей культа: епископа Мануила (В.В. Лемешевского), архиепископа Иувеналия (Е.А. Масловского), священников Вертоградского и Кедрова из Шестой роты. Они подписали перечень останков, включая чувяки с почти новыми верёвочками и деревянный шарообразный чурбан в виде головы, покрытый воском. Мощи избежали утилизации, получив защиту как экспонаты антирелигиозного музея.

Комиссия по вскрытию святых мощей включала в себя епископа-заключённого, расстригу-антирелигиозника, чекиста, врача и иеромонаха Соловецкой обители

Член комиссии по вскрытию мощей соловецкий инок Агапит (А.И. Рогозин) попросил разрешения взять на память одну из костей. Другие члены комиссии не возражали. Но когда Агапит вытащил самую большую кость, *главный богоистребитель*, расстрига А.П. Иванов, брызжа слюной, завизжал, что не позволит расхищать народное достояние. Почти карлика Александра Иванова, по прозвищу Кусочек Сволочи, в Соловках презирали, но избегали связываться с этим сексотом инспекционно-следственной части лагеря.

Иеромонаха Агапита, который подержал в руках кость Зосимы, братия Соловецкого монастыря в 1929 году избрала своим священноигуменом, а *нетленные мощи* благодаря воинствующему безбожнику без утрат остались на Соловках, но не для поклонения, а для обозрения. При закрытии лагерей мощи свезли в Центральный антирелигиозный музей в Москве, а после закрытия этого музея в 1946 году их передали Государственному музею истории религии и атеизма, расположенному в Казанском соборе Ленинграда. Крах коммунистической идеологии позволил в 1989-м выдать церкви из фондов музея более трёх тысяч предметов культа, включая и пакеты с мощами соловецких преподобных.

Торжественную процессию внесения контейнеров с прахом отцов-основателей во врата Соловецкой обители Фен Монтейн имел возможность наблюдать сверху, из окна галереи. Глядя на белый клобук патриарха, выплывший из темноты арки ворот, Монтейн рассказал, как он недавно получил от эстонских коллег для своей газеты Philadelphia Inquirer фотокопии документов о деятельности сотрудника КГБ, имевшего агентурный псевдоним «Дроздов». Согласно аттестации, аккуратный в явках, энергичный и общительный Дроздов специализировался на *выявлении и разработке антисоветского элемента из числа православного духовенства*.

Агентурно-оперативный отдел КГБ при Совете министров Эстонской ССР, используя имеющиеся возможности, устроил агента Дроздова на пост епископа Таллинского и Эстонского, чтобы в дальнейшем внедрять в состав церковных делегаций, выезжающих в капиталистические страны.

Год рождения, знание языков, служебные перемещения позволили ассоциировать агента Дроздова с А.М. Ридигером. Дипломная работа Алексея Ридигера в Ленинградской духовной академии была посвящена епархиальному правителю Филарету (Дроздову), что повлияло на выбор агентурного псевдонима. Секретный сотрудник Дроздов не мог не знать о поучении святителя Филарета (Дроздова), почему грешно употреблять подделки под драгоценные камни и металлы в богослужебном обиходе: *дело совсем не в том, что они малоценны, а в том, что заключают в себе ложь*.

Накануне распада СССР митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей возглавил Московскую патриархию и автоматически стал священноархимандритом ставропигиального Соловецкого монастыря. Слово «ставропигиальный» означает, что обитель находится под непосредственным управлением патриарха, а не местной епархии. Обретение агентом КГБ власти в Соловках предвосхитило обретение бывшим подполковником КГБ власти в России.

Возвращение мощей преподобных > Зосимы, Савватия и Германа состоялось 20 августа 1992 года при участии патриарха Алексия II

*А. Г. Битов. Остров Анзер. 1981 год.
Основание Соловецкого монастыря
Битов назвал изначальным пунктом
в хронологии трагических событий,
предвосхитивших появление ГУЛАГа*

Фен Монтейн осознавал опасность публикации о сотрудничестве патриарха с агентурным отделом КГБ. Накануне в Подмосковье после удара топором умер протоиерей Александр Мень. Поводом к убийству стала профессиональная деятельность приходского священника. Проповеди отца Александра, собиравшие десятки незаурядных людей, распространялись на магнитофонных плёнках, но ни одна из его пятнадцати книг, опубликованных посмертно на тридцати пяти языках, не смогла прийти к людям при жизни автора. «Есть люди, которые пишут историю, а есть люди, которые в ней живут и действуют. Я принадлежу ко второй категории», — это последние слова, за два дня до гибели продиктованные Александром Менем Пилар Бонет.

По дороге на Соловки Фен попросил познакомиться его с питерским художником Александром Всеволодовичем Баженовым, самым проникновенным из живописцев, работавших на архипелаге во второй половине XX века. Обладание его картинами составляет предмет гордости для людей, так или иначе связанных с Соловками. Баженов интересовал писателя как автор художественного решения выставки о лагере, созданной на исторической родине ГУЛАГа по материалам моей книги «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения».

Поддержка М. С. Горбачёвым историко-публицистического фильма «Власть Соловецкая» пошатнула запрет на упоминание о Соловецких лагерях и позволила директору государственного музея Л. В. Лопаткиной принять в феврале 1989 года предложение о создании на острове мемориальной выставки, развивавшей тему «Власти Соловецкой». Людмила Лопаткина выделила для выставки помещения бывших покоев настоятеля монастыря, где в лагерное время располагалась комендатура. Не без риска для карьеры она дала возможность заниматься темой лагерей Антонине Мельник, обладавшей незаурядными способностями публициста, и Антонине Сошиной, знатоку фондов Соловецкого музея, которая как по волшебству умела находить предметы времён СЛОНа.

Обсуждение концепции и работа над макетом экспозиции для Соловецкого музея происходили в квартире Андрея Битова, который в книге «Пятое измерение» первым обратил внимание на очевидную связь чуда избияния на Секирной горе с монастырскими тюрьмами и Соловецкими лагерями, разросшимися до ГУЛАГа. Весьма важной стала для нас и помощь сотрудников московского «Мемориала» Никиты Охотина и Ирины Осиповой.

Экспозиция была задумана и устроена подобно театру без актёров, где даже элементы конструкций являлись очевидцами событий прошлого. Настоящие брёвна и доски, выбранные среди обломков разрушенных лагерных барачков, трансформировались то в ограду, то в нары, то в стену колумбария. В нишах колумбария, похожих на кормушки в тюремных дверях, высвечивались сначала портреты известных узников, потом — списки: крестьяне, дипломаты, иностранцы. Последняя ниша без имён чернела подобно открытой братской могиле.

Баженов взял в союзники солнце и ветер. При низком вечернем солнце в окнах поверх изображений, отпечатанных на фототкани, естественным образом проступали тени настоящих тюремных решёток, расположенных между рамами. Сами же оконные проёмы служили обрамлением для слайдов, а листы жёсткой крафт-бумаги за слайдами при порывах ветра, столь частых на острове, издавали шелест, похожий на шум дождя.

Планшеты экспозиции были стилизованы под носилки, расставленные по периметру стен. Носилки — это память о лагерном проклятии: «Чтоб вам вашу Клару носилками облегчать!» — так стали говорить на Соловках после декабря 1925 года, когда узники несколько суток подряд в метель, хлюпая по солёной воде, выступавшей поверх льда, бегом разгружали баржу «Клара Цеткин», застывшую у входа в гавань. Упавшие вскоре превращались в сугробы.

Изобразительный ряд экспозиции на уровне глаз зрителя полностью состоял из фотографий, отпечатанных с негативов из архива автора идеологической концепции, а наверху шёл ряд ура-патриотических хрестоматийно известных снимков и плакатов, прославлявших советский строй. «Нет таких крепостей, которых не могли взять большевики!», «лампочка Ильича», стахановцы, папанинцы на полюсе, «ежовые рукавицы», чукча, читающий в чуме «Правду», сдача норм ГТО и т. д.

Экспозиция «Железной рукой загоним человечество к счастью», созданная на волне перестройки, отражала гражданскую позицию авторов, но не руководителей Соловецкого музея, горьким опытом приученных почитать кураторов из КГБ превыше министерского начальства, не говоря уже о каких-то историках. Чиновники, чтобы угодить и чекистам, и церковникам, из года в год выдёргивали с выставочных планшетов наиболее значимые материалы о преступлениях советского режима и «успехах» монахов на ниве сотрудничества с ОГПУ. Пропало обращение авторов, исчезли мои подписи под текстами, а потом и табличка с именами создателей выставки. Баженов, не имевший прежде опыта противостояния ежедневному прессингу, попав в число внутренних врагов, весьма эмоционально переживал пакости со стороны дирекции музея, а также обезличивание и постепенное разрушение экспозиции, ставшей вершиной его творчества.

Первая в СССР музейная экспозиция (1989–2009), посвящённая осмыслению трагедии большевистских концлагерей, сама по себе являвшаяся вехой истории, была объявлена морально устаревшей

Когда Фен Монтейн знакомился с Баженовым, тот пребывал не в самой лучшей форме. Карточно-распределительная система, предшествовавшая краху советского режима, превратила алкоголь в предмет дефицита и объект спекуляций, что вызывало естественный протест у граждан, не желавших в одночасье, по указке Кремля, стать трезвенниками. Опыт художника позволял Александру Баженову при необходимости создавать для друзей миниатюры, точь-в-точь похожие на талоны с печатями, необходимые для приобретения спиртного за свои же деньги. Почитателей таланта рисовальщика талонов приходило в мастерскую немало. К счастью, феноменальное здоровье позволяло мастеру не сломаться и адекватно оценивать окружающий мир.

*Александр Баженов (1941–2001),
театральный художник, педагог,
автор художественной концепции
первой мемориальной экспозиции
об истории СЛОНа и тюрьмы НКВД*

Фен Монтейн был принят Баженовым уважительно. Встреча, на которой обсуждалась тема влияния лагерей на общественное сознание, происходила в пропахшей красками мастерской художника вблизи Сенного рынка, в окружении соловецких картин и этюдов, создававших должную атмосферу.

С первых минут беседы за антикварным столом без скатерти градус эмоций не уступал крепости напитков и тем. На вопросы писателя не было простых ответов. Александр — преподаватель питерской Академии художеств и руководитель художественно-производственных проектов — не сразу находил нужные слова.

Художник говорил, как всегда не повышая голоса, и не переставая курил «Приму». Время от времени он как бы с удивлением поглядывал на огонёк почти догоревшей сигареты, зажимая её большим и указательным пальцами с пожелтевшими от дыма ногтями, что было у него признаком волнения.

Фен Монтейн, позволявший себе на московских светских приёмах «только пять капель», без видимых последствий махом принял на грудь первые двести граммов настойки, закусил ломтиком солёного украинского сала (ужас, чистый холестерин!) и пометил в рабочем блокноте, что его гранёный стакан без гладкого ободка сверху в Соловках раньше называли *телогреечкой без воротничка*. Потом некурящий писатель попросил разрешения воспользоваться диктофоном, но выудил из кармана кофра не диктофон, а жестянку с заокеанскими сигариллами и задымил, не желая ни в чём уступать собеседнику.

Разнокалиберные окурки смешивались в вычурных пепельницах — произведениях прикладного искусства в стиле барокко, которые Баженов виртуозно сооружал в любой обстановке из жестяных консервных банок.

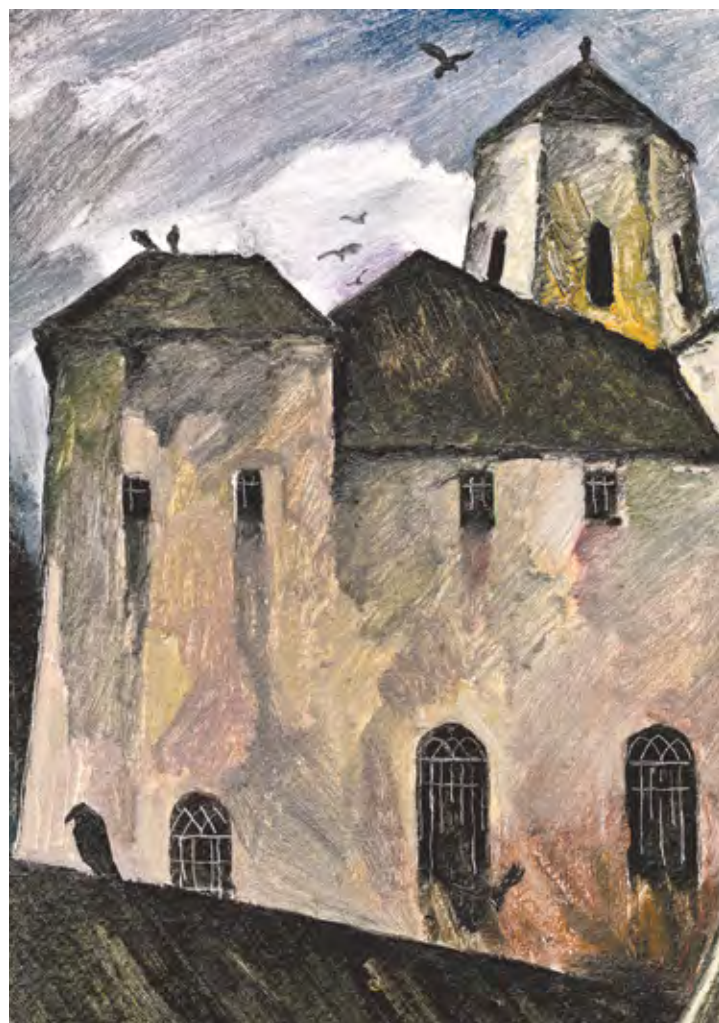
Фен показался Александру достойным собеседником и при расставании получил одну из двух *селёдок*, которые хотел купить, как только попал в мастерскую. Селёдками не склонный к сантиментам художник называл узкие, вытянутые в длину морские пейзажи. Однако писатель, обретя картину с автографом, выглядел не радостным, а растерянным, будто бы утратившим почву под ногами.

Лаконичный в творчестве, как и в поступках и словах, Александр Баженов учил студентов: «Один валенок — образ, а два — это обувь!»

«Американцы планируют будущее, определяют бюджет, создают резервные фонды и всегда озабочены любимыми отклонениями. А этот человек, которому не на что купить билет на Соловки, выглядит счастливым, делает дорогие подарки и отказывается от денег! Я не смогу объяснить моим читателям такое мировоззрение», — признался Фен после визита в мастерскую художника Баженова.

В книге «Рыбалка в России» Фен Монтейн посвятил Соловкам пролог и начало книги, как бы подчёркивая ключевую значимость архипелага. Писатель полагал, что именно Соловецкие острова являются не только отражением огромной страны, но и её сутью.

Чего только стоит пассаж из пролога, где описана церемония сборов и выхода на первую русскую рыбалку! Сперва занудно перечисляется замечательное снаряжение, включая одежду, обувь, удилища, катушки, лески, искусственные наживки для ловли нахлыстом, даже складная кружка! Не забыты и названия фирм-изготовителей снаряжения, и технические характеристики, и цены. Однако итог почти ритуального выхода к водоёму оказывается курьёзным.

А. В. Баженов. «Преображение».
Картон, масло. 39 × 50 см. Осень 1974

Увы, ни одна рыбёшка не пожелала быть пойманной, измеренной и отпущенной на волю американским мастером, который в оригинале проштудировал классические «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова и описания поведения рыб, сделанные известным путешественником В. К. Арсеньевым. Фен, собираясь в Россию, не только постигал теорию, но и взял несколько практических уроков у известных инструкторов рыбной ловли. Место лова в тени Архангельской башни тоже было выбрано неслучайно — именно то самое, где художник А. В. Баженов некогда выудил двух очень крупных язей!

«И вот я стою на набережной Святого озера у стены древнего монастыря и пытаюсь поймать (чтобы измерить и отпустить) свою первую в России охотничью добычу. Я с ног до головы экипирован наилучшим оборудованием, изготовленным по самым современным технологиям в самой высокоразвитой стране мира, а соловецкая рыба не обращает внимания на моих прекрасных искусственных майских мушек по два доллара за штуку. Мой улов не рыба, а настороженно любопытные взгляды проходящих мимо местных жителей. Краснея, я вдруг ощущаю себя полным дураком. В России всё не так!» — восклицает Фен Монтейн в конце пассажа о своём ужении в Святом озере. Последнюю фразу писатель повторит на страницах книги «Рыбалка в России» не раз.

Соловецкие острова преобразили систему ценностей сорокалетнего прагматика, выросшего под звёздами другого полушария. В нашей частной переписке Фен Монтейн открылся весьма неожиданно: «У меня подрастают две дочери, и уже приготовлены деньги для их классического образования, однако для правильного формирования личностей моих детей считаю важным показать им Соловки, как ты сделал это когда-то для меня».

Я не тот человек, который верит в космический разум, в пришельцев, но если бы мне поручили найти место, где действие высших сил проявилось на Земле в превосходной степени, то я указал бы на Соловки.

Фен Монтейн

А. В. Баженов.
«Соловки. Солнце за облаками».
Холст, масло. 60 × 80 см. 1996

Хозяин на Соловках не монастырь,
не музей, не население, а Остров!

*Н. Ф. Постоева,
глава Совета ветеранов,
соловецкий долгожитель*

Реальность, которая больше себя самой

Соловки издревле сльвут островом чудес, и если ожидание чуда оправдывается, то это преображает сознание человека. Соловецкие чудеса не масштабны, они не показываются толпам, а открываются избирательно. Одно из свойств архипелага — это материализация сокровенных желаний, задуманных на острове.

Студентка в академическом отпуске, обительница бывшей камеры Дмитрия Лихачёва в Новобратском корпусе Наталья Воеводская в свой первый соловецкий день рождения, проснувшись, пересекала кремлёвский двор к Казначейскому корпусу. В нём находилось заведение, именовавшееся в окружении заключённого Лихачёва красивым словом «латринес», что в переводе с латыни означает туалет. В синеве небес — ни облачка при полном безветрии, а это означало, что скоро придут круизные теплоходы «Татария», «Буковина» и «Юшар». В начале сентября, когда внештатные экскурсоводы съезжали на материк, всем сотрудникам музея приходилось по субботам и воскресеньям водить экскурсии для групп, прибывавших на острова по льготным профсоюзным путёвкам. Среди толпы туристов Наталье и предстояло провести выходные дни.

«Зосима и Савватий, если вы есть, избавьте меня хоть на время от общения с чужими людьми!» — взмолилась девушка, подняв глаза к небесной синеве. И тут, откуда ни возьмись, появились клочья тумана, стали заполнять двор.

Густая белая пелена окутала соловецкую гавань Благополучия, скрыв навигационные знаки на берегу и вдоль границ фарватера. «Татария» и «Буковина» были вынуждены стать на якоря. Они мычали у входа в гавань, не рискуя идти между отмелями.

«Ладно, ладно, причаливайте», — прошептала Наталья, поражённая и напуганная мгновенным исполнением своей мольбы.

А в это время к архипелагу уже приблизился «Юшар». В тройке пассажирских теплоходов Архангельского пароходства, с туристами на борту ходивших в 1980-х на Соловки, «Юшар» был меньшим, двигался не так резво, как другие, но на его мостике стоял опытный капитан К. В. Сильянов. Скопление паров воды не казалось преградой мореходу, смело заходившему в европейские порты по радару, не тратя валюту на оплату лоцмана.

Капитан не желал терять времени — его ожидала рыбалка на Щучьем озере. «Юшар» пришёл из тумана к понтонному причалу так неожиданно, что не сразу удалось найти берегового матроса, способного принять швартовый канат. Теплоход затрубил, возвещая о приходе, и в тот же миг туман исчез. Один из туристов в группе Воеводской рассказывал преисполненный гордости, что туман рассеялся после его молитвы.

«Как мне жить после этого?» — тихо улыбнулась Воеводская, рассказав об удивительном начале своего дня рождения на острове.

*В середине 1980-х теплоходы
Архангельского пароходства
два раза в неделю доставляли
на Соловки по 700 туристов*

Наталья Воеводская накануне своего дня рождения нашла на острове Большая Муксалма прекрасное древнее рубило из кварцита. На Севере в силу отсутствия кремня делали инструменты из кварцита и зачастую верили в магические свойства этого камня. Дарить камни на Соловках не менее естественно, чем цветы. На островах немало камней, кажущихся необычными. Белые или желтоватые головы кварцита, иногда украшенные затейливого вида лишайниками, напоминают о сказаниях про волшебный камень Алатырь — Бел-горюч камень. *Этот всем камням отец*, как написано в древней Голубиной книге, описывающей устройство мира, скрыт среди моря-океана, на родине ветров, на острове Буяне.

Немецкий учёный Адам Олеарий в «Описании путешествия в Московию» (1647) отмечал, что русские верят, будто нет на свете более могучего оберега от всех напастей, чем Бел-горюч камень. И части Бел-горюч камня, принесённого от самого Белого моря, они положили в стены девяти крепостей вокруг Москвы, обеспечив защиту от всех напастей.

Сказочный Бел-горюч камень, если верить легендам, открывается сам и лишь тем, кому положено. Так произошло в 2006 году, когда Татьяна Леонидовна, дочь эмигрантов, покинувших страну после поражения Белой армии, прибыла на историческую родину в компании родственников из трёх поколений. Маршрут визита был лаконичен: Петербург и Соловецкие острова. Оказавшись на Большом Заяцком, она, опираясь на трость, уверенно покинула тропу, как будто знала, куда идёт, и достала из гущи кустов можжевельника молочно-белый камень яйцевидной формы.

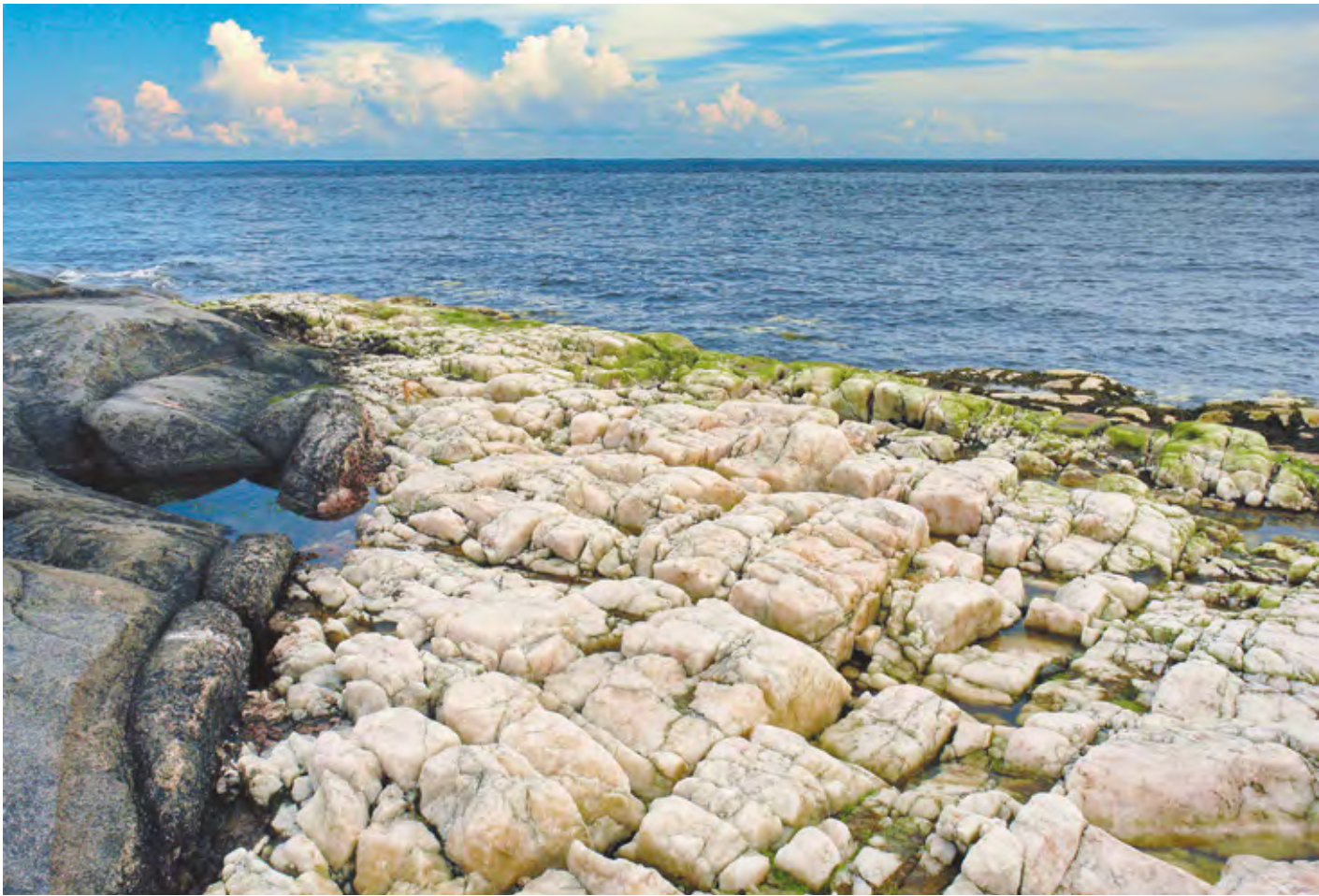
«Камень поедет с нами на нашу виллу в Грецию, а затем — в Америку», — заявила Татьяна Леонидовна. Спутники вяло отговаривали. Справедливо, но безуспешно пытались убедить, что кварцит не редкость, что его крупные призматические кристаллы хрупки, а так красиво выглядят лишь благодаря яркому солнцу. Везти такой камень через таможенные посты будет обременительно, убеждали они.

В это время из зарослей карликовой берёзы вблизи спирали лабиринта, сверкая улыбкой, выпорхнул в белой капитанской фуражке мой сын Давид, державший в руках примерно такую же увесистую сахарную голову кварцита: «Этот камень необходимо забрать с собой в Петербург. *Обя-за-тель-но!*» У пятилетнего Давида и разменявшей восьмой десяток Татьяны Леонидовны не возникло сомнений по поводу абсолютной ценности их камней.

Может быть, желание сохранить при себе частицу Соловков есть одна из форм признания необыкновенности островов. Предприниматель Игорь Обьедков, одарённый и художественными способностями, и административным талантом, умеющий управлять «всеми, что движется», смело летавший на МиГ-29 с пилотажной группой «Стрижи», человек, казалось бы, прагматичный, увёз с острова камень и тихо положил его в фундамент чудесного дома, который возвёл по своему проекту.

В начале 1990-х валунную глыбу из Соловков поставили в Москве возле здания «Мемориала». Ещё один камень — в Архангельске. Вдова известного правозащитника Вениамина Иоффе вывезла в Санкт-Петербург два соловецких валуна: один — для надгробия близкому человеку, а другой установили в качестве памятного знака жертвам политических репрессий на Троицкой площади.

Соловецкий камень в 2001 году появился в Новом Свете — в Джорданвилле штата Нью-Йорк, в музее Свято-Троицкого монастыря Русской православной церкви за рубежом. Там в 1949 году М. А. Польский опубликовал фундаментальное исследование «Новые мученики Российские». Узник СЛОНа Михаил Польский имел право считать Соловки символом. Символ же, по Павлу Флоренскому, *это реальность, которая больше самой себя*. В сознании одних людей Соловки есть символ спасения для вечной жизни, а для других — обозначение места гибели неповинных. Для старообрядцев архипелаг свят, ибо окружён нимбом мученического сопротивления антихристовой власти. Прихожане Истинно православной церкви, покинувшие лоно просоветской православной церкви, считают Соловки святыней, где страдали иерархи и миряне, не признавшие духовной власти большевиков.

Выходы жилы кварцита у маяка Топы неподалёку от Соловецкого острова

Катакомбная (Истинно православная) церковь чтит Соловецкие лагеря как место мученичества архиепископа Димитрия (Любимова), епископов Виктора (Островидова), Алексия (Буя), Нектария (Трезвинского), Дамаскина (Цедрика), Максима (Жижиленко), Илариона (Бельского), иерея Анатолия Жураковского, монаха Серафима (Загоровского) и многих других, обвинённых в нежелании контактировать с властями. В Соловецком концлагере члены Катакомбной церкви тайно совершали богослужения в ящике для сушки рыбы, в подвальном помещении мельницы, на полянке в гуще леса, но не в Онуфриевской церкви, где служили литургии монахи, состоявшие сотрудниками администрации ОГПУ.

*Символ всегда многозначен,
и не случайно Соловки кажутся
разным людям лучшим местом
для реализации их устремлений*

Национал-социалистам Соловки дороги как место изоляции русских фашистов в середине 1920-х. Ленин справедливо считал их соперниками в борьбе за души людей, предупреждая об «угрозе перетекания масс пролетариата из коммунизма в фашизм».

Большевики-антицерковники использовали Соловки для подавления своих идеологических конкурентов с не меньшим рвением, чем это делали церковники с отступниками от православия. Непогоде не смыть на островах, являющихся зеркалом российской государственности, «позор острогов и церквей», о котором писал Сергей Есенин. *Если все шагают в ногу, мост разрушается.* «Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие», — размышлял знаток русской души Фёдор Достоевский.

Безмысленные гонения или уничтожение инакомыслящих — родовой недуг Московского патриархата, созданного под знаменем служения власти, а не обществу. Это хвороба привела к варварскому разрушению Господина Великого Новгорода, к соловецкому бунту и разгрому Выгорецкого общежитства, где спасались последователи соловецких старообрядцев. Судьба святителя Филиппа, пытавшегося остановить опричные убийства, — из того же ряда событий, в результате которых, по выражению Л. Н. Толстого, «православие в России выродилось в коварную вредную ложь, в собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающих весь смысл христианского ученья».

Солнце полночное, тени лиловые
В жёлтых ухабах тяжёлых зыбей.
Солнце не греет — на лица суровые
Падает светом холодных лучей.

Кренит размеренно палубу тёмную —
Валок тяжёлый и грязный баркас.
С мукою слушаешь чайку бездомную
В этот полуночный солнечный час.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. В блеске морском
Лёгкою мглой убегают святители —
Три мужичка-старичка босиком.

Убегающие святители в стихах И. А. Бунина, увидевших свет за год до Октябрьского переворота 1917 года, — это образы из сказа Л. Н. Толстого «Три старца». Глубокий знаток Соловков профессор МГУ Николай Борисов почитает это произведение *едва ли не лучшим из религиозных рассказов Толстого*.

Толстой рассказал, как на корабле, шедшем из Соловецкой обители, некий архиерей, при появлении которого все снимали шапки, услышал разговор богомольцев про трёх старцев, которые живут на островке вблизи маршрута соловецких пароходов, а Богу молятся как-то по-своему. «Я желаю повидать старцев, а за труды заплачу, свезите меня туда», — молвил архиерей старшему монаху, и судно повернуло к островку, на берегу которого стояли в ожидании гостей три бородача.

Мастера Оружейной палаты Кремля в XVII веке не доделали крышку раки святителя Филиппа. Из-за принятия нового ритуала церковники решили, что двуперстие святителя могло бы стать дурным примером для паствы

В центре стоял сгорбленный маленький старик, такой седой, что даже зелёный. (Фотографы, снимавшие на плёнку, знают, что седина на слайдах, снятых против света, вправду выглядит не серебристой, а зелёной.) Крайние старцы, одетые легко, не по погоде, казались силачами, способными лодку поморскую в одиночку перевернуть.

Благословил архиерей бородачей и спросил, как они спасаются и как Богу служат? Пообещал милостиво своё поучение дать как смотрящий за паствой в Беломорском крае.

— Не умеем мы служить Богу, себе служим, себя кормим, — улыбнулся древний старец, — а молимся просто: «Трое Вас, трое нас, помилуй нас!» Повторили за ним хором молитву его товарищи и просветлели лицами.

— Не так надо молиться, но я научу вас правильной обрядности, — решил выполнить свой пастырский долг архиерей.

Обрадовались старцы, что научатся теперь правильно молиться. Весь день потратил на косноязычных учеников священноначальник, сотни раз пришлось ему повторять с ними «Отче наш», пока те не вызубрили молитву.

Месяц уже поднимался над морем, когда отбыл пастырь, повелев островитянам молиться, как он их научил. В ноги поклонились благодарные старики на прощанье судну, которое уносило довольного собою архиерея, полулежащего в кресле на палубе после трудов праведных. Давным-давно исчез из виду островок с убогими стариками, да вдруг зарябило у его преосвященства в глазах. То ли парус, то ли птицы большие летят над водою, догоняют корабль. Вскоре увидели все, что это по морю как посуху старцы скользят над волнами, ног не поднимая. Высыпал на корму народ, а они уже под бортом против пастыря в кресле на коленях стоят.

— Прости нас, добрый человек. Пока твердили — помнили, да одно слово выскочило — вся молитва рассыпалась. Научи опять, — взмолились старцы в один голос.

— Не таким, как я, вас учить. Слова ваши и так доходят до Бога, — молвил архиерей и сам низко поклонился старцам.

— Трое Вас, трое нас, помилуй нас, — ответили старцы и ушли, взявшись за руки. Но ещё долго там, где они скрылись за линией горизонта, над водой стояло какое-то сияние.

«Попробуй только тронь Толстого. Весь мир закричит», — печалился А. С. Суворин, предвидя, что будет, если автора «Трёх старцев» сошлют в Соловки, как это вскоре сделали большевики с последователями учения писателя.

Толстовцев, которые стремились *жить по указаниям своей совести, не допуская над ней чужой власти*, большевики считали врагами установленного ими режима.

Людей, неспособных по идейным соображениям к конспирации и заговорам, чекисты объявляли иностранными агентами. Террору подверглись не только толстовские сельскохозяйственные общины, но и почти все члены Московского вегетарианского общества имени Л. Н. Толстого и участники молодёжного кружка при этом обществе.

«Толстовцы в Соловецком лагере решительно отказались от участия в бессмысленных принудительных работах, имеющих целью полностью подавить человеческую личность. В этом отказе они руководствуются тем убеждением, что, подчиняясь человеку, дурно обращающемуся с людьми-братьями, они не только сами бы поступали неправильно, но и развращали бы тех, кто ими повелевает», — в письме Сталину 3 февраля 1930 года объяснял подоплёку сопротивления толстовцев В. Г. Чертков, друг и сподвижник Л. Н. Толстого.

Концлагерные способы поддержания дисциплины, по сути повторявшие монастырскую норму — утрату личной воли в угоду вышестоящему начальнику, были неприемлемы для последователей Льва Толстого. Их пытались сломить не менее жестоко, чем прежде в Соловках перевоспитывали отступников от православия. Крестьянина А. И. Григорьева, не желавшего носить в ладонях воду из проруби в прорубь, заставили пять дней стоять в нижнем белье лицом к ветру на двухметровой вышке посреди лагеря. После повторного отказа носить воду Алексей Григорьев получил ещё трое суток «вышки», что окончательно разрушило здоровье этого могучего жизнерадостного человека. Подобным пыткам подвергались рабочий Борис Песков, крестьяне Сергей Сорокин и Иван Баутин, фотограф Юрий Неаполитанский и другие толстовцы.

Вместе с толстовцами в Кемский пересыльный пункт свезли для отправки на перевоспитание в Соловках множество людей, пытавшихся вести духовную жизнь, отличную от учения большевиков. Мулла Назиб Мухамедьяров и с ним мулла Абдулла Сулейманов, проповедник меннонитов Франц Квиринг, баптист Фёдор Аксентьев из Баку, проповедница евангельских христиан Мария Мясоедова, пресвитер Фёдор Савельев и их духовные дети этап за этапом ушли под конвоем через пост № 1 в Никольские врата православного монастыря, ставшего исправительно-трудовым лагерем.

История подавления инакомыслия в стенах монастыря началась задолго до появления на архипелаге большевиков — вот почему чрезвычайно широк спектр тех, для кого Соловки — территория страданий. Таковы острова в сознании иеговистов, которые поминают Соловецкий острог как место страданий штабс-капитана Н. С. Ильина (1809–1890), создателя церкви Десное братство. А молокане из Канады и Австралии приезжают на Соловки, чтя память «царя духов и вождя сионского народа» М. Г. Рудомёткина — основателя толка *прыгунов*, придающих подпрыгиваниям во время молитв сакральный характер. «Прыгуна» монахи-приставы увещевали во второй половине XIX века, ломая рёбра и зубы. Рудомёткин оставил прорицания, которые сбылись после его гибели одно за другим — все, кроме пророчества о конце света. В ожидании гибели мира казачьи атаманы из секты Максима Гавриловича возвели на Кубани стелу с текстами своего пророка о близости Второго пришествия.

Соловецкие острова.
Человеческие слова
не слышны. Не нужны.
Кто из нас — без вины?
В те ворота — как в ад:
виноват. Виноват...

В. Н. Леонович

Упоминания Соловецкой обители в пророчествах, гласящих о наступлении конца света, будоражили Русь даже в те времена, когда монастырь ещё не стал богатым и известным. Церковнослужители с полной уверенностью предвещали пастве конец мира, который наступит в 1492 году. Пасхалии после этого срока уже не составлялись. Страна замерла в ожидании апокалипсиса, и первая весть о конце мира пришла с Севера. «В Белом море всплыла огромная кит-рыба, свернувшая с места Соловецкий монастырь!» — голосили кликуши, сея панику. Но слухи о гибели Соловецкой обители оказались преувеличенными, и церковь, проникнутая суевериями, перенесла светопредставление на 1666 год.

Три шестёрки в написании даты — есть знак Антихриста. Эсхатологические ожидания подтолкнули иноков к бунту, в ходе которого исчезли и бунтари, и мир, где монахи владели всеми богатствами Беломорья да чинили суд над подвластными жителями края.

Ещё не сгнили кости смутьянов, как соловецкий иеромонах Иван Буяновский предрёк конец света в 1703 году, узрев в царе Петре внешние приметы Антихриста. Сгинул не мир, а лишь сам предсказатель, однако эсхатологические ожидания на острове не исчезли.

«По сказаниям пророков. Будущая, настоящая и прошлая история царств и церквей в страшные времена Антихриста. Соловецкий монастырь. 1891 год» — так назывался расчёт новой даты конца света, сделанный соловецким иноком Елеазаром. «Антихрист будет высокого роста, дюжим, здоровым молодцом с дерзко-злыми размашистыми манерами. Царство его продлится три-четыре года. Спасения от Антихриста в монастыре никому не будет — братии лучше сразу бежать на материк», — гласило прорицание Елеазара о приходе Антихриста в Соловки 1 ноября 1899 года.

Не наступил конец света и 1 марта 1912 года, как предвещал молдавский сподвижник Григория Распутина, иеромонах Иннокентий (Иван Васильевич Левизор, 1875–1917), обывивший себя воплощением Святого духа.

Популярность Иннокентия среди молдаван была столь велика, что когда его выслали на Север, в Муромский монастырь, то на станцию Няндомы Каргопольского уезда прибыли для спасения пророка 800 человек. Пройдя по снегам 260 км, фанатики взломали ворота монастыря и на вытянутых руках понесли своего кумира, восседавшего на ковре, к железной дороге. Казаки, посланные вдогонку, отбили Ивана Левизора и препроводили его, через ковёр легко раненного снизу штыком, в Петрозаводскую тюрьму.

Освободить арестанта двинулись 3500 человек из Бессарабии, и тогда по решению Святейшего Синода молдавский харизматичный лидер был в 1914 году пожизненно заключён для смирения на Соловки, в анзерский Голгофо-Распятский скит.

Братия скита сначала всячески притесняла и унижала молдаванина, но он дотерпел до всеобщей амнистии в честь свержения российской монархии в феврале 1917 года.

Летом на архипелаг съезжаются люди из всяческих организаций — совершать ритуалы, играть вместе, петь хором, маршировать в ногу, дружить со своими

Пока Иннокентий содержался на Анзере, интерес в Бессарабии к Соловкам был настолько силён, что московская синодальная контора прислала специальное указание, которое предписывало отсеивать молдаван при их попытках пробраться на пароходы, чтобы они не просачивались на Соловецкие острова.

Вернувшись на родину, иеромонах Иннокентий обосновался в пещерном Новоиерусалимском монастыре на севере Одесской губернии, где вскоре был во время пьяной драки зарезан неким «апостолом». Один из участников последнего застолья божился, будто видел собственными глазами, как душа Иннокентия в окружении ангелов возносилась на небо.

Сто лет спустя земля Соловков, где Иннокентий страдал в заключении, остаётся весьма привлекательной для последователей созданного им Балтского движения. Молдавское землячество укоренилось на Соловках настолько, что в 2010-х два игумена, начальники скитов на Анзере и на Большом острове, многие из монахов, работников и «матушек», кормящихся при Соловецком монастыре, оказались уроженцами Молдавии.

После молдавского пророка своё предсказание конца света обнародовал владыка Серафим Соловецкий, основоположник церкви Божьей Матери Державной. Этот духовный лидер, объявленный поклонниками чудом спасшимся царём Михаилом Романовым и тайным преемником патриарха Тихона, увидел духовным зрением картину апокалипсиса так: «Над Соловками встанет кровавое облако, и к нему, словно намагниченные, будут притягиваться с земли души грешников».

Знатоки белой магии из эзотерического Института универсального знания, красиво «одевая голого короля», доложили на пресс-конференции в соловецком музее, что под руководством своего епископа Аураны они оккультными способами открыли на Анзере место, откуда во время сеансов медитации при полнолунии будто бы открывается портал для общения с духами.

Ещё одна группа поклонников Анзера несколько лет приезжала из столиц в конце лета, чтобы принимать на Капорском мысу *позывные Вселенной*. На рассвете, повернув лица в сторону мыса Колгуев и приняв странные позы, они своими телами, как антеннами, якобы улавливали сигналы *братьев по разуму*.

На острова ежегодно приходят участники традиционной парусной регаты, и дельтапланеристы, и велосипедисты-байкдесантники, и рокеры, а некие «новые гиперборейцы» собираются на Соловках, чтобы *погрузиться в астрал для проникновения в другую реальность*. По сведениям российского «настоящего мистического» телевизионного канала, эти ребята нашли способ *телепортации в гиперборейские времена* путём вхождения в транс после длительного хождения по спирали лабиринта.

Ультраправославные чернорубашечники, отвергающие каноническое «верую во едино крещение», пытались устроить новое крещение Руси, начав свой фарс перекрещивания страны именно с Соловецких островов.

Поклонники Соловков выглядят зачастую весьма необычно, но в большинстве своём они искренни — и строгие сектанты, и экзотичные гиперборейцы в бейсболках, и искатели якобы затопленных колоколов, и казацки отпрыски в камуфляжной форме, которые рыщут там и сям в поисках следов Беловодья.

По одним и тем же дорогам одновременно гуляют валяжные монархисты, театрально обряженные в прекрасно сшитые мундиры императорской армии, и чеканят шаг в ритуальном марше мелкие «юнгаши» в краснофлотской форме, с муляжами калашниковых. Четверть века играют на острове в тимуровцев архангелогородские «дурневцы», получившие курьёзное прозвище по фамилии своего педагога. И те и другие, и пятые и десятые из года в год тянутся летом на Соловки. Мир посмотреть и себя показать. Все они так или иначе находят на островах нечто своё.

Всевластие военных довело шедевры архитектуры до состояния руин, исковеркало исторические пейзажи и памятники дохристианского периода

Полновластие военных, охранявших рубежи Родины от внешнего врага во внутреннем море, пошатнулось в 1957 году, когда Соловецкий учебный отряд Северного флота был расформирован, что предвосхитило сокращение Советской армии на 2,2 млн человек.

Ослабление военных структур открыло доступ на Соловки людям гражданским, которых впоследствии назовут шестидесятниками. Ими был инициирован процесс, положивший начало реставрации памятников культуры. Рождённый во время хрущёвской оттепели заштатный филиал Архангельского областного краеведческого музея мало-помалу преобразился в учреждение культуры государственного значения, с деятельностью которого так или иначе были связаны все жители Соловков. Сотрудники музея в начале 1990-х приветствовали крах советской системы и способствовали возобновлению деятельности Соловецкого монастыря.

Ольга Дмитриевна Савицкая (1929–2015),
руководитель творческой бригады,
создавшей проект реставрации памятников
архитектуры в Соловецком монастыре

Владимир Васильевич Сошин,
реставратор высшей категории,
глава научно-производственного
соловецкого центра «Палата»

Сохранение памяти о прошлом — это один из способов существования культуры, считал Дмитрий Лихачёв. Генеральный план реставрации архитектурных памятников Соловецкого монастыря создавался в 1959–1984 годах под руководством О.Д. Савицкой, а с 1985 по 1992 год — В.В. Владимирской. Непосредственное участие в исследованиях принимали заслуженные деятели культуры: искусствовед В.В. Скопин, фотограф А.И. Петухов, археолог В.А. Буров, архитектор О.Р. Полевая и ещё множество специалистов. Для нескольких Соловки оказались делом всей жизни. Другие же добились успеха на иной ниве, как, например, археолог Пётр Алешковский, который обрёл призвание на литературном поприще.

Одним из героев реставрационного подвига стал продолжатель дела Савицкой Владимир Сошин. Когда проектные работы близились к концу, он не вернулся с бригадой в Москву, а остался на острове, посвятив себя практической реализации проекта восстановления памятников Соловецкого монастыря.

Внешне похожий на Александра Блока, творец по натуре, талантливый архитектор Сошин по мере необходимости работал то плотником, то каменщиком, то создавал кузницу, то вникал в суть старой технологии производства кирпича из местной глины, то возвращался к обмерам, исследованиям и чертежам. Среди сподвижников Сошина нельзя не упомянуть участников первого в стране (1967) студенческого реставрационного отряда, состоявшего из выпускников и студентов элитарного физфака МГУ. Эти молодые люди полагали, что восстанавливать памятники культуры должны культурные люди.

Рачительный руководитель, В.В. Сошин вместе со своими сподвижниками сформировал научно-реставрационное объединение «Палата», превратив землю краснофлотского склада горюче-смазочных материалов, загрязнённую дизельным топливом, в реставрационную базу, достойную объекта реставрации.

В 2010-х власть на Соловках де-факто перешла в руки церковников, и научная реставрация памятника показалась новым хозяевам слишком обременительной. Владимир Сошин, которого нельзя было заставить *творить церковную лепоту* в угоду монастырскому священноначалию и вопреки научно обоснованному проекту, стал персоной нон грата.

Полторы сотни северных оленей исчезли на Анзере в 2008 году после жалоб музея и монастыря, будто бы животные вредят археологическим памятникам и привлекают людей, мешающих молитвенному уединению

Культурное и историческое наследие Соловецкого архипелага включает в себя загадки языческого прошлого островов, памятники православной культуры и память о трагедии советского периода. Самоценное значение имеет и соловецкая природа, воздействующая на людей вне зависимости от воспитания, образования и национальности.

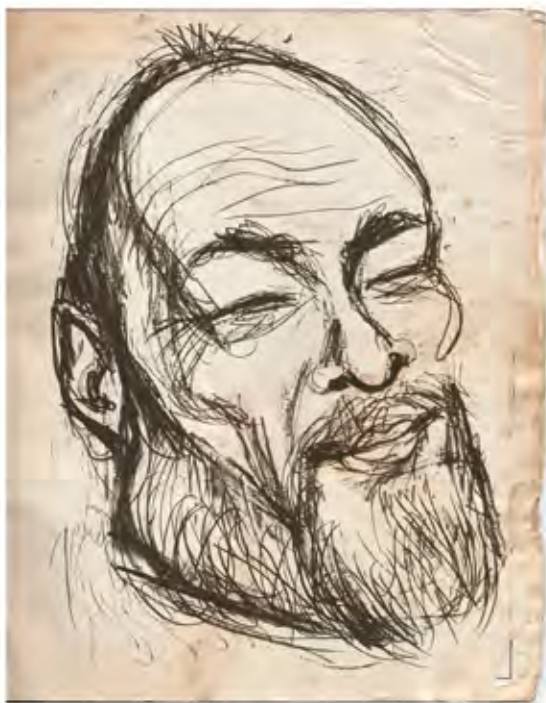
Архиважность Соловков признают историки и футурологи, политологи и агрономы, драгировщики водорослей, дайверы и барды, военные начальники, туристы и богомольцы.

На острова из года в год приезжают ревизоры всех мастей, исследователи и эксперты, пытающиеся выработать рекомендации по сохранению и разумному использованию соловецких богатств, по развитию гражданского общества, по организации туризма.

Экологи полагают, что сбереечь восхитительное природное разнообразие архипелага и его морскую акваторию можно, лишь резко ограничив посещение островов, придав им статус государственного национального парка.

Экономисты, в отличие от экологов, видят ресурс для сохранения природы и архитектуры Соловков в развитии туризма, в том числе и международного. Места, по их расчётам, должно хватить всем — Эйфелеву башню за день посещает больше людей, чем Соловки за год. Остров Эльба, равный по площади Соловецкому острову, принимает гостей в сто раз больше, чем Соловки. Туризм на Эльбе обеспечивает достойную жизнь тридцатитысячному населению острова и памятникам истории. При этом государственный контроль над состоянием культурного наследия в Италии весьма строг, в отличие от России, которая до сих пор не ратифицировала Европейскую конвенцию об охране археологического наследия и ряд других важных международных документов, включая основополагающий протокол Гаагской конференции от 26 марта 1999 года о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта.

*Сергей Шишмарёв (1939–1994)
выбрал на Соловках камень,
стоящий на Лубянке как памятник
жертвам политических репрессий.
Рисунок художника Алексея Штерна*

*Сергей Кривенко, правозащитник,
исследователь истории Соловков.
Автор идеи установки в Москве
Соловецкого камня — памятника
жертвам политических репрессий*

На Соловках, кажется, есть всё, что ценится людьми. Бывший глава архангельской «Роснефти» геолог Владимир Иванченков вполне допускал наличие нефти под дном Анзерской салмы, хотя добычу углеводородов вблизи Соловецкого архипелага назвал делом безумным. А исследователь импактных структур, или астроблем (звёздных ран) И. А. Нечаева нашла на Анзере косвенное подтверждение гипотезы о том, что алмазы могут рождаться не только на глубинах, превышающих 200 км, в результате перекристаллизации пород, содержащих углерод, но и в местах взрыва метеоритов при их ударе о поверхность Земли.

Месторождения алмазов уже обнаружены на востоке и на западе от Соловецкого архипелага. На Летнем берегу Белого моря, относительно недалеко от Анзера, обнаружены выходы десяти кимберлитовых трубок, составляющих Золотицкий куст. Там геолог С. Б. Шишмарёв со своим отрядом, входившим в состав 36-й архангельской аэрогеологической экспедиции, отыскал крупнейшую промышленную кимберлитовую трубку, зарегистрированную как ВЦ-86.

Сергей Шишмарёв оказался на Соловках в 1989 году. Он участвовал в конференции, организованной обществом «Мемориал», как родственник автора самиздата Л. Л. Кербера. Кербер сидел в северном отделении ГУЛАГа, пока не был переведён в спецтюрьму НКВД ЦКБ-29 для работы в авиационной шарашке А. Н. Туполева. Будучи на Соловках, геолог Шишмарёв по просьбе организатора конференции Сергея Кривенко профессионально выбрал два больших валуна. Одновременно с Шишмарёвым поиском камней занимались главный архитектор Архангельска Геннадий Ляшенко и публицист Михаил Буторин, подбиравшие валун, чтобы установить его в качестве памятника в столице Севера.

Капитан теплохода «Сосновец» В. Ф. Григорьев, взяв на борт камни, предназначенные для столицы и Архангельска, дал длинный-предлинный прощальный гудок на всю соловецкую землю, вспоминал Сергей Шишмарёв. Впоследствии он присутствовал на открытии памятника жертвам политических репрессий в Москве, уже зная, что получил смертельную дозу облучения, два сезона производя замеры для карты зон радиоактивного заражения земель вокруг Чернобыльской АЭС.

Валун, выбранный Шишмарёвым, архангелогородцы успешно переправили в столицу России. Он не занял места свергнутого с пьедестала истукана в длиннополой чекистской шинели, а скромно стал против штаба КГБ на окраине исконно Лубянской площади. После появления Соловецкого камня она перестала называться именем Феликса Дзержинского — великого организатора большевистского террора в Советском Союзе. Вожди коммунистов ещё не успокоились по этому поводу и мечтают вернуть Железного Феликса из небытия.

Соловецкий камень — это и камень Давида, сбивший своего лубянского Голиафа, и часть острова, на котором все камни — соловецкие.

Одно только упоминание названия Соловецкого архипелага в связи с какими-то знаковыми событиями способно всполошить Россию подобно ударам набатного колокола, что бывало в истории страны не раз. Так, Соловецкие острова стали камнем преткновения в плане поворота северных рек, против которого выступили многие представители советской интеллигенции.

Проект, утверждённый постановлением ЦК КПСС в декабре 1978 года, предусматривал переброску вод рек, питающих Ледовитый океан, в частности Белое море, к южным окраинам СССР. В плане «Онежская губа» Соловкам была уготована участь стать опорным узлом дамбы, которая перегородила бы Онежский залив. Затоплению подлежали более 2000 км² на материке и на Соловках. Предполагалось, что Северная Двина и Онега опреснят водоём и насосные станции станут перекачивать в Волгу по 35–40 км³ воды в год.

За спасение исторических земель и памятников культуры боролись Дмитрий Лихачёв, Александр Твардовский, Фёдор Абрамов, но цензура затыкала рты тем, кто был совестью страны и выступал против воли самодержцев в пролетарских одеждах, как окрестил вождей коммунистов Ф. А. Абрамов.

Соловки сами по себе — не плохие и не хорошие. Они подобны катализатору в химической реакции. Катализатор не участвует во взаимодействии компонентов, но инициирует начало процесса, что приводит к изменению активных участников реакции. Добрые после знакомства с Соловками делают лучше, плохие — спешат творить зло, глупые — проявляют себя во всей убогости.

Каждая эпоха рождает своих героев. Соловки спас Л. В. Воронин, глава геологической партии, осуществлявшей изыскания для реализации проекта «Онежская губа». На островах Леонид Васильевич Воронин, как говорят в народе, *осоловел*, и произошло его преобразование. Коммунист пошёл против решения ЦК КПСС. Тихо защищая Соловецкий архипелаг от превращения в болото, Воронин сдал отчёт, где утверждалась невозможность прокладки дамбы через острова. Геолог рисковал не только карьерой, но и свободой. Он нашел способ затормозить работы на островах и, как оказалось, в России.

*Писатель Ф. А. Абрамов. Соловки. 1979 год.
«Народ умирает тогда, когда становится населением, а населением он становится тогда, когда забывает свою историю»*

*Всяк кулик своё болото хвалит,
а значимость болотных угодий
Соловков признают учёные-
болотоведы из разных стран*

Эксперты Международной группы IMCG, изучающие глобальную роль болот, убеждены в необходимости создания на архипелаге *болотного заповедника*, учитывая редкое разнообразие типов болот, соседствующих на ограниченной территории. Кроме того, специалисты отмечают наличие целого ряда краснокнижных растений среди соловецких водноболотных угодий, имеющих международное значение. Огромное болото вокруг горы Фавор на острове Большая Муксалма, известное соловчанам богатыми плантациями морошки и клюквы, представляет собой уникальную систему аапа-болот. Таких болот в Беломорском регионе теоретически быть не должно, они характерны для более высоких широт.

Российская академия сельскохозяйственных наук обоснованно определила Соловецкие острова как *наилучший в мире участок суши для содержания генетической коллекции картофеля* в условиях абсолютно чистой зоны и благоприятного климата. Коллекция генного банка картофеля является живой — клубни необходимо пересаживать ежегодно. Теоретические изыскания учёных из Всероссийского института картофельного хозяйства имени А. Г. Лорха оформлены в виде международного проекта «Соловецкие семена». Реализация проекта сулила, по мнению авторов, значительную прибыль жителям посёлка Соловецкий.

Учёные из Института леса Карельского научного центра РАН считают целесообразным организовать на Соловецком архипелаге экскурсии для поклонников *лихенотуризма*, то есть специального вида экологического туризма, дающего возможность ознакомиться с многообразием реликтовых лишайников, чудом сохранившихся на островах.

Ведущий специалист Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва Г. Н. Колосова убеждена, что Соловецкие острова представляют собой уникальный природный феномен, где на небольшой площади сконцентрированы и наиболее полно представлены почти все типы и формы рельефов, сформировавшихся в северных широтах под совокупным воздействием ледников, колебаний уровня моря и тектонических процессов. То есть Соловецкий архипелаг — это естественный музей геологического прошлого Земли.

Сотрудники лаборатории морской биоакустики Института океанологии РАН под руководством профессора В. М. Бельковича и эксперты Международного фонда охраны диких животных IFAW, изучавшие на международной научной станции поведение китов в естественных условиях, считают репродуктивное скопление белух у мыса Белуший уникальным природным объектом мировой ценности.

Суть Соловков — антиномия, то есть ситуация, когда противоречащие друг другу смыслы оказываются одинаково логически обусловленными. Попытки описать этот феномен — статьи, фильмы и сайты в интернете — отражают не предмет исследования, а мировоззрение исследователей. Конечно, характер человека проявляется во всех сферах его деятельности, но Соловки особенно быстро обнажают сущность индивидуума или сразу целого сообщества людей.

«На территории России существовал единый пранарод с единым праязыком, а место его обитания именовалось Соловейской землёй — Гипербореей», — утверждает некий доктор философских наук, вычленяющий корни славянского менталитета в русле общечеловеческих ценностей. Но вот что писал о корнях национальной ментальности жителей вымышленного города Глупова М. Е. Салтыков-Щедрин. «Был в древности народ, головотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, где римские историки и географы предполагали существование Гипербореи. Головотяпами прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо всё, что бы ни встретилось им на пути. Стена попадётся — об стену тяпают; Богу начнут молиться — об пол тяпают», — насмеялся автор «Истории одного города».

Трудами А. Е. Черенкова и его коллег Соловки вошли в «Список ключевых орнитологических территорий России международного значения»

Председатель научно-туристической комиссии Русского географического общества С. В. Голубев заявляет, что нашёл на островах множество следов протоцивилизации, отголоски которой прослеживаются в преданиях народов мира. В качестве доказательства открытия местонахождения Атлантиды действительный член Русского географического общества делился фантазиями, будто бы соловецкие холмы, включая горы Секирную и Голгофу, есть пирамиды атлантов. Россия, стало быть, не только родина слонов, а ещё и арийцев. «Все мы патриоты нашей Голгофы», — так в духе Салтыкова-Щедрина охарактеризовал особенности национального патриотизма Виктор Ерофеев.

Сны зависят от положения спящего, говорил Ежи Лец. Редактор-составитель большого, почти трёхкилограммового, паспорта к карте «Духовное, культурное и природное наследие Соловецкого монастыря» В.П. Столяров в середине 1980-х был истовым поклонником идеи возрождения Соловков как жемчужины в короне евроарктического Баренц-региона. В поисках исторических связей Соловецкого архипелага с западными соседями он выявил на Анзере грудувалунов, похожую по форме на ладью викингов, что служило, по его мнению, доказательством приоритета норманнов, освоивших острова за тысячу лет до появления монашества на Руси. После отказа страны от коммунистической идеологии Вячеслав Столяров переменял свои взгляды и стал пропагандистом идеи о православно-функциональной роли Соловков. Он обнаружил прямую связь архипелага с Иерусалимом, который расположен на одном с Соловками меридиане. Незлой по натуре, доброжелательный при личном общении глава редакционно-издательского отдела Соловецкого монастыря В.П. Столяров есть живое отражение трагедии Советской России: один его родной дядя, сотрудник НКВД, отправлял на Соловки, а другой — сидел в Соловках и был расстрелян.

Вокруг Соловецкого архипелага витает немало фантастических теорий, не поддающихся научному анализу. Английский эксперт Роберт Уинсли считает, что рукотворные лабиринты — это торсионные генераторы, передающие информацию о Земле «разумным силам Вселенной».

Бывший советник по вопросам религии председателя уже исчезнувшей государственной структуры, изучавший «дыхание Земли на Соловецких островах», опубликовал на официальном сайте монастыря сообщение о том, что мощность радиоактивного радонового излучения на Голгофе и на Секирной горе втрое выше, чем в других местах архипелага. Между тем скопления тяжёлого радона характерны для низин и оврагов, а не для возвышенностей.

*Осветил Соловецкий монастырь
Анатолий Чубайс, включив подсветку
фасадов памятников в программу
благотворительности РАО ЕЭС*

Реальность, которая больше себя самой

Акватория Соловков из-за особенностей гидрологии и гидрохимии с 1915 года стала сырьевой базой крупнейшего водорослевого производства. Этот промысел обустроили профессора В. Е. Тищенко и А. Е. Чичибабин

Соловки были и остаются площадкой для самовыражения — как индивидуумов, так и сообществ людей. Силовые ведомства по-прежнему ощущают Соловки местом силы. Утратив абсолютную власть над архипелагом во времена хрущёвской оттепели, военные ещё долго сохраняли за собой участки, закрашенные на картах белой краской с указанием: «Земли специального назначения». Одним из таких участков являлся мыс Колгуев на Анзере, где на маяке несли службу мичман с парой матросов, наблюдавшие за акваторией в районе мерной мили — зоны ходовых испытаний атомных подводных лодок, построенных на стапелях Северодвинска.

Подводные крейсера уходили из доков в океан по естественной впадине глубиной до ста метров, параллельной северному побережью Анзера. Военно-морская верфь Северодвинска — рекордсмен среди советских предприятий по количеству (11 штук!) орденов Ленина — была связана с Соловками подводным кабелем, который объявили утраченным, когда не стало денег, чтобы его обслуживать.

Во время перестройки силовые ведомства лишились власти над Соловецким архипелагом, но в 2004 году Совет безопасности Российской Федерации включил острова в свой перечень объектов, критически важных для безопасности страны, где можно устраивать манёвры, закрывать воздушное пространство и блокировать мобильную связь.

Штатские чиновники не отстают от военных. Резиденции на острове устраивают для себя и назначенцы областного масштаба, и переработчики отходов архангельских свалок, и патриарх всея Руси.

Скульптор Зураб Церетели порадовал читателей своего таланта намерением иметь Секирную гору как постамент для самой высокой в мире статуи Христа, а господа с меньшими ресурсами устраивают на архипелаге акции подешевле, вроде установки памятных крестов, разумеется, с упоминанием собственных имён. Эти кресты не столько служат сохранению памяти о реалиях, сколько отражают тщеславие заказчиков и продолжают практику большевистского морального насилия над теми из погибших, которые при жизни не были приверженцами православного вероисповедания. Этично ли воздвигать православные кресты над прахом последователей иных конфессий или атеистов?

Один из крестов, поставленный усилиями доктора В. Жукова и его компании, обезобразил мемориальную площадь у места расстрела узников. Латунные таблички на стойке креста, сгинувшие одна за другой, содержали букеты ошибок, демонстрировавших историческую безграмотность благотворителей.

Стараниями некоего пробивного активиста в августе 2006 года на Заяцком острове возник памятник, похожий на кактус, высаженный в кадку. Из непропорционально большого сруба торчит скромный, но истинно дубовый крест, склеенный с горем пополам из настоящих дубовых планок. Табличка, укрепленная на срубке, гласит: «Морякам и подводникам выполнивших (орфография сохранена. — Юр. Бр.) свой долг перед Отечеством. От участников 32-й Соловецкой регаты. Вечная им память».

Кому память? Краснофлотцам-атеистам или участникам 32-й регаты? Или биндюжникам из хоззвода учебного отряда Северного флота? Они как раз в письмах домой сообщали, что служат *подводниками*, ибо развозили по острову грузы *на подводах*. По этому поводу в своё время ходило немало шуток.

Дубовый «монумент» поставлен не у стапелей Северодвинска и не у причалов Северных конвоев в Архангельске, а на архипелаге, акватория которого к морским баталиям отношения никогда не имела, если не считать расстрела кораблей «Ленинград», «Благовещенск» и других, лежащих под водой и на отмелях к югу от Соловков. Эти устаревшие корабли 21 июля 1962 года использовались как мишени во время демонстрации руководству страны мощи крылатых ракет.

Центром учений, в ходе которых расстреляли корабли, брошенные на берегу Сенных луд, был полигон у древней соловецкой вотчины Нёноксы. Изюминкой манёвров под кодовым названием «Касатка» стала демонстрация Н. С. Хрущеву запуска ракеты Р-21 якобы с борта подводного атомного ракетносца К-3. На самом деле стреляла дизельная лодка из надводного положения, а настоящий пуск баллистической ракеты из-под воды был осуществлён лишь два года спустя, благо Карибский кризис не перерос в войну!

На территории святилища Большого Заяцкого острова появился дубовый крест с подписью: «...От участников 32-й Соловецкой регаты. Вечная им память»

Инициатор установки дубового креста прославился тем, что в августе 2002 года устроил на Соловках (будто бы возрождая древнюю традицию) церковное освящение флагов подводного атомного крейсера «Казань».

Пока «Казань» стояла на ремонте в Северодвинске, империя игровых автоматов «Джекпот» выступила спонсором патриотического обряда кропления святой водой Андреевского стяга и советского флага, сбережённого офицерами «Казани». В это же время с военного корабля похитили картриджи фильтров, содержащих 20 кг драгоценного палладия. Флаги, освящённые благодаря «Джекпоту», не пригодились. Субмарину, на ремонт которой ушло 220 миллионов, списали в утиль.

Кого только не призывает к себе остров! Стайки питерских художников подтягиваются в августе на черничную диету — ягоды с хлебом, что вроде бы разительно обостряет цветовосприятие. Знаатоки грибков потребляют и заготавливают впрок эти особо чистые галлюциногены. Целый ряд знаменитых россиян уверены, что возникновение их семей так или иначе связано с посещением Соловков. Многие рассказывают, будто бы острова помогли исполнению заветных желаний.

Сергей К. — скрипач столичного Большого театра — в начале 1990-х приезжал, чтобы среди голых стен и на лесных полянах играть концерты небу, собакам, случайным слушателям, получая удовольствие от фантастического звучания скрипки на острове. Музыкант не раз передавал монастырю гонорары от зарубежных гастролей, пока не узнал об уничтожительной оценке своей игры игуменом, после чего резко отошёл от Соловков.

Импровизированные концерты скрипача Сергея К. в сопровождении воя ветров в голых стенах Спасо-Преображенского собора есть веха в истории культуры

Дни памяти на Соловках начали проводить с 1989 года, и тогда во время встреч бывших заключённых стала очевидной парадоксальная закономерность в восприятии ими архипелага. Узники, пережившие ужасы лагерей, сохраняли обиду на государство, на родственников, даже друг на друга, но не держали зла на Соловецкую землю, где в своё время претерпели неисчислимые страдания.

Врач О. М. Мане рассказывала, как она рыдала на Муксалме, слушая исповеди своих соседей по бараку — двух сотен людоедок с Украины, осуждённых за то, что они во время голода в 1932 году готовили еду из мяса умерших, чтобы накормить своих ещё живых детей.

Мане трогательно вспоминала о братстве грузин, которые считали Сталина бандитом и требовали прав политических заключённых. Ещё один рассказ Ольги был о молоденькой московской учительнице, которая спасла от голодной смерти отряд женщин, брошенных осенью 1937-го зимовать на Анзере без запаса еды. Учительница охотилась у края ледяного припая на небольших нерп, убивая животных в глаз вилкой, заточенной о камень. Мясо готовили на костре в глине с листьями брусники и чабреца, чтобы отбить запах ворвани. Охотница погибла при эвакуации с Анзера 17 апреля 1938 года, когда на мысе Кеньга под ор и гогот чекистов заключённых заставили бегом лететь на судно по обледеневшей качавшейся доске. Подгоняли выстрелами вверх голов. Сорвавшихся с доски поглощали чёрные разводья. Ольга Мейеровна хорошо помнила имена погибших в тот день.

Однако среди этих грустных воспоминаний Ольга Мане вдруг, вопреки всякой логике, озорно улыбнулась и, перейдя на шёпот, рассказала нечто, совсем не вяжущееся с ГУЛАГовскими Соловками. Она поделилась тайной, которая была ведома узникам лагеря, хотя не имела для них никакого практического смысла: одно из красивейших озёр на Большом острове обладает чудодейственной силой сродни древнегреческому Кастальскому источнику. Человек, омывшийся в волшебных водах, способен обрести творческое вдохновение или получить дар пророчества! Ольга Мейеровна, открыв секрет, кажется, напроць забыла об ужасах каторги и добавила, что готова вернуться на остров и быть похороненной именно на Соловках.

Ольга Мане могла бы повторить путь Авраамия Палицына. В XVII веке этот бывший узник добровольно вернулся на остров своей недобровольной изоляции. Хотел ли Палицын, согласно монашеской традиции, покинуть мир там, где принял постриг, или думал о чём-то другом? Он не объяснил причины возвращения, но подобных примеров притяжения островами человеческих душ в истории Соловков найдётся предостаточно.

Духовник Петра Великого, насильно ввернутый в монастырь, получив возможность покинуть место ссылки, по своей воле остался на Соловках, став основателем скита на Голгофе. А колодник Ивашка Мартынов после 22 лет тюрьмы, где его едва не загрызли крысы, в 1660 году добровольно преобразился в старца Иова и жил на острове ещё 10 лет, пока не был изгнан борцами за чистоту веры.

Журналист С. Д. Протопопов описал историю расколника из Савватиева, который после 30-летнего заключения в расколе так и остался, но не покинул остров, дорогой ему «своим упорством в деле старой веры».

По поверью, известному узникам СЛОНа, вода одного из соловецких озёр способна, как Кастальский источник, одарить силой пророчества или творческим вдохновением

Пётр Кальнишевский, отпущенный после упразднения в 1801 году Тайной экспедиции, не вернулся в Запорожье, а остался там, где до этого два десятка лет провёл в тёмной камере. Некий Иероним — борец с масонами, ухитрившийся вызвать раздражение даже у своих единомышленников — был в 1832 году освобождён из-под стражи и добровольно жил в келье на Голгофе рядом со своей бывшей камерой. В три раза дольше, чем Кальнишевский — полные 60 лет, — просидел вышедший одновременно с ним сектант-скопеец Андрей Дмитриев. Он открыто презирал монахов за их слепое обрядование и церковное фарисейство, но несмотря на это, обретя свободу, с Соловков не уехал. Остался, работал по найму, но всё же отказался от покаяния, даже когда находился на смертном одре.

Окна тюремного корпуса на Большой Муксалме были забраны стальными решётками и полуприкрыты снаружи дощатыми щитами-«намордниками»

Выбор людей добровольно остаться на негостеприимных и жестоких к ним островах объясняется не утратой воли и не так называемым стокгольмским синдромом. Это проявление неодолимого притяжения Соловков. Одна из подобных историй запечатлена в фильме «Последний пароход» (1965) питерского режиссера С. Д. Арановича (1934–1996), автора пронзительного «Года собаки». Реальный герой фильма, именем которого (это за кадром) названо урочище на Большой Муксалме, хлебнул лиха на земле, которую нельзя не узнать, увидев неповторимую панораму обезглавленного Соловецкого монастыря.

Герою пришло время съехать на Большую землю, подальше от мест своих кошмарных воспоминаний. Конец осени — самое подходящее время для прощания с островом. Тьма приполярных ночей и штормовые ветра — точные приметы приближения ледяного многомесячного плена. Перелётные птицы покинули остров, а люди, которым есть куда убраться на зиму, собираются на пристани. Ожидают последний в году пароход. Навигация заканчивается, и безымянный для зрителя герой, нагруженный скарбом, среди других ему подобных тащится на причал. Швартовка. Матросы не мешкают — день короток, погода изменчива. Пассажиры спешат — многим нужно успеть к мурманскому «Полярному экспрессу». Погрузка закончена. Гудок. Отход. На дощатом причале темнеет одинокая фигура героя — он вновь отложил свой отъезд.

Семён Аранович, самый профессиональный ленинградский режиссёр своего времени, впервые попал на засекреченный Соловецкий архипелаг в мае 1956 года как штурман морской авиации эскадрильи торпедоносцев, которая дислоцировалась на полевом аэродроме острова Большая Муксалма. Казарма лётчиков располагалась в деревянном доме, в кирпичном же корпусе находились штаб, радиостанция, кубрики обслуги и склад. Бывшая тюрьма сохраняла свою атрибутику: коридорная система с дверями, снабжёнными крепкими засовами, глазками-«волчками» и люками-«кормушками». В одной из камер с окном на уровне земли устроила себе пристанище седовласая женщина, казавшаяся молоденьким офицерам старухой. Говорили, будто бы она сошла с ума, поэтому её *сактировали* и не вывезли при эвакуации заключённых тюрьмы.

Эта последняя заключённая покидала убежище в основном по ночам, людей не замечала, разговаривала сама с собой или с козой. Семёна Арановича, едва прибывшего на остров, старуха крепко напугала тем, что появилась перед ним из жерла печи. Огромные печи топились раз в неделю полутораметровыми плахами до сорока сантиметров в поперечнике. Тепло после топки сохранялось много дней. Вот старуха и грелась в печи, постелив на колосниковую решётку пару досок. Но об этом Аранович узнал уже позже.

Однажды казарма проснулась от воплей недоеной козы, вызвавшей о помощи. В камере старухи остался скудный запас еды, связки грибов, нехитрая утварь, сено на полу да толстая книга на широком подоконнике. Свободные от вахты авиаторы и морячки из обслуги аэродрома, выстроившись цепью, прочесали редколесье до морского пролива Железные Ворота, но хозяйки козы не нашли.

«Я никогда не забуду, как силуэты людей скользили среди искривлённых стволов, пробираясь сквозь бесчисленные дрожащие паутинки бабьего лета. Под ногами шевелились, ежеминутно меняя форму, сгустки тумана. Лучи низкого солнца сделали устрашающе яркими бесчисленные кроваво-бурые пятна лишайников на стволах осин. Мы — люди конкретного дела, но тут присутствовала какая-то мистика! Старуха исчезла бесследно, казалось, растворилась в тумане», — так рассказывал эту историю Семён Аранович.

Рассказ Арановича был заснят М. Е. Голдовской для «Власти Соловецкой», но в фильм не попал, хотя был одним из самых красивых сюжетов. Режиссёр вырезала это интервью как слишком романтическое и тем самым угрожавшее целостности восприятия главной темы картины. С Голдовской согласился руководитель творческого объединения «Круг» Сергей Соловьёв. Он всячески поддерживал съёмочную группу и не пошёл на сговор с людьми, пытавшимися путём интриг остановить работу над «Властью Соловецкой». Сергей Соловьёв связан с Соловками не только созвучием имён, он — коренной помор, родом из Кеми, преддверия Соловков.

Майор С. Д. Аранович, чудом уцелевший в авиакатастрофе, начал новую жизнь, окончив ВГИК. «Последний пароход» стал его дипломной работой. Пётр Ивановский, безымянный герой в картине Арановича, всё-таки уехал на родину в Харьков, но вскоре вернулся и остался на Соловках. Потомки Ивановского и сегодня живут на архипелаге, в доме, построенном ими вблизи пассажирского причала.

Судьба Петра Ивановского, как и история Семёна Арановича, вернувшегося на Соловки перед началом нового этапа жизни, характерна для многих, однажды попавших в поле притяжения архипелага. Острова влекут к себе, дают шанс на переход в иное качество, на внутреннее преображение.

С. Д. Аранович — создатель фильма «Последний пароход» (1965) и М. Е. Голдовская — режиссёр фильма «Власть Соловецкая» (1988)

Нередко поклонники Соловецкого архипелага пытаются оправдать свою тягу на острова стремлением изменить условия жизни или поисками творческого вдохновения.

Иные говорят об исследовательских интересах, о необходимости релаксации или о общении к святыням, к памятникам древней и новейшей истории, к заповедной природе.

Есть те, кому национальные, религиозные и иные мотивы не важны. Им нужно ощущение себя на Соловках как способ самовыражения, как для других музыка или рисование.

«Но истые пловцы — те, что плывут без цели: плывущие, чтоб плыть», приходят на острова, ничего не пытаясь объяснить ни себе ни другим, повинуюсь зову сердца.

...эти острова представляют собой особое государство, герметически изолированное от всех других государств и отличающееся от них своеобразным строением, законами и бытом, <...> где объединяющим, так сказать «национальным», признаком стало страдание. Соловки — государство несчастных.

*О. В. Второва-Яфа.
«Авгуровы острова»*

Зона шуток не принимает

Состояние «Быть или не быть?» ощущается в сказочной прозрачности северного лета особенно пронзительно. На Соловках с людьми что-то происходит. Может быть, эффект белых ночей как-то сказывается на деятельности центральной нервной системы, когда, оказавшись в царстве света, человек утрачивает сон. А.Л. Чижевский, жена которого прошла через Соловецкие лагеря, полагал, что ответ может дать гелиопсихология — наука о влиянии на землян активности дневного светила. Или запахи моря и водорослей, благодаря своей биологической активности, изменяют гормональный фон человека? Об ароматерапии, то есть восстановлении здоровья с помощью запахов, знали ещё в Древней Греции. Или на организм воздействует талая вода соловецких озёр, ибо есть люди, которые ассоциируют талую воду со сказочной «живой водой»?

Незаурядный историк, профессор Н. С. Борисов, одарённый, подобно В. О. Ключевскому, образностью мышления, сравнил архипелаг с тихим ядерным реактором. «Под воздействием Соловков в каждом человеческом организме, как и в каждой душе, начинается какая-то глубокая перемена. Человек становится другим», — пишет Борисов.

Оказавшись на Соловках, настроив свои биоритмы по соловецкому камертону, люди вдруг ощущают перестройку сознания, начинают мыслить иными категориями, задавая себе и окружающим вопросы, на которые не существует простых ответов. Но постановка вопроса есть первый шаг к поиску решения! Почему, например, в России, где национальная религия была частью государства и абсолютное большинство населения числило себя православными, «народ-богоносец» плясал вокруг костров, на которых жгли иконы?

Пётр Чаадаев написал в 1846 году о том, что мужественное изучение нашей истории приведёт нас к неожиданным открытиям и мы научимся наконец знать не то, что у нас было, а то, чего нам не хватало, не что надо вернуть из былого, а что из него надо в себе уничтожить, чтобы войти в семью всемирного братства народов.

«Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют только лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. <...> Кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед нам предстоит испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?» — вопрошал Чаадаев.

Бездарность властителей, допустивших отпадение России от истории, отлучение от царства исторической необходимости и ответственности, чем возмущался в 1922 году О.Э. Манделштам, началась не с приходом большевиков. Екатерина Великая сменила военно-полицейский курс Павла на европейский просвещённый абсолютизм, но реформы Александра имели протестантский характер, а Николай I строил прусскую модель государства. Сталин, называя себя ленинцем, перестрелял сподвижников Ленина, а Хрущёв развенчал культ личности Сталина, но пал жертвой заговора сталинистов. Второй президент Российской Федерации дезавуировал курс первого.

Редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов, включённый, по сообщению агентства Reuters, в шорт-лист кандидатов на получение Нобелевской премии, был поражён маятниковой системой перенаправления ходов в лабиринте на Заяцком острове. «Жуть... Это же план строительства государства Российского. Вперёд, потом назад, а в итоге по кругу», — прошептал Муратов, едва взглянув на лабиринт.

Развороты политического курса всегда сопровождались переписыванием истории страны. «У нас три истории России! Одна — для гостиной, другая — для гостиницы, а третья — для гостиного двора», — возмущался Пушкин, допущенный в государев архив для изучения деяний Петра Великого. Поэт взволновался не зря. Постыжение истории — знание опасное. Иван IV убил князя-шута Осипа Гвоздя, когда тот осмелел доказательством родства царя Ивана с римским императором Августом.

Один из приёмов управления массами — создание пантеона героев, подающих примеры правильного поведения. Иногда героипатриоты — это вымышленные образы вроде Ивана Сусанина; иногда — реальные люди, которые не имели отношения к тому, что им приписывают, вроде 28 героев-панфиловцев. В стране, где каждый сотый являлся секретным осведомителем, пропаганда сделала героем доносчика Павлика Морозова.

Юра Чирков, арестованный в 14 лет, записал, как возмущался адвокат А.В. Бобрищев-Пушкин, услышав в лагере о почестях, воздаваемых стукачу. «Этот печальный феномен будет изучаться историками и психологами как характерный показатель морали общества нашего времени», — сказал адвокат.

Увы, потомок декабриста Бобрищев-Пушкин, отправленный в лагерь за дворянское происхождение, зарыт вместе с сотнями таких, как он, в какой-то безымянной расстрельной яме, а память о пионере-доносчике живёт в названиях улиц и парков постсоветской России.

Страна просыпается под трансляцию разных вариантов михалковского гимна и перезвон курантов с башни у Лобного места. Рядом хотели возвести и памятник Павлику Морозову. В ЦК ВКП(б) дважды обсуждался вопрос, где именно должен быть установлен памятник первостукачу: на месте собора Василия Блаженного или вместо памятника Минину и Пожарскому. За противление разрушению исторического ансамбля Красной площади в концлагерь был отправлен архитектор Пётр Барановский, много сделавший в середине 1920-х для спасения художественного наследия Соловецкого монастыря.

Хранителей истории причисляли к врагам народа. Среди них оказались директор Русского музея Н.П. Сычёв, глава Пушкинского Дома академик А.И. Платонов и с ним ещё 128 сотрудников Академии наук. Сотни специалистов были подвергнуты гонениям по делу историков, по делу Центрального бюро краеведения, по делу Центрархива...

Далеко не полная картотека Петрозаводского архива МВД содержит восемьсот тысяч регистрационных карточек с фамилиями тех, кто отбывал срок на островах и материке. В тихом 1933 году, ещё до убийства С.М. Кирова и Большого террора, смертность в Соловецких лагерях составляла 19,4%, то есть погибал каждый пятый заключённый.

Восприятие Соловков как тюрьмы стало одной из черт российской ментальности. Член думского комитета по законодательству, один из представителей ЛДПР, в 2015 году разразился инициативой устроить на острове спецтюрьму для двухсот с лишним боевиков, осуждённых за участие в террористических группировках. Пусть, мол, монахи-приставы духовно воздействуют на заключённых. Учитывая достижения технического прогресса, надзирателям уже не придётся таскать отступников от государственного православия на службу в Спасо-Преображенский собор по ступеням головой вниз, как это было во времена императора Николая Палкина. Тогда у охранников не было электрошокеров.

Депутат Думы, предложивший возобновить функционирование зоны изоляции на Соловках, — человек, вероятно, безрассудно смелый. Или он попросту не знаком с метаморфозами, происходившими с теми, кто оказывался хоть вскользь причастен к деятельности мест заключения на Соловецком архипелаге. Все они, от рядовых надзирателей до государственных чиновников самого высокого ранга, роковым образом неизбежно превращались из гонителей в гонимых.

Так, генеральный прокурор Верховного суда СССР А.П. Красиков написал в газете «Известия» о том, что соловецкие заключённые, убитые в Савватиеве в декабре 1923 года, сами виноваты в своей гибели. Зря, мол, они, неблагодарные, протестовали против усиления режима, хотя имели в концлагере прекрасные условия, размещались в помещениях солидной монастырской постройки, и продовольственный паёк этих политзаключённых был значительно богаче, чем паёк красноармейцев, охранявших врагов народа.

«Здесь власть соловецкая! Нога прокурора сюда не ступала! Жаловаться здесь никому!» — предупреждала охрана об отсутствии прокурорского надзора

Наградивший особый Соловецкий полк особым знаменем прокурор, когда пришло его время, был одарён путёвкой в Железноводский дом отдыха. Там, вдалеке от столицы, чекисты задушили (на их жаргоне — замочили) чиновника в туалете. Жене убитого разрешили самой похоронить тело, но без обозначения на могиле инициалов покойного.

Главному прокурору страны, можно сказать, повезло: он, в отличие от многих своих коллег, ушёл из жизни без долгих мучений. Профессор И.Х. Озеров запечатлел в памяти буквально дантовский сюжет: всеильные на воле прокурорские работники получали в соловецком аду особый урок. Их заставляли изо дня в день носить пригоршнями навоз через монастырский двор, из одной клетки в другую, а потом — обратно.

Среди людей, наказанных судьбой за своё вмешательство в жизнь архипелага, нет имени Н. А. Френкеля, что говорит само за себя. Недоброжелатели очернили этого человека, объявив его создателем методики стимулирования рабского труда, когда «били не палкой, а пайкой». Такую демонизацию Френкеля автор двухтомного «Обзора воспоминаний соловчан» М. М. Розанов считал *одной из оплошностей Солженицына, которые нам, бывшим соловчанам, бросаются в глаза.*

Свидетельства людей, спасённых в лагерях Н. А. Френкелем, взывают об очищении памяти о нём ото лжи, сочинённой недоброжелателями

В. Т. Шаламов, знавший о становлении лагерной системы поощрений и наказаний не со слов лживого политического манипулятора, считал, что идея «хлеб — по выработке» оказалась плодом развития ГУЛАГа, а не была продуктом чьего-то гениального злого ума. *Всё создавалось мало-помалу.*

Миф о том, что массово использовать труд заключённых предложил Сталину зэк Френкель, доставленный самолётом из Соловков, не выдерживает критики. Имя Френкеля не упоминается в журналах посетителей вождя.

Заключённый Нафталий Френкель, взятый в 1926 году в начальники коммерческого отдела СЛОНа, считал интенсификацию труда узников занятием вредным. Производительность труда он предлагал увеличивать за счёт технического переоснащения предприятий и научной организации труда, но не за счёт усиления эксплуатации людей. Судя по доносам «борца за сохранение классово-экономической сущности лагерей» начальника Кемперпункта Николая Потёмкина, Френкель *всячески мешал исполнять партийную установку на всемерное подавление социально чуждого буржуазного элемента.* Не случайно Соловки отпустили Френкеля с миром — он спас, не привлекая к этому внимания, немало жизней и умер в своей постели генерал-лейтенантом инженерно-технической службы НКВД, избегнув членства в партии большевиков.

Во время реабилитации, происходившей в годы хрущёвской оттепели, прокурор спросил близкого мне человека Наташу Сигову, как она, единственная из 200 осуждённых по делу студенческой контрреволюционной организации, выжила в концлагерях?

— Вы не поверите, меня спас Френкель, которого я видела всего несколько секунд, когда была тачколазом на БАМе. (Тачколазы — это те, кто толкал тачку сзади, а на подъёме им спереди помогали тащить крючники.)

— Поверю, я знаю много таких историй, — ничуть не удивился выдавший виды прокурор.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл как-то высказался, что «по тому, как живут Соловки, можно судить о том, как будет жить Россия». Подобное говорили и в ЦК КПСС, когда в середине 1980-х годов там озаботились улучшением жизни населения на отдельно взятом острове. Посёлок Кремль (так тогда называлось главное поселение Соловков) было велено превратить в витрину социалистического образа жизни и столицу русской лапты. Проект предусматривал возведение *лучшего в мире* коттеджного посёлка с системой очистных сооружений и образцовой школой. Новые дороги должны были связать главную туристическую базу в отреставрированном кремле с морскими причалами, домами творчества, домами отдыха, молодёжными жилищными кооперативами в бывших скитах на острове Муксалма и в Савватиеве.

На Соловки зачастили разработчики проектов и высокопоставленные столичные мужи, для которых баржей из Архангельска доставляли чёрную «Волгу» да поливальную машину, чтобы прибывать пыль перед проездом начальства. Погода во время таких визитов почему-то ухудшалась катастрофически, до снегопада в разгар лета. VIP-гостям приносили со склада чёрные флотские плащи с огромными капюшонами и номерами на спине, что выглядело в стенах монастыря весьма экзотично.

По наблюдению Герцена, правительство России обладает устойчивым свойством затрачивать значительные усилия для улучшения не будущего, а прошлого. Следы лагерей в связи с ростом туристическо-показушной роли Соловков подлежали истреблению. Среди тюремных решёток, надписей на стенах, дверей с «волчками» и «кормушками», вышек и проволочных заграждений наибольшее раздражение вызывала звезда на колокольне. Она провоцировала посетителей островов интересоваться запретной исторической темой.

Использование колокольни как носителя советской атрибутики началось в 1923 году, когда сотрудник секретно-оперативной части ГПУ И.И. Зорин, исполнявший обязанности помощника начальника СЛОНа Александра Ногтева, повелел поднять на шпилье колокольни красный флаг. Три года спустя Зорин попал на Соловки в качестве штрафника, секретарём лагерной аттестационной комиссии.

Звезда и пузатый деревянный купол вместо шпиля появились на монастырской звоннице не раньше грандиозного пожара, уничтожившего 19 июля 1932 года центральный блок зданий кремля. Начальник Соловецкого отделения СЛАГ ОГПУ В.А. Мордвинов, производивший после пожара срочный ремонт *во внеурочное время силами лагерной общественности*, был осуждён на пять лет лагерей «за утерю партийного чекистского чутья», а начальника Беломорско-Балтийского лагеря Э.И. Сенкевича, *молча утвердившего обращение общественности по поводу устранения последствий пожара*, расстреляли в сентябре 1937 года, когда звезда уже стояла.

Пока Соловецкий кремль был крупнейшей тюрьмой 10-го управления НКВД СССР, а потом засекреченной базой Северного флота, пятиконечная звезда в качестве символа всё-таки имела оправдание.

Когда Соловки обрели статус заповедника, нелепость звезды над памятником архитектуры XVI века стала очевидной. Управление КГБ по Архангельской области создало специальную памятку для сотрудников музея, где было указание экскурсоводам говорить о звезде как о знаке советской конституции. Упоминания о лагерях считались антисоветской деятельностью, но уже на грани 1960–1970-х годов главный хранитель Соловецкого музея Евгений Абрамов и старший научный сотрудник Александр Осипович позволяли себе делиться с туристами знаниями «про СЛОНа».

Довольно скоро в группе экскурсантов Абрамова появился человек в плаще, прибывший для пресечения процерковной деятельности «пятой колонны». Пятой колонной идеологическое руководство области окрестило интеллигенцию — сотрудников музея. Музейщики в дни главных советских праздников всегда замыкали демонстрации, шествуя в последней, пятой по счёту, колонне. Начинали парады вокруг Соловецкого кремля военные моряки, за ними под соответствующими лозунгами маршировали трудящиеся водорослевого комбината, работники коммунальных служб, школьники и, наконец, интеллигенция с вечными кривыми ухмылками. Однажды фрондирующие музейщики, проходя мимо трибуны, стоявшей слева от выхода из Никольских ворот, стали делать вид, будто бы нюхают воздух. Дело в том, что трибуна, с которой партийно-советское руководство принимало парады, пользовалась у туристов популярностью в качестве отхожего места.

— Скажите, пожалуйста, а почему над колокольней звезда? — задал контрольный вопрос Абрамову товарищ из органов.

— А вам что, не нравится? — сделал удивлённые глаза Евгений, выставив чекиста на посмешище. История эта получила огласку, и её герой был выслан с «волчьим билетом» за пределы острова, а Осипович — после мытарств — за пределы страны.

За упоминания о лагерях также изгнали экскурсоводов Юрия Чебанюка и Бориса Аракчеева, ставшего в постсоветское время директором музея истории Санкт-Петербурга. Но вопреки усилиям КГБ дух фрондёрства был неистребим на острове, оказавшемся не захолустьем, а генератором духовного сопротивления властям, породившим ГУЛАГ.

Людмила Александровна Садовская (1947–2015), экскурсовод соловецкого музея, в 1970-х смело рассказывавшая о лагерях вопреки всем запретам КГБ

«Соловец у нас — точка randevу» — реплика героя культового романа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Так оно и было. В Новобратском корпусе мы с Антониной Новожиловой по очереди читали «Архипелаг ГУЛАГ», привезённый Шурой Зерновой на наш день рождения. Шура была женой бывшего зэка Р.А. Штильмарка, автора романа «Наследник из Калькутты». Появилась у нас и машинопись неизданного «Мастера и Маргариты», добытая, кажется, Любой Кречковой у её туриста К. Симонова. Люба, теперь уже Любовь Арсеньевна, — доктор философии в городе Даллас, в США. В прокуренной келье Люси Садовской можно было найти «Воронежские тетради», перепечатанные на музейной машинке, и «Хронику текущих событий», изящно скопированную в особой лаборатории микрофильмирования на сверхтонку «документную» фотобумагу.

Людмиле Садовской было *не в лом сгонять* тайно на Анзер ночью, а утром, как обычно, повести группу пешком на Секирную гору. Садовская одним взглядом подсказала мне ракурс самой известной моей фотографии.

Общежитие в Новобратском корпусе, где Битов впервые произнёс знаменитый и ныне третий тост: «За Соловки! Чтобы они стояли, но на них не сидели», было мало приспособлено для жизни. Исправно функционировали только печи, хотя летом в них не было смысла. Зубы мы чистили в коридоре нежилого первого этажа у *водокапа* — забитого пожарного крана. Там при свете фонарика познакомилась Илья Ходарковский из Электростали и Людмила Авдеева из Архангельска, чтобы потом вместе улететь в Иерусалим. Туда же судьба привела архитектора Ольгу Полевою, стихи которой о Соловках по красоте сравнимы разве что с картинами Александра Баженова.

«На Соловках мы мужали, изучали историю нашей родины, слушая Галича и ведя антисоветские разговоры с прокуренными «Севером» и «Беломорканалом» диссидентами. Пили с ними водку из гранёных стаканов и алюминиевых кружек», — по-моему, точно описал атмосферу, царившую на острове, будущий художник-карикатурист Андрей Бильжо. Он, повидав много стран, называет Соловки одним из самых своих любимых и странных мест на земном шаре.

За распространение информации о СЛОНе А.Г. Бильжо в 1972 году прилетели арестовать опера из областного центра. Получив донос, чекисты искали «бородатого экскурсовода в красных вельветовых штанах». Николай Шилов, возглавлявший экскурсионное бюро, успел предупредить 19-летнего студента, и тот несколько суток прятался на озере в лесу. Северянка, которая приносила беглецу еду, потом стала его женой, хотя эта история могла закончиться для Бильжо менее благополучно.

Упоминания о СЛОНе считались в СССР попыткой подрыва государственного строя. Одним из обвинений, предъявленных прокурором правозащитнику Андрею Миронову из Ижевска, была произнесённая им публично фраза: «У нас власть — не советская, тут власть соловецкая». Это был тот самый переводчик Андрей Миронов из «Новой газеты», который в 2014-м погиб на войне под Славянском вместе со своим напарником, итальянцем Андреа Роккелли.

Снос советского символа над Соловками 27 июля 1984 года в 17 часов 02 минуты дал старт перестройке и предвестил крах империи красных звёзд в России

Когда политзаключённый Андрей Миرونнов находился за колючей проволокой, в Италии была опубликована фотография звезды на куполе колокольни с решёткой на первом плане. Этакая ни богу свечка ни чёрту кочерга.

Публикация этой фотографии повлекла за собою специальное расследование. Автора криминального снимка вычислили, но доказать, что он передал слайды за границу, не смогли. Тягомотина с «профилактиками» и провокациями продолжалась почти до краха СССР.

К счастью для меня, чекисты и их информатор в музее умом не блистали, что позволяло раз за разом сводить стычки к ничьей.

Суматоха, поднятая вокруг фотографии звезды за решёткой, натолкнула *ответственных товарищей* на принятие кардинального решения. Говорили, что секретарь Архангельского обкома КПСС потребовал срочно демонтировать лагерный символ. Нет звезды — нет проблемы! В 1984 году для снятия звезды выписали пару мастеров из Ленинграда. Знали бы ленинцы, чем их суета закончится! Но никто не напомнил партийным вождям областного масштаба присказку «Сегодня в Соловках, завтра — в России».

Задание партии по уничтожению позорного, но всё-таки государственного символа завершилось успешно. Промышленный альпинист Игорь Т-ий выполнил работу вполне профессионально. «Мне всё равно: что звезду сбросить, что свастику поставить, лишь бы деньги платили», — бравировал верхолаз. Однако с выплатой денег случилась неувязка.

Парторг музея, курировавший исполнительные работы, докопался, что звёздосниматель не обладал званием «Мастер спорта СССР», а был всего лишь разрядником, что позволило администрации заплатить гораздо меньше, чем было обещано первоначально.

Обиженный верхолаз на рассвете накануне отъезда совершил на двенадцатизубых ледовых кошках траверз по куполам Никольской церкви и отвинтил гайки на шпильках крепления больших поперечин к вертикальным стойкам крестов, установленных реставраторами. Несколько дней спустя порывы ветра завершили месть, сбросив перекладки на землю. К счастью, никого не зашибло. Звёздосниматель же вскоре погиб.

Звезда, соединённая с землёй тросом, была не только символом, но и верхушкой конструкции молниеотвода. Использование молниеотводов для защиты строений от «небесного огня» предложил ещё М. В. Ломоносов. Логичным следствием слишком поспешного (ломать — не строить) уничтожения звезды стал новый пожар.

В августе 1985 года удар молнии поразил купол колокольни, полвека служивший постаментом для звезды. «Чешуя» лемеха горела как факел, потушить который на 50-метровой высоте люди не могли. Огонь угас сам, когда сосновые пластинки лемеха и решётка под ними превратились в пепел. В небе чуть курилась недогоревшая крестовина остова.

Вдруг ветер раздул чадающие брусья остова купола, и в небе появился багово-красный огненный крест. Так, наверное, светились слова на арамейском языке, проступившие на стене вавилонского дворца Валтасара: «Сосчитано! Взвешено! Отмерено!»

Сожжённую луковицу купола реставраторы заменили шпилем, обитым медными листами. Однако островная погода крушила наверх одно за другим. Кресты разрушались, заваливались на бок, становясь из символа спасения знаком угрозы.

Надеясь противостоять разрушительному действию сил соловецкой природы, на шпиль колокольни (без шумных торжеств) наёмные строители поставили четырёхметровый крест, сваренный на казённом кораблестроительном предприятии в городе Северодвинске. Благотворитель, способный взять на содержание не один монастырь, сделал крест из сверхпрочного и сверхдорогого титана, предназначенного для изготовления корпусов атомных подводных крейсеров. Какие грехи заказал отмаливать этот даритель собственности, можно лишь догадываться.

Снятие звезды, как и уничтожение других свидетельств лагерной истории, — дело рук бойцов идеологического фронта. У нас в это время пропали воспоминания бывших заключённых Соловецких лагерей, отснятые одним из лучших операторов своего времени М. Е. Голдовской в процессе работы над фильмом «Власть Соловецкая». Тысячи метров киноплёнки оказались «смытыми на серебро». Уничтожение свидетельств соловецких узников было отнюдь не простой халатностью. Вслед за рабочими материалами пропал и оригинал-негатив фильма «Власть Соловецкая».

На исчезнувших плёнках было свидетельство ленинградского профессора-психолога Владимира Лоскутова. Его отца расстреляли «по делу Промпартии», а семилетнего сына убитого инженера отправили с literой «ЧСИР» — член семьи изменника Родины — в мурманское отделение Соловецких лагерей. Детей заставляли после прибытия этапа выпить якобы для дезинфекции по стакану касторового масла и подвешивали на спортплощадке в завязанных мешках. «Старики» лупили их дрынами. Били задыхавшихся в испражнениях новичков не сильно — ломали не кости, а психику. Это называлось «пропиской».

Удар молнии в августе 1985 года сжёг деревянный купол, воздвигнутый на монастырской колокольне вместо шпиля в качестве подставки для звезды

Московский инженер, спортсмен и балагур Александр Прохоров плакал, рассказывая авторам «Власти Соловецкой» о том, как его, незаурядного инженера, едва вернувшегося из командировки в США, вынудили написать, будто бы он насыпал песок в буксы паровоза. Слушая рассказ Прохорова о пытках в Бутырской тюрьме, плакала вся съёмочная группа.

Рассказы Прохорова и Лоскутова с натуралистическими подробностями мучений не были включены в картину по этическим соображениям, но могли бы служить показаниями на суде против коммунистической партии — организатора массовых пыток и убийств.

История Соловков нуждается в постижении, но сколько-нибудь объективное исследование прошлого на острове невозможно, в силу того что в постсоветской России на островах де-факто произошло слияние государства и церкви. Федеральное градообразующее предприятие — государственный музей-заповедник — оказалось в подчинении у архимандрита Соловецкого монастыря, которому нет резона ворошить прошлое. Священноначалие *со своей колокольни* решает, что и как показывать посетителям Соловков, прихорашивая историю.

Правая рука губернатора Архангельской области по развитию (убитию) Соловков из сонма чекистов, легко поменявших свою ориентацию, требует строжайше лицензировать организаторов туризма и гидов на предмет их экскурсионной деятельности исключительно в русле православной традиции. Он трудится над формированием *нового отношения к теме репрессий* с акцентом на поминовение исповедников веры и новомучеников без упоминания, кем были их мучители.

«Когда караван поворачивает назад, впереди оказывается хромой верблюд», — говорят аксакалы. Чекист, которому всё *божья роса*, уже договорился до того, что «без новомучеников и исповедников соловецких не было бы победы в Великой Отечественной войне». Никто не подсказал чиновнику, что почитание новомучеников — это в первую очередь небезопасное смысловое следование подвигу людей, шедших на смерть за неприятие советского режима.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в июне 2010 года во время посещения урочища Сандармох, где в 1937 году были убиты 1111 соловецких узников, свёл причины зверств коммунистического режима к утрате большевиками веры в Бога. Вроде бы «неверующий человек может стать зверем, а верующий — никогда». Увы, крестик на шее или партбилет в кармане, как и «Got mit uns» на бляхе ремня, равно не способны сами по себе быть гарантией высоких нравственных качеств. Ни о каком покаянии, переосмыслении речь не идёт, хотя в тюрьмах и лагерях погибло наших соотечественников не меньше, чем за годы Второй мировой войны. Бессмысленность истребления собственных граждан, творившегося на просторах Советской империи, признают многие из россиян, хотя это знание не ведёт к конкретным поступкам.

Если слово «опричник» по указу государя было запрещено и проклято, то понятие «чекист» продолжает жить как гордое самоназвание, бытующее среди силовиков и представителей высших органов российской власти, среди которых каждый пятый является выходцем из силовых структур, включая и президента России, полковника КГБ, заявившего, что «бывших чекистов не бывает».

Фёдор Достоевский называл приверженность идеям клана мундирными убеждениями. Чекисты, защищая честь мундира, продолжают дело тех, кто творил репрессии.

Десятки миллионов погибших — это те люди, которые могут передать нам чрезвычайные полномочия от Бога, потому что цена за это — их кровь.

Георгий Кочетков

Одной из характерных черт наследников Феликса Дзержинского является зоологическая озабоченность уничтожением следов геноцида, организованного большевиками. Председатель КГБ СССР Александр Шелепин доложил главе компартии Н. С. Хрущёву в 1959 году, что хранение десятков тысяч дел расстрелянных угрожает расконспириванием операций *со всеми нежелательными для нашего государства последствиями*. В актах о сжигании архивов Соловецких лагерей Особого Назначения в качестве единицы измерения истреблённой памяти фигурируют мешки — десятки мешков с документами.

Стараниями депутатов-чекистов, внедрившихся в законодательные органы, дезавуирован указ первого президента России Б. Н. Ельцина от 23 июня 1992 года о рассекречивании документов, служивших основой для массовых репрессий. «Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов РФ, в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям», введённое в июле 2006 года, закрыло обществу доступ к изучению преступлений ВЧК–ОГПУ–НКВД.

Правопреемники НКВД объявили несанкционированную публикацию документов о судьбах бывших заключённых противозаконной. Чекисты, продолжающие подглядывать и подслушивать, используют профанацию с охраной тайны частной жизни как оперативное прикрытие своих целей. В декабре 2008 года силовики в масках захватили офис правозащитников петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал», изъяв, в частности, архив воспоминаний заключённых Соловецких лагерей Особого Назначения.

В Архангельске осенью 2009 года оперативники ФСБ во время обыска изъяли у доктора исторических наук, профессора Михаила Супруна списки репрессированных, подготовленные для издания «Книги памяти», а также воспоминания узников Соловецких лагерей. Под предлогом защиты тайны частной жизни в России введён запрет на получение и распространение информации о жертвах государственного террора без согласования с наследниками репрессированных. Упоминание любых имён в связи с пытками, убийствами и прочими мерзостями советского режима фактически объявлено противозаконным.

В одну реку не войти дважды, но наследие Ивана IV на Соловках не стало прошлым, тюремно-лагерная страница истории не закрыта. Тюремь, устроенные Иваном Грозным, неслучайно стали фундаментом ГУЛАГа при Иосифе Сталине. На острове, где хлеб насыщенный до сих пор готовится в пекарне, устроенной во времена Ивана IV, а лагерные бараки числятся жилищным фондом, ретроспектива государственности прослеживается чётко.

Патриарх Кирилл, перемещаясь по соловецким владениям на вертолёте, в 2010 году спустился с небес на остров Большая Муксалма. Он пообещал богомольцам, которые приезжают из подмосковного Подольска и живут в скиту по сменам, что хозяйство обители будет восстановлено во всём прежнем великолепии, включая курятник на Муксалме. Это тот самый курятник, уничтожения которого требовали в начале XX века монахи, восставшие против архимандрита Иоанникия и считавшие содержание кур нарушением устава обители. Депутация иноков в 1916 году потребовала от Синода уничтожения курятника и своего добилась. Да только бунт на Соловках аукнулся в России гражданской войной.

Подмена государственной власти на Соловецких островах монашеским управлением дважды закончилась трагедией для обители и для страны

Большевики, легко захватив власть на волне всеобщего недовольства, насаждали свою веру, повторяющую элементы прежних религий. Красные углы с иконами преобразились в красные уголки с ликами членов политбюро, исповеди превратились в «самоотчёты» на собраниях. Крестные ходы с хоругвями трансформировались в плановые демонстрации со знамёнами, а вместо паломничества к мощам стали посещать мумию в мавзолее.

Время показало несостоятельность русского марксизма, но когда РПЦ освободилась от большевистской узды, она, по наблюдению протоиерея Георгия Кочеткова, не восприняла наследие новомучеников и исповедников российских, не изменилась и вновь функционирует по имперскому старому чиновничьему образу и подобию, пленённая схоластикой и господством власти имущих.

Действие Конституции Российской Федерации, гарантирующей гражданам отделение церкви от государства, на Соловецком архипелаге де-факто приостановлено в ожидании присвоения островам статуса духовного заповедника. В XXI веке на острове кропят святой водой корабли, машины, велосипеды, школьные классы и кабинеты чиновников — всё, куда брызги долетят. Игумен Зосима, орденоседец по своему ведомству, не забывает перекрестить и мобильный аппарат, когда вытаскивает своё средство связи из-под рясы. Социальная активность пришлых монахов обернулась вмешательством в жизнь островитян, начиная от изгнания директора школы, пытавшейся ограничить церковную пропаганду в стенах светского учебного заведения, и до цензуры репертуара фильмов в клубе.

Генеральный план развития Соловков, принятый архангельскими чиновниками осенью 2015 года, рассматривает наличие на островах светского населения как явление переходного периода. По плану «исторически-функциональному назначению архипелага соответствует роль монастырского населения с привлечением светского на сезонные работы». Духовник обители игумен Герман (Чеботарь) не стесняясь советует светским обительницам убираться подобру-поздорову, не навлекая на себя повторения чуда избиения.

«Пусть на островах всё станет, как при царе! Пусть приезжают только богомольцы, а иноки станут хозяевами острова», — вторит родному брату игумен Зосима, который распорядился устроить картофелехранилище в отреставрированной Портной палате XVII века. Иноки относятся к сюсюканьям учёных по поводу сохранения памятников всемирного наследия весьма раздражительно, не скрывая, что пора «разъюнскаться», то есть порвать с эгидой ЮНЕСКО. Старое соловецкое выражение собственного превосходства: «То у нас, а то — в России!» («Мы — не Россия!») уже сегодня отзывается на материке чванливым: «Мы — не Европа!»

В прежние времена бытовало лестное сравнение Соловков с Афоном. Об этом писали Константин Случевский, Ольга Яфа и другие. Но Дмитрий Мережковский в «Петре и Алексее» устами странника, пришедшего с Афона, указал на соблазны, кои не дадут поставить российскую святыню в один ряд с греческой.

В 2010-х возможностей к добытию денег у монастыря стало больше, чем во времена империи, и под завесой слов о восстановлении духовности возник коммерческий проект строительства новых храмов, часовен, келейных корпусов, гостиниц для паломников, гаражей, транспортных стоянок там, где их прежде не было. Ставка делается на приём паломников, потому что их обслуживание является как бы религиозной деятельностью, то есть не облагается налогами.

Монастырь на Соловках — это не пустынное монашеское братство, подобное афонскому, а приходская община — единство во Христе монашествующих и мирян.

Архимандрит Порфирий

Соловки — не Афон. Реставраторы «Балт-Строя» снесли гранитную лестницу вместо замены одной ступени. Под временный кабель раздолбили валуны стены. Когда решили срочно поставить в Спасо-Преображенском соборе иконостас в южнорусском стиле, отринув профессиональный проект реставрации памятника, то спилили и выбросили на свалку кованые тяги времён игумена Филиппа. Они мешали установке новодела, сработанного в столичной мастерской Ильгиза Ханова в 2002 году. Свежие иконы пухнут, глотая соловецкую влагу, и выдавливают друг друга из чина, но на такие мелочи мало кто обращает внимание.

«Религиозные постулаты не изменились за столетия, но как люди верили, какое настроение сопровождало их молитву, что творилось в душах этих верующих людей, отражено только в искусстве. Посмотрите на новый иконостас Спасо-Преображенского собора и сравните свои впечатления с подлинными иконостасами XVI–XVII веков. Это совсем другое искусство. Я не хочу сказать, лучше оно или хуже. Просто старое невосполнимо. Такова и наша вера — она как этот иконостас», — так отозвался на освящение патриархом всея Руси иконостаса в Преображенском соборе крупнейший искусствовед Алексей Комеч.

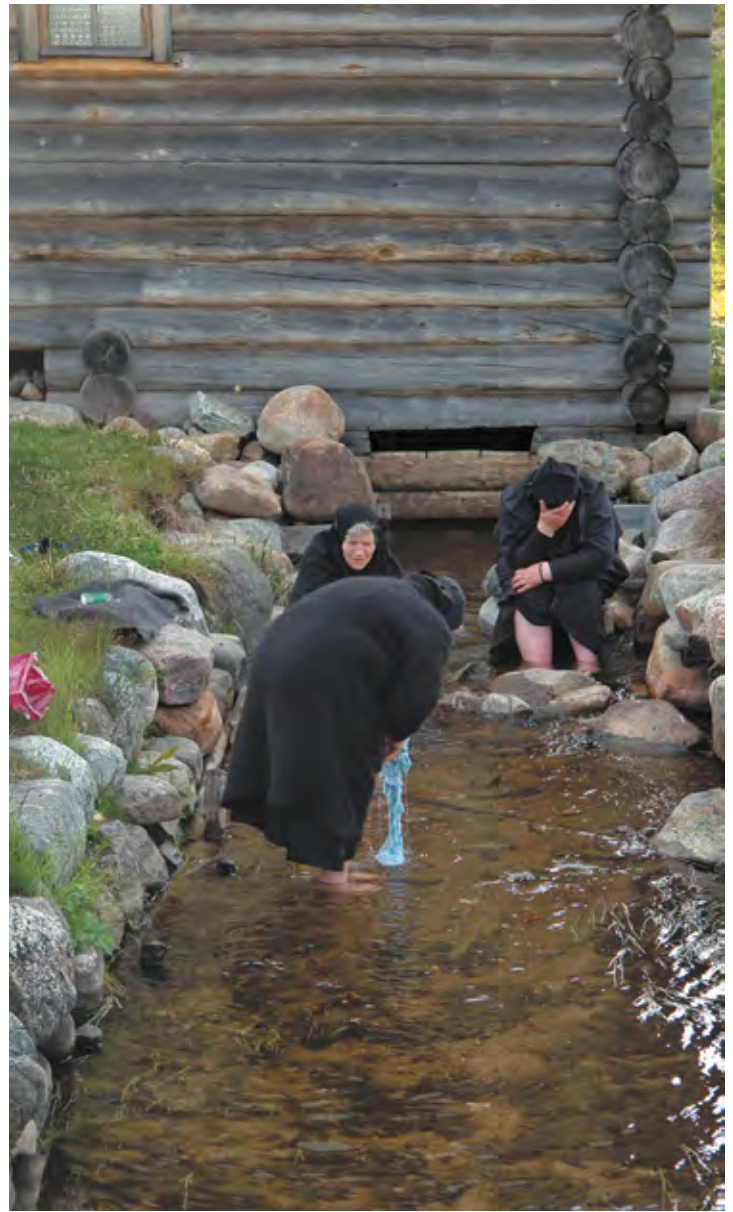
Видя варварское отношение к образцам православной культуры, которые являются основой для самоидентификации народа, их создавшего, нельзя не опасаться за судьбы других памятников истории. На острове Анзер, отданном монастырю вместе с дорогами и прибрежной полосой, чего не может быть в цивилизованном мире, святилище на мысе Лабиринтов искажено новыми выкладками крестов «под старину». На Заяцком острове тверские паломники превратили в крест многолучевую каменную выкладку «солнечная розетка». Закрашено побелкой послание на арамейском языке Никодима Левкоева в арке окна Спасо-Преображенского собора.

В 1976 году в ходе строительных работ нож бульдозера разворочил захоронение 36 узников, расстрелянных на этом месте в ночь на 29 октября 1929 года. Список убитых той ночью возглавляли дворяне — профессор Сергей Покровский и розенкрейцер Вадим Чеховский, мечтавший «принести счастье всем без исключения людям путём овладения магическими силами Земли и Космоса».

Увидев разбросанные останки, Николай Шилов и Игорь Фельдман совершили незаурядный для советского времени поступок: под покровом ночи они собрали кости врагов народа и похоронили их в трёх ящиках у устья Данилова ручья, полагая, что на развилке дорог прах никто не потревожит. Так оно и вышло, если не считать казуса с кладоискателями.

О перезахоронении соловчане знали. Антонина Архипова закопала там же жестяную коробку с останками, найденными у южной стены крепости. Многих островитян удивило, когда монахи взгромоздили на развилке сруб часовни-крестильни, которой никогда не было в сакральном пространстве обители. Теперь, потоптавшись над прахом Георгия Осоргина, Александра Сиверса и других узников, известных поимённо, «матушки» стирают своё исподнее в канале, а паломницы, укрывшись в часовне, совершают там водные процедуры. Грязная вода убегает в Святое озеро.

Женщин, особенно уроженок Молдавии, при мужском монастыре обитает так много, что Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, решил на создание женского отделения, которое именуется «Покровское женское подворье Спасо-Преображенского Соловецкого мужского монастыря РПЦ (Московский патриархат)».

Часовня-крестильня, поставленная над каналом, питающим водой Святое озеро, стала местом, где паломницы совершают гигиенические процедуры и стирают бельё

Настоятельницей женского подворья числится мать Раиса Прожога. Распределением послушаний в имении, расположенном на территории Архангельской области, ведает инокиня Зосима. Монахиня Покровского подворья Никона (Осипенко) руководит обслуживанием потока паломников на острове.

Передача Соловецкого государственного музея Московскому патриархату обеспечила монастырю исключительное право распоряжаться деньгами налогоплательщиков, выделяемыми на содержание памятников архипелага. Следующий этап монастырской экспансии — обретение монополии на эксплуатацию земель архипелага, хотя даже частичная реализация генерального 20-летнего плана, созданного с существенными нарушениями правил проектирования на территориях с историческими памятниками, нанесёт единственному в России объекту, по восьми номинациям выдвинутому в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, непоправимый ущерб. Так полагает специалист в области культурного и природно-землепользования М. Е. Кулешова.

Суммарный периметр монастырских заборов, ограждающих приобретения черноризцев на Большом Соловецком острове, составит по генплану 70 км

Татьяна Фокина, директор Соловецкого музея-заповедника в 1998–2000 годах, подсчитала, что на площадях лесных массивов, которые монастырь получил «для проведения уставной деятельности», можно разместить 40 Московских Кремлей с Красной площадью. Ожидаемые последствия захвата монахами всех сколько-нибудь значимых земель архипелага — это очередной раскол общества как на островах, так и на материке.

Владимир Буров в монографии «О характере владения островами и статусе Соловецкого монастыря после падения Великого Новгорода» убедительно показал, что монастырь (если даже забыть о явно поддельных грамотах XVI века) утратил право *вечного* обладания землями архипелага ещё в 1479 году. После гибели Новгородской республики острова перешли в собственность великого московского князя, который мог, как это было, например, в 1575 году, собрать и переписать в сторону уменьшения все грамоты на право пользования церковными землями.

Изучая первоисточники, В. А. Буров счёл возможным сравнить положение братии Соловецкого государева богомолья со служилыми людьми. Монахи получали вознаграждение, лишь покуда исправно молились за здоровье государя и его семьи.

Попытка же объявить землю Соловков не государственной, а монастырской собственностью имела место лишь во времена царствования Алексея Михайловича, когда иноки-бунтари, судя по показаниям старца Пахомия, порешили меж собой: «Остров-де наш, а не Великого Государя». Чем закончилась та попытка приватизации земель — нам известно.

Празднолюбивые попы, как называл церковнослужителей Пётр Великий, от государства отделены не были. Они служили власти, а уж потом — Христу. Духовное имущество являлось частью казённой собственности, которая находилась под присмотром конторы по делам религии — Святейшего Синода.

Соловецкий монастырь столичной власти не мог не подчиняться, но был опорой государства и религии ровно настолько, насколько это было ему выгодно. Монахи, блюдя в первую очередь интересы общины, способствовали развитию оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству — к такому выводу пришёл Д. С. Лихачёв.

Религиозная община на Соловках, когда Российская империя в силу бездарности управления ушла в небытие, сумела вписаться в советскую государственность, но, лишённая возможности управлять жизнью архипелага по своему усмотрению, она исчезла в начале 1930-х. Шесть десятков лет спустя возрождением зачахшей при коммунистах обители занялись фрондирующие сотрудники Государственного музея-заповедника, которые воспользовались ослаблением идеологического гнёта коммунистической партии и ухитрились в апреле 1989 года грамотно зарегистрировать на острове общество православных христиан «для удовлетворения религиозных потребностей верующих».

Искренне надеясь на улучшение жизни, активистки церковной «двадцатки» нашли себе духовного отца, священника Германа Чеботаря, которого поселили в музейной сторожке у Арсенальной башни. Музейщик-журналист Игорь Запорожец написал множество писем, доказывая необходимость возрождения Соловецкого монастыря, и своего добился. 11 октября 1990 года патриарх Алексей отозвался телеграммой-поздравлением в связи с возрождением древней и славной обители. Это был праздник для островитян.

Едва праздники отшумели, многим людям, прилагавшим усилия для возрождения монастыря, стало понятно: что-то пошло не так. «Без оглядки на ошибки, имевшие место в прошлых столетиях, восстанавливаются те же синодальные формы церковной жизни, которые исторически себя не оправдали и привели к катастрофе 1917 года», — выразил своё понимание происходящего архимандрит Зинон (Теодор). Наиболее способные миряне, активно способствовавшие возвращению монастыря, так или иначе покинули остров, где избиение неугодных некогда возвели в ранг чуда.

Жизнь на острове, уже почти полностью отданном государством монахам, не даёт поводов для оптимизма. «Иноки полагают, будто бы нравственность может быть только религиозной, хотя примеров истинных духовных подвигов в монастыре пока что-то не наблюдается», — сожалеет В.А. Буров, видя, как на новой после ремонта побелке рабочие рисуют чёрные круги для возобновления рассказней про то, что это следы попадания трёхпудовых ядер, от которых Богородица спасла обитель.

В духе старых традиций богомольцы роятся у дворика перед часовней во имя преподобного Германа в предвкушении чуда. Они истово приглаживают ладонями 500-рублёвые купюры к большому валуну слева от основания арки. Паломники верят, что если потереть ассигнацию с изображением монастыря о заветный камень против окон Настоятельского корпуса и опустить её в ящик для пожертвований, то денежки в кошельках начнут приумножаться.

Богомольцы со своими ассигнациями позабыли СЛОНовскую поговорку «Бог не фраер». Этот словесный оборот жиганского наречия, бессмысленный при дословном прочтении, сложный для перевода, несёт в себе российский опыт выживания в трудные времена.

Постсоветские властители Соловков не философы, а практики, осваивающие совместно с чиновниками от культуры и «балтстроями» бюджетные деньги

Эссе Петра Вайля о Соловках заканчивается так: «Одна из героинь фильма „Власть Соловецкая“ рассказывает, как впервые за несколько лет на пересылке попало зеркало. Все женщины бросились к нему. Она долго не могла найти себя в зеркальной толпе, потом увидела собственную мать — морщинистую, седую, и поняла, что это она сама. Так страна, не отрекаясь и не раскаиваясь, не обнаруживает своего отражения, не узнаёт, не желает узнавать себя в зеркале, разве что в лестном кривом. На Соловках погружаешься не в гармонию, а в красоту и жуть — замешиваясь в безумное варево из природы, архитектуры, религии, истории. Не Освенцим или Бухенвальд, где ни восхищаться, ни умиляться не приходится. *Здесь — всё разом, всё вместе, всё можно. Заповедник человека как вида.* На Соловках всё неправдоподобно и всё правда: место, время, твои чувства в этом месте, твои мысли об этом времени, текущем по соловецкому календарю. В полночь солнце стоит на ладонь над лесом. В полдень — немного выше. Соловецкая ночь не кончается».

Сергей Морозов, и живший, и похороненный на острове, оставил пророческие слова: «Может стать так, что, восстановив соловецкие памятники, мы не сможем наполнить их своей духовностью, и это будет крах идеи Соловков. Грядущим поколениям снова достанется только миф».

Политика и религия, в отличие от культуры, разделяют людей на группы. Остров, где не хватало земли, чтобы хоронить убитых, — лучшее место, чтобы остановиться и склонить головы, подумать о пройденном пути. Спасти и души, и страну может нечто, одинаково важное для большинства людей. Например, поминовение погибших, как это предложил протоиерей Георгий Митрофанов: «Соловецкому кремлю необходимо придать вид памятника, посвящённого одному из величайших преступлений XX века. Монастырь никогда не сможет существовать в прежнем виде без увековечивания в нём памяти трагедии ГУЛАГа».

*На рубеже вечерних и утренних зорь,
на линии слияния земли с небесами,
на грани между свободой и острогом,
на стыке православия и государства*

Тропинок нет в зелёных лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!

*Уильям Шекспир.
«Сон в летнюю ночь»*

Звонок из лабиринта

Весной появляются на лапах елей капельки прозрачной смолы, оберегающие едва видимый росток, зародыш плода, в котором чешуйки-споролистки закручены вокруг оси, как в спиральном лабиринте. Лабиринт чешуек несёт в себе генную память о миллионах лет эволюции, об опыте предшественников, о похолоданиях, нашествиях вредителей, о пожарах и топорах.

Слой почвы на Соловецких островах тонок и колеблется иногда от нескольких сантиметров до полуметра. Иногда его даже не хватает, чтобы наглухо укрыть корневую систему деревьев. Следы прошедших эпох не прячутся глубоко в недрах, они причудливо перемешаны между собой на поверхности земли. Реликты религиозного и нерелигиозного свойства попадают где угодно. Сдвинув булыжник на берегу озера, можно обнаружить под ним ржавый штык лагерного охранника, а под соседним валуном — каменный нож эпохи мезолита. Чёрный шар в песке при внимательном рассмотрении оказывается пушечным ядром, а рядом — поплавки для сетей, изящно скрученные из бересты руками мастера несколько веков назад. Я бережно перенёс их в соловецкий дом, на авансцену стеллажа с исследованиями, мемуарами и фотографиями.

Следы праистории высоких широт европейского Севера с тропическими лесами, превратившимися на Шпицбергене в каменный уголь, на Соловках стёрты природными катаклизмами. На островах прослеживаются только свидетельства культов послеледникового периода. Тут, по выражению моего сына, как на планете Пандора из «Аватара»: «Куда ни плюнь, попадёшь в какую-нибудь священную хрень». Валуны, очевидцы прошедших времён, сохраняют память о языческих святилищах, о владычестве монастыря, о «подвигах» советской власти. Спираль истории непрерывна, и ростки, высаженные сегодня, будут плодоносить в будущем.

Встреча с Соловецкими островами — это возможность выделить из хроники событий общий знаменатель, по которому потомки будут судить о наших временах. Природные особенности островов, памятники истории и немые свидетельства ушедших в небытие жизней создают культурно-историческому ландшафту архипелага неповторимую ауру. Соловки позволяют каждому из нас заглянуть в прошлое и будущее, подумать о своём месте в этом мире. Против неба — на земле, в языке которой слово счастье, в отличие от несчастья, не имеет множественного числа.

Тут чередование всевозможных видов эрозии вытравило напрочь и рошу монастырских крестов, и следы военного лагеря царских стрельцов, и остовы трёх бараков женского штрафного изолятора советского концлагеря. Остров восстановил свой первоначальный облик во многом благодаря тому, что мало приспособлен для постоянной жизни людей.

«Словно здесь прошла когда-то грозная туча, разразившаяся громадными многопудовыми булыжниками. Если Большой Соловецкий — мох и камень, Анзер — камень и мох, то Заяцкие острова — это камень и камень в бесконечном множестве», — так в 1924 году описал свои впечатления свидетель становления Соловецких лагерей Особого Назначения.

Стелющиеся по земле карликовые берёзы. Естественная патина времени — лишайники, не убитые, как на стенах обители, ядами гореставраторов. Камни лишь иногда укрыты ковром мхов. Тысячелетия не оставили на Заяцких островах сколько-нибудь существенно-го слоя почвы, достаточного, чтобы корневые системы деревьев могли зацепиться за него.

Первобытный пейзаж древнего святилища. Белёсые от соли валуны, зализанные льдами в незапамятные времена, равнодушно смотрят на очередных пришельцев, высаживающихся на причал первой в России каменной гавани, устроенной тут пять столетий назад.

Одинокие тюлени на незатопленных валунах. Крачки, пикирующие в волны. Ритмичное придыхание холодного моря. Кучевые облака на горизонте, вытянувшиеся цепочками, — такими их видят мореходы в океане. Ветер, уносящий запахи. Мягкий свет ниоткуда, делающий тени прозрачными. Если Анзер — это концентрация характерных свойств Соловков, то Заячки — отображение сути архипелага.

Скорченные, но не сломленные натиска-ми борея несут на Севере караульную службу кустики можжевельника из благородного южного семейства кипарисов. Вечнозелёный можжевельник у многих народов мира почитается символом перехода в мир иной, его лапами принято устилать путь к могиле.

Эпос этой земли гласит, что каменные туры над первобытными могильниками да валунные змеи-лабиринты стерегут на острове врата в обитель Туони — царство мёртвых. Если мы видим врата в потусторонний мир, то и тот мир может приглядываться к нам.

Здесь всё очень весомо. Даже камни, увезённые отсюда на материк, весят там меньше, чем на острове. Так проявляет себя Беломорская гравитационная аномалия с центром на Соловках. Природа этого феномена пока не имеет однозначного научного объяснения.

Сорок лет водил Моисей по пустыне народ Книги. Сорок пять лет, где бы ни кружили мои дороги на материке, я ежегодно возвращался на пустынный остров, ко входу в Большой лабиринт, похожий на мозг.

На Заяцком острове, в чертоге истории, общность с прошлым ощущается необычайно остро, но рассказать маме и отцу о знании, обрётённом в Соловках, я могу, лишь глядя на извилины лабиринта. Уходя, уже не брошу в море монетку. Если, однако, существует право на один звонок, то это будет звонок из лабиринта. Нужно успеть пересказать дочери и сыновьям архаичную руну из «Калевалы», рождённой в этом приполярном крае задолго до начала русской государственности.

Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невинных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе
Под горячими камнями,
Под пылающим утёсом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных.

Пространство вне времени. У двухметровой розетки кварцевых часов, вернее, солнечных часов, сложенных из обломков кварцита неизвестно кем и непонятно когда, утрачен столбик, тень от которого указывала время. Вечная минута молчания. Камни не откроют тайну, почему владыка Никон, изъязв у Соловецкого монастыря мощи святителя Филиппа, 8 июня 1652 года вдруг причалил к Заяцкому острову. В Москве митрополита ждала царская встреча, погода благоприятствовала экспедиции, а бывший соловчанин, обладавший даром пророчества, двое суток о чём-то молился над мощами другого соловчанина среди лабиринтов первобытного капища.

«Было ли это когда-нибудь со мной? Испытывал ли я что-либо подобное? Кажется, нет. Наедине со Вселенной, полное растворение в ней, разговор с вечностью... И то и не то, но что-то вроде этого. И это рядом с суетным миром, в семи-восми километрах от Соловков. Знать, не зря люди древности выбрали этот островок местом своих культовых отправлений и обрядов. Знать, и в те далекие времена они ощущали тут дыхание вечности», — записал здесь в блокноте Фёдор Абрамов.

С Заяцкого острова Соловки видятся полосой лесов над урезом воды. Взгляд невольно цепляется за Секирную гору, которая служила путеводным знаком основателям обители, когда они пересекали море. Гора невелика, в два раза ниже пирамиды Хеопса. Рядом есть пара холмов повыше, но притягивает Секирная — место проявления многих аномалий. В редкие на Севере грозовые ночи молнии, слышущие знаком божьей кары, бьют ей по макушке, замыкая невидимые цепи.

«Мёртвые хватают живых», — говорят французы, расплачиваясь за проступки предков. Признание насилия на Секирной горе чудом преобразует ангелов в приставов, кучеров — в крыс, веру — в ханжество, а море — в дом ракетносцев, способных уничтожить Землю.

Третий тост

Юр. Бр.

За Соловки! За всех! Какого чёрта
Ещё и нынче прогибают нас
Царя Петра державная ботфорта
И Сталина озлобленный указ!

За Соловки! Сама судьба устала
Завязывать и разрубать узлы,
Ковать и лить из одного металла
Колокола и кандалы.

Мешая звон кандальный с колокольным,
Прошли века и канули во тьму,
Но просто ли тебе вернуться вольным
В покинутую дедами тюрьму?

За Соловки...

*Виктор Листов
3 февраля 1989 года*

**Перечень иллюстраций
(Фотографии без указания имени
выполнены автором)**

- 5 Юрий Бродский (С. В. Лабишевский, 1990)
- 6 Виктор Ерофеев (2015)
- 8 Ход белух у мыса Белушьего (2010)
- 9 Карта Соловецкого острова, 1888. СГИАПМЗ
- 10 Бесы смущают преподобного Савватия.
Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия
Соловецких», 1623. ОР РНБ.
Соловецкое собрание, № 175
- 11 Вид на монастырь со стороны Долгой губы
(С. В. Бродская, 2009)
- 12 Городок на закате (1996)
- 14 Валун на мысе Переговорного камня (2007)
- 15 Морена на мысе Западный Печак (2008)
- 16 Пожар близ Ягодного озера (1978)
- 17 Е. Ф. Шатковская с друзьями у надгробных плит
возле Спасо-Преображенского собора (1986)
- 18 Самолёт Л-410 над кремлём (1998)
- 20 Осенние берёзы на берегу Школьной губы (2000)
- 21 Вороны (А. Е. Черенков, 2006)
- 22 Фрагмент карты тепловых потоков. НИЦЭБ
РАН, ред. В. И. Горный (2000)
- 23 Начало ледохода (Ю. Б. Гендлин, 2008)
- 24 Дамба Филипповских садков (2010)
- 25 Отполированный срез пегматита. Из коллекции
П. В. Флоренского (2000)
- 26 Урочище Исаково (1987)
- 28 Валунная россыпь на острове Большая
Муксалма (2007)
- 30 Вид с Секирной горы (1998)
- 31 Снежные заносы у восточного прясла (2000)
- 32 Дорога к Школьной губе. Осень (2010)
- 33 «Ведьмины метлы» вблизи Сельдяных ворот
(1995)
- 34 Озеро Печальное (2006)
- 36 Остров Бублик в заливе Красного озера
(1999)
- 37 Озеро Светлое Орлово
(И. А. Новосельцева, 2013)
- 38 Лишайник накипный ксантория (2004)
- 39 Лишайник бриория фермонта (2000)
- 40 Псилобитный гриб (2008)
- 41 Мухоморы (2008)
- 41 Можжевельник на побережье Белого моря
(2009)
- 42 Брусника (2010)
- 42 Вороника (2010)
- 42 Черника (2010)
- 43 Морошка (2010)
- 44 Сосна-крест. Урочище Старые Городки (2004)
- 46 Берёзовое криволесье на побережье мыса
Колгуев (2000)
- 47 Клевер (2010)
- 48 Ветреное место (В. Н. Суворов, 2013)
- 49 Рисунок з/к А. Г. Санина. Труды Соловецкого
общества краеведения. Выпуск XXI. 1929
- 50 Сосны, скрученные ветром. Мыс Лабиринтов
(1992)
- 51 Ветер на Муксалминской дамбе
(С. В. Бродская, 2009)
- 52 Журавли (А. Е. Черенков, 2000-е)
- 53 Сычик (Ю. Б. Гендлин, 2001)
- 54 Чайки (И. А. Новосельцева, 2014)
- 55 Чайки, напавшие на воронёнка
(А. Е. Черенков, 2009)
- 56 Обледеневшая стена крепости
(Ю. Б. Гендлин, А. Е. Черенков, 2010)
- 58 Крачка, кормящая птенца
(А. Е. Черенков, 2010-е)
- 60 Озеро у дороги на Реболду (2003)
- 62 Залив Старые Городки (1996)
- 63 Одуванчик (2007)
- 64 Полярное сияние (А. П. Каменев, 2013)
- 66 Письмо из бутылки (Т. С. Юшманова, 2001)
- 67 Залив Долгая губа (В. С. Уголькова, 2002)
- 68 Белухи (Ю. Б. Гендлин, 2002)
- 69 Морской заяц (А. Е. Черенков, 2008)
- 69 Нерпа (Ю. Б. Гендлин, 2005)
- 71 Лов сельди. Ю. Б. Гендлин и Д. С. Морозова
(С. В. Бродская, 2010)
- 72 Сулой в Долгой губе. Катер «Помор»
(А. В. Максимова, 2010)
- 73 Сушка водорослей на колючей проволоке
(2000)
- 73 Водолаз ПИНРО А. Н. Бреусенко.
Залив Троицкая губа (1979)
- 74 Зимний день короток. Вид с Заяцкого острова
(1984)
- 75 Разрушение ледяного припая во время отлива
(Ю. Б. Гендлин, 2004)
- 76 Карбасы драгировщиков у причала на Реболде
(1994)
- 77 Кемь. Катер «Анна-Мария». П. В. Базай (2000)
- 78 Литораль в заливе Старые Городки (2005)
- 80 Лабиринт на острове Олёшин. Архипелаг
Кузова. В. П. Базай (2007)
- 81 Прорисовка лабиринта, выполненная заключён-
ным В. С. Зотовым. Труды Соловецкого обще-
ства краеведения, 1927. Выпуск IV, табл. 1
- 82 Дольменообразное сооружение. Большой
Заяцкий остров (1998)

- 83 Каменное рубило, найденное Н. Воеводской (1980)
- 83 Каменные груды на святилище Большого Заяцкого острова (1998)
- 84 Сейд на острове Немецкий Кузов (2008)
- 85 Валун-«трон» на острове Чернецкий. Архипелаг Кузова (С. В. Бродская, 2007)
- 85 Саамские каменные выкладки на мысе Колгуев. Остров Анзер (1990)
- 86 Вход в лабиринт на Большом Заяцком острове (2005)
- 87 Ю. А. Бродский в лабиринте на острове Олешин. Архипелаг Кузова (С. В. Бродская, 2009)
- 88 Лабиринт № 3. Рисунок А. А. Евневича. Рукопись, 1934. ГМИГ КП-Д768. Музей истории ГУЛАГа. Москва (1987)
- 88 Большой лабиринт на Большом Заяцком острове (1996)
- 89 Лабиринт в базилике Сан Витале. Равенна (Е. Ю. Бродская, 2005)
- 89 Лабиринт № 1. Рисунок А. А. Евневича. Рукопись, 1934. ГМИГ КП-Д768. Музей истории ГУЛАГа. Москва (1987)
- 90 Лабиринт у Школьной губы на Большом острове. Реконструкция А. А. Куратова (2008)
- 91 Лабиринт у Школьной губы. Реконструкция А. А. Куратова (С. В. Бродская, 2008)
- 92 Святилище (К. А. Язев, 2016)
- 93 Выход из лабиринта. Е. А. Солженицын и Тав Морган (2013)
- 94 Лабиринт на Мысе Лабиринтов. Остров Анзер (1989)
- 96 Туман над Барановским озером (2013)
- 97 Савватий и Герман в лодке. Клеймо иконы «Зосима и Савватий с житием». 1755. Музей-заповедник «Кижи». КП-106/1. ДРЖ-339
- 98 Икона «Зосима и Савватий Соловецкие». 1828. Из д. Верхняя Мудьюга Онежского уезда. Реставратор Е. И. Мольская. СГИАПМЗ. КП 2306
- 99 Зосима и Герман договорились отправиться на Соловки. Клеймо иконы «Зосима и Савватий с житием». 1755. Музей-заповедник «Кижи». КП-106/1. ДРЖ-339
- 100 Зосима видит чудо — дивную церковь, висящую в воздухе. Клеймо иконы «Зосима и Савватий с житием». 1755. Музей-заповедник «Кижи». КП-106/1. ДРЖ-339
- 101 Чудо о просфоре. Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 102 Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 103 Монахи-первонасельники. Иллюстрация из «Соловецкого патерика». Издание Соловецкого монастыря, 1895
- 106 Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 107 Стела на Секирной горе, изготовленная по указанию архимандрита Александра в 1857 году. СГИАПМЗ
- 108 А. М. Горький у штрафного изолятора на Секирной горе с родственниками и чекистами. 19 июня 1929 года. Музей-квартира А. М. Горького. Москва
- 109 Крест 1837 года под Секирной горой (Я. И. Лейцингер, конец XIX в.)
- 110 Стальная вода в Подсекирном озере (Ю. А. Бродский, А. Д. Благинин, 1991)
- 112 Казни новгородцев. Фрагмент миниатюры из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 113 Стена Новгородского кремля. Фрагмент миниатюры из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 114 Макет соляной варницы. П. В. Любимский. СГИАПМЗ. НВ-1554
- 115 Игумен Филипп. Иллюстрация из «Соловецкого патерика». Издание Соловецкого монастыря, 1895
- 117 Фреска в дьяконнике Георгиевского собора в городе Старая Ладога, XII в. Реставратор В. Д. Сарабьянов (С. В. Лабишевский, 2010)
- 120 Портрет Марфы Борецкой. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII в. Автор копии, изготовленной для Соловецкого монастыря, — А. Антропов. 1722. ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архангельск. 571-ж. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006
- 122 Интерьер Успенской церкви (1988)
- 122 Интерьер Трапезной палаты (2001)
- 123 Успенская церковь (1979)
- 124 Спасо-Преображенский собор. Версия реставратора О. Д. Савицкой (2000)
- 125 Кирпичи XVI–XVII вв., выявленные В. В. Сошиным. СГИАПМЗ. К 606; К 1002
- 126 Фрагмент иконы «Богоматерь Умилиение». ДРЖ ГИМ. ВП 222. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006

- 127 Казни новгородцев. Фрагмент миниатюры из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 129 Филипп, митрополит Московский. Фрагмент иконы XVIII в. Реставратор В. А. Шапошник. СГИАПМЗ. Ж-34 (1980)
- 130 Спас Вседержитель. Фреска в куполе Спасо-Преображенского собора. Предположительно братья Спиридоновы. Рубеж XVII–XVIII вв. Атрибуция Т. М. Кольцовой
- 132 Фрагмент иконы «Святая обитель Зосимы и Савватия Соловецких». XVII в. ГТГ. № 12106
- 133 Спасо-Преображенский собор (2005)
- 134 Вид Соловецкого монастыря с Пряйдильной башни (1999)
- 136 Вид на монастырь с запада. Иллюстрация из «Соловецкого патерика». Издание Соловецкого монастыря, 1895
- 137 Вид на северное прясло крепости от Константиновской часовни (2004)
- 140 Канал начала XX в. (1989)
- 141 Здание водяной мельницы XVII в. (1991)
- 142 Скотный двор на острове Большая Муксалма (1978)
- 143 Солеварня. Фрагмент гравюры Э. Пальмквиста
- 143 Перерисовка В. А. Шапошника 1985. Архив Ю. Бродского
- 143 Корова у восточного прясла крепости (И. А. Новосельцева, 2014)
- 144 Гавань на Большом Заяцком острове (1985)
- 146 Деревянные трубы, поднятые из земли в районе Филипповской часовни при прокладке водопровода (1978)
- 147 Дорога на Реболду вблизи урочища Филिमово (2008)
- 148 Южное прясло. Вид от Белой башни (1988)
- 150 Фарватер гавани Благополучия (2007)
- 151 Северное и восточное прясла Соловецкой крепости (2000)
- 152 Колокол 1646 года, отлитый мастером Петром, с изображениями Богоматери и Доброго Пастыря. Рисунок П. К. Казаринова. Рукопись, 1934. ГМИГ КП-Д 768. Музей истории ГУЛАГа. Москва
- 152 Колокол с надписью «Меня отлил в 1627 году Assurgys Koster в Амстердаме». Рисунок П. К. Казаринова. Рукопись, 1934. ГМИГ КП-Д 768. Музей истории ГУЛАГа. Москва
- 153 Восточное прясло. Вид от Белой башни (1986)
- 154 Шторм на Святом озере (1985)
- 155 Финский (каянский) колокол. СГИАПМЗ (1978)
- 156 Графическая реконструкция фасадов зданий в северо-западной части двора Соловецкого монастыря (В. В. Сошин, О. Р. Полевая, 1980)
- 157 Красное облако над Белой башней (И. И. Калядин, 2012)
- 158 Церковный Вавилон (В. Н. Суворов, 2013)
- 160 Государевы корабли у стен монастыря. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Собрание В. А. Десницкого. № 249
- 161 Обстрел обители. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Собрание В. А. Десницкого. № 249
- 163 Никольская башня и Никольские ворота на берегу озера. Ночь (2005)
- 164 Царь Алексей Михайлович. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 165 Патриарх Никон. Барельеф на колоколе «Благовестник», отлитом в Ярославле на заводе С. Д. Чарышникова в 1860 году для Соловецкого монастыря за деньги, полученные от распродажи бронзовых ритуальных украшений, использовавшихся при погребении Николая I. СГИАПМЗ (1999)
- 167 Картина А. Д. Литовченко. 1886. ГТГ
- 169 Чёрный собор. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 170 С. В. Бродская у квасной бочки. СГИАПМЗ (2008)
- 171 Вид из окна в нижнем ярусе Успенской башни (2002)
- 172 Схимники в Филипповой пустыни (В. Ф. Якубовский, 1912). Соловки. К 20-летию возрождения Соловецкого монастыря, 2010. Стр. 57
- 173 Башня, пушка с пушкарем. (Я. И. Лейцингер) Альбом «Виды Соловецкого монастыря». 1895. № 23
- 174 Фарватер в проливе Южные Железные Ворота (2008)
- 175 Таборская часовня (1989)
- 176 Осада монастыря стрельцами. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Собрание В. А. Десницкого. № 249
- 177 Воевода Иван Мещеринов. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 179 Белая башня. Зима, ночь (1997)
- 180 Взятие обители. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 181 Монахи дают откуп. Миниатюра XVIII в. ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 182 Расправа с бунтовщиками. Старообрядческая рукопись XVIII в. «Повесть о соловецком восстании». Факсимильное издание. М.: Книга, 1981

- 183 Захват монастыря. Миниатюра XVIII в.
ОР РНБ. Фонд Н. Я. Колобова, дело № 540
- 184 Пожар в Филипповском корпусе
(Л. А. Дмитриева, 2006)
- 186 Вид на строения Андреевской пустыни (1982)
- 187 Особа Петра Великого на памятнике
«1000-летие России» в Великом Новгороде.
Скульптор Михаил Микешин. 1862
- 188 Портрет императора Петра I. Неизвестный
художник. Вторая половина XVIII в.
ГМО «Художественная культура Русского
Севера». Архангельск. 559-ж. Каталог выстав-
ки «Наследие Соловецкого монастыря». Соста-
витель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус,
2006
- 190 Памятная плита с захоронения епископа-рас-
стриги Ивана Андреевича Шамгина, умершего
в монастырской тюрьме в марте 1718 года.
СГИАПМЗ (1990)
- 191 Иисус — основатель скита на Голгофе. Иллю-
страция из «Соловецкого патерика». Издание
Соловецкого монастыря, 1895
- 191 Успенская церковь на Голгофе (2008)
- 192 Архиепископ Афанасий. Портрет работы неиз-
вестного художника конца XVIII – начала XIX в.
Атрибутирован Е. И. Ружниковой. ГМО «Худо-
жественная культура Русского Севера». 594-ж.
Архангельск
- 193 Памятная доска на Петровской часовне.
СГИАПМЗ (1985)
- 194 Модель фрегата из Святых ворот. АОКМ.
Реставратор Г. Г. Семаков. КП 3375
- 195 Пушки у стены Наместнического корпуса.
СГИАПМЗ (1975)
- 197 Врата ада. Фреска в Троицком соборе Алексан-
дро-Свирского монастыря, начало XVIII в.
(2013)
- 198 Император Пётр в образе библейского Иакова.
Фреска в Троицком соборе Александро-Свир-
ского монастыря, начало XVIII в. (2013)
- 199 Часовни вдоль западной стены монастыря
(1995)
- 200 Император Пётр I на 500-рублёвой купюре
Банка России (1997)
- 201 Фрагмент почтовой карточки. 1913.
Коллекция А. И. Сидорова. Архангельск.
Альманах «Соловецкое море», № 6, 2007
- 203 Андреевская пустынь на Большом Заяцком
острове. Вид с востока (2000)
- 204 Памятник Петру Великому на набережной
Северной Двины в Архангельске. Скульптор
Марк Антокольский (И. А. Фокина, 2010)
- 206 Нападение англичан на Соловецкий монстырь.
Металлография Ефима Яковлева. 1854
СГИАПМЗ. КП 78
- 207 Нападение англичан на Соловецкую обитель.
Брошюра «Соловецкий монастырь и его святы-
ни». Издание Соловецкого монастыря, 1884
- 208 Константиновская часовня (2000)
- 210 Соловецкое «гвоздеписание». 1950-е (1983)
- 211 Северное прясло крепости (1999)
- 212 Портрет адмирала Э. Омманея. Национальная
галерея. Лондон
- 213 Портрет архимандрита Александра. Литогра-
фия второй половины XIX в. СГИАПМЗ. Солов-
ки. К 20-летию возрождения Соловецкого мо-
настыря. 2010. Стр. 39
- 214 Соловецкая крепость. Рисунок лейтенанта
Бакли с автографом Э. Омманея. Националь-
ный архив Великобритании. UK.ADM 1/5631
- 215 Соловецкая чайка (Г. В. Шемякин, 2003)
- 216 Карта Соловецкой гавани Э. Омманея.
Национальный архив Великобритании. UK.
ADM 1/5631
- 217 Архангельская гостиница для богомольцев
со следами английских ядер
(Я. И. Лейцингер, 1888)
- 218 Российский остров Оммани. Земля Франца-
Иосифа (О. Л. Продан, 2014)
- 219 Переговорный камень. Ж. Бадон,
Ю. А. Бродский и Д. А. Муратов
(В. В. Василевский, 2015)
- 220 Колокол «Благовестник». СГИАПМЗ (1976)
- 221 Царская звонница (Я. И. Лейцингер, 1895).
История первоклассного ставропигиального
Соловецкого монастыря. Типография Е. Евдо-
кимова, 1899. Стр. 172
- 222 Секирная гора. Аэросъёмка (1987)
- 224 Вид с высоты птичьего полёта с южной
стороны (Я. И. Лейцингер, 1888). История
первоклассного ставропигиального Соловец-
кого монастыря. Типография Е. Евдокимова,
1899. Оглавление
- 226 Соловки. Савватиевский скит. Этюд А. А. Бори-
сова. 1886. ГМО «Художественная культу-
ра Русского Севера». Архангельск. 232-ж
- 227 Стела в Савватиеве в память об обороне мона-
стыря в 1854 году (2005)
- 228 Титульный лист и отчёты капитанов «Бриска»
и «Миранды» о расходовании боеприпасов
при обстреле Соловецкой крепости 18–19 июля
1854 года. Национальный архив Великобрита-
нии. UK.ADM 1/5631
- 229 Стелы при входе в Спасо-Преображенский

- собор в память об обороне монастыря в 1854 году. СГИАПМЗ (1990)
- 229 Обелиски у дока в память об обороне монастыря 1854 года. СГИАПМЗ (1976)
- 230 Вид ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Начало XX в. Хромолитография И. Морозова. Москва. ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архангельск. 23484-КП. 2003. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006
- 231 Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». 1623. ОР РНБ. Соловецкое собрание. № 175
- 232 Затопленный карбас (Ю. Б. Гендлин, 2006)
- 233 Портрет архимандрита Димитрия. Неизвестный художник. Вторая половина XIX в. ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архангельск. 560-ж. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006
- 234 Обелиск у сухого дока в память об обороне 1854 года (2003)
- 235 И. И. Калядин у мемориального камня на Александровой горе (2013)
- 236 Монастырская лавочка. Рисунок з/к А. Э. Миганаджиана. 1930-е. СГИАПМЗ
- 237 Молодой монах. Этюд А. А. Борисова. Начало XX в. ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архангельск. 484-ж. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006
- 238 Гавань в Соловецком монастыре. Картина А. А. Борисова. 1912. ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архангельск. 548-ж. Каталог выставки «Наследие Соловецкого монастыря». Составитель Т. М. Кольцова. Издательство СканРус, 2006
- 239 Роспись в алтаре Благовещенской церкви (1988)
- 240 Здание биостанции XIX в. (1991)
- 241 Набережная Святого озера (Я. И. Лейцингер, конец XIX в.). По северо-западу России. К. К. Случевский. Издание А. А. Маркса, 1897. Стр. 255
- 241 Столб с датой «1895» (1995)
- 242 Вид на кремль с Сельдяного мыса. Закат (2004)
- 244 Петушиное царство (Ю. И. Соберг, 1908–1910). СГИАПМЗ
- 244 Птичник на острове Большая Муксалма (Ю. И. Соберг, 1908–1910). АОКМ. 663 КФОФ
- 245 Иеродьякон Иринарх (С. Н. Михеев, 1960–1994). Первый постриженник Соловецкого монастыря, возобновившего свою деятельность после краха власти коммунистов
- 246 Горластая чайка (Д. А. Дервенёв, 2014)
- 247 Приход парохода «Соловецкий» (Я. И. Лейцингер, 1895). История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Типография Е. Евдокимова, 1899. Стр. 177
- 248 Сухой док (1987)
- 250 Канал из озера Плотица в озеро Большое Корзино (1997)
- 251 Строительство канала из озера Большое Белое в озеро Валдай (С. М. Проскудин-Горский, 1916)
- 251 Шлюз на канале между озёрами Круглое Орлово и Щучье. Рисунок А. А. Евневича. Рукопись, 1934. ГМИГ КП-Д768. Музей истории ГУЛАГа. Москва
- 252 Канал к озеру Большое Красное (1988)
- 253 Преображенская гостиница — штаб учебного отряда Северного флота (1987)
- 255 Арка под дамбой на остров Большая Муксалма (1998)
- 256 Часовня в Филипповой пустыни (В. Ф. Якубовский, 1912). Соловки. К 20-летию возрождения Соловецкого монастыря, 2010. Стр. 56
- 258 Павел Флоренский. Рисунок з/к Д. И. Иванова, 1935. Архив семьи Флоренских
- 259 Картина В. Г. Перова. 1861. ГТГ. Зал 17
- 260 Отражения (М. Олбак, 1996)
- 262 Полнолуние (1978)
- 263 Иоанн Предтеча в темнице. Клеймо из частично сохранившейся иконы «Иоанн Предтеча с житием». Византия. Конец XIV – начало XV в. Собрание ДРЖ ГИМ. Атрибуция И. Л. Кызласовой. Русская икона XIV–XV вв. ГИМ. Кат. 101
- 265 Зосима и Савватий у окна с решёткой. Средник иконы XVII в. Реставратор В. А. Шапошник. СГИАПМЗ. КП 2791. Соловецкий сборник № 6, 2010. Публикация Т. М. Кольцовой
- 266 Зарешеченное окно в монастыре (1988)
- 267 Зарешеченный лаз в подклете под Сушилом (2004)
- 268 Ворота за захабом в первом ярусе Белой башни (1985)
- 269 Флаг Соловецкого монастыря. 1890. Альбом штандартов, флагов и вымпелов Российской империи и иностранных государств. Издание Главного гидрографического управления. С-Пб., 1904. Стр. 104
- 270 Законсервированный вход в монастырскую Голвлёнковскую тюрьму, обнаруженную археологом В.А. Буровым (2010)
- 272 Надгробие Авраамия Палицына (1981)

- 273 Портрет П. А. Толстого (1645–1729). Художник И. Г. Таннауэр. 1819. Государственный Эрмитаж
- 274 Паломницы в Никольских воротах (2008)
- 276 Бюст атамана П. Кальнишевского, поставленный в подклете Сушила в 2004 году усердием Фонда Андрея Первозванного. Армированный гипс (2010)
- 277 Надгробная плита с могилы атамана П. Кальнишевского (2002)
- 278 Старая решётка (1989)
- 280 Вид через ров на Арестантскую (Флагмачтовую) башню (2003)
- 282 Монастырское кладбище (Я. И. Лейцингер, конец XIX в.). История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. Типография Е. Евдокимова, 1899. Стр. 195
- 284 Окно в стене Сушила (1978)
- 287 Иисус страждущий. Экспонат музея Соловецкого концлагеря. 1920-е
- 288 Полковник П. И. Ганнибал. Миниатюра неизвестного художника. 1810-е
- 289 Мемориальная доска на стене здания бывшей монастырской тюрьмы (1976)
- 290 Казематы под Белой башней (1999)
- 292 Кремль. Зима. Авиа (1997)
- 294 Здание монастырской тюрьмы, в котором размещался Соловецкий островной Совет народных депутатов (1999)
- 295 Скит на Секирной горе. Иллюстрация из «Соловецкого патерика». Издание Соловецкого монастыря. 1895
- 296 Валунная кладка крепостной стены (2000)
- 298 Монах в гимнастёрке у поста № 1. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 299 Символ веры. Фрагмент (1978)
- 300 Портрет архимандрита Иоанникия. Фото конца XIX в. СГИАПМЗ
- 301 Портрет архимандрита Вениамина. Фото 1910-х. СГИАПМЗ. Соловки. К 20-летию возрождения Соловецкого монастыря. 2010. Стр. 39
- 302 Прапор (флюгер) на Архангельской башне с датой основания лагеря (1979)
- 303 Документы о создании лагеря 1920–1923 годов. ГАО. Фонд 352. Фонд 458
- 304 Шарж з/к Николая Качалина. 1925. Газета «Новые Соловки», № 32
- 305 Монахи в келье. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 305 Наместнический корпус — жилище братии монастыря во времена СЛОНа (1999)
- 306 Вид монастыря с Никольской башни (А. А. Карпов и В. В. Кратюк, 1923). Музей истории ГУЛАГа. Москва. Альбом фотографий 1920–1930-х годов. ГМИГ-КП-882
- 307 Юбилейный список монашествующей братии. 1929. СГИАПМЗ. КП 7927. Соловецкий сборник № 2, 2005. Публикация С. Б. Балан
- 308 Монах в гимнастёрке, разделяющий финским ножом белуху. Фото до 1929 года. Музей истории ГУЛАГа. Москва. Альбом фотографий 1920–1930-х. ГМИГ-КП-882
- 308 Монахи, выходящие из Онуфриевской церкви. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 309 Соловецкий монастырь после пожара 1932 года (М. М. Пришвин, 1933). Музей-усадьба М. М. Пришвина
- 310 Фрагмент 500-рублёвой купюры образца 1997 года (2000)
- 310 Этап на причале у здания УСЛОНа. Середина 1920-х. Архив Н. Я. Каулина (1987)
- 311 Бойцы внутренней охраны СЛОНа. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 312 Барак Рабочего городка СЛОНа (1987)
- 312 Строительство Рабочего городка в 1927–1928 гг. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 313 Члены Соловецкого общества краеведения УСЛОНа. 1927. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 314 Чайка. Рисунок художника з/к Н. Качалина. Журнал «СЛОН», № 1. 1925
- 329 Портрет А. М. Горького на территории лагеря. 1929. Архив Е. В. Дворжецкого
- 314 Вход в театр 1-го отделения СЛОНа. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 315 Разгрузочная комиссия ОГПУ СССР и руководство УСЛОНа. Фото середины 1920-х. Музей истории ГУЛАГа. Москва. Альбом фотографий 1920–1930-х годов. ГМИГ-КП-882
- 316 Руководитель пушхоза К. Г. Туомайнен. Начало 1930-х. СГИАПМЗ
- 316 Вольеры Пушхоза на Лисьем острове в Долгой губе. Середина 1920-х. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 317 Здание карцера на Секирной горе (М. М. Пришвин, 1933). Музей-усадьба М. М. Пришвина
- 317 Портал ворот лагпункта Гора Секирная. Фрагмент (М. М. Пришвин, 1933). Музей-усадьба М. М. Пришвина

- 319 Тупик железной дороги у лагерного причала (1978)
- 321 План города Кемь (В. С. Зотов, 1929). Архив НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург
- 322 Магазин УСЛОНа на острове Революции. Фото 1929 года. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 322 Ресторан УСЛОНа в Кеми. Фото 1929 года. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 323 Этап у ворот Кемского пересыльного пункта. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 324 Фасад здания УСЛОНа в Кеми. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 325 Конец смены на Кирпичном заводе. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 326 Портрет з/к Л. В. Курчевского. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 327 Лесозаготовки. 1929. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 328 А. М. Горький и Г. И. Бокий в сельхозе на острове Большая Муксалма. 1929. Архив С. И. Моисеева. Петрозаводск
- 329 Портрет А. М. Горького. 1929. Архив Е. В. Дворжецкого
- 330 Валун в районе лесозаготовок. Сосновая губа (1989)
- 331 Нансеновский паспорт Созерко Мальсагова. 1925. Архив А. М. Яндиевой
- 332 Узницы на пароходе «Глеб Бокий». Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 332 Этап у женского барака. Кадр из фильма «Соловки». Режиссёр А. А. Черкасов, 1927–1928
- 333 Лагпункт. Гора Секирная (1987)
- 334 Путь на Секирную гору (1975)
- 335 Е. И. Ярославская-Макрон. Лагерное дело, 1930. Архив МВД, Республика Карелия (1990)
- 335 А. Б. Ярославский. Лагерное дело 47/1822, 1929. Архив МВД, Республика Карелия (1990)
- 336 Лагпункт Голгофа (1987)
- 338 Голгофа. Граффито 1937 г. (1979)
- 339 Лозунг в лагерном отделении Савватиево. Вторая половина 1920-х (1982)
- 339 Руководство и бойцы 4-го полка ОДОН в лагерном отделении Савватиево. Фото второй половины 1920-х. Музей истории ГУЛАГа. Москва. Альбом фотографий, 1920–1930-е. ГМИГ-КП-882
- 340 Начальник УСЛОНа Ф. И. Эйхманс и командир-комиссар полка охраны И. Я. Сухов на охоте. Вторая половина 1920-х.
- 341 Лестничный пролёт Большого тюремного корпуса, 1939 (2009)
- 342 Здание Большого тюремного корпуса, возведённое в 1939 году (1982)
- 343 Граффито неизвестного заключённого в алтаре храма на Секирной горе, 1930-е (1998)
- 344 Вид из тюремного окна (2010)
- 345 Вид кремлёвского двора из фонаря Белой башни (1976)
- 347 Соловецкий кремль из иллюминатора самолёта Ил-14 (1979)
- 348 Берёзовое криволесье у Школьной губы (Ю. Б. Гендлин, 2005)
- 349 Тральщики Соловецкого учебного отряда (1976)
- 350 След пули на колоколе «Благовестник» (2009)
- 351 Аэросъёмка Соловков, 1943. Архив Вернера Хорста. Фото получено от М. Н. Супруна
- 352 Кресты в лесу вблизи Станового озера (1988)
- 353 Дом в Исаково (М. М. Пришвин, 1933). Музей-усадьба М. М. Пришвина в Дунино
- 353 Трава над могильными ямами (2012)
- 354 Каретный сарай на северном склоне Секирной горы (Ю. Б. Гендлин, 2004)
- 355 Ступени южного входа на паперть Спасо-Преображенского собора (1989)
- 356 Козлы брежневской эпохи (1997)
- 357 Гавань и здание УСЛОНа (М. М. Пришвин, 1933). Музей-усадьба М. М. Пришвина в Дунино
- 359 Новобратский корпус (1973)
- 360 Строительство узкоколейной железной дороги. 1920-е. Музей-квартира А. М. Горького. Нижний Новгород
- 362 Портрет О. В. Волкова. 1930-е
- 363 Памятник «Расстрел с ангелом хранителем». Сандармох. Скульптор Г. Б. Салтуп (1998) (В 2006 году барельеф с неканоническим ангелом сбит вандалами.)
- 364 Вид монастырского двора. 1948. Фототека Музея архитектуры им. А. В. Щусева
- 366 Солнечное гало (Т. А. Мешкова, 2013)
- 367 Барельеф на трофейном финском колоколе. СГИАПМЗ (М. С. Скрипкин, 2014)
368. Обложка книги Ю. Бродского «Соловки. Концлагерь в монастыре». Милан. Матрёнин двор, 1989
- 369 Маяк на Секирной горе (1981)
- 370 Портрет Френсиса Грина. Художник В. С. Цирцнес, 2000. Магадан
- 371 Месса у места развалин Германовской часовни (2006)

- 372 Они боролись за свободу народа, честь и достоинство личности. Памятник заключённым Савватиевского политсита, убитым охраной концлагеря 19 декабря 1923 года (И. А. Флиге, 2013)
- 374 Портрет Хелены Овсяны. Соловки (1994)
- 375 Карта размещения объектов СЛОНа. 1932. Сборник документов МВД Республики Польша. «Концлагеря ОГПУ в СССР». Редактор Григорий Якубовский. Варшава, 1992
- 376 Писатель Фен Монтейн в Соловках на Щучьем озере (1992)
- 378 Вскрытие мощей Зосимы и Савватия Соловецких. Журнал «Карело-Мурманский край». Библиотека Государственного архива Республики Карелия. Фото 22 сентября 1925 г.
- 379 Процессия возвращения мощей основателей Соловецкого монастыря (1992)
- 380 Портрет писателя А. Г. Битова (1981)
- 381 Интерьер экспозиции об истории Соловецких лагерей (1989)
- 382 Портрет художника А. В. Баженова. Старые Городки. Анзер (1986)
- 383 Этюд А. В. Баженова. «Преображение». 1976. Собрание Ю. А. Бродского
- 384 Картина А. Баженова. «Солнце за облаками». 1996. Собрание Ю. А. Бродского
- 386 «Космология». Валун на мысе Западный Печак (2001)
- 387 «Соловки». Ася Куратова (А. А. Гогтер-Грониг), 1985. Собственность автора
- 388 Теплоходы у понтонного причала (1985)
- 389 Выход жилы кварцита на острове Топы (2003)
- 390 Водосвятие по воскресеньям (2007)
- 391 Фрагмент крышки раки свт. Филиппа, XVII в. Собрание Музеев Московского Кремля
- 394 Летняя школа юнг, парад (2013)
- 395 Кремль в прицеле (А. А. Базаджиев, 1975)
- 396 Архитектор О. Д. Савицкая (1976)
- 396 Архитектор В. В. Сошин (1989)
- 397 Стадо оленей на мысе Колгуев (1990)
- 398 Портрет геолога С. Б. Шишмарёва. Штерн, 1988. Собственность автора
- 398 Правозащитник С. В. Кривенко (1998)
- 399 Писатель Ф. А. Абрамов (1979)
- 400 Болото у дороги на Реболду (1985)
- 401 Орнитолог А. Е. Черенков (1983)
- 402 Ночная панорама Соловецкого монастыря (2008)
- 404 Добыча ламинарии в Анзерской салме. Драгировщик В. Д. Шаров (1985)
- 405 Крест от яхтсменов на земле святылища (2012)
- 406 Скрипач Сергей Королёв (1988)
- 407 Д. Ю. Бродский. Озёрно-канальная система (2011)
- 408 Строения Сергиева скита на Большой Муксалме (1984)
- 409 М. Е. Голдовская, А. Л. Хасин, С. Д. Аранович. «Ленфильм» (1988)
- 410 Шторм в Кислой губе (А. Е. Черенков, 2013)
- 412 В. В. Ерофеев. Захоронения расстрелянных узников СЛОНа на Секирной горе (2015)
- 413 Мосточки на Анзере (2008)
- 415 Знамя, вручённое полку охраны СЛОНа после убийства политзаключённых 19 декабря 1923 г.
- 416 Н. А. Френкель (А. М. Родченко, 1931–1932)
- 418 Экскурсовод Л. А. Садовская (1973)
- 419 Символ веры (1978)
- 420 Закат звезды (1984)
- 421 Пожар купола колокольни (1985)
- 423 Мачта монастырского судна «Святитель Николай» (В. Н. Суворов, 2013)
- 425 Постирушки матушек (2014)
- 426 Монастырский забор вокруг урочища Исаково (2014)
- 427 Настоятель Соловецкого монастыря, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и наместник архимандрит Порфирий на святылище Большого Заяцкого острова. Выставка «Соловки в деталях» (С. А. Яковлев, 2010)
- 428 Закат над монастырём (1992)
- 430 Святылище (1999)
- 431 Жизнь продолжается (2006)
- 433 Вид из святылища (2015)
- 434 Лебединая стая (А. Е. Черенков, 2012)
- 436 Мой друг Жаки Бадон. Говорят, что где-то есть острова, где неправда не бывает права... (2015)
- 446 Антенны у Святого озера (1996)

Сокращения, использованные в перечне иллюстраций

АОКМ — Архангельский областной краеведческий музей

ГАОО — Государственный архив Архангельской области

ГМО — Государственное музейное объединение

ГТГ — Всероссийское музейное объединение

«Государственная Третьяковская галерея»

ДРЖ ГИМ — отдел древнерусской живописи

Государственного исторического музея

з/к — заключённый

НИЦ «Мемориал» — научно-информационный центр «Мемориал»

НИЦЭБ РАН — Научно-исследовательский центр экологической безопасности Российской академии наук

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПИНРО — Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича

СГИАПМЗ — Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник»

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Предисловие	6
Эпиталама островам	9
Полярный оазис в зоне циклонов	21
Корона архипелага	63
Проекция змея	81
Краеугольный камень	97
Новгородский след	113
Государство в государстве	137
Остров Буян	161
Царь-Антихрист	187
Северный сюжет южной комедии ошибок	207
Крестьянское царство	231
Синдром Секирной горы	263
Первые лагеря ГУЛАГа	299
По ком звонит соловецкий колокол	349
Взгляд снаружи	367
Реальность, которая больше себя самой	387
Зона шуток не принимает	413
Звонок из лабиринта	431
Перечень иллюстраций	438

Бродский
Юрий Аркадьевич

СОЛОВКИ.
ЛАБИРИНТ ПРЕОБРАЖЕНИЙ

Дизайн, вёрстка
Новосельцева И. А.

Литературный редактор
Захаровская Н. Л.

Корректор
Кроль И. Е.

Сканирование
Лабишевский С. В.

Подготовка к печати
Доронин Г. С.

Координатор проекта
Емелина Ю. А.

Формат 60х90/8. Бумага мел. 115 г/м²
Печ. л. 56,0. Тираж 1000 экз. Заказ №162059
Подписано в печать 01.12.2016

Отпечатано ООО Типография «Август Борг»
105264, Москва, Амурская ул., д. 5, корп. 2
Тел.: +7 (495) 787-06-77
e-mail: info@augustborg.ru

АНО Редакционно-издательский дом «Новая газета»
101000, Москва, Потаповский пер., д. 3
Тел.: +7 (495) 926-20-01
e-mail: 2016@novayagazeta.ru

ISBN 978-5-91147-027-2

9 785911 470272